

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
258

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2020

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 258. 2020

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.258

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Внуков С. Ю., Ильина Т. А., Муратова М. Б., Ольховский С. В., Смокотина А. В.</i> Терракотовая мужская голова из бухты у мыса Ак-Бурун: предварительные результаты исследования и новые вопросы	7
<i>Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н.</i> Клад пантикапейских монет начала III в. до н. э. с хоры Фанагории (2019 г.)	19
<i>Макаров Н. А., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М.</i> Невидимые святыни. Вложения в средневековых крестах-энколпионах по данным комплексных аналитических исследований.	25

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

<i>Зальцман Э. Б.</i> Культурная и хронологическая принадлежность среднеолитических материалов с поселений Ушаково 3 и Прибрежное	46
<i>Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А.</i> Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье	65
<i>Ковалев А. А.</i> Хронология переднеазиатских и закавказских аналогий «украшениям» культур Предкавказья первой половины III тыс. до н. э.	75
<i>Немировский А. А., Ясеновская А. А., Шелестин В. Ю.</i> Сцена триумфа над поверженным врагом на оттиске печати из Кюль-тепе (собрание ГМИИ им. А.С. Пушкина, I 2 б 1598)	95
<i>Березин Я. Б., Клещенко А. А.</i> Погребальные комплексы эпохи бронзы и раннего железного века из курганных могильников Успенский I и Успенский II на северо-западе Ставрополя	105
<i>Балабина В. И.</i> Налепные головки на керамике последнего халколитического горизонта теля Юнаците	126
<i>Мельник В. И.</i> К проблеме ранних фаз формирования катакомбных культур	137
<i>Лобода А. Ю., Шишлина Н. И.</i> Серпы Сосново-Мазинского клада: реконструкция производства и вероятного использования на основе данных метрического и трасологического анализа	151

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

<i>Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.</i> Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок объединенной северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН В 2015 г.)	165
<i>Сиротин С. В.</i> Дромосное погребение IV в. до н. э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале	181
<i>Попова Е. А.</i> Детские погребения на городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму	201

<i>Завойкин А. А., Чашук М. С.</i> Подвал на акрополе Фанагории	213
<i>Мальшев А. А., Дрыга Д. О., Колесник Д. А.</i> Комплекс башенного сооружения Раевского городища: некоторые результаты комплексных исследований	232
<i>Завойкина Н. В.</i> Граффито ок. 520-х гг. до н. э. из Фанагории	245

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

<i>Холошин П. Р.</i> Формы глиняных сосудов Малышевского могильника	260
<i>Сайтудинов М. Ш.</i> Керамика Ирганайского I поселения эпохи средней бронзы: анализ исходного сырья и составов формовочных масс	278

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Никитина Т. Б., Пузаткина Е. А., Добровольская М. В.</i> Кремации в средневековых памятниках Поветлужья: биоархеологические аспекты исследования	294
<i>Казарницкий А. А., Туркина И. С.</i> О позах «спящих» в погребениях эпохи бронзы	313
<i>Смекалова Т. Н., Науменко В. Е., Кулькова М. А., Завадская И. А., Беван Б. В.</i> Естественнонаучные методы в изучении раннесредневекового керамического центра Илька 2 в Горном Крыму и его продукции	326
<i>Болелов С. Б., Колганова Г. Ю., Никифоров М. Г., Семикопенко Г. П.</i> Новые данные об археологических памятниках на территории древнего Хорезма по результатам обработки спутниковых снимков	340
<i>Леонтьев А. Е., Гавритухин И. О., Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.</i> Редкая находка на раннесредневековом городище Выжегша	350
<i>Несмиян О. А., Щербаков В. Л.</i> Изделия из железа и стали в коллекции селища Ключково 2	362
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	378
ОТ РЕДАКЦИИ	381

CONTENTS

NEW DISCOVERIES AND MATERIALS

<i>Vnukov S. Yu., Il'ina T. A., Muratova M. B., Olkhovskiy S. V., Smokotina A. V.</i> The Terracotta Male Head from the Bay near Ak-Burun Cape: Preliminary Results of Research and New Questions.	7
<i>Abramzon M. G., Ostapenko S. N.</i> The Hoard of the Early Third Century BC Panticapaeum Coins from the Chora of Phanagoria (2019)	19
<i>Makarov N. A., Greshnikov E. A., Zaytseva I. E., Podurets K. M., Kovalenko E. S., Murashev M. M.</i> Invisible Holy Relics. Relics and Materials Inserted in Medieval Reliquary Crosses Based on the Data from Comprehensive Analytical Studies	25

FROM STONE TO BRONZE

<i>Zaltsman E. B.</i> Cultural and Chronological Attribution of Middle Neolithic Materials from the Settlements Ushakovo 3 and Pribrezhnoye	46
<i>Vybornov A. A., Doga N. S., Kul'kova M. A.</i> The Variant of the Transition to the Eneolithic in the Lower Volga Region	65
<i>Kovalev A. A.</i> Chronology of Western Asian and Transcaucasian Artifacts Similar to the Fore-Caucasus Bronze Adornments of the First Half of III millennium BC	75
<i>Nemirovskiy A. A., Iasenovskaia A. A., Shelestin V. Yu.</i> The Scene of Triumph over the Defeated Enemy on the Sealing from Kültepe (collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, I 2 b 1598)	95
<i>Berezin Ya. B., Kleshchenko A. A.</i> Burial Assemblages of the Bronze and the Early Iron Ages from the Uspenskiy I and Uspenskiy II Kurgan Cemeteries in the Northwestern Part of the Stavropol Region.	105
<i>Balabina V. I.</i> Applied Relieves in the Form of Heads on the Ceramics from the Upper Chalcolithic Horizon of Tell Yunatsite.	126
<i>Melnik V. I.</i> The Early Development Phases of Catacomb Cultures Revisited.	137
<i>Loboda A. Yu., Shishlina N. I.</i> Sickles from the Sosnovaya Maza Hoard: Reconstruction of Production Techniques and Possible Use Based on the Data from Metric and Tracewear Analyses	151

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

<i>Kadieva A. A., Valchak S. B., Demidenko S. V.</i> Male Graves of the Pre-Scythian Period with the Deceased Lying in the Extended Position at Zayukovo-3 (2015 excavations of the Joint North Caucasus Archaeological Expedition of the GIM, KBSU and IA RAS)	165
<i>Sirotnin S. V.</i> The Dromos Burial of the Fourth Century BC from Kurgan 12 at the Perevolochan I Cemetery in the South Urals Region	181
<i>Popova E. A.</i> Children's Graves at the Chayka Settlement in the Northwestern Crimea.	201
<i>Zavoykin A. A., Chashuk M. S.</i> A Basement at the Phanagoria Acropolis	213

<i>Malyshev A. A., Dryga D. O., Kolesnik D. A.</i> The Tower Complex of the Rayevskoye Hillfort: Some Results of Comprehensive Studies	232
<i>Zavoykina N. V.</i> A Graffito of ca. 520s BC from Phanagoria	245

RESEARCH OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Kholoshin P. R.</i> Shapes of Clay Vessels from the Malyshevo Burial Ground	260
<i>Saypudinov M. Sh.</i> Ceramics from Bronze Age Settlement Irganay I: Analysis of Feedstock and Compositions of Forming Masses	278

METHODS OF NATURAL SCIENCES
IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

<i>Nikitina T. B., Puzatkina E. A., Dobrovolskaya M. V.</i> Cremation at Medieval Sites of the Vetluga Region: Bioarchaeological Aspects of Research	294
<i>Kazarnitskiy A. A., Turkina I. S.</i> «Sleeping» Positions in the Bronze Age Burials.	313
<i>Smekalova T. N., Naumenko V. E., Kul'kova M. A., Zavadskaya I. A., Bevan B. V.</i> Scientific Methods in the Studies of the Ilka 2 Medieval Ceramic Center in the Mountainous Crimea and its Products.	326
<i>Bolelov S. B., Kolganova G. Yu., Nikiforov M. G., Semikopenko G. P.</i> New Data on Archaeological Sites in Ancient Khwārezm Based on Satellite Image Interpretation	340
<i>Leont'yev A. E., Gavritukhin I. O., Saprykina I. A., Pel'gunova L. A.</i> A Rare Find in the Early Medieval Fortified Site of Vyzhegsha	350
<i>Nesmiyan O. A., Shcherbakov V. L.</i> Iron and Steel Artifacts from the Klochkovo 2 Collection	362
ABBREVIATIONS	378
SUBMISSION GUIDE	381

С. Ю. Внуков, Т. А. Ильина, М. Б. Муратова,
С. В. Ольховский, А. В. Смокотина

ТЕРРАКОТОВАЯ МУЖСКАЯ ГОЛОВА ИЗ БУХТЫ У МЫСА АК-БУРУН: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И НОВЫЕ ВОПРОСЫ*

Резюме. Статья представляет собой предварительную публикацию фрагментированной терракотовой головы, изображающей бородатого мужчину, найденной в 2017 г. в результате подводных раскопок у мыса Ак-Бурун¹. Подробно рассматривается технология изготовления головы, а также предпринимаются поиски аналогий и выяснение ее возможного функционального назначения.

Ключевые слова: терракотовая скульптура, технология изготовления, пигменты, свободно стоящая скульптура, архитектурная скульптура.

Фрагментированная терракотовая голова, изображающая бородатого мужчину (рис. 1), была найдена весной 2017 г. при подводных археологических раскопках на трассе Крымского моста в Керченской бухте, в раскопе № 278-ЖД, сектор № 3, на глубине 0,7 м ниже поверхности дна (рис. 2). Первые результаты этих работ были опубликованы ранее (Ольховский, Степанов, 2016; Ольховский, 2017). В результате анализа новых данных есть основания полагать, что обнаруженное здесь керамическое скопление происходит из перемещенного культурного слоя акватории порта Пантикапея, сброшенного в море у мыса Ак-Бурун при дноуглублении Генуэзской гавани Керчи в 1970-х гг., и изучаемый предмет явно происходит с этого участка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-00-01104 КОМФИ).

¹ Авторы выражают благодарность руководству Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника за предоставленную возможность работы с музейным предметом.

Рис. 1. . Фрагмент терракотовой скульптуры: голова бородатого мужчины. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, КП-190673

Комплекс находок изучаемого памятника представлен преимущественно тарной, кухонной, столовой и строительной керамикой, крышками, светильниками, лутериями. Особенностью коллекции является многочисленность археологически целых форм, широко датируемых V в. до н. э. – XIII в. н. э. До 70 % керамического комплекса составляют амфоры, 80 % из них датируются IV–III вв. до н. э. и происходят из региона Эгейского моря, 20 % – из южно-понтийских центров и Колхиды. Среди столовой керамики преобладает понтийская, аттическая и малоазийская посуда IV–II вв. до н. э. Более ранний материал второй половины/последней четверти VI – V вв. до н. э. представлен

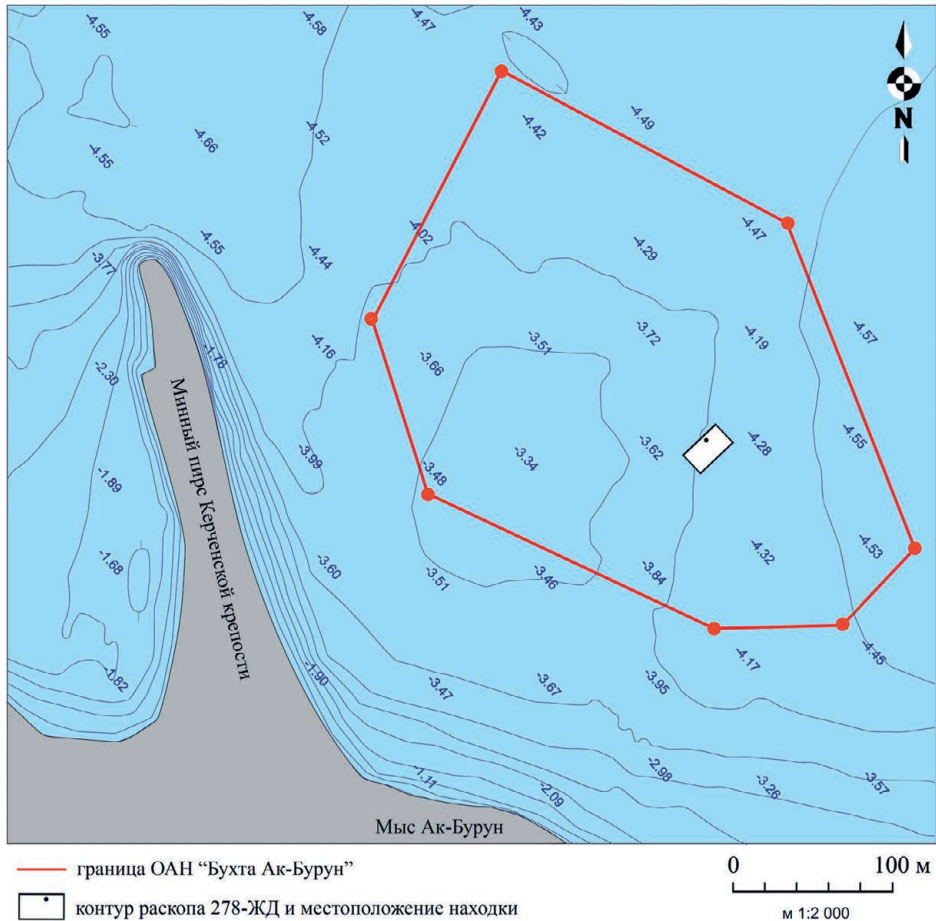

Рис. 2. План-схема ОАН «Бухта Ак-Бурун» и местоположение находки

немногочисленными находками амфор ранних типов различных центров (Хиоса, Фасоса, Клазомен, Милета, Лесбоса, Коринфа, Северной Эгеиды), обломками сосудов с росписью лаком (фрагментов хиосских столовых сосудов, североионийской простой полосатой керамики второй половины VI – начала V вв. до н. э.), некоторыми фрагментами чернолаковых сосудов (по информации Т. В. Егоровой, с последней четверти VI в. до н. э.). Результаты обработки коллекции из почти 70 000 находок готовятся к публикации.

Изучаемый предмет представляет собой фрагмент терракотовой монументальной скульптуры мужчины, от которой до нас дошла только голова. Хорошо сохранилась лицевая часть от макушки до кончика бороды. Полностью отбиты затылок и левая височная часть от края левого глаза. Высота предмета составила 27,0 см, ширина – 15,0 см, глубина – 8,0 см. В области темени по центру проделано отверстие круглой формы, передний край которого заглажен вручную.

Большая часть отверстия утрачена вместе с затылочной частью головы, его диаметр составлял около 5,5 см. Подобные отверстия проделывали в технологических целях – для выхода воздуха при высокотемпературном обжиге (*Бритова*, 1969. С. 125; *Bookidis*, 2010. Р. 74). Наличие такого отверстия позволяет предположить, что скульптура была полая.

Керамическая масса изделия на изломе имеет светло-серый цвет с зеленоватым оттенком. Она насыщена большим количеством крупных зерен пироксена. Толщина черепка колеблется от 2,0 до 3,5 см. В ходе осмотра поверхности терракоты в продолговатых углублениях, передающих пряди волос и бороды, были найдены остатки смолы. Исследование их с помощью радиоуглеродного анализа² позволило датировать памятник с высокой долей вероятности последней четвертью V в. до н. э. (рис. 3). Судя по глине, скульптура является импортом. Так, керамическая масса сероватых оттенков с большим количеством пироксена характерна для изделий Синопы. С другой стороны, производство подобных терракот в обозначенный период в Синопе археологически не зафиксировано. Похожая по цвету и текстуре керамическая масса характерна и для италийской коропластики (см., например, *Lulof*, 1996. Р. 12–17). Поэтому до проведения специальных анализов глины вопрос о регионе производства остается открытым (*Jones*, 1986; *Hein et al.*, 2002; *Jilditch*, 2016).

Исследуемый предмет представляет изображение зрелого мужчины с вытянутым овалом лица, обросшего густой бородой. Низкий лоб оконтурен валиком волос. Пряди переданы неглубокими насечками, расходящимися от центра к бокам. Над лбом они трактованы в четыре ряда, сбоку – за ухом – спадают длинными прядями, доходящими до основания шеи. Большие близко посаженные глаза обрамлены рельефными валиками век; их контур повторяют симметричные жесткие дуги надбровий. Зрачки намечены чуть большим объемом глиняной массы и, по всей вероятности, были также переданы в цвете. Нос – прямой и тонкий в переносице, со слегка вздернутым кверху кончиком. Интересно, что между основанием носа и верхней губой практически отсутствует промежуток. Складывается впечатление, что вислые усы, обозначенные, как и борода, короткими насечками, вырастают прямо из носогубной складки. Кончики рта опущены вниз, нижняя губа чуть толще верхней. Объем щек и скул не моделирован. Подбородок закрыт окладистой бородой. Как и прическа, борода трактована парными насечками, идущими параллельно друг другу от края к центру. На внутренней стороне терракоты заметны бороздки от пальцев мастера. Их направление позволяет предположить, что голова была слегка наклонена вперед. Отсутствие какой-либо моделировки ее боковой сохранившейся стороны предполагает фронтальное восприятия памятника.

Пропорции и общий облик рассматриваемой терракоты близки изображению мужских персонажей на метопах храма Зевса в Олимпии – Геракла и Атласа (*Stewart*, 1990. Vol. II. Pl. 278, 284). Однако отдельные черты не характерны для греческой скульптуры эпохи классики. Так, строгая симметрия лица, заданная

² Авторы благодарят Э. А. Грешникова за идею определить датировку памятника по остаткам смолы с помощью радиоуглеродного анализа.

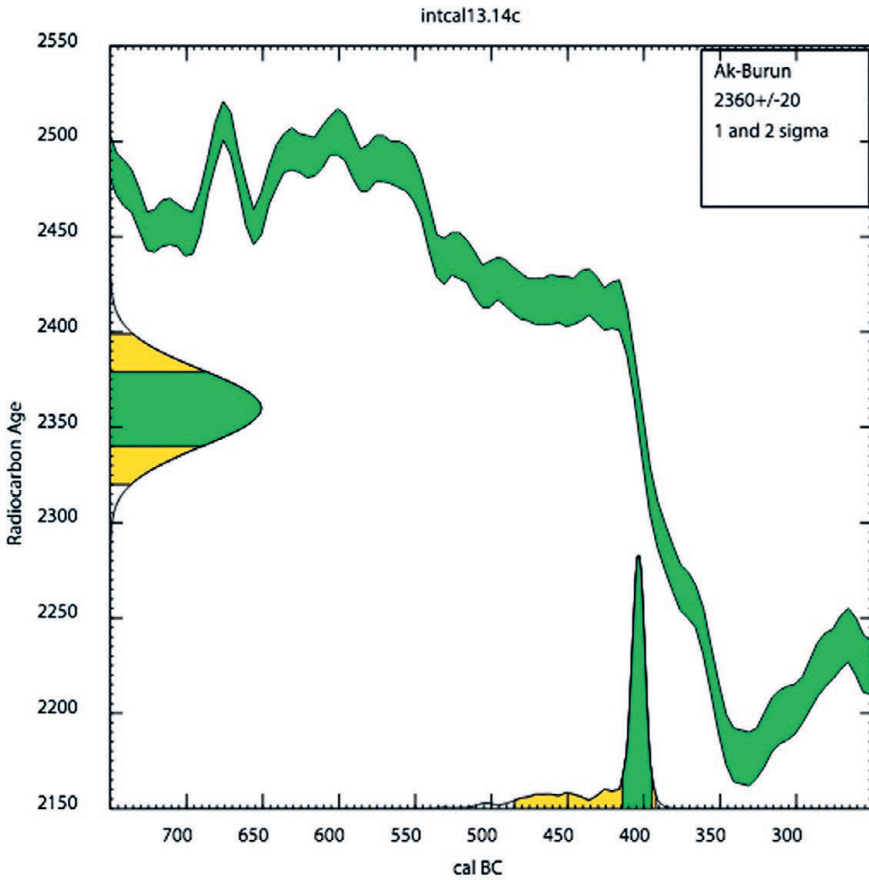

Рис. 3. График радиоуглеродного анализа образца смолы с поверхности терракоты

линией надбровных дуг, нарушается разновеликими глазами, слегка смещенным от вертикальной оси носом и несимметричным верхним краем бороды. Большие глаза утрированы рельефными веками, внешний край слезника буквально находит на крылья носа. Классический прямой нос заканчивается вздернутым кончиком и реалистичными ноздрями. В чем причины подобного несоответствия признанным канонам? Возможно, их стоит искать в особенностях изготовления терракоты?

Симметрия в изображении лица, графичность деталей, тщательная заглаженность поверхности – все это придает образу некую условность и декоративность. На этом основании складывается впечатление, что лицо было оттиснуто в форме, а отдельные части были долеплены от руки и доработаны стеклом. Подробный визуальный анализ выявил ряд деталей, нехарактерных для процесса формовки, и заставил нас пересмотреть эту позицию. В частности, из поверхности

терракоты выступают крупные зерна пироксена³. Подобное могло произойти только при условии, что матрица для оттиска головы была изготовлена из мягкого материала. Но в исследуемый период известны только жесткие глиняные формы. Также обращает на себя внимание разница в высоте надбровий, размере и расположении глаз, что невозможно списать на дефекты оттиска. Помимо этого, следует отметить небольшое смещение носа от вертикальной оси, которое также нельзя объяснить нарушением при выемке изделия из формы. Принимая во внимание, что значительное количество деталей было моделировано от руки, на данном этапе исследования мы склоняемся к тому, что оно было полностью лепным.

В процессе сушки и последующего обжига, в местах неплотного соединения деталей образовались «волосяные» трещины; именно они позволили восстановить этапы лепки головы.

Вначале из пласта глины была сформирована от руки основа для лица. Далее были намечены глазные впадины и оконтурены надбровные дуги. Глаза, нос, рот, валик прически и борода крепились на основу позже. На следующем этапе на месте носа мастер прикрепил ромбовидный лоскут глины, крылья носа были изготовлены из двух небольших шариков глины. Возможно, в процессе соединения и выравнивания этих частей и произошло легкое смещение переносицы влево, а также появился вздернутый кончик носа. Скругленные края крыльев носа, вероятно, были обозначены отпечатком ногтя. Также в результате этой операции появились небольшие складки в центре лица. В последнюю очередь были прорезаны ноздри.

После завершения работы над носом были прикреплены рельефные полосы век. Именно такая последовательность лепки и привела к просчету в расположении глаз на лице: слезники глаз оказались на границе с линией носа. Глазное яблоко изготовлено в виде глиняной полусферы, на ней стеком был намечен зрачок. Губы моделированы из небольшой овальной пластинки, которая плотно прижата по краям слева и справа к основе, после чего горизонтальным разрезом стека разделена на верхнюю и нижнюю. Этим можно объяснить опущенные уголки губ, не характерные для классических статуй. Далее кончиком пальца мастер моделировал форму губ. Надавив пальцем в центре верхней, он придал ей изгиб и создал носогубную складку. Работая над ртом, коропласт прикрепил его слишком близко к носу, так что верхняя губа оказалась практически на месте усов.

Закончив работу над лицом, мастер перешел к формированию головы в целом. Слева и справа к лицевой стороне наращивались боковые части изделия. Судя по следам пальцев и отпечаткам ногтей на внутренней стенке терракоты, лепка внутри полый головы происходила в направлении снизу вверх. Последней прикреплялась теменная часть, в которой было проделано отверстие для выхода воздуха⁴. Далее был сформирован и прикреплен над лбом валик волос и намечены пряди по бокам. С обеих сторон головы были прилеплены овальные

³ Сохранившиеся остатки смоляного покрытия и отсутствие следов окатанности свидетельствуют о несущественном эрозионном воздействии на поверхность предмета/

⁴ Эта деталь характерна для крупных скульптур из глины. Размер технологических отверстий для выхода воздуха при обжиге не зависит от размера головы и самой статуи (*Bookidis*, 2010. P. 74; *Karageorghis et al.*, 2016. P. 156. Cat. 269).

пластины, после чего в них стеком достаточно небрежно были моделированы ушные раковины. Борода, как наиболее выступающий элемент, была изготовлена в последнюю очередь. Судя по ее форме и сколам на ней, она была вылеплена внесколько приемов из двух кусков глины. На предпоследнем этапе поверхность головы была тщательно заглажена пальцами. В завершении были нанесены волоски прически, бороды и усов в виде неглубоких насечек тонким раздвоенным стеком по сырой глине. В процессе сушки волосы бороды в нескольких местах оказались деформированы..

Судя по качеству, структуре и цвету глины, предмет подвергся равномерно обжигу. Следуя традиционной практике, после него голова, как и все терракоты независимо от их размеров, была раскрашена. В результате нахождения головы под водой в течение длительного времени следы пигментов практически не сохранились (см. *Florian*, 1987). Тем не менее несколько образцов из микроуглублений и трещин на поверхности было взято на анализ. Его результаты показали, что поверхность терракоты была некогда покрыта красочным слоем – пигментами, смешанными с древесной смолой типа сандарак (*Грешников и др.*, 2019; *Greshnikov et al.*, 2019). Смола, по всей вероятности, использовалась в качестве связующего материала для пигментов (*Colombini et al.*, 2003. P. 671–672; *Schilling*, 2005. P. 186; *Andreotti et al.*, 2014. P. 198). Удалось установить, что волосы и борода были окрашены в темно-коричневый цвет. На губах сохранились следы красной охры (на данном участке также зафиксирован подстилающий слой гипса)⁵, а в межгубной щели – следы коричневого пигмента⁶. Общий цвет лица и глаз остается неизвестен. По аналогии с памятниками этого времени лицо могло быть расцвечено в тона от темно-бежевых до коричневых, в то время как радужная оболочка глаза имела коричневый или черный цвет, а брови могли быть как коричневыми, так и черными.

На неровной поверхности внутренней стенки лицевой стороны головы (на уровне носа и рта) прослежены следы свинца. Очевидно, что это случайный затек, «зацепившийся» за неровности поверхности. Тем не менее наличие металла в этом месте позволяет говорить о его функциональном назначении. Свинцовую заливку могли применять в конструктивных целях. Так, использование свинца для соединения элементов терракотовых скульптур зафиксировано уже для 530–520-х гг. до н. э. (*Barletta*, 2006. P. 82; *Lulof*, 1996. P. 155, 156, 180). Он также мог служить для балансировки больших терракотовых скульптур (*Ibid.* P. 24).

На неровной внутренней поверхности лицевой стороны головы (на уровне носа и рта) прослежены следы свинца. Очевидно, это случайный затек, «зацепившийся» за неровности поверхности. Тем не менее, наличие металла в этом месте позволяет предполагать его функциональное назначение. Свинцовую заливку могли применять для соединения элементов терракотовых скульптур, что

⁵ Отметим, что покрытие терракотовой скульптуры тонким слоем жидкой хорошо очищенной глины (иногда с примесью гипса) перед нанесением краски являлось распространенным приемом, по крайней мере, в италийской коропластике периода поздней архаики и ранней классики (*Bröns et al.*, 2016. P. 30; *Barletta*, 2006. P. 84, 85).

⁶ Интересно, что на италийском антефиксе в виде женской головы (ок. 460 г. до н. э.) щель между губами специально обозначена светло-красной краской, тогда как сами губы окрашены более темным, но тоже красным пигментом (*Bröns et al.*, 2016. P. 37. Fig. 6).

зафиксировано уже для изделий 530–520-х гг. до н. э. (*Barletta*, 2006. P. 82; *Lulof*, 1996. P. 155, 156, 180). Свинец также мог служить для балансировки больших терракотовых скульптур (*Lulof*, 1996. P. 24).

Очевидно, что по размерам и технологии изготовления изучаемое изделие относится к категории терракотовых монументальных скульптур⁷, которые в Средиземноморье были распространены гораздо меньше, чем произведения из камня. Археологически производство скульптуры из глины зафиксировано на Кипре⁸, в Италии (см.: *Ferruzza*, 2016) и в Греции. Согласно древней письменной традиции (*Pliny, Nat. Hist. XXV*, 151–153), производство монументальных отдельно стоящих терракотовых статуй было изобретено в Коринфе в VII в. до н. э. и распространилось в Центральную Италию через греческие колонии в начале VI в. до н. э. (*Winter*, 1993. P. 17–21). До 1970–80-х гг. было известно немного терракотовых скульптур, происходящих с территории Греции: некоторое их количество было найдено в Олимпии, Дельфах, Коринфе, Афинах (*Lulof*, 1996. P. 177). Раскопки в Коринфе подтвердили письменные данные: этот город действительно являлся ведущим центром производства крупных терракотовых скульптур (*Weinberg*, 1957)⁹. На данный момент признано, что терракотовые статуи, фрагменты которых были найдены, например, в Афинах, Олимпии, Дельфах, Фивах, на Самосе и на Керкире, являются продукцией коринфского производства (*Bookidis*, 2000. P. 381. No. 2).

Стилистические особенности головы с мыса Ак-Бурун позволяют отнести ее к греческой и италийской скульптурным традициям. Так, короткие вислые усы находят параллели в изображении Аристогета – как видно, например, на копии римского времени из Археологического музея Неаполя (*Stewart*, 1990. Vol. II. Pl. 227). Особенно это сходство заметно на гипсовом слепке римского времени с бронзового оригинала (*Ibid.* Pl. 230)¹⁰, найденном в мастерской римского скульптора копииста в Байи, на берегу Неаполитанского залива. Интересно, что близкие стилистические соответствия присутствуют среди позднеархаических терракот Италии. Наибольшее сходство Ак-Бурунская голова имеет с изображением Зевса в скульптурной группе гигантомахии с крыши позднеархаического храма Матер Матуты в Сатрикуме в 60 км от Рима (*Lulof*, 1996. Pl. 2–4. Fig. 1; 2). Обращает на себя внимание сходство в расположении усов: в обоих случаях они начинаются над верхней губой и спускаются по обеим сторонам рта, не закрывая

⁷ Первым, кто собрал каталог (тогда еще очень небольшой) фрагментов терракотовой скульптуры со всего Средиземноморья, был Вальдемар Деонна (*Deonna*, 1907). Он также рассмотрел технологию их производства (*Ibid.* P. 13–28). Интересно, что античные письменные источники практически не касаются вопросов производства скульптуры из обожженной глины (см. *Pliny, Nat. Hist. XXXV*, 111, 112, 153–157; *Plutarch, Convivalia*, II, 3.2; *Quast. Rom.* 98).

⁸ Следует отметить, что Кипр здесь стоит особняком. Несмотря на то, что традиция производства монументальных глиняных скульптур, которые использовались в качестве вотивов, существовала на острове, по крайней мере, с середины VII в. до н. э., там развился свой особый иконографический стиль, который не получил распространения за его пределами (*Karageorghis*, 1993. P. 6–10; *Karageorghis et al.*, 2016. P. 12).

⁹ Вероятно, основной причиной являлось отсутствие в окрестностях Коринфа месторождений мрамора и наличие хороших глиниц (*Bookidis*, 2010. P. 2).

¹⁰ Утраченный оригинал датируется ок. 477 г. до н. э.

его. В то время как, например, на метопах храма Зевса в Олимпии и на гипсовом слепке с головы Аристоклетона верхняя губа полностью закрыта усами.

Поскольку сохранилась только голова, да и то не целиком, уверенно говорить о назначении скульптуры затруднительно. Было высказано предположение, что голова могла являться украшением судна (*Грешиников и др.*, 2019). Однако происхождение со дна бухты автоматически не означает ее принадлежность кораблю. Даже если это так, то неизвестно, была ли она частью декора или грузом. Дошедшие до нас материальные и письменные свидетельства показывают, что детали корабельного декора были изготовлены из более прочного материала – дерева, бронзы и даже мрамора (*Casson*, 1971. P. 344–348; *Svoronos*, 1914; *Carlson*, 2009). Таким образом, предположение, что Ак-Бурунская голова использовалась в качестве украшения корабля, представляется маловероятным.

Голова, скорее всего, не являлась автономным объектом, а была частью скульптуры – свободно стоящей статуи или горельефа. В пользу второго варианта свидетельствует продолговатая форма боковой стороны головы, хорошо читающаяся справа, не соответствующая анатомическим пропорциям. В любом случае, изображение предполагало строго фронтальный обзор. Известно, что в рассматриваемый период создание отдельно стоящей монументальной скульптуры практически всегда связано с производством архитектурных деталей, таких как антефиксы, акротерии, фигуры на коньке крыши. Все они часто лепились от руки (*Barletta*, 2006. P. 80, 81). Таким образом, Ак-Бурунская голова, возможно, являлась частью вотивной¹¹ или архитектурной монументальной терракоты. Очевидно, что портретом, в современном понимании этого слова, она не была: индивидуальные черты в ней отсутствуют¹². Изображала ли она жертвователя или божество? Поскольку большинство скульптур такого типа в данный период изображают божества, наиболее возможными кандидатами являются Зевс, Посейдон и, пожалуй, Дионис (которого только в позднеклассический период начинают изображать без бороды). Учитывая, что мы не имеем сведений об общем первоначальном контексте скульптуры (т. е. была ли она отдельно стоящей или частью декора здания), вопрос идентификации изображенного персонажа также остается открытым. Откуда и как эта скульптура попала в Пантикапей? Являлась ли она частью корабельного груза и была сброшена в бухту после повреждения или происходила из здания (храма?), располагавшегося в непосредственной близости от порта?

Результаты комплексного анализа глины с большой вероятностью позволят прояснить вопрос о регионе производства памятника, частью которого является голова (например, Малая Азия, Апеннинский полуостров, материковая

¹¹ Об отдельных терракотовых статуях и группах, находящихся в святилищах, например в Олимпии, сообщают древние авторы (*Paus.*, I.2, 5; I.3; I.40, 4; VII.22, 9; *Plin.*, Nat. Hist., XXXV, 66, 155).

¹² Представление о портретах в Греции, особенно до эпохи поздней классики/раннеэллинизма, кардинально отличалось от представлений эпохи архаики и классики. Почетные статуи/портреты исторических персонажей внешне не отличались от изображений божеств и героев. См.: *Keesling*, 2017. P. 19–53. В контексте Ак-Бурунской головы стоит подчеркнуть, что до позднего эллинизма традиция изготавливать портреты из глины никак не зафиксирована.

Греция и т. д. Подобная информация значительно упростит дальнейшие поиски стилистических и функциональных аналогий изучаемого предмета и позволит предположить, с какой целью он был привезен в Пантикапей (табл. 1).

**Таблица 1. Результаты AMS-датирования образца смолы
терракотовой головы**

Sample	Lab. No.	Material	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Analysis
Ak-Burun	UGAMS 42221	Resin	-25,40	Radiocarbon
Conventional radiocarbon age BP	pMC	2-sigma calibrated result	1-sigma calibrated result	Median probability
2360+/-20	74,56	Cal 484–391 BC 95,4 %	cal 414–395 BC 68,3 %	-407 BC

ЛИТЕРАТУРА

- Бртова Н. Н.*, 1969. Грецкая терракота. М.: Искусство. 180 с.
- Грешиников Э. А., Анциферова А. А., Дороватовский П. В., Кашкаров П. К., Преснякова Н. Н., Малахов С. Н., Ольховский С. В., Светогоров Р. Д., Яцишина Е. Б., Ковальчук М. В., Макаров Н. А.*, 2019. Аналитические исследования пигментов античной скульптурной терракоты, найденной в Керченской бухте // Кристаллография. Т. 64. № 6. С. 999–1006.
- Ольховский С. В.*, 2017. Подводные раскопки на объекте археологического наследия «Бухта Ак-Бурун» // Таврические студии. № 12. Симферополь. С. 118–120.
- Ольховский С. В., Степанов А. В.*, 2016. Спасательные подводные исследования на ОАН «Бухта Ак-Бурун» в 2015 г. // Древности Боспора. Т. 20. М.: ИА РАН. С. 355–364.
- Andreotti A., Bonaduce I., Colombini M.P., Degano I., Lluveras A., Modugno F., Ribechini E.*, 2014. Characterization of Natural Substances in Ancient Polychromies // *Diversamente bianco. La policromia della statua romana* / Eds.: P. Liverani, U. Santamaria. Rome: Editiani uazar. P. 191–206.
- Barletta B. A.*, 2006. Archaic and Classical Magna Graecia // *Greek Sculpture: Function, Materials, and Techniques in the Archaic and Classical Periods* / Ed. O. Palagia. New York, NY: Cambridge University Press. P. 77–118.
- Bookidis N.*, 2000. Corinthian Terracotta Sculpture and the Temple of Apollo // *Hesperia*. Vol. 69. № 4. P. 381–452.
- Bookidis N.*, 2010. The Sanctuary of Demeter and Kore: The Terracotta Sculpture. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens. 298 p.
- Brøns C., Hedegaard S. S., Sargent M. L.*, 2016. Painted Faces: Investigations of Polychromy on Etruscan Antefixes in the My Carlsberg Glyptotek // *Etruscan Studies*. Vol. 19. № 1. P. 23–67.
- Carlson D. N.*, 2009. Seeing the Sea: Ships' Eyes in Classical Greece // *Hesperia*. Vol. 78. № 3. P. 347–365.
- Casson L.*, 1971. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 441 p.
- Colombini M. P., Giachi G., Modugno F., Pallecchi P., Ribechini E.*, 2003. The characterization of paints and waterproofing materials from the shipwrecks found at the archaeological site of the Etruscan and Roman harbour of Pisa (Italy) // *Archaeometry*. Vol. 45. № 4. P. 559–674.
- Deonna W.*, 1907. Les statues de terre cuite dans l'antiquité: Sicile, Grande-Grèce, Etrurie et Rome. Paris: A. Fontemoing. 250 p.

- Ferruzza M. L.*, 2016. Ancient Terracottas from South Italy and Sicily in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: J. Paul Getty Museum. 243 p.
- Florian M.-L. E.*, 1987. The Underwater environment // Conservation of Marine Archaeological Objects / Ed. C. Pearson. London; Boston: Butterworths. P. 1–20.
- Greshnikov E. A., Antsiferova A. A., Dorovatovskii P. V., Kashkarov P. K., Presniakova N. N., Malakhov S. N., Olkhovskii S. V., Svetogorov R. D., Yatsishina E. B., Kovalchuk M. V., Makarov N. A.*, 2019. Analysis of the Colors of the Antique Portrait Terracotta Found in the Kerch Bay // Arts and Social Sciences Journal. Vol. 10. Iss. 3. 6 p.
- Hein A., Tsolakidou A., Iliopoulos I., Mommsen H., Buxeda i Garridos J., Montana G., Kikiglou V.*, 2002. Standardization of Elemental Analytical Techniques Applied to Provenance Studies of Archaeological Ceramics: An Inter Laboratory Calibration Study // The Analyst. Vol. 127.
- Jilditch J.*, 2016. Archaeology in Greece 2015-2016. Ceramic Analysis in Greece // Archaeological Reports. Vol. 62.
- Jones R. E.*, 1986. Greek and Cypriot Pottery: A Review of Scientific Studies (Fitch Laboratory Occasional Paper 1). Athens.
- Karageorghis V.*, 1993. The Coroplastic Art of Ancient Cyprus. III: The Cypro-Achaic Period. Large and Medium Size Sculpture. Nicosia: A. G. Leventis Foundation. 193 p.
- Karageorghis V., Merker G. S., Mertens J. R.*, 2016. The Cesnola Collection of Cypriote Art: Terracottas. New York: The Metropolitan Museum of Art. 238 p.
- Keesling C. M.*, 2017. Early Greek Portraiture: Monuments and Histories. Cambridge: Cambridge University Press. 309 p.
- Lulof P. S.*, 1996. The Ridge-Pole Statues from the Late Archaic Temple at Satricum. Amsterdam: Thesis Publishers. 250 p.
- Schilling M.*, 2005. Paint Media Analysis // Scientific Examination of Art: Modern Techniques in Conservation and Analysis (Sackler NAS Colloquium). Washington: National Academy of Science. P. 186–205.
- Stewart A.*, 1990. Greek Sculpture: An Exploration. New Haven and London: Yale University Press. 2 vols.
- Svoronos J. N.*, 1914. Stylides, aneres hierae, aphlasta, stoloï, acrostolia, embola, proembola et totems marins // Journal international d'archéologie numismatique. T. 16. P. 81–152.
- Weinberg S. S.*, 1957. Terracotta Sculpture at Corinth // Hesperia. Vol. 26. № 4. P. 289–319.
- Winter N. A.*, 1993. Greek Architectural Terracottas from the Prehistoric to the End of the Archaic Period. Oxford: Clarendon Press. 360 p.

Сведения об авторах

Внуков Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vnukovs@mail.ru;

Ильина Татьяна Анатольевна, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия; e-mail: ta-ilyina@yandex.ru;

Муратова Майя Борисовна, Университет Адельфай, Нью-Йорк, 11530–0701, США, e-mail: mbm224@nyu.edu;

Ольховский Сергей Валерьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: uwiaran@gmail.com;

Смокотина Анна Викторовна, Крымский государственный университет им. В. И. Вернадского, пр-т Академика Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Республика Крым; e-mail: asmokotina@mail.ru

S. Yu. Vnukov, T. A. Il'ina, M. B. Muratova, S. V. Olkhovskiy, A. V. Smokotina
THE TERRACOTTA MALE HEAD FROM THE BAY NEAR AK-BURUN CAPE:
PRELIMINARY RESULTS OF RESEARCH AND NEW QUESTIONS

Abstract. The paper is a preliminary report on a fragmented terracotta head featuring a bearded man discovered in the course of underwater excavations near the Ak-Burun Cape in 2017. The paper provides details of the technology used to make this head, attempts to find analogies and clarify its possible functional use.

Keywords: terracotta sculpture, manufacturing technology, pigments, free-standing sculpture, architectural sculpture.

REFERENCES

- Britova N. N., 1969. Grecheskaya terrakota [Greek terracotta]. Moscow: Iskusstvo. 180 p.
- Greshnikov E. A., Antsiferova A. A., Dorovatovskiy P. V., Kashkarov P. K., Presnyakova N. N., Malakhov S. N., Olkhovskiy S. V., Svetogorov R. D., Yatsishina E. B., Koval'chuk M. V., Makarov N. A., 2019. Analiticheskiye issledovaniya pigmentov antichnoy skul'pturnoy terrakoty, naydennoy v Kerchenskoy bukhte [Analytical studies of pigments on Classical terracotta sculpture found in Kerch Bay]. *Kristallografiya [Crystallography]*, vol. 64, no. 6, pp. 999–1006.
- Olkhovskiy S. V., 2017. Podvodnyye raskopki na ob'yekte arkheologicheskogo naslediya «Bukhta Ak-Burun» [Underwater excavations in archaeological heritage object «Ak-Burun Bay»]. *Tavrisheskiye studii [Taurian studies]*, 12. Simferopol, pp. 118–120.
- Olkhovskiy S. V., Stepanov A. V., 2016. Spasatel'nyye podvodnyye issledovaniya na OAN «Bukhta Ak-Burun» v 2015 g. [Rescue underwater research in OAN «Ak-Burun Bay» in 2015]. *Drevnosti Bospora [Bosporus Antiquities]*, 20. Moscow: IA RAN, pp. 355–364.

About the authors

Vnukov Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vnukovs@mail.ru;

Il'ina Tatyana A., Pushkin Museum of Fine Arts, ul. Volkhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: ta-ilyina@yandex.ru;

Muratova Maya B., Adelphi University, Garden City, New York, 11530-0701, USA; e-mail: mbm224@nyu.edu;

Olkhovskiy Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: uwiaran@gmail.com;

Smokotina Anna V., Vernadskiy Crimean State University, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea; e-mail: asmokotina@mail.ru

М. Г. Абрамзон, С. Н. Остапенко

КЛАД ПАНТИКАПЕЙСКИХ МОНЕТ НАЧАЛА III в. до н. э. С ХОРЫ ФАНАГОРИИ (2019 г.)

Резюме. В статье публикуется небольшой клад пантикапейских медных монет начала III в. до н. э., найденный на хоре Фанагории в 2019 г. Он включает типы «голова безбородого сатира / голова льва, осетр» с надчеканками в виде звезды и горита (Анохин, 1986. № 130) и «голова сатира / голова быка в $\frac{3}{4}$ влево» (Там же. № 132). Комплекс относится к подгруппе кладов, сокрытых в самом начале III в. до н. э. и отражающих второй этап денежного кризиса на Боспоре.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, хора, денежное обращение, денежный кризис III в. до н. э., монетные клады.

Во время полевого сезона 2019 г. при визуальном обследовании южной границы городища Фанагории и примыкающей ближайшей хоры у современного пос. Приморский случайно был найден клад из 13 пантикапейских медных монет III в. до н. э. Следов контейнера не обнаружено; монеты, слипшиеся в ком, по-видимому, хранились в мягкой таре – кошельке. находка поступила в фонды Государственного историко-археологического музея-заповедника «Фанагория» (Инв. № ФМ-КП-69/1–13 Н395–407)¹.

Клад включает 4 тетраалка типа «голова безбородого сатира / голова льва, осетр» с надчеканками в виде звезды и горита (Анохин, 1986. № 130) и 9 дихалков типа «голова сатира / голова быка в $\frac{3}{4}$ влево» (Там же. № 132) (рис. 1).

Публикуемый комплекс относится к группе кладов, сокрытых в самом начале III в. до н. э. и отражающих второй этап денежного кризиса на Боспоре, характеризующийся массовой надчеканкой монет «голова безбородого сатира / голова льва, осетр» (Там же. № 125). В нее входят клады из Нимфея 1954 г. (Голленко, 1974. С. 72), Мирмекия 1960 г. (Брабич, 1960. С. 193–194), Старо-Нижне-Стеблиевской 1941 и 1986 гг. (Анфимов, 1949. С. 64–66; Абрамзон, Фролова,

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность начальнику отдела реставрации ГИАМЗ «Фанагория» О. Л. Гунчиной за очистку монет.

Рис. 1. Клад пантикапейских монет III в. до н. э. с хоры Фанагории

2007–2008. С. 113–123), Славянска-на-Кубани 1985 г. (*Анфимов*, 1988. С. 138–145), Приморского 1985 г. (*Аптекарев*, 1993. С. 77–84), Музея Лодзи (*Mielczarek*, 2000. S. 338–340) и др. Во всех перечисленныхкладах обязательно присутствуют тетрагалки с контрамарками в виде звезды и горита, но еще не встречается новый тип III в. до н. э. – «голова сатира / лук и стрела, ПАН» (*Анохин*, 1986. № 133). Самые ранние из этих кладов (из Старо-Нижне-Стеблиевской 1941 г., Кубрисострой и Славянска-на-Кубани 1985 г.) не содержат и дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$, появившиеся в первом десятилетии III в. до н. э., чуть раньше монет с луком и стрелой. Иногда вкладах этой подгруппы присутствует медь последней трети IV в. до н. э. Постепенно с контрамаркированными тетрагалками начинают соседствовать упомянутые дихалки с головой быка. Если клад из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской 1986 г. (*Абрамзон, Фролова*, 2007–2008. С. 113–123) содержал всего 4 монеты типа «голова сатира / голова быка» из 1213, то вкладах из пос. Приморского 1985 г. и Музея Лодзи этот тип составляет большинство (соответственно 2461 из 3238 и 255 из 259) (табл. 1).

Таблица 1. Составы боспорских кладов начала III в. до н. э.

№	Типы	Дата	Старо-Нижне-Стеблиевская, 1941 г.	Кубрисострой, 1950-е гг.	Кубрисострой Год не изв.	Нимфей, 1954 г.	Мирмекий, 1960 г.	Приморский, 1985 г.	Славянск-на-Кубани, 1985 г.	Музей Лодзи Год не изв.	Фанатория, 2019 г.
1	Сатир / протома грифона, осетр (по: <i>Анохин</i> , 1986. № 111)	Ок. 330–315	–	–	–	X	–	–	X	–	–
2	Сатир / протома Пегаса (по: <i>Анохин</i> , 1986. № 112)	Ок. 330–315	–	–	–	–	–	X	–	X	–
3	Сатир / лук в горите (по: <i>Анохин</i> , 1986. № 113)	Ок. 330–315	–	–	–	–	–	X	–	–	–
4	Сатир / голова льва, осетр, с надчеканками (по: <i>Анохин</i> , 1986. № 130)	Нач. III в. до н. э.	X	X	X	X	X	X	X	X	X
5	Сатир / голова быка в $\frac{3}{4}$ (по: <i>Анохин</i> , 1986. № 132)	Ок. 300–290	–	–	–	X	X	X	–	X	X

Наиболее близок к публикуемому комплексу небольшой клад из Мирмекия 1960 г. (32 экз.), имеющий тот же набор типов. В обоих комплексах дихалки с головой быка доминируют. В кладе № 1 с античного поселения Манитра в Восточном Крыму (2018 г., готовится к публикации) наблюдается та же пропорция номиналов – 11 дихалков и 13 тетраخالков. Эти небольшие клады представляют явно не накопления, а незначительные, «рядовые» суммы, используемые в повседневной жизни. Публикуемый клад также является новым ценным свидетельством состояния денежного рынка и экономики Боспора в самом начале III в. до н. э. (приложение).

Приложение

СПИСОК МОНЕТ ИЗ КЛАДА 2019 г.

Начало III в. до н. э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка в виде звезды. *О.с.* Голова льва вправо; внизу осетр влево; вокруг ПАН; надчеканка в виде горита. Тетраخالки (Анохин, 1986. № 130).

1. ФМ-КП-69/1 Н395	7,01 г	20 мм
2. ФМ-КП-69/2 Н396	5,76 г	19 мм
3. ФМ-КП-69/3 Н397	6,79 г	19 мм
4. ФМ-КП-69/4 Н398	7,79 г	19 мм

Около 300–290 гг. до н. э.

Л.с. Голова бородатого сатира влево. *О.с.* Голова быка в $\frac{3}{4}$ влево; вокруг ПАН. Дихалки (Анохин, 1986. № 132).

5. ФМ-КП-69/5 Н399	3,74 г	19 мм
6. ФМ-КП-69/6 Н400	3,81 г	17 мм
7. ФМ-КП-69/7 Н401	4,83 г	17 мм
8. ФМ-КП-69/8 Н402	5,11 г	17 мм
9. ФМ-КП-69/9 Н403	5,03 г	17 мм
10. ФМ-КП-69/10 Н404	3,54 г	17 мм
11. ФМ-КП-69/11 Н405	5,32 г	18 мм
12. ФМ-КП-69/12 Н406	5,25 г	17 мм
13. ФМ-КП-69/13 Н407	3,64 г	17 мм

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Киев: Адеф-Україна. 872 с. (Боспорские исследования; suppl. 2.)
- Анохин В. А., 1986. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка. 223 с.
- Анфимов Н. В., 1949. Клад пантикапейских монет из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской // КСИИМК. Вып. XXIV. С. 64–66.

- Анфимов Н. В., 1988. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. № 4. С. 138–145.
- Артекарев А. З., 1993. Клад монет из пос. Приморский и некоторые вопросы денежного обращения Боспора в последней четверти IV – III в. до н. э. // Древности Кубани и Черноморья. Вып. I. Краснодар: Скифская Галерея. С. 77–84.
- Брабич В. М., 1960. Клад монет III в. до н. э. из Мирмекия // СА. № 4. С. 193–195.
- Голенко К. В., 1974. Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М. С. 61–93.
- Mielczarek M., 2000. The so-called Krasnodar hoard and some problem relating to Bosporan coinage of the third century BC // XII Internationaler Numismatischer Kongress. Berlin 1997. Akten. I. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin. S. 338–340.

Сведения об авторах

Абрамзон Михаил Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Магнитогорский государственный технический университет, им. Г.И. Носова, пр. Ленина, 38, Магнитогорск, 455000, Россия; e-mail: abramzon-m@mail.ru;

Остапенко Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ул. Ленина, 7, пос. Сенной, Темрюкский р-н, Краснодарский край, 353540, Россия; e-mail: saon_ nasledie@mail.ru

M. G. Abramzon, S. N. Ostapenko

THE HOARD OF THE EARLY THIRD CENTURY BC PANTICAPAEUM COINS FROM THE CHORA OF PHANAGORIA (2019)

Abstract. This paper is a publication of a small hoard of the early third century BC Panticapaeum coins found at the chora of Phanagoria in 2019. It includes the tetrachalkoy with Pan l. / lion head l., below sturgeon, countermarked with a star and bow in case (Anokhin, 1986. No. 130) and the dichalkoy with Pan l. / bull head l. (Ibid. No. 132). The hoard belongs to a subgroup of hoards concealed at the very beginning of the 3rd century BC, reflecting the second stage of the monetary crisis in the Bosporus.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Phanagoria, chora, currency, monetary crisis of the 3rd century BC, coin hoards.

REFERENCES

- Abramzon M. G., Frolova N. A., 2007–2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan hoards of ancient coins], I (1834–2005). Kiev: Adef-Ukraina. 872 p. (Bosporskiye issledovaniya; suppl. 2.)
- Anfimov N. V., 1949. Klad pantikapeyskikh monet iz st. Staro-Nizhne-Stebliyevskoy [A hoard of Panticapaeum coins from Staro-Nizhne-Stebliyevskaya Cossack village]. *KSIIMK*, XXIV, pp. 64–66.
- Anfimov N. V., 1988. Klad pantikapeyskikh monet iz g. Slavyanska-na-Kubani [A hoard of Panticapaeum coins from Slavyansk-on-Kuban]. *SA*, 4, pp. 138–145.
- Anokhin V. A., 1986. Monetnoye delo Bospora [The Bosporan coinage]. Kiev: Naukova dumka. 223 p.
- Aptekarev A. Z., 1993. Klad monet iz pos. Primorskiy i nekotoryye voprosy denezhnogo obrashcheniya Bospora v posledney chetverti IV–III vv. do n. e. [Coin hoard from settlement Primorskiy and some issues of currency in the Bosporus in the last quarter of 4th–3rd cc. BC]. *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya [Antiquities of Kuban and Pontic region]*, I. Krasnodar: Skifskaya Galereya, pp. 77–84.

- Brabich V. M., 1960. Klad monet III v. do n. e. iz Mirmekiya [A hoard of coins of the 3rd c. BC from Mirmekion]. *SA*, 4, pp. 193–195.
- Golenko K. V., 1974. Monety iz raskopok Nimfeya 1939–1970 gg. [Coins from Nympheion excavations, 1939–1970]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatic and epigraphic]*, XI. Moscow, pp. 61–93.

About the authors

Abramzon Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292; Nosov Magnitogorsk State Technical University, pr. Lenina, 38, Magnitogorsk, 455000, Russian Federation; abramzon-m@mail.ru;

Ostapenko Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117292; State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Phanagoria”, ul. Lenina, 7, pos. Sennoy, Temryuk district, Krasnodar Territory, 353540, Russian Federation; e-mail: sao_nasledie@mail.ru

Н. А. Макаров, Э. А. Грешников, И. Е. Зайцева,
К. М. Подурец, Е. С. Коваленко, М. М. Мурашев

НЕВИДИМЫЕ СВЯТЫНИ.
ВЛОЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕСТАХ-ЭНКОЛПИОНАХ
ПО ДАННЫМ КОМПЛЕКСНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ*

Резюме. В статье рассматриваются вложения в 14 закрытых древнерусских крестах-энколпионах, обнаруженных на селищах Суздальского Ополя и в Новгороде. Вложения изучались с применением современных методов нейтронной томографии, оптической микроскопии, инфракрасной микроскопии, газовой хроматографии на приборной базе Национального исследовательского центра «Курчатовский институт».

Полученные результаты свидетельствуют, что традиция вложений была вариативна, установленных правил отбора реликвий для вложения в ковчежцы не существовало. В качестве вложений использовались частицы дерева и ткани, нити, волос, для сохранения реликвий и герметизации створок широко применялась воскомастичная смесь. Вложения могли теряться и возобновляться, когда энколпионы находились в обиходе. Несмотря на производство крестов как стандартизированных изделий, вложенные в них реликвии были индивидуальны. Лабораторное изучение энколпионов подтверждает функциональное использование их как реликвариев в отдаленных областях средневековой христианской ойкумены, широкое распространение общехристианского почитания «движимых святынь» в Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв.

Ключевые слова: средневековые кресты-энколпионы, священные вложения, нейтронная томография, инфракрасная спектроскопия.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04129.

Введение

Изучение христианских реликвий – важная составляющая часть исследования средневековой культуры и религиозного сознания, необходимая для полноценного воссоздания исторического колорита и ментальности этой эпохи. Известно, что круг объектов, воспринимавшихся в Средневековье как материальные носители памяти о событиях ветхозаветной и новозаветной истории и подвигах святых, был необычайно широк и разнообразен по своему составу – от мест почитания до частиц мощей мучеников и предметов, происходящих из мест их жизни и упокоения. Обладание реликвиями как материальными свидетельствами святости укрепляло новые церковные центры, давало божественное заступничество городам и обеспечивало высокий статус правителям – вот почему реликвии перемещались, разделялись на части, служили в качестве даров, оказывались военными трофеями (*Cutler, 2015; Talbot, 2015; Иванов, 2003*).

Новая волна научного интереса к средневековым христианским реликвиям проявляется не только в изучении их символического значения, связанных с ними религиозных представлений, исторических преданий и обрядовых практик, но и в исследовании самих предметов, обладавших, согласно господствовавшим верованиям, особыми сакральными и целительными свойствами. Их научная атрибуция, датирование, выяснение их происхождения и истории бытования в качестве почитаемых святынь оказываются в центре исследовательского внимания, для многих из этих предметов – впервые (*Стерлигова, 2000; Царевская, 2003; Smith, 2012; 2014; 2015*).

Многочисленные кресты-энколпионы, находимые повсеместно при раскопках средневековых памятников на территории Восточной Европы и Балкан, служили вместилищами реликвий, однако в обширной библиографии византийских, болгарских и древнерусских энколпионов публикации, рассматривающие вложения, помещавшиеся в их внутренние полости, единичны. Отчасти это объясняется тем, что в большинстве энколпионов из музейных собраний вложения к настоящему времени утрачены. Так, среди более 850 энколпионов, найденных на территории Болгарии, известно лишь восемь крестов с сохранившимися вложениями (*Дончева-Петкова, 2017*). Перспектива документирования и идентификации вложений связана главным образом с появлением новых находок закрытых энколпионов и с использованием современных методов естественных наук для определения наличия частиц реликвий и их анализа.

Первым опытом таких работ для древнерусских материалов стало исследование семи закрытых крестов-складней с привлечением методов оптико-электронной микроскопии и биофотометрии, выполненное группой петербургских археологов (*Липатов и др., 2006*). Эта небольшая серия включала находки из Старой Ладogi, Рюрикова городища, Старой Руссы, Суздальского Ополя, Углицкого Поволжья и Подмоскoвья, в том числе древнейший из известных крестов-реликвариев, найденных на Руси (первая четверть X в., Старая Ладога; *Липатов и др., 2006; Макаров, Федорина, 2008*)¹.

¹ Ранее были известны несколько энколпионов из Херсонеса, Киева и Райковецкого городища, содержащие фрагменты дерева (*Липатов и др., 2006. С. 293, 294*).

За последнее десятилетие собрание древнерусских крестов-энколпионов пополнилось многочисленными новыми находками. Одна из наиболее крупных серий, включающая 42 реликвария (целых, отдельных створок и оглавий), происходит с поселений центральной части Суздальской земли. Эти находки, подавляющее большинство которых собрано на селищах, существенно меняют ранее сложившиеся представления о бытовании крестов-реликвариев на Северо-Востоке Руси. Они свидетельствуют о широком распространении в домонгольское время этой категории предметов, ранее интерпретировавшихся как редкие в северо-восточных русских землях атрибуты высокой христианской культуры.

В статье рассматриваются вложения из 14 энколпионов. 11 реликвариев найдены закрытыми в ходе работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН: 9 в культурном слое селищ округа Суздаля (Григорово 2, Михали 3, Михали 4, Суворотское 8, Сорогужино 2, Федосьино 2), по одному в Суздале и на селище Клешино под Переславлем. Исследованы заполнения трех энколпионов из Новгорода (Олейников, 2019. С. 165–170)². Эти предметы не исчерпывают всю совокупность закрытых энколпионов, полученных археологами в ходе новейших полевых работ, но составляют репрезентативную серию, перспективную для выявления и документирования вложений. Контекст находок на селищах не позволяет определить узкие даты предметов, однако достаточно надежно связывает их с домонгольскими напластованиями второй половины XI – XIII в. Изучение вложений было проведено в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт».

Методика исследования

Для получения информации о наличии вложения и его пространственном распределении внутри полости 7 энколпионов до открытия были проанализированы методом нейтронной томографии (Говор и др., 2017; Коваленко и др., 2019). Сделаны изображения внутренних полостей реликвариев.

После открытия крестов вложения и внутренние поверхности створок были подвергнуты комплексному аналитическому исследованию.

Оптические исследования вложений проведены на поляризационном оптическом микроскопе «Axio Imager.M2m» (Karl Zeiss)³ и на растровом электронном микроскопе Versa 3D (Thermo Fisher Scientific) в режимах высокого и низкого вакуума⁴. Сформированный электронами пучок позволял получать изображения в высоком разрешении с большой глубиной резкости и хорошо исследовать морфологию деструктурированных объектов с неровной поверхностью. Часть исследований в режиме «на отражение» проводилась на оптическом микроскопе Olympus SZX7 с камерой Leica DFC420C и прямом оптическом микроскопе Olympus BX51 с оптической системой UIS2. Оптические исследования, в большинстве случаев, проводились без подготовки препаратов.

² Авторы признательны О. М. Олейникову за возможность работы с находками из Новгорода.

³ Исследования проведены А. А. Ступниковым.

⁴ Исследования проведены Н. Н. Пресняковой.

В поляризованном свете измерения выполнялись на скрещенных под углом 90 градусов поляризаторах.

Для изучения составов органических соединений, сохранившихся внутри и на поверхностях крестов-энколпионов, использовался метод газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ – МС)⁵. Идентификацию соединений в полученных экстрактах проводили с использованием базы данных масс-спектров из библиотеки NIST 11 (NIST 11 Mass Spectral Library (NIST11/2011/EPA/NIH)), библиотеки NIST Chemistry WebBook (Chemistry WebBook, SRD 69), а также сравнением с масс-спектрами эталонных образцов. Для определения присутствия животных жиров и/или растительных масел в остатках от вложений и в смывах с поверхности энколпионов выделяли метиловые жирные кислоты (МЭЖК). Анализ МЭЖК проводили на газовом хроматографе фирмы Bruker модели 430 GC с пламенно-ионизационным детектором на кварцевой капиллярной колонке Select™ Biodisel for FAME.

Для исследования состава химических соединений индивидуальных микрообъектов малого размера и веса применялась инфракрасная спектроскопия (ИК). В работе использовали два спектрометра: Thermo Scientific Nicolet, оснащенный НПВО-приставкой iD5 ATR (нарушенного полного внутреннего отражения); программно-аппаратный комплекс на основе ИК-Фурье спектрометра Vertex 70 фирмы Bruker с приставкой НПВО (кристалл ZnSe)⁶.

Анализ состава металла створок проведены Н. Н. Пресняковой методом растровой электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом на растровом электронно-ионном микроскопе Versa 3D (метод SEM-EDS).

Энколпионы и их вложения

1. Селище Клещино, 2016. № 205/40 (рис. 1: 1). Целый закрытый с оглави-ем, прямоконечный, гладкий тип IV.6.1 по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 165–170*). Дата – конец XI – XII в. (*Макаров и др., 2017*). Размеры без оглавия: 45 × 25 × 7,5 мм. Сохранились оба запорных штифта в виде расклепаных медных стерженьков. Литье створок по восковой модели из многокомпонентной латуни. Створки украшены черневым декором: Распятие (лицевая) и Богоматерь Оранта (оборотная).

Внутри крест был заполнен грунтом. В нем выявлена капля из смоляной смеси размерами 3,5 × 0,5 мм, а также многочисленные деструктурированные растительные волокна, которые можно условно разделить на 2 группы: более крупные волокна толщиной 10–25 микрон, определяемые как льняные по размерам и наличию повторяющихся поперечных перемычек – утолщений. При съемке в поляризованном свете этот характерный признак выглядит как чередование радужных кольцевых оболочек. Кристаллы оксалата кальция, обычно присутствующие в пектидном слое крапивы или конопли, но всегда отсутствующие в льне

⁵ Исследования проведены В. М. Пожидаевым.

⁶ Исследования проведены С. Н. Малаховым.

(Bergfjord, Holst, 2010), при съемке на скрещенных поляризаторах не высвечивались. Системы крутки и переплетения нитей не просматриваются.

Другие растительные волокна толщиной около 4–7 микрон не имеют утолщений-перемычек. Это остатки неопределимых травянистых растений. В центре полости находилась древесная щепка размерами $9,24 \times 2,2$ мм весом 14 мг. Методом ИК-спектроскопии определена порода дерева – хвойное из семейства сосновых (рис. 3: а).

Предположительно, вложением могли являться древесная щепка и кусочек смолы, завернутые во фрагмент льняной ткани, распавшейся со временем. Не исключается возможность первоначальной закладки в полость горстки грунта.

2. Селище Федосьино 1, 2018. № 867/6 (рис. 1: 2). Целый закрытый, без оглавия, прямоконечный, гладкий, тип IV.6.1 по А. А. Песковой (аналогичен кресту № 1).

Размеры без оглавия: $45 \times 25 \times 6,5$ мм. Сохранились оба запорных штифта в виде расклепанных бронзовых стерженьков. Литые створки по восковой модели из свинцовой латуни. Створки украшены черневым орнаментом: Распятие (лицевая створка) и Богоматерь Оранта (оборотная створка). Энколпион имеет небольшое по объему заполнение в нижней части полости и совсем незначительное в одной из боковых ветвей, состоящее из грунта с включениями (нейтронная томография).

При герметизации створок могла использоваться смесь, содержащая битум, так как при ГХ-МС исследовании смыслов со створок было установлено присутствие веществ нефтяного происхождения, а жирные кислоты обнаружены в следовых количествах.

При микроскопическом исследовании отдельных включений, проведенном в режимах «на просвет» и «на отражение», выявлены фрагменты растительных волокон, среди которых можно выделить текстильные. Эти элементарные волокна с характерными поперечными уплотнениями – перемычками (рис. 3: б) имеют среднюю толщину 30–40 микрон, что ближе к размерам волокон конопли, если исходить из приведенной в литературе статистики измерений (Summerscales, Gwinnett, 2017). Системы крутки и переплетения нитей не прослеживаются. В грунте и на отдельных растительных волокнах точно располагаются микрообласти, окрашенные в черный цвет (следы битума?).

Вероятно, энколпион имел вложение в виде фрагмента ткани из растительных (конопляных?) волокон, покрытой смесью, состоящей из нефтепродуктов (битумом?). На стыках створок темный налет не прослежен, поэтому микрофрагменты грунта (песчинки и т. д.) могли попасть во внутреннюю полость при залегании в земле через щели. Отсутствие жирных кислот на смыслах из полости энколпиона свидетельствует о том, что органические вложения животного происхождения не использовались.

3. Новгород, 2008, Десятинный-1, № 139 (рис. 1: 3). Целый закрытый с оглавием, прямоконечный, гладкий тип IV.6.2 по А. А. Песковой. Размеры без оглавия: $33 \times 22,5 \times 6,5$ мм. Изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы. На лицевой створке изображено Распятие, на оборотной – крест. Рисунки дополнены. Стратиграфическая дата – вторая половина XII – начало XIII в. (Олейников, 2019. С. 164).

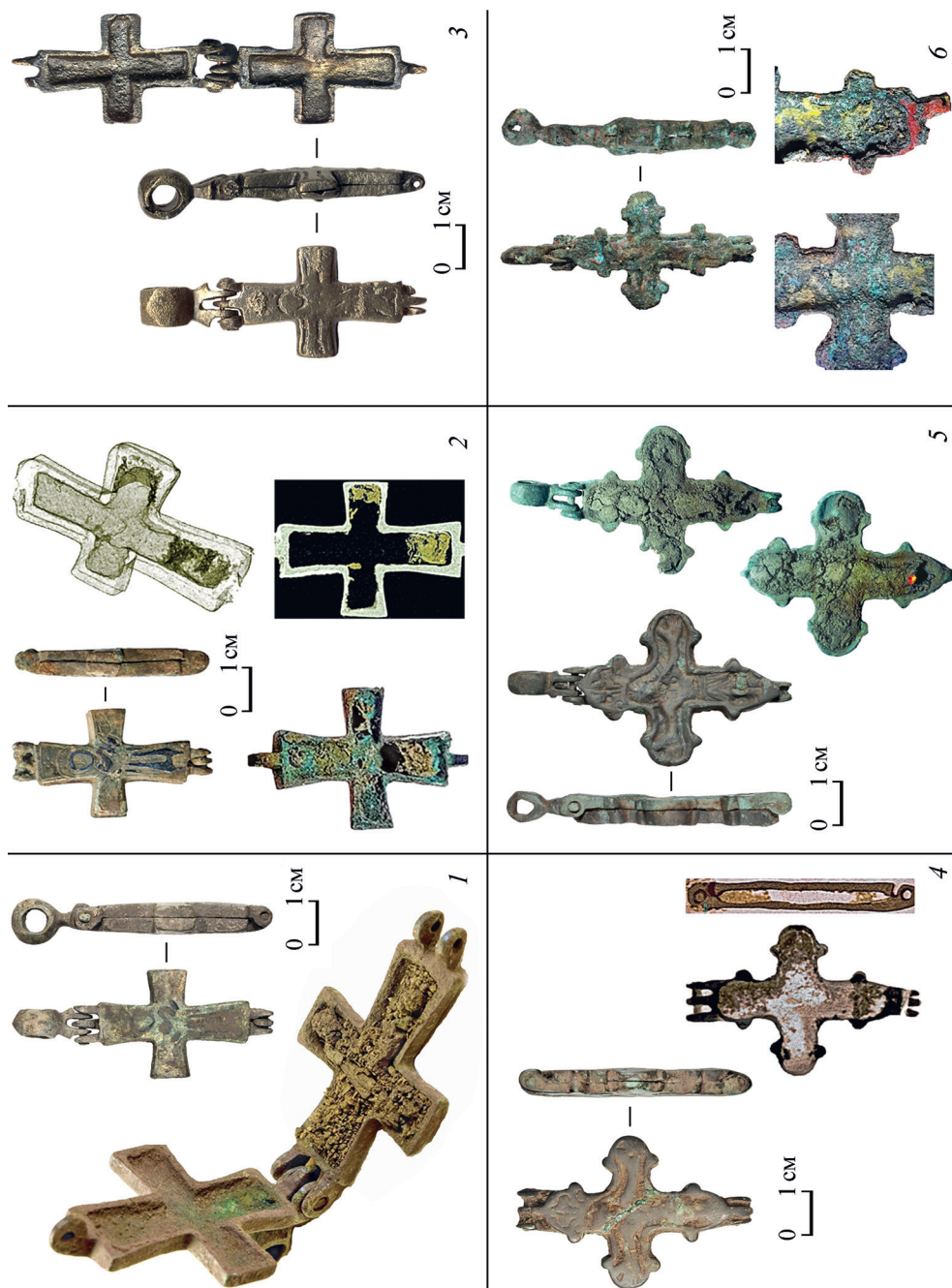

Рис. 1. Макрофотографии и томограммы крестов-энколпионов из селищ округа Переславля, Суздальского Ополя, Новгорода и Суздаля

1 – Клещино, 2016. № 205/40; 2 – Федосьино 1, 2018. № 867/6; 3 – Новгород, 2008, Десятинный-1. № 139; 4 – Григорово 2, 2016. № 488/110; 5 – Михали 4, 2016. № 595/16; 6 – Суздаль, 2016, ул. Гастева. № 18–37

Одна нижняя петля оборотной створки обломана, нижний штифт отсутствует. В полости креста находился порошок темно-коричневого цвета весом 53,8 мг, который исследовался методами ИК-спектроскопии и ГХ-МС. Сравнительный анализ экстрактов образца содержимого креста и образцов ладана и воска показал наличие в заполнении энколпиона соединений, характерных для натурального ладана, но отсутствие веществ, свойственных пчелиному воску.

Вложением в крест был ладан.

4. Селище Григорово 2, 2016. № 488/110 (рис. 1: 4). Целый закрытый, без оглавия. Рельефный, с закругленными концами («поздний борисоглебский», тип VIII.3.1, конец XII – XIII в. по А. А. Песковой) (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 225*). Размеры без оглавия: $53 \times 35 \times 7$ мм. Сохранились оба запорных штифта: верхний – расклепанный медный стерженек, нижний – деревянный клинышек. На лицевой створке – Распятие (поперечная трещина створки), на оборотной – сильно затертое изображение святого. Литье по оттиску из оловянно-свинцовой бронзы. Хотя створки плотно прилегали друг к другу, из-за неровностей литья образовались щели шириной до 0,5 мм.

Энколпион заполнен медными окислами и на четверть грунтом, который был распределен по краям межстворчатой полости (нейтронная томография). Методом оптической микроскопии в отраженном свете в заполнении выявлены несколько растительных фрагментов нетекстильных элементарных целлюлозных волокон и одно лубяное волоконце толщиной около 20 микрон. По наличию характерных поперечных уплотнений – перемычек и размерам его можно идентифицировать как текстильное льняное или конопляное элементарное волокно (рис. 3: в).

Учитывая количество и характер распределения грунта внутри складня (по краям), а также выявленные щели, можно предположить естественный характер заполнения энколпиона почвенными фракциями. Возможно, во вложении присутствовала льняная или конопляная ткань или нить, которая была утрачена при потере нижнего штифта.

5. Михали 4, 2016. № 595/16 (рис. 1: 5). Целый закрытый, с оглавием, рельефный, с закругленными концами («поздний борисоглебский», тип VIII.3.1 по А. А. Песковой). Размеры без оглавия: $52 \times 36 \times 6$ мм. Нижняя петля на лицевой створке отсутствует, на оборотной створке фиксируется значительный непролив в правой ветви. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового расклепанного стерженька. На нижней ветви креста в районе ног Христа – сквозная фронтальная заклепка. На лицевой створке изображено Распятие, на оборотной створке помещено сильно затертое изображение святого. Крест отлит из оловянно-свинцовой бронзы, заклепка сделана из двойной латуни.

После открытия креста оказалось, что содержимое представлено грунтом с растительными включениями, среди которых фиксируются фрагменты корешков и целлюлозные волокна стеблей травянистых растений. В заполнении полости с помощью растровой электронной микроскопии (РЭМ) выявлены фрагменты текстильных растительных технических волокон (рис. 3: з). По морфологическим признакам и размерам данные фрагменты можно отнести к льняным. Системы крутки и переплетения нитей не прослеживается.

Грунт мог попасть в межстворчатую полость через широкое отверстие в непролитом фрагменте створки, а также в момент утраты нижнего штифта.

Вложением могла быть льняная ткань или нить.

6. Суздаль, 2016, ул. Гастева. № 18–37 (рис. 1: б). Целый закрытый, с оглавием, рельефный с закругленными концами, сильно корродирован. Размеры без оглавия: $47 \times 27 \times 7$ мм. Створки энколпиона погнуты, так что в его центральной части имеется межстворчатая щель шириной 3 мм. Сохранились запорные штифты: верхний из бронзы и нижний деревянный, не запирающий до конца петли створок. На лицевой створке помещено изображение Распятия, на оборотной – Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью (тип Ш.1.1 по А. А. Песковой). Время бытования – весь XII в. (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 132, 133*). Состав металла створок и оглавия – оловянно-свинцовая бронза.

В полости креста присутствовали в большом количестве медные окислы. На внутренней поверхности одной из створок сохранился разрушенный фрагмент ткани из растительных волокон с неразличимой структурой переплетения, размером $3,5 \times 3$ мм. Часть волокон была минерализована соединениями меди. По данным оптического анализа (в т. ч. с применением «поляризованного» света) можно говорить об их растительном происхождении (рис. 4: а). Это подтверждают данные ИК-спектроскопии. Остатки, вероятно, являлись небольшим кусочком ткани, в который было завернуто утраченное вложение, или самостоятельным вложением, помещенным в ковчежец. Первоначальный характер вложения до конца неясен.

7. Селище Сорогужино 2, 2015. № 443/17 (рис. 2: 7). Целый закрытый, с оглавием, рельефный с закругленными концами. Размеры без оглавия: $44 \times 25 \times 6$ мм. На лицевой створке помещено Распятие, на оборотной – Богоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью (тип Ш.1.1 по А. А. Песковой). Литые по оттиску готового изделия из оловянной бронзы, изображения нечеткие и затертые. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового стержня, нижний запорный штифт отсутствовал.

На нейтронных томографических изображениях видно, что внутренняя полость креста-энколпиона примерно наполовину заполнена твердым веществом, прозрачным для рентгеновского излучения (грунтом). Грунт распределен по стенкам полости и примыкает к зазорам между створками, в центре креста находятся фрагменты, не закрепленные на стенках.

После открытия в полости энколпиона обнаружены медные окислы, почва, содержащая деградированные травяные фрагменты с фалангой насекомого. С помощью оптической микроскопии в заполнении выявлены отдельные элементарные волокна льна, не соединенные между собой системой крутки или переплетения (рис. 4: б). По данным ИК-спектроскопии и хроматографического анализа в грунте обнаружены остатки воскомастики, изготовленной из смеси пчелиного воска и натурального ладана.

Смесь воска и ладана могла быть завернута в льняную ткань и служить вложением. Воскомастичная смесь могла также использоваться для фиксации створок.

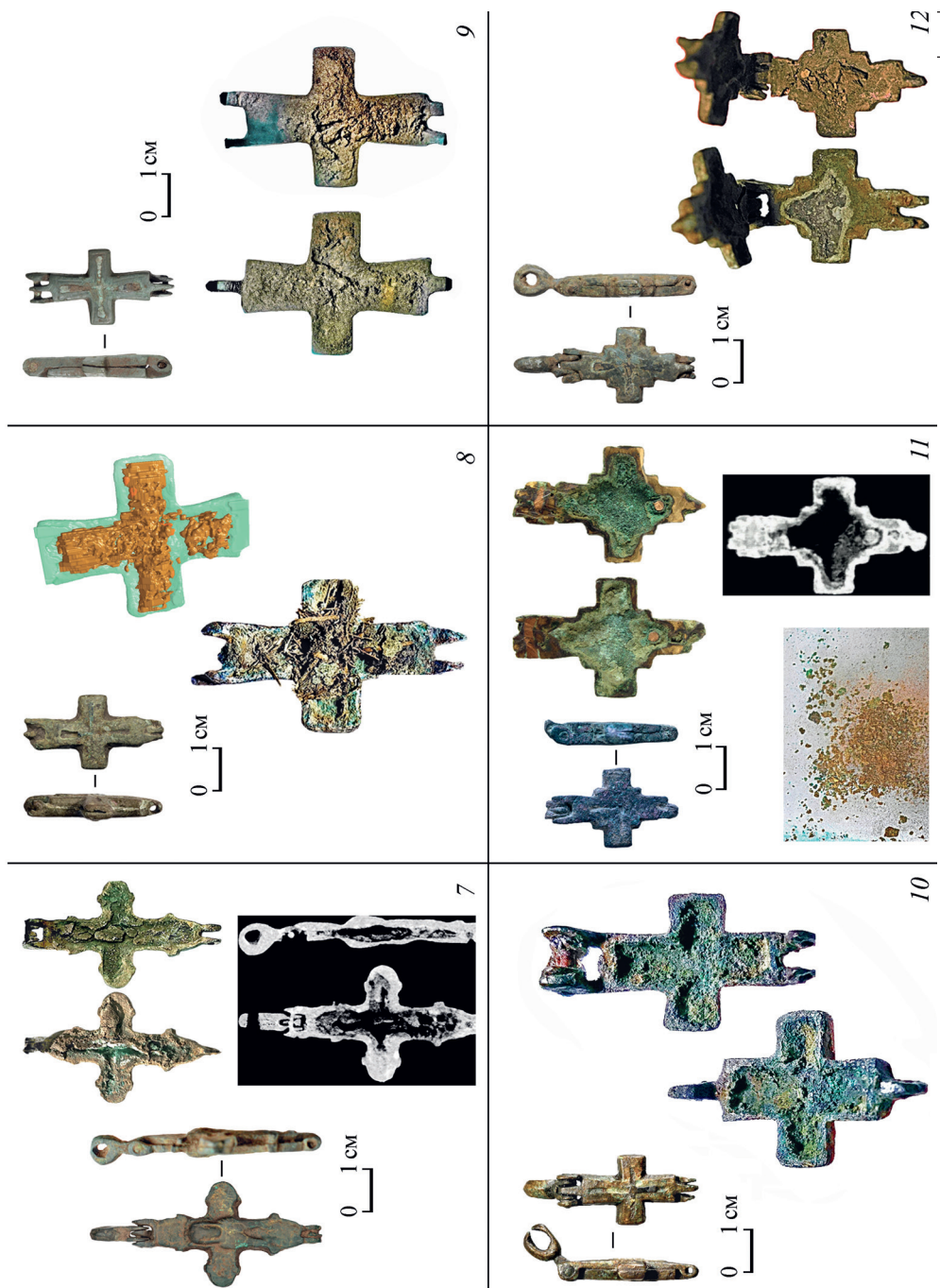
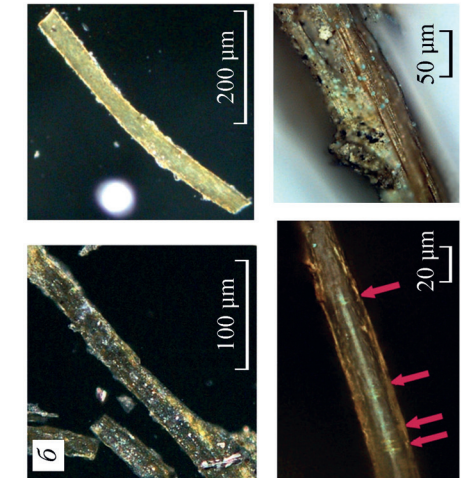
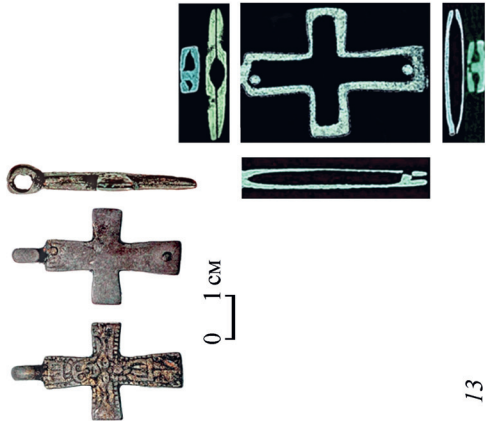
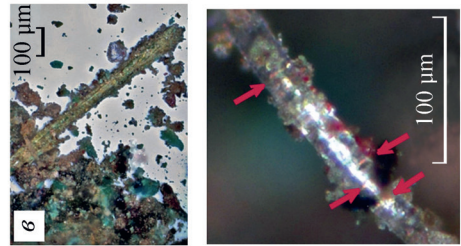
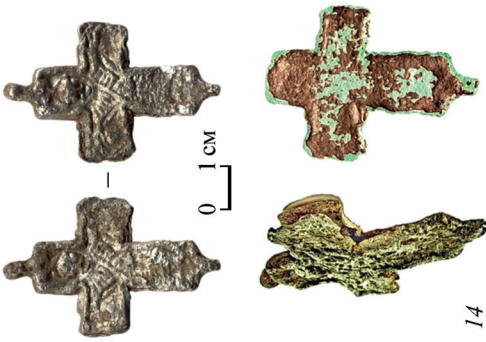
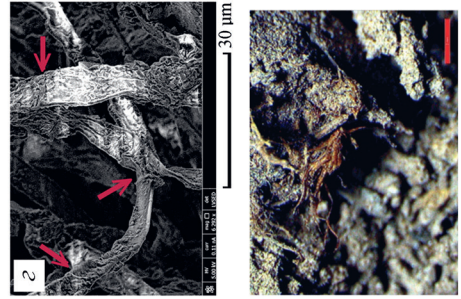
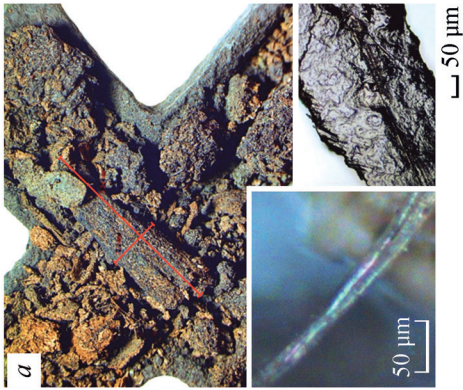

Рис. 2. Макрофотографии и томограммы крестов-энколпионов из селищ Суздальского Ополья

7 – Сорогужино 2, 2015. № 443/17; 8 – Михали 4, 2016. № 679/100; 9 – Суворотское 8, 2016. № 380/48; 10 – Григорово 2, 2018. № 12/12; 11 – Михали 4, 2016. № 680/101; 12 – Михали 3, 2017. № 443/152

8. Селище Михали 4, 2016. № 679/100 (рис. 2: 8). Закрытый, нижние петли и штифт обломаны, без оглавия, гладкий прямоконечный. Размеры: $32 \times 18 \times 4$ мм. Литой по восковой модели из многокомпонентного сплава на основе меди. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами. Тип IV.6.3 по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 171–173*). Сохранился верхний запорный штифт из бронзового стерженька.

Методом нейтронной томографии установлено, что внутренняя полость креста заполнена порошкообразным составом (грунт), в котором регистрируются более крупные включения, плоские и нитевидные объекты (преимущественно в центре и в нижней ветви (*Говор и др., 2017*)). Створки энколпиона были плотно скреплены воскомастичной смесью. Методами ИК-спектроскопии и газовой хроматографии определено, что в ее состав входили ладан и пчелиный воск. В заполнении полости методом оптической микроскопии были выявлены многочисленные остатки стеблей травянистого растения, состоящих из полутора десятков элементарных волокон. Изучение структуры отдельных элементарных волокон не позволило отнести их к текстильным разновидностям (льну, конопле или крапиве) ввиду отсутствия характерных для них повторяющихся поперечных утолщений-перемычек (рис. 4: *в*). Структура крутки и переплетения отсутствовала.

Можно предположить, что энколпион имел вложение в виде неизвестного травянистого растения. Створки были залиты воскомастичной смесью.

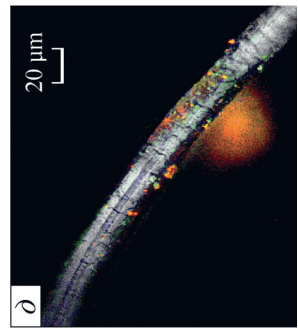
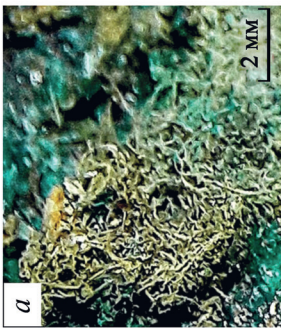
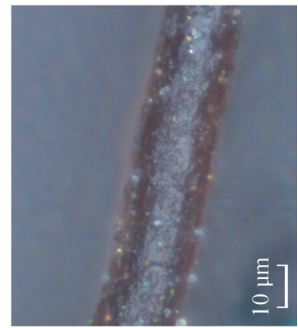
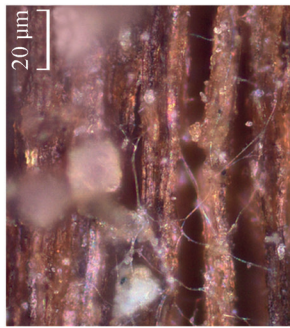
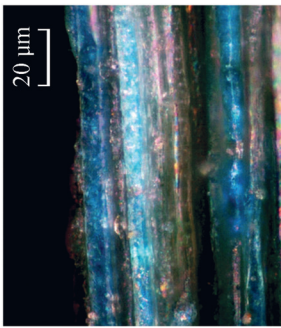
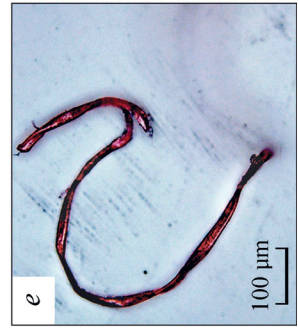
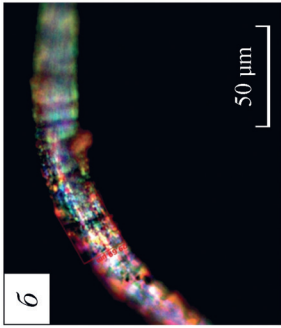
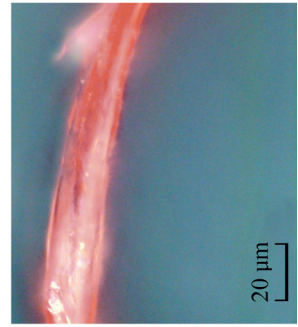
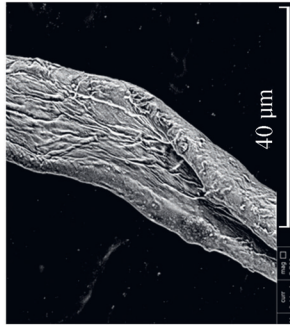
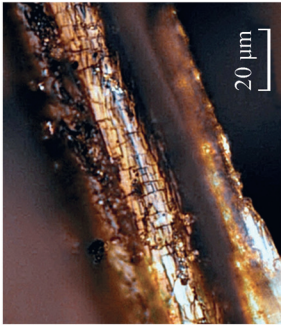
9. Селище Суворотское 8, 2016. № 380/48 (рис. 2: 9). Целый, закрытый, без оглавия, гладкий прямоконечный. Тип IV.6.3 по А. А. Песковой. Размеры: $33 \times 18 \times 5$ мм. Литой по восковой модели из многокомпонентного сплава. Сохранились оба штифта: верхний штырек из свинцовой латуни, нижний деревянный. Створки закрывались неплотно, образуя щели, в верхней части креста достигающие ширины 1 мм. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами.

В заполнении полости энколпиона находился грунт, в котором методом растровой электронной сканирующей микроскопии выявлены текстильные элементарные волокна, характерные для хлопка. Сохранились микроучастки «технического» волокна, не образующего какой-либо системы крутки или переплетения (рис. 4: *з*).

Рис. 3 (с. 34). Макрофотографии и томограммы крестов-энколпионов из Новгорода и их вложений.

Макрофото вложений в энколпионы из Суздальского Ополья

13 – Новгород, 2017, ул. Маницына, 9А; 14 – Новгород, 2011, Власьевский-2; *а* – Клешино, 2016. № 205/40: верх – древесная щепка (отраженный свет); низ, слева – элементарное льняное волокно (поляризованный свет), низ, справа – смоляная капля (отраженный свет); *б* – Федосьино 1, 2018. № 867/6: растительные нетекстильные волокна (верх – сьемка «на просвет») и текстильное (конопляное?) волокно (низ – сьемка в отраженном свете). Стрелками отмечены характерные поперечные уплотнения – перемычки; *в* – Григорово 2, 2016. № 488/110: льняное волокно (снимок в отраженном свете). Стрелками отмечены характерные поперечные уплотнения – перемычки; *з* – Михали 4, 2016. № 595/16: текстильные растительные (льняные?) волокна (верх – растровый электронный микроскоп, низ – отраженный свет). Стрелками отмечены характерные поперечные уплотнения – перемычки

В виде вложения возможно использовался фрагмент хлопковой ткани или нить.

10. Селище Григорово 2, 2018. № 12/12 (рис. 2: 10). Целый, закрытый, с оглавием, гладкий, прямоконечный. Тип IV.6.3 по А. А. Песковой. Размеры без оглавия: $31 \times 15 \times 5$ мм. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового штырька, нижний штифт утрачен. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами.

В заполнении полости находилось несколько крупиц вещества серо-коричневого цвета (окислы). При исследовании методами ГХ-МС в смывах со створок креста обнаружены нефтяные парафины и жирные кислоты. Отношение содержания пальмитиновой и стеариновой кислот – 1:7, жира и нефтяного парафина – 14:86.

Характер вложения неясен, в составе его или для герметизации полости использовалась смесь животного жира (наиболее вероятно, свиного) и продукта нефтяного происхождения (нефтяной парафин или битум). Из такого состава изготавливались сальные свечи.

11. Селище Михали 4, 2016. № 680/101 (рис. 2: 11). Целый, закрытый, сильно корродированный, без оглавия, гладкий, прямоконечный, с 4 выступами в средокрестии. Тип IV.6.4. по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 173–178*). Размеры: $32 \times 20 \times 6$ мм. Сохранился верхний запорный медный штифт, одна нижняя петля оборотной створки обломана, створки укреплены в центральной части нижней ветви фронтальной заклепкой. Литой по восковой модели: одна створка из оловянно-свинцовой бронзы, другая из многокомпонентной бронзы. На обеих створках помещены центральные изображения крестов, выложенные полосами черневой инкрустации.

Методом нейтронной томографии выяснено, что порошкообразное заполнение (грунт) имеется только в нижней и одной боковой ветвях креста. После открытия в полости складня выявлен грунт, остатки скрученного корешка, затвердевшие комочки глины и волокна животного происхождения, покрытые кутикулами (чешуйками). Волокна встречаются 2 видов: шириной около 20 мкм и 10 мкм. При микроскопическом исследовании с поляризованным светом более тонкие нити могут быть идентифицированы как шерсть козы, что подтверждается данными ИК-микроскопии (*Zhang et al., 2010; Чернова, Целикова, 2004*). Среди фрагментов зафиксировано волокно, отличающееся по своим размерам, цвету и структуре от остальных (рис. 4: *д*). Лентовидная форма его кутикул, их высота (около 10 микрон) и размеры медулы позволяют идентифицировать образец как человеческий волос (*Barton, 2011*).

Рис. 4 (с. 36). Макрофотографии элементов вложений

а – Суздаль, 2016, ул. Гастева, № 18–37: растительные волокна (справа – поляризованный свет); *б* – Сорогужино 2, 2015. № 443/17: элементарные волокна льна (слева – поляризованный свет, справа – отраженный свет – виден рисунок фибрилл); *в* – Михали 4, 2016. № 679/100: слева – оболочка стебля неизвестного растения (отраженный свет), справа – участок волокон стебля растения; *г* – Суворотское 8, 2016. № 380/48: хлопковые элементарные волокна; *д* – Михали 4, 2016. № 680/101: слева – волос, справа – шерсть (поляризованный свет); *е* – Михали 3, 2017. № 443/152: волокно шелка (отраженный свет)

Вероятно, энколпион имел вложение в виде волоса, завернутого в шерстяную ткань.

12. Селище Михали 3, 2017. № 443/152 (рис. 2: 12). Целый, закрытый, с оглавием, гладкий, прямоконечный, с 4 выступами в средокрестии. Тип IV.6.4. по А. А. Песковой. Размеры без оглавия: $31 \times 18 \times 6$ мм. Литой по восковой модели из оловянно-свинцовой бронзы. Верхний запорный штифт представлен бронзовым штырьком, нижний – железным, створки прилегают неплотно. На обеих створках энколпиона помещены центральные изображения крестов, выложенных полосами черневой инкрустации.

По данным оптической микроскопии межстворчатая полость была заполнена медными окислами и грунтом, в котором выявлен фрагмент скрученного одиночного волокна красного цвета (рис. 4: e). Фрагмент близок по структуре образцам нитей из натурального шелка. В нескольких местах наблюдается раздвоение образца и это характерно только для шелковой нити, состоящей из двух волокон-шелковин, скрепленных серицином (Семёнов, 2018). Малые размеры образца не позволили провести тест на горение, поэтому идентифицировать волокно как шелковое можно лишь предположительно.

Вероятным вложением был фрагмент шелковой ткани или нить.

13. Новгород, 2017, шурф на ул. Маницына, 9А (рис. 3: 13). Целый, закрытый, с ушком, прямоконечный, рельефный. Размеры; $33 \times 23 \times 3,5$ мм. Отлит из оловянно-свинцовой бронзы с примесью висмута и сурьмы. Петель и штифтов нет. Створки наглухо скреплены двумя фронтальными заклепками. На лицевую створку помещено изображение Распятия, на оборотную – Богоматери (сильно стерто). Найден в слое второй половины XII в. (Олейников, 2019. С. 170, 171).

При изучении реликвария методом нейтронной томографии обнаружена пустая межстворчатая полость. Энколпион не открывался.

Складень изначально не содержал вложения.

14. Новгород, 2011, Власьевский-2 (рис. 3: 14). Целый, закрытый, с ушком, прямоконечный, рельефный. Размеры без ушка $35 \times 30 \times 4$ мм. Крест был отлит из олова с 0,5%-ной примесью меди по оттиску энколпиона. Две створки с одинаковым изображением грубого Распятия были соединены проковкой по краям. Найден в слое огорода первой половины XII в. (Там же. С. 169, 170). Без штифтов. Просвет межстворчатой полости, выявленный методом нейтронной томографии, составлял от 0,75 до 3,75 мм. В полости обнаружено сильно поглощающее вещество (возможно, водородосодержащие гидроксиды). Поскольку ковчежец для вложения отсутствует, атрибуция креста как реликвария неочевидна.

Было принято решение приоткрыть створки в средней части и извлечь содержимое. Его изучение методом оптической микроскопии показало наличие частиц оловянных окислов (или гидроксидов) и очень малого количества песка, был выявлен микрофрагмент единичного скрученного волокна растительного происхождения. Принадлежность его к известным текстильным видам маловероятна (корневое волокно). Анализ полости створок и грунта с помощью метода газовой хроматографии подтвердил отсутствие органики в «межстворчатой» полости. Определимое вложение не выявлено, но нельзя исключить, что в качестве вложения использовались частицы песка.

Обсуждение результатов

12 исследованных энколпионов относятся к хорошо известным древнерусским типам крестов конца XI – XIII в., выделенным А. А. Песковой. Четыре из них – рельефные с закругленными концами и выступами-«слезками» на ветвях, с изображением Распятия и Богоматери или Распятия и святого. 8 энколпионов – миниатюрные гладкие черневые с прямыми или немного расширяющимися ветвями: с изображением на створках Распятия и Богоматери или с простыми рисунками крестов на обеих створках. Изделия различаются по уровню художественного исполнения, однако все они представляют собой продукцию, изготовленную из недорогих материалов для массового потребителя, как правило, – стандартными большими сериями.

Индивидуальными чертами выделяются два энколпиона из Новгорода. Несмотря на то, что предметы обнаружены в слоях первой и второй половины XII в. (Олейников, 2019. С. 169, 171), они соответствуют иконографии и стилистике металлопластики XI в.: грубое изображение Распятия, Христос в колобии, похожем на мафорий. Все рассмотренные предметы с большой долей вероятности являются продукцией древнерусского ремесла.

Как мы видим, лабораторное изучение закрытых энколпионов далеко не всегда позволяет точно ответить на вопрос о наличии и полном составе вложений. Неполная сохранность вложений в ряде случаев объясняется негерметичностью ковчежцев. Из 14 энколпионов лишь в одном (Клещин) находилось отличное от грунта вложение, видимое невооруженным глазом (щепа). Это единственная реликвия, внешний облик которой определенно прояснен.

Анализ показывает, что энколпионы могли находиться в обиходе и без вложений: их отсутствие документировано в наглухо закрытом кресте из Новгорода. В двух случаях вопрос о наличии вложения остается открытым: реликвии могли быть утрачены из-за неплотного соединения створок или отсутствовать изначально (Григорово 2, Новгород).

В исследованных энколпионах в качестве реликвий присутствуют частицы дерева и смолы, завернутые в льняную ткань (Клещин), человеческий волос, обернутый в шерстяную ткань (Михали 4), смесь воска и ладана, завернутая в льняную ткань (Сорогужино 2), ладан (Новгород), фрагменты льняной ткани (Суворотское 8, Суздаль, ул. Гастева), шелковой ткани (Михали 3), конопляной ткани (Федосьино 1, Григорово 2), остатки неизвестного травянистого растения (Михали 4). Створки двух энколпионов (Сорогужино 2, Михали 4) были залиты воскомастичной смесью, использовавшейся для консервации вложений и скрепления створок, двух других – веществом, состоящим из нефтяных парафинов (Федосьино 1, Григорово 2).

Вопрос о том, использовалась ли ткань как материал, в который были завернуты частицы реликвий, или как самостоятельное вложение, остается неясным. В исследованной серии фиксируются льняные, хлопковая, шелковая, конопляная ткани или нити. Достоверно определить, являлся ли вложением грунт, зафиксированный во многих крестах, или это результат их длительного нахождения в земле, не представляется возможным. Костные остатки не встречены во вложениях исследованной нами серии энколпионов ни разу.

Полученные результаты заметно расходятся с материалами предшествующих исследований крестов-складней, проводившихся в лаборатории ИИМК РАН: из семи крестов остатки костной ткани с помощью оптической микроскопии были выявлены в шести, причем при открытии оформленные фрагменты были обнаружены только в энколпионе из Старой Ладogi, в остальных это был порошок темного цвета. Все костные остатки находились в воскомастичной смеси. Вместе с ними в двух случаях были волосы, в одном кости были завернуты в синюю льняную ткань. Только в одном энколпионе XIV в. находилась шерстяная нить, уложенная двумя петлями и закрепленная воскомастичной смесью (Липатов и др., 2006. С. 294–302; Макаров, Федорина, 2008. С. 138–140).

Из восьми закрытых энколпионов, найденных на территории Болгарии, лишь один содержал визуально определимые фрагменты и кости, и дерева, только остатки дерева зафиксированы в четырех складнях, а фрагменты ткани (шелковой и хлопковой) – в трех, единичными образцами представлены угольки, ароматная смола и фрагменты кожи (Дончева-Петкова, 2017). Лабораторное изучение этих складней не производилось. Единственная надпись на энколпионе из окрестностей г. Кюстендил, указывающая на содержимое ковчежца, прямо отмечает присутствие в нем останков святых. «Мощь святого Климента и святого Георгия. Вся святого Георгия, а преломленная Климента» (Там же. С. 158). Льняная ткань была определена в качестве вложений в пяти чешских христианских металлических реликвариях-капторгах из погребений конца X – первой половины XI в. В двух из них она покрывала частицы дерева. (Profantová, Šilhová, 2010).

С увеличением серии крестов-складней, содержимое которых исследовано в лабораториях с использованием новейших аналитических методов, становится очевидно, что частицы мощей не были единственной категорией вложений, помещавшейся в ковчежец. Остатки дерева и ткани также соответствуют известному кругу предметов, почитавшихся в качестве реликвий. Присутствие их в ковчежцах открывает широкий простор для предположений об их возможном происхождении и сакральном смысле. Так, в знаменитом Ковчеге Дионисия хранились реликвии, привезенные в 1383 г. архиепископом Дионисием Суздальским из константинопольского монастыря Святого Георгия: частица «Животворящего креста», хитон Христа («риза нешвенная»); багряница; терновый венец; камень от столба бичевания; губка, с которой Христос был напоен уксусом; трость, которую дали в руки Христу солдаты; кровь и вода, истекшие из ребер Христа; волосы, исторгнутые из бороды Христа; частица крови Христовой, истекшей от иконы Распятия в Верите (Бейруте); камень от доски, на которую было положено тело Христа; ароматы, которыми помазали тело Христа перед погребением; камень от гроба Спасителя, камень яслей Христовых, пояс и риза Богоматери (Стерлигова, 1999).

Хорошо известны напрестольный крест Ефросинии Полоцкой с частицами «Честного древа», полученными от византийского императора Мануила Комнина, изготовленный в 1161 г. (Алексеев, 1993), и воздвизальный крест из Софии Новгородской с частицами той же святыни, принесенными в Новгород из Царьграда Добрыней Ядрейковичем – будущим архиепископом Антонием – в 1211 г. (Царевская, 2003). Однако в домонгольское время частицы Голгофского Креста,

как и другие новозаветные реликвии, оставались на Руси редкими и малоизвестными святынями (*Стерлигова*, 2000). Поэтому более правдоподобно видеть в частицах дерева из ковчежцев фрагмент гроба одного из святых, почитаемой иконы, поклонного креста или одного из деревьев, связанных с событиями священной истории или подвигами святых. Среди почитаемых реликвий во владимирском Дмитриевском соборе была мироточивая доска от гроба Дмитрия Солунского, привезенная Всеволодом Большое Гнездо из Солуни (ПСРЛ. Т. 41, 1995. С. 122).

С волокнами ткани можно ассоциировать остатки покровов, риз и одежд святых. Частицы риз Богородицы находились в ковчежце одного из наперсных крестов первой четверти XIV в. из Благовещенского собора Московского Кремля (*Стерлигова*, 2003. С. 554). В Дмитровском соборе во Владимире имелась еще одна солунская реликвия – сорочка святого Дмитрия (ПСРЛ. Т. 1, 2001. Стб. 436, 437). Вероятно, для обладателей небольших энколпионов, изготовленных из недорогих материалов, были доступны вторичные «контактные» реликвии, связанные со святыми местами Христианского Востока, Средиземноморья и Руси.

Исследовательница западноевропейских христианских древностей Д. Смит также подчеркивает разнообразие почитаемых предметов, находившихся в реликвариях христианских центров средневекового Запада. Костные остатки были не единственным видом святынь, значительную их часть составляли камни, частицы земли, дерева и ткани, связанные с ветхозаветной и новозаветной историей и историей святых. Конкретная атрибуция и датировка этих реликвий основывается на этикетках, крепившихся к мешочкам, в которые помещались почитаемые предметы (*Smith*, 2014; 2015. Р. 53–60). Д. Смит обращает внимание, что вопрос о том, какие именно материальные остатки могут почитаться как сакральные предметы, никогда не рассматривался средневековыми богословами и не был для них актуален (*Ibid.* Р. 59).

С учетом этих наблюдений, отсутствие частиц мощей не должно рассматриваться как отклонение от некоей нормативной практики. Мощи немногочисленных русских святых, канонизированных в домонгольское время, во второй половине XII – XIII в. по большей части еще находились под спудом и были недоступны для паломников.

Заключение

Доступная для анализа серия вложений пока еще слишком мала, чтобы делать общие выводы о характере «движимых святынь», помещавшихся в энколпионы. С появлением новых материалов представляется, что традиция была вариативна, установленных правил отбора реликвий для вложения в ковчежцы не существовало, помимо мощей – остатков кости и волос – в качестве вложений использовались частицы дерева и ткани. Вложения могли теряться и возобновляться, когда энколпионы находились в обиходе. Несмотря на производство крестов как стандартизированных изделий, вложенные в них реликвии были индивидуальны. Возможно, часть крестов первоначально попадала в руки своих владельцев без вложений, с расчетом на собственные поиски святынь, другие сразу наполнялись

«контактными» реликвиями. Для сохранения вложений и герметизации створок широко применялась воскомастичная смесь.

Лабораторное изучение энколпионов подтверждает функциональное использование их как реликвариев в отдаленных областях средневековой христианской ойкумены, широкое распространение общехристианского почитания «движимых святынь» в Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л. В.*, 1993. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в Средневековье и в позднейшие времена // РА. № 2. С. 70–78.
- Говор Л. И., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Коваленко Е. С., Куркин А. В., Мурашев М. М., Подурец К. М., Соменков В. А., Глазков В. П., Благов А. Е., Яцишина Е. Б.*, 2017. Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 348–365.
- Дончева-Петкова Л.*, 2017. Кресты-энколпионы, их реликвии и производство в средневековой Болгарии // В камне и в бронзе. СПб.: ИИМК РАН. С. 155–160. (Труды ИИМК; т. 48.)
- Иванов С. А.*, 2003. Благочестивое расчленение: парадокс почитания мощей в византийской агиографии // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 121–130.
- Коваленко Е. С., Подурец К. М., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Агафонов С. С., Колобылина Н. Н., Калоян А. А., Говор Л. И., Куркин В. А., Яцишина Е. Б.*, 2019. Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. Т. 64. № 5. С. 826–831.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.*, 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с.
- Липатов А. А., Медникова Е. Ю., Мусин А. Е., Пескова А. А.*, 2006. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой. СПб.: Петербургское востоковедение. 341 с.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешиников Э. А.*, 2017. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье // АВ. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН. С. 291–310.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.*, 2008. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 137–146.
- Олейников О. М.*, 2019. Новые находки энколпионов конца XI – первой четверти XIII в. в Великом Новгороде // РА. № 1. С. 161–176.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Репринт. воспроизведение 2-го изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археогр. центр, 1995. 184 с.
- Семёнов В. В.*, 2018. Судебно-биологическая экспертиза вещественных доказательств (крови, спермы, волос): Учеб.-метод. пособие. Минск: Белорусский гос. мед. ун-т 82 с.
- Стерлигова И. А.*, 2000. Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радуница. С. 19–93.
- Стерлигова И. А.*, 1999. Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». С. 280–303.
- Стерлигова И. А.*, 2003. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV вв. // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 553–568.
- Царевская Т. Ю.*, 2003. О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция. С. 398–414.
- Чернова О., Целикова Т.*, 2004. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Товарищество научных изданий КМК. 430 с.

- Barton P. M. J., 2011. A forensic investigation of single human hair fibres using FTIR-ATR spectroscopy and chemometrics. Brisbane: Queensland University of Technology. 337 p.
- Bergfjord C., Holst B., 2010. A procedure for identifying textile bast fibres using microscopy: Flax, nettle/ramie, hemp and jute // *Ultramicroscopy*. Vol. 110. Iss. 9. P. 1192–1197.
- Cutler A., 2015. The Relics of Scholarship. On the Production, Reproduction, and Interpretation of Hallowed Remains in Late Antiquity, Byzantium, Early Islam and the Medieval West // *Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond* / Eds.: C. Hahn, H. Klein. Washington. P. 309–347.
- Profantová N., Šilhová A., 2010. K problematice kaptorg v Čechách. Na základě detailního studia hrobu 22 z Klecan II // *Památky archeologické*. 101. Praha. P. 283–310.
- Smith J., 2012. Portable Christianity: Relics in the Medieval West (c.700–1200) // *Proceedings of the British Academy*. 181. P. 143–167.
- Smith J., 2014. Care of relics in Early Medieval Rome // *Rome and Religion in the Medieval World: Studies in Honor of Thomas F. X. Noble* / Eds.: V. Graver, O. Phelen. Farnham. P. 179–205.
- Smith J., 2015. Relics: an Evolving Tradition in Latin Christianit // *Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond* / Eds.: C. Hahn, H. Klein. Washington. P. 41–60.
- Summerscales J., Gwinnett C., 2017. Forensic identification of bast fibres // *Biocomposites for High-Performance Applications*. Duxford: Woodhead Publishing. P. 125–164.
- Talbot A.-M., 2015. The relics of new saints: deposition, translation, and veneration in middle and late Byzantium // *Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond* / Eds.: C. Hahn, H. Klein. Washington. P. 215–231.
- Zhang J., Palmer S., Wang X., 2010. Identification of animal fibers with wavelet texture analysis // *WCE 2010: Proceedings of the World Congress on Engineering 2010*. London: Newswood Limited: International Association of Engineers. P. 742–747.

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Грешников Эдуард Аркадьевич, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Акад. Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: levkon1963@yandex.ru;

Зайцева Ирина Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: izaitseva@yandex.ru;

Коваленко Екатерина Сергеевна, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Акад. Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: kovalenko_es@mail.ru;

Подурец Константин Михайлович, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Акад. Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: podurets@yandex.ru;

Мурашев Михаил Михайлович, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Акад. Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: mihail.mmm@inbox.ru

N. A. Makarov, E. A. Greshnikov, I. E. Zaytseva,
K. M. Podurets, E. S. Kovalenko, M. M. Murashev

INVISIBLE HOLY RELICS. RELICS AND MATERIALS INSERTED
IN MEDIEVAL RELIQUARY CROSSES BASED ON THE DATA
FROM COMPREHENSIVE ANALYTICAL STUDIES

Abstract. The paper reviews fragments of relics and materials from 14 closed Medieval Russia reliquary crosses found at unfortified settlements of Suzdal Opolye and in Novgorod. These fragments were studied with the use of modern methods of neutron tomography,

optical microscopy, infrared microscopy, gas chromatography in the laboratories of the ‘The Kurchatov Institute’ National Research Center. The results obtained reveal that the tradition of inserting relics was not rigid, there were no established rules for selecting holy relics for reliquary crosses. Besides physical remains such as human bones and hair, parts of wood and cloth were inserted as well; a mixture of wax and mastic resin was used to seal cross compartments. Inserted relics could be lost and replaced when reliquary crosses were in use. Despite production of crosses as standardized items, relics inserted in them were individual. The laboratory studies of these reliquary crosses confirm their functional use as reliquaries in remote areas of the Medieval Christian oecumene as well as veneration of these ‘portable’ sacred objects in the northeastern parts of Medieval Russia in the twelfth–thirteenth centuries which was typical for the entire Christian World.

Keywords: medieval reliquary crosses, holy relics, neutron tomography, infrared spectroscopy.

REFERENCES

- Alekseyev L. V., 1993. Krest Evfrosinii Polotskoy 1161 goda v srednevekov'ye i v pozdneyshiyeh vremena [The cross of Euphrosinya of Polotsk of 1161 in Middle Ages and later periods]. *RA*, 2, pp. 70–78.
- Chernova O., Tselikova T., 2004. Atlas volos mlekovitayushchikh. Tonkaya struktura ostevykh volos i igl v skaniruyushchem elektronnom mikroskope [Atlas of mammalian hair. Fine structure of guard hairs and needles in scanning electron microscope]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. 430 p.
- Doncheva-Petkova L., 2017. Kresty-enkolpiony, ikh relikvii i proizvodstvo v srednevekovoy Bolgarii [Encolpion crosses, their relics and production in Medieval Bulgaria]. *V kamne i v bronze [In stone and in bronze]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 155–160. (Trudy IIMK, 48.)
- Govor L. I., Greshnikov E. A., Zaytseva I. E., Kovalenko E. S., Kurkin A. V., Murashev M. M., Podurets K. M., Somenkov V. A., Glazkov V. P., Blagov A. E., Yatsishina E. B., 2017. Issledovaniye zakrytykh drevnerusskikh krestov-enkolpionov s primeneniym yaderno-fizicheskikh metodov [Studies of two-part Medieval Russia reliquary crosses by nuclear physics methods]. *KSIA*, iss. 249, part II, pp. 348–365.
- Ivanov S. A., 2003. Blagochestivoye raschleneniye: paradoks pochitaniya moshchey v vizantiyskoy agiografii [Pious dismemberment: paradox of relics veneration in Byzantine hagiography]. *Vostochnokhristianskiye relikvii [East Christian relics]*. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 121–130.
- Korzukhina G. F., Peskova A. A., 2003. Drevnerusskiye enkolpiony. Nagrudnyye kresty-relikvarii X–XIII vv. [Ancient Russian encolpions. Pectoral reliquary crosses of X–XIII cc.]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 432 p.
- Kovalenko E. S., Podurets K. M., Greshnikov E. A., Zaytseva I. E., Agafonov S. S., Kolobylina N. N., Kaloyan A. A., Govor L. I., Kurkin V. A., Yatsishina E. B., 2019. Issledovaniye drevnerusskogo bronzovogo kresta-enkolpiona s pomoshch'yu kompleksa nerazrushayushchikh metodov [Investigation of an Old Russian bronze encolpio-cross with application of a set of non-destructive methods]. *Kristallografiya [Crystallography]*, vol. 64, no. 5, pp. 826–831.
- Lipatov A. A., Mednikova E. Yu., Musin A. E., Peskova A. A., 2006. Svyashchennyye vlozheniya drevnerusskikh enkolpionov v kontekste liturgicheskoy praktiki: vozmozhnosti kompleksnogo analiza [Sacred attachments of Old Russian encolpions in context of liturgical practice: possibilities of complex analysis]. *Khristianskaya ikonografiya Vostoka i Zapada v pamyatnikakh material'noy kul'tury Drevney Rusi i Vizantii: Pamyati Tat'yany Chukovoy [Christian iconography of East and West in monuments of material culture of Medieval Rus and Byzantine: In memory of Tatyana Chukovaya]*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 341 p.
- Makarov N. A., Fedorina A. N., 2008. O nakhodkakh enkolpionov na suzdal'skikh selishchakh [On finds of encolpions in Suzdal open settlements]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 137–146.

- Makarov N. A., Zaytseva I. E., Greshnikov E. A., 2017. Chervnyye kresty-enkolpiony v Suzdal'skom Opol'ye [Niello encolpio crosses in Suzdal Opol'ye]. *AV*, 23. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 291–310.
- Oleynikov O. M., 2019. Novyye nakhodki enkolpionov kontsa XI – pervoy chetverti XIII vv. v Velikom Novgorode [New finds of encolpio crosses of late XI – first quarter of XIII cc. in Velikiy Novgorod]. *RA*, 1, pp. 161–176.
- PSRL, 1. Lavrent'yevskaya letopis' [Lavrentyevskaya Chronicle]. Reprint 2nd edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 496 p.
- PSRL, 41. Letopisets Pereslavlya Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarey) [Chronicler of Pereyasavl' Suzdal'skiy (Chronicler of Russian Tsars)]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1995. 184 p.
- Semenov V. V., 2018. Sudebno-biologicheskaya ekspertiza veshchestvennykh dokazatel'stv (krovi, spermy, volos): uchebno-metodicheskoye posobiye [Forensic and biological expertise of physical evidence (blood, semen, hair): educational and methodological guide]. Minsk: Belorusskiy gos. meditsinskiy universitet. 82 p.
- Sterligova I. A., 1999. Kovcheg Dionisiya Suzdal'skogo [Pyxis of Dionisius of Suzdal]. *Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya [Annunciation cathedral of Moscow Kremlin: Materials and investigations]*. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kremль», pp. 280–303.
- Sterligova I. A., 2000. Novozavetnyye relikvii v Drevney Rusi [New Testament relics in Ancient Rus]. *Khristianskiye relikvii v Moskovskom Kremlе [Christian relics in Moscow Kremlin]*. Moscow: Radunitsa, pp. 19–93.
- Sterligova I. A., 2003. Svyatyni Uspeniya Bogomateri v proizvedeniyakh drevnerusskogo iskusstva XII–XIV vv. [Sanctities of the Assumption of the Mother of God in works of ancient Russian art of XII–XIV cc.]. *Vostochnokhristianskiye relikvii [East Christian relics]*. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 553–568.
- Tsarevskaya T. Yu., 2003. O tsar'gradskikh relikviyakh Antoniya Novgorodskogo [On Constanti-nople relics of Antonius of Novgorod]. *Vostochnokhristianskiye relikvii [East Christian relics]*. A. M. Lidov, ed., comp. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 398–414.

About the authors

Makarov Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Zaytseva Irina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: izaitseva@yandex.ru;

Greshnikov Eduard A., National Research Center «Kurchatov Institute», Ac. Kurchatov pl., 1, Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: levkon1963@yandex.ru;

Kovalenko Ekaterina S., National Research Center «Kurchatov Institute», Ac. Kurchatov pl., 1, Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: kovalenko_es@mail.ru;

Podurets Konstantin M., National Research Center «Kurchatov Institute», Ac. Kurchatov pl., 1, Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: podurets@yandex.ru;

Murashev Mikhail M., National Research Center «Kurchatov Institute», Ac. Kurchatov pl., 1, Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: mihail.mmm@inbox.ru

Э. Б. Зальцман

КУЛЬТУРНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СРЕДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С ПОСЕЛЕНИЙ УШАКОВО 3 И ПРИБРЕЖНОЕ

Резюме. В работе характеризуются новые материалы, полученные в ходе исследований неолитических (по прибалтийской периодизации) поселений побережья Вислинского залива. Данные древности, по всем признакам, относятся к культуре воронковидных кубков, памятники которой ранее в регионе были неизвестны. Все материалы КВК выявлены на поселениях, основные культурные комплексы с которых относятся к приморской культуре шнуровой керамики (рис. 1). Незначительные по размерам стоянки КВК существовали здесь до прихода населения приморской культуры. В Ушаково 3 керамика КВК найдена в культурном слое в восточной части раскопа, где она залегала в основном отдельно от керамики приморской культуры (рис. 2–4). В Прибрежном кроме керамических материалов зафиксированы следы 2 построек с двухрядной столбовой конструкцией стен (рис. 5). Постройки наземного типа, удлиненной формы, шириной не более 3,2 м. Технологические и морфологические характеристики фрагментов керамики, обнаруженной в пределах построек, не оставляют сомнений в том, что эти комплексы принадлежат КВК (рис. 6: 1, 13). Кроме того, здесь же выявлены две амфоры с типичными чертами баденизации в КВК (рис. 6: 14, 15). Керамика КВК встречалась также и в культурном слое поселения (рис. 7: 1, 3, 4, 6, 7, 10, 12). Все материалы КВК с поселений Ушаково 3 и Прибрежное датируются в диапазоне 3500–3100 гг. CalBC (Приложение 1). Наиболее вероятно, что небольшие по численности группы населения КВК проникли в прибрежную зону около середины IV тыс. до н. э., когда на этой территории уже продолжительное время существовали местные сообщества цедмарской неолитической культуры.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Вислинского залива, Калининградская область, культура воронковидных кубков, поселения восточной группы приморской культуры, культура шнуровой керамики, хронология.

Введение

Микрорегион, включающий северо-восточное побережье Вислинского залива, как ни странно, относительно памятников эпохи неолита и бронзового века, многие годы являлся одним из самых неисследованных. Причем юго-восточная часть прибрежной зоны была подробно изучена Б. Эрлихом еще до начала Второй мировой войны, когда удалось обнаружить ставшие затем широко известными поселения приморской культуры Сухач, Свенты-Камень, Толкмичко (*Ehrlich*, 1923; 1925; 1936; 1940). Однако районы, расположенные севернее, по ряду причин оказались вне поля зрения исследователей. Данная картина оставалась неизменной вплоть до начала 90-х гг. XX столетия. Неизвестность, естественно, породила ситуацию, при которой выводы строились исходя из имеющихся скудных фактов, без учета возможных особенностей памятников, которые в перспективе могли быть открыты на пока еще малоизученных территориях, к каковым, кстати, можно отнести и соседний Самбийский полуостров. И это притом, что северная часть бывшей Восточной Пруссии всегда считалась контактной зоной, где могли пересечься самые различные древние сообщества, имеющие резкие различия в экономике, культуре и языке, что в свою очередь могло привести к образованию новых культурных феноменов. Таким образом, уверенность в относительной однородности и близости местного неолита древностям соседней Литвы зиждилась не на знаниях конкретного материала, а, напротив, на его неизученности.

Исследования, проводимые на указанной территории в последние 20 лет, привели к открытию крупных поселенческих центров, функционировавших в разное время, причем, как выяснилось, в их пределах существовали разнообразные по происхождению группы населения.

Основные культурные комплексы с этих поселений принадлежат местному варианту приморской культуры шнуровой керамики (*Зальцман*, 2019). В Прибрежном к тому же сохранились остатки длинных домов, содержащих значительное количество разнообразных находок, в том числе связанных с инокультурными формированиями (*Зальцман*, 2010). Хронология памятников основывалась на результатах радиоуглеродного анализа, типологии, стратиграфических данных. Длинные дома с сопутствующими им хозяйственными объектами поселения Прибрежное и материалы с нижнего уровня культурного слоя поселения Ушаково 3 оказались одними из самых ранних в приморской культуре, начало которой теперь возможно отодвинуть к рубежу IV и III тыс. до н. э. (*Зальцман*, 2019). Помимо собственно культурного комплекса приморской культуры в Прибрежном к настоящему времени выявлены следы стоянки цедмарской культуры, относящейся к концу раннего неолита (*Зальцман*, 2018). Однако кроме этих древностей в Прибрежном и на поселениях в устье р. Прохладной встречалась керамика, морфологически и технологически не имеющая ничего общего с местными комплексами эпохи неолита. Отдельные ее черты указывают на связь с культурой воронковидных кубков (далее – КВК), ближайшая область распространения которой находится в низовьях Вислы (рис. 1) (*Felczak*, 2005a; 2005b).

Представленные ниже материалы по своим характеристикам являют собой полную противоположность керамическому комплексу КШК в Ушаково 3

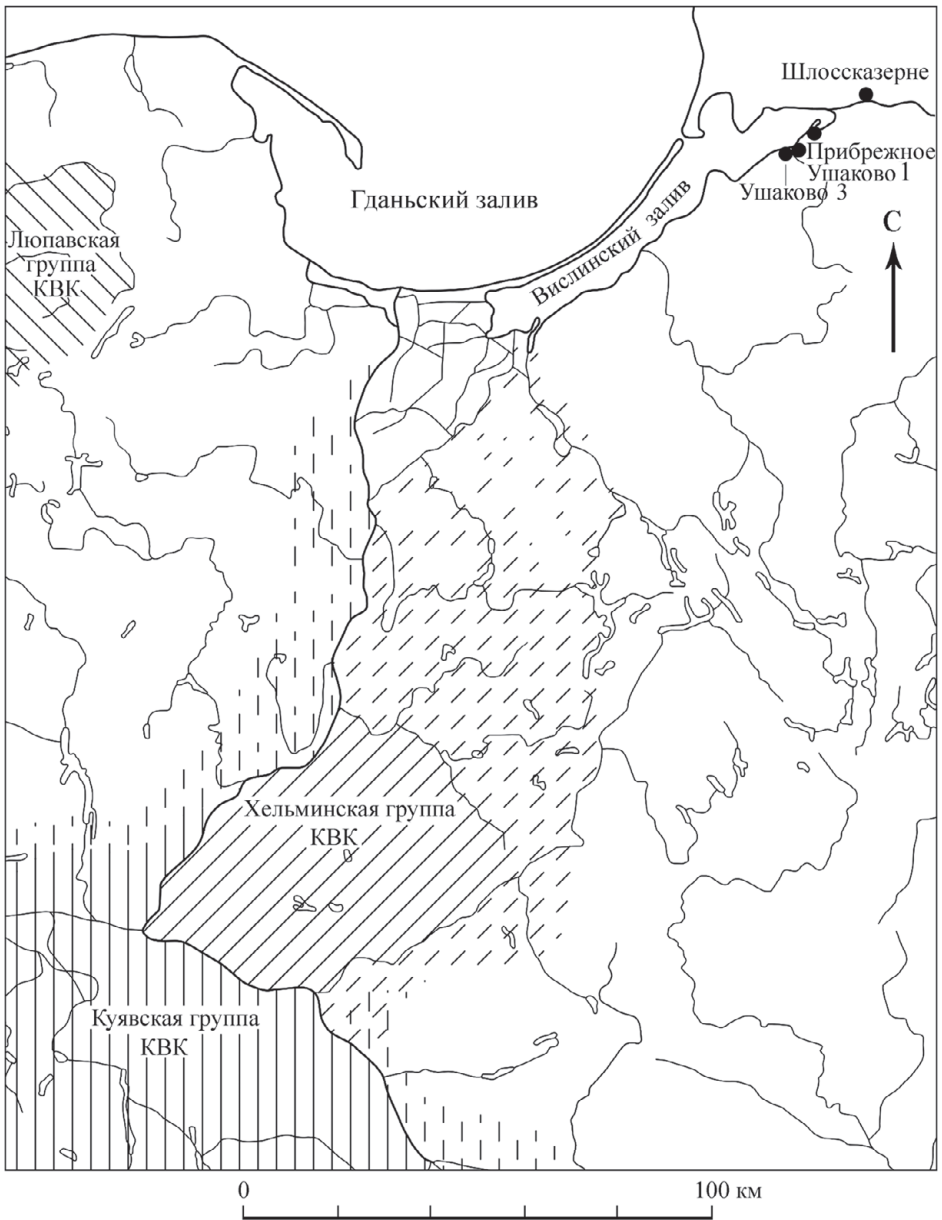

Рис. 1. Поселенческие комплексы эпохи неолита на северо-восточном побережье Вислинского залива

и Прибрежном. Ранее встречались лишь отдельные находки, относящиеся к КВК. К ним принадлежат несколько фрагментов керамики со стоянок гребенчато-ямочной и цедмарской культур Шлоссазерне и Цедмар А, а также с поселения приморской культуры Циммербуде (*Engel, 1935. S. 166. Taf. 37A: a; 38: g, h*). Более многочисленной является керамика КВК, обнаруженная на цедмарских стоянках Дудка и Щепанки в Северной Польше, что естественно, учитывая территориальную близость этих памятников области КВК (*Gumiński, 1997; 2011*). Керамика КВК выявлена, кроме того, на стоянке Звидзе в Восточной Латвии, которая, если следовать И. Лозе, находит аналогии в Дании и Шлезвиг-Гольштейне (*Loze, 2003*).

Долгое время существовала неясность по поводу северной границы ойкумены КВК. Единичные находки керамики КВК на поселениях эпохи неолита в Прибалтике в этом смысле никак не могли способствовать решению этой проблемы. По-видимому, ситуация в связи с новыми исследованиями несколько прояснилась.

Поселение Ушаково 3

Памятник расположен в 1260 м западнее р. Прохладной (Frisching), в 170 м от современной кромки берега Вислинского (Калининградского) залива, в 16 км от окраины Калининграда, занимая крайнюю северо-восточную часть слабо выдающегося в сторону залива берегового уступа. В силу того, что основной участок, на котором обнаружено поселение, является частной территорией, раскопки в настоящее время здесь приостановлены. Но, как выяснилось в ходе исследований, значительная часть культурного слоя под воздействием потоков родниковой воды оказалась смытой непосредственно в направлении расположенного ниже террасообразного выступа. Стекающая вода из родников образовала в твердом основании террасы две протоки, через которые культурный слой постепенно сполз в северный и северо-восточный участки уступа, где и скопился его большая часть. Протоки образовались не одновременно. Крайняя восточная промоина в основном содержала характеризующие здесь керамические материалы.

Данные фрагменты на фоне остальной, несколько однообразной в исполнении шнуровой керамики резко отличались формой, орнаментом, технологией изготовления. Фрагменты серого или коричневого цвета, в основном тонкостенные, изредка с лощеной поверхностью, прекрасно обожжены, с примесью шамота и, в меньшей степени, органики (рис. 2–4). Нередко в керамической массе встречались мелкие песок или дресва.

Большинство сохранившихся венчиков относится по форме к амфорам и кубкам, гораздо реже горшкам и мискам (рис. 2: 1–6, 8–11; 3: 8–12, 14, 15). Орнамент представлен, прежде всего, штампом в виде столбиков: вверху размещались вертикальные отпечатки штампа, ниже продолжался ряд столбиков, образующих зигзагообразную линию (рис. 2: 4, 5, 10; 3: 12; 4: 1, 3–5). Фрагменты с подобным орнаментом имеют почти всегда серый цвет, иногда лощеную поверхность. Иной тип орнамента – неглубокий штамп в виде различного

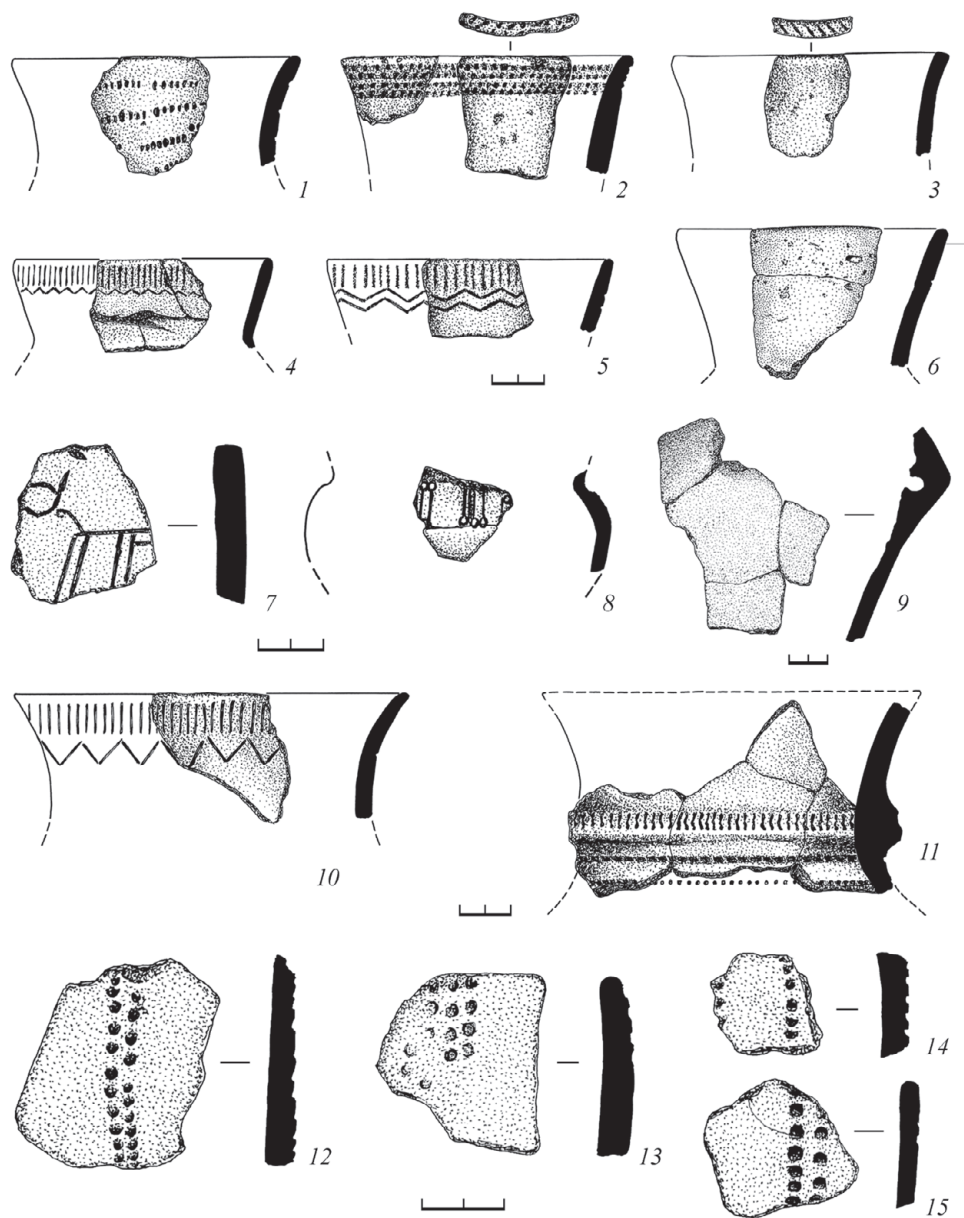

Рис. 2. Поселение Ушаково 3, восточный участок раскопа. Керамика КВК

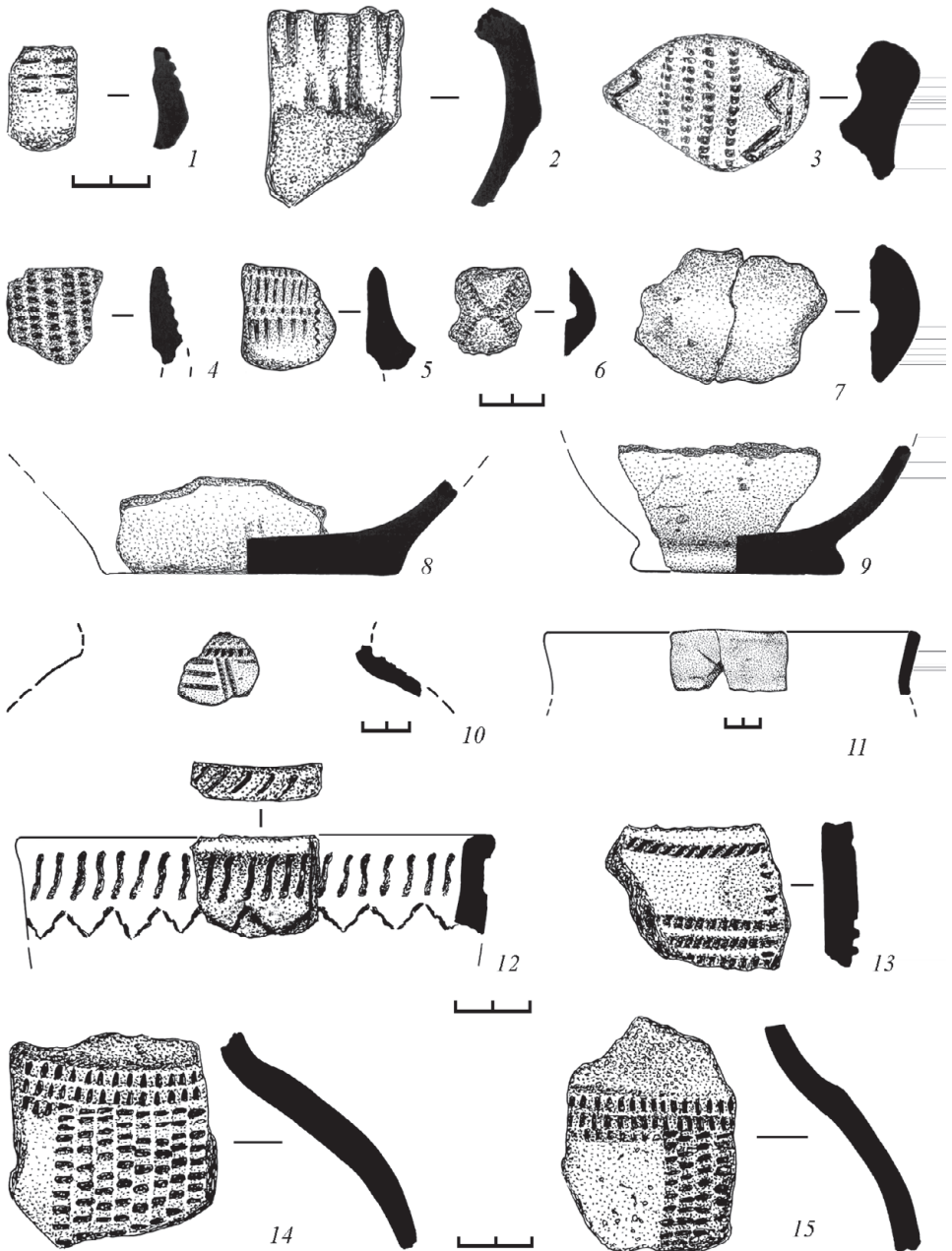

Рис. 3. Поселение Ушаково 3, восточный участок раскопа. Керамика КВК

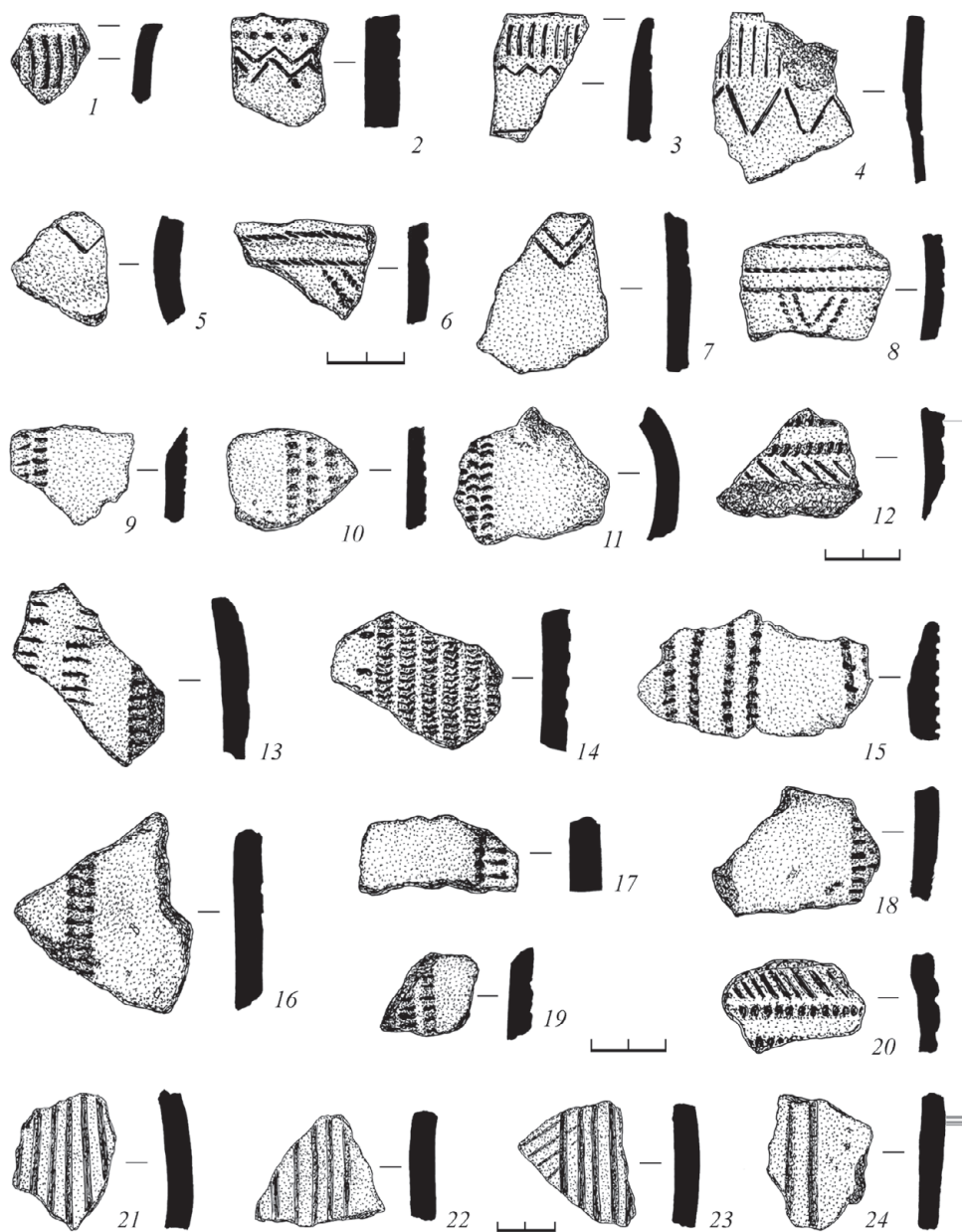

Рис. 4. Поселения Ушаково 3 (1–23) и 1 (24). Керамика КВК

рода вдавлений, образующих дорожку (рис. 2: 2; 3: 3, 4, 5, 10, 13–15; 4: 9–18). Некоторые сосуды украшались горизонтальными бороздками, во многих случаях в сочетании с мелкими косыми линиями, ямками (рис. 4: 21–23), которые, очевидно, покрывали сосуды почти по всей поверхности, штампом, напоминая шнур (рис. 4: 6–8), или неглубокими ямками (рис. 2: 12–15). На отдельных фрагментах сохранились следы инкрустации белой пастой, что является обычным в КВК. Ушки на амфорах также различным образом орнаментировались (рис. 3: 1–6). В одном случае декор представлен схематичным зооморфным изображением (рис. 2: 7), отдаленную аналогию которому можно увидеть на поселении КВК Гродек Надбужны (Gródek Nadbużny) (*Gumiński*, 1989. S. 85, 89. Rys. 44: x).

Своеобразием отличаются фрагменты с многочисленной примесью дресвы, хорошо видимой на поверхности. Орнамент на данной керамике представлен неглубоким штампом, образующим все те же горизонтальные и вертикальные дорожки (рис. 4: 11, 16–18). Два фрагмента подобного типа относились к амфорам (рис. 3: 14, 15). В местных цедмарской и приморской культурах подобный стиль в орнаментации посуды неизвестен. Предположительно, данная керамика связана с КВК, но местный компонент также заметно выражен, что и отразилось на особенностях технологии.

Факты (относительная многочисленность керамики КВК, ее концентрация на отдельном участке, где керамика КШК встречалась гораздо реже) указывают на то, что до прихода населения приморской культуры здесь существовала небольшая стоянка КВК, культурный слой которой был постепенно смыт на нижнюю береговую террасу. В дальнейшем слой частично перемешался с материалами более позднего времени.

Несколько фрагментов стенок сосудов с примесью в керамической массе шамота выявлены на соседнем поселении Ушаково 1. Среди них выделяется фрагмент, покрытый вертикальными бороздками (рис. 4: 24). Исследованная площадь поселения невелика – всего 20 кв. м. Соответственно, широкие выводы пока делать рано. Основные находки на этом памятнике – многочисленные фрагменты керамики приморской культуры, относящиеся к разным этапам ее существования. Все-таки, судя по отдельным находкам, мы не можем исключать и в данном случае возможности существования здесь в предшествующий период еще одной стоянки КВК.

Поселение Прибрежное

Ситуация с материалами КВК в Прибрежном выглядит совершенно иначе. Здесь основная часть находок, которые можно с полным правом связывать с КВК, зафиксирована в пределах постройки наземной столбовой конструкции удлиненной формы. Остатки сооружения обнаружены на уровне материка в западной части поселения, в стороне от длинных домов приморской культуры. Сдвоенные ряды столбовых ям указывают на особенности конструкции, присущие в основном только местным неолитическим сообществам – двойные стены, оплетенные прутьями, не обмазывались глиной, но прокладывались внутри

жердями или торфом. Постройка постепенно сужалась к юго-западу и, вероятно, имела трапециевидной формы завершение (рис. 5: 1). К сожалению, густо растущие рядом деревья не дали возможности расширить раскоп в этом направлении. С юго-востока сооружение перекрывала более поздняя яма удлиненно-овальной формы (объект 77). Очень вероятно, что продолжение постройки находилось в границах юго-западного участка следующего сектора. При зачистке культурного слоя он выглядел пустым пространством, хотя вокруг находилось множество нор грызунов, которые полностью изменили структуру слоя. Здесь также была зафиксирована амфора КВК (рис. 6: 15). Ширина конструкции, ориентированной в направлении ЮЗ–СВ, не превышала 3,2 м. По центральной оси постройки располагались несущие столбы диаметром около 0,3 м и заглубленные до 0,24 м, а также овальной формы очажная яма (рис. 5: 1). Очаг (объект 76) – размером 0,8 × 0,62 м, в разрезе в форме полуовала, с пологими стенками – заполнен песком черного цвета с включением значительного количества мелких частиц угля, заглублен в материк до 0,3 м.

В пределах постройки зафиксированы фрагменты посуды различного характера, но преобладали обломки с орнаментом в виде спускающихся вертикально вниз бороздок (рис. 6). В некоторых случаях линии сопровождали с боков неглубокие наколы (рис. 6: 4–7, 10, 12). Всего выявлено 89 фрагментов подобного типа керамики. Основной находкой стала извлеченная из очага аналогичным образом декорированная амфора с воронковидной формы горловиной (рис. 6: 14). По форме, орнаменту и технологическим характеристикам амфора и подобного типа фрагменты, обнаруженные внутри очага, не имеют никакого отношения к комплексу приморской культуры шнуровой керамики. В глиняном тесте этой керамики присутствует примесь шамота, иногда совместно с мелким песком. По всем признакам посуду этого типа следует относить к КВК позднего этапа, стоянка которой, что очевидно, существовала в Прибрежном непосредственно перед приходом населения культуры шнуровой керамики.

В очаге обнаружены и незначительные по размеру фрагменты керамики приморской культуры шнуровой керамики, принадлежащие позднему периоду существования поселения. Сюда относятся фрагменты глубоких мисок, украшенных простым шнуром, мелкие обломки широкогорлых горшков и фрагмент кубка, орнаментированного нарезной елочкой. Очевидно, что все эти фрагменты оказались в очаге случайным образом, проникнув сюда из вышележащего слоя. Но еще два фрагмента от миски и горшочка, украшенные особым образом, вполне могли соответствовать по времени позднему этапу развития КВК. Не исключено, что по происхождению они связаны с КША. Сложная структура орнамента, включающего спускающиеся вниз ряды лункообразных ямок, сопровождаемых насечками, мелкими крестовидными символами, неизвестна в местном комплексе. Кроме того, в керамической массе этих сосудов имелась примесь дресвы, что характерно для КША. Другой находкой являлся обломок растирателя уплощенной формы.

Абсолютно чуждой основному керамическому комплексу является амфора с примесью в керамической массе шамота и мелкого песка, которая также была найдена, по всей видимости, в пределах постройки (рис. 6: 15). Амфора с двумя

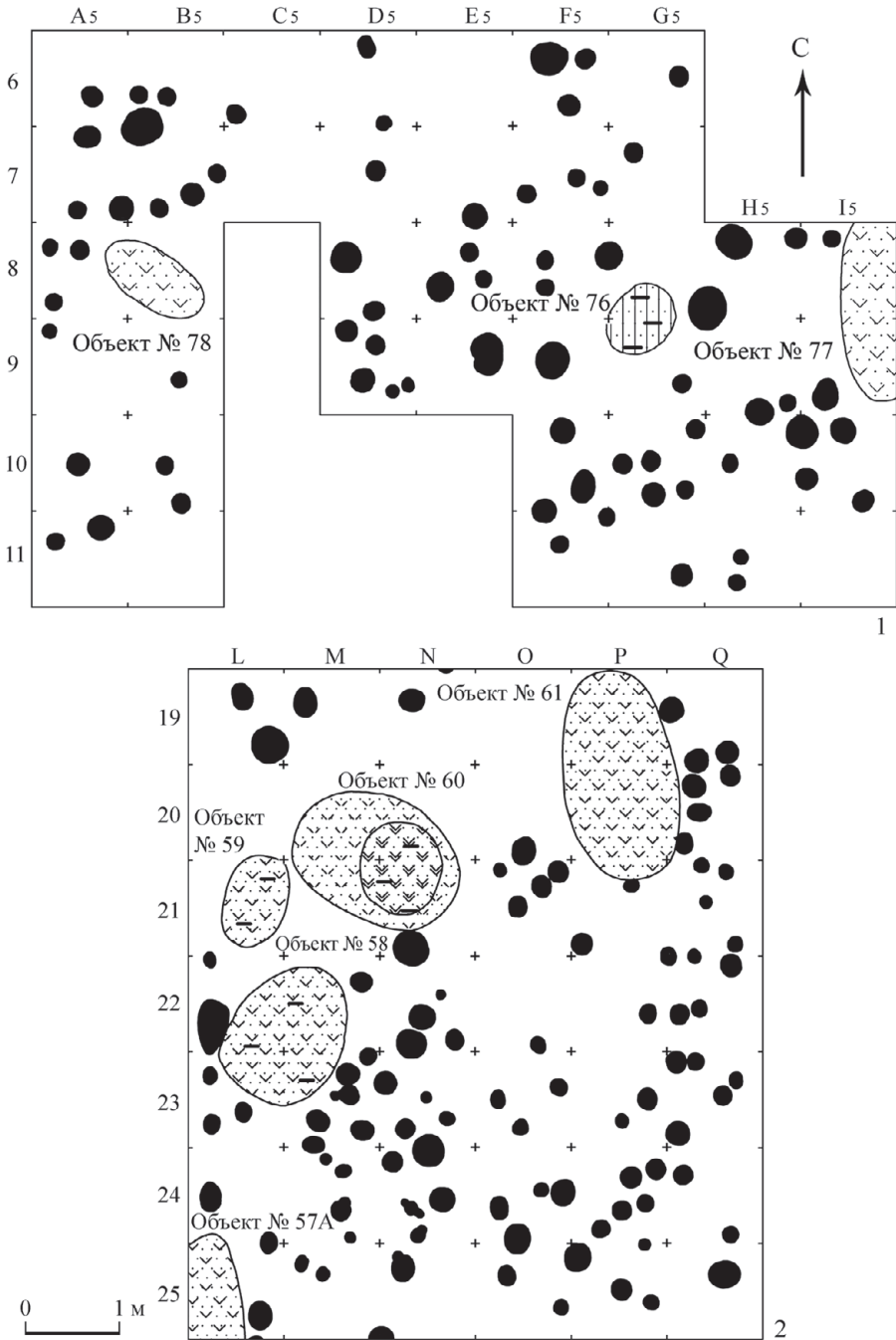

Рис. 5. Поселение Прибрежное.
Планы построек наземной столбовой конструкции (1, 2)

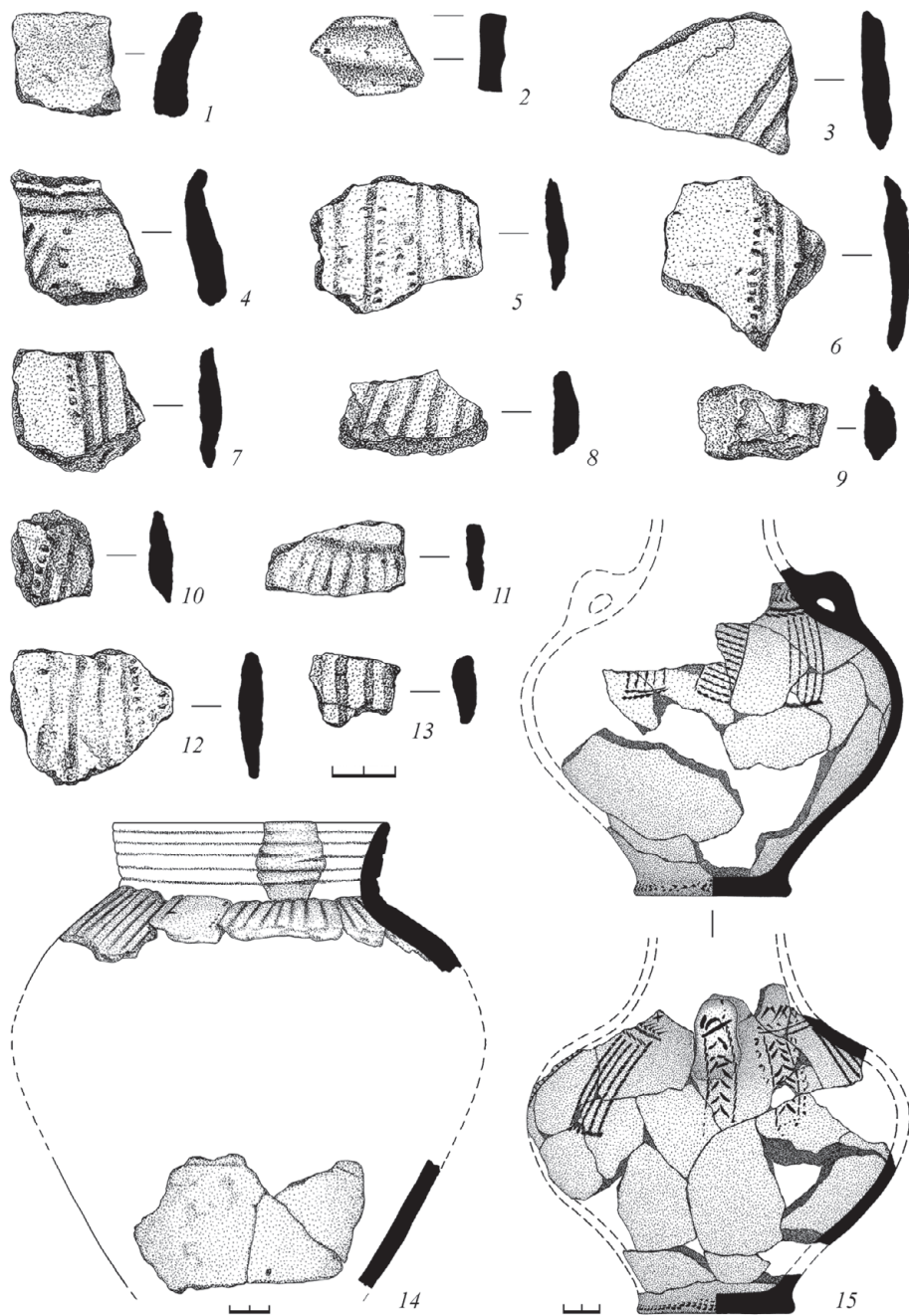

Рис. 6. Поселение Прибрежное. Комплекс керамики КВК из построек наземного типа с двухрядной конструкцией стен
 1–13 – фрагменты сосудов с примесью в керамической массе шамота; 14, 15 – амфоры

ушками, относительно хорошо выраженными плечиками, покрыта спускающимися вниз отпечатками различного штампа, образующего закрытые линии, лесенку, елочку. Горловина имела вытянутые очертания. Несомненно, амфора относится к КВК, причем на ее форме и орнаментации, видимо, сказалось влияние баденской культуры.

В 17 м юго-восточнее и почти параллельно отмечены следы еще одной столбовой постройки наземного типа (рис. 5: 2), обнаруженные непосредственно под культурным слоем с материалами приморской культуры. Северо-западный край конструкции оказался частично перекрыт поздними ямами. Сооружение практически квадратной формы, с северо-востока, возможно, имела небольшую пристройку-вход. Постройка, скорее всего, хозяйственного назначения, очаг внутри конструкции отсутствовал, количество находок минимально. Параметры постройки – $3,4 \times 2,6$ м, стены двухрядные, столбовые ямы в среднем заглублены до 0,2 м; ориентирована она в том же направлении, что и предыдущее сооружение. На этом же участке обнаружены мелкие фрагменты амфоры и кубка с примесью в глине шамота и мелкого песка (рис. 6: 2). Предположительно фрагменты относятся к КВК позднего этапа.

Отдельные образцы керамики, явно связанные с КВК, пусть в незначительном количестве, но встречались и на остальных исследованных участках поселения в средней и нижней частях культурного слоя наряду с преобладающей керамикой приморской культуры. Сюда следует относить небольшие фрагменты с примесью в керамической массе шамота, которые соответствуют керамике КВК фазы ШС – по куявской периодизации (рис. 7: 1, 3, 4, 6). Декор представлен особым рода штампом в виде рядов неровных столбиков или мелких наколов и насечек (рис. 7: 1, 3, 4, 6). Один из этих фрагментов (рис. 7: 3) сближается в общих чертах с аналогичными обломками сосудов КВК из Ушаково 3 (рис. 4: 12, 20). Выделяется фрагмент чаши, украшенной сочетанием штампа в виде скошенных в одну сторону столбиков и зигзага, составленного все теми же столбиками (рис. 7: 12). Нередки фрагменты нетипичной для местного комплекса КШК толстостенной кухонной посуды с примесью шамота и мельчайшего кварцевого песка. Фрагменты относятся к широкогорлым горшкам с невысокой шейкой и умеренно выпуклым туловом (рис. 7: 10).

Находки подобного типа керамики не исчерпываются только культурным слоем или жилыми и хозяйственными объектами, оставленными, предположительно, группой населения КВК. Изредка керамика, типичная для поздней КВК, встречалась на нижнем уровне заполнения построек приморской культуры, где кроме значительного количества характерной для этой культуры посуды обнаружены и фрагменты, которые явно свидетельствуют о культурных связях населения поселка. Прежде всего, это керамика цедмарского типа, а также гребенчато-ямочной культуры при полном отсутствии посуды иных КШК, что и неудивительно, учитывая необычайно ранний возраст построек. Маловероятно, что чуждая основному комплексу посуда могла попасть в постройки приморской культуры случайно, механическим путем, так как почти вся она выявлена на дне котлованов построек, заглубленных в материк до 0,6 м. Находки керамики, которую можно связывать с КВК, единичны, однако они соответствуют, в целом, той, что была выявлена в культурном слое. В постройке 1 на нижнем уровне

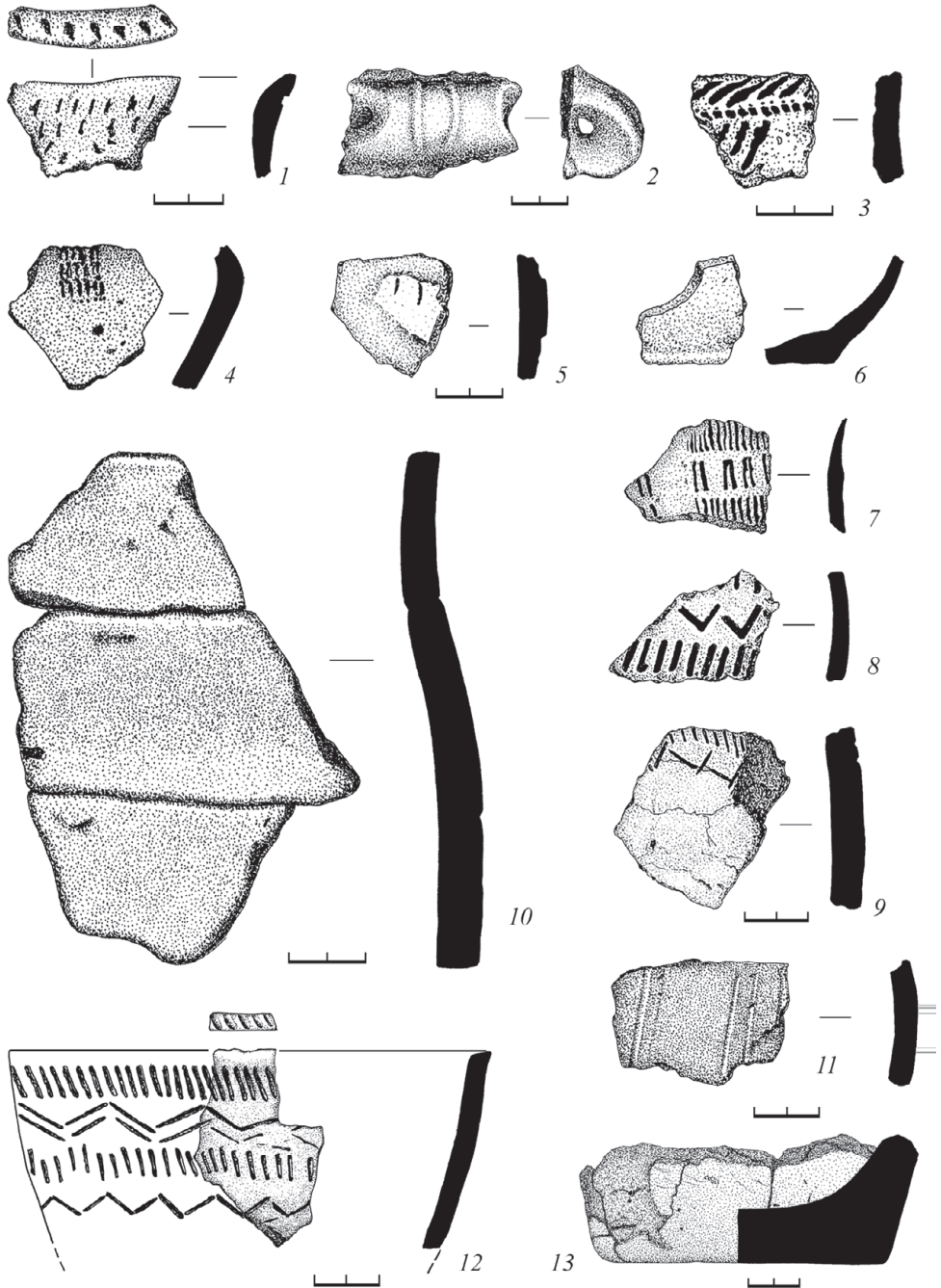

Рис. 7. Поселение Прибрежное. Фрагменты сосудов с примесью шамота в керамической массе шамота из культурного слоя (1, 3, 4, 6, 7, 10–12) и с нижнего уровня заполнения котлованов построек приморской культуры (2, 8, 9, 13)

обнаружен фрагмент, украшенный сочетанием узкого штампа образующих горизонтальные ряды наклоненных в одну сторону столбиков и зигзага с примесью в керамической массе шамота (рис. 7: 9). Аналогичный орнамент имел фрагмент, происходящий из постройки 4 (рис. 7: 8). Помимо примеси шамота в данном случае зафиксирован мелкий песок. В постройке 2 на нижнем уровне выявлено массивное днище широкогорлого горшка с примесью в керамической массе шамота и мельчайшего кварцевого песка (рис. 7: 13). Технологически днище сосуда неотличимо от остальных подобных фрагментов, обнаруженных в культурном слое и, предположительно, соотносимых с КВК. К группе инородной керамики с примесью в керамической массе шамота принадлежит еще один фрагмент с отпечатками ногтя, найденный в верхней части заполнения той же постройки (рис. 7: 5). Наконец, в постройке 7 зафиксировано трубчатой формы ушко от амфоры с примесью в керамической массе шамота и незначительного количества мельчайшего песка (рис. 7: 2). Наиболее вероятно, что фрагмент связан с одной из групп КВК с чертами баденизации. Фрагмент керамики КВК найден также в хозяйственной яме (объект 37), где в целом преобладала керамика приморской культуры (рис. 7: 11).

Хронология

Древности КВК в Ушаково 3 датируются, судя по нескольким радиоуглеродным датам из культурного слоя с находками КВК (4610 ± 90 и 4600 ± 50 ВР), полученным по древесной коре, дереву и углю (Приложение 1), в диапазоне 3500–3100 гг. CalBC. Видимо, еще 2 даты – 4430 ± 60 и 4530 ± 40 ВР – также должны относиться к этому периоду существования поселения, так как материалы КШК в Ушаково 3, даже наиболее ранние, не могут быть старше 2800 г. ВС. Радиоуглеродная дата, полученная по углю из очага (объект 76) постройки в Прибрежном, относящейся к КВК, показала следующий результат: 4270 ± 140 ВР; 3341–2566 гг. CalBC (Je-9121).

Мелкие группы населения КВК мигрируют на северо-восточное побережье, скорее всего, достаточно поздно, в самом конце среднего неолита, если следовать прибалтийской периодизации (*Antanaitis-Jacobs, Girininkas, 2002*). Охарактеризованные материалы из Прибрежного и Ушаково 3 датируются в пределах 3500–3100 гг. CalBC, что соответствует фазе ШВ-С, по периодизации для Центральной Куявии (*Koško, Szmyt, 2007. S. 295*) (приложение 1). Не совсем ясно, насколько область северо-восточного побережья была заселена в предшествующий период. Стоянка цедмарской культуры в Прибрежном функционировала гораздо раньше – в пределах 4700–4370 гг. CalBC (*Зальцман, 2018*). К настоящему времени для Прибрежного не имеется радиоуглеродных дат, которые могли бы относиться к середине IV тыс. до н. э., хотя цедмарская керамика, возможно, рубежа IV–III тыс. до н. э. в культурном слое присутствует. Однако ее происхождение гипотетически можно объяснить и контактами населения приморской культуры. Пока только в случае с Ушаково 3 возможно предполагать наличие следов существования стоянки цедмарской культуры, завершение существования которой могло совпасть с приходом группы населения КВК. По березовой

коре из хозяйственной ямы (объект В), в которой зафиксирован фрагмент плоского днища с примесью в керамической массе дресвы, получена следующая дата – 4860 ± 100 BP; 3812–3494 гг. CalBC. Несколько фрагментов груболепной цедмарской керамики с аналогичной примесью в керамической массе происходят с нижнего уровня культурного слоя.

Широко постулируемое предположение о распространении в этой области нарвской культуры не находит подтверждения. Напротив, выясняется, что на данной территории существовали стоянки цедмарской культуры, пусть редкие и незначительные по размерам, которые, как считалось ранее, характерны исключительно для внутренних районов Юго-Восточной Прибалтики. Крайняя южная часть территории нарвской культуры для Юго-Восточной Прибалтики в таком случае ограничена Куршской косой (*Rimantienė*, 1999). Самбийский полуостров также не входит в зону влияния нарвской культуры: при сплошных многолетних исследованиях в прибрежной полосе Балтийского моря не обнаружено даже ее следа (*Хохлов*, 2013). Очевидно, что группы переселенцев КВК, проникнувшие на северо-восточное побережье Вислинского залива, столкнулись здесь с на редкость малочисленным аборигенным населением, происхождение которого связано с цедмарской культурой.

Заключение

В свете современных исследований для соседней хельмской группы КВК характерны технологические и стилистические особенности, которые связаны с культурами «лесного неолита» (субнеолита, по С. Кукавке), в частности, с нарвской культурой (например, раковинная примесь в керамике) (*Adamczak et al.*, 2018. P. 79). Отпечаток местного культурного субстрата, вероятно, несут в себе отдельные фрагменты КВК из Ушаково 3, технология которых, однако, близка не нарвской, а цедмарской традиции. Так как данные по КВК в прибрежной зоне пока носят ограниченный характер, широкие выводы невозможны. Аналогии с древностями хельмской или люпавской групп отмечаются лишь в самых общих чертах. Пожалуй, более очевидным является родство, касающееся особенностей домостроительства. В люпавской группе известны постройки наземного типа с двухрядной столбовой конструкцией стен и трапециевидным завершением, которые в общих чертах близки обнаруженным в Прибрежном (*Świdorski, Wierzbicki*, 1990. S. 32–38; *Wierzbicki*, 1999. S. 196–198). Двухрядные стены – важнейшая конструктивная деталь, которая в дальнейшем заимствуется из КВК населением восточной группы приморской культуры.

Таким образом, микрорегион, включающий восточное побережье Вислинского залива, несомненно, оказался вовлеченным в сложные процессы, вызванные не только культурными и иного рода контактами, но и, по всей видимости, перемещениями разнородных этнических групп. Причины, заставившие переселенцев продвигаться на побережье, точно неизвестны. Следует лишь отметить, что почвы здесь по составу слабо отличаются от тех, что распространены в Хельмской земле или в низовьях Вислы.

Автор благодарен за ценные советы и консультации профессору, д-ру ист. наук А. Кошко (Институт праистории УАМ), д-ру ист. наук Я. Чебрещуку (Институт праистории УАМ в Познани), профессору, д-ру ист. наук М. Шмит (Археологический музей г. Познани).

ЛИТЕРАТУРА

- Зальцман Э. Б.*, 2010. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.: ИА РАН. 312 с.
- Зальцман Э. Б.*, 2018. Новые материалы по неолиту северо-восточного побережья Вислинского залива // КСИА. Вып. 253. С. 82–95.
- Зальцман Э. Б.*, 2019. Итоги и проблемы исследований поселенческих комплексов приморской культуры северо-восточного побережья Вислинского залива // КСИА. Вып. 254. С. 71–90.
- Хохлов А. Н.*, 2013. Охранные раскопки ИА РАН в Калининградской области в 2005–2010 гг. // Археология Балтийского региона / Ред.: Н. А. Макаров, А. В. Мاستыкова, А. Н. Хохлов. М.: ИА РАН: СПб.: Нестор-История. С. 255–261.
- Adamczak K., Kukawka S., Malecka-Kukawka J.* 2018. North-eastern periphery of the Eastern group of the Funnel Beaker culture – 80 years later // Papers and Materials of the Archaeological and Ethnographic Museum in Łódź. Archaeological Series. No. 47 (2016–2017). P. 69–90.
- Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A.*, 2002. Periodization and Chronology of the Neolithic in Lithuania // Archaeologia Baltica. 5. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 9–39.
- Ehrlich B.*, 1923. Das neolithische Dorf bei Wieck–Luisenthal (Kr. Elbing) am Frischen Haff // Prussia. Bd. 24. S. 115–142.
- Ehrlich B.*, 1925. Eine zweite Siedlung aus der jüngeren Steinzeit bei Wieck–Luisenthal, Kr. Elbing // Elbinger Jahrbuch. H. 4. S. 113–122.
- Ehrlich B.*, 1936. Succase // Elbinger Jahrbuch. Bd. 12/13. S. 1–98.
- Ehrlich B.*, 1940. Schnurkeramische Pfostenhäuser bei Tolkemit, Kr. Elbing // Mannus. Leipzig. Bd. 32. H. 1–2. S. 44–56.
- Engel C.*, 1935. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. I. Königsberg: Gräfe und Unzer. 347 S.
- Felczak O.*, 2005a. Domostwa słupowe na osadzie ludności kultury pucharów lejkowatych w Barłoźnie, gmina Skórcz, stanowisko 9 // Pomorania Antiqua. T. XX. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. S. 183–229.
- Felczak O.*, 2005b. Wczesny i środkowy neolit na Pomorzu Gdańskim w świetle odkryć na Kociewiu // XIV Sesja Pomorzoznawcza. T. 1: Od epoki kamienia do okresu rzymskiego / Red.: M. Fludziński, H. Paner. Gdańsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku. S. 99–122.
- Gumiński W.*, 1989. Gródek Nadbużny – osada kultury pucharów lejkowatych. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 189 s. (Polskie badania archeologiczne; t. 28.)
- Gumiński W.* 1997. Finds of Funnel Beaker, Globular Amphora, and Corded Ware Cultures in Dudka, the Great Masurian Lakeland // The Built Environment of Coast Areas during the Stone Age. Gdańsk. P. 177–185.
- Gumiński W.*, 2011. Importy i naśladownictwa ceramiki kultury brzesko-kujawskiej i kultury pucharów lejkowatych na paraneolitycznym stanowisku kultury Zedmar–Szczepanki na Mazurach // Na rubieży kultur. Białystok: Muzeum Podlaskie w Białymstoku. S. 149–160.
- Koško A., Szymt M.*, 2007. Opatowice – Wzgórze Prokopiaka. T. II. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. 324 s.
- Loze I.*, 2003. Piltuvkausu kultūras keramikas atradumi Lubāna ezera mitrzemē (Zvidzes apmetne) // Arheoloģija un Etnogrāfija. 21. Rīga. L. 75–80.
- Rimantienė R.*, 1999. Die Kurische Nehrung aus dem Blickwinkel des Archäologen. Vilnius: Dailes akademijās leidykla. 111 S.

Świdarski W., Wierzbicki J., 1990. Osada ludności kultury pucharów lejkowatych w Poganicach, woj. Słupsk, stanowisko 4 (strefa 2). Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 145 s.

Wierzbicki J., 1999. Łupawski mikroregion osadniczu ludności kultury pucharow lejkowatych. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Сведения об авторе

Зальцман Эдвин Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: edwin_zalzman@mail.ru

E. B. Zaltsman

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION
OF MIDDLE NEOLITHIC MATERIALS
FROM THE SETTLEMENTS USHAKOVO 3 AND PRIBREZHNOYE

Abstract. The paper characterizes new materials obtained during the excavations of Neolithic sites (according to the Baltic periodization) in the Vistula Lagoon coast. These antiquities are attributed to the Funnel Beaker culture the sites of which have not been discovered in this region before. All FBC materials were identified at settlements where the main cultural assemblages are attributed to the Primorskaya Corded Ware Culture (Fig. 1). Small FBC sites had existed in this area before the arrival of the Primorskaya culture population. Ushakovo 3 revealed FBC ceramics in the occupation layer located in the eastern part of the excavation trench where, in most cases, these artifacts were lying separately from the Primorskaya culture ceramics (Fig. 2–4). Traces of two constructions with a double-row pillar wall structure (Fig. 5) were recorded at Pribrezhnoye. Technological and morphological characteristics of the ceramics discovered in the constructions leave no doubt that these assemblages belong to the FBC (Fig. 6: 1, 13). Two amphorae with typical features of «badenization» in the FBC were discovered at this site as well (Fig. 6: 14, 15). The FBC ceramics also occurred in the occupation layer of the site (Fig. 7: 1, 3, 4, 6, 7, 10, 12). All FBC materials from Ushakovo 3 and Pribrezhnoye fall within 3500–3100 CalBC (Appendix 1). Most likely, around mid 4th millennium BC small FBC population groups reached the coastal area which had been already inhabited by local Zedmar Neolithic communities for a long time.

Keywords: northeastern coast of the Vistula Lagoon, Kaliningrad region, Funnel Beaker culture, settlements of the eastern group of the Primorskaya culture, Corded Ware culture, chronology.

REFERENCES

- Khokhlov A. N., 2013. Okhrannyye raskopki IA RAN v Kaliningradskoy oblasti v 2005–2010 gg. [Rescue excavations of IA RAS in Kaliningrad region in 2005–2010]. *Arkheologiya Baltijskogo regiona [Archaeology of the Baltic region]*. N. A. Makarov, A. V. Mastykova, A. N. Khokhlov, eds. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 255–261.
- Zaltsman E. B., 2010. Poseleniya kul'tury shnurovoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki [Settlements of Corded ware culture in Southeastern part of the Baltic region]. Moscow: IA RAN. 312 p.

- Zaltsman E. B., 2018. Novyye materialy po neolitu severo-vostochnogo poberezh'ya Vislinskogo zaliva [New materials on the Neolithic of the Northeastern coast of the Vistula Lagoon]. *KSIA*, 253, pp. 82–95.
- Zaltsman E. B., 2019. Itogi i problemy issledovaniy poselencheskikh kompleksov primorskoy kul'tury severo-vostochnogo poberezh'ya Vislinskogo zaliva [Research of settlement complexes of the Primorskaya culture in the Northeast coast of the Vistula Lagoon: results and issues]. *KSIA*, 254, pp. 71–90.

About the author

Zaltsman Edwin B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: edwin_zalcman@mail.ru

Приложение 1

Радиоуглеродные даты с поселений Ушаково 3 (1–4) и Прибрежное (5)

№ п/п	Датир. материал	Комплекс	Дата ВР	ОxCal (2013) 68,2 %	ОxCal (2013) 95,4 %	Лаб. индекс
1	уголь	Горизонт 13, культурный слой	4430 ± 60	3320–3273 (10,8 %) 3266–3236 (8,3 %) 3169–3164 (1,1 %) 3113–3005 (33,6 %) 2990–2930 (14,4 %)	3338–3207 (29,1 %) 3195–2917 (66,3 %)	Ki-18096
2	дерево	Горизонт 14, культурный слой	4530 ± 40	3355–3312 (17,6 %) 3234–3171 (26,9 %) 3161–3104 (23,7 %)	3363–3098 (95,4 %)	Ki-19201
3	уголь	Горизонт 18, культурный слой	4610 ± 90	3619–3612 (1,1 %) 3521–3326 (49,4 %) 3231–3174 (9,8 %) 3161–3119 (7,9 %)	3634–3552 (8,2 %) 3541–3089 (86,7 %) 3047–3037 (0,5 %)	Ki-18301
4	древесн. кора	Горизонт 19, культурный слой	4600 ± 50	3501–3430 (33,0 %) 3380–3335 (25,1 %) 3211–3191 (5,8 %) 3153–3137 (4,3 %)	3520–3311 (71,3 %) 3295–3286 (0,7 %) 3275–3265 (0,8 %) 3239–3106 (22,7 %)	Ki-18100
5	уголь	Объект 76	4270 ± 140	3090–3046 (5,5 %) 3036–2832 (35,0 %) 2820–2633 (27,7 %)	3341–2566 (94,0 %) 2525–2496 (1,4 %)	Ле-9121

А. А. Выборнов, Н. С. Дога, М. А. Кулькова

ВАРИАНТ ПЕРЕХОДА К ЭНЕОЛИТУ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ*

Резюме. Территория Нижнего Поволжья имеет важное значение для изучения культурогенеза. Особенно это касается переходных периодов. Исследователи относят прикаспийскую культуру к позднему неолиту или раннему энеолиту. Сравнение количества памятников, мощности слоев, жилищ, числа находок на стоянках не свидетельствует в пользу их увеличения по сравнению с поздненеолитическими. Ни появившиеся признаки (воротничок, гребенчатый штамп, сырье для изготовления орудий и др.), ни даже наличие элементов производящего хозяйства у носителей прикаспийской культуры не служат периодизационным критерием. Ведущим признаком перехода от неолита к энеолиту должны быть изменения в технологии изготовления орудий труда. Это прослеживается в появлении техники усиленного отжима. Учитывая отсутствие признаков металлообработки, прикаспийскую культуру следует относить к переходу от неолита к энеолиту.

Ключевые слова: неолит, энеолит, Нижнее Поволжье, орловская культура, хронология, прикаспийская культура, кварцитовая индустрия, воротничковая керамика, техника усиленного отжима.

Введение

Среди многогранных аспектов изучения истории первобытного общества переход от неолита к энеолиту в работах исследователей занимает особое место. Столь пристальное внимание к данной теме объясняется несомненной научной актуальностью вопроса для любой территории. Одной из них является Нижнее Поволжье, которое объединяет полупустынный Северный Прикаспий и степное Поволжье. Для последнего исследователи констатируют такие важные новации, как появление производящего хозяйства и начальных звеньев металлообработки (Васильев, 1981; Васильев, Синюк, 1985; Юдин, 2004). Изучение процесса

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00040.

перехода от неолита к энеолиту на интересующей территории явилось одним из наиболее сложных вопросов из-за качественного состояния источниковой базы. Количество исследованных памятников позднего неолита – раннего энеолита в Нижнем Поволжье явно уступало таковым в лесном Волго-Камье или Волго-Окском междуречье. Поэтому у исследователей появились различные точки зрения на периодизационное место стоянок одного типа. Одни специалисты прикаспийскую культуру рассматривали как поздненеолитическую (Мелентьев, 1976), другие относили ее к раннему этапу энеолита (Васильев, 1981), третьи выделяли стоянки с воротничковой керамикой в отдельный культурный тип, синхронный хвалынской культуре (Барынкин, 1992. С. 21). Раннеэнеолитический характер прикаспийской культуры аргументировали и другие авторы (Юдин, 1995; 2012; Моргунова, 1995; 2011). В то же время В. В. Ставицкий поддержал точку зрения А. Н. Мелентьева о поздненеолитической позиции мариупольских древностей, а энеолитизацию связывает с хвалынской культурой (Ставицкий, 2013. С. 32, 33). Высказывалась версия о том, что ранние памятники прикаспийской культуры сосуществуют с поздненеолитическими комплексами, а поздние соотносятся с раннеэнеолитическими (Выборнов, 2008. С. 57–62). Эта позиция сходна с интерпретацией азово-днепровской культуры, которую описывает Н. С. Котова (Котова, 2002). Цель данной статьи – обоснование выделения переходного периода от позднего неолита к раннему энеолиту в Нижнем Поволжье.

Материалы и обсуждение

Противоречия, которые возникли среди исследователей при изучении материала прикаспийской культуры, в значительной мере определяются некоторой размытостью границ и отсутствием четких, именно археологических, диагностических различителей. Поскольку на памятниках прикаспийской культуры до сих пор не обнаружены медные изделия, то пока отсутствуют доказательства знакомства носителей прикаспийской культуры с металлообработкой. Следует обсудить контекст, связанный с медной пластиной на Варфоломеевской стоянке (Юдин, 2004; Котова, 2014). Она обнаружена в слое 2А, в котором представлена керамика только позднего этапа орловской неолитической культуры. По мнению автора раскопок, это изделие может быть связано только с хвалынской культурой, хотя в этом насыщенном артефактами слое нет посуды этого типа (Юдин, 2006. С. 37). Уместно напомнить, что керамика прикаспийского типа залегает выше. Исходя из этого, на данном памятнике допустимо констатировать отнесение к энеолиту находок слоя 2А (поздний этап орловской культуры) и верхнего слоя, причем прикаспийская культура оказывается более поздней, чем хвалынская. Эта конструкция противоречит стратиграфическим данным о соотношении прикаспийской и хвалынской культур на поселении Кумыска (Юдин, 2012). Следует отметить, что предположения А. И. Юдина опирались на радиоуглеродные даты, но их было очень мало и часть из них (особенно для слоя 2А) противоречила археологической периодизации неолита – энеолита данного региона. За последние 12 лет ситуация коренным образом изменилась, так как по интересующим комплексам получена значительная серия дат по различным материалам

(Выборнов, Ойнонен и др., 2016). Для находок слоя 2А хроноинтервал укладывается в рамки не моложе 6300 лет назад (далее – л. н.) (около 5500 лет до н. э.). Но это на 300 лет древнее нижнего предела хвалынской культуры. Поэтому связывать находку медной пластины в слое 2А с носителями хвалынской культуры весьма проблематично. Нельзя исключать ее попадание в этот слой из верхнего уровня в результате нарушения слоя более поздними обитателями стоянки. Ведь кроме достаточно чистых стратиграфических разрезов, которые сделали Варфоломеевскую стоянку эталонной, автор раскопок отмечает наличие и поздних конструкций, на некоторых участках прорезавших нижние слои (Юдин, 1998). В таком случае комплекс слоя 2А не следует относить к энеолиту. Что касается верхнего слоя, то для керамики орловской культуры есть дата – 5800 л. н. (около 4700 лет до н. э.) (Выборнов, Юдин и др., 2016б). Если она валидна, то новые данные подтверждают гипотезу А. И. Юдина о синхронности на определенном этапе орловской, прикаспийской и хвалынской культур (Юдин, 2013). Аргументация может быть дополнена не только датой 5800 л. н. для прикаспийской керамики поселения Кумыска (Юдин, 2012), но и датами, полученными для поселения Орошаемое I – 5800 л. н. (Выборнов, Юдин и др., 2016а). Но является ли синхронность доказательством взаимодействия культур? Тем более, что зафиксировать точные даты периодов синхронности существования древних сообществ не всегда представляется возможным, опираясь на радиоуглеродное датирование. К тому же есть памятники прикаспийской культуры, которые датируются более ранним временем, чем 6000 л. н. (около 4900 лет до н. э.), т. е. дохвалынским. Иначе говоря, по основному признаку археологической периодизации прикаспийскую культуру относить к энеолиту оснований нет. Можно попытаться найти признаки иного порядка. Если обратиться к лесному Волго-Камью, то на памятниках гаринской или волосовской культуры исследователи фиксируют, по сравнению с поздним неолитом, ряд существенных отличий. Это увеличение количества памятников, площади поселений, мощности культурного слоя, разнообразных находок, жилищных сооружений (Никитин, 2017). Прослеживаются ли эти показатели у носителей прикаспийской культуры? Если сравнивать количество позднеэнеолитических памятников тентексорского типа и прикаспийской культуры, то оно почти одинаково. Площадь стоянки Тентексор (Васильев и др., 1986) превышает размер прикаспийской стоянки Курпежемолла (Барынкин, Васильев, 1985). Мощность культурного слоя на Тентексоре больше, а количество посуды превышает число керамики на Курпежемолла в десятки раз. В отличие от последнего на Тентексоре есть жилище. Таким образом, по вышеперечисленным признакам каких-то качественных изменений не прослеживается. Севернее, в степном Поволжье, количество неолитических и раннеэнеолитических памятников также не отличается. Судя по раскопам на стоянках Варфоломеевская и Алгай, площадь неолитической стоянки значительно превышает прикаспийскую (Юдин, 2004; Юдин и др., 2016). Что касается мощности культурного слоя, то А. И. Юдин отмечает ее увеличение в энеолитическое время (Юдин, 2012. С. 72). Но в данном случае следует учитывать, что памятники с культурным слоем только прикаспийской культуры единичны. Следует обратить внимание на одну немаловажную деталь. При раскопках однородного слоя прикаспийской культуры на поселении Орошаемое I прослежено

его залегание в почве, образовавшейся в период увеличения увлажненности. Но артефакты приурочены не ко всей толще почвы, а концентрируются только в ее верхней части (*Выборнов, Юдин и др., 2016а; Выборнов и др., 2017*). Иначе говоря, мощность культурного слоя значительно меньше мощности почвы. Если ее сравнивать с мощностью поздненеолитических слоев Варфоломеевской стоянки (2А) и верхнего слоя стоянки Алгай, то можно констатировать их явное преобладание над прикаспийскими. Относительно количества находок в культурных слоях прикаспийской культуры для сравнения можно привести следующие данные: в слое 2А обнаружено 353 неолитических венчика, а в верхнем – 4 прикаспийских; столько же на стоянке Озинки II (*Лопатин, 1989. С. 138, 139*); не более десятка сосудов на поселениях Кумыска (*Юдин, 2012. С. 123*) и Орошаемое I (Там же. С. 153; *Выборнов и др., 2018. С. 216*). В то же время поздненеолитический слой стоянки Алгай содержит более 300 фрагментов. Аналогичная ситуация и с каменным инвентарем. Если сопоставлять жилищные постройки, то они хорошо представлены в позднем неолите орловской культуры (*Юдин, 2004. С. 18, 19*). Что касается прикаспийской культуры, то автором весьма условно оговаривается конструкция на Озинках II (*Лопатин, 1989. С. 136, 137*). Ее очень крупные размеры и крайне малое количество керамики (не исключено, разновременной) дают основание присоединиться к обоснованно осторожному подходу В. А. Лопатина.

Таким образом, допустимо констатировать, что по целому ряду показателей не удастся проследить количественный и качественный рост в рамках прикаспийской культуры по сравнению с поздним этапом неолитической орловской.

При разработке энеолитического характера прикаспийской культуры исследователи оперируют и другими признаками. Во-первых, это воротничковое утолщение на внешней стороне венчика. Может ли считаться воротничок энеолитическим признаком, если аналогичные формы представлены в кошкинской культуре раннего неолита Зауралья (*Крижевская, 1977. Табл. XVIII: 8*) и на ряде культурных типов неолита Западной Сибири? Воротничок есть и на посуде рязанской культуры (*Ставицкий, 2008. С. 355–360*), и на сосудах балахнинского типа в лесном Среднем Поволжье (*Никитин, 2015*). Но в таком случае поздний этап культуры ямочно-гребенчатой керамики следует определять энеолитом.

Что касается каменного инвентаря, то все исследователи отмечают доминирование в прикаспийских комплексах кварцитового сырья. Однако может ли быть периодизационным критерием сырье для изготовления артефактов? Оно появляется в орловских комплексах, причем даже на раннем этапе (*Выборнов и др., 2015. С. 240*). Но это единичные проявления. Если же обратиться к прикаспийским памятникам с достаточно гомогенными комплексами (*Выборнов и др., 2018. С. 219–221*), то доминанта кварцитового сырья невольно порождает вариант ответа: в конце неолита иссякли источники кремня, и им на смену пришла иная, но каменная основа. Первый вариант маловероятен. Более серьезным можно рассматривать смену в прикаспийских материалах заготовок для изготовления орудий труда: их получают с помощью техники усиленного отжима, истоки которой не прослеживаются в предшествующее время.

Весьма примечательны находки синкретической керамики, сочетающей накольчатый способ нанесения орнамента и воротничковое утолщение венчика.

Она обнаружена в верхнем слое поселения Джангар (*Кольцов*, 2005. С. 321), на стоянке Же-калган I (*Барынкин, Васильев*, 1985), в верхнем слое Варфоломеевской стоянки. Иначе говоря, это свидетельство взаимодействия местного неолитического и прикаспийской культуры. Определить время этих контактов можно по датам – 6500 л. н. (около 5470 лет до н. э.) (*Андреев и др.*, 2016) для этих комплексов. Это значение намного древнее, чем возраст хвалынцев и поздних прикаспийцев. Системное сочетание воротничков и рядов шагающей гребенки, обрамленной прочерками, достаточно четко проявляется на втором этапе нижнедонской культуры (*Кияшко*, 1994. С. 91. Рис. 5) и фиксируется 6700–6200 л. н. (около 5630–5100 лет до н. э.) (*Котова*, 2002). Это время, сходное с возрастом стоянки Буровая 41, на которой обнаружены кварцитовые изделия на массивных заготовках. Иначе говоря, судя по радиоуглеродным датам, памятники прикаспийской культуры, не содержащие следов металлообработки, фиксируются около 6500 л. н. (около 5470 лет до н. э.).

Относительно производящего хозяйства можно констатировать, что в Северном Прикаспии кости овцы обнаружены на стоянке прикаспийской культуры Курпеже-молла (*Yubornov et al.*, 2015; 2018; *Выборнов и др.*, 2019) около 6100 л. н. (около 5000 лет до н. э.), т. е. раньше, чем у хвалынцев. Однако и в это время металл известен еще не был.

Заключение

Таким образом, в период 6700–6500 л. н. (5630–5470 лет до н. э.) на юге Нижнего Поволжья прослеживаются процессы, связанные с появлением прикаспийской культуры. По количеству памятников, мощности культурных слоев, количеству находок, наличию жилищ она не отличается от неолитических. Есть признаки ее взаимодействия с носителями местных неолитических культур. В то же время фиксируется изменение технологии изготовления каменных орудий труда и появление производящего хозяйства. Учитывая отсутствие доказательств наличия металлообработки у населения интересующей территории, данный этап, представленный прикаспийской культурой, допустимо обозначить как переходный от неолита к энеолиту, а к следующему за ним энеолитическому этапу относится уже хвалынская культура.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К. М., Барацков А. В., Выборнов А. А., Кулькова М. А., Ойнонен М., Поснерт Г., Медоуз Д., ван дер Плихт Й., Филиппсен Б.*, 2016. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // *Известия Самарского научного центра РАН*. Т. 18. № 3 (2). С. 155–163.
- Барынкин П. П.*, 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 26 с.
- Барынкин П. П., Васильев И. Б.*, 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // *Археологические памятники на европейской территории СССР / Отв. ред. А. Т. Синюк*. Воронеж: Воронежский гос. пед. ин-т. С. 58–73.
- Васильев И. Б.*, 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. 130 с.

- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Козин Е. В., 1986. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 6–31.
- Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 117 с.
- Выборнов А. А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. 490 с.
- Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И., 2019. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // SP. № 2. С. 359–368.
- Выборнов А. А., Ойнонен М., Дога Н. С., Кулькова М. А., Попов А. С., 2016. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 21. № 3. С. 6–13.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Дога Н. С., 2015. Новые данные по неолиту – энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 235–241.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С., 2016а. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. № 3. С. 140–145.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С., 2017. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 19. № 3. С. 185–190.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Дога Н. С., Попов А. С., Платонов В. И., Рослякова Н. В., 2018. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 20. № 3. С. 215–222.
- Выборнов А. А., Юдин А. И., Кулькова М. А., Гослар Т., Посснерт Г., Филиппсен Б., 2016б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н. э. Смоленск: Свиток. С. 59–70.
- Кияшко В. Я., 1994. Между камнем и бронзой. Азов: Азовский краевед. музей. 132 с. (Донские древности; вып. 3.)
- Кольцов П. М., 2005. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Воскресенье. 352 с.
- Котова Н. С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях. 268с.
- Котова Н. С., 2014. Переход от неолита до энеолита в степях Восточной Европы и связанные с ним инновации // Самарский научный вестник. № 4 (9). С. 65–75.
- Крижевская Л. Я., 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Ленинградский гос. ун-т. 158 с.
- Лопатин В. А., 1989. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 135–146.
- Мелентьев А. Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 13–14.
- Моргунова Н. Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 222 с.
- Моргунова Н. Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 220 с.
- Никитин В. В., 2015. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийском Поволжье. Казань: Казанская недвижимость. 361 с.
- Никитин В. В., 2017. На грани эпохи камня и металла. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 264 с.
- Ставицкий В. В., 2008. Проблема сложения рязанского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики // Человек, адаптация, культура / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.; Тула: Гриф и К. С. 353–362.
- Ставицкий В. В., 2013. К вопросу о выделении нео-энеолитической эпохи в Поволжье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е. А. Черленок. СПб.: Скифия-принт. С. 31–33.
- Юдин А. И., 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 16 с.
- Юдин А. И., 1998. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 83–105.

- Юдин А. И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский гос. ун-т. 200с.
- Юдин А. И., 2006. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск. 46 с.
- Юдин А. И., 2012. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 212 с.
- Юдин А. И., 2013. Периодизация и хронология энеолита степного Поволжья // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е. А. Черленок. СПб.: Скифия-принт. С. 26–30.
- Юдин А. И., Выборнов А. А., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Филлипсен Б., Барацков А. В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. № 3 (16). С. 61–68.
- Yubornov A., Kosintsev P., Kulkova M., 2015. The origin of farming in Lower Volga Region // Documenta Praehistorica. XLII. P. 67–75.
- Yubornov A., Kulkova M., Kosintsev P., Platonov V., Platonov S., Phillipsen B., Nesterov E., 2018. Diachronology and Chronology of Neolithic-Eneolithic Cultures (from 6500 to 4700 CalBC) in The Low Volga Basin // Radiocarbon. No. 6. P. 1597–1610.

Сведения об авторах

Выборнов Александр Алексеевич, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия; e-mail: vibornov_kin@mail.ru;

Дога Наталья Сергеевна, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия; e-mail: natalidoga@yandex.com;

Кулькова Марианна Алексеевна, Российский государственный педагогический университет, наб. р. Мойки, 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru

A. A. Vybornov, N. S. Doga, M. A. Kul'kova

THE VARIANT OF THE TRANSITION TO THE ENEOLITHIC IN THE LOWER VOLGA REGION

Abstract. The area of the Lower Volga region is crucial for the studies of culturo-genesis, especially, the transition periods. Scholars refer the Caspian culture to the Late Neolithic or the Early Eneolithic. The comparison of these two periods demonstrates that in the Early Eneolithic the number of sites, thickness of layers, dwellings, number of finds at the sites did not increase. There are a number of attributes (a collared rim, combed stamp, raw materials for manufacturing tools, etc.), but they are not technology-based. Presence of elements of producing economy in the area inhabited by representatives of the Caspian culture population is not used as a periodization criterion. Changes in the technology of manufacturing tools and implements must be used as the main evidence of the transition from the Neolithic to the Eneolithic. This transition manifests itself in the emergence of high pressure technology. Considering a lack of metalworking evidence, the Caspian culture should be referred to the period of transition from the Neolithic to the Eneolithic.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, Lower Volga region, Orlovskaya culture, chronology, Caspian culture, quartzitic industry, collared rim ceramics, high pressure technology.

REFERENCES

- Andreyev K. M., Baratskov A. V., Vybornov A. A., Kul'kova M. A., Oynonen M., Possnert G., Meadows D., van der Plicht J., Filippsen B., 2016. Novyye radiouglerodnyye daty neoliticheskikh i eneoliticheskikh pamyatnikov Povolzh'ya i Podon'ya [New radiocarbon dates from Neolithic and Eneolithic sites of Volga and Don regions]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 18, no. 3 (2), pp. 155–163.
- Barynkin P. P., 1992. Eneolit i rannaya bronza Severnogo Prikaspiya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Eneolithic and Early Bronze Age of North Caspian region: PhD Thesis]. Moscow. 26 p.
- Barynkin P. P., Vasil'yev I. B., 1985. Novyye eneoliticheskiye pamyatniki Severnogo Prikaspiya [New Eneolithic sites of North Caspian region]. *Arkheologicheskiye pamyatniki na evropeyskoy territorii SSSR [Archaeological sites in European territory of the USSR]*. A. T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 58–73.
- Kiyashko V. Ya., 1994. Mezhdru kamnem i bronzoy [Between stone and bronze]. Azov: Azovskiy krayevedcheskiy muzey. 132 p. (Donskiyedrevnosti, 3.)
- Kol'tsov P. M., 2005. Mezolit i neolit Severo-Zapadnogo Prikaspiya [Mesolithic and Neolithic of Northwest Caspian region]. Moscow: Voskresen'ye. 352 p.
- Kotova N. S., 2002. Neolitizatsiya Ukrainy [Neolitization of Ukraine]. Lugansk: Shlyakh. 268 p.
- Kotova N. S., 2014. Perekhod ot neolita do eneolita v stepyakh Vostochnoy Evropy i svyazannyye s nim innovatsii [Transition from Neolithic to Eneolithic in East Europe steppes and related innovations]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, 4 (9), pp. 65–75.
- Krizhevskaya L. Ya., 1977. Rannebronzovoye vremya v Yuzhnom Zaural'ye [Early Bronze Age in South Trans-Urals]. Leningrad: Leningradskiy gos. universitet. 158 p.
- Lopatin V. A., 1989. Stoyanka Ozinki II v Saratovskom Zavolzh'ye [Ozinki II station in Saratov Trans-Volga region]. *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiya [Neolithic and Eneolithic of North Caspian region]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 135–146.
- Melent'yev A. N., 1976. Pamyatniki neolita Severnogo Prikaspiya (pamyatniki prikaspiyskogo tipa) [Neolithic sites of North Caspian region (Caspian type sites)]. *Problemy arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya [Issues of archaeology of Volga and Urals regions]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 13–14.
- Morgunova N. L., 1995. Neolit i eneolit yuga lesostepi Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ya [Neolithic and Eneolithic of southern part of forest-steppe in Volga-Ura interfluve]. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 222 p.
- Morgunova N. L., 2011. Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ya [Eneolithic of Volga-Ural interfluve]. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 220 p.
- Nikitin V. V., 2015. Kul'tura nositeley posudy s grebenchato-yamochnym ornamentom v Mariysko-Kazanskom Povolzh'ye [Culture of bearers of comb-pit ornament ware in Mari-Kazan' Volga region]. Kazan': Kazanskaya nedvizhimost'. 361 p.
- Nikitin V. V., 2017. Na grani epokhi kamnya i metalla [On the border of stone and metal epoch]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet. 264 p.
- Stavitskiy V. V., 2008. Problema slozheniya ryazanskogo varianta kul'tury yamochno-grebenchatoy keramiki [Problem of formation of Ryazan variant of comb-pit ware culture]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. A. N. Sorokin, ed. Moscow; Tula: Grif i K, pp. 353–362.
- Stavitskiy V. V., 2013. K voprosu o vydelenii neo-eneoliticheskoy epokhi v Povolzh'ye [On issue of singling out of Neo-Eneolithic culture in Volga region]. *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy [Issues of periodization and chronology in Early Metal Age archaeology of Eastern Europe]*. E. A. Cherlenok, ed. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 31–33.
- Vasil'yev I. B., 1981. Eneolit Povolzh'ya. Step' i lesostep' [Eneolithic of Volga region. Steppe and forest-steppe]. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut. 130 p.
- Vasil'yev I. B., Sinyuk A. T., 1985. Eneolit Vostochno-Evropeyskoy lesostepi [Eneolithic of East-European forest-steppe]. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut. 117 p.
- Vasil'yev I. B., Vybornov A. A., Kozin E. V., 1986. Pozdneneoliticheskaya stoyanka Tenteksor v Severnom Prikaspii [Late Neolithic station Tentekskor in North Caspian region]. *Drevniye kul'tury*

- Severnogo Prikaspiya [Ancient cultures of North Caspian region]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 6–31.
- Vybornov A. A., 2008. Neolit Volgo-Kam'ya [Neolithic of Volga-Kama region]. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 490 p.
- Vybornov A. A., Kosintsev P. A., Kul'kova M. A., Doga N. S., Platonov V. I., 2019. Vremya poyavleniya proizvodnyashchego khozyaystva v Nizhnem Povolzh'ye [Time of appearance of producing economy in Lower Volga region]. *SP*, 2, pp. 359–368.
- Vybornov A. A., Oynonen M., Doga N. S., Kul'kova M. A., Popov A. S., 2016. O khronologicheskom aspekte proiskhozhdeniya proizvodnyashchego khozyaystva v Nizhnem Povolzh'ye [On chronological aspect of origin of producing economy in Lower Volga region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhduarodnyye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State university. Ser. 4: History. Regional studies. International relations]*, vol. 21, no. 3, pp. 6–13.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Kul'kova M. A., Goslar T., Possnert G., Filippsen B., 2016. Radiouglerodnyye dannyye dlya khronologii neolita Nizhnego Povolzh'ya [Radiocarbon data for chronology of Neolithic in Lower Volga region]. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tys. do n. e. [Radiocarbon chronology of Neolithic epoch in Eastern Europe, VII–III mill. BC]*. Smolensk: Svitok, pp. 59–70.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Vasil'yeva I. N., Kosintsev P. A., Kul'kova M. A., Doga N. S., Popov A. S., 2016. Issledovaniya poseleniya Oroshayemoye v Nizhnem Povolzh'ye [Investigations of settlement Oroshayemoye in Lower Volga region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 18, no. 3, pp. 140–145.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Vasil'yeva I. N., Kosintsev P. A., Doga N. S., Popov A. S., Platonov V. I., Roslyakova N. V., 2018. Novyye rezul'taty issledovaniy poseleniya Oroshayemoye v Nizhnem Povolzh'ye [New results of investigations of settlement Oroshayemoye in Lower Volga region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 20, no. 3, pp. 215–222.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Vasil'yeva I. N., Kosintsev P. A., Kul'kova M. A., Doga N. S., Popov A. S., 2017. Novyye materialy issledovaniy na poselenii Oroshayemoye v Nizhnem Povolzh'ye [New materials of investigations of settlement Oroshayemoye in Lower Volga region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 19, no. 3, pp. 185–190.
- Vybornov A. A., Yudin A. I., Vasil'yeva I. N., Kosintsev P. A., Kul'kova M. A., Goslar T., Doga N. S., 2015. Novyye dannyye po neolitu–eneolitu Nizhnego Povolzh'ya [New data on Neolithic-Eneolithic of Lower Volga region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 17, no. 3, pp. 235–241.
- Yudin A. I., 1995. Neolit i eneolit stepnogo Zavolzh'ya: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Neolithic and Eneolithic of steppe Trans-Volga region: PhD Thesis. Abstract]. Moscow. 16 p.
- Yudin A. I., 1998. Orlovskaya kul'tura i istoki formirovaniya stepnogo eneolita Zavolzh'ya [Orlovskaya culture and origins of formation of steppe Eneolithic in Trans-Volga region]. *Problemy drevney istorii Severnogo Prikaspiya [Issues of ancient history of North Caspian region]*. I. B. Vasil'yev, ed. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 83–105.
- Yudin A. I., 2004. Varfolomeyevskaya stoyanka i neolit stepnogo Povolzh'ya [Varfolomeyevka station and Neolithic of steppe Volga region]. Saratov: Saratovskiy gos. universitet. 200 p.
- Yudin A. I., 2006. Kul'turno-istoricheskiye protsessy v epokhi neolita i eneolita na territorii Nizhnego Povolzh'ya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Cultural and historical processes in Neolithic and Eneolithic epochs in territory of Lower Volga region: Dr. Sc. Thesis. Abstract]. Izhevsk. 46 p.
- Yudin A. I., 2012. Poseleniye Kumyska i eneolit stepnogo Povolzh'ya [Settlement Kumyska and Eneolithic of steppe Volga region]. Saratov: Nauchnaya kniga. 212 p.
- Yudin A. I., 2013. Periodizatsiya i khronologiya eneolita stepnogo Povolzh'ya [Periodization and chronology of Eneolithic in steppe Volga region]. *Problemy periodizatsii i khronologii v arkhologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy [Issues of periodization and chronology in Early Metal Age archaeology of Eastern Europe]*. E. A. Cherlenok, ed. St. Petersburg: Skifiya-print, pp. 26–30.

Yudin A. I., Vybornov A. A., Vasil'yeva I. N., Kosintsev P. A., Kul'kova M. A., Goslar T., Filippsen B., Baratskov A. V., 2016. Neoliticheskaya stoyanka Algay v Nizhnem Povolzh'ye [Neolithic station Algay in Lower Volga region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, 3 (16), pp. 61–68.

About the authors

Vybornov Alexander A., Samara State University of Social Sciences and Education, ul. M. Gor'kogo, 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; e-mail: vibornov_kin@mail.ru;

Doga Natal'ya S., Samara State University of Social Sciences and Education, ul. M. Gor'kogo, 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; e-mail: natalidoga@yandex.com;

Kul'kova Marianna A., Russian State Pedagogical University, Moika nab., 48/12. St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulkova@mail.ru

А. А. Ковалев

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ И ЗАКАВКАЗСКИХ АНАЛОГИЙ «УКРАШЕНИЯМ» КУЛЬТУР ПРЕДКАВКАЗЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III ТЫС. ДО Н. Э.

Резюме. В статье приведены данные об абсолютной хронологии комплексов Передней Азии и Закавказья, содержащих аналогии предкавказским бронзовым «украшениям» перв. пол. III тыс. до н. э. Наиболее ранние из них относятся к концу раннего – началу среднего Урука: это золотые кольцевидные и дисковидные медальоны без орнамента. Возможно, традиция изготовления этих ритуальных по своей сути предметов могла опосредованно повлиять на формирование традиции изготовления предкавказских кольцевидных и дисковидных медальонов. В комплексах позднего куро-аракса (около 2800–2600 гг. до н. э.) в Закавказье зафиксировано появление простейших стерженьковых подвесок, что может быть объяснено влиянием северных культур, где эти подвески получили широкое распространение с рубежа IV–III тыс. до н. э. О влиянии со стороны Предкавказья говорят и находки в закавказских комплексах второй трети III тыс. до н. э. ряда уникальных предметов «степных» форм (медальоны, костяные молоточковидные булавки, выпуклые пунсонные бляхи и т. п.). С середины III тыс. в Передней Азии распространяются подобию молоточковидных булавок, стерженьковых (грибовидных) подвесок, медальонов, пунсонных блях. В царских могилах Ура и других комплексах периода РДШ, а также Аккада найдены крупные медальоны из драгоценных металлов. Эти медальоны, как и другие престижные предметы, начинают украшать имитацией перевитого шнура. Мотив шнура в тот же период характеризует беденскую культуру в Закавказье. Все это свидетельствует об усилении северного влияния, возможно, вплоть до проникновения в Переднюю Азию групп населения из Предкавказья.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, средний бронзовый век, культуры степей Восточной Европы, куро-аракская культура, ранний бронзовый век Анатолии, период РДШ, Предкавказье, Закавказье, Передняя Азия, культурные связи.

Погребения периода средней бронзы Центрального Предкавказья и окружающих территорий характеризуются наборами бронзовых декоративных изделий нескольких типов (молоточковидные и посоховидные булавки, выпуклые кованые пунсонные и литые бляхи, «стерженьковые» подвески, кольцевидные и дисковидные медальоны, подвески-«калачики» и т. д.), изготовливавшихся, как считается, в местных производственных центрах (*Нечитайло*, 1978. С. 66–70, 94–99; *Корневский*, 1990. С. 53–59; *Марковин*, 1994; *Шишлина*, 2007. С. 194; *Гак*, *Калмыков*, 2009. С. 105; *Клещенко*, 2013. С. 136–143). Сходство форм этих «украшений» с инокультурными артефактами не раз служило основанием для выводов о характере связей культур средней бронзы Северного Кавказа с более южными регионами (*Гей*, 2000. С. 205–209; *Братченко*, 2001. С. 45, 46, 64, 65; *Рысин*, 1996; 2008). К сожалению, тема взаимосвязи предкавказских и переднеазиатских комплексов «украшений» III тыс. до н. э. в литературе затрагивается, как правило, вскользь и раскрывается с недостаточной полнотой (см., например: *Санжаров*, 1992; *Трейстер*, 1996. С. 207; *Братченко*, 2001. С. 45, 46; *Братченко*, *Санжаров*, 2001. С. 54; *Sagona*, 2004. P. 490, 491; *Vobokhyan*, 2006. S. 52, 53). Точку зрения о переднеазиатском происхождении ведущих форм предкавказских «украшений» этого времени последовательно отстаивает М. Б. Рысин, составивший наиболее полную на сегодня сводку формальных аналогий этим предметам в комплексах Закавказья и Передней Азии (*Рысин*, 2008. С. 211–218). Необходимо отметить, что М. Б. Рысин отрицает «хронологические схемы, построенные на основе калиброванных радиоуглеродных датировок» (Там же. С. 224), поэтому его не смущает, что приводимый им круг переднеазиатских и закавказских памятников с аналогиями кольцевидным и дисковидным медальонам, стерженьковым подвескам, молоточковидным булавкам, пунсонным бляхам относится самое раннее ко второй трети III тыс. до н. э., а в основном – к последней трети этого тысячелетия. Кроме того, М. Б. Рысин обосновывает большую древность ювелирных изделий Ближнего Востока тем, что при их изготовлении использовались зернь и филигрань. Предкавказские «украшения», отлитые по восковой модели, исследователю, с этой точки зрения, представляются имитацией переднеазиатских. Однако для такого вывода о развитии технологии производства украшений нужно постулировать линейный характер эволюции их типов, что как раз нуждается в доказательстве на независимых основаниях.

На сегодняшний день можно утверждать, что бытование рассматриваемых наборов «украшений» в целом укладывается в период с рубежа IV–III тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э. Методом радиоуглеродного датирования (с учетом курганной стратиграфии и типологического анализа) получены в целом непротиворечивые данные о хронологических рамках культурных образований Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия, с которыми связаны проявления таких «украшений» (*Трифонов*, 1996; 2001; *The Foundations of Radiocarbon Chronology...*, 1999; 2003; *Шишлина*, 2007. С. 271–278; *Корневский и др.*, 2007. С. 90–95; и др.). По С. Н. Братченко, памятники с рассматриваемыми «украшениями» относятся к «ранне- и среднекатакомбному» («классическому донецкому») этапам донецкой катакомбной культуры (*Братченко*, 2001. С. 42–49. Рис. 104; *Братченко*, *Санжаров*, 2001. С. 91). Радиоуглеродные даты погребений «среднекатакомбного этапа» из могильника

Сватово на Луганщине укладываются в период 2800–2500 гг. до н. э. (*Bratchenko*, 2003). В последнее время хронологическая схема, построенная на базе данных радиоуглеродной хронологии, существенно уточняется с выявлением резервuarного эффекта и других проблемных аспектов применения метода; при этом сохраняются общие хронологические рамки и последовательность этапов (*Van der Plicht и др.*, 2016. С. 48–64). Таким образом, направление и характер взаимодействия при распространении отдельных типов «украшений» могут быть выявлены в ходе сравнения предкавказских форм с их аналогами в памятниках Закавказья и Передней Азии, относящихся, соответственно, к различным хронологическим отрезкам в пределах конца IV – конца III тыс. до н. э.

Наиболее ранние аналогии предкавказским металлическим «украшениям» III тыс. до н. э. представлены в памятниках конца раннего – начала среднего Урука (Гавра В / Северный Урук А, около 3800–3600 гг. до н. э.) (см.: *Rothmann*, 2002a. P. 50. Tabl. 1; 2002b. P. 56. Tabl. 3.3). На Тепе-Гавра это золотые дисковидные медальоны-кулоны из могил 10 (слой VIII/IX), 25 (слой VIII/IX) и 90 кольцевидных подвесок из могилы 109, составлявших, видимо, наборный браслет (слой X) (*Speiser*, 1935. P. 209. Pl. LXXXIV: 22; *Tobler*, 1950. P. 89. Pl. CVII: 49, 50; *Авилова*, 2008. С. 76, 77. Рис. 18) (рис. 1: 4–6). Отнесение могил к слоям дано по обновленной стратиграфии (*Peasnell*, 2002. P. 191. Tabl. A.3). На телле Калиндж-Ага – как минимум семь золотых кольцевидных подвесок из могилы в слое V (*Abu Al-Soof*, 1966. Fig. 8; *Abu Al-Soof, Shah Es-Siwvani*, 1967. P. 72) (рис. 1: 7). Кольцевидные и дисковидные подвески имеют поперечное отверстие в ушке для подвешивания. Интересно, что такая же конструкция и у округлых каменных медальонов с орнаментацией резьбой и сверлением, в большом количестве обнаруженных в более ранних слоях Тепе-Гавра – халафского и убедидского периодов, а также в нескольких экземплярах – в слоях XI и X (ранний Урук) (*Tobler*, 1950. P. 194. Pl. XCII: 1–5; CLXXII–CLXXIII: 17–40) (рис. 1: 1–3). Возможно, что металлические дисковидные подвески появились как развитие этой формы каменных кулонов. Учитывая, что в урукских могилах были обнаружены также иные подвески из золотого листа, разнообразные, в том числе бочковидные, бусины, составные розетки и иные изделия из фольги, положенной на основу из битума, именно здесь, несмотря на большой хронологический разрыв, можно усматривать истоки формирования комплекса шумерских украшений раннединастического периода (см.: *Авилова*, 2008. С. 76). Таким образом, появление в наборах украшений «царского» некрополя Ура и в иных комплексах РД периода таких форм, как кольцевидные, дисковидные медальоны, а также медальоны с различным декоративным заполнением (см.: *Musche*, 1992. Taf. XX, XXIV, XXV, XXVIII, XXIX), можно объяснить развитием местных традиций предшествующей эпохи. С другой стороны, опосредованным урукским влиянием может быть объяснено появление кольцевидных и дисковидных медальонов в предкавказских комплексах первой половины III тыс. до н. э. Однако оригинальное декоративное оформление литых предкавказских медальонов не находит аналогий в памятниках предшествующего времени.

Две серебряные подвески – «калачики» с несомкнутыми концами – были обнаружены в погребении DG 96 X-31 на периферии поселения Тепе-Гиссар (Иран) в неясной стратиграфической ситуации (*Schmidt*, 1937. P. 128, 129.

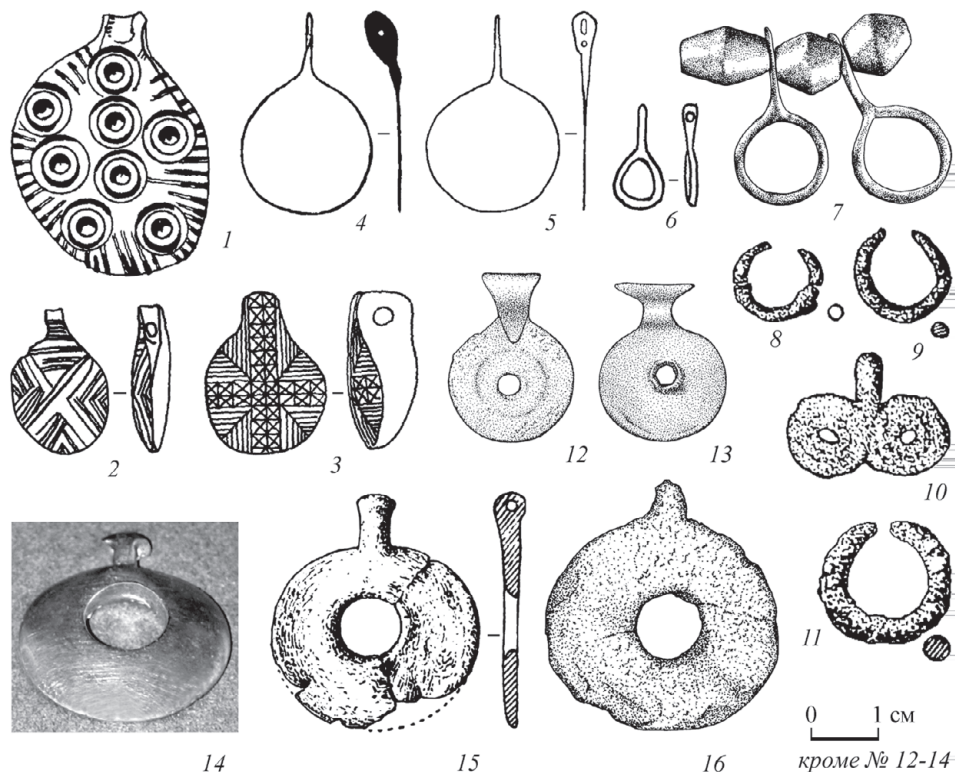

Рис. 1. Подвески V – первой половины III тыс. до н. э.

1, 3 – Тепе-Гавра, слой XX (?) (по: *Tobler*, 1950); 2 – Тепе-Гавра, слой XII (по: *Ibid.*); 4, 5 – Тепе-Гавра, слой VIII/X (по: *Ibid.*; *Speiser*, 1935); 6 – Тепе-Гавра, слой X (по: *Tobler*, 1950); 7 – Калиндж-Ага, слой V (по: *Abu Al-Soof*, 1966); 8–11 – Тепе-Гиссар, период II (по: *Schmidt*, 1937); 12, 13 – Баклатепе, период РБВ I (по: *Özkan, Erkanal*, 1999); 14 – Баклатепе, период РБВ II (по: *Erkanal*, 2008); 15, 16 – Полиохни, «Красный период» (по: *Bernabo-Brea*, 1964)

1–3 – камень; 4–7, 14 – золото; 8–10, 13, 15 – серебро; 11, 12, 16 – медь/бронза

Fig. 16) (рис. 1: 8, 9). Погребение было отнесено Шмидтом к периоду ПА по керамическому набору (*Ibid.*, P. 112. Pl. XXIII). «Новая хронология» памятника, разработанная на основе статистического учета встречаемости типов керамики в слоях поселения, относит найденные в этом комплексе сероглиняные кубки к стратиграфической фазе D (около 3350–3100 гг. до н. э.) (*Gürsan-Salzman*, 2016. P. 125). Медная подвеска-«калачик» была найдена также в слое периода II в квадрате CG 89 на «Красном холме» (*Schmidt*, 1937. P. 422. Fig. XXVIII: B) (рис. 1: 11). В инвентарь погребения DG 96 X-31 входила серебряная подвеска в форме двойной спирали (?) с ушком с поперечным отверстием, внешне схожая с литыми двойными медальонами Предкавказья (рис. 1: 10). Аналогичные серебряные и медные подвески встречены на памятнике также в могилах, относящихся к периодам ШВ, ШС, т. е. к середине – второй половине III тыс. до н. э.

(Schmidt, 1937. P. 207, 208. Pl. LIV–LV). В Норшунтепе металлические подвески-«калачики» с несомкнутыми концами найдены в слоях 13–10 позднего РБП и РБП (Schmidt, 2002. Taf. 66, 67; Hauptmann, 2000. P. 428). Указанные данные позволяют предполагать, что погребение DG 96 X-31 занимает скорее позднюю позицию в пределах фазы D, ближе к рубежу IV–III тыс. до н. э.

К периоду анатолийского РБВ I (около 3000–2700 гг. до н. э.) (Steadman, 2011. P. 230) отнесены два погребения с металлическими медальонами в могильнике на поселении Баклатепе в Западной Анатолии (Özkan, Erkanal, 1999. P. 126. Fig. 29; 30). Первое погребение, как сообщается, принадлежало девочке 12 лет, серебряный дисковидный медальон (рис. 1: 13) был обнаружен в центре ожерелья, состоявшего из серебряных бусин. В инвентарь второго погребения, принадлежавшего взрослому мужчине, входили серебряные браслеты, бронзовые (?) нож и булавка, а также медный (?) округлый медальон с отверстием (рис. 1: 12). Верхняя часть обоих медальонов, как сообщается, «вытянута и согнута в форме ушка». Ушко медальонов расширяется кверху. Еще один аналогичный золотой медальон с расширяющимся кверху ушком был найден на памятнике в пифосной могиле периода РБВ II (Erkanal, 2008. P. 167. Abb. 6) (рис. 1: 14). При публикации медальонов из могильника РБВ I исследователи отнесли их (опираясь на форму предмета в плане) к специфическому типу «амулетов, хорошо известному еще в неолите Греции» (Özkan, Erkanal, 1999. P. 126. Ref. 47). Упомянутые неолитические подвески из Греции (из золота, серебра, камня или глины) представляют собой кольцо с расширяющимся кверху выступом, в котором проделаны отверстия с лицевой на обратную сторону (Skafida, 2008. P. 520, 521. Fig. 4–6; 12). Предметы этого типа широко представлены в энеолите Балкано-Карпатья (Zimmermann, 2007. P. 25–27. Fig. 1–3; Авилова, 2018. С. 155, 156. Рис. 27). К сожалению, в представленных сводках по Балканам и Центральной Европе практически отсутствует информация по неолиту и энеолиту Греции, что затрудняет реконструкцию путей их распространения и эволюции в течение V–IV тыс. до н. э. Подвески считаются упрощенной вариацией антропоморфного «идола» с округлым туловищем; особое значение их геометризованного контура подчеркивается тем, что аналогичные фигуры изображены на керамике из Димини (поздний неолит II – 4800–4500 гг. до н. э.) (Zimmermann, 2007. P. 26; Skafida, 2008. P. 521. Fig. 7–9). Считая появление таких подвесок в Анатолии следствием культурного импульса с Балкан, Т. Циммерман в 2007 г. оспорил позднюю датировку ряда «классических» кольцевых подвесок-«идолов» со сквозными отверстиями, в том числе найденных на Икизтепе и первоначально датированных периодами РБВ II и РБВ III, а также отнесение к РБВ II упомянутого выше комплекса с золотой подвеской из Баклатепе. По его мнению, все находки кольцевых подвесок с расширяющимся верхом должны датироваться временем «не позже начала раннего бронзового века» (Zimmermann, 2007). В 2008 г. вышла статья Л. Кескина, где он рассматривает «кольцевые идола» Баклатепе как развитие форм более ранних эгейских и балканских находок (Keskin, 2008). В 2011 г. Л. Кескин предпринял более широкий обзор находок «кольцевых идолов» энеолита и раннего бронзового века, показав, что этот тип подвесок проникает из Эгеиды и Балкан в Западную Анатолию и бытует там вплоть до последней трети III тыс. до н. э. (Keskin, 2011). В недавней

публикации Л. А. Авилова присоединилась к мнению Т. Циммермана об отнесении комплексов Икизтепе к «местному позднему халколиту», однако согласилась с датировкой находок на могильниках Баклатепе вплоть до периода РБВ II (Авилова, 2018. С. 152–162). В одном ряду с более ранними эгейскими кольцевыми подвесками-«идолами» обычно упоминают две находки металлических медальонов на поселении Полиохни на острове Лемнос (*Bernabo Brea*, 1964. P. 376, 659, 663. Tav. CLXX: 3; CLXXVII: 25; CLXXVII: 28) (рис. 1: 15, 16). Эти кольцевидные медальоны (один из серебра, второй из меди или бронзы) были обнаружены в стратиграфическом контексте «Красного периода» памятника. «Красный период» Полиохни синхронизируется с концом анатолийского РБВ II (примерно середина III тыс. до н. э.) (*Şahoğlu*, 2005. Fig. 2; *Kouka*, 2013. Fig. 1). Серебряный медальон, сохранившийся полностью, имеет ушко с явным расширением, как и экземпляр из погребения РБВ II на Баклатепе; ушко медного медальона обломано.

Если рассматривать кольцевые подвески с ушком из Баклатепе и Полиохни в качестве развития древнейшей формы кольцевых подвесок-«идолов» с пробитыми с лицевой на обратную сторону отверстиями, опираясь на сходство контуров этих изделий, подразумевающих некую «антропоморфность», вряд ли можно говорить о какой-либо прямой связи находок из Баклатепе с предкавказскими медальонами первой половины III тыс. до н. э., не имеющими расширяющегося, а тем более «Т-образного» выступа. К тому же кольцевидные и дисковидные подвески с ушком, как показано выше, встречаются в Передней Азии еще в урукское время.

Исследования последних лет позволили выявить наиболее ранние находки аналогий предкавказским бронзовым «украшениям» в Закавказье. Судя по стратиграфии и керамическому инвентарю, к началу III тыс. до н. э. относится могила 12 на куро-аракском поселении Кватсхела (Грузия), где был обнаружен фрагмент стержня костяной булавки с вырезанными рядами заштрихованных треугольных фестонов (*Glonti et al.*, 2008. P. 162, 163. Fig. 16; *Jalabadze et al.*, 2012. P. 65, 66. Fig. 19: a). Костяные булавки с аналогичным орнаментом встречены в серокавказских комплексах (см.: *Нечитайло*, 1978. рис. 23: 1, 4). На следующем этапе существования поселения Кватсхела его населением был оставлен могильник Твлепиас Цхаро, в погребение 2 которого найден набор стерженьковых бронзовых подвесок с округлым и коническим завершениями (*Glonti et al.*, 2008. P. 164, 165. Fig. 17; *Jalabadze et al.*, 2012. P. 67, 68. Fig. 21: b) (рис. 2: 1). Такие же подвески обнаружены в могиле 29 могильника Арадетис Оргора (*Koridze, Palumbi*, 2008. P. 131, 132. Fig. 15; 16; *Jalabadze et al.*, 2012. P. 79, 80. Fig. 28) (рис. 2: 2). Эти два комплекса относятся к позднему этапу куро-аракской культуры (около 2800–2600 гг. до н. э.) (*Palumbi*, 2008. P. 157–213. Т. 5.1; *Puturidze, Rova*, 2012). Стерженьковые подвески тех же форм входили в «ожерелье», найденное при раскопках крепости Гехарот (Армения) (*Smith et al.*, 2004. P. 23. Fig. 15) (рис. 2: 3). Большинство металлических бусин, пронизок и подвесок из «ожерелья» были изготовлены из мышьяковистой бронзы, причем содержание мышьяка в цилиндрических и бочонковидных бусинах колебалось между 15,8 и 19,4 % (*Badalyan et al.*, 2014. P. 206, 207. Fig. 32). Такое высокое содержание мышьяка характерно для аналогичных предкавказских изделий эпохи средней бронзы. Ожерелье было обнаружено, как сообщается

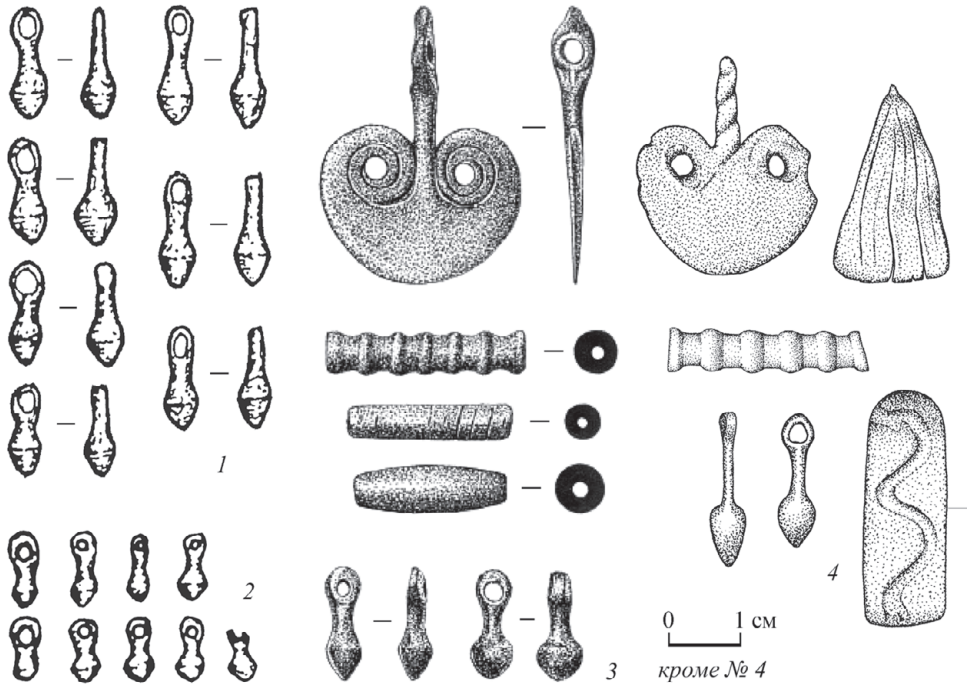

Рис. 2. Бронзовые «украшения» из комплексов времени позднего куро-аракса

1 – Твлепиас Цхаро, погр. 2 (по: *Jalabadze et al.*, 2012); 2 – Арадетис Оргора, мог. 29 (по: *Jalabadze et al.*, 2012); 3 – клад с пос. Гехарот (по: *Badalyan et al.*, 2014); 4 – клад с пос. Хиналик (по: *Courcier et al.*, 2016)

в первой публикации, непосредственно под почвенным слоем в юго-западной части раскопа T02d. В ходе раскопок было установлено, что здесь обнаруживаются материалы, относящиеся исключительно к раннему периоду существования памятника, включая керамику т. н. группы «Карнут-Шенгавит», т. е. Куро-Аракса III. На материалах поселения Гехарот рамках проекта ArAGATS были получены многочисленные радиоуглеродные даты, позволившие датировать верхний слой 1b куро-аракского периода существования памятника, которому, очевидно, принадлежит ожерелье, приблизительно 29–27 вв. до н. э. (*Manning et al.*, 2018. P. 1534–1539. Fig. 2). С этим периодом должна смыкаться датаклада из Хиналика (Азербайджан) (*Courcier et al.*, 2016. P. 29, 30. Fig. 4) с аналогичным набором подвесок (рис. 2: 4). Как сообщается, клад был обнаружен в «тайнике» на поселении, в слое, «относящемся к периоду Марткопи-Бедени». Стерженьковые, подтреугольные «лапчатые» подвески и подвески в форме невысокого конуса, подобные найденным в Хиналике, входили в комплекс 3 (1955 г.) из Корети (Грузия) (*Джанаридзе*, 1961. С. 138, 139. Рис. 36. Табл. XX: 17–19). Хорошая хронологическая привязка появилась для могилы 2 (1955 г.) из Начеркезеви (Грузия) (*Джанаридзе*, 1961), где был найден небольшой бронзовый медальон с центральным отверстием (рис. 3: 1–4). В этот комплекс входил бронзовый топор

типа Начеркезеви (*Корневский*, 1981. С. 25; 2019. С. 83–88. Рис. 2). Глиняная форма для отливки топора этого типа (несколько иных пропорций, чем на Кавказе, но с наличием характерных признаков, выделенных в свое время С. Н. Корневским) (*Schmidt*, 2002. S. 40–48. Taf. 42: VI) (рис. 3: 5) была обнаружена на поселении Норшунтепе в слое 19, который по данным археологического и радиоуглеродного датирования относится примерно к 2700–2600 гг. до н. э. (*Hauptmann*, 2000. Abb. 1; *Di Nocera*, 2000. Tab. 2. Fig. 5a). Таким образом, перечисленные находки бронзовых подвесок в Закавказье датируются не ранее чем 29 в. до н. э., а скорее всего, более поздним временем. Вероятно, они являются свидетельствами наиболее раннего проникновения предкавказских традиций в чужеродный контекст. Временем позднего куро-аракса, по керамическому набору, можно датировать и погребение из Коринто, где были найдены каменная булава и четыре костяные булавки, три из которых сохранили молоточковидную головку (*Djaparidze*, 1993. S. 488–490. Abb. 12; *Bertram*, 2005. S. 68). В могиле одного из «ранних курганов» Триалети (курган XL) – к сожалению, в отсутствие керамики – были обнаружены шесть бронзовых блях с пунсонным орнаментом (*Куфтин*, 1941. С. 101. Табл. СХV). К «раннему бронзовому веку» раскопщиками отнесена находка на поселении Аладжахююк костяной «молоточковидной» булавки с резным орнаментом, напоминающим орнамент на металлических предкавказских экземплярах; скорее всего, она датируется более ранним временем, чем исследованные здесь же «царские» могилы периода РБВ III (*Коşay, Akok*, 1973. P. 113. Pl. 68; 83).

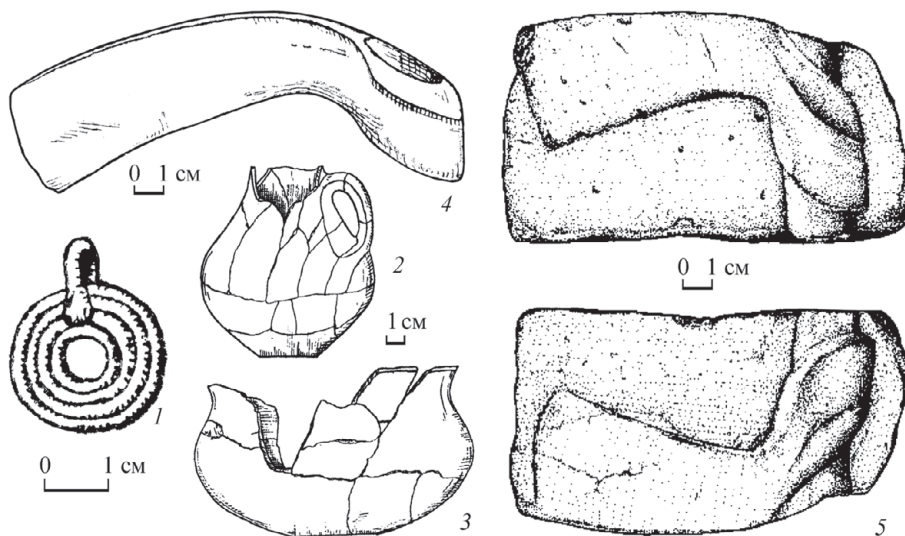

Рис. 3. Комплекс Начеркезеви № 2 (1955 г.) (1–4) и аналогия из слоя 19 пос. Норшунтепе (5)

1 – бронзовый медальон; 2 – бронзовый топор; 3, 4 – глиняные сосуды; 5 – глиняная литейная форма

1–4 – по: *Джанаридзе*, 1961; 5 – по: *Schmidt*, 2002

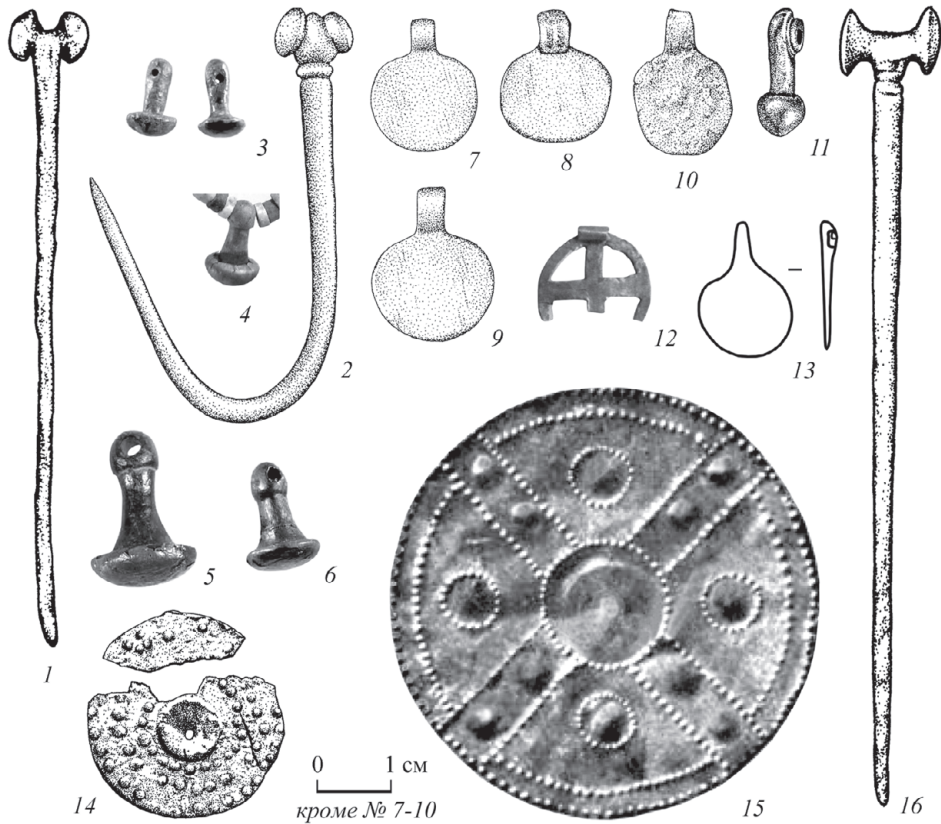

Рис. 4. Декоративные изделия из комплексов второй половины III тыс. до н. э.

1 – Баклатепе, поздний период РБII; 2–10 – м-к Ресулолу, РБВ III; 11 – Троя II, клад А; 12 – м-к Северный Салур, период РБВ III; 13 – Балыбаш, период РБВ III; 14 – Караташ/Семаюк, период РБВ II; 15 – Кинерет, период РБВ III; 16 – Аладжахиюк, погр. Н, период РБВ III
1, 2, 7–10, 13, 14 – бронза; 4, 5 – бронза, золото; 3, 6, 11, 12, 15 – золото; 16 – серебро

1 – по: *Özkan, Erkanal, 1999*; 2, 3, 5, 6 – по: *Yıldırım, Ediz, 2007*; 4 – по: *Yıldırım, 2005*; 7–10 – по: *Yıldırım, 2010a*; 11 – по: *Сокровища Трои..., 1996*; 12 – по: *Matthews, 2004*; 13 – по: *Süel, 1989*; 14 – по: *Mellink, 1964*; 15 – по: *Amiran, 1983*; 16 – по: *Koşay, 1951*

С середины III тыс. до н. э. в анатолийских памятниках середины – конца периода РБВ II – РБВ III (примерно 2500–2100 гг. до н. э.) (см.: *Steadman, 2011. P. 230*) обнаруживается относительно большое число предметов, схожих с предкавказскими «украшениями». «Молоточковидная» бронзовая булавка найдена в могиле «позднего РБВ II» на упомянутом выше поселении Баклатепе (*Özkan, Erkanal, 1999. Fig. 18*) (рис. 4: 1). Периодом РБВ III датируются «молоточковидная» бронзовая булавка, а также бронзовые дисковидные медальоны, стерженьковые подвески с грибовидными окончаниями (некоторые с обкладкой из золотой фольги), входящие в ожерелья многих погребенных в могильнике Ресулолу (*Yıldırım, 2005. Res. 9; 11; 2006a. Fig. 16: i; 18; 2006b. Res. 5; 2010.*

Res. 14; 15; *Yıldırım, Ediz*, 2007. Res. 9; *Yıldırım, İpek*, 2009. Res. 12) (рис. 4: 2–10). Ресулдулу является крупнейшим исследованным могильником РБ III на территории Турции, найденный здесь материал находит соответствия в Балыбаже, Калынкая, царских могилах Аладжи и др. К тому же времени относятся аналогичные стерженьковые подвески и дисковидный медальон из Балыбажа (*Süel*, 1989. Fig. 4; 21) (рис. 4: 13). Золотые предметы из Трои II – стерженьковая подвеска из клада А (рис. 4: 11) и псевдомолоточковидная булавка (Сокровища Трои..., 1996. С. 88; *Blegen*, 1950. No. 37-528. Pl. 357) – должны датироваться в пределах 2500–2350 гг. до н. э. (*Weninger, Easton*, 2014). Таким образом, все известные в комплексах Анатолии «грибовидные» подвески имеют более позднюю дату, чем аналогичные изделия Закавказья. К РБВIII относится вырезанный из золотого листа медальон с крестовиной (могильник Северный Салур) (*Matthews*, 2004. P. 59, 60. Fig. 3) (рис. 4: 12), к концу РБВII – миниатюрная бронзовая бляха с выпуклинами из могилы 70 в Караташ-Семаюк (*Mellink*, 1965. P. 244. Pl. 61. Fig. 16; *Efe, Fidan*, 2006. Pl. 9: 4) (рис. 4: 14). Серебряные подобию молоточковидных булавок найдены в могиле Н Аладжахююк (*Koşay*, 1951. Pl. 135. Fig. 2) (рис. 4: 16). Стратиграфически это одна из позднейших могил «царского» некрополя, который большинство исследователей сейчас относят к периоду РБВIII (*Steadman*, 2011. P. 246). Впрочем, даже сторонники удревнения этих захоронений датируют могилу Н временем около 2400 г. до н. э. (*Bachhuber*, 2011. P. 162). Тем же периодом датируют золотой диск из Киннерета (Израиль) с пунсонным орнаментом, композиция которого аналогична орнаменту на выпуклых пунсонных бляхах Предкавказья (*Amiran*, 1983; 1993) (рис. 4: 15). К концу III тыс. до н. э. относится клад из окрестностей озера Ван с маленьким дисковидным медальоном (изготовлен из золота, с серебряным ушком), схожим с изделием из Балыбажа (*Bobokhyan*, 2008. S. 562, 563. Taf. 69: 9).

В некрополе Ура был сделан ряд находок золотых и серебряных медальонов, некоторые из которых имеют оформление с использованием мотива «шнура» (*Woolley*, 1934. P. 374, 375. No. 8374, 8528, 9656, 12380. Pl. 129, 135, 136, 219, 220; 1955. P. 43. No. 6797. Pl. 29) (рис. 5: 1, 3, 8, 9). Некрополь относится к периоду РДIII (2600–2350 гг. до н. э., возможно, к первой половине этого периода) (*Brich*, 2013. P. 118, 119). Два таких медальона со шнуровым оформлением были найдены в Кюльтепе (Каниш), в могилах, относящихся к слою 13 начала РБВ III (*Özgüç*, 1963. P. 13. Pl. VII; 1986. P. 42. Fig. 3–36; *Ezer*, 2014. P. 17) (рис. 5: 6, 7). Похожие предметы входили в состав «сокровища Ура» из Мари (Телль-Харири) (*Parrot*, 1968. P. 28. pl. XV) (рис. 5: 2). Этот клад по найденной в нем печати царя Месаннепады датируется временем его правления, около 2450 г. до н. э. (*Dossin*, 1968; *Brich*, 2013. P. 118). Четыре медальона, совершенно аналогичные украшениям из царских могил Ура (см.: *Woolley*, 1955. No. 6797), входят в т. н. «клад троянца», хранящийся в Филадельфии (*Bass*, 1970. Pl. 86. Fig. 20–23; *Авилова*, 2018. С. 63–65). Медальоны, схожие с находками из Мари, время от времени появляются на международных аукционах (см., например: *Ancient Jewellery...*, 1993. P. 20). Золотые кольцевидные медальоны с орнаментальным «соляренным» заполнением входили в состав клада, найденного под полом помещения Аккадского дворца на Телль-Асмар; автор раскопок не сомневался в его стратиграфическом положении, однако отметил, что ювелирные изделия из клада наиболее

Рис. 5. Декоративные изделия из комплексов второй половины III тыс. до н. э.

1, 3, 8, 9 – царские могилы Ура, РДШ; 2 – Мари, «Урское сокровище», около 2450 г. до н. э.; 4 – Тель-Банат, мог. 7; 5 – Умм-эль-Марра, мог. 1; 6, 7 – Кюльтепе/Каниш, слой 13, начало РБВ III; 10, 11 – Тель-Брак, Аккадский период; 12 – Ананаури, курган 2, XXV–XXIV вв. до н. э.

1–7, 10, 12 – золото, 8, 9 – золото, камень; 11 – электр

1–5 – по: Art of the First Cities..., 2003; 6 – по: Özgüç, 1963; 7 – по: Özgüç, 1986; 8, 9 – по: Woolley, 1934; 10 – по: Mallowan, 1947; 11 – по: Oates et al., 2001; 12 – по: TÜBA-AR, 2005. Рис. на 1-й стр. обл.)

схожи с украшениями предыдущего периода РД III из царского могильника Ура (*Frankfort*, 1934. P. 35–37. Fig. 29).

Как можно видеть уже на примере приведенных выше золотых медальонов, перевитый «шнур» в период РД III становится одним из ведущих орнаментальных мотивов ювелирного искусства Ближнего Востока. «Шнуром» украшены, кроме вышеуказанных, многие переднеазиатские золотые изделия 2600–2300 гг. до н. э. (*Woolley*, 1934. P. 374, 375. No. 9637, 9779, 10949, 10878. Pl. 138, 146; *Art of the First Cities...*, 2003. P. 128, 181, 186. No. 75, 118, 126) (рис. 5: 3–5). Уже к аккадскому времени (около 23–22 вв. до н. э.) относится находка одиннадцати кольцевых золотых медальонов со шнуровым орнаментом в составеклада на памятнике Телль-Брак (*Mallowan*, 1947. P. 177. Pl. XXXV) (рис. 5: 10). Впоследствии на этом телле в слоях того же периода найдены выпуклые пунсонные бляхи из электра (рис. 5: 11), кольцевой золотой медальон, фрагмент золотого дисковидного медальона (*Oates et al.*, 2001. P. 243, 244, 578, 579. Fig. 51: a; 264; 387).

Престижные украшения со шнуровой орнаментацией в тот же период были одной из отличительных черт беденских памятников (*Carminati*, 2014. P. 174–180) (рис. 5: 12). Радиоуглеродное датирование кургана Ананаури № 3 с использованием метода «wiggle matching» позволило с большой точностью отнести этот элитный памятник беденской культуры, где были найдены в том числе золотые предметы со шнуровым орнаментом, к первой четверти XXIV в. до н. э. (*Lev et al.*, 2016). Шнуровой орнамент украшает золотые предметы более поздней триалетской культуры (*Джанаридзе*, 1988; *Kalantaryan*, 2007. Pl. VI–VII). В ювелирном искусстве Закавказья II тыс. до н. э. (м-ки Квиратсховели, Садгери и др.) сохраняется как шнуровой орнамент, так и формы, не отличимые от медальонов средней бронзы (*Гамбасидзе и др.*, 1985. Табл. XXXV: 4; XXXVI: 6; XXXVII: 15; *Gambaschidze I.*, 2001. P. 308, 311. No. 164, 165, 171).

В итоге необходимо заключить, что идея о переднеазиатском происхождении основных форм предкавказских «украшений» среднебронзового века не находит подтверждения. Единственным исключением является форма дисковидного или кольцевидного медальона с поперечным ушком, которая может иметь истоки в контексте северного Урука или более ранних культур Северной Месопотамии. Широкое распространение украшений с «предкавказскими» признаками и активное внедрение шнуровой орнаментации в оформление ритуальных по своей сути предметов, начавшиеся с середины III тыс. до н. э., может быть следствием усилившегося влияния с севера вплоть до возможной миграции групп предкавказского населения. Об этом же говорят и находки шлифованных топоров с рельефным ободком в Трое II (клад L) (*Ковалев*, 2016) и на поселении Енибадемли (ранний РБВ II) (см.: *Hüryılmaz*, 2016. P. 151. Fig. 7). Транзитным регионом могло быть Закавказье, где уже в период позднего куро-аракса входят в употребление бронзовые стерженьковые подвески, аналогичные самым примитивным предкавказским формам. Не позднее середины III тыс. до н. э. в Закавказье наступает т. н. период ранних курганов, характеризующийся появлением ряда черт материальной культуры, характерных для Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Л. И.*, 2008. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли. 277 с., ил.
- Авилова Л. И.*, 2018. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с., ил.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. 196 с.
- Братченко С. Н., Санжаров С. М.*, 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверскодонецчини та Донщини (III тис. до н. е.). Луганськ: Східноукраїнський національний університет. 108 с., ил.
- Ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П.*, 2016. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф. 112 с., вкл. (Труды ГИМ; вып. 203.)
- Гак Е. И., Калмыков А. А.*, 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части Степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 104–119.
- Гамбашидзе О. С., Квицинадзе К. Д., Абрамишвили М. Р.*, 1985. Отчет о работе Месхет-Джавакетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1982 году. Тбилиси: Мецниереба. С. 31–36.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с., ил.
- Джапаридзе Н. О.*, 1988. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии: Триалетская культура. Тбилиси: Тбилисский ун-т. 93 с., 20 л. ил.
- Джапаридзе О. М.*, 1961. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзового века. Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т. 288 с., 26 л. ил. (На груз. яз.)
- Клещенко А. А.*, 2013. Северокавказская культура Закубанья [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук. М. 263 с., ил.
- Ковалев А. А.*, 2016. «Гладкие» каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 29–33.
- Корневский С. Н.*, 1981. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и в средние века (история и культура) / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 20–41.
- Корневский С. Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
- Корневский С. Н.*, 2019. Наследие символики погребений с топорами эпохи IV тыс. до н. э. и ее варианты в комплексах Центрального Кавказа в «постмайкопский» период III тыс. до н. э. // АПО. Вып. 14 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. С. 81–102.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипаговский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука. 229 с.
- Куфтин Б. А.*, 1941. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси: АН Грузинской ССР. 491 с., ил.
- Марковин В. И.*, 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука. С. 254–286.
- Нечитайло А. Л.*, 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка. 150 с.
- Рысин М. Б.*, 1996. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.: ГЭ. С. 81–84.
- Рысин М. Б.*, 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. № 15. М.: Наука. С. 193–230.
- Санжаров С. Н.*, 1992. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. Каталог археологических коллекций. Вып. I. Луганск: Центрально-Донецкая археологическая экспедиция. 55 с.

- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки. М.: ГМИИ: Леонардо Арте, 1996. 297 с.
- Трейстер М. Ю.*, 1996. Троянские клады (атрибуция, хронология, исторический контекст) // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана: каталог выставки. М.: ГМИИ: Леонардо Арте. С. 197–240.
- Трифонов В. А.*, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.: ГЭ. С. 43–49.
- Трифонов В. А.*, 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Ред. Ю. И. Колев. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 71–82.
- Шушлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.: ГИМ. 400 с., ил. (Труды ГИМ; вып. 165.)
- Abu Al-Soof B.*, 1966. Short sounding at Tell Qalinj Agha (Erbil) // *Sumer*. Vol. XXII. P. 77–82.
- Abu Al-Soof B., Shah Es-Siwvani*, 1967. More sounding at Tell Qalinj Agha (Erbil) // *Sumer*. Vol. XXIII. P. 69–75.
- Amiran R.*, 1983. The Kinneret gold plaque, the Alaca gold brooches and the date of the Alaca Royal Tombs Again // *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien: Festschrift für Kurt Bittel* / Hrsg.: R. M. Boehmer, H. Hauptmann. Mainz am Rhein: Rhilipp von Zabern. P. 47–49.
- Amiran R.*, 1993. The Kinneret gold plaque and the Alaca royal tombs again // *Aspects of Art and Iconography: Anatolia and its Neighbours, Studies in Honor of N. Özgüç* / Eds.: M. J. Mellink, E. Porada, T. Özgüç. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. P. 23–24.
- Ancient Jewellery from the Near East and Egypt. Exhibition Catalogue. Zürich: Galerie Nefer, 1993. 96 p.
- Art of the First Cities. The Third Millenium B.C. from the Meditteranian to the Indus / Ed. J. Aruz. New Haven; London: Yale University Press, 2003. 540 p.
- Bachhuber C.*, 2011. Negotiating Metal and the Metal Form in the Royal Tombs of Alacahöyük in North-Central Anatolia // *Interweaving Worlds: Systemic Interactions in Eurasia, 7th to the 1st Millennia BC* / Eds.: T.C. Wilkinson, S. Sherratt, J. Bennet. Oxford: Oxbow Books. 308p.
- Badalyan R., Smith T. A., Lindsay I., Harutyunyan A., Greene A., Marshall M., Monahan B., Hovsepyan R.*, 2014. A Preliminary Report on the 2008, 2010, and 2011 Investigations of Project ArAGATS on the Tsaghkahovit Plain, Republic of Armenia // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd. 46. P. 149–222.
- Bass G. F.*, 1970. A Hoard of Trojan and Sumerian Jewelry // *AJA*. Vol. 74. P. 335–341.
- Bernabò-Brea L.*, 1964. Poliochni, Città Preistorica nell'Isola di Lemnos. Vol. I. Rome: «L'Erma» di Bretschneider. 2 parts (707 p. + 47 p., 190 p. ill.)
- Bertram J.-K.*, 2005. Probleme der ostanatolischen/südkaukasischen Bronzezeit: ca. 2500–1600 v. u. Z. // *TÜBA-AR. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi*. Vol. 8. P. 61–84.
- Blegen C.*, 1950. Troy. General Introduction. The First and Second Settlements. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press. 2 parts (XXIV, 396 p. + XXVII, 473 pl.)
- Bobokhyan A.*, 2006. Das Phänomen «Hortfund» im früh- und mittelbronzezeitlichen Kulturlontext Kaukasiens // *Aramazd. Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. I. S. 50–71.
- Bobokhyan A.*, 2008. Kommunikation und Austausch im Hochland zwischen Kaukasus und Taurus, ca. 2500–1500 v. Chr. Oxford: BAR. 674 S. (BAR International Series; 1853.)
- Bratchenko S. N.*, 2003. Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age of the Middle Don, Svatove, Luhansk region // *The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC* / Eds.: A. Koško, V. I. Klochko. Poznań: Adam Mickiewicz University. P. 185–208. (Baltic-Pontic Studies; 12.)
- Brich N.*, 2013. History and Chronology // *The Sumerian World* / Ed. H. Crawford. London; New York: Routledge. P. 111–127.
- Carminati E.*, 2014. Jewellery manufacture in the Kura-Araxes and Bedeni Cultures of the southern Caucasus: analogies and distinctions for the reconstruction of a cultural changeover // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 23/2. Special Studies: Beyond ornamentation. Jewelry as an

- Aspect of Material Culture in the Ancient Near East / Eds.: A. Golani, Z. Wygnańska. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. P. 161–186.
- Courcier A., Jalilov B., Aliyev I., Guliyev F., Jansen M., Lyonnet B., Mukhtarov N., Museibli N.*, 2016. The ancient metallurgy in Azerbaijan from the end of the Neolithic to the Early Bronze Age (6th–3rd millennium BCE): an overview in the light of new discoveries and recent archaeometallurgical research // From Bright Ores to Shiny Metals. Festschrift for Andreas Hauptman on the Occasion of 40 years Research in Archaeometallurgy and Archaeometry / Eds.: G. Körlin, M. Prange, T. Stöllner, Ü. Yalçın. Bochum: Bergbau-Museum Bochum. P. 25–36. (Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum; 210) (Anschnitt; Beiheft 29.)
- Di Nocera G.-M.*, 2000. Radiocarbon Dating from Arslantepe and Norşuntepe: the Fourth-Third Millennium Absolute Chronology in the Upper Euphrates and Transcaucasian Region // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires / Eds.: C. Marro, H. Hauptmann. Paris: De Boccard. P. 73–93. (Varia Anatolica; 11.)
- Djaparidze O.*, 1993. Über die etnokulturelle Situation in Georgien gegen ende des 3. Jahrtausends v. Chr. // Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata. Roma: Università di Roma «La Sapienza». P. 475–487.
- Dossin G.*, 1968. L'Inscription de Mesanepada // Parrot A. Le «Trésor» d'Ur. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner. P. 53–59. (Mission archéologique de Mari, IV).
- Efe T., Fidan E.*, 2006. Pre-middle Bronze Age metal objects from inland Western Anatolia: a typological and chronological evaluation // Anatolia Antiqua. Vol. XIV. P. 15–43.
- Erkanal H.*, 2008. Die neuen Forschungen in Bakla Tepe bei İzmir // The Aegean in the Neolithic, Chalcolithic and the Early Bronze Age / Eds.: H. Erkanal, H. Hauptmann, V. Şahoğlu, R. Tuncel. Ankara: Ankara University Press. P. 165–177.
- Ezer S.*, 2014. Kültepe-Kanesh in the Early Bronze Age. Current Research at Kültepe-Kanesh: An Interdisciplinary and Integrative Approach to Trade Networks, Internationalism, and Identity during the Middle Bronze Age / Eds.: L. Atici, F. Kulakoğlu, G. Barjamovic, A. Fairbairn. Atlanta: Lockwood Press. P. 2–23 (The Journal of Cuneiform Studies Supplemental Series; vol. 4.)
- Frankfort H.*, 1934. Iraq Excavations of the Oriental Institute 1932/33. Third preliminary report of the Iraq Expedition. Chicago: The University of Chicago Press. 92 p. (Oriental Institute Communications, 17.)
- Gambaschidze I.*, 2001. Georgien: Schätze aus dem Land des goldenen Vlies: Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum in Verbindung mit dem Zentrum für Archäologische Forschungen der Georgischen Akademie der Wissenschaften Tbilissi vom 28. Oktober 2001 bis 19. Mai 2002. Bochum: Deutschen Bergbau-Museum. XVI, 472 p. (Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum Bochum, 100.)
- Glonti L., Ketskhoweli M., Palumbi G.*, 2008. The Cemetery at Kvatskhelebi // Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia / Eds.: A. Sagona, M. Abramishvili. Leuven; Paris; Dudley: Peeters. P. 155–184. (Ancient Near Eastern Studies; suppl. 19.)
- Gürsan-Salzman A.*, 2016. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 387 p.
- Hauptmann H.*, 2000. Zur Chronologie des 3. Jahrtausends v. Chr. am oberen Euphrat aufgrund der Stratigraphie des Norşuntepe // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVe–IIIe millénaires / Eds.: C. Marro, H. Hauptmann. Paris: De Boccard. P. 419–438. (Varia Anatolica; 11.)
- Hürüylmaz H.*, 2016. Yenibademli and Troy: Reflection of Troy I Culture in the Light of Archaeological Findings and Cultural Identity of Yenibademli // Early Bronze Age Troy: Chronology, Cultural Development and Interregional Contacts. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt. P. 147–157.
- Jalabadze M., Ghloni L., Koridze I., Ketskhoweli M., Chilashvili L.*, 2012. Early Bronze Age Cemeteries from Shida Kartli (Kura-Araxes, Bedeni) // Khashuri Natsargora: The Early Bronze Age Graves (Publications of the Georgian-Italian Shida-Kartli Archaeological Project 1) / Eds.: M. Puturidze, E. Rova. Turnhout: Brepols. P. 59–94. (Subartu; XXX.)
- Kalantaryan A.*, 2007. The Gold of Ancient Armenia (III mill. BCE – 14 cent. AD). Yerevan. 409 p., CXLIII Tabl. (In Armenian.)
- Keskin L.*, 2008. The Ring Idols of Bakla Tepe: The Distribution of this Type in Anatolia with particular interest to the Aegean and the Balkans // SOMA 2005. Proceedings of the IX Symposium on Mediterranean Archaeology, Chieti (Italy), 24–26 February 2005. Oxford: Archaeopress. P. 87–95.

- Keskin L.*, 2011. Anadolu'da Ele Geçen Halka İdoller: Tipolojik ve Kronolojik Bir Değerlendirme // *Anadolu / Anatolia*. Vol. 37. P. 195–222.
- Koridze I., Palumbi G.*, 2008. Kuro-Araxes Tombs at Aradetis Orgora // *Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia / Eds.: A. Sagona, M. Abramishvili*. Leuven; Paris; Dudley: Peeters. P. 125–154. (*Ancient Near Eastern Studies; suppl.* 19.)
- Koşay H. Z.*, 1951. Les fouilles d'Alaca Höyük: Rapport préliminaire sur les travaux en 1937–1939. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 409 p. (Türk Tarih Kurumu yayımlarından; 5.)
- Koşay H. Z., Akok M.*, 1973. Alaca Höyük kazısı: Türk Tarih Kurumu tarafından yapılan; 1963–1967 çalışmaları ve keşiflere ait ilk rapor = Alaca Höyük excavations, preliminary report on research and discoveries, 1963–1967. Ankara: Türk Tarih Kurumu basımevi. XX, 118 p., XCV pl.
- Kouka Ou.*, 2013. «Minding the Gap». Against the Gaps: The Early Bronze Age and the Transition to the Middle Bronze Age in the Northern and Eastern Aegean/Western Anatolia // *AJA*. Vol. 117. P. 569–580.
- Lev R., Regev L., Makharadze Z., Boaretto E.*, 2016. Radiocarbon dating of the Early Bronze Age burial site «Kurgan Ananauri № 3», Georgia // *Makharadze Z., Kalandadze N., Murvanidze B. Ananauri Big Kurgan № 3*. Tbilisi: National Museum of Georgia. P. 282–290.
- Mallowan M. E. L.*, 1947. Excavations at Brak and Chagar Bazar. London: British Institute for the Study of Iraq. 265 p. (Iraq; vol. IX.)
- Manning S. W., Smith A. T., Khatchadourian L., Badalyan R., Lindsay I., Greene A., Marshall M.*, 2018. A new chronological model for the Bronze and Iron Age South Caucasus: radiocarbon results from Project ArAGATS, Armenia // *Antiquity*. Vol. 92. Iss. 366. P. 1530–1531.
- Mathews R.*, 2004. Salur North: an Early Bronze Age Cemetery in North-Eastern Anatolia // *A View from the Highlands: Archaeological studies in honour of Charles Burney / Ed. A. Sagona*. Leuven: Peeters publishers. P. 55–66. (*Ancient Near Eastern Studies; 12.*)
- Mellink M. J.*, 1965. Excavations in Karataş-Semayük in Lycia, 1964 // *AJA*. Vol. 69. No. 3. P. 241–251.
- Musche B.*, 1992. Vorderasiatische Schmuck von der Anfängen bis zur Zeit der Achaemeniden (ca. 10.000–330 v. Chr.). Leiden: Brill. 423 S. (*Handbuch der Orientalistik. Siebente Abteilung. Kunst und Archäologie; 1/2B/7.*)
- Oates D., Oates J., McDonald H.*, 2001. Excavations at Tell Brak. Vol. 2: Nagar in third millenium BC. Oxford: Oxbow books. 643 p.
- Özgüç T.*, 1963. Early Anatolian Archaeology in the Light of Recent Research // *Anatolia*. Vol. VII. P. 1–42.
- Özgüç T.*, 1986. New Observations on the Relationship of Kültepe with Southeast Anatolia and North Syria during the Third Millenium b.c. // *Ancient Anatolia. Aspects of Change and Cultural Development. Essays of Honor of Matcheld J. Mellink*. Madison: University of Wisconsin Press. P. 31–47.
- Özkan T., Erkanal H.*, 1999. Tahtali Dam Area Salvage Project. İzmir: İzmir Arkeoloji Müzesi Müdürlüğü. 235 p.
- Palumbi J.*, 2008. The Red and Black. Social and Cultural Interaction between the Upper Euphrates and the Southern Caucasus Communities in the Fourth and Third Millennium BC. Roma: Sapienza Università di Roma. 343 p. (*Studi di Preistoria Orientale; vol. 2.*)
- Parrot A.*, 1968. Le «Trésor» d'Ur. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner. 64 p. (*Mission archéologique de Mari; IV.*)
- Peasnell B.*, 2002. Appendix. Burials from Tepe Gawra, levels VIII to XIA/B // *Rothmann M. S. Tepe Gawra: The evolution of a small prehistoric center in northern Iraq*. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. P. 171–234. (*University Museum Monograph; 112.*)
- Puturidze M., Rova E.*, 2012. Conclusions // *Khashuri Natsargora: The Early Bronze Age Graves (Publications of the Georgian-Italian Shida-Kartli Archaeological Project 1) / Eds.: M. Puturidze, E. Rova*. Turnhout: Brepols. P. 95–98. (*Subartu; XXX.*)
- Rothmann M. S.*, 2002a. Tepe Gawra: chronology and socio-economic change in the foothills of northern Iraq in the era of state formation // *Artifacts of Complexity: Tracking the Uruk in the Near East / Ed. J. N. Postgate*. Warminster: Aris and Phillips. P. 49–77.
- Rothmann M. S.*, 2002b. Tepe Gawra: The evolution of a small prehistoric center in northern Iraq. Philadelphia: University of Pennsylvania, Museum of Archaeology and Anthropology. 494 p. (*University Museum Monograph; 112.*)

- Sagona A.*, 2004. Social boundaries and ritual landscapes in Late Prehistoric Trans-Caucasus and Highland Anatolia // *A View from the Highlands: Archaeological studies in honour of Charles Burney* / Ed. A. Sagona. Leuven: Peeters publishers. P. 475–538. (Ancient Near Eastern Studies; 12.)
- Şahoğlu V.*, 2005. The Anatolian Trade Network and the Izmir region during Early Bronze Age // *OJA*. Vol. 4. Iss. 4. P. 339–361.
- Schmidt E.*, 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan, 1931–1933. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 478 p.
- Schmidt K.*, 2002. Norşuntepe. Kleinfunde I: Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metal und Glas. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. XI; 206 S.; 86 S. text u. 86 Strichtafeln; 8 Farb- u. 16 Schwarzweiss tafeln. (Archaeologia Euphratica. Ausgrabungen und Forschungen im Türkischen Euphratgebiet; Bd. 2.)
- Skafida E.*, 2008. Symbols from the Aegean World: The Case of Late Neolithic Figurines and House Models from Thessaly // *The Aegean in the Neolithic, Chalcolithic and the Early Bronze Age* / Eds.: H. Erkanal, H. Hauptmann, V. Şahoğlu, R. Tuncel. Ankara: Ankara University Press. P. 517–532.
- Smith A. T., Badalyan R., Avetisyan P., Zardaryan M.*, 2004. Early Complex Societies in Southern Caucasia: A Preliminary Report on the 2002 Investigations by Project ArAGATS on the Tsakahovit Plain, Republic of Armenia // *AJA*. Vol. 108. No. 1. P. 1–41.
- Speiser E. A.*, 1935. Excavations at Tepe Gawra. Vol. I: Levels I–VIII. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 330 p., ill.
- Steadman Sh.*, 2011. The Early Bronze Age on the Plateau // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia. 10000–323 B.C.E.* / Eds.: Sh. Steadman, G. McManon. Oxford: University Press. P. 229–259.
- Süel M.*, 1989. Balıbağı/1988 kurtarma kazısı // *Türk Arkeoloji Dergisi*. Sayı. XXVIII. Ankara. P. 145–163. The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC / Ed. A. Koško. Poznań: Adam Mickiewicz University, 1999. 304 p. (Baltic-Pontic Studies; 7.)
- The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC / Eds.: A. Koško, V.I. Klochko. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2003. 459 p. (Baltic-Pontic Studies; 12.)
- Tobler A. J.*, 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II: Levels IX–XX. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 330 p., ill.
- TÜBA-AR. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Degrisi. 2005. Vol. 8. 218 p.
- Weninger B., Easton D.*, 2014. The Early Bronze Age Chronology of Troy (Periods I–III): Pottery Seriation, Radiocarbon Dating and the Gap // *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC?* Vienna: Austrian Academy of Sciences Press. P. 157–199.
- Woolley L.*, 1934. Ur Excavations. Vol. II: The Royal Cemetery. A Report on the Predynastic and Sargonid Graves Excavated between 1926 and 1931. London: Trustees of the British Museum. 604 p., 274 pls.
- Woolley L.*, 1955. Ur Excavations. Vol. IV: The Early Periods. A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of the Excavations. London: Trustees of the Two Museums. 225 p., 83 pls.
- Yıldırım T.*, 2005. 2004 yılı Resuloğlu mezarlık kazısı // 27. Kazı Sonuçları Toplantısı. 2 cilt. Antalya: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basimevi. P. 57–64.
- Yıldırım T.*, 2006a. An Early Bronze Age Cemetery at Resuloğlu, near Uğurludağ, Çorum. A Preliminary Report of the Archaeological Work Carried out between Years 2003–2005 // *Anatolia Antiqua*. Vol. XIV. P. 1–14.
- Yıldırım T.*, 2006b. 2005 yılı Resuloğlu eski tunç çağı mezarlık kazısı // 28. Kazı Sonuçları Toplantısı. 2 cilt. Antalya: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basimevi. P. 211–222.
- Yıldırım T.*, 2010. Resuloğlu kazısı ve Anadolu arkeolojisi'ne katkıları // 1. Çorum Kazı ve Araştırmalar Sempozyumu. Çorum: Çorum Valiliği İl Kültür ve Turizm Müdürlüğü. P. 11–28.
- Yıldırım T., Ediz İ.*, 2007. 2006 yılı Resuloğlu eski tunç çağı mezarlık kazısı // 29. Kazı Sonuçları Toplantısı. 2 cilt. Antalya: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basimevi. P. 443–454.
- Yıldırım T., İpek Ö.*, 2009. 2008 yılı Resuloğlu eski tunç çağı mezarlık kazısı // 31. Kazı Sonuçları Toplantısı. 3 cilt. Antalya: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basimevi. P. 21–35.
- Zimmermann T.*, 2007. Anatolia and the Balkans, once again – ring-shaped idols from Western Asia and a critical reassessment of some «Early Bronze Age» items from İkiztepe, Turkey // *OJA*. Vol. 26. Iss. 1. P. 25–33.

Сведения об авторе

Ковалев Алексей Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: chemurchek@mail.ru

A. A. Kovalev

CHRONOLOGY OF WESTERN ASIAN AND TRANSCAUCASIAN ARTIFACTS
SIMILAR TO THE FORE-CAUCASUS BRONZE ADORNMENTS
OF THE FIRST HALF OF III MILLENNIUM BC

Abstract. The article presents data on the absolute chronology of the closed complexes and sites of Western Asia and the South Caucasus containing artifacts similar to North-Caucasian bronze adornments attributed to the East-European Steppe Middle Bronze period (first half of III mill. BC). The earliest analogies belong to the final Late – beginning of the Middle Uruk: gold ring-shaped and discoid tanged medallions without ornamentation. Possibly, the tradition of making these items could indirectly influence the formation of the tradition of manufacturing the Fore-Caucasian ring-shaped and discoid tanged medallions. Excavations of late Kura-Araxes (2800–2600 BC) sites in the Transcaucasia show the appearance of the simplest mushroom-shape pendants, which indicates a northern impact. Also about the influence from the North-Caucasus speak evidence in the Transcaucasian complexes of the second third of the 3rd mill. BC a number of unique artifacts of «steppe» forms (medallions, bone hammer-shaped pins, bulging punching badges, etc.). Beginning in the middle of III mill. BC, artifacts similar of hammer-shaped pins, rod-shaped (mushroom-shaped) pendants, tanged medallions, punching badges spread in the Western Asia. Large tanged medallions made from precious metals were found in Royal graves of Ur and other complexes belonged to the EDIII and Akkad periods. These medallions and other prestigious jewelry objects were beginning to be decorated with imitation of twisted «cord». The motif of the cord in the same period characterizes the Bedeni culture in the South Caucasus. This shows an increase in northern influence, perhaps even to the penetration of groups of people from North Caucasus into Western Asia.

Keywords: Early Bronze Age, East European Steppe cultures, Kuro-Araxes culture, Anatolian Early Bronze Age, EDIII period, Royal cemetery of Ur, Fore-Caucasus, Transcaucasia, Western Asia, cultural connections.

REFERECES

- Avilova L. I., 2008. Metall Blizhnego Vostoka: modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke [Metal of the Near East: models of production in the Eneolithic, Early and Middle Bronze ages]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 227 p., ill.
- Avilova L. I., 2018. Anatoliyskiye klady metallicheskikh izdeliy: ocherki metalloproizvodstva i kul'turnogo konteksta [Anatolian metalwork hoards: essays on metal production and cultural contexts]. Moscow: IA RAN. 248 p., ill.
- Bratchenko S. N., 2001. Donets'ka katakombna kul'tura rann'ogo etapu [Donets Catacomb culture of early stage]. Lugans'k: Shlyakh. 196 p.
- Bratchenko S. N., Sanzharov S. M., 2001. Ridkisini bronzovi znaryadyya z katakomb Sivers'kodonechchyny ta Donshchyny (III tis. do n. e.) [Rare beonze implements from catacombs of the Severskiy Donets and Don regions (III mill. BC)]. Lugans'k: Skhidnoukrains'kyy natsional'nyy universitet. 108 p., ill.

- Dzhaparidze N. O., 1988. Yuvelirnoye iskusstvo epokhi bronzy v Gruzii: Trialetskaya kul'tura [Bronze Age jewelry art in Georgia: Trialeti culture]. Tbilisi: Tbilisskiy universitet. 93 p., 20 l. ill.
- Dzhaparidze O. M., 1961. K istorii gruzinskikh plemen na ranney stadii medno-bronzovogo veka [On history of Georgian tribes on early stage of Copper-Bronze Age]. Tbilisi: Tbilisskiy gos. universitet. 288 p., 26 l. ill. (In Georgian.)
- Gak E. I., Kalmykov A. A., 2009. Yamno-novotitorovskoye naslediyе v metalloproduzvodstve katakombnykh kul'tur tsentral'noy i vostochnoy chasti Stepnogo Predkavkaz'ya [Pit-grave – Novotitorovka heritage in metal production of catacomb cultures of central and eastern parts of steppe Fore-Caucasus]. *Problemy izucheniya kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Issues of research of Early Bronze Age cultures in steppe zone of Eastern Europe]*. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 104–119.
- Gambashidze O. S., Kvizhinadze K. D., Abramishvili M. R., 1985. Otchet o rabote Meskhet-Dzhavakhet'skoy ekspeditsii [Report on works of Meskhet-Dzhavakhet expedition]. *Polevye arkhеologicheskiye issledovaniya v 1982 godu [Field archaeological investigations in 1982]*. Tbilisi: Metsniyereba, pp. 31–36.
- Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p., ill.
- Kleshchenko A. A., 2013. Severokavkazskaya kul'tura Zakuban'ya (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [North Caucasus culture of Trans-Kuban: Ph. D. Thesis (Manuscript)]. Moscow. 263 p., ill.
- Korenevskiy S. N., 1981. Vtul'chatye topory – oruzhie blizhnego boya epokhi sredney bronzy Severnogo Kavkaza [Shaft-hole axes – close combat weapons of Middle Bronze Age in North Caucasus]. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i v srednie veka (istoriya i kul'tura) [Caucasus and Central Asia in antiquity and Middle Ages (history and culture)]*. B. A. Litvinskiy, ed. Moscow: Nauka, pp. 20–41.
- Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Sites of Bronze Age population in Central Fore-Caucasus]. Moscow: IA AN SSSR. 174 p.
- Korenevskiy S. N., 2019. Naslediyе simboliki pogrebeniy s toporami epokhi IV tys. do n. e. i yе varianty v kompleksakh Tsentral'nogo Kavkaza v «postmaykopskiy» period III tys. do n. e. [Heritage of symbolic of burials with shaft-hole axes in the epoch of IV mill. BC and its variants in Central Caucasus complexes of «post-Maykop» period of III mill. BC]. *APO*, 14. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 81–102.
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'ye kak arkhеologicheskiy istochnik po epokhe bronzovogo veka na stepnoy granitse Vostochnoy Evropy i Kavkaza [Big Ipatovo kurgan in Stavropol region as archaeological source for Bronze Age on steppe border of Eastern Europe and Caucasus]. Moscow: Nauka. 229 p.
- Kovalev A. A., 2016. «Gladkiye» kamennyye topory s poperechnym ornamental'nym poyaskom: istoki i rasprostraneniye traditsii [«Smooth» stone axes with ornamental cross-belt: origins and spread of tradition]. *Vneshniye i vnutrenniye svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.) [External and internal links of steppe (stock-breeding) cultures of Eastern Europe in Eneolithic and Bronze Age (V–II mill. BC)]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 29–33.
- Kuftin B. A., 1941. Arkheologicheskiye raskopki v Trialeti [Archaeological excavations in Trialeti]. I. Opyt periodizatsii pamyatnikov [Experience of sites periodization]. Tbilisi: AN Gruzinskoy SSR. 491 p., ill.
- Markovin V. I., 1994. Severokavkazskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' [North Caucasian cultural historical entity]. *Arkheologiya. Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza [Archaeology. Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]*. K. Kh. Kushnareva, V. I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 254–286.
- Nechitaylo A. L., 1978. Verkhneye Prikuban'ye v bronzovom veke [Upper Kuban region in Bronze Age]. Kiev: Naukova dumka. 150 p.
- Rysin M. B., 1996. K probleme sinkhronizatsii pamyatnikov srednego bronzovogo veka Severnogo i Yuzhnogo Kavkaza [On problem of synchronization of Middle Bronze Age sites in North and South Caucasus]. *Mezhdy Aziyey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e. [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. BC]*. St. Petersburg: GE, pp. 81–84.
- Rysin M. B., 2008. Uspenskiy etap kavkazskoy metalloobrabotki srednego bronzovogo veka [Uspenskiy stage of Caucasian metalworking in Middle Bronze Age]. *AV*, 15. Moscow: Nauka, pp. 193–230.

- Sanzharov S. N., 1992. Severodonetskiye rannekatakombnyye pogrebeniya s ornamentirovannymi blyakhami. Katalog arkhеologicheskikh kolleksiy [Severskiy Donets early catacomb burials with ornamented plates. Catalogue of archaeological collections], I. Lugansk: Tsentral'no-Donetskaya arkhеologicheskaya ekspeditsiya. 55 p.
- Shishlina N. I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tysyacheletiya do n. e.) [Northwestern Caspian region in Bronze Age (V–III millennia BC)]. Moscow: GIM. 400 p., ill. (Trudy GIM, 165.)
- Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki [Trojan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]. Moscow: GMII: Leonardo Arte, 1996. 297 p.
- Treyster M. Yu., 1996. Troyanskiye klady (atributsiya, khronologiya, istoricheskiy kontekst) [Trojan hoards (attribution, chronology, historical context)]. *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana: katalog vystavki [Trojan treasures from Heinrich Schliemann's excavations: catalogue of exhibition]*. Moscow: GMII: Leonardo Arte, pp. 197–240.
- Trifonov V. A., 1996. Popravki k absolyutnoy khronologii kul'tur epokhi eneolita – bronzy Severnogo Kavkaza [Adjustments to absolute chronology of cultures of Eneolithic-Bronze Age in North Caucasus]. *Mezhdru Aziyey i Evropoy. Kavkaz v IV–I tys. do n. e. [Between Asia and Europe. Caucasus in IV–I mill. BC]*. St. Petersburg: GE, pp. 43–49.
- Trifonov V. A., 2001. Popravki k absolyutnoy khronologii kul'tur epokhi eneolita – sredney bronzy Kavkaza, stepnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropoy (po dannym radiouglerodnogo datirovaniya) [Adjustments to absolute chronology of cultures of Eneolithic – Middle Bronze Age in Caucasus, steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe (based on data of radiocarbon dating)]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropoy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya [Bronze Age of Eastern Europe: characteristic of cultures, chronology and periodization]*. Yu. I. Kolev, ed. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 71–82.
- Van der Plicht Y., Shishlina N. I., Zazovskaya E. P., 2016. Radiouglerodnoye datirovaniye: khronologiya arkhеologicheskikh kul'tur i rezervuarnyy effect [Radiocarbon dating: chronology of archaeological cultures and reservoir effect]. Moscow: Paleograf. 112 p., suppl. (Trudy GIM, 203.)

About the author

Kovalev Alexey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chemurchek@mail.ru

А. А. Немировский, А. А. Ясеновская, В. Ю. Шелестин

СЦЕНА ТРИУМФА НАД ПОВЕРЖЕННЫМ ВРАГОМ
НА ОТТИСКЕ ПЕЧАТИ ИЗ КЮЛЬ-ТЕПЕ
(СОБРАНИЕ ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА, I 2 б 1598)*

Резюме. Статья представляет собой комментированную публикацию не вводившегося ранее в научный оборот оттиска печати из Кюль-тепе (нач. II тыс. до н. э.) из коллекции ГМИИ (инв. № I 2 б 1598) с редкой по характеру композицией, на которой герой попирает поверженного врага перед сидящим на престоле божеством, а между последним и героем помещено священное дерево крайне необычной формы (рис. 1; 2). Сравнительное изучение изображения показывает, что оно сочетает как месопотамские мотивы (триумф над простертым на спине врагом, заслоняющимся рукой, в том числе перед лицом божества), так и восточноанатолийские (дерево искомой редкой формы рядом с божеством и некоторые иные параллели обнаруживаются на поздненовохеттской печати) (рис. 3).

Ключевые слова: глиптика, Кюль-тепе, ГМИИ, староассирийские колонии, священное дерево, сцена триумфа.

В собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится фрагмент глиняного конверта от клинописной таблички из Кюль-тепе (Каниша) нач. II тыс. до н. э. периода староассирийских колоний (инв. № I 2 б 1598), с оттиском печати, представляющим несомненный интерес, но до сих пор не публиковавшимся. Ранее данный фрагмент был частью коллекции знаменитого русского востоковеда В. С. Голенищева (ИГ-5989, поступил в ГМИИ в 1911 г.; размеры: 2,15 × 2 × 0,42 см). При издании корпуса староассирийских табличек Кюль-тепе из ГМИИ, осуществленном в 1968 г. Н. Янковской (Клинописные тексты..., 1968), попытки опубликовать этот оттиск (в отличие от других аналогичных оттисков печатей на конвертах)

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина и архивных источников)» МГУ им. М. В. Ломоносова.

не предпринимались. Нельзя исключать, что одной из причин отсутствия публикации были технические трудности с распознаванием изображения на данном артефакте, с которыми могли столкнуться издатели.

Современные технологии цифровой фотографии с высоким разрешением и возможностью значительного увеличения объекта без потери качества¹, комбинированием съемок под разными углами и компьютерной обработкой изображений с контрастированием и иными преобразованиями, при коллации результатов с оригиналом, также рассмотренным под увеличением и контрастным освещением, позволили определить уцелевшую часть изображения и дать его прорисовку вполне надежно (рис. 2: *a*). Объем статьи не позволяет привести все обработанные фотографии артефакта, сделанные с разным освещением под разными углами (что дало возможность четко различить одни элементы изображения в одних ракурсах, другие – в других), поэтому ограничимся наиболее показательной из них в контрастированном виде (рис. 1). Сохранившийся фрагмент конверта включает по вертикали все пространство, на котором размещалась композиция печати, однако верхняя часть этого пространства сильно повреждена, а края изображения, возможно, оказались сколоты. Тем не менее композиция в целом ясна – это художественно яркая и достаточно редкая для печатей из Кюль-тепе сцена триумфа героя или бога над поверженным врагом перед лицом восседающего на своем престоле божества.

Элементы распознанного изображения на печати представлены на рис. 2: *б*.

Перечислим их²:

1 – головной убор (рогатая шапка (?));

2 – борода;

3, 4, 8 – очертания фигуры, руки, полы одеяния и ноги героя, попирающего врага;

5 – вертикальный продолговатый элемент справа от торса фигуры героя, по всей видимости, его рука;

6 – очертания, неясные из-за повреждений. В зависимости от их трактовки элемент 5 – это либо вторая рука победоносного героя, направленная от локтя вниз или вверх, либо (что менее вероятно) булава или иное оружие, которое он держит второй рукой;

7 – скол или неясный контур;

9 – очертания фигуры в форме ноги человека (?). Возможно, нога некоего помощника героя (чье изображение оказалось почти целиком сколото), либо случайное очертание;

10 (10a и 10b) – попираемый героем враг. Не исключено, что положение его правой руки подразумевает попытку заслониться этой рукой от своего победителя и, таким образом, показывает, что поверженный человек еще жив:

¹ Они были получены в рамках совместного проекта Пушкинского музея и ЗАО «Группа ЭПОС» по созданию цифрового архива клинописной коллекции в 2014–2017 гг. (Digital archive of relightable images).

² Пунктиром и точками на рис. 2: *б* обозначены без уверенности просматривающиеся контуры, сплошными линиями – четко распознаваемые очертания. Линиями со штриховкой переданы границы сколов.

Рис. 1. Кюль-тепе (Каниша). Фрагмент глиняного конверта от клинописной таблички с оттиском печати, ГМИИ № I 2 б 1598

10a – контур тыльной стороны кисти поверженного врага; *10b* – «кругообразный» элемент фигуры поверженного врага (*10*) – по всей видимости, передача тазобедренной области фигуры врага, либо, что гораздо менее вероятно, кулак его левой руки;

11 – «скобообразные» элементы;

12 – достаточно ясно различимые «скобообразные» элементы того же типа.

Вероятно, ветви дерева – см. подробнее ниже;

13 – платформа, на которой стоит тронное кресло божества;

14 – тронное кресло со спинкой;

15 – фигура божества;

15а – характерные элементы типичной месопотамской одежды, напоминающие чешую.

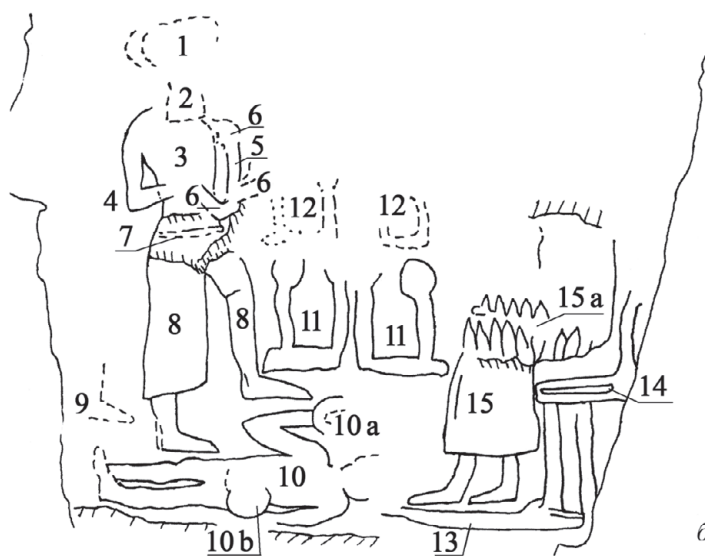

Рис. 2. Кюль-тепе (Каниша). Прорисовки оттиска печати на конверте ГМИИ № I 2 б 1598: общая (а) и с указанием деталей (б)

Общий сюжет: герой, попирающий расprostертого на спине врага, заслоняющегося защитным или умоляющим (*Ward*, 1910. P. 55) жестом, предстоит перед сидящим божеством, между ними изображено дерево.

Происхождение самой сцены попираания стоящим героем лежащего врага перед лицом божества, несомненно, месопотамское. Яркие его примеры дает староаккадское и подражавшее ему загрское искусство: знаменитая стела Нарам-Сина Louvre Sb.4, посвященная его победе над луллубеями, изображает его топчущим опрокинутого и лежащего врага; четыре скальных рельефа из Сар-и-Пуля (Сере-Поле-Зохаб) конца III – начала II тыс. до н. э., подражающие памятникам Нарам-Сина (*Glatz*, 2014. P. 123–129, с библиографией), в том числе рельефы II (луллубейского царя Анубанини) и I (царя луллубеев или Симуррума Заба[зуны]) изображают уже героя, попирающего расprostертого на спине врага, заслоняющегося тем же жестом, что и на обсуждаемой печати, перед лицом божества. На месопотамских печатях опрокинутый враг с тем же жестом фигурировал настолько устойчиво, что его изображают позднее даже как жертву, повергнутую атакующим его всадником (*Ward*, 1910. Fig. 137b), а не только как жертву пешего бойца. На староассирийских печатях из Кюль-тепе³ аналогии нашей сцене попираания нечасты, но несомненны, причем иногда лежащего врага попирает не герой, а сам трон восседающего на нем божества. В качестве примера можно привести, по крайней мере, три печати, где: 1) герой в круглом головном уборе (ср. нашу прорисовку) попирает опрокинутого – но корчащегося, а не лежащего – врага, заслоняющегося рукой (*Kienast*, 1960. Abb. 24. Siegel 35); 2) божество восседает в той же позе и такой же, как на нашей печати, «чешуеподобной» шерстяной юбке, на троне с ножками, под троном расprostерт на спине заслоняющийся рукой враг, перед троном – адорант и подводящие божества (*Cuneiform texts...*, 1975. Pl. 48: no. 1); 3) герой топчет расprostертого на спине врага, рядом, но спиной к герою, изображено восседающее на троне с ножками божество в «чешуеподобной» одежде (*Ibid.* Pl. 48: no. 4). Последняя печать воспроизводит мотивы месопотамских печатей старовавилонского периода, сформировавшиеся, видимо, не без сирийского – аморейского – влияния (см.: *Frankfort*, 1939. P. 244. No. 72).

³ К сравнению привлекались, прежде всего, печати и их оттиски из Кюль-тепе (см.: *Contenau*, 1922; *Özgülç*, 1965; 1968; 2006; *Özgülç, Tunca*, 2001; *Teissier*, 1994). Также оттиски печатей встречаются на табличках, издания которых каталогизированы (*Michel*, 2003). Этот корпус охватывает чуть менее двух тысяч печатей (по подсчетам не учитывающего находки из грабительских раскопок А. Палмисано (*Palmisano*, 2018. P. 73) – 1615 печатей) и является репрезентативным, несмотря на то, что большая часть из приблизительно 23 тысяч табличек, найденных на Кюль-тепе, остается неопубликованной (*Lassen*, 2014. P. 117). При поиске более отдаленных аналогий к сравнению привлекались, прежде всего, корпуса печатей отдельных коллекций (*Collon*, 1986; *Delaporte*, 1910; 1920; 1923; *Eisen*, 1940; *Frankfort*, 1939; *Keel-Leu, Teissier*, 2004; *Porada*, 1947; *Porada, Buchanan*, 1948; *Osten*, 1934; *Ward*, 1909), а также региональные корпуса печатей сопредельных регионов (*Alp*, 1968; *Amiet*, 1992; *Collon*, 1982; *Erkanal*, 1993; *Frankfort*, 1955; *Marchetti*, 2011; *Otto*, 2000; *Tunca*, 1979). Ср. тж. (*Collon*, 2005; *Ward*, 1910).

Что касается печатей со сценой попираания врага старовавилонского периода, то необходимо упомянуть и сюжет с богом подземного царства Нергалом. Известнейший пример такой композиции приведен в книге Дж. Блэка и Э. Грина (*Black, Green, 1992. P. 19. Pl. 13*): Нергал, держащий в руках двуглавый скипетр и кривую саблю, попирает ногой врага, лежащего на горах с рукой, согнутой в локте для защиты или мольбы тем же жестом, что на большинстве упоминавшихся выше изображений.

Фигура Нергала встречается на одном фрагменте староассирийского конверта из ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № I 2 б 1589). Божество здесь однозначно должно трактоваться как Нергал, держащий в руке двуглавый скипетр, а сцена почти точно повторяет сцену другой старовавилонской печати, также приведенную в книге Дж. Блэка и Э. Грина (*Ibid. P. 67*), где Нергал насылает на грешника демона в львином обличье («lion-demon», аналогичный *угаллу* в новоассирийский период) для причинения наказания – заболевания человека (визуализация сцены «насылания болезни», в аккадском языке выражение «рука бога DN» – *qāt DN* – означало болезнь, причину болезни – гнев божества).

Таким образом, это означает, что для определенного круга пользователей были интересны печати с изображением данного божества, и нельзя исключать, что на оттиске печати I 2 б 1598 был изображен именно Нергал (но определить, держит ли он в руках двуглавый скипетр, представляется довольно трудным, поскольку область его рук затерта), хотя трактовка персонажа как героя или царя, попирающего пораженного врага, выглядит более приемлемой.

Отличительной особенностью рассматриваемой печати является то, что между героем и божеством, перед лицом которого герой попирает врага, размещен некий объект из симметричных «скобообразных» элементов. В традиционных месопотамских сценах триумфа над поверженным врагом и в приведенных примерах появления такой сцены на печатях из Кюль-тепе этого элемента нет. Объект такой формы вообще появляется как будто крайне редко; приведем один его очевидный пример – на поздненовохеттской печати из коллекции музея Фицуильяма в Кембридже (*Alexander, 1975*) (рис. 3). Этот объект – священное древо, изображенное, однако, в оригинальной манере, достаточно непохожей на прочие его изображения, распространенные в месопотамской и иных переднеазиатских глиптиках при всем разнообразии иконографии этого элемента на ее образцах⁴. Такой манере изображать древо надо, видимо, приписывать собственно восточноанатолийское происхождение.

На обсуждаемой новохеттской печати бог Бури (слева) предстоит богу Солнца (справа; именно он выступает тут как наиболее авторитетный персонаж, а бог Бури является к нему), а за спинами обоих стоит по сопутствующей каждому фигуре: за спиной бога Бури – какое-то младшее божество, следующее за ним, а за спиной бога Солнца – древо интересующей нас формы. Оно, таким образом, ассоциировано на печати именно с божеством, пред

⁴ Ср. дополнительно к материалу, указанному в прим. 3, некоторые сводки разнообразных изображений и восприятий древа в древней Месопотамии, Сирии и Анатолии (*Ward, 1910. P. 219–238; Osten, 1934. P. 109; York, 1975; Alexander, 1975. P. 116. Not. 10; Collon, 1982. P. 11; Williams-Forte, 1983; Lambert, 1985*).

Рис. 3. Новохеттская печать, XIII в. до н. э. (по: Alexander, 1975. P. 115)

лицо которого является бог Бури. Вероятно, и на оттиске печати из ГМИИ им. А. С. Пушкина дерево связано, прежде всего, именно с божеством, восседающим на престоле. Известно, что в новоассирийской глиптике священное дерево постоянно изображалось в связке с символом крылатого солнца и было связано именно с солнечным богом Шамашем (см., например: Collon, 2001. Nos. 151–155, 157–163). Таким образом, мы можем предположить, что и на нашей печати восседающим на троне изображен именно бог Солнца (хотя нельзя вполне исключать, что дерево здесь помещено просто как композиционный центр сцены).

Для самого появления дерева на обсуждаемой новохеттской печати Р. Александер находит общие сирийские и митаннийские (т. е. хурритские) аналогии, но вместе с тем подчеркивает, что форма дерева все равно остается «крайне необычной» (Alexander, 1975. P. 116, 117).

Исследуемый нами оттиск печати из коллекции ГМИИ добавляет, как видим, еще один пример дерева этой «крайне необычной» формы, и пример тоже восточноанатолийский. По совокупности сказанного можно думать, что рассматриваемая печать демонстрирует редкое сочетание месопотамской по происхождению сцены триумфа над опрокинутым на спину врагом, заслоняющимся рукой, перед лицом божества, с собственно восточноанатолийским изображением священного дерева особой формы, ассоциированного с божеством солнца (?). Такой синтез неудивителен для печати из полиэтничной торговой колонии, размещавшейся в Восточной Анатолии и населенной в немалой степени ашшурскими купцами, которые и возглавляли ее.

Добавим, наконец, что сравнение с приведенной новохеттской печатью, где дерево ассоциируется с тем персонажем, пред лицом которого являются, а за спиной у являющегося к нему персонажа показан его собственный спутник,

позволяет предположить, что контур 9 на нашей прорисовке (см. стр. 96 и сн. 2; рис. 2: б) – это действительно не скол, а остаток ноги персонажа, изображенного за спиной героя-триумфатора, которому он сопутствовал.

ЛИТЕРАТУРА

- Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР / Транскрипция, пер., коммент. Н. Б. Янковской. М.: Наука. 306 с.
- Alexander R.*, 1975. A Hittite Cylinder Seal in the Fitzwilliam Museum // *Anatolian Studies*. Vol. 25. P. 111–117.
- Alp S.*, 1968. Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konya. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 310 S.
- Amiet P.*, 1992. Corpus des cylindres de Ras Shamra-Ougarit. 2: Sceaux-cylindres en hématite et pierres diverses. Paris: ERC. 231 p.
- Black J. A., Green A.*, 1992. Gods, demons and symbols of Ancient Mesopotamia. An illustrated dictionary. London: British Museum. 192 p.
- Collon D.*, 1982. The Alalakh Cylinder Seals: A New Catalogue of the Actual Seals Excavated by Sir Leonard Woolley at Tell Atchana, and From Neighbouring Sites on the Syrian-Turkish Border. Oxford: British Archaeological Reports. 132 p.
- Collon D.*, 1986. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum: Cylinder Seals III. London: British Museum. 241 p.
- Collon D.*, 2001. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals V. Neo-Assyrian and Neo-Babylonian Periods. London: British Museum. 204 p.
- Collon D.*, 2005. First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. London: British Museum. 208 p.
- Contenau G.*, 1922. La glyptique syro-hittite. Paris: Geuthner. 218 p.
- Cuneiform texts from Cappadocian tablets in the British Museum. Pt. VI / Eds.: P. Garelli, D. Collon. London: British Museum, 1975. 34 p.
- Delaporte L.*, 1910. Catalogue des cylindres orientaux et des cachets assyro-babyloniens, perses et syro-cappadociens de la Bibliothèque nationale. Paris: Leroux. 384 p.
- Delaporte L.*, 1920. Catalogue des cylindres, cachets et pierres gravées de style oriental. 1: Fouilles et missions. Paris: Hachette. 158 p.
- Delaporte L.*, 1923. Catalogue des cylindres, cachets et pierres gravées de style oriental. 2: Acquisitions. Paris: Hachette. 239 p.
- Eisen G. A.*, 1940. Ancient Oriental Cylinder and Other Seals with a Description of the Collection of Mrs. William H. Moore. Chicago: Oriental Institute Publications. 94 p. (Oriental Institute Publications; 47.)
- Erkanal A.*, 1993. Die in Anatolien vorkommenden altsyrischen Siegel und Siegelabdrucke. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 209 S.
- Frankfort H.*, 1939. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. London: Macmillan. 328 p.
- Frankfort H.*, 1955. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago: Oriental Institute Publications. 78 p. (Oriental Institute Publications; 72.)
- Glatz C.*, 2014. Monuments and landscape – exploring issues of place, distance and scale in early political contest // *Approaching Monumentality in Archaeology* / Ed. J. F. Osborne. New York: SUNY Press. P. 109–134.
- Keel-Leu H., Teissier B.*, 2004. Die vorderasiatischen Rollsiegel der Sammlungen «Bibel+Orient» der Universität Freiburg Schweiz. Fribourg: Vandenhoeck and Ruprecht. 493 S.
- Kienast B.*, 1960. Die altassyrischen Texte des orientalischen Seminars der Universität Heidelberg und der Sammlung Erlenmeyer, Basel. Berlin: De Gruyter. 125 S.
- Lambert W. G.*, 1985. Trees, Snakes and Gods in Ancient Syria and Anatolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 48. Iss. 3. P. 435–451.
- Lassen A. W.*, 2014. The Old Assyrian Glyptic Style: An Investigation of a Seal Style, Its Owners and Place of Production // *Current Research at Kültepe/Kanesh. An Interdisciplinary and Integrative Approach*

- to Trade Networks, Internationalism, and Identity during the Middle Bronze Age / Eds.: L. Atici et al. Atlanta: Lockwood Press. P. 107–121. (The Journal of Cuneiform Studies. Supplemental Series; vol. 4.)
- Marchetti N.*, 2011. Kinku. Sigilli dell'eta del bronzo dalla regione di Gaziantep in Turchia. Bologna: Ante Quem Editoria. 136 p.
- Michel C.*, 2003. Old Assyrian Bibliography of Cuneiform Texts, Bullae, Seals and the Results of the Excavations at Aššur, Kültepe/Kaniš, Acemhöyük, Alişar and Boğazköy. Leiden: NINO. 203 p.
- Osten H. H. von der*, 1934. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newell. Chicago: Oriental Institute Publications. 204 p. (Oriental Institute Publications; 22.)
- Otto A.*, 2000. Die Entstehung und Entwicklung der Klassisch-Syrischen Glyptik. Berlin: De Gruyter. 313 S.
- Özgüç N.*, 1965. The Anatolian Group of cylinder seal impressions from Kültepe. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 86 p.
- Özgüç N.*, 1968. Seals and seal impressions of level Ib from Karum Kanish. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 74 p.
- Özgüç N.*, 2006. Kültepe-Kaniš / Neša. Seal Impressions on the Clay Envelopes from the Archives of the Native Peruwa and Assyrian Trader Uşur-ša-lštar son of Aššur-imitī. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 333 p.
- Özgüç N., Tunca Ö.*, 2001. Kültepe-Kaniš. Sealed and Inscribed Clay Bullae. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 358 p.
- Palmisano A.*, 2018. The Geography of Trade. Landscapes of competition and long-distance contacts in Mesopotamia and Anatolia in the Old Assyrian Colony Period. Oxford: Archaeopress. 192 p.
- Porada E.*, 1947. Mesopotamian Art in Cylinder Seals of the Pierpont Morgan Library. New York.: Pierpont Morgan Library. 81 p.
- Porada E., Buchanan B.*, 1948. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections: The Collection of the Pierpont Morgan Library. Vol. 1–2. Washington: Pantheon Books. 187 p., pls.
- Teissier B.*, 1994. Sealing and Seals on Texts from Kültepe Kārum Level 2. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul. 278 p.
- Tunca Ö.*, 1979. Catalogue des sceaux-cylindres du Musée régional d'Adana. Malibu: Undena Publications. 34 p. (Syro-Mesopotamian studies; vol. 3, iss. 1.)
- Ward W. H.*, 1909. Cylinders and Other Ancient Oriental Seals in the Library of J. Pierpont Morgan, Catalogued. New York: Privateky printed, 129 p.
- Ward W. H.*, 1910. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington: Carnegie Institution. 428 p.
- Williams-Forte B.*, 1983. The Snake and the Tree in the Iconography and Texts of Syria during the Bronze Age // Ancient Seals and the Bible / Eds.: L. Gorelick, E. Williams-Forte. Malibu: Undena Publications. P. 18–43. (Occasional Publications on the Near East; vol. 2, iss. 1.)
- York H.*, 1975. Heiliger Baum (Mesopotamian and Related Forms, from the Late Fourth Millennium B.C. through the Late Assyrian Period) // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Bd. IV / Hrsg. D. O. Edzard. Berlin; New York: De Gruyter. S. 269–282.

Сведения об авторах

Немировский Александр Аркадьевич, рабочая группа проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Институт всеобщей истории РАН, Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, Москва, 105066, Россия; e-mail: sidelts@inbox.ru;

Ясеновская Анастасия Александровна, рабочая группа проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, Россия; e-mail: stasya091989@mail.ru;

Шелестин Владимир Юрьевич, рабочая группа проекта РФФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; e-mail: vladimir-shelestin@yandex.ru

A. A. Nemirovskiy, A. A. Iasenovskaia, V. Yu. Shelestin

THE SCENE OF TRIUMPH OVER THE DEFEATED ENEMY
ON THE SEALING FROM KÜLTEPE

(COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, I 2 b 1598)

Abstract. The paper presents a commented publication of seal print from Kültepe (early II mill. BC), collection of the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow (inv. no. I 2 b 1598) with a rare composition where the hero tramples the defeated enemy before the deity sitting on the throne, while a sacred tree of an extremely unusual shape is depicted between the deity and the hero (Fig. 1; 2). A comparative study of the image shows that it combines both Mesopotamian motifs (a triumph over the enemy stretched out on his back and raising his hand in order to shield himself or beg for mercy) and East Anatolian ones (the tree of the rare form placed next to the deity and some other details have analogies on one Late New Hittite seal) (Fig. 3).

Keywords: glyptic, Kültepe, Pushkin Museum of Fine Arts, Old Assyrian colonies, sacred tree, scene of triumph.

REFERENCES

Klinopisnyye teksty iz Kyul-Tepe v sobraniyakh SSSR [Cuneiform texts from Kül-Tepe in the USSR collections]. N. B. Yankovskaya, ed., trans. Moscow: Nauka, 1968. 306 p.

About the authors

Nemirovskiy A. A., RSF project group 19-18-00369 «The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)» of the Lomonosov Moscow State University; Institute of General History Russian Academy of Sciences, Leninskiy pr-t 32A, Moscow, 119334; National research university «Higher School of Economics», ul. Staraya Basmannaya, 21/4, Moscow, 105066; Russian Federation; e-mail: sidelts@inbox.ru;

Iasenovskaia A. A., RSF project group 19-18-00369 «The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)» of the Lomonosov Moscow State University; The Pushkin State Museum of Fine Arts, ul. Vokhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: stasya091989@mail.ru;

Shelestin V. Yu., RSF project group 19-18-00369 «The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archive sources)» of the Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: vladimir-shelestin@yandex.ru

Я. Б. Березин, А. А. Клещенко

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ УСПЕНСКИЙ I И УСПЕНСКИЙ II НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СТАВРОПОЛЬЯ

Резюме. В статье публикуются материалы эпохи бронзы и раннего железного века из курганных могильников Успенский I и Успенский II (Новоалександровский район Ставропольского края). Из них два относятся к раннекатакомбному времени (втор. четв. III тыс. до н. э.), пять – к позднекатакомбному (третья четв. III тыс. до н. э.), одно – к сарматской культуре (II–I вв. до н. э.), достоверная датировка еще двух погребений невозможна. Из погребений эпохи средней бронзы наибольший интерес представляет серия позднекатакомбных комплексов, соединяющая в себе элементы восточноманьчжской, батуринской и суворовской традиций, что связано с местоположением изученных могильников в контактной зоне трех указанных культурных феноменов. Сарматское погребение, являясь довольно типичным для своего культурного круга, выделяется наличием редкой разновидности культового сосуда – курильницы.

Ключевые слова: курганный могильник, Ставропольская возвышенность, эпоха бронзы, восточноманьчжская культура, батуринская культура, суворовская культура, ранний железный век, сарматы.

В 1997 и 1999 гг. экспедиция ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) исследовала курганные могильники Успенский I и II, находившиеся в зоне строительства нефтепровода (Березин, 1997; 1999). Памятники располагались в 2–4 км к северу от г. Новоалександровска – на границе северо-западной части Ставропольской возвышенности и восточной окраины Прикубанской низменности – в долине р. Расшеватка, правого притока р. Калалы, впадающей, в свою очередь, в р. Егорлык (рис. 1). Могильник Успенский I включал один курган с погребениями эпохи бронзы. Два кургана этого же могильника, № 2 и 6, были сооружены в эпоху средневековья, материалы этого периода публикуются отдельно (Березин,

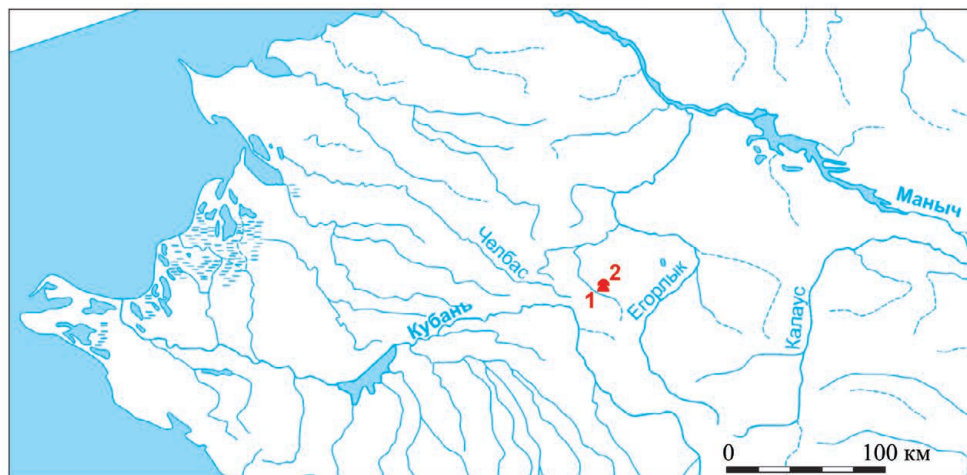

Рис. 1. Местоположение курганных могильников Успенский I (1) и Успенский II (2) на территории Предкавказья

Нарожный, 2019). Могильник Успенский II представлял собой цепочку из шести насыпей, вытянутых по линии запад – восток.

Курган № 1 могильника Успенский I (рис. 2: I) имел сильно оплывшую насыпь высотой 1,3 м и диаметром 50 м. Раскопан четырьмя траншеями по линии север – юг. В двух западных траншеях было обнаружено только скопление костей МРС. Основные находки сделаны в восточных траншеях. По стратиграфическим наблюдениям (рис. 2: II) основным в кургане являлось погребение № 4, над которым была возведена насыпь диаметром 15 м и высотой 1 м. Она законсервировала материковый выкид, располагавшийся в основном к западу и югу от погребения. Границы насыпи № 1 прослеживаются по распространению погребенной почвы в фасах бровок, а также по западинам у краев насыпи, являвшихся остатками ровиков, из которых брался грунт. Позже в восточную полу насыпи № 1 было впущено погребение № 3 (рис. 2: II), перекрытое насыпью № 2 диаметром до 14 м и высотой не менее 0,7 м. Она законсервировала материковый выкид из погребения № 3. Далее у южной полу насыпи № 2 было совершено погребение № 5, близкое по времени захоронению № 3. Позже в центральной части насыпи было обнаружено еще одно погребение эпохи средней бронзы (№ 1). Последним впускным в курган оказалось сарматское погребение № 2.

Погребение № 1 (впускное, финала средней или поздней бронзы, с меньшей вероятностью – раннего железного века) было обнаружено в 2,3 м к востоку от центра кургана, на глубине 107 от Р₀ (рис. 2: I). Яма не прослежена. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток (рис. 2: IV): череп – на левом виске лицом на юго-запад; руки – параллельно, согнуты в локтях и направлены кистями к лицу. Ноги согнуты в бедре и коленях под острым углом. Погребение безынвентарное.

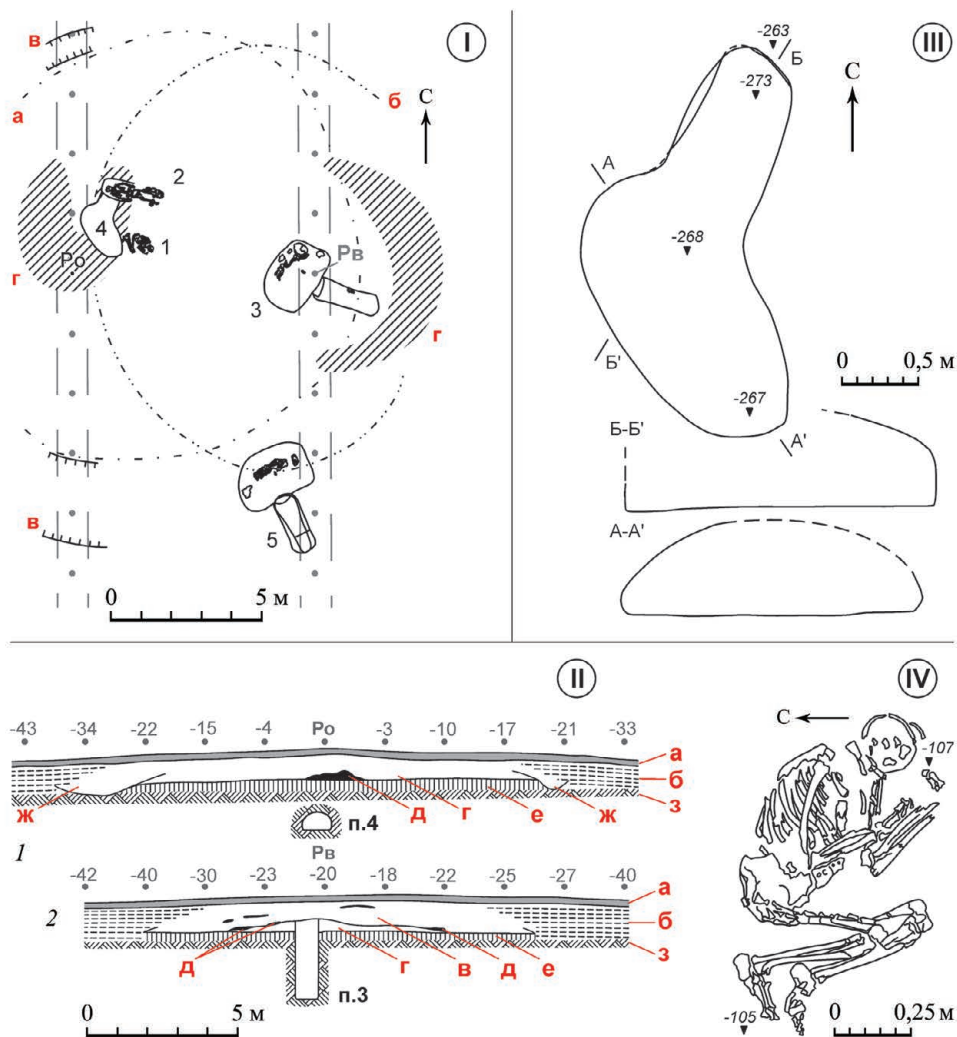

Рис. 2. Могильник Успенский I. Курган 1. Планы и разрезы

I – общий план (*a* – границы насыпи 1; *б* – границы насыпи 2; *в* – ровики; *г* – границы материковых выкидов); *II* – восточные фасы центральной (*I*) и восточной (*2*) бровок (*a* – пахотный слой; *б* – чернозем; *в* – насыпь 2; *г* – насыпь 1; *д* – выкиды; *е* – погребенная почва; *ж* – ровики; *з* – материк); *III* – погр. 4; *IV* – погр. 1

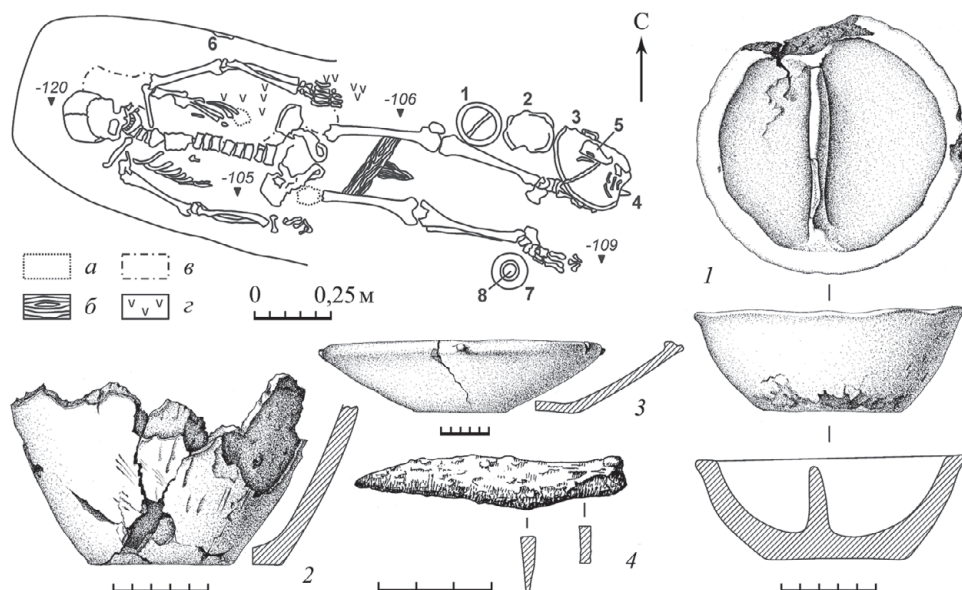

Рис. 3. Могильник Успенский I. Курган 1, погребение 2: план и находки (1–4)

Условные обозначения: а – коричневый органический тлен; б – угли; в – костный тлен; з – древесный тлен

1–3, 7 – сосуды керамические; 4 – нож железный; 5 – кости животного; 6 – фрагмент предмета железного; 8 – гальки

1–3 – керамические сосуды, 4 – железный нож

Погребение № 2 (впускное, сарматское) было обнаружено в 3 м к северо-востоку от центра кургана, на глубине 120 от Ро (рис. 2: 1). Погребение могло быть совершено в яме или катакомбе (ноги располагались на 0,11 м выше черепа). Подобные случаи обычны при катакомбном обряде захоронения у предкавказских сарматов (см., например: *Виноградов, Березин, 1985. С. 58*). Длина ямы не установлена, ширина – до 0,7 м, она имела овально-подпрямоугольную форму и была ориентирована по оси восток – запад с отклонением к северу. Вероятно, погребение сопровождали какие-то деревянные конструкции (возможно, носилки), остатки которых зафиксированы на костях.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад с отклонением в 11° к северу (рис. 3). Для $43\text{--}45^\circ$ северной широты это соответствует времени захоронения конца августа – начала сентября или конца марта – начала апреля (*Виноградов и др., 1983. С. 90–92. Табл. 2*). Под верхней частью скелета находилась прослойка органического темно-коричневого тлена. Под левой рукой и левой частью грудной клетки поверх этого тлена зафиксирована угольно-сажевая прослойка.

Вдоль левой голени в линию стояли три керамических сосуда: лепная курьильница в виде плоскодонной низкой чаши с внутренней перегородкой (поверхность светло-коричневая, заглаженная; в нижней части – темные пятна от вторичного прокала; диаметр венчика – 14 см, дна – 7,5 см, высота – 5,5 см)

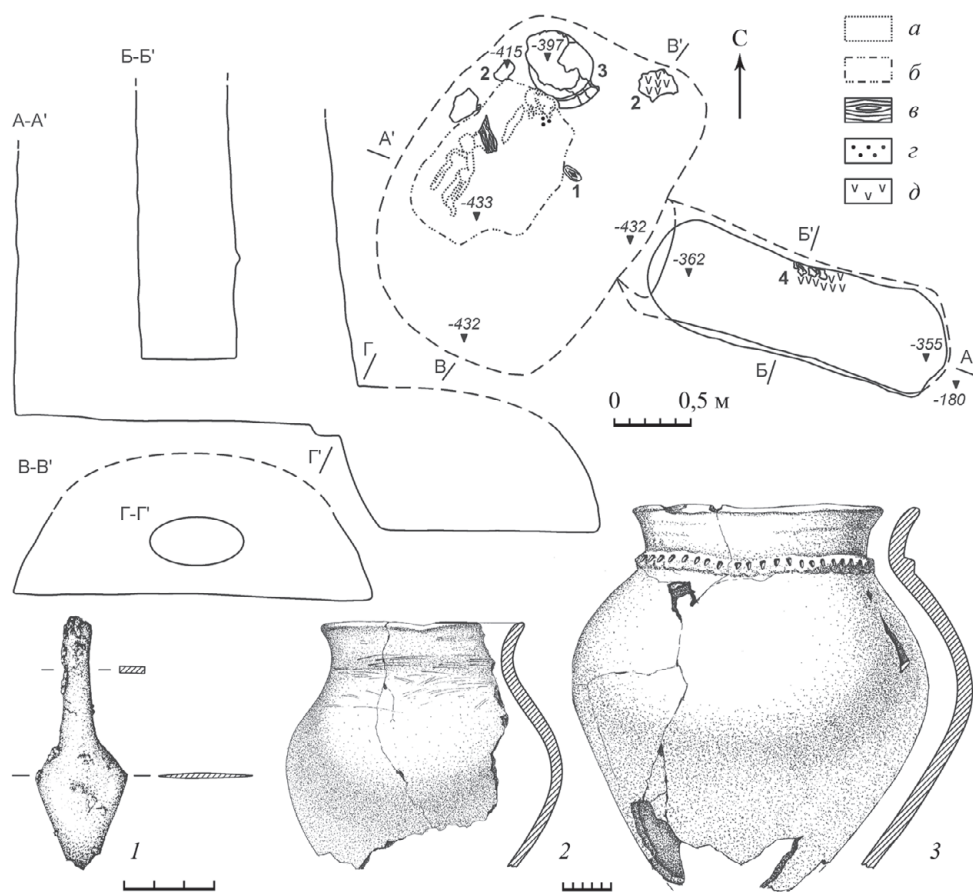
(рис. 3: 1); крупный лепной плоскодонный сосуд, сохранившийся лишь частично (поверхность неровная со следами расчесов; поверхности разных оттенков коричневого цвета с пятнами от вторичного прокала; диаметр дна – 7,5 см, высота сохранившейся части – 10,5 см) (рис. 3: 2); крупное лепное, возможно, с подработкой на гончарном круге плоскодонное блюдо с четырьмя симметричными ручками-упорами под венчиком (поверхность темно-серая, тщательно заглажена; в тесте большая примесь дресвы; диаметр венчика – 28 см, дна – 10 см, высота – 7,6 см) (рис. 3: 3). Еще один лепной плоскодонный сосуд грушевидной формы высотой до 12 см находился у правой стопы и распался при снятии. В этом сосуде находились гальки со следами прокала (размеры их: $4,7 \times 3,5 \times 3,2$ см и $4,5 \times 3,2 \times 2,2$ см). Под блюдом был обнаружен железный черешковый однолезвийный нож с изогнутой спинкой длиной 7,2 см (рис. 3: 4), а внутри – кости конечностей особи МРС. У левого локтя находились небольшие железные предметы, распавшиеся при снятии (возможно, наконечники стрел).

Погребение № 3 (впускное в первую насыпь и основное для второй; эпохи средней бронзы) располагалось в 8,5 м к востоку от центра кургана, на глубине 432 от Ро (уровень дна камеры) (рис. 2: 1). Конструкция представляла собой Т-образную катакомбу (рис. 4). Шахта прямоугольной со скругленными углами формы, ориентирована по оси восток-юго-восток – запад-северо-запад. Стенки ее практически вертикальные, дно ровное. Размеры по дну – $2,3 \times 0,7-0,8$ м. В западной части шахты у входа в камеру сделана выемка размерами $0,6 \times 0,25$ м. Входное отверстие имело овальную форму и размеры $0,3 \times 0,6$ м. Камера располагалась к западу от шахты и была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Переход от шахты к камере оформлен через высокую пологую ступеньку высотой 0,6 м. Форма камеры – прямоугольная со скругленными углами. Стенки наклонные, дно ровное, потолок арочно-уплощенный. Размеры ее по дну – $2,3 \times 1,7$ м, высота – до 1 м.

На дне вплотную к дальней стенке и северному углу находился практически полностью ислетевший скелет (рис. 4). Тлен занимал площадь порядка $1 \times 0,4$ м. Остатки черепа находились в северо-восточной части. Конфигурация тлена от других костей оставляла впечатление вторичного захоронения с имитацией анатомического расположения скелета. Под костями и вокруг них зафиксирован белесый органический тлен с волокнистой структурой. Непосредственно под костным тленом обнаружены участки коричневого древесного тлена. В районе черепа прослежено пятно охры.

Почти в центре камеры на дне острием на юго-восток лежал черешковый двулезвийный бронзовый нож в деревянном футляре. Форма лезвия – треугольно-ромбовидная с покатыми плечиками, переходящими в прямоугольный черешок. Острие обломано. Сечение лезвия – линзовидное, черенка – прямоугольное. Длина сохранившейся части – 8,5 см, ширина лезвия – 3 см (рис. 4: 1). У северо-восточной стенки камеры внутренней стороной вверх лежала жаровня из крупного фрагмента лепного керамического сосуда. Еще один его фрагмент был обнаружен у северо-западной стенки чуть выше уровня дна. Тулово шаровидное, через плавное горло переходит к отогнутому венчику. Поверхность коричневого цвета, покрыта сажей. На внешней поверхности – небрежные расчесы. Сохранившаяся высота сосуда – 26 см, диаметр венчика – около 22 см,

тулова – 29 см (рис. 4: 2). В жаровне и под ней обнаружено большое количество древесных углей. У черепа на боку устьем к юго-востоку лежал крупный лепной керамический сосуд. Тулово яйцевидное, через плавное горло переходит к отогнутому венчику. Донце не сохранилось. Поверхность серо-коричневая со следами прокала и пятнами сажи. Под горлом находится налепной валик с треугольными и ромбическими вдавлениями. Сохранившаяся высота сосуда – 40,6 см, диаметр венчика – 26,5 см, тулова – 38 см (рис. 4: 3). У середины северо-восточной стенки шахты были обнаружены фрагменты сильно пережженной керамики, распавшейся при зачистке, и древесные угли.

**Рис. 4. Могильник Успенский I.
Курган 1, погребение 3: план и разрезы, находки (1–3)**

Условные обозначения: а – костный тлен; б – белый органический тлен; в – древесный тлен; з – охра; д – угли; 1 – нож бронзовый; 2, 4 – жаровни керамические; 3 – сосуд керамический

1 – нож бронзовый, 2 – жаровня керамическая; 3 – сосуд керамический

Погребение № 4 (основное для первой насыпи, кенотаф эпохи средней бронзы) находилось в 2,5 м к северо-востоку от центра кургана, на глубине -273 от Ро (уровень дна) (рис. 2: I). Конструкция представляла собой Г-образную катакомбу (рис. 2: III). Шахта прямоугольной со скругленными углами формы, вытянута по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Дно ровное. Размеры – 1,1 × 0,7 м. Шахта и камера находились на одном уровне. Камера овальной формы, располагалась к юго-западу от шахты под тупым к ней углом (ориентирована по линии северо-запад – юго-восток). Дно ровное. Потолок арочной формы. Размеры камеры – 1,9 × 1 м, высота – 0,6 м. В катакомбе следов совершения захоронения и находок не обнаружено.

Погребение № 5 (впускное, возможно, для него была сделана небольшая не сохранившаяся досыпка, так как шахта катакомбы была сделана уже за пределами первых двух насыпей; эпохи средней бронзы) располагалась в 10 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 498 см от Ро (уровень дна камеры) (рис. 2: I). Конструкция представляла собой Т-образную катакомбу (рис. 5), схожую с конструкцией погребения № 3. Шахта подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована по оси юго-юго-восток – северо-северо-запад. Западная ее стенка пологая, восточная имеет отрицательный уклон. Размеры по дну – 2 × 0,6–0,7 м. Дно шахты ступенчатое: первая ступенька высотой 0,25 м – покатая, начиналась в 0,6 м от южной стенки. Вторая высотой 0,1 м была сделана у входа в камеру. На стенках шахты сохранились следы тесловидного орудия (0,04 × 0,12 м). Входное отверстие имело арочную форму и размеры 0,3 × 0,55 м. Камера располагалась к северо-западу от шахты, перпендикулярно ее оси. Переход от шахты к камере оформлен через ступеньку высотой 0,8 м. Форма камеры – прямоугольная со скругленными углами, северо-западный угол округло скошен. Стенки наклонные, дно ровное, потолок арочно-купольный. Размеры по дну – 2,6 × 1,8 м, высота – до 1,1 м.

Ближе к дальней стенке камеры находился полностью истлевший скелет человека (рис. 5). По остаткам черепа, находившимся в северо-восточной части костного тлена, было определено, что череп лежал на левом виске лицевой частью на юг. К юго-западу от черепа находилось большое пятно костного тлена размерами 1,2 × 0,35, вытянутое по длинной оси камеры. По ним создавалось впечатление вторичного захоронения с укладкой костей в анатомическом порядке. Под черепом был зафиксирован тлен от небольшой деревянной плашки. У западной оконечности костного тлена прослежены следы охры.

У юго-западной стенки камеры находилась жаровня из крупного фрагмента лепного керамического сосуда. Тулово его шаровидное, через плавное горло переходит к отогнутому венчику. Поверхность коричневого цвета, заглаженная, с пятнами копоти и потеками. Под горлом сделан налепной валик с глубокими косыми насечками. Сохранившаяся высота фрагмента и диаметр венчика – по 28 см (рис. 5: I). К юго-востоку от скопления костей острием на юго-восток лежал черешковый двулезвийный бронзовый нож. Форма лезвия – треугольно-ромбовидная, покатые плечики плавно переходят в прямоугольный черешок. Сечение лезвия – треугольное, черенка – прямоугольное. Длина ножа – 11,2 см, ширина лезвия – 5 см (рис. 5: 2).

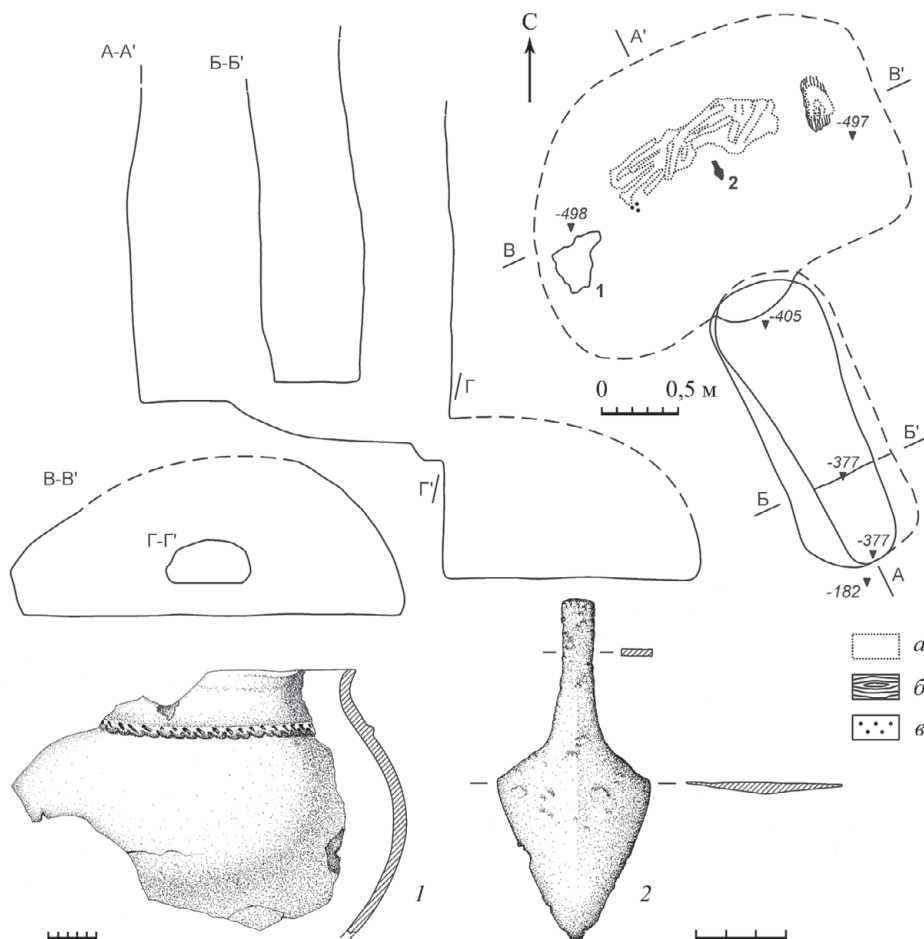

Рис. 5. Могильник Успенский I.

Курган 1, погребение 5: план и разрезы, находки (1, 2)

Условные обозначения: а – костный тлен; б – древесный тлен; в – охра; 1 – жаровня керамическая; 2 – нож бронзовый

1 – жаровня керамическая; 2 – нож бронзовый

Могильник Успенский II

Курган № 1 имел диаметр до 40 м, высоту до 0,7 м и находился на восточном краю могильника. В кургане обнаружено одно достоверное погребение эпохи бронзы, основное для курганной насыпи. Конструкция погребения № 1 (эпохи средней бронзы) представляла собой Г-образную катакомбу глубиной 3,28 м от Ро (уровень дна камеры) (рис. 6: 1). Шахта прямоугольной формы, ориентирована по оси восток – запад. Стенки практически вертикальные, дно ровное. Размеры шахты по дну – 2,2 × 1 м. В восточной части шахты был оформлен пологий пандус, ведущий к входу в камеру. Длина его – 0,5 м, ширина – 0,6–0,7 м,

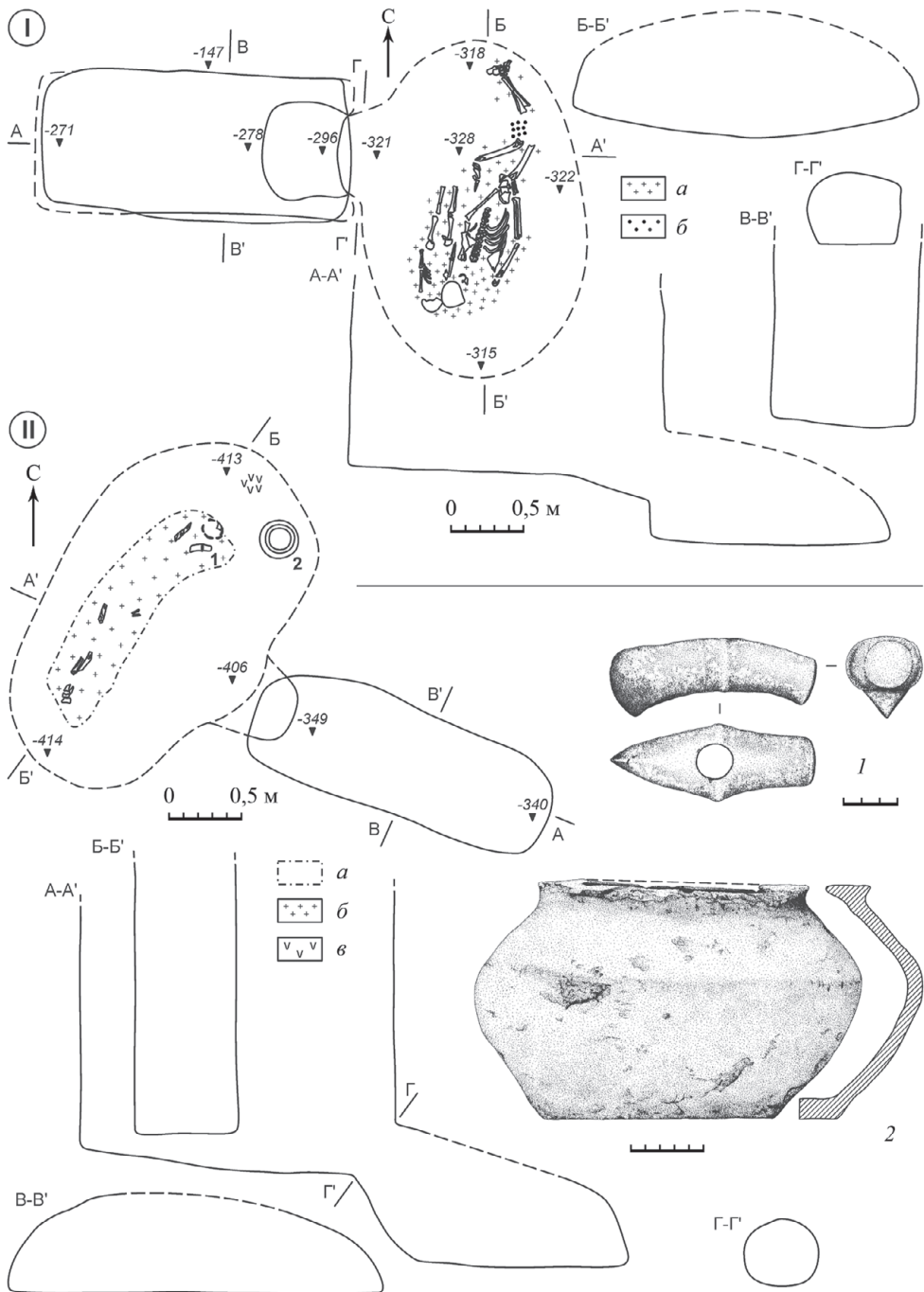

Рис. 6. Могильник Успенский II.

Курганы 1 и 3: планы и разрезы погребений (I, II), находки (II-1, 2)

I – курган 1, погр. 1 (*a* – мел; *б* – охра); *II* – кург. 3, погр. 2 (*a* – мел, *б* – коричневый тлен; *в* – угли; *I* – топор каменный; *2* – сосуд керамический)

II-1 – каменный ладьевидный топор; *II-2* – реповидный керамический сосуд

высота – 0,25 м. Вход в камеру имел вертикальную южную и скругленную северную стенки. Размеры его – 0,5 × 0,6 м. **Камера располагалась перпендикулярно** оси шахты. При этом вход располагался ближе к северной торцевой стенке камеры. Переход от шахты к камере оформлен через ступеньку высотой 0,25 м. Форма камеры – эллипсоидная. Стенки наклонные, дно вогнутое в центре, потолок арочный. Размеры камеры по дну – 2,3 × 1,5 м, высота – до 0,8 м.

На дне по длинной оси лежали скелеты двух погребенных: взрослого и ребенка (рис. 6: I). Взрослый находился ближе к восточной стенке и лежал ничком, головой на юг: череп – на лицевых костях, грудная клетка передней частью вниз, лопатки и позвоночник перекрывали ребра. Руки были согнуты в локтях, кисти лежали под левым крылом таза, причем были сомкнуты, а пальцы переплетены. Возможно, руки изначально были связаны в запястьях. Ноги согнуты в бедренном и коленном суставах под тупым углом и уложены коленями на восток – левая на правой. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на юг, руки и ноги – параллельно туловищу. Под обоими скелетами и вокруг них прослежена меловая подсыпка. У колен взрослого человека – пятно охры темно-красного цвета диаметром 0,1 м. Погребение безынвентарное.

Курган № 3 в рельефе практически не выделялся. В нем было обнаружено два погребения: эпохи бронзы и средневековое.

Конструкция основного погребения № 2 (эпохи средней бронзы) представляла собой Т-образную катакомбу глубиной 4,14 м от Ро (уровень дна камеры) (рис. 6: II). Шахта ориентирована по оси восток-юго-восток – запад-северо-запад и имела подпрямоугольную форму. Стенки вертикальные, дно вогнутое в центральной части, плавно понижается на запад на 0,2 м. Размеры шахты по дну – 2,2 × 0,7 м. Входное отверстие имело округлую форму и диаметр 0,5 м. Камера располагалась под углом к шахте и была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. В камеру вел пологий пандус, начинавшийся в западной части шахты. Длина его – 0,4 м, высота от дна камеры – 0,6 м. Форма камеры – эллипсоидная. Стенки наклонные, дно ровное, потолок арочный. Размеры камеры по дну – 2,6 × 1,6 м, высота – до 0,9 м. На стенках и своде камеры были обнаружены следы желобчатых орудий (0,06 × 0,4 м).

На дне по длинной оси лежал скелет человека (рис. 6: II). Кости практически полностью истлели. Судя по абрису тлена, погребенный мог находиться в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Под костями и вокруг них прослежено темно-коричневое пятно от органического тлена, а под ним на дне находилась меловая подсыпка. У северо-восточной стенки – округлое пятно древесных углей диаметром 0,15 м.

В области шеи погребенного лезвием на запад лежал каменный шлифованный втульчатый топор из темно-серого камня (предположительно, серпентинита). Топор т. н. ладьевидной формы: втулка расположена при переходе от лезвийной к обушковой части. С внешней стороны по бокам этот переход подчеркнут вертикальными нервюрами. Брюшко слабо изогнутое (угол разворота – 155°); лезвие нескошенное, слабо выпуклое; обушок круглый в сечении с немного выпнутой ударной поверхностью. На лезвийной части и на одной из поперечных нервюр – сколы. Длина топора – 11,4 см, высота в районе втулки – 3 см, ширина – 4,3 см (рис. 6: II-1). В восточном углу камеры стоял лепной плоскодонный

керамический сосуд. Тулово уплощенно-биконическое со скругленным ребром. Горло не выделено. Венчик имеет вид площадки, выступающей внутрь больше, чем наружу. Поверхность коричневого цвета, шероховатая. Высота сосуда – 16,5 см, диаметр венчика – 19 см, тулова – 27 см, дна – 15,5 см. Ширина площадки венчика – 3 см (рис. 6: *II-2*).

Курган № 4 в современном рельефе имел диаметр 12 м и высоту 0,3 м. В нем было обнаружено два погребения эпохи бронзы (план кургана не приведен в связи с его неинформативностью).

Конструкция основного погребения № 1 (эпохи средней бронзы) представляла собой Т-образную катакомбу глубиной 3,12 м от Ро (уровень дна камеры) (рис. 7: *I*). Шахта ориентирована по оси северо-запад – юго-восток, имела подпрямоугольную форму. Северо-западная и юго-восточная стенки вертикальные, две другие имели отрицательный наклон, дно плавно понижается на юго-восток на 0,2 м. Размеры шахты по дну – 2,2 × 1 м. Входное отверстие прямоугольной формы, располагалось в юго-восточной стенке и имело размеры 0,6 × 0,5 м. В камеру вел дромос длиной 0,5 м. Дно юго-восточной части шахты, дромоса и камеры находились на одном уровне. Камера располагалась перпендикулярно шахте и имела неправильно-овальную форму. Стенки наклонные, дно ровное, потолок купольный. Размеры камеры по дну – 2,3 × 1,3 м, высота – не менее 0,8 м.

На дне по длинной оси лежал скелет взрослого человека – возможно, в слабоскорченном на спине или правом боку положении, головой на северо-восток (рис. 7: *I*). Часть костей смещена с места. Череп лежал на левом виске. Позвоночный столб выгнут остистыми отростками к востоку. Левая локтевая кость находилась под позвоночником, плечевая – в области груди. Кости правой руки перемещены. Возможно, изначально обе руки были согнуты в локтях и лежали перед грудью. Кости таза находились в положении «на спине». Ноги слегка согнуты в коленях, левая бедренная кость лежала на правой. Под костями зафиксирован темно-коричневый органический тлен. У стенки напротив берцовых костей обнаружено пятно охры размерами 0,19 × 0,23 м, имитирующее следы двух человеческих стоп, кости пальцев которых сведены и направлены на запад.

Между черепом и северо-западной стенкой стоял лепной плоскодонный керамический сосуд. Тулово немного уплощенное с расширением в верхней трети. Горло короткое, венчик плавно отогнут. Поверхность серо-коричневого цвета с охристыми пятнами, заглаженная. Высота сосуда – 22 см, диаметр венчика – 17 см, тулова – 26 см, дна – 13 см (рис. 7: *I-1*). В северном углу камеры стояла лепная керамическая курильница. Чаша низкая, с подтреугольным отделением-кармашком. К ее основанию прикреплены две параллельные прямоугольные ножки-полозья. Внешняя поверхность чаши покрыта орнаментом из шести групп прочерченных треугольников, направленных вершинами вниз. Поверхность курильницы серо-коричневая с черными и охристыми пятнами. Диаметр венчика – 15 см, высота чаши – 3 см, общая – 6 см. Длина ножек – 6 см, расстояние между ними – 2,5 см (рис. 7: *I-2*).

Впускное погребение № 2 (эпохи бронзы или раннего железного века) было совершено в 2 м северо-востоку от шахты погребения № 1, на глубине 1,1 м от современной поверхности. Конструкция не прослежена. Скелет взрослого человека находился в скорченном на правом боку положении, головой на запад

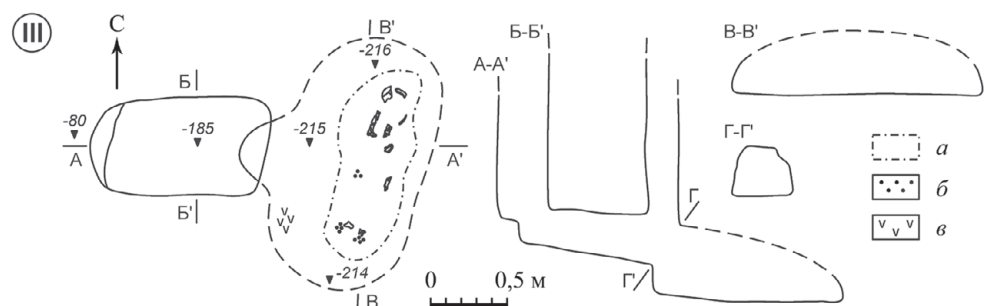
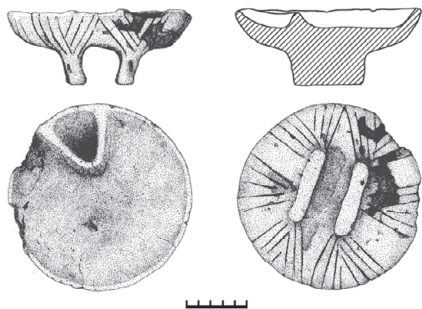
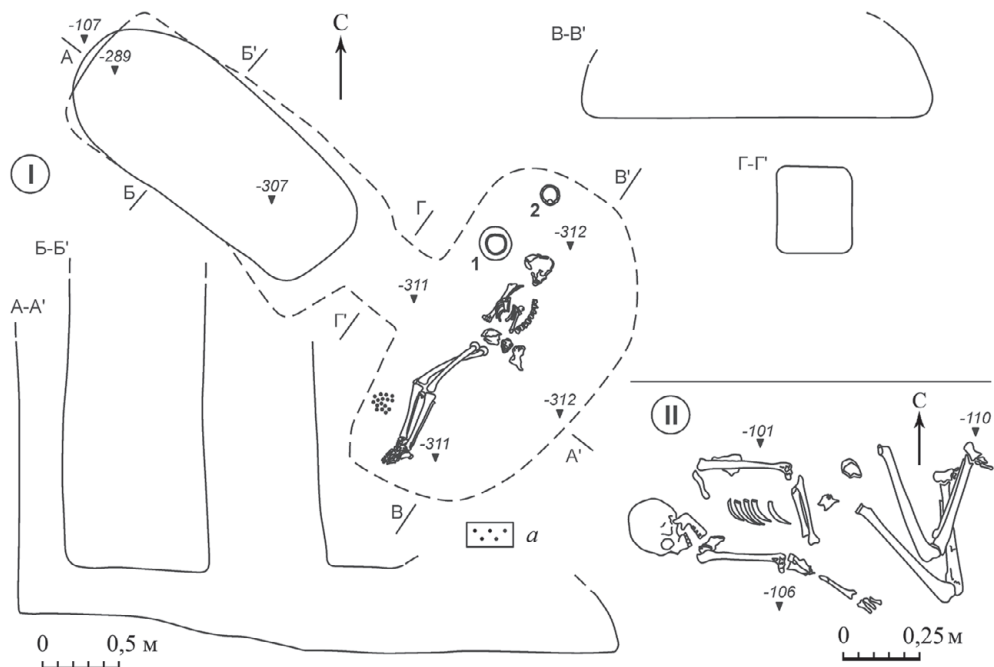

Рис. 7. Могильник Успенский II.

Курганы 4 и 5: планы и разрезы погребений (I–III), находки (I-1, 2)

I – курган 4, погр. 1 (*a* – охра; *1* – сосуд керамический; *2* – курильница керамическая);

II – курган 4, погр. 2; *III* – кург. 5 погр. 1 (*a* – коричневый тлен; *b* – охра; *v* – угли)

I-1 – сосуд керамический; *I-2* – курильница керамическая

(рис. 7: II). Череп лежал на правом виске. Правая рука была протянута в сторону колен, левая – согнута в локте и направлена запястьем в сторону левого предплечья. Ноги согнуты в бедрах под тупым углом, в коленях – под острым. Погребение безынвентарное.

Курган № 5 в современном рельефе не выделялся и содержал только одно погребение № 1 эпохи средней бронзы, представлявшее собой Т-образную катакомбу глубиной 2,16 м от Ро (уровень дна камеры) (рис. 7: III). Шахта ориентирована по оси запад – восток и имела подпрямоугольную форму. У западной стенки была сделана ступенька длиной 0,15 м и высотой 0,15 м. Стенки шахты вертикальные, дно от ступеньки плавно понижается на восток на 0,12 м. В 0,2 м от восточной стенки сделана ступенька высотой 0,2 м, переходящая в дно камеры. Размеры шахты в плане – 1,2 × 0,7 м. В камеру, располагавшуюся к востоку от шахты, вело входное отверстие арочной формы размерами 0,3 × 0,4 м. Камера располагалась под углом к шахте и была ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Форма камеры овальная, стенки наклонные, дно ровное, потолок арочный. Размеры камеры по дну – 1,7 × 0,9 м, высота – 0,5 м.

На дне по длинной оси лежал скелет ребенка. Кости практически полностью истлели. Судя по их абрису, погребенный мог находиться в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. Под костями и вокруг них прослежен темно-коричневый органический тлен со следами меловой подсыпки. В районе ступней и таза погребенного обнаружены следы охры. У юго-западного угла камеры – скопление древесных углей. Погребение безынвентарное.

Из семи катакомбных погребений успенских могильников два могут относиться к раннекатакомбной группе памятников Ставропольской возвышенности (втор. четв. III тыс. до н. э.). **В историографии есть отдельные работы по анализу некоторых памятников этой группы (Державин, 1991. С. 50–70; Корневский и др., 2007. С. 106–108; и др.),** однако общей характеристики раннекатакомбного горизонта на территории Ставрополя, схожей с той, которая существует для однокультурных памятников Северо-Западного Прикаспия (Шишлина, 2007. С. 149–218), в настоящее время пока нет. Успенские катакомбы этого времени отличаются неординарностью: первая из них (Успенский I-1/4) **определенно** является кенотафом, а во второй (Успенский II-1/1) погребенный находился в очень редкой для эпохи средней бронзы позе – скорченно на животе. Оба погребения безынвентарные. Не сохранилось и костного материала для датировки. В связи с этим принадлежность обоих комплексов к раннекатакомбному горизонту безусловна и определяется таким косвенным признаком как Г-образное устройство катакомбы, в целом гораздо более характерное для ранних катакомб.

Четыре катакомбы (Успенский I-1/3, 1/5; Успенский II-3/2, 4/1), по составу погребального инвентаря, безусловно, относятся к позднекатакомбному горизонту (третья четв. III тыс. до н. э.). **К этой же серии может относиться и безынвентарное детское захоронение Успенский II-5/1. На это указывает определенное сходство его конструкции с другими позднекатакомбными комплексами успенских могильников (кроме погребения Успенский II-4/1). Все перечисленные захоронения выделяются Т-образными катакомбными сооружениями,** что отличает их от серии восточноманычских памятников Ставропольской возвышенности, в ареале которых условно находятся успенские могильники. Такой

вид конструкции более характерен для погребений суворовской культуры, где составляет до 97 % случаев, в то время как для восточноманычской и батуринской позднекатакомбных культур Т-образная конструкция катакомбы встречается, соответственно, лишь в 15 и 35 % комплексов (*Клещенко, 2014. С. 64, 66. Рис. 1*). В связи с очень плохой сохранностью костного материала достоверно поза погребенного установлена только в одном случае (Успенский П-4/1 – слабо скорченно на правом боку). В остальных положениях костей определено лишь предположительно: вытянуто на спине (Успенский П-1/1 и 5/1) и расчленено с выкладкой костей посткраниального скелета в анатомическом порядке (в двух катакомбах кургана I Успенского I могильника). Все перечисленные варианты положения погребенных также совершенно не характерны для восточноманычских традиций. Вытянутый обряд является маркером суворовской культуры, а скорченное на правом боку и расчлененное положение останков встречается в абсолютном большинстве батурических комплексов на территории соседнего Прикубанья (Там же).

Из керамических форм, представленных в позднекатакомбных погребениях успенских могильников, можно выделить четыре морфологических вида: горшки с максимальным расширением в верхней трети тулова (Успенский I-1/3 и Успенский П-4/1 – всего 3 экз. – в том числе один с валиковым орнаментом), горшок с шаровидным туловом и валиковым орнаментом (Успенский I-1/5), биконический сосуд с широким дном (Успенский П-3/2) и курильница из погребения Успенский П-4/1. Классификация керамики из позднекатакомбных памятников Предкавказья в целом не разработана. Однако сейчас вполне очевидным является отсутствие в отдельных культурах полностью самостоятельных традиций в изготовлении керамических сосудов: большинство форм в разных модификациях так или иначе представлены в погребениях всех культурных групп (западно- и восточноманычской, батурической, суворовской), в то время как лишь незначительное их число составляют специфику керамического комплекса различных культур.

Согласно классификации керамики восточноманычской культуры, представленной в работе М. В. Андреевой (2014. С. 26, 27, 208, 209. Рис. 34; 35), первые два вида горшков стоят ближе всего к немногочисленной серии «высокогорлых горшков», хотя отличаются от них, собственно, высотой и формой горла: у успенских форм оно низкое и четко не выделяется, что более характерно для погребений суворовской и, отчасти, батурической культур (*Клещенко, 2009. С. 118. Рис. 1, 1, 4–6, 10*). Суворовской является и традиция изготовления горшков с шаровидным туловом (*Клещенко, 2013. С. 179. Рис. 3: I-10, I-11*). Два успенских горшка были украшены рассеченным наклепным валиком, который является одним из наиболее распространенных и хронологически маркерных элементов орнаментации позднекатакомбной керамики – как в Предкавказье (*Андреева, 2014. С. 208, 209. Рис. 34: 3, 5, 8, 9, 11; 35: 18, 19; Клещенко, 2013. С. 179. Рис. 3: I-7, I-8, II-2, II-5, III-2; Трифионов, 1991. С. 104, 105. Рис. 2: 1, 2, 12; 3: I–3, 8*), так и, отчасти, в бассейне реки Дон.

Сосуд из погребения Успенский П-3/2 морфологически близок к некоторым «классическим» реповидным формам с подчеркнутой биконичностью. Они известны как в восточноманычской (*Андреева, 2014. С. 208. Рис. 34: 4; Калмыков, 1999. Рис. 339; 2000. Рис. 1602; Березин, 1998. Рис. 229; 1999. Рис. 1097;*

Бабенко, 1999. Рис. 261), так и в батуринской (Трифонов, 1991. С. 106. Рис. 3: 1, 4; Гей, 1995. С. 10. Рис. 4: 5) традициях. Успенский горшок отличается также наличием заходящей внутрь площадки венчика, в то время как у большинства таких сосудов площадка отогнута наружу. Интересно, что в значительной степени такая конструкция характерна именно для сосудов биконической формы, что можно воспринимать как смешение двух близких форм, имеющих в то же время разное происхождение. С одной стороны, это закрытые биконические сосуды чугуновидной формы без выделенного венчика, традиции которых уходят в чуть более раннее время – развитый этап северокавказской культуры. Серийно они представлены, например, в комплексах «кавинводской группы» С. Н. Корневского (сосуды группы III, по: *Корневский*, 1990. С. 44, 154. Рис. 34) и имеют продолжение в суворовских памятниках предгорной зоны (см., например: *Клещенко*, 2013. С. 179. Рис. 3: II-8). С другой стороны, это одна из наиболее маркерных форм сосудов позднекатакомбного времени – реповидная. Следует отметить, что на сочетание в восточноманычской керамике предшествующей северокавказской и степной катакомбной традиций уже обращала внимание М. В. Андреева (2014. С. 27. Прим. 16).

Курильница из погребения 4/2 Успенского II могильника полных аналогий не имеет. В диссертации Н. В. Панасюк она отнесена к подтипу 4 типа VI курильниц западноманычской культуры (*Панасюк*, 2015а. С. 77, 459. Рис. 213: 4). Единственной же близкой ей аналогией, согласно каталогу Н. В. Панасюк, является курильница из погребения Эвдык I-10/6, также имеющая две прямоугольные ножки, но прикрепленные не к чаше, а к массивному монолитному поддону. Она имеет такой же треугольной формы кармашек, но орнаментирована только по срезу венчика. Последнее обстоятельство позволило автору отнести эту курильницу к подтипу 3 типа VI курильниц восточноманычской культуры (Там же. С. 405. Рис. 156: 2). Оригинальность формы успенской курильницы на фоне общей серии предметов такого вида позволяет поставить ее в один ряд с морфологически неординарными образцами из погребений суворовской катакомбной культуры (*Панасюк*, 2015б. С. 131, 132. Рис. 3; 4).

В двух из семи позднекатакомбных погребений Успенских могильников были обнаружены бронзовые ножи, относящиеся, согласно типологии Е. И. Гака, к типу IV (*Гак*, 2002. С. 284, 285, 296. Рис. 3: 4–6). Следует отметить, что в памятниках батуринской и суворовской культур комплексы с металлическими орудиями составляют не более 2–3 %, в то время как в восточноманычской культуре они встречаются в каждом пятом погребении (*Андреева*, 2014. С. 29). Таким образом, по этому показателю успенские катакомбы близки именно восточноманычским традициям.

Каменный топор из погребения 4/2 Успенского II могильника следует отнести к одной из немногих позднекатакомбных находок на территории Предкавказья. Для западно- и восточноманычской культур известно восемь погребений с топорами, для батуринской – один, в суворовской культуре закрытых комплексов с такими находками вовсе неизвестно (*Клещенко*, 2018. С. 166). Согласно классификации одного из авторов настоящей работы, успенский топор относится к подтипу I.1.2 (Там же. С. 215, 231. Рис. 12: 3, 6. Табл. 1). К этому подтипу принадлежит половина известных позднекатакомбных каменных топоров

в Предкавказье (*Клещенко*, 2018. С. 225. Рис. 24). Следует отметить, что Успенские могильники формально находятся в ареале восточноманычской культуры, среди материалов которой известно пять из девяти топоров позднекатакомбного времени. Этот обстоятельство, вслед за значительной долей погребений с бронзовыми ножами, косвенно сближает серию успенских погребений именно с восточноманычской традицией.

Таким образом, перечисленные факты позволяют сделать вывод о синкретическом характере позднекатакомбных погребений Успенских могильников, находящихся в контактной зоне трех культурных феноменов этого времени. По форме катакомбных конструкций, наличию вытянутого положения погребенных, присутствию горшковидных сосудов с коротким горлом и шаровидным туловом, курильницы оригинальной формы они тяготеют к более южным суворовским традициям; в то время как по расчлененному и скорченному на правом боку положению погребенных, а также параллелям в форме биконического сосуда – к обычаям батуринской культуры соседней Прикубанской низменности. Наконец, по наличию бронзовых ножей и каменного топора рассматриваемые комплексы близки к традициям восточноманычской культуры, в ареале которой, собственно, и находятся Успенские могильники.

Точная датировка двух безы Inventарных скорченных погребений, совершенных, предположительно, в ямах, чрезвычайно затруднительна. Оба они впускные в насыпи ранне- и позднекатакомбного времени. Первое (Успенский I-1/1) имеет черты как лопинской культуры финала средней бронзы, так и более позднего времени (*Мимоход*, 2013. С. 33–35, 177. Прим. 173; 2014. С. 610). Второе же погребение (Успенский II-4/2) может относиться как к эпохе бронзы, так и к раннему железному веку.

В обоих могильниках было обнаружено только одно достоверное захоронение эпохи раннего железа – Успенский I-1/2. **Самый интересный предмет инвентаря** из него – курильница с плоским дном и перегородкой. Наиболее полная их подборка сделана М. П. Абрамовой (*Абрамова*, 1993. С. 54. Рис. 17). Данные курильницы уже становились объектом предметного изучения (*Смирнов*, 1973; *Петренко*, 1980). По мнению В. А. Петренко, курильницы происходят либо из собственно сарматских комплексов, либо из памятников, подверженных сильному сарматскому влиянию. Есть они и на территории сарматской метрополии (*Шилов*, 1959. С. 455. Рис. 47: 10, 11). Сосуды с перегородкой внутри скорее характерны для более ранней группы курильниц II–I вв. до н. э. (*Петренко*, 1980. С. 175). Интересно, что подавляющая часть предкавказских чаш-курильниц сделана на довольно высокой ножке, обычно, полой. Единственное исключение – курильница из разрушенного погребения у с. Галайты (Чечня) имеет квадратную в плане форму чаши (Там же. С. 281. Рис. 4: 15).

Распавшийся сосуд с грушевидным туловом и гальками внутри также относится к группе культовой керамики последних веков н. э. (*Абрамова* 1993. С. 56, 57. Рис. 19: 2, 3). Керамическое блюдо – миска с четырьмя ручками-упорами относится к типу, бытовавшему на Северном Кавказе на протяжении всей сарматской эпохи (Там же. С. 50. Рис. 14), вплоть до ее окончания (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 119). Любопытен лепной керамический сосуд, к сожалению, восстановленный только частично. По своим технологическим особенностям

сосуд резко отличался от остальной керамики погребения и близок к керамике эпохи средней бронзы. Нельзя исключить его вторичное использование в сарматское время. Железные ножи с вогнутой режущей кромкой бытовали на очень широкой территории юга Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э.

Подытоживая сказанное, можно отнести данное захоронение к группе погребений предкавказских сарматов, условно – сираков, выделенных еще В. Б. Виноградовым (*Виноградов*, 1968). Накопление материала только подтверждает существование этой довольно монолитной в культурном и хронологическом отношении группы, о чем нам уже доводилось писать (*Березин*, 2010. С. 47).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: ИА РАН. 240 с.
- Андреева М. В.*, 2014. Восточноманычская культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус. 272 с.
- Бабенко В. А.*, 1999. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22348, 22349.
- Березин Я. Б.*, 1997. Отчет о раскопках могильников «Буйвола 1» у г. Буденновска и «Успенский 1» у г. Новоалександровска Ставропольского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19830, 19831.
- Березин Я. Б.*, 1998. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-5» Ипатовского района Ставропольского края в 1998 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22352, 22353.
- Березин Я. Б.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичьё-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-4», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22358–22361.
- Березин Я. Б.*, 2010. Сарматские погребения на территории Среднего Притеречья (по материалам раскопок 1980-х годов). // Археологический журнал. № III–IV. Армавир. С. 32–50.
- Березин Я. Б., Нарожный Е. И.*, 2019. Погребения средневековых кочевников курганного могильника «Успенский-2» на северо-западе Ставрополья (раскопки ГУП «Наследие») // МИАСК. Вып. 17. Армавир–Краснодар: Наследие Кубани. С. 97–118.
- Виноградов В. Б.*, 1968. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э. – I в. н. э. // СА. № 1. С. 48–55.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б.*, 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье // Античность и варварский мир. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 43–63.
- Виноградов В. Б., Ростунов В. Л., Дорошевский В. Н.*, 1983. Особенности ориентировок захоронений эпохи ранней бронзы Центрального Кавказа в связи с годовым движением Солнца // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 90–96.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.*, 2009. Памятники алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 468 с.
- Гак Е. И.*, 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: ГИМ; Элиста: Калмыцкий ин-т соц.-экон. и правовых исслед. С. 280–299.
- Гей А. Н.*, 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М. С. 4–14.
- Державин В. Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА АН СССР. 186 с.
- Калмыков А. А.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников Золотаревка 4 и Золотаревка 7 в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23298, 23299.

- Калмыков А. А.*, 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-1» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 43015–43021.
- Клещенко А. А.*, 2009. Катакомбные памятники Закубанья и поздний этап эпохи средней бронзы в Предкавказье // КСИА. Вып. 223. С. 116–120.
- Клещенко А. А.*, 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. С. 171–190.
- Клещенко А. А.*, 2014. Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН. С. 63–66.
- Клещенко А. А.*, 2018. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.: ИА РАН. С. 154–253.
- Корневский С. Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука. 229 с.
- Мимоход Р. А.*, 2013. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 16.)
- Мимоход Р. А.*, 2014. Срубная культура Северо-Западного Прикаспия // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество. С. 609–614.
- Панасюк Н. В.*, 2015а. Курильницы катакомбных культур Предкавказья [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2842, 2843.
- Панасюк Н. В.*, 2015б. Курильницы суворовской катакомбной культуры // КСИА. Вып. 237. С. 126–141.
- Петренко В. А.*, 1980. Об одной разновидности сарматской культовой посуды на Среднем Тереке // СА. № 1. С. 275–283.
- Смирнов К. Ф.*, 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С. 166–179.
- Трифонов В. А.*, 1991. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья: источники, проблемы исследования. Киев: ИА АН УССР. С. 101–116.
- Шилов В. П.*, 1959. Калиновский курганный могильник // М.: ИА АН СССР. С. 323–523. (МИА. № 60.)
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ. 400 с. (Труды ГИМ; вып. 165.)

Сведения об авторах

Березин Яков Борисович, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии МГУ, ул. Моховая, 11/1, Москва, 125009, Россия; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Клещенко Александр Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sansanych@bk.ru

Ya. B. Berezin, A. A. Kleshchenko

BURIAL ASSEMBLAGES OF THE BRONZE AND THE EARLY IRON AGES FROM THE USPENSKIY I AND USPENSKIY II KURGAN CEMETERIES IN THE NORTHWESTERN PART OF THE STAVROPOL REGION

Abstract. The paper publishes materials of the Bronze Age and Early Iron Age from two burial grounds, namely, Uspenskiy I and Uspenskiy II (Novoaleksandrovsk district of the Stavropol region). Two assemblages are dated to the Early Catacomb period (the second

quarter of 3rd mill. BC) whereas five assemblages are dated to the Late Catacomb period (third quarter of 3rd mill. BC), one assemblage is attributed to the Sarmatian culture (2nd – 1st century BC). Reliable dating of two more burials is not possible. A series of Late Catacomb assemblages that combine elements of the Eastern Manych, Baturin and Suvorovskaya traditions explained by the location of the excavated cemeteries in the contact zone between these three cultures is of the greatest interest. While being rather typical for its cultural circle, the Sarmatian grave is notable for presence of a rare type of a ritual vessel – incense-burner.

Keywords: kurgan cemetery, Stavropol Upland, Bronze Age, Eastern Manych culture, Baturin culture, Suvorovskaya culture, Early Iron Age, Sarmatians.

REFERENCES

- Abramova M. P., 1993. Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n. e. – IV v n. e.) [Central Fore-Caucasus in Sarmatian time (III c. BC – IV c AD)]. Moscow: IA RAN. 240 p.
- Andreyeva M. V., 2014. Vostochnomanychskaya kul'tura: analiz materialov pogrebal'nykh pamyatnikov [East Manych culture: analysis of burial sites]. Moscow: Taus. 272 p.
- Babenco V. A., 1999. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Zolotarevka-6» v Ipatovskom rayone Stavropol'skogo kraya v 1999 godu [Report on excavations of kurgan cemetery «Zolotarevka-6» in Ipatovskiy district, Stavropol region in 1999]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Berezin Ya. B., 1997. Otchet o raskopkakh mogil'nikov «Buyvola 1» u g. Budennovska i «Uspenskiy 1» u g. Novoaleksandrovskaya Stavropol'skogo kraya v 1997 g. [Report on excavations of cemeteries «Buyvola 1» near Budennovska and «Uspenskiy 1» near Novoaleksandrovsk, Stavropol region in 1997]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Berezin Ya. B., 1998. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Zolotarevka-5» Ipatovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 1998 godu [Report on excavations of kurgan cemetery «Zolotarevka-5» in Ipatovskiy district, Stavropol region in 1998]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Berezin Ya. B., 1999. Otchet o raskopkakh kurgannykh mogil'nikov «Ptich'ye-3» Izobil'nenskogo rayona, «Uspenskiy-2», «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-4», «Rasshevatskiy-5» Novoaleksandrovskogo rayona Stavropol'skogo kraya v 1999 g. [Report on excavations of kurgan cemeteries «Ptich'ye-3» Izobilnoye district, «Uspenskiy-2», «Rasshevatskiy-1», «Rasshevatskiy-4», «Rasshevatskiy-5» Novoaleksandrovsk district Stavropol region in 1999]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Berezin Ya. B., 2010. Sarmatskiye pogrebeniya na territorii Srednego Priterech'ya (po materialam raskopok 1980-kh godov) [Sarmatian burials in territory of Middle Terek region (based on materials of 1980-s excavations)]. *Arkheologicheskii zhurnal [Archaeological journal]*, III–IV. Armavir, pp. 32–50.
- Berezin Ya. B., Narozhnyy E. I., 2019. Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov kurgannogo mogil'nika «Uspenskiy – 2» na severo-zapade Stavropol'ya (raskopki GUP «Naslediye») [Burials of medieval nomads in kurgan cemetery «Uspenskiy – 2» in north-west of Stavropol region (excavations of GUP «Naslediye»)] // *MIASK*, 17, pp. 97–118.
- Derzhavin V. L., 1991. Stepnoye Stavropol'ye v epokhu ranney i sredney bronzy [Steppe Stavropol region in Early and Middle Bronze Ages]. Moscow: IA AN SSSR. 186 p.
- Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [The Alans sites in central districts of North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 468 p.
- Gak E. I., 2002. Metallicheskiye nozhi katakombnoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prikaspiya [Metal knives of Catacomb culture in northwestern part of Caspian region]. *Mogil'nik Ostrovnoy. Itogi kompleksnogo issledovaniya pamyatnikov arkhologii Severo-Zapadnogo Prikaspiya [Cemetery Ostrovnoy. Results of complex research of archaeological sites in Northwester of Caspian region]*. Moscow: GIM; Elista: Kalmytskiy institut sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy, pp. 280–299.
- Gey A. N., 1995. Baturinskaya katakombnaya kul'tura i final epokhi sredney bronzy v stepnom Prikuban'ye [Baturin catacomb culture and terminal stage of Middle Bronze Age in steppe Kuban

- region]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh [Historical-archaeological miscellany]*, 1. Armavir; Moscow, pp. 4–14.
- Kalmykov A. A., 1999. Otchet o raskopkakh kurgannykh mogil'nikov Zolotarevka 4 i Zolotarevka 7 v Ipatovskom rayone Stavropol'skogo kraya v 1999 g. [Report on excavations of kurgan cemeteries Zolotarevka 4 and Zolotarevka 7 in Ipatovskiy district, Stavropol region in 1999]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kalmykov A. A., 2000. Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Zolotarevka-1» v Ipatovskom rayone Stavropol'skogo kraya v 2000 godu [Report on excavations of kurgan cemetery «Zolotarevka-1» in Ipatovskiy district, Stavropol region in 2000]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kleshchenko A. A., 2009. Katakombnye pamyatniki Zakuban'ya i pozdnyy etap epokhi sredney bronzy v Predkavkaz'e [Catacomb sites of the Kuban left bank region and the late stage of the Middle Bronze Age in the North Caucasus piedmonts]. *KSlA*, 223, pp. 116–120.
- Kleshchenko A. A., 2013. Suvorovskaya katakombnaya kul'tura: predvaritel'naya kharakteristika [Suvorovskaya Catacomb culture: preliminary characteristic]. *KSlA*, 228, pp. 171–190.
- Kleshchenko A. A., 2014. Sinteziruyushchiye priznaki pamyatnikov suvorovskoy katakombnoy kul'tury [Synthesizing indications of Suvorovskaya catacomb culture sites]. *E. I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskiy chteniya [E. I. Krupnov and development of archaeology of North Caucasus. XVIII Krupnov readings]*. Moscow: IA RAN, pp. 63–66.
- Kleshchenko A. A., 2018. Kamennyye vtul'chatyye topory epokhi sredney bronzy Predkavkaz'ya: klassifikatsiya i khronologiya [Middle Bronze Age stone shaft-hole axes in Fore-Caucasus: classification and chronology]. *Arkheologicheskiye pamyatniki i mezhkul'turnyye fenomeny eneolita i bronzovogo veka [Archaeological sites and inter-cultural phenomena of Eneolithic and Bronze Age]*. Moscow: IA RAN, pp. 154–253.
- Korenevskiy S. N., 1990. Pamyatniki naseleniya bronzovogo veka Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Sites of Bronze Age population in Central Fore-Caucasus]. Moscow: IA AN SSSR. 174 p.
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'ye [Big Ipatovo kurgan in Stavropol region]. Moscow: Nauka. 229 p.
- Mimokhod R. A., 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [Lola culture. Northwestern part of Caspian region at turn of Middle and Late Bronze Age periods]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16.)
- Mimokhod R. A., 2014. Srubnaya kul'tura Severo-zapadnogo Prikaspiya [Timber-grave culture of Northwestern part of Caspian region]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, 1. Kazan': Otechestvo, pp. 609–614.
- Panasyuk N. V., 2015a. Kuril'nitsy katakombnykh kul'tur Predkavkaz'ya (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Censers of Fore-Caucasus catacomb cultures (Manuscript): PhD Thesis]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Panasyuk N. V., 2015b. Kuril'nitsy suvorovskoy katakombnoy kul'tury [Censers of the Suvorovskaya catacomb culture]. *KSlA*, 237, pp. 126–141.
- Petrenko V. A., 1980. Ob odnoy raznovidnosti sarmatskoy kul'tovoy posudy na Srednem Tereke [On one type of Sarmatian cultic ware on Middle Terek]. *SA*, 1, pp. 275–283.
- Shilov V. P., 1959. Kalinovskiy kurgannyy mogil'nik [Kalinovka kurgan cemetery]. Moscow: IA AN SSSR, pp. 323–523. (MIA, 60.)
- Shishlina N. I., 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tys. do n. e.). [Northwestern Caspian region in Bronze Age (V–III mill. BC)]. Moscow: GIM. 400 p. (Trudy GIM, 165.)
- Smirnov K. F., 1973. Kuril'nitsy i tualetnyye sosudiki aziatskoy Sarmatii [Censers and toilet vessels in Asiatic Sarmatia]. *Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti [Caucasus and Eastern Europe in antiquity]*. Moscow: Nauka, pp. 166–179.
- Trifonov V. A., 1991. Baturinskyy variant predkavkazskoy katakombnoy kul'tury [Baturin variant of Fore-Caucasus catacomb culture]. *Katakombnyye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya: istochniki, problemy issledovaniya [Catacomb cultures of North Pontic region: sources, problems, studies]*. Kiev: IA AN USSR, pp. 101–116.

- Vinogradov V. B., 1968. Ob interpretatsii sarmatskikh pogrebal'nykh pamyatnikov Predkavkaz'ya III v. do n. e. – I v. n. e. [On interpretation of Sarmatian burial sites in Fore-Caucasus in III c. BC – I c. AD]. *SA*, 1, pp. 48–55.
- Vinogradov V. B., Berezin Ya. B., 1985. Katakombnyye pogrebeniya i ikh nositeli v Tsentral'nom Predkavkaz'ye [Catacomb burials and their bearers in Central Fore-Caucasus]. *Antichnost' i varvarskiy mir [Classical antiquity and barbarian world]*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 43–63.
- Vinogradov V. B., Rostunov V. L., Doroshevskiy V. N., 1983. Osobennosti oriyentirovok zakhoroneniya epokhi ranney bronzy Tsentral'nogo Kavkaza v svyazi s godovym dvizheniyem Solntsa [Features of orientation of Early Bronze Age burials in Central Caucasus in relation with the Sun yearly movement]. *Kochevniki Azovo-Kaspiyskogo mezhdumor'ya [Nomads of territory between Azov and Caspian seas]*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 90–96.

About the authors

Berezin Yakov B., Research Institute and Museum of Anthropology at Moscow State University, ul. Mokhovaya, 11, Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: yakov_berezin@mail.ru;

Kleshchenko Aleksandr A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru

В. И. Балабина

НАЛЕПНЫЕ ГОЛОВКИ НА КЕРАМИКЕ ПОСЛЕДНЕГО ХАЛКОЛИТИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ

Резюме. Налепные головки на керамике известны в небольшом количестве в культурах неолита и халколита Центральной и Южной Европы. Финальный горизонт этой эпохи на телле Юнаците не исключение. Количество налепных головок на разных памятниках соизмеримо с материалом из верхнего горизонта халколита телля Юнаците. Анализируется коллекция из чуть более 20 фрагментированных находок. Материал подразделяется на: *головы-налепы со стенок закрытых сосудов* (рис. 1), *навершия крышек* (рис. 2: 1–4; 3: 4), *головы на краю открытых сосудов* (рис. 2: 5; 3: 1), *голова на стенке полый подставки* (рис. 3: 2), *голова от сосуда неясной формы* (рис. 3: 5), *плоские ручки в форме обобщенных голов* (рис. 3: 3). Для поселения с очень крупными массивами керамики на всех горизонтах и еще более крупными ее объемами в слое налепных головок крайне мало, как для их символического понимания, так и для функционального. В наборах посуды в сгоревших постройках Юнаците сосудов с налепными головками не оказалось, т. е. в момент гибели поселка их уже не использовали. Малочисленность и мелкая фрагментарность могут указывать на привязку обломков сосудов с подобной маркировкой к более раннему периоду, возможно, к началу обитания на новом месте. Это могли быть фрагменты первых сосудов, вылепленных на Юнаците, которые, следуя традиции, специально украсили антропоморфными и зооморфными головками.

Ключевые слова: Балканы, телль Юнаците, халколит, налепные головки, голова-ручка, личина, глаз в форме «кофейного зерна», купольная крышка, графитный орнамент, «пальцевый» орнамент.

Балканская пластика эпохи халколита довольно разнообразна. Пример тому – коллекция глиняных артефактов телля Юнаците из верхнего горизонта этой эпохи, принадлежащего смешанному комплексу Коджадермен-Гумельница-Караново-VI (КГК) – Селкуца III. Собрание включает антропоморфные и зооморфные фигурки, отдельные головы разного размера, а также головки, украшавшие посуду.

Обратим внимание на последнюю группу изображений, привязанных преимущественно к сосудам, – небольшую серию головок, в основном антропоморфных¹.

Налепные головки на керамике хорошо известны в большинстве культур неолита и халколита Центральной и Южной Европы, но всюду, судя по публикациям, их немного. В частности, такую картину можно наблюдать на памятниках КГК (Илчева, 1992; Николов Б., 1970; Николов В., 2006; Тодорова, 1980; 1986; Шукерова, 1987; Gimbutas, 1996).

Финальный горизонт этой эпохи на телле Юнаците не исключение. Здесь их тоже собрано чуть более 20 фрагментированных предметов: *головы-налепы со стенок закрытых сосудов* (9 экз.), *навершия крышек* (6 экз.), *головы на краю открытых сосудов* (мисок/чаш) (2 экз.), *голова на стенке полой подставки* (1 экз.), *голова от сосуда неясной формы* (1 экз.), *плоские ручки в форме обобщенных голов* (2 экз.). Встречаемость такого рода символики на сосудах – отдельная тема, рассмотрим ее ниже, после описания материала. Контекстные характеристики нашей выборки весьма скупые. Для трех образцов фиксирована принадлежность горизонту 1 халколитического пласта (кв. Ж/9, П/6, Т/7); один фрагмент отнесен в документации ко второму халколитическому горизонту (кв. Ж-9), прочие принадлежат горизонту 1, но лишены планиграфических привязок².

Головы на стенках сосудов в зависимости от их количества (и расположения) могут иметь разное прочтение. Они бывают одиночными с чисто символической функцией. Такое возможно и когда их несколько рядом или даже симметрично на оси. Но пары симметрично расположенных головок используются и для крепления крышек. В наиболее очевидных случаях в шеях присутствуют сквозные отверстия (вертикальные или горизонтальные). Один такой предмет есть и в данной выборке. При этом все головки в ней единичные. Опишем их, уточняя размеры и принадлежность к тем или иным разновидностям сосудов. Если на сосуде присутствует декор (в любой технике), необходимо соотнести с ним налепные головки, чтобы определить их место в орнаментальной композиции.

Изображения сохранились на небольших фрагментах стенок, поэтому их ранжирование привязано к толщине сосудов. Получилось всего две группы: а) *фрагменты сравнительно толстых сосудов* (при толщине от 1 до 1,5 см) и б) *ф-ты тонкостенных сосудов* (толщина от 0,4 до 0,6 см). Рассмотрим обе группы:

а) *головы на стенках сравнительно толстых сосудов* (4 экз.):

1. Голова на очень маленьком фрагменте керамики. Фронтально ее очертания близки прямоугольнику (рис. 1: 1). Ширина – 2,7 см, высота – 1,9 см. Шея короткая, округлого сечения – шириной и толщиной около 2 см.

2. Миниатюрная головка на маленьком фрагменте керамики. В плане она имеет контур поперечного овала. Ширина головы – 1,83 см, высота – 0,9 см. Нос обозначен легким защипом почти во всю высоту личины. Короткая горизонтально отставленная шея округлого сечения. Ее ширина – 1,8 см, толщина – 1,7 см.

3. На фрагменте стенки округлая уплощенная голова шириной 3,5 см, высотой 3 см. Нос в виде защипа выступает в середине чуть приподнятого лица

¹ Материал публикуется с любезного разрешения В. Мацановой.

² Некоторые предметы могут относиться к более ранним горизонтам.

(рис. 1: 2). Шея короткая, приподнятая, округлого сечения. Ее ширина – 3,1 см, толщина – 2,9 см.

4. Голова на маленьком фрагменте стенки массивного сосуда. Ширина ее – 2 см, высота – 1,7 см. Верхний контур горизонтален, спереди голова почти квадратная. Нос в виде слегка выгнутого защипа. Шея приподнята, голова смотрит либо горизонтально, либо чуть вверх, чего нельзя установить из-за малой величины обломка. Ширина шеи – 2 см, толщина – 1,5 см, сечение напоминает широкий овал.

Все описанные головки обобщенно антропоморфны. Они маленькие и относительно широкие, сохранились на мелких толстостенных фрагментах, размер которых не позволяет привязать изображения к каким-либо зонам на сосуде. Высота голов варьирует от 0,9 до 3 см, ширина – от 1,83 до 3,5 см. Форма их бывает округлой, поперечно-овальной, прямоугольной. Соотношение высоты и ширины колеблется в пределах от 0,5 до 0,86.

б) *головки на тонкостенных сосудах:*

5. Обобщенно-подтреугольная головка на перегибе тонкой стенки орнаментированного сосуда. Ее ширина – 2,4 см, высота – 1,3 см. Лицо опущено. Моделирован нос-защип, а также рот-насечка. Сама голова отстоит горизонтально (рис. 1: 3) Шея средней длины, округлого сечения (при ширине 1,7 см, толщине 1,8 см. Композиция головок на данном сосуде могла быть трех- или четырехчастной. В данном случае графитный орнамент почти симметрично обводит головку по контуру, она оказывается внутри трех концентрических вытянутых вверх и сужающихся овалов, при этом самый широкий из них слегка смещен относительно оси. В верхней части внутреннего овала проведены три вертикальные полосы, совмещающиеся с серединой затылка обведенной головки.

6. Голова на крохотном фрагменте тонкого сосуда. В плане она обобщенно-подтреугольной формы. Ширина личины – 1,7 см, высота – 1,5 см. Шея сравнительно короткая, овального сечения, имеет ширину 1,3 см, толщину 0,7 см.

7. Голова, крепившаяся на плечике сосуда³, орнаментированного врезными линиями глубиной около 0,5 мм при ширине 2 мм. Композиция декора – вписанные угловатые линии, симметрично обводящие голову, т. е., по крайней мере, в пределах данного фрагмента орнамент начинался на уровне плечика. Абрис головы в плане подтреугольный (рис. 1: 4). Наибольшая ее ширина (сверху) – 2,65 см, высота – 1,85 см. Нос моделирован в виде слегка выгнутого защипа. Шея очень короткая и горизонтальная, ее ширина – 2,5 см, толщина – 1,8–2 см, сечение близко поперечному овалу или прямоугольнику (одна сторона имеет ребро). В основании шеи есть круглое сквозное вертикальное отверстие диаметром 0,8 см на уровне раскошенных краев и 0,5 см в середине. Отверстие удобно для крепления крышки сосуда при помощи веревочки (шнура). Обычно такие отверстия парные, бывают расположены симметрично.

8. Головка на маленьком фрагменте тонкой стенки имеет форму вертикального овала, лицевая часть несколько вогнута. Нос представляет собой узкий,

³ Орнаментированные фрагменты закрытых сосудов с головками на плечиках единичны, все они принадлежат относительно тонкостенным сосудам. Поэтому данный фрагмент неизвестного сечения – скол, скорее всего, тоже тяготеет к тонким сосудам.

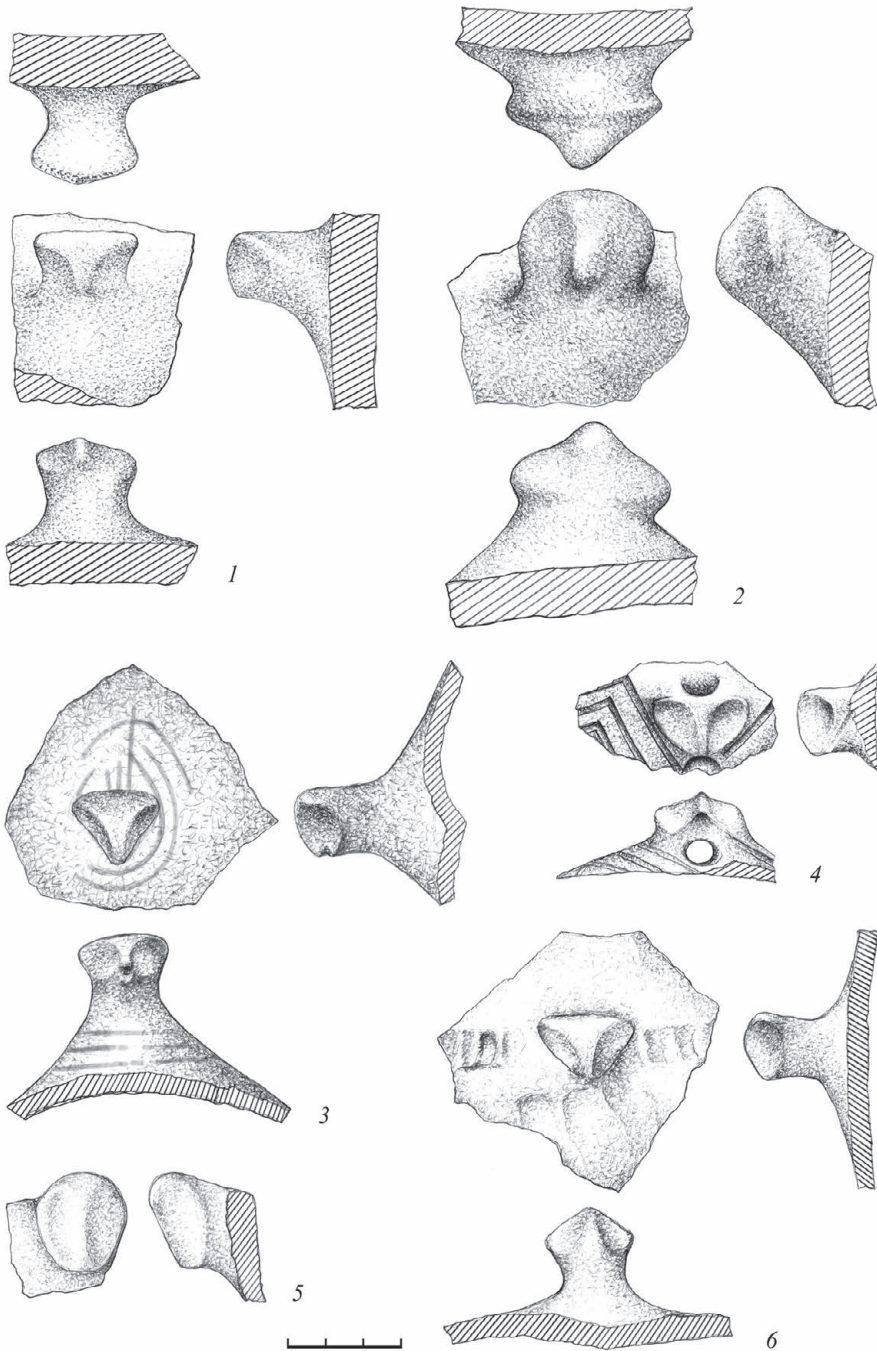

Рис. 1. Тель Юнаците. Антропоморфные головки на фрагментах закрытых толстостенных (1, 2) и тонкостенных (3-6) сосудов. Рисунки С. Джуканова

низкий защип длиной во все лицо (рис. 1: 5). Ширина головы – 2,3 см, высота – 2,6 см. Шея очень короткая, приподнятая, толщиной 2,2 см.

9. Стенка тонкого сосуда с налепной головкой и углубленным «пальцевым» орнаментом (рис. 1: 6). Головка, находящаяся на перегибе стенки, включена в систему орнаментации. Справа и слева от нее – горизонтальная полоса из пальцевых вдавлений. Ниже изображения расположены вертикальные полосы, тоже прочерченные пальцами. Голова с прямым теменем и сужающимися щеками благодаря этому во фронтальной позиции выглядит подтреугольной. Нос моделирован как невысокий защип. Ширина головы – 2,6 см, высота – 1,8 см. Короткая шея расположена горизонтально. Ее ширина и толщина – 1,5 см, сечение круглое.

Размеры и пропорции головок на тонкостенных сосудах близки предыдущей группе. Их высота варьирует от 1,3 до 2,6 см, ширина, соответственно, от 1,7 до 2,65 см, соотношение высоты и ширины колеблется от 0,54 до 1,13 см. Все головы антропоморфны, невелики, бывают широкими с плоским теменем и подтреугольной личиной, некоторые имеют форму вытянутого овала. Во всех случаях моделирован нос-зашип, лишь однажды небрежной насечкой был изображен рот.

Навершия крышек (6 экз.). Крышки все разные. Причем среди них можно отметить предметы, похожие как на навершия крышек, так и на головы со стенок сосудов. Навершия крышек массивнее, нежели уже описанные головки-налепы на стенках сосудов, поэтому у них измерялась еще и толщина.

1. Фрагмент крышки (или стенка сосуда) с прогнутой лицевой частью головы. Шея короткая вертикальная (у крышки) или горизонтальная (у стенки сосуда). Ширина головы – 2,7 см, высота – 2 см, толщина – 2,5 см. Ширина шеи – 2,7 см, толщина – 2,8 см. Сечение шеи почти круглое. Спереди на ней изображен кадык (?) посредством маленького аккуратного защипа.

2. Подтреугольная, смотрящая вперед голова (нос-зашип) на короткой шее-перехвате, ниже заметное расширение (рис. 2: 1). Судя по некоторой асимметрии предмета, он может являться или навершием купольной крышки, или головкой со стенки сосуда. Ширина головы – 2,8 см, высота – 1,5 см, толщина – 2 см. Ширина шеи – 2 см, толщина – 1,8 см. Сечение шеи округлое.

3. Очень интересна отчетливо антропоморфная купольная крышка с горизонтальным поперечным отверстием в шее (рис. 2: 4). Сохранилась ее верхняя часть с навершием – головой, отбитыми грудями и вертикальными углубленными полосами орнаментации. Голова в плане похожа на длинный поперечный овал с сужающимися «ушами»-выступами. Нос-зашип с ртом-щелью. На лице горизонтальными черточками-вдавнениями изображены глаза. Ширина головы – 4,1 см, высота – 1,4 см, толщина головы – 2,2 см. Ширина шеи – 2,5 см, толщина шеи – 1,7 см. Ширина овального отверстия 0,5 см, высота – 0,7 см.

Могли принадлежать купольным крышкам еще три зооморфные головки на вертикальных шеях и с подробной трактовкой личин:

4. Зооморфная рогатая головка на вертикальной шее (рис. 2: 2). Морда недлинная, оформлена посредством продольного защипа. Нос слегка заострен на конце. Глаза изображены в виде сквозного поперечного отверстия в средней

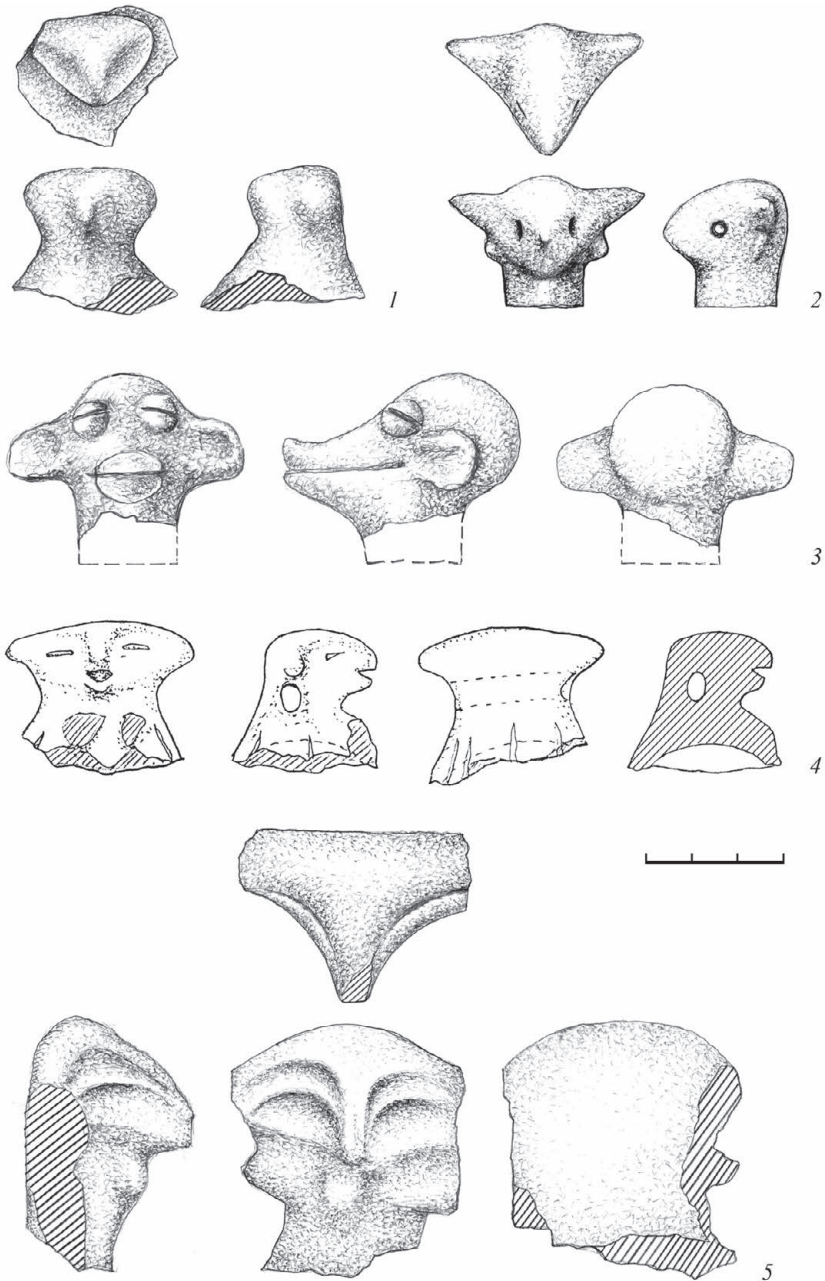

Рис. 2. Телья Юнаците. Антропоморфные и зооморфные навершия крышек (1-4), голова на краю открытого сосуда (5)

1-3 – головки – навершия крышек (?); 4 – антропоморфное навершие купольной крышки; 5 – зооморфная голова со стенки миски или чаши

1-3, 5 – рисунки С. Джуканова; 2, 4 – рисунки С. Гаговой

части головы. Темя округлое выпуклое. Затылок чуть выступает. Рожки расставлены в стороны, под ними изображены уши в виде почти треугольных зашипов. Ширина головы на уровне ушей – 2,5 см, длина головы – 2,7 см, толщина – 1,5 см. Шея овального сечения, ее ширина – 1,6 см, толщина 1,8 см. Головка могла служить навершием крышки.

5. Зооморфная головка на вертикальной шее, что указывает на ее возможную принадлежность к навершию купольной крышки (рис. 3: 4). На голове изображены слегка расставленные ушки или рожки. Лицевая часть вытянута вперед и слегка заострена. Рот глубоко прорезан в носовой области (верхняя его половинка частично отбилась). Высоко посаженные глаза обозначены небольшими углублениями. Темя между рогами/ушами прямое, затылок имеет слабый выступ, видимый только сверху. Ширина головы (под рогами) – 2,2 см, длина головы – 2,6 см, толщина – 1,5 см. Ширина шеи – 1,4 см, толщина – 1,6 см, сечение овальное.

6. Голова свиньи (поросенка) на вертикальной шее неясной длины (сохр.) (рис. 2: 3), изображено специфическое вытянутое рыло со слегка вогнутыми краями и уплощенным пятачком. Затылок круглый, выглядит полушарно. Низко посаженные глаза сделаны в виде узких щелочек в выпуклых наlepных веках, напоминают «кофейные зерна» – форму глаз, присущих отдельным образцам значительно более архаичной раннеолитической антропоморфной пластики Ближнего Востока и Южной Европы (*Hansen, 2007. Т. II. Taf. 28, 31, 33 38, 40, 45, 48, 98, 130, 144*). По бокам, на уровне глаз и несколько ниже находятся округлые уплощенно-вогнутые уши. Ширина головы на уровне затылка – 2,5 см. Длина головы – 5 см, толщина головы – 2,7 см. Ширина шеи сверху – 2 см, толщина шеи на том же уровне – 2,4 см. Вертикальная пристановка головы допускает атрибуцию навершия крышки.

Если рассмотренные зооморфные головки действительно представляют собой навершия крышек, такие крышки придают накрытому сосуду зооморфные или миксморфные черты.

Фрагменты мисок с головами животных. Миски/чаши с головами животных над краем – зооморфные открытые сосуды. На телле Юнаците встречено всего два их фрагмента.

Крупная голова животного (барана?) с утраченными рогами и остатками ушей-зашипов под ними – часть зооморфной чаши (рис. 2: 5). Голова на достаточно высоко поднятой шее, лицевая часть выдается вперед. Пристановка рогов низкая. Ширина головы у начала рогов – 5 см, длина головы – 4 см. Темя округлое. Ниже изображены надбровья и еще пара подобных дуговидных линий на уровне глаз. Сверху на шее моделирован заметный выступ. Возможно, это шерсть бородки муфлона. Ширина шеи – 3 см, толщина – 2,3 см. Некоторая ее округлость присутствует только спереди, так как затылок и шея сзади представляют единую плоскость стенки открытого сосуда.

Крупная голова рогатого животного на прогнутой шее средней длины. Скорее всего, это тоже часть крупной миски с головой муфлона (рис. 3: 1). На последнее указывает форма рогов, их треугольное сечение и низкая пристановка. Ширина головы у оснований рогов – 3,5 см, сохранившаяся длина головы – 4 см. Сохранившийся размах рогов – 5 см.

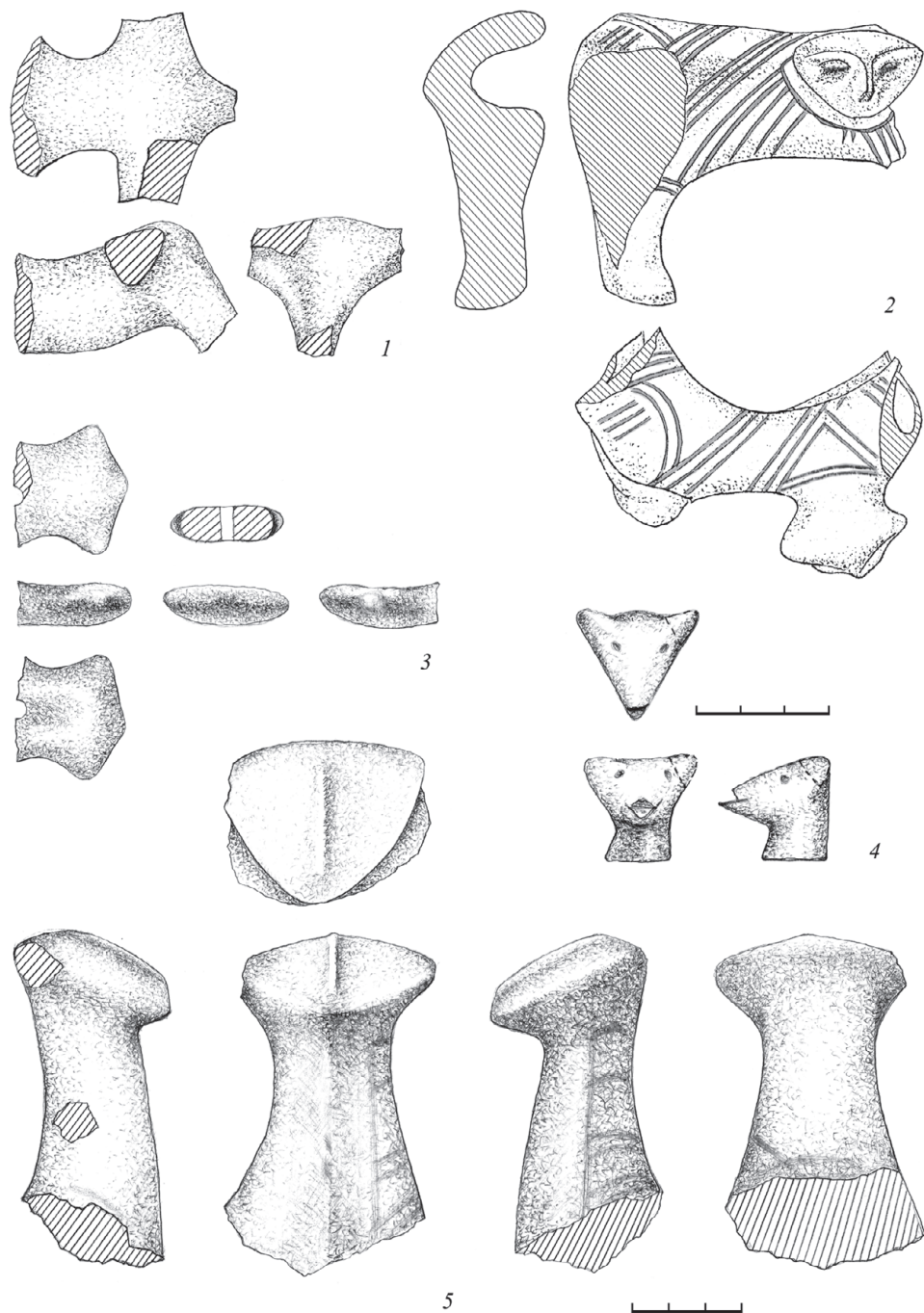

Рис. 3. Тель Юнаците. Антропоморфные и зооморфные головки на сосудах разных типов

1 – зооморфная голова со стенки миски или чаши (?); 2 – полая подставка с антропоморфной головой; 3 – обобщенно-антропоморфная ручка; 4 – зооморфное навершие крышки (?); 5 – антропоморфная голова с сосуда неясной формы (сохр.)

1, 3–5 – рисунки С. Джуканова; 2 – рисунок С. Гаговой

Обе головы, возможно, принадлежавшие зооморфным мискам/чашам, очень крупные, с большим размахом низко приставленных рогов.

Полая подставка для сосуда (?), изнутри по периметру вогнута; на 3 или 4 ножках (уцелела 1). Толщина подставки – 3,5 см. Антропоморфная подтреугольно-овальная широкая голова на короткой шее, находится (предположительно) посередине между ножками, отстоит горизонтально и заметно короче высоты стенки поддона (рис. 3: 2). Нос – зашип, глаза выпуклые. Подставка могла иметь как одну, так и несколько голов, соотносимых с числом ножек. На сохранившемся фрагменте она покрыта графитной орнаментацией. Над головой в верхнем углу изображен равнобедренный треугольник из линий внахлест. Основание треугольника – округлая линия, ниже окружающая шею. Слева и справа симметрично расположены тройные полосы, параллельные сторонам треугольника. Они оканчиваются внизу поддона и/или заходят на ногу. Под головой к закругленной овальной полосе, окружающей шею, снизу присоединены полосы: разнонаправленные в центре под серединой лица, а по краям они параллельны ближайшим косым тройным полосам, справа направленным в одну сторону, а слева – в другую.

Голова от предположительно сосуда или алтарика. Форма сосуда неясна. Он мог быть как открытой формы (близок мискам и чашам), так и закрытой. Голова на очень длинной, почти вертикальной чуть прогнутой шее, с легким продольным узким выступом спереди (рис. 3: 5). Голова широкая с приподнятым лицом, без рогов и ушей. Нос изображен в виде длинного низкого зашипа, находящегося на одной оси с выступом на шее. Сверху он создает подобие выступа на темени. Сохранившаяся ширина головы – 5,2 см; по оси симметрии общая ширина равнялась 5,4 см. Длина головы – 4,4 см. Сохранившаяся длина шеи – 6,5 см. Ширина шеи в месте прогиба – 3,4 см, толщина – 2,7 см. Сечение шеи – овал с небольшой нервюрой спереди. На левой половине шеи сохранился графитный орнамент: длинная узкая вертикальная линия (вдоль шеи сбоку) пересекается парами горизонтальных поперечных полосок.

Ручки в форме обобщенных голов. Отметим горизонтальную плоскую ручку, сломавшуюся по отверстию в средней части (рис. 3: 3). Диаметр отверстия – 4–5 мм. Судя по обломам, ручка крепилась к верхней части открытого сосуда – маленькой чашки или глубокой ложки. Сам сосудик, таким образом, воспринимался как тулово, а ручка представляла собой уплощенную голову на короткой шее со слегка задранным вверх носом и разведенными в стороны ушами (скругленными уголками головы). Ширина головы-ручки – 3,5 см, толщина – 1–1,1 см. Ширина шеи – 2,5 см. Сечение шеи в месте слома – овал с горизонтальным верхом и низом.

Еще одна голова-ручка принадлежит ложке в форме ковшика, расположена на краю, приподнята. Имеет раздвоенный конец, похожий на рожки.

Повсюду, на разных памятниках неолита и халколита, где зафиксированы и опубликованы налепные головки на керамике, их немного. Примечательно, что даже в масштабной сводке С. Хансена они единичны – всего лишь головы с двух алтариков разной формы (Hansen, 2007. Teil II. Taf. 127; 213). Все это более или менее соизмеримо с количеством рассмотренного материала из верхнего горизонта телля Юнаците.

В таком случае этот памятник, один из первых в европейской доистории, на одном из горизонтов которого удаётся проверить встречаемость сосудов с налёпными головками. Причем керамики там было много. Поэтому мы вправе констатировать, что для поселения с очень крупными массивами керамики на всех горизонтах (и еще более крупными ее объемами в слое) налёпных головок крайне мало, как для их символического понимания, так и для функционального. В данной коллекции они – тоже очевидные исключения. Этому обстоятельству надо искать объяснение.

Любопытно, что в наборах посуды, собранных в сгоревших постройках Юнаците, таких сосудов не оказалось. Не было их и на дневной поверхности соответствующего горизонта. То есть в момент гибели поселка, просуществовавшего какое-то количество лет (скорее, несколько десятилетий) их уже не использовали. Малочисленность и, более всего, мелкая фрагментарность могут указывать на привязку обломков сосудов с подобной маркировкой к более раннему периоду, возможно, к началу обитания на новом месте. В таком случае перед нами могли быть фрагменты первых сосудов, вылепленных на Юнаците, которые, следуя традиции, специально украсили антропоморфными и зооморфными головками. Те и другие, должно быть, придали сосудам необходимую сакрализованную символику, а по сути, оживили этот первый комплект посуды. Такая трактовка скромной коллекции черепков с налёпными головками из Юнаците не противоречит наблюдаемой редкости фрагментов керамики с похожей символикой на разных европейских поселениях рассматриваемой эпохи. Правда, предложенный тезис требует дальнейших наблюдений и уточнений на материалах других памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Илчева В.*, 1992. Глинена идолна пластика от праисторическото селище Хотница-Водопада // Известия на Исторически музей Велико Търново. VII. С. 127–133.
- Николов Б.*, 1970. Идолната пластика от с. Градешница // Археология. 12/4. С. 56–68.
- Николов В.*, 2006. Култура и изкуство на праисторическа Тракия. Пловдив: Летера. 168 с.
- Тодорова Х.*, 1980. Классификация и числовой код пластики неолита, энеолита и ранней бронзової эпохи Болгарии // *Studia praehistorica*. 3. С. 43–58.
- Тодорова Х.*, 1986. Каменномедната епоха в България. София: Наука и изкуство. 280 с.
- Шукерова А.*, 1987. Култова пластика от праисторическото селище при село Пчеларово, Кърджалиски окръг // Известия на музеите от южна България. 13. С. 61–70.
- Gimbutas M.*, 1996. *The Civilization of the Goddess: The World of Old Europe*. San Francisco: Harper Collins. 529 p.
- Hansen S.*, 2007. *Bilder vom Menschen der Steinzeit. Untersuchungen zur anthropomorphen Plastik der Jungsteinzeit und Kupferzeit in Südosteuropa. Teil II: Tafeln*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 532 S.

Сведения об авторе

Балабина Вера Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: balabina@mail.ru

V. I. Balabina

APPLIED RELIEVES IN THE FORM OF HEADS ON THE CERAMICS
FROM THE UPPER CHALCOLITHIC HORIZON OF TELL YUNATSITE

Abstract. Applied relieves in the form of heads on the ceramics were quite common in the Neolithic and the Chalcolithic of central and southern Europe; however, judging by publications, they are few in number. The upper horizon dating to this age at Tell Yunatsite is no exception. It has yielded a little bit more than 20 fragments including applied relieves in the form of heads on the walls of closed vessels (Fig. 1), lid knobs (Fig. 2: 1–4; 3: 4), heads along the rim of open vessels (Fig. 2: 5; 3: 1), a head on the wall of a hollow stand (Fig. 3: 2), a head from a vessel of unclear form (Fig. 3: 5), flat handles shaped as roughly sketched heads (Fig. 3: 3). The number of this type of heads discovered at other sites is basically comparable to the number of such items found in the upper Chalcolithic horizon at Tell Yunatsite. Given that it is a settlement with very large assemblages of ceramics in all horizons and in the layer, the number of the applied heads found is very small to allow for understanding of their symbolism and functional use. No vessels with applied relieves in the form of heads were found at the structures of Yunatsite which were burned down. It means that when the settlement occupied for several decades was destroyed they were not in use any more. A scarce number of such heads that are present in very small fragments, probably, suggest that they date to an earlier period, maybe, the start-up of the tell occupation. These could be fragments of first vessels which were hand-made at Yunatsite and, following the tradition, were intentionally decorated with anthropomorphic and zoomorphic heads.

Keywords: The Balkans, Tell Yunatsite, Chalcolithic, applied heads, handle-head, head-mask, «coffee-bean» eye, domed lead, graphite ornament, «finger-print» ornament.

REFERENCES

- Ilicheva V., 1992. Glinena idolna plastika ot praistoricheskoto selishche Khotnitsa-Vodopada [Clay sculpture from prehistoric settlement Khotnitsa-Vodopada]. *Izvestiya na Istoricheski muzey Veliko T'rnovo [Bulletin of Veliko T'rnovo Historical museum]*, VII, pp. 127–133.
- Nikolov B., 1970. Idolnata plastika ot s. Gradeshnitsa [Idol sculpture from settlement Gradeshnitsa]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 12/4, pp. 56–68.
- Nikolov V., 2006. Kultura i izkustvo na praistoricheska Trakiya [Culture and arts of prehistoric Thrace]. Plovdiv: Letera. 168 p.
- Shukerova A., 1987. Kultova plastika ot praistoricheskoto selishche pri selo Pchelarovo, K'rdzhaliyski okr'g [Cultic sculpture from prehistoric settlement near village Pchelarovo, Kyrdzhali district]. *Izvestiya na muzeite ot yuzhna B'lgariya [Bulletin of South Bulgaria museums]*, 13, pp. 61–70.
- Todorova H., 1980. Klassifikatsiya i chislovoy kod plastiki neolita, eneolita i ranney bronzovoy epokhi Bolgarii [Classification and digital code of sculpture of Bulgaria Neolithic, Eneolithic and Early Bronze Age]. *Studia praehistorica*, 3, pp. 43–58.
- Todorova H., 1986. Kamennomednata epokha v B'lgariya [Eneolithic epoch in Bulgaria]. Sofia: Nauka i izkustvo. 280 p.

About the author

Balabina Vera I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: balabina@mail.ru

В. И. Мельник

К ПРОБЛЕМЕ РАННИХ ФАЗ ФОРМИРОВАНИЯ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР

Резюме. Накопление археологического материала и увеличение количества исследований со временем приводит к необходимости сделать некоторые общие заключения. Проблема утверждения и раннего распространения катакомбного культурного феномена эпохи средней бронзы требует такого освещения. Выделение форм катакомбных погребальных конструкций, их стратиграфическая последовательность и соотношение с пиками климатических изменений дает основания выделить фазы, которые составляют ранний этап становления и распространения катакомбного образования на просторах Азово-Кубанской равнины и юго-западной части Нижнего Подонья.

Ключевые слова: раннекатакомбное культурное образование эпохи средней бронзы, формы катакомбных сооружений, климатические изменения, фазы утверждения и распространения культурных явлений, Азово-Кубанская равнина, Нижнее Подонье.

В изучении отдельных катакомбных культур проделана большая работа, и в связи с этим возникает необходимость подведения некоторых итогов по различным аспектам. Одним из таких аспектов является выяснение обстоятельств и факторов формирования различных культурных образований этого массива в их взаимосвязи, в результате чего может быть воссоздана общая картина становления и утверждения этого культурного феномена.

Катакомбная культура с самого начала появления обобщающих работ, посвященных ее характеристике, предстала весьма неоднородным культурным образованием. Особую проблему составляет период ее становления. Начало этому было положено выделением т. н. преддонецких катакомбных погребений. В классификации древностей Нижнего Подонья В. Я. Кияшко выделил две группы погребений в катакомбах (XI и XII), которые предшествовали додонецким катакомбным памятникам, описанным в диссертации С. Н. Братченко (*Кияшко*, 1974. С. 17). С. Н. Братченко, признавая такую раннюю позицию

некоторых погребений, тем не менее считал их ранними донецкими (*Братченко*, 1976. С. 142). Н. А. Николаева и В. А. Сафронов раннекатакомбную культуру преддонецкого горизонта Дона, Донца, Нижнего Поднепровья и Прикубанья предложили назвать приазовской (*Николаева, Сафронов*, 1981. С. 14). В общем виде эти вопросы освещались в работах В. А. Трифонова (*Трифонов*, 1983; 1991) и А. Н. Гея (*Гей*, 2000; 2009; 2011). Для Прикубанья оба автора отмечали сильную связь катакомбных памятников с предшествующей культурой. В качестве такой основы В. А. Трифонов видел так называемую предкатакомбную культурную группу. А. Н. Гей такие памятники включал в новотиторовскую культуру. Нижнедонские раннекатакомбные погребения анализировались А. В. Кияшко в единстве с позднейшими, поскольку подчеркивалась их тесная связь (*Кияшко*, 1999). «Дольменная» версия появления катакомб конкретизировалась В. Я. Стеганцевой (*Стеганцева*, 2010). Все эти исследования указывают на сложность процессов формирования катакомбного культурного феномена на огромной территории, где по мере распространения в разных ее областях утверждались своеобразные культурные приоритеты, а наиболее ранние формы зафиксированы на Донетчине, в Нижнем Подонье и на Азово-Кубанской равнине.

В катакомбной общности можно видеть не только устоявшееся явление, но и отражение процессов становления и трансформации разных частей этого культурного пространства. В связи с этим можно выделить некие пространственно-временные вехи этого движения (*Мельник*, 2018а). Эти вехи означают перемены в развитии культур. Некоторым циклам фаз (этапам), связанных с теми или иными переменами, предшествовали, по нашему мнению, климатические изменения, а фазы отражают уже последствия изменившейся ситуации и логику культурной адаптации (*Мельник*, 2004; 2009; 2015). Климатические изменения были разной интенсивности и имели различное воздействие на население степей, при этом возможны и иные факторы, в конечном итоге приводящие к культурной трансформации. В связи с этим следует отметить, что климатические перемены могли влиять на перемены культурные лишь в опосредованном виде (*Мельник*, 2013б; 2014а; 2014в; 2016а). Последующие же звенья культурного развития могли определяться другими обстоятельствами, и поэтому границы археологических этапов могут и совпадать, и не совпадать с фазами климатическими.

Прежде чем говорить о формах и фазах распространения этого нового культурного явления, следует, хотя бы в общем виде, представить размещение культур предшествующего времени на территориях, связываемых с его становлением. Северная зона этого пространства, включая Донетчину и Нижнее Подонье, была занята ямными культурными группами. В южной части, представленной степным Прикубаньем, размещалась новотиторовская культура, к которой с юго-востока примыкала северокавказская культура, а с северо-востока все та же культура ямная. К тому же следует отметить, что комплексы как северокавказской, так и ямной культур частично присутствовали на территории, занимаемой новотиторовской культурой. Кроме того, в Нижнем Подонье фиксируется небольшое количество относительно близких новотиторовским погребений (т. н. койсугского облика), хронологическая позиция которых недостаточно ясна (см.: *Гей*, 2000). Таким образом, именно все эти культуры и локальные группы стали источником компонентов нового культурного феномена. Тем не менее последующее

культурное развитие показало, что наиболее активная линия катакомбных черт, получившая широкое распространение, связана с новотиторовской культурой. Именно «новотиторовская поза» – слабоскорченная позиция на правом боку со слегка согнутыми руками вдоль туловища – стала знаковой для большого массива раннекатакомбных погребений.

Начало культурного перелома, озаменованного становлением катакомбной атрибутики, наступает после резких климатических изменений в первой четверти III тыс. до н. э. Появление погребений в катакомбах было, видимо, первым звеном в цепочке последующих новаций. Не останавливаясь на вопросе происхождения катакомбного сооружения как такового, рассмотрим эту ситуацию применительно к территориям Азово-Кубанской равнины и части Нижнего Подонья. Интересующая нас часть Нижнего Подонья за пределами Азово-Кубанской равнины – это Нижний Дон от устья до Цимлянского водохранилища, его Правобережье и Левобережье. Данное пространство обладает большой степенью единства. Во-первых, преобладающей здесь является именно Азово-Кубанская равнина, которая включает и южные районы собственно Нижнего Подонья. Во-вторых, обозначенная часть Нижнего Подонья по степным ландшафтам выделяется среди других районов и сближается с Азово-Кубанской равниной. При этом следует иметь в виду, что раннекатакомбные памятники сосредотачивались в долинах рек (рис. 1).

Раннекатакомбные памятники представлены почти исключительно погребениями в курганах. Для рассмотрения использованы погребальные объекты Прикубанья и Нижнего Дона с наиболее сохранившимися катакомбами (более 150 погребений). Основное внимание при этом уделяется погребальным конструкциям и позам погребенных.

Погребальное сооружение в виде катакомбы является довольно распространенным видом могильных конструкций. Особенностью данной подземной конструкции является то, что вход в отсек для погребенного осуществляется по горизонтали (в отличие, скажем, от шахтных сооружений, где вход осуществляется по вертикали), и этот отсек представляет собой камеру, сделанную в естественной среде. Форма подхода к камере (дромос, шахта) может зависеть от глубины ее расположения.

Конструкция погребального сооружения в виде катакомбы – это новация, получившая наиболее широкое распространение в восточноевропейской степи в эпоху средней бронзы. Она представлена двумя основными видами катакомб: Т- и Н-образными, а также множеством промежуточных вариантов. Кроме того, иногда выделяют в особый вид катакомбы с широким входом в камеру, называя их погребениями с подбоями (чаще всего они Н-образные).

Раннекатакомбные погребальные комплексы в Прикубанье ныне связывают преимущественно с восточноприазовской культурой. Для Нижнего Подонья этот вопрос является открытым, и соответствующие памятники этой территории по-прежнему относятся к предднепровскому горизонту приазовской раннекатакомбной культуры. Своеобразие названных памятников зиждется на форме могильного сооружения в сочетании с позой. Керамика здесь присутствует в редких случаях. Что касается других категорий инвентаря, то они малоинформативны, особенно в плане культурной идентификации.

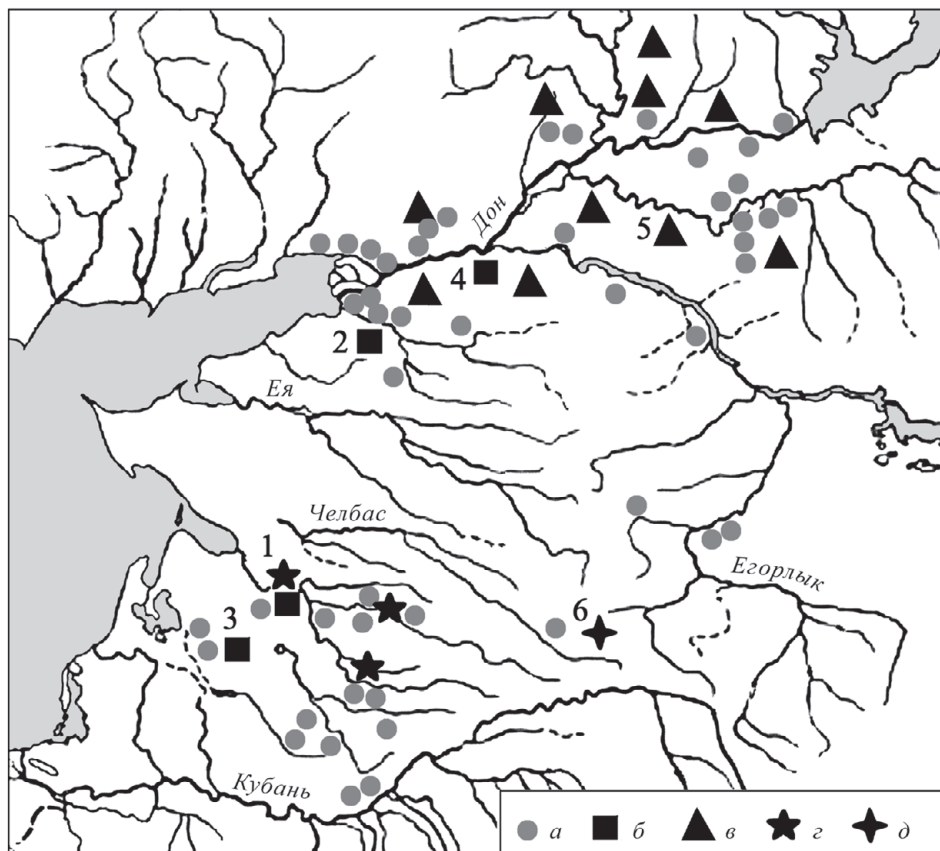

Рис. 1. Погребения в катакомбах раннего периода среднего бронзового века Азово-Кубанской равнины и Нижнего Подонья

a – раннекатакомбные памятники Азово-Кубанской равнины и Нижнего Подонья; *b* – раннекатакомбные памятники с основными формами погребальных сооружений; *v* – ямно-катакомбные памятники Нижнего Подонья; *z* – ранние северокавказско-катакомбные памятники; *d* – ямно-катакомбные памятники Прикубанья

1 – Брюховецкая; 2 – Спичаковка; 3 – Малаи; 4 – Арпачин; 5 – Кировский; 6 – Степная

Основная форма могильного сооружения в рассматриваемом культурном образовании представлена катакомбой так называемого Т-образного вида. Эта форма сочетается с позой погребенных: слабоскорченных на правом боку с протянутыми к ногам руками.

Для раннего этапа катакомбной атрибутики в Прикубанье возможно выделение 5 основных форм погребальных сооружений, зафиксированных нами при выделении обрядовых групп и при выяснении изменений в погребальной практике этого времени (Мельник, 2013а; 2016в; 2017). Практически те же формы, но наряду с другими, распространены и на Нижнем Дону. Обозначим их сокращенно РК (раннекатакомбные).

Форма РК 1. Наиболее ранние катакомбные памятники соотносятся с группой погребальных комплексов, имеющих трапециевидную или прямоугольную шахту-вход в катакомбу, трапециевидную (косоугольную) камеру с выделенными углами и плоским потолком (рис. 2: 1).

Форма РК 2. Шахта-вход трапециевидная или прямоугольная, камера прямоугольная (рис. 2: 2).

Форма РК 3. Шахта-вход трапециевидная или прямоугольная, камера подпрямоугольная (рис. 2: 3).

Форма РК 4. Шахта-вход трапециевидная или прямоугольная, камера неправильно-овальная (рис. 2: 4).

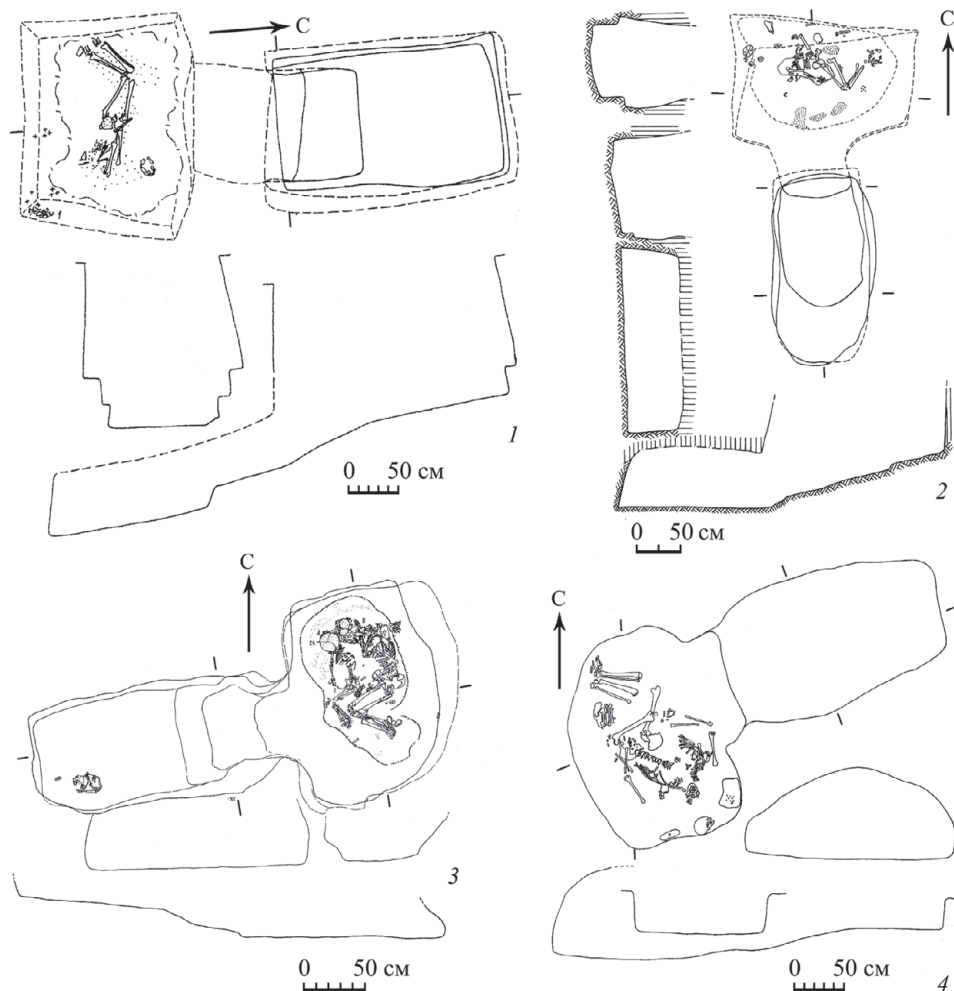
Форма РК 5. Шахта-вход трапециевидная или прямоугольная, камера овальная (рис. 3: 1).

Почти те же формы фиксировались В. Я. Стеганцевой для Нижнего Подонья (Стеганцева, 2013).

Стратиграфическая колонка выстраивается от ранних форм (РК1) к более поздним (РК 2; РК 3; РК 4 и 5). В степном Прикубанье, например, погр. 10 кургана 8 Брюховецкой II (РК 3) нарушило шахту погр. 8 с подтрапециевидной камерой (РК 1). При основном погр. 9 кургана 9 Батуринской I (РК 2) впускными были погребения 6 (РК 3) и 11 (РК 3), а при основном погр. 7 кургана 2 Приазовской I (РК 3) впускным было погр. 8 (РК 4) (Бочкарев, 1979; 1981; 1983). В Нижнем Подонье эту шкалу демонстрирует курган 2 Бушуйки: при основном погр. 13 изначальной насыпи (РК 1) основным для второй насыпи было погр. 6 (РК 2), а впускными – погребения 7 (РК 3) и 3 (РК 4) (Беспалый, 1985).

Сравнительный анализ раннекатакомбных погребений Нижнего Подонья и Прикубанья обнаруживает их большую близость (Мельник, 2016г). Объединение этих групп памятников, однако требует специального анализа. Пространственно-временная динамика представляет более сложную картину. Перечисленные формы варьируют во времени, соблюдая преемственность (Мельник, 2017; 2018в). Кроме этого, существуют другие группы памятников, отражающие культурные контакты с носителями названных форм (Мельник, 2014б; 2016б).

Особое место в раннекатакомбных памятниках занимают ямно-катакомбные погребения, где отмечается большое разнообразие форм катакомбных конструкций. Данный вид погребений Нижнего Дона демонстрирует формы катакомб, которые существенно отличаются как от раннекатакомбных прикубанских, так и от ряда раннекатакомбных нижнедонских. Если раннекатакомбные погребальные сооружения имеют преимущественно Т-образную форму, то в нижнедонских ямно-катакомбных погребениях весьма распространена Н-образная конструкция и ее модификации. Часть этих погребений обозначается как сооружение с подбоем. В классификации А. В. Кияшко такого рода захоронения по большей части составляют группу III с подразделением в зависимости от варианта позы и ориентировки погребенных (Кияшко, 1999). Ямно-катакомбные погребения, так же как и раннекатакомбные, были распространены в Нижнем Подонье, но отсутствуют на основной территории Прикубанья, т. е. там, где превалировала другая культурная основа, связанная с новотитаровской культурой (рис. 3: 2, 3), и фиксируются лишь на ее восточной периферии. Здесь

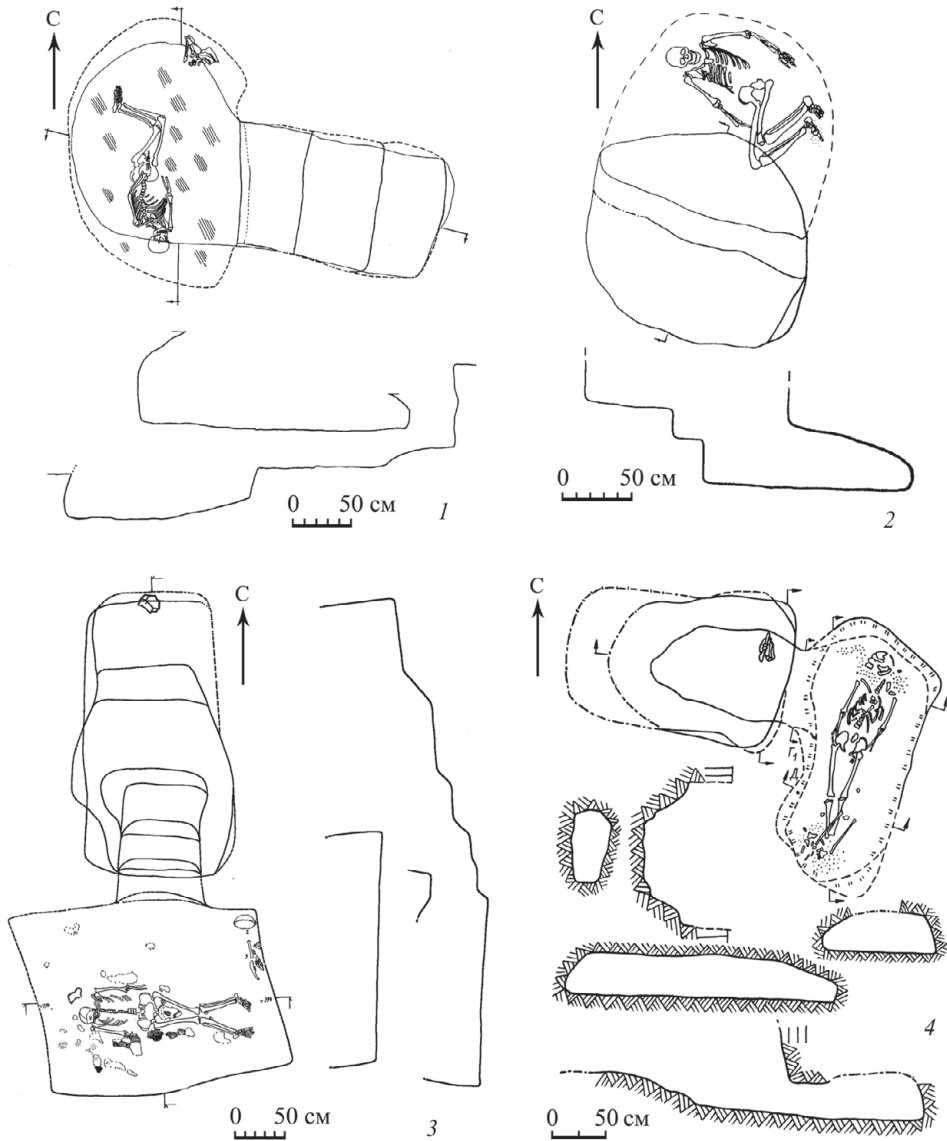

**Рис. 2. Раннекатакомбные погребения
Азово-Кубанской равнины и Нижнего Подонья**

1 – Спичаковка 1/25 (Труды..., 2000); 2 – Брюховецкая I-1/13 (Бочкарев и др., 1991); 3 – Малаи I-9/18 (Гей, 2000); 4 – Арпачин I-32/5 (Каменецкий и др., 1975)

данные погребения имеют совершенно другой вид (Степная 3/4, Степная 4/7) и соответствуют наиболее ранним формам прикубанских раннекатакомбных погребений (Мельник, 2014б; 2016б; 2018б).

В сферу катакомбной трансформации была вовлечена и северокавказская культура, как в степном Прикубанье (рис. 3: 4), где она представлена небольшим количеством памятников (Брюховецкая I-1/10, Батуриная I- 9/7, Батуриная II-3/9, Пролетарская I-1/11), так и к востоку от него, на ее основной территории (Клещенко, 2013).

**Рис. 3. Раннекатакомбные, ямно-катакомбные
и ранние северкавказско-катакомбные погребения
Азово-Кубанской равнины и Нижнего Подонья**

1 – Арпачин II-6/2 (Каменецкий и др., 1975); 2 – Кировский IV-2/9 (Илюков, 1981);
3 – Степная 3/4 (Мельник, 2018б); 4 – Брюховецкая I-1/10 (Бочкарев и др., 1991)

Таким образом, на основании типологии памятников и их ареалов, а также учитывая фактор климатических изменений, можно сделать некоторые выводы.

Изменения климата в конце перв. четв. III тыс. до н. э. (в калиброванных датах), носившие широкомасштабный характер и связанные с резкой его аридизацией, осложнили жизнь населения земледельческих культур и привели в движение население скотоводческое. Этим же временем определяется перелом в облик степных культур, в том числе в рассматриваемом регионе. Хронологически появление катакомб в восточноевропейско-предкавказских степях можно определять XXVIII–XXVII вв. до н. э. Сразу следует отметить, видимо, изначальное сосуществование различных видов катакомб, но есть определенная тенденция превалирования тех или иных форм на разных этапах их распространения.

Для самой ранней фазы характерны Т-образные катакомбы с выделенными углами камер и плоскими потолками (РК 1 и РК 2). Исходя из данных стратиграфии, они представляются наиболее ранними и могут относиться к самой ранней фазе, связанной со становлением катакомбной атрибутики. В. Я. Стеганцева считает, что прототипами таких форм катакомб были дольменообразные гробницы, и в Восточном Приазовье эти катакомбы распространялись с юга на север (*Стеганцева, 2010*).

В следующей фазе, в результате перемещения носителей такого стереотипа погребальной практики, он распространяется и на Нижний Дон. Видимо, близки им по времени и катакомбы с прямоугольной камерой и сводчатым потолком (РК 3). Таким образом, эти формы погребальных сооружений получили широкое распространение, и в эту практику включались новые группы населения, которые уже не всегда выдерживали привнесенные каноны.

В новой фазе преобладают катакомбы с камерами, приближающимися к овалу и со сводчатыми потолками (РК4 и РК5). Их датировка может соответствовать XXVII–XXVI вв. до н. э. И эта, и предшествующая формы распространяются на уже значительно большей территории, продвигаясь в Северное Приазовье.

Данные фазы составляют ранний этап распространения катакомб в рамках собственно катакомбного культурного образования (*Братченко, 2001*), где погребенные в этих сооружениях находились, как правило, в слабоскорченной позе на правом боку. Вместе с тем, по северной и восточной периферии названной территории фиксируются т. н. ямно-катакомбные погребения этого же времени, основная масса которых представлена катакомбами разных форм, где погребенные находились в скорченной позе на спине. В рамках этого же времени на территории Прикубанья известно несколько погребений, совершенные в катакомбах, в том числе с плоскими потолками, где погребенные были положены в вытянутой позе на спине, что связывается с северокавказской традицией. Общая датировка раннекатакомбных памятников с северокавказской традицией укладывается в пределы XXVIII–XXV вв. до н. э. (*Корневский и др., 2007. С. 106, 107*).

Таким образом, первоначальная территория распространения катакомб охватывает районы Азово-Кубанской равнины и Нижнего Дона. В это же время катакомбный способ погребения, в значительной мере связанный с северокавказской традицией, утверждается на Ставропольской возвышенности и в Калмыкии. В последующем раннекатакомбная атрибутика распространяется на Донетчине, в Северном Приазовье и в Крыму (*Мельник, 2016г*). Наиболее ранние формы

катакомб здесь либо уже сильно трансформированы, либо вообще отсутствуют. После завершения описанных процессов начинается период формирования новых культурных групп.

Следует остановиться на характере происходящих перемен и попытаться его как-то объяснить. Широкое распространение катакомбной атрибутики обеспечивалось благоприятным для передвижения степным ландшафтом и наличием транспортных средств (Мельник, 2019). При различии культурных форм технический уровень, образ жизни и мировоззренческие представления населения степей были, несомненно, близкими, что облегчало непосредственный контакт и сложение синкретических форм культуры. В результате, очевидно, что трансляция новых компонентов носила как внутрикультурный, так и межкультурный характер. Были прямые заимствования и собственная переработка традиций и тех и других групп населения. Новая форма погребального сооружения (катакомба) – все-таки результат изменившихся условий, и распространению ее способствовали уже приверженцы новой обрядности. Однако активное распространение и превалирование катакомбной атрибутики должно было означать некие, стоящие за этим, преимущества, которые, как представляется, в рассматриваемую эпоху обеспечивал металл. В степь металл шел с Северного Кавказа, и траектория его движения стимулировалась, прежде всего, носителями катакомбной атрибутики. В то же время, чем дальше проникали неолиты, тем в большей мере на них самих оказывала влияние местная среда. Подвижный образ жизни населения степей способствовал быстрому распространению новаций на огромные расстояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Беспалый Е. И., 1985. Отчет о работах Приморского отряда археологической экспедиции Азовского краеведческого музея в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10859.
- Бочкарев В. С., 1979. Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 год в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА. Р-1. № 7581.
- Бочкарев В. С., 1981. Отчет Брюховецкого отряда Кубанской экспедиции за 1981 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 8846.
- Бочкарев В. С., 1983. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края за 1981 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 9594.
- Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А., 1991. Раскопки у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука. С. 3–56.
- Братченко С. Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология). Киев: Наукова думка. 252 с.
- Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. 196 с.
- Гей А. Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 224 с.
- Гей А. Н., 2009. Катакомбная культура // БРЭ. Т. 13. М.: БРЭ. С. 307–308.
- Гей А. Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 225. С. 3–10.
- Илюков Л. С., 1981. Отчет Мартыновского отряда Ростовской экспедиции в 1981 году // ИА РАН. Р-1. № 8867.
- Каменецкий И. С., Смирнов Ю. А., Узянов А. А., 1975. Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 г. // ИА РАН. Р-1. № 6032.
- Кияшко А. В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. 182 с.

- Кияшко В. Я., 1974. Эпоха энеолита и ранней бронзы на Нижнем Дону: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 20 с.
- Клещенко А. А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. С. 171–190.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А., 2007. Большой Ипатовский курган. М.: Наука. 229 с.
- Мельник В. И., 2004. Развитие культуры и климатические экстремумы на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: тез. докл. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т. С. 120–122.
- Мельник В. И., 2009. Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 223. С. 19–31.
- Мельник В. И., 2013а. Обрядовая группировка катакомбных комплексов Восточного Приазовья // Шестая международная Кубанская археологическая конференция: материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 282–283.
- Мельник В. И., 2013б. Ранние цивилизации и фазы развития культур эпохи бронзы степей Восточной Европы // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия: тез. докл. круглого стола, посвящ. памяти Н. Я. Мерперта / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 25–26.
- Мельник В. И., 2014а. Взлеты и падения культур в степях Восточной Европы и южных сопредельных регионах в III–II тыс. до н. э. // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам): всерос. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 52–53.
- Мельник В. И., 2014б. Межкультурные контакты эпохи средней бронзы в восточных районах степного правобережья Кубани // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдииков. Казань: Отечество. С. 469–471.
- Мельник В. И., 2014в. Реконструкции природно-климатической ситуации и оценка культурно-исторических изменений в степях Восточной Европы бронзового века // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти проф. В. А. Дёмкина / Ред.: С. В. Губин, А. В. Борисов, С. Н. Удальцов. Пушкино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН. С. 141–144.
- Мельник В. И., 2015. Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–I тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 239. С. 61–71.
- Мельник В. И., 2016а. Изменения климата в суббореальный период голоцена как фактор изменения культур этого времени в степях Восточной Европы // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене» / Отв. ред. С. Н. Удальцов. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 145–146.
- Мельник В. И., 2016б. Культурный синкретизм в погребальной практике эпохи средней бронзы степного Прикубанья // КСИА. Вып. 245. С. 120–131.
- Мельник В. И., 2016в. Особенности наиболее ранних катакомбных погребений степного Прикубанья // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред.: М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 43–44.
- Мельник В. И., 2016г. Пространственно-временные аспекты распространения катакомб в степях Восточной Европы в бронзовом веке // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом (V–II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко: материалы / Отв. ред. В. А. Алёшкин. СПб.: ИИМК РАН, С. 91–94.
- Мельник В. И., 2017. Тенденции изменений в раннекатакомбной погребальной практике Восточного Приазовья // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 112–123.
- Мельник В. И., 2018а. К проблеме формирования катакомбных культур // Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона: новые данные и материалы: тез. докл. круглого стола / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 55–56.
- Мельник В. И., 2018б. Погребения эпохи бронзы курганной группы Степной // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.: ИА РАН. С. 294–327.

- Мельник В. И., 2018в. Традиции и новации в элементах погребальной практики населения Восточного Приазовья эпохи средней бронзы // КСИА. Вып. 253. С. 96–109.
- Мельник В. И., 2019. Проблема характера миграционных процессов и трансформация культур в предкавказских и восточноевропейских степях эпохи среднего бронзового века // VIII Алексеевские чтения: материалы конф. М.: НИИ и Музей антропологии МГУ. С. 77–78.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А., 1981. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные памятники Северного Кавказа / Отв. ред. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 4–26.
- Стеганцева В. Я., 2010. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. № 5. С. 125–138.
- Стеганцева В. Я., 2013. Ранние катакомбные погребения эпохи средней бронзы южнорусских степей: доклад, прочитанный 7 февраля 2013 г. на заседании круглого стола «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия», посвящ. памяти Н. Я. Мерперта, состоявшегося в Институте археологии РАН (Москва).
- Трифонов В. А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и историческая характеристика): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 26 с.
- Трифонов В. А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 92–166.
- Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 5 / Подгот. текста, компьютер. набор и макетир. И. Н. Парусимова. Азов, 2000. 44 с.

Сведения об авторе

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: melvaler@yandex.ru

V. I. Melnik

THE EARLY DEVELOPMENT PHASES
OF CATACOMB CULTURES REVISITED

Abstract. As time passes, accumulation of archaeological material and the increased number of studies necessitate some general conclusions. The emergence and the early spread of the Catacomb cultural phenomenon of the Middle Bronze Age call for such analysis. The identified forms of Catacomb burial constructions, their stratigraphic sequence and correlation with peaks of climatic changes provide grounds for singling out phases that constitute the early development stages of the Catacomb culture and its spread across vast areas of the Azov-Kuban Plain and the southwestern part of the Lower Don region.

Keywords: Early Catacomb culture, Middle Bronze Age, forms of catacomb constructions, climatic changes, phases of culture phenomenon development and spread, Azov-Kuban Plain, Lower Don region.

REFERENCES

- Bespalyy E. I., 1985. Otchet o rabotakh Primorskogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Azovskogo krajevedcheskogo muzeya v 1985 godu [Report on works of Primorskiy group of Azov museum of local lorearchaeological expedition in 1985]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Bochkarev V. S., 1979. Otchet o rabote Baturinskogo otryada Kubanskoj ekspeditsii za 1979 god v Bryukhovetskom rayone Krasnodarskogo kraja [Report on work of Baturin group of Kuban expedition for 1979 in Bryukhovetskiy district, Krasnodar region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkarev V. S., 1981. Otchet Bryukhovetskogo otryada Kubanskoj ekspeditsii za 1981 god [Report of Bryukhovetskiy group of Kuban expedition for 1981]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkarev V. S., 1983. Otchet o rabote Kubanskoj ekspeditsii v Primorsko-Akhtarskom rayone Krasnodarskogo kraja za 1981 god [Report on work of Kuban expedition in Primorsko-Akhtarskiy district, Krasnodar region for 1981]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkarev V. S., Bestuzhev G. N., Bianki A. M., Trifonov V. A., 1991. Raskopki u stanitsy Bryukhovetskoy Krasnodarskogo kraja v 1978 g. [Excavations near Cossack village Bryukhovetskaya, Krasnodar region in 1978]. *Drevniye kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban region]*. Leningrad: Nauka, pp. 3–56.
- Bratchenko S. N., 1976. Nizhneye Podon'ye v epokhu sredney bronzy (periodizatsiya i khronologiya) [Lower Don region in Middle Bronze Age (periodization and chronology)]. Kiev: Naukova dumka. 252 p.
- Bratchenko S. N., 2001. Donets'ka katakombna kul'tura rann'ogo etapu [Donets catacomb culture, early stage]. Lugans'k: Shlyakh. 196 p.
- Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.
- Gey A. N., 2009. Katakombnaya kul'tura [Catacomb culture]. *BRE*, 13, pp. 307–308.
- Gey A. N., 2011. Spornyye voprosy i perspektivy izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [Catacomb cultural and historical unity: problems, discussions, and prospects of investigation]. *KSIA*, 225, pp. 3–10.
- Il'yukov L. S., 1981. Otchet Martynovskogo otryada Rostovskoy ekspeditsii v 1981 godu [Report of Martynovskiy group of Rostov expedition, 1981]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kamenetskiy I. S., Smirnov Yu. A., Uzyanov A. A., 1975. Otchet Donskoy ekspeditsii IA AN SSSR za 1975 g. [Report of Don expedition of IA AS USSR for 1975]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kiyashko A. V., 1999. Proiskhozhdeniye katakombnoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [Origin of catacomb culture of Lower Don region]. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 182 p.
- Kiyashko V. Ya., 1974. Epokha eneolita i ranney bronzy na Nizhnem Donu: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Epoch of Eneolithic and Early Bronze Age on Lower Don: PhD Thesis. Abstract]. Moscow. 20 p.
- Kleshchenko A. A., 2013. Suvorovskaya katakombnaya kul'tura: predvaritel'naya kharakteristika [Suvorovskaya Catacomb culture: preliminary characteristic]. *KSIA*, 228, pp. 171–190.
- Korenevskiy S. N., Belinskiy A. B., Kalmykov A. A., 2007. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan [Big Ipatovo kurgan]. Moscow: Nauka. 229 p.
- Melnik V. I., 2004. Razvitiye kul'tury i klimaticheskkiye ekstremumy na yuge Vostochnoy Evropy v epokhu bronzy [Evolution of culture and climatic extremes in South of Eastern Europe in Bronze Age]. *Evraziya: etnokul'turnoye vzaimodeystviye i istoricheskkiye sud'by [Eurasia: ethno-cultural interaction and historical paths: abstracts]*. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Rossiyskiy gos. gumanitarnyy universitet, pp. 120–122.
- Melnik V. I., 2009. Migratsionnyye protsessy na Blizhnem Vostoke i ikh svyaz' s aridizatsiyey klimata v III–II tys. do n. e. [Migration processes in Near East and their relation with aridization of climate in III–II mill. BC]. *KSIA*, 223, pp. 19–31.
- Melnik V. I., 2013a. Obryadovaya gruppировка katakombnykh kompleksov Vostochnogo Priazov'ya [Rite grouping of catacomb complexes of Eastern part of Azov Sea zone]. *Shestaya mezhdunarodnaya Kubanskaya arkhеologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban' archaeological conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 282–283.
- Melnik V. I., 2013b. Ranniye tsivilizatsii i fazy razvitiya kul'tur epokhi bronzy stepey Vostochnoy Evropy [Early civilizations and evolution phases of Bronze Age cultures in East European steppes]. *Tsivilizatsionnyye tsentry i pervobytnaya periferiya v epokhu rannego metalla: modeli vzaimodeystviya [Civilization centers and prehistoric periphery in Early metal period: models of interaction]*. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 25–26.
- Melnik V. I., 2014a. Vzlety i padeniya kul'tur v stepyakh Vostochnoy Evropy i yuzhnykh sopredel'nykh regionakh v III–II tys. do n. e. [Ups and downs of cultures in steppes of Eastern Europe and adjacent

- southern regions in III–II mill. BC]. *Na poroge tsivilizatsii i gosudarstvennosti (po arkeologicheskim i inym istochnikam) [On threshold of civilization and statehood (based on archaeological and other sources)]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 52–53.
- Melnik V. I., 2014b. Mezhekul'turnyye kontakty epokhi sredney bronzy v vostochnykh rayonakh stepnogo pravoberezh'ya Kubani [Intercultural contacts in Middle Bronze Age in eastern areas of steppe zone on Kuban right bank]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkeologicheskogo s'yezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, I. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, A. G. Sitdikov, eds. Kazan': Otechestvo, pp. 469–471.
- Melnik V. I., 2014c. Rekonstruktsii prirodno-klimaticheskoy situatsii i otsenka kul'turno-istoricheskikh izmeneniy v stepyakh Vostochnoy Evropy bronzovogo veka [Reconstruction of natural environmental situation and assessment of cultural and historical changes in East European steppes in Bronze Age]. *Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii po arkeologicheskomu pochvovedeniyu, posvyashchennoy pamyati professora V. A. Demkina [Proceedings of All-Russian scientific conference on archaeological soil science in memory of Professor V.A. Demkin]*. S. V. Gubin, A. V. Borisov, S. N. Udaltsov, eds. Pushchino: Institut fiziko-khimicheskikh i biologicheskikh problem pochvovedeniya RAN, pp. 141–144.
- Melnik V. I., 2015. Fazy peremen v kul'turakh stepey Vostochnoy Evropy i tsivilizatsiyakh Blizhnego Vostoka III–I tys. do n. e. [Uneven cultural development and stages of changes in cultures of East European steppes and Near East civilizations in 3000–2000 BC]. *KSIA*, 239, pp. 61–71.
- Melnik V. I., 2016a. Izmeneniya klimata v subboreal'nyy period golotsena kak faktor izmeneniya kul'tur etogo vremeni v stepyakh Vostochnoy Evropy [Climatic changes in Subboreal period of Holocene as a factor of changes in cultures of East European steppes in that period]. *Materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene» [Proceedings of IV All-Russian scientific conference «Dynamics of modern ecosystems in Holocene»]*. S. N. Udaltsov, ed. Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 145–146.
- Melnik V. I., 2016b. Kul'turnyye sinkretizm v pogrebal'noy praktike epokhi sredney bronzy stepnogo Prikuban'ya [Cultural syncretism in burial practice during Middle Bronze Age in Kuban river steppes]. *KSIA*, 245, pp. 120–131.
- Melnik V. I., 2016c. Osobennosti naiboleye rannikh katakombnykh pogrebeniy stepnogo Prikuban'ya [Features of earliest catacomb burials in Kuban steppe region]. *Izucheniye i sokhraneniye arkeologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskiy chteniya [Study and preservation of archaeological heritage of Caucasus peoples. XXIX Krupnov readings]*. M. Kh. Bagayev, Kh. M. Mamayev, eds. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, pp. 43–44.
- Melnik V. I., 2016d. Prostranstvenno-vremennyye aspekty rasprostraneniya katakomb v stepyakh Vostochnoy Evropy v bronzovom veke [Space and time aspects of spread of catacombs in Eastern European steppes during Bronze Age]. *Vneshniye i vnutrenniye svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.) [External and internal links between steppe (stock-breeding) cultures of Eastern Europe in Neolithic and Bronze Age (V–II mill. BC)]*. V. A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 91–94.
- Melnik V. I., 2017. Tendentsii izmeneniy v rannekatakombnoy pogrebal'noy praktike Vostochnogo Priazov'ya [Tendencies in transformations of the early catacomb funerary practice in the eastern littoral areas of the Sea of Azov]. *KSIA*, iss. 249, part I, pp. 112–123.
- Melnik V. I., 2018a. K probleme formirovaniya katakombnykh kul'tur [On problem of formation of catacomb cultures]. *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur bronzovogo veka tsirkumpontiyanskoy regiona: novyye dannyye i materialy [Connections and interrelations between Bronze Age cultures of Circumpontic region: new data and materials]*. A. N. Gey, ed. Moscow: IA RAN, pp. 55–56.
- Melnik V. I., 2018b. Pogrebeniya epokhi bronzy kurgannoy gruppy Stepnoy [Bronze Age burials in kurgan group Stepnoy]. *Arkeologicheskkiye pamyatniki i mezhekul'turnyye fenomeny eneolita i bronzovogo veka [Archaeological sites and intercultural phenomena of Neolithic and Bronze Age]*. Moscow: IA RAN, pp. 294–327.
- Melnik V. I., 2018c. Traditsii i novatsii v elementakh pogrebal'noy praktiki naseleniya Vostochnogo Priazov'ya epokhi sredney bronzy [Traditions and innovations in elements of funerary practice used by population of Eastern Cis-Azov Sea region]. *KSIA*, 253, pp. 96–109.
- Melnik V. I., 2019. Problema kharaktera migratsionnykh protsessov i transformatsiya kul'tur v predkavkazskikh i vostochnoyevropeyskikh stepyakh epokhi srednego bronzovogo veka [Issue of

character of migration processes and transformation of cultures in Fore-Caucasus and East European steppes in Middle Bronze Age]. *VIII Alekseyevskiy chteniya [VIII Alekseyev readings]*. Moscow: NII i Muzei antropologii MGU, pp. 77–78.

- Nikolayeva N. A., Safronov V. A., 1981. Drevneyshaya katakombnaya kul'tura Severnogo Kavkaza i problema poyavleniya katakombnogo obryada v Vostochnoy Evrope [Earliest catacomb culture of North Caucasus and issue of emergence of catacomb rite in Eastern Europe]. *Katakombnyye pamyatniki Severnogo Kavkaza [Catacomb sites of North Caucasus]*. M. M. Bliyev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 4–26.
- Stegantseva V. Ya., 2010. Eshche raz o skhodstve pogrebal'nykh obryadov epokhi ranney bronzy v Vostochnom Priazov'ye i na Zapadnom Kavkaze [Once again on similarity of Early Bronze Age burial rites in Azov Sea Eastern region and West Caucasus]. *Zapiski IIMK [Notes of IIMK]*, 5, pp. 125–138.
- Stegantseva V. Ya., 2013. Ranniye katakombnyye pogrebeniya epokhi sredney bronzy yuzhnorusskikh stepey: doklad, pročitanny 7 fevralya 2013g. na zasedanii Kruglogo stola «Tsivilizatsionnyye tsentry i pervobytnaya periferiya v epokhu rannego metalla: modeli vzaimodeystviya», posvyashchennogo pamyati N. Ya. Merperta, sostoyavshegosya v Institute arkhologii RAN (Moskva) [Early catacomb burials of Middle Bronze Age in South Russia steppes: report delivered on February 7, 2013 at session of Round table «Civilization centers and prehistoric periphery in Early metal period: models of interaction» in memory of N. Ya. Merpert, Institute of Archaeology RAS (Moscow)].
- Trifonov V. A., 1983. Stepnoye Prikuban'ye v epokhu ranney i sredney bronzy (periodizatsiya i istoricheskaya kharakteristika): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Kuban steppe region in Early and Middle Bronze Ages (periodization and historical characteristic): PhD Thesis. Abstract]. Leningrad. 26 p.
- Trifonov V. A., 1991. Stepnoye Prikuban'ye v epokhu eneolita – sredney bronzy (periodizatsiya) [Kuban steppe region in epoch of Eneolithic – Middle Bronze Age (periodization)]. *Drevniye kul'tury Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban region]*. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 92–166.
- Trudy NovoCherkasskoy arkhologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of NovoCherkassk archaeological expedition], 5. I. N. Parusimov, ed. Azov, 2000. 44 p.

About the author

Melnik Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: melvaler@yandex.ru

А. Ю. Лобода, Н. И. Шишлина

СЕРПЫ СОСНОВО-МАЗИНСКОГО КЛАДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ВЕРОЯТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ МЕТРИЧЕСКОГО И ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Резюме. Технологическое исследование 42 серпов, 1 обломка серпа, литника и одного куска металла из Сосново-Мазинского клада (коллекция ГИМ) включало анализ их морфологических и метрических параметров; проведение статистического анализа метрических показателей; трасологический анализ 42 серпов и обломка серпа с фиксацией следов литья, литейного брака, постлитейной обработки, следов использования; проведение сопоставительного анализа следов и выделение групп серпов, выплавленных в одной форме. Анализ этих групп, различающихся параметрами, а также нескольких отличных по размеру и форме серпов позволил уточнить технологический процесс производства и использования серийных изделий. Статистическая обработка метрических показателей серпов, литника и куска металла показала, что в клад помимо готовых изделий различного качества и фрагментов изделий попал и кусок металла, совпадающий с необходимым по весу количеством сырья для отливки одного серпа.

Ключевые слова: Сосново-Мазинский клад, серпы сосново-мазинского типа, метрический анализ, трасологический анализ.

Введение

Клад у с. Сосновая Маза Хвалынского у. Саратовской губ. (ныне Хвалынский р-н Саратовской обл.) найден в 1901 г. В Императорский Российский исторический музей он поступил из Археологической Комиссии (отношение № 30/Х-1906 г., № 1243). Коллекция Исторического музея состоит из 72 предметов из бронзы, общий вес клада – примерно 21 кг (ГИМ, № 43959, оп. А307/1-72).

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ офи-м № 17-29-04176.

Незначительная часть коллекции хранится в Саратовском областном музее краеведения и в Хвалынском музее (серпы, кельт, кинжал) (Малов, 2019).

Основа клада – 42 серпа, получившие в литературе особое название – «секачи-косари» (Гольмстен, 1933. С. 32, 33; Аванесова, 1991. С. 21) или «косари-серпы» сосново-мазинского типа (Дергачев, Бочкарев, 2002). Это широкие крупные однолезвийные орудия с изогнутой спинкой, усиленной выделенным по всей ее длине бортиком, почти прямым лезвием с одним округлым или приостренным концом и в большинстве случаев с невыделенной пяткой (Аванесова, 1991. С. 19. Рис. IV). Одна из важнейших морфологических деталей таких орудий – отверстие на пятке. На некоторых косарях намечена ручка, выделенная небольшим уступом (рис. 1: б). Серпы отлиты из медных сплавов с присутствием железа (до 5 %) (Черных, 1966). Общий вес серпов из коллекции Исторического музея – 12 кг 880,75 г.

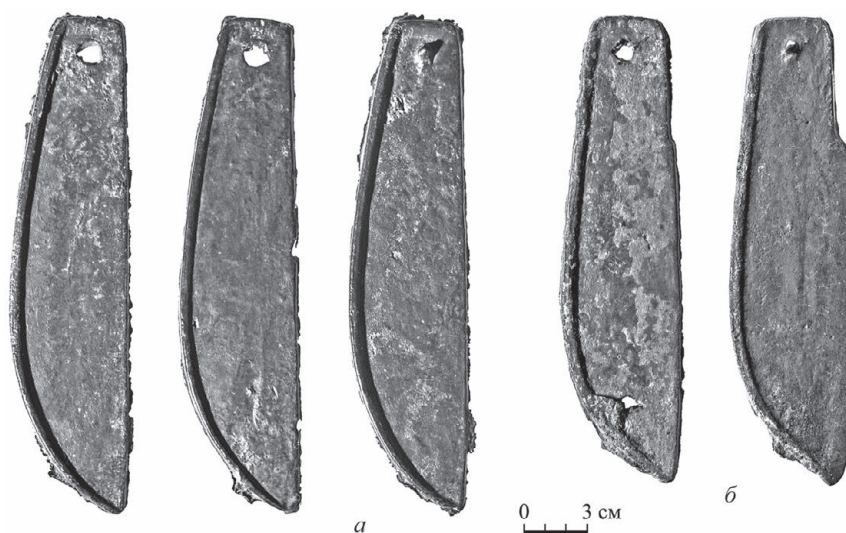

Рис. 1. Сосново-Мазинский клад.
Серпы без выделенного уступа (а) и с выделенным уступом (б)

Полностью коллекция не опубликована. В публикацию Н. М. Малова включены изделия, переданные в Саратовский и Хвалынский музеи краеведения (Малов, 2019). Серпы клада были также проанализированы в большом труде В. А. Дергачева и В. С. Бочкарева, посвященном анализу серпов Восточной Европы (Дергачев, Бочкарев, 2002). Авторы, рассматривая волго-уральскую группу серпов, выделили самостоятельный сосново-мазинский тип (Там же. С. 47–59). Пять вариантов (А1, А2, Б, С1 и С2) отличаются метрическими параметрами – соотношением ширины лезвия и максимальной длины; особенностями конструкции – отсутствием выделенного черенка, выделением черенка уступом, присутствием/отсутствием отверстия на черенке, закругленным черенком.

Среди серпов клада авторы выделили две категории – полуфабрикаты и обломки. На основании анализа рисунков изделий сделано несколько предварительных наблюдений: 1) серпы отливались в каменных двусторонних формах (матрица и крышка); 2) литник обычно находился на спинке близ острия и в большинстве случаев не был убран; 3) 24 серпа были отлиты как минимум в пяти формах (от двух до шести серпов в форме); 4) часть серпов имеет следы постлитейной обработки (зачистка лезвия).

Клад относится к финалу эпохи бронзы, серпы сосново-мазинского типа найдены на поселениях и в кладах степной зоны северной Евразии – от Балкано-Карпатья до Минусинской котловины и предгорий Тянь-Шаня (*Кривцова-Гракова*, 1948; *Аванесова*, 1991; *Дергачев, Бочкарев*, 2002; *Десярева и др.*, 2019).

В рамках нового изучения клада было проведено технологическое исследование части коллекции. Оно включало: 1) анализ морфологических и метрических параметров 42 серпов, обломка серпа, литника и куска металла; 2) проведение статистического анализа метрических показателей; 3) трасологический анализ 42 серпов и обломка серпа с фиксацией следов литья; литейного брака; постлитейной обработки; следов использования; 4) проведение сопоставительного анализа следов и выделение групп орудий, выплавленных в одной форме.

Проведение детального технологического анализа серпов клада с точной фиксацией следов, связанных с литьем, последующей постлитейной обработкой и возможным использованием, позволяет реконструировать технологию производства серпов сосново-мазинского типа, выявить вероятные ошибки процесса литья, а также обсудить их вероятное назначение.

При фиксировании следов использовался электронный микроскоп Carl Zeiss Stemi 2000dc с камерой AxioCamERc5s и оптический микроскоп Olympus BX51 с камерой Leica DFC420C с увеличением $\times 50$ и $\times 100$.

Морфологический и метрический анализы

Все исследованные серпы имеют одинаковую конструкцию (рис. 2: *a*). у них, как правило, широкое прямое лезвие, резко сужающееся у одного конца, и дуговидно изогнутая спинка. Противоположная острiuю часть орудия – пятка – преимущественно прямая, иногда закругленная. В центре пятки – округлое отверстие или штырь. По краю спинки расположен выступающий над ее поверхностью бортик, который переходит на пятку и является ребром жесткости, усиливающим конструктивную крепость орудия, позволяющим ему не деформироваться и выдерживать большую нагрузку при использовании.

Лезвие серпов либо полностью прямое, либо с уступом, отделяющим «рабочую» часть лезвия от пятки, выполняющей функции рукояти. Морфологически все серпы можно разделить на два типа – с выделенным уступом и без него.

К первому типу (без выделенного уступа) (рис. 1: *a*) относятся 29 серпов (А 307/ 4, 5, 7–10, 12, 13, 1521, 23–25, 28–30, 32–34, 37, 40–43). Ко второму типу (с выделенным уступом) (рис. 1: *b*) относятся 14 серпов (А 307/1, 2, 3, 6, 11, 14, 22, 26, 27, 31, 35, 36, 38, 39).

При анализе метрических характеристик серпов были выбраны следующие параметры: длина лезвия; ширина лезвия; вес (табл. 1, рис. 2: б; 5: а). Мы исходили из того, что соотношение длины и ширины изделия соотносится с определенной литейной формой; а вес указывает на объем металла, которое пошло на его отливку. Соотношение длины и ширины серпов представлено на рис. 2: б. Длина серпов варьирует в пределах 20,7–24,8 см; ширина – 5,2–6,0 см; вес колеблется от 270,0 до 361,2 г (рис. 5: а).

Полученные метрические данные позволяют выделить две группы серпов:

Группа 1_м: ширина – от 5,2 до 5,7 см, длина – от 20,5 до 22,1 см;

Группа 2_м: ширина – от 5,5 до 6,0 см, длина – от 22,5 до 24,2 см.

Помимо этого, зафиксировано несколько серпов, выделяющихся по своим размерам (А 307/34 и 35; 40 и 15).

Таблица 1. Метрические параметры серпов

№ серпа по описи А307	Вес, г	Длина, см	Ширина, см
1	318,11	22,90	5,55
2	283,25	20,80	5,36
3	316,13	21,50	5,50
5	325,22	21,90	5,34
6	324,71	21,50	5,67
7	297,44	23,40	5,80
8	317,41	21,20	5,59
9	324,00	22,10	5,50
11	335,75	24,10	5,83
12	281,00	23,40	5,80
13	339,89	23,34	5,70
14	350,54	22,50	5,79
15	310,00	24,80	6,00
16 (фрагмент)	290,13	20,40	5,70
17	298,77	21,80	5,24
18	270,00	20,70	5,30
19	298,18	21,20	5,50
20	304,64	23,30	5,58
21	361,19	21,90	5,60
22	287,86	23,00	5,60
24	290,84	23,10	5,60
25	326,19	21,70	5,43
26	292,00	23,50	5,97

Окончание таблицы 1

№ серпа по описи А307	Вес, г	Длина, см	Ширина, см
27	308,91	23,80	5,82
28	311,93	23,50	6,00
29	319,73	24,00	5,81
31	296,32	22,90	5,80
32	291,02	23,30	5,55
33	283,76	23,80	5,95
34	279,26	22,30	5,20
35	295,00	22,50	5,20
36	298,43	20,80	5,56
37	309,45	23,40	5,80
40	316,56	24,30	6,00
41	302,00	23,00	5,70
42	330,29	23,80	5,80
43	320,00	21,60	5,40

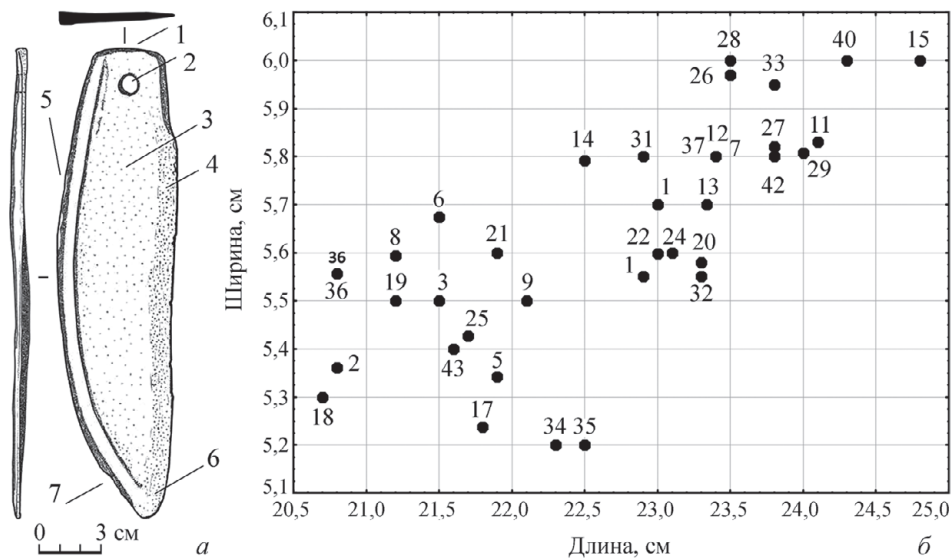

Рис. 2. Сосново-Мазинский клад

a – серп № 1 (1 – пятка; 2 – отверстие; 3 – клинок; 4 – лезвие; 5 – спинка; 6 – острие; 7 – место обнаружения остатков литника); *б* – график соотношения длины и ширины серпов

Трасологический анализ

В результате трасологического анализа были выделены следы: а) литья; б) литейного брака; в) постлитейной обработки; г) использования.

Следы литья. На спинке, рядом с острием большинства серпов, хорошо видны остатки литников (рис. 1: а). Они могут быть короткими или длинными.

Дефекты литья были обнаружены на всех 42 серпах и одном обломке, однако, их интенсивность на поверхности изделий различна:

- пористость – мелкие полости в металле отлитого изделия, образованные пузырьками газа, возникающие вследствие выделения газа из металла или материала формы, зафиксированы в 36 серпах (табл. 2, рис. 3: а);
- каверны – более крупные полости в металле, зафиксированы на поверхности 36 серпов (табл. 2, рис. 3: а, б);
- утяжки – беспорядочно расположенные морщины и складки на поверхности, отмечены на 15 серпах (табл. 2, рис. 3: б);
- наросты – утолщения, возникающие в результате размывания (разрушения) формы струей жидкого металла; мелкие наросты встречены на 43 серпах, крупные наросты – на 31 (табл. 2, рис. 3: а, д, е);
- непроливы – отсутствие части изделия из-за того, что металл неравномерно заполнил литевную форму, отмечены на 31 серпе (табл. 2, рис. 3: в, з);
- облой – излишки металла, возникающие на изделии по линии разъема литейной формы разной степени интенсивности, выявлены на всех серпах (табл. 2).

На некоторых серпах литейные дефекты лишь немного искажают поверхность и не нарушают конструктивной целостности изделия – оно не теряет своих основных качеств. На других серпах дефекты сильно искажают форму предмета, к примеру – крупные непроливы или наросты на острие, лезвии или бортике делают невозможным использование серпов (А 307/3, 5, 6, 13, 16, 17, 20, 41) по назначению (рис. 3: в, з).

Кроме этого, на группах серпов (А 307/21 и 25; А 307/13, 16, 28 и 40) были выявлены идентичные по форме и размерам литейные дефекты, в большинстве случаев – наросты (рис. 3: д, е).

Следы постлитейной обработки были идентифицированы на поверхности десяти серпов (А307/1, 11, 14, 15, 26, 27, 31, 35, 36 и 39). К постлитейной обработке можно отнести: следы проковки облоя и других выступающих дефектов литья (рис. 4: а), зафиксированные на семи серпах (табл. 2); следы проковки, присутствующие на девяти орудиях (рис. 4: б), оттяжки лезвия и последующей шлифовки (а возможно, и заточки) с применением абразивного материала.

Большинство серпов со следами постлитейной обработки имеет на поверхности мелкие или единичные крупные литейные дефекты, не нарушающие, однако, конструктивную крепость орудий (А307/1, 31, 35, 27, 14, 15 и 39). Серп А 307/36 не имеет значительных литейных дефектов, однако отверстие на пятке у него залито, на его месте расположен штырь. На серпах А 307/11 и 26 помимо наростов присутствуют сквозные непроливы на участках, не несущих конструктивной нагрузки.

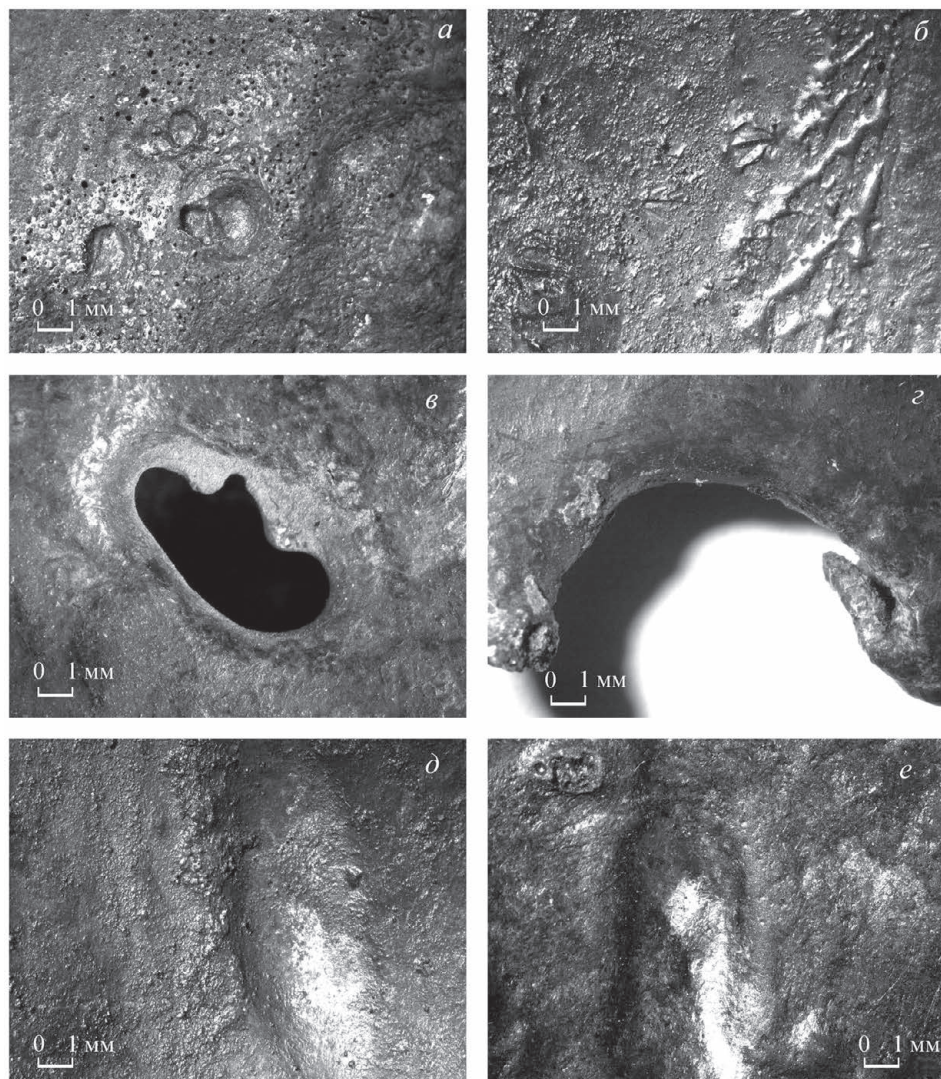

Рис. 3. Сосново-Мазинский клад. Литейные дефекты на серпах: мелкие (а, б) и крупные (в, г). Идентичные (выпуклые) наросты на серпах (д, е)

а – серп № 7: пористость, наросты; б – серп № 20: пористость, наросты, утяжки, каверны; в – серп № 11: непролив, наросты; г – серп № 41: непролив; д – серп № 40; е – серп № 28

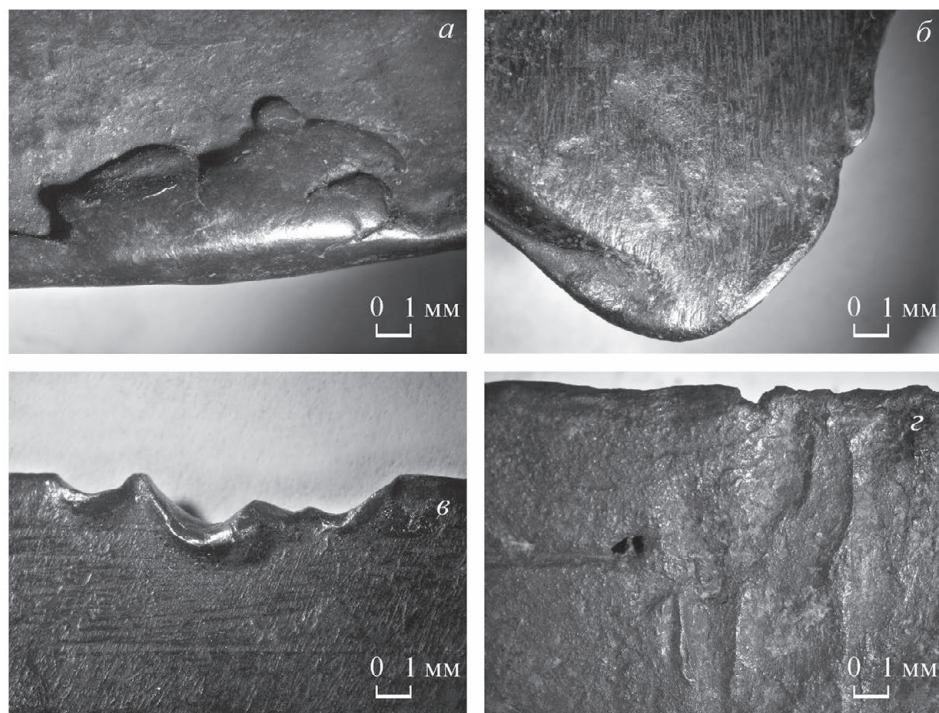

Рис. 4. Сосново-Мазинский клад.

Следы обработки серпов после литья (а, б) и следы их использования (в, з)

а – серп № 1: проковка обляя; б – серп № 35: проковка острия и полотна и шлифовка с применением абразивного материала; в – серп № 27: зарубки на лезвии; з – серп № 34: параллельные борозды поперек полотна

Следы вероятного использования зафиксированы на некоторых серпах. К ним относятся зарубки на лезвиях десяти серпов с прокованным и зашлифованным лезвием (А307/1, 11, 14, 15, 26, 27, 31, 35, 36, 39) (рис. 4: в) и одного серпа без следовковки (А307/24). Предположительно, такие следы остаются на лезвии при использовании серпов в качестве рубящего орудия, что было отмечено и другими исследователями (Аванесова, 1991. С. 21, 22).

К следам использования изделий можно также отнести трещины. Они найдены на двух серпах с прокованным лезвием (А307/11 и 31).

Поперечные параллельные борозды на серпе А 307/34 (рис. 4: з), предположительно, являются следами незаконченного намеренного его разрубания для вторичного использования неудачной отливки. Отметим, что в кладе были найдены 15 фрагментов серпов, полученных таким же образом: изделия с большим количеством дефектов литья разрубили на три части, т. е. шесть фрагментов получены путем разрубания двух серпов.

Таблица 2. Технологические особенности серпов

№ серпа	Крупные наросты	Мелкие наросты	Уникальные наросты	Каверны	Пористость	Утяжки	Трещины	Непролив	Следы шлифовки	Проковка лезвия	Проковка облоя	Следы использования
1		+		+					+	+	+	+
2	+	+			+							
3	+	+				+		+				
4	+	+		+								
5		+		+	+			+				
6	+	+		+	+			+				
7		+		+	+							
8		+		+				+				
9	+	+	+	+				+				
10		+		+	+	+						
11		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+
12	+	+			+			+				
13	+	+	+	+	+	+		+				
14		+		+	+				+	+	+	+
15		+		+	+				+	+		+
16	+	+	+	+		+		+				
17	+	+	+	+	+			+				
18	+	+		+	+	+						
19	+	+		+	+	+						
20	+	+			+	+		+				
21	+	+	+	+	+							
22		+		+	+	+		+				
23		+	+		+	+						
24	+	+		+	+							+
25	+	+	+	+	+	+		+				
26		+		+	+			+	+	+		+
27		+				+		+	+	+	+	+
28	+	+	+		+							
29		+		+	+			+				
30		+		+	+	+						
31		+			+		+	+	+	+	+	+
32	+	+		+	+							
33	+	+		+	+			+				
34	+	+	+	+	+	+						разрушение
35		+		+	+			+	+	+	+	+
36	+	+		+	+			+	+	+	+	+
37	+	+		+	+			+				
38	+	+			+	+		+				
39		+		+				+	+	+	+	+
40	+	+	+	+	+	+		+				
41		+		+		+		+				
42		+		+	+	+		+				
43	+	+		+	+	+		+				

Сопоставительный анализ

Корреляция длины серпа и веса позволила выделить восемь групп. Мы полагаем, что анализ этих групп, различающихся параметрами, а также нескольких разных по размеру и форме серпов (А307/8, 9, 11, 14, 15, 18, 31, 34 и 35) позволяет высказать предположение, что для выплавки серпов клада использовали не менее 16 (а возможно, и больше) литейных форм разного объема, а возможно, и больше.

Результаты трасологического исследования позволили оценить технологические характеристики серпов из клада у с. Сосновая Маза (табл. 2).

По качеству отливки выделяются две основные группы серпов:

Группа 1_т: серпы с незначительными дефектами – мелкими наростами, слабой пористостью или небольшими кавернами и утяжками (30 экз.);

Группа 2_т: серпы, имеющие значительные литейные дефекты – непроливы и крупные наросты (12 экз.).

Серпы группы 1_т можно отнести к серии добротных отливок с незначительными дефектами. Наросты, каверны и непроливы на этих серпах не оказывают сильного влияния на их прочность и способность сопротивляться деформациям. Именно на этой группе изделий в основном фиксируются следы дальнейшей проковки, заточки и предположительного использования в качестве рубящих орудий.

Серпы группы 2_т с крупными наростами и непроливами можно отнести к литейному браку и считать полуфабрикатами (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 48, 49), приготовленными к последующей переплавке.

Трасологический анализ выявил серии серпов со сходными литейными дефектами и имеющих идентичное расположение литника.

Серпы, объединенные в группы по метрическому параметру (l_m и 2_m), были сопоставлены с группами серпов со сходными литейными дефектами (1_т и 2_т); также учитывалась форма изделия и расположение отверстия на пятке. Отдельно анализировались серпы, не входящие в метрические группы, но обладающие сходными литейными дефектами, выявленными в ходе трасологического анализа. Корреляция данных по 27 серпам позволила выделить восемь серий (табл. 3). Мы полагаем, что каждая серия отлита в одной литейной форме. На рис. 1 изображены серпы подгрупп 3 (рис. 1: а) и 8 (рис. 1: б).

Таблица 3. Серии серпов

Серия	№ серпов по описи А307	Длина, см (20,4 – фрагмент) 23,3–24,3	Ширина, см
1	12, 13, 16, 28, 40	20,8–21,9	5,7–6,0
2	2, 3, 5	23,4–23,8	5,3–5,5
3	7, 33, 37	21,2–21,8	5,8–5,9
4	17, 19, 43	23,0–23,3	5,2–5,5
5	20, 22, 23, 24, 32, 41	23,8–24,0	5,5–5,7
6	27, 29, 42	21,7–21,9	5,8–5,8
7	21, 25	20,8–21,5	5,4–5,6
8	6, 36		5,5–5,6

Девять серпов (А307/8, 9, 11, 14, 15, 18, 31, 34 и 35) уникальны по своим метрическим параметрам и литейным дефектам. Некоторые серпы не попали в подгруппы из-за деформаций и крупных литейных дефектов, искажающих форму из-за проковки, сильно изменившей размеры и общий контур изделий (А307/11, 35 и 39).

Сопоставление метрических параметров серпов и фрагмента металла из клада (рис. 5: а) позволил также предположить, как этот металл собирались использовать. Фрагмент металла, размерами $10,5 \times 5,2 \times 2,2$ см, имеет вес 362,1 г (рис. 5: б). Вес серпов варьирует в пределах 270,0–361,2 г; причем средний вес серпа составляет 308,8 г.

Объема металла, который необходим для отливки серпа, должно хватить на заполнение не только непосредственно формы, но и литника – канала или полости в литейной форме, примыкающего к изделию и выходящего к разъему формы, через который осуществляется заливка. Литники хорошо видны на рисунках литейных форм для отливки сосново-мазинских серпов (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 57. Табл. 13; Алаева и др., 2017. С. 136). В состав Сосново-Мазинского клада входит один литник размерами $5,4 \times 2,7 \times 2,0$ см, весом 72 г (рис. 5: в). Он конусообразной формы, с «шапкой» металла, застывшей на широком окончании литника за пределами формы. Вес металлического фрагмента из клада, скорее всего, включает металл, достаточный для отливки одного серпа + литник, на заполнение которого отводилось, предположительно, около 50 г. Таким образом, заготовка для полной отливки одного серпа должна была быть не менее 360–365 г или включать либо близкие по весу полуфабрикаты, либо разрубленные фрагменты орудий.

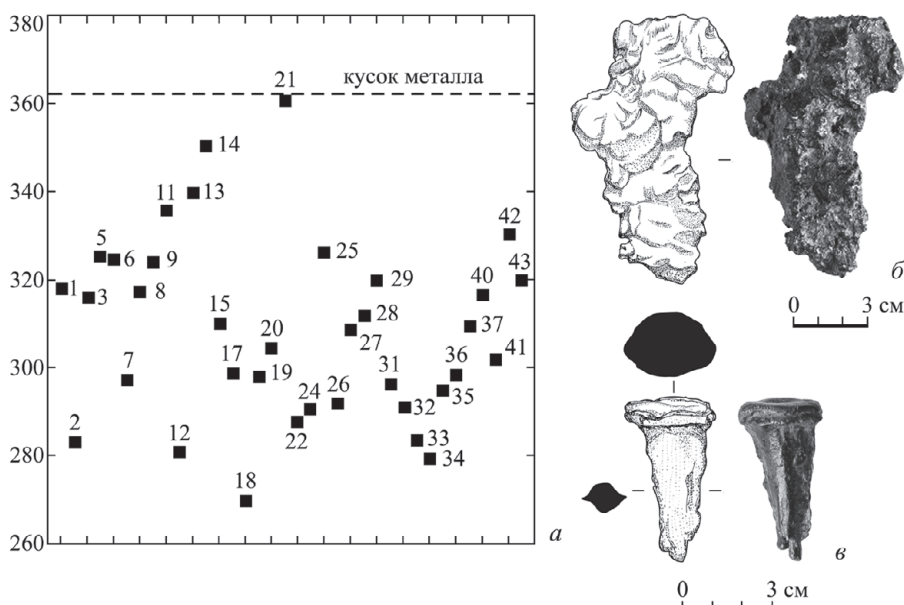

Рис. 5. Сосново-Мазинский клад

а – график соотношения веса серпов и куска металла; б – кусок металла; в – литник

Заключение

Проведенные метрический и трасологический анализы серпов, фрагмента металла и литника из Сосново-Мазинского клада позволили уточнить технологический процесс производства серийных изделий и функциональное их назначение.

Серпы отливались в двустворчатых литейных формах (матрица и крышка), оставивших на изделиях характерный для такого метода литья дефект на границе разъема двух створок формы – облой. Предположительно, для производства серпов, обнаруженных в кладе, могло быть использовано более шестнадцати литейных негативов, различавшихся по размерам (длина – ширина) и объему затрачиваемого металла. Пять или шесть серпов – это среднее количество изделий, относящихся к одной подгруппе, предположительно, отлитых в одной литейной форме (серии 1 и 5). Однако встречаются и серии (7, 8), состоящие из двух серпов. Видимо, количество изготовленных в литейной форме предметов менялось из-за множества факторов, характерных для древнего производства: качества материала формы, температурного режима нагрева формы перед заливкой в нее металла, способа извлечения отливки, навыков и опыта мастера. Возможно и другое объяснение – серпы 7-й и 8-й серий не остались в коллекции клада, поскольку были высокого качества и, как качественные изделия, попали в другую среду, где и использовались по назначению.

Метрический анализ серпов и куска металла показал, что в клад помимо готовых изделий различного качества попал и фрагмент металла, совпадающий с необходимым по весу количеством сырья для отливки одного серпа. Его вес был несколько выше среднего веса серпов (362,1 г), что согласуется с тем, что вес заготовки должен превышать вес готового изделия, так как часть металла необходима для заполнения литника и создания давления для полной заливки металла в форму. Таким образом, было выдвинуто предположение, что для каждого серпа использовалось в среднем около 360 г металла, из них около 50–70 г уходило на литник. Для отливки только 42 серпов, таким образом, требовалось свыше 15 кг металла. Поэтому в состав клада вошли не только экземпляры, которые относятся к литейному браку, но и уже разрубленные куски таких полуфабрикатов, приготовленные для переплавки.

Часть серпов к полуфабрикатам не относится, они характеризуются минимальными литейными дефектами, и их можно отнести к орудиям производства, бывшим в употреблении. Скорее всего, их использовали для рубки веток, что ранее отмечали исследователи (*Гольмстен*, 1933. С. 32, 33; *Аванесова*, 1991. С. 21, 22). После отливки с изделий довольно небрежно были частично убраны литники, орудия прокованы, лезвия оттянуты. Но и эти серпы нельзя считать полностью законченным изделием. Серпы такого же типа, найденные на Алексеевском поселении (*Кривцова-Гракова*, 1948) и в казахстанских кладах (*Аванесова*, 1991), отличает более качественная постлитейная обработка.

Таким образом, в состав Сосново-Мазинского клада входят серпы нескольких типов – литейный брак, предназначенный к переплавке; заготовки для серпов с минимальной постлитейной обработкой и серпы, бывшие в употреблении.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан. 202 с.
- Алаева И. П., Медведева П. С., Рассомахин М. А., Анкушев М. Н., 2017. Литейная форма для отливки серпов-косарей финала бронзового века (из коллекции музея Ильменского государственного заповедника) // Геоархеология и археологическая минералогия. Вып. 4. Екатеринбург: Ин-т минералогии Уральского отделения РАН. С. 135–139.
- Гольмстен В. В., 1933, Из области культа древней Сибири // Из истории докапиталистических формаций: сб. ст. к 45-летию науч. деятельности Н. Я. Марра. М., Л.: Гос. соц.- экон. изд-во. С. 100–124.
- Дегтярева А. Д., Виноградов Н., Кузьминых С. В., Рассомахин М. А., 2019. Металлические изделия алексеевско-саргаринской культуры Среднего и Верхнего Притобоя // ВИАЭ. № 4 (47). С. 28–45.
- Дергачев В. А., Бочкарев В. С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 348 с.
- Кривоцова-Гракова О. А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. М.: ГИМ. С. 57–164. (Труды ГИМ; вып. XVII.)
- Малов Н. М., 2019. Соснова-Мазинский клад // Археология Восточно-европейской степи. Вып. 15 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: Саратовский гос. ун-т. С. 76–704.
- Черных Е. Н., 1966. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы // КСИА. Вып. 108. С. 123–131.

Сведения об авторах

Лобода Анастасия Юрьевна, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123098, Россия; e-mail: lobodaau@mail.ru;

Шишлина Наталья Ивановна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: nshishlina@mail.ru

A. Yu. Loboda, N. I. Shishlina

SICKLES FROM THE SOSNOVAYA MAZA HOARD:
RECONSTRUCTION OF PRODUCTION TECHNIQUES
AND POSSIBLE USE BASED ON THE DATA
FROM METRIC AND TRACEWEAR ANALYSES

Abstract. The paper reports on the technological study of finds from the Sosnovaya Maza Hoard (the collection of the State Historical Museum). The study covered 42 sickles, one fragment of a sickle, a sprue channel and one piece of metal and included the analysis of morphological and metric characteristics of the items, statistical analysis of their metric characteristics, tracewear analysis of 42 sickles and the sickle fragment documenting casting traces, waste casting, post-casting treatment and traces of use. We conducted comparative analysis of the traces and singled out groups of sickles cast in one mold. The analysis of these groups with different characteristics and the examination of the sickles of slightly different shapes and size provided an opportunity to clarify the technological process and the use of mass produced models. The statistical processing of the metric characteristics of the sickles, the sprue channel and the piece of metal demonstrated that besides finished items of various quality and their fragments, a piece of metal the weight

of which corresponded to the amount of raw material needed to cast one sickle, was also included in the hoard.

Keywords: Sosnovaya Maza hoard, Sosnovaya Maza type of sickles, metric analysis, tracewear analysis.

REFERENCES

- Alayeva I. P., Medvedeva P. S., Rassomakhin M. A., Ankushev M. N., 2017. Liteynaya forma dlya otlivki serpov-kosarey finala bronzovogo veka (iz kolleksii muzeya Il'menskogo gosudarstvennogo zapovednika) [Casting mould for casting sickle-mowers of final Bronze Age (from Il'men State reserve collection)]. *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya [Geoarchaeology and archaeological mineralogy]*, 4. Yekaterinburg: Institut mineralogii UrO RAN, pp. 135–139.
- Avanesova N. A., 1991. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy Aziatskoy chasti SSSR [Culture of Bronze Age pastoralist tribes in Asiatic part of USSR]. Tashkent: Fan. 202 p.
- Chernykh E. N., 1966. O khimicheskom sostave metalla klada iz Sosnovoy Mazy [On chemical composition of metal from the hoard of Sosnovaya Maza]. *KSLA*, 108, pp. 123–131.
- Degtyareva A. D., Vinogradov N. B., Kuz'minykh S. V., Rassomakhin M. A., 2019. Metallicheskiye izdeliya alekseyevsko-sargarinskoy kul'tury Srednego i Verkhnego Pritobol'ya [Metal items of Alekseyevsko-Sargarinskaya culture of Middle and Upper Tobol region]. *VAAE*, 4 (47), pp. 28–45.
- Dergachev V. A., Bochkarev V. S., 2002. Metallicheskiye serpy pozdney bronzy Vostochnoy Evropy [Metal sickles of Late Bronze Age of Eastern Europe]. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola. 348 p.
- Gol'msten V. V., 1933. Iz oblasti kul'ta drevney Sibiri [From the field of cult in ancient Siberia]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy [From the history of pre-capitalist formations]*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, pp. 100–124.
- Krivtsova-Grakova O. A., 1948. Alekseyevskoye poseleniye i mogil'nik [Alekseyevskoye settlement and cemetery]. *Arkheologicheskii sbornik [Archaeological annual]*. Moscow: GIM, pp. 57–164. (Trudy GIM, XVII.)
- Malov N. M., 2019. Sosnovo-Mazinskiy klad [Sosnovaya Maza hoard]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of East European steppe]*, 15. V. A. Lopatin, ed. Saratov: Saratovskiy gos. universitet, pp. 76–704.

About the authors

Loboda Anastasiya Yu., National Research Center «Kurchatov Institute», Akademika Kurchatova pl., Moscow, 123098, Russian Federation; e-mail: lobodaau@mail.ru;

Shishlina Natal'ya I., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nshishlina@mail.ru

А. А. Кадиева, С. Б. Вальчак, С. В. Демиденко

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ВЫТЯНУТОМ ПОЛОЖЕНИИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЗАЮКОВО-3 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ОБЪЕДИНЕННОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГИМ, БГУ И ИА РАН В 2015 г.)

Резюме. В статье рассматриваются два погребения кобанской культуры на могильнике Заюково-3 в Кабардино-Балкарии. Погребения отличаются нестандартным вытянутым положением погребенных для могильников кобанской культуры Северного Кавказа. Инвентарь погребений рассматривается на широком фоне аналогий в могильниках западного варианта кобанской культуры и соседних территорий.

Ключевые слова: погребальный обряд, Северный Кавказ, предскифское время.

Исследование погребального обряда является одной из важнейших задач изучения кобанской культурно-исторической области. Для западной кобанской культуры на сегодняшний день эта тема наиболее полно раскрыта в работах В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1989; 1998). Исследовательница обобщила весь доступный для изучения материал, представленный в основном частично исследованными могильниками, в которых, как правило, из всего некрополя было раскопано несколько погребений. Разумеется, для более полных выводов были необходимы раскопки широкими площадями и их публикация, снабженная детальным анализом погребального обряда. Для Кисловодской котловины такими памятниками являются могильник Клинь-Яр III, детально исследованный экспедицией археологической лаборатории при Ставропольском государственном педагогическом университете под руководством А. Б. Белинского (*Белинский, Дударев*, 2015), а также Белореченский 2 могильник, последовательно изучавшийся экспедицией А. П. Рунича и 4-м и 2-м отрядами Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета под руководством С. Л. Дударева (*Дударев*, 2004). Однако в остальном ареале западной кобанской культуры материалы раскопок даже тех памятников, в которых изучено достаточно представительное число

погребальных комплексов, остаются по большей части недоступными научной общественности.

С 2014 г. Объединенная Северокавказская археологическая экспедиция ГИМ, КБГУ и ИА РАН исследует могильник Заюково-3. За пять полевых сезонов было выяснено, что формирование памятника началось в VIII–VII вв. до н. э. С этого периода некрополь (возможно, с перерывами) функционировал вплоть до эпохи Средневековья.

Задачей работы, предлагаемой вниманию читателя, является публикация мужских погребений наиболее раннего этапа могильника из раскопок 2015 г.¹ К этой группе относятся следующие комплексы.

Погребение 28 (рис. 1; 2) представляло собой каменный ящик, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток, и содержало останки двух погребенных. От ящика сохранились только длинные стены, выложенные тонкими известняковыми плитками. Размеры ящика – 1,75 × 0,6 м, глубина – 0,24 м.

От погребенного 1 сохранились длинные кости ног, компактно сложенные поперек каменного ящика по линии север – юг с небольшим отклонением к востоку. С востока к скоплению длинных костей примыкали кости стопы. С северо-запада к скоплению примыкали развал керамической миски (рис. 1: 15, III) и череп погребенного 2, костяк которого был полностью расчищен после снятия костей погребенного 1. Между сосудом и скоплением костей было обнаружено скопление предметов, уходящих под кости. Скопление состояло из гривны (рис. 1: II), вертикально воткнутой в скопление костей, биконической пронизки (рис. 1: IV) и браслета (рис. 1: V).

Костяк погребенного 2, на груди которого обнаружены кости ног погребенного 1, лежит вытянуто на спине головой на северо-запад, лицом на восток. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, кисть левой руки лежит на костях таза. Ноги вытянуты, сходятся в голених. Кости ног сохранились до середины больших берцовых костей. Нижняя часть ног была уничтожена при сооружении соседнего погребения.

На правом плече погребенного лежала глиняная миска (рис. 1: 15, III). К югу от миски находилось скопление миниатюрных бронзовых полусферических бляшек с перемычкой на обороте (рис. 1: 1–6; 2: 1–6). На груди погребенного лежала бронзовая дуговидная фибула (рис. 1: 7; 2: 7) приемником вниз и к голове погребенного. На левом крыле таза – бронзовая коническая ворворка (рис. 1: 8; 2: 8). Ворворка лежала по диагонали, узкой частью к крылу таза. У среза правого крыла таза острием вверх лежала бронзовая булавка (рис. 1: 9; 2: 9). С южной стороны к этой булавке примыкает бронзовый слиток (рис. 1: 10; 2: 10). Еще один слиток обнаружен под левым крылом таза и под костями пальцев левой руки погребенного (рис. 1: 11; 2: 11). У левой ноги погребенного лежит еще одна булавка острием вверх (головка у центра большой берцовой кости) (рис. 1: 12; 2: 12). У правой ноги погребенного – бронзовая фишка (рис. 1: 13; 2: 13). Между

¹ Все материалы могильника Заюково-3 переданы в фонды Государственного исторического музея. На иллюстрациях после порядкового номера предмета в скобках указывается номер по описи ГИМ, отдел археологических памятников, сектор Б 2148.

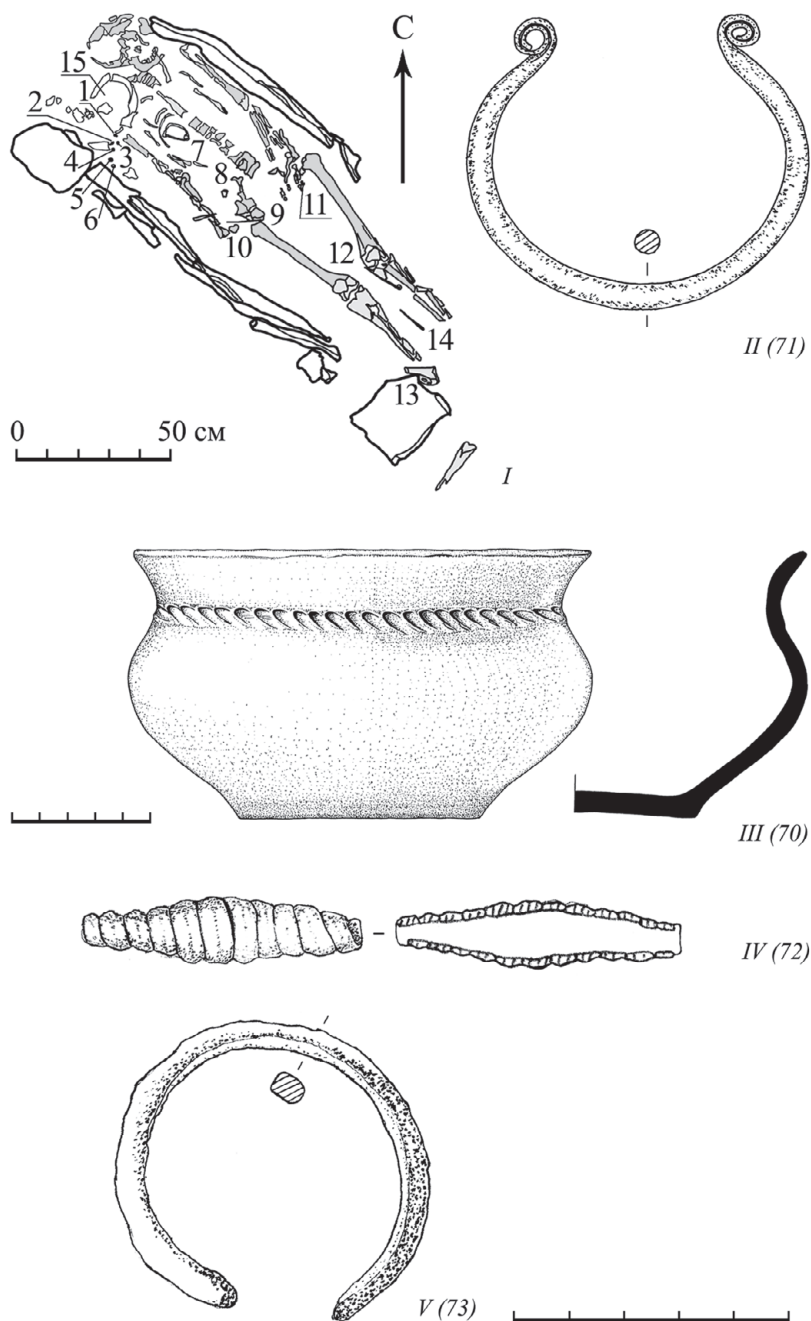

Рис. 1. Погребение 28. Рисунки Д. Д. Толстиковой, Д. А. Бариновой, Е. Ю. Бахаревой

I – План (*1–6* – бляшки; *7* – фибула; *8* – ворворка; *9, 12, 14* – булавки; *10, 11* – бронзовые слитки; *13* – бронзовая фишка; *15* – миска); *II* – гривна; *III* – миска; *IV* – пронизь; *V* – браслет
II, IV, V – бронза; *III* – керамика

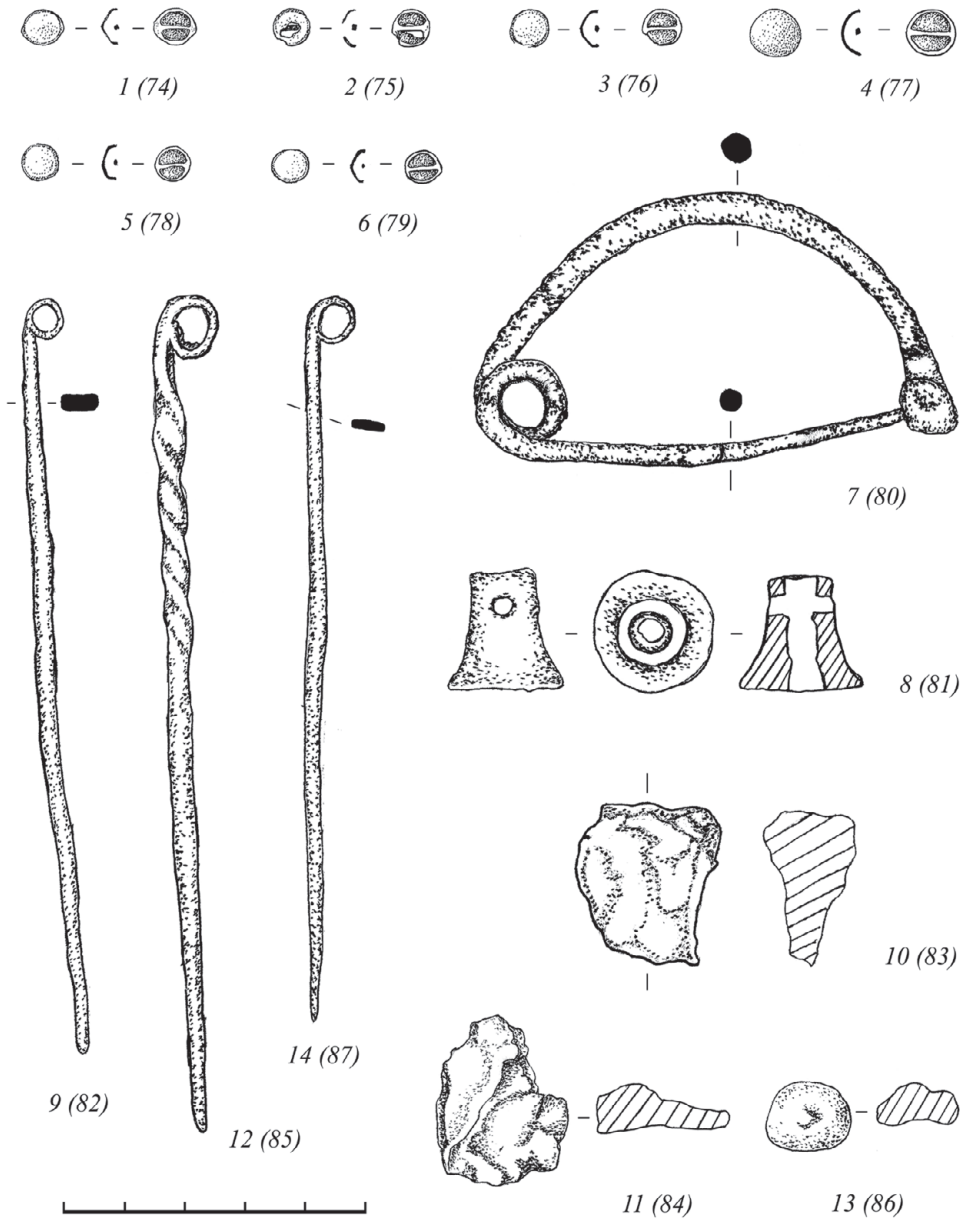

Рис. 2. Погребение 28. Рисунки Д. Д. Толстиковой, Д. А. Бариновой

1–6 – бляшки; 7 – фибула; 8 – ворворка; 9, 12, 14 – булавки; 10, 11 – слитки; 13 – «фишка».
Бронза

берцовыми костями ниже колен острием вверх лежала еще одна бронзовая булавка (рис. 1: 14; 2: 14).

Погребение 44 (рис. 3) было нарушено позднейшим захоронением. Оно представляло собой грунтовую яму, перекрытую каменным закладом, но из-за гомогенности слоя границы погребения проследить не удалось. От погребенного сохранилась только нижняя часть костяка, ориентированная по линии северо-запад – запад – юго-восток – восток. Судя по расположению сохранившейся части (фрагменты таза, длинные кости ног и частично кости левой стопы), погребенный был уложен вытянуто на спине головой на северо-запад – запад. Кости ног лежат в положении вытянуто параллельно.

Между остатками крыльев таза была обнаружена бронзовая обойма со стеклянной вставкой синего цвета (рис. 3: 1, II). На правом крыле таза лежала бронзовая коническая ворворка расширением к голове погребенного (рис. 3: 2, III). С левой стороны таза был обнаружен вытянутый железный предмет (рис. 3: 3, IV).

Инвентарь

Набор вещей из рассматриваемых погребений довольно примечателен, но ограниченные объемы статьи позволяют нам привести лишь часть комплексов с аналогичными находками, в первую очередь из ареала западного варианта кобанской культуры.

Керамическая миска из погребения 28 (рис. 1: 15, III). Миска высокая с округлым плечом и сильно отогнутым венчиком. Стенка при переходе к дну имеет заметный плавный прогиб внутрь. Под венчиком орнамент из диагональных семечковидных вдавлений. Поверхность лощеная, коричневого цвета. Тесто со значительными включениями дресвы. Высота сосуда 10,2 см, максимальный диаметр 17,3 см.

Точные аналогии миске нам найти не удалось. Подобные миски относятся к типу «л», по В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. С. 98). Исследовательница датирует их VIII–VII вв. до н. э. и отмечает их сходство по абрису с синхронными бронзовыми мисками.

Гривна (рис. 1: II) из массивного гладкого прута с раскованными в пластину и завернутыми в трубочку концами. Диаметр гривны 13,2 см, диаметр сечения прута 1 см. Гривны являются нашейным украшением, и, судя по непотревоженным комплексам, их завернутые концы находились на тыльной стороне шеи. Они относятся к варианту 1 типа I, по В. И. Козенковой (Там же. С. 50), который датируется исследовательницей в рамках IX–VIII вв. Подобные гривны, которые иногда имеют гравированный орнамент, частично или полностью занимающий ее поверхность, широко распространены в памятниках Кабардино-Пятигорья. Гривны встречены в погр. 10, 21, 22 и 23 мог. Березовский 1 (*Рунич*, 1962. С. 15. Табл. 14: 4; 1966. С. 10, 11. Рис. 12: 3, 4; 14); в погр. 4 мог. Березовский 4 (Там же. С. 12. Рис. 16: 13); погр. 1 мог. Березовский 6 (*Рунич*, 1963. С. 5. Рис. 4; 14). Встречены они также в погр. 25 мог. КМФ 1 и погр. 4 мог. Султангорский 1 (*Рунич*, 1971. С. 4, 5. Рис. 5; 11; 1974. С. 12. Рис. 21: 5). Аналогичные находки происходят из погр. 324, 326, 350 и 366 мог. Клинь-Яр III (*Белинский, Дударев*,

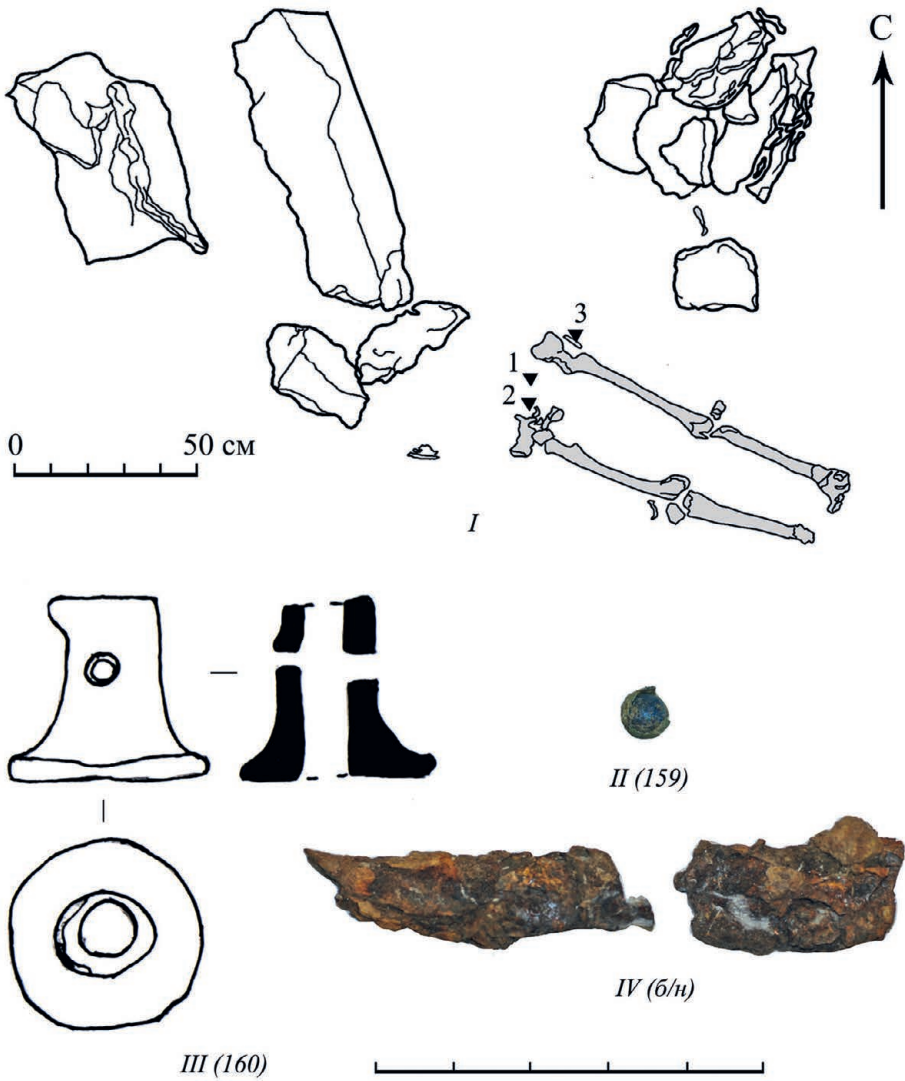

Рис. 3. Погребение 44. Рисунки Д. А. Бариновой, фото А. А. Кадиевой

I – План (*1* – обойма; *2* – ворворка; *3* – железный предмет); *II* – обойма; *III* – ворворка; *IV* – железный предмет; *II* – бронза, стекло; *III* – бронза; *IV* – железо

2015. С. 218, 222, 242, 246. Рис. 191: 8; 192: 5; 214: 1; 221: 1). Найдены были гривны и в нескольких комплексах мог. Белореченский 2: погр. 9, 26, 31 в Кисловодске (Дударев, 2004. С. 19, 27, 28. Рис. 5: А, 2; 20: 10; 25: А, 2). Кроме того, упоминаются находки в погр. 14 мог. Индустрия, двух недокументированных погребения мог. Заюково 1 и в нескольких других памятниках западного варианта кобанской культуры (Козенкова, 1998. С. 50. Табл. XIV: 1–4).

За пределами рассматриваемого региона такие украшения найдены в мог. Верхний Кобан в Северной Осетии (André-Leicknam, 1979. Cat. 162. P. 172 – фото) и на поселении Сержень-Юрт в Чечне (Козенкова, 1982. С. 50. Табл. XXVI: 1), центрального и восточного вариантов кобанской культуры соответственно.

Биконическая спиральная пронизь (рис. 1: IV). Длина 5,2 см, максимальный диаметр 1,3 см. Тип XXVIII, по В. И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 49. Табл. XIII: 26). Подобные пронизи являются частой находкой в погребениях.

Наиболее ранние известные находки таких пронизей в большом количестве в коллективных гробницах 1 и 2 мог. Терезе в Карачаево-Черкесии (Козенкова, 2004. С. 127. Табл. 43: 1–8, 10–13; 44: 1–20). Три пронизи, найденные в районе шеи, происходят из погр. 168 мог. Клинь-Яр III, одна – из разрушенного погребения этого могильника (Дударев, 1999. Рис. 119: 32; Белинский, Дударев, 2015. С. 18. Рис. 6: 5). Одна происходит из погр. 1 мог. Березовский 4 и две из погр. 25 мог. КМФ 1 (Рунич, 1963. С. 4. Рис. 4: 3; 1971. С. 4, 5. Рис. 5: 9), а в погр. 18 мог. КМФ 1 было найдено 7 аналогичных экземпляров, которые находились в районе грудной клетки погребенного (Рунич, 1970. С. 4. Рис. 5: 12). Две пронизи, «в изгибе рук» и ниже, были найдены в каменном ящике 1 мог. Каменноостский со скорченным женским захоронением и находились у кости руки, но Е. И. Крупнов считал, что были и разрушившиеся, основываясь на окислах бронзы на нижней челюсти, предполагая наличие ожерелья (Крупнов, 1950. С. 245. Рис. 41). Аналогично 7 пронизей были найдены «ниже кости руки» в женском скорченном погр. 26 мог. Белореченский 2 (Дударев, 2004. С. 27. Рис. 20: 12). В связи с этим можно предположить и другое назначение пронизей в costume.

Браслет (рис. 1: V) из гладкого прямоугольного в сечении прута. Внешний диаметр браслета 5,9 см, размеры сечения 0,6 × 0,7 см. Браслет может быть отнесен к категории ножных браслетов, выделенных В. И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 58. Табл. XVIII: 13–15). Из этой категории автор типологии датирует только браслеты из могильника Уллу-Баганлы в рамках третьей четверти VII в. до н. э. Учитывая условия нахождения, точное определение назначения браслета установить затруднительно. Он вполне может быть отнесен и к ручным браслетам типа X, которые, как считает В. И. Козенкова, встречаются в памятниках VIII–VII вв., но преимущественно характерны для VII–VI вв. до н. э. (Там же. С. 53. Табл. XVI: 13).

Миниатюрные полусферические бляшки с прямой скрытой перемычкой в виде пластины на оборотной стороне (рис. 2: 1–6). Диаметр 0,6–0,9 см, высота – 0,2–0,4 см. Бляшки относятся к варианту 1 типа II, по В. И. Козенковой, которая, как и многие другие исследователи, называет их пуговицами. Однако такая интерпретация вызывает возражения, поскольку в предкифское время ни на самом Кавказе, ни на сопредельных территориях пуговичный костюм неизвестен. Кроме того, перемычка на оборотной стороне предметов расположена

так, что при нашивании на ткань полусферическую гладкую бляшку использовать как застежку совершенно невозможно. Таким образом, нам представляется более рациональной интерпретация таких предметов как деталей украшения одежды или какого-то ее аксессуара. Данный тип украшений является широко распространенным на территории западного варианта кобанской культуры на всем протяжении ее существования (Там же. С. 36, 37. Табл. X: 3).

Наиболее ранние из них известны в гробницах 1 и 2 мог. Терезе, а также в намного более поздней гробнице 3 этого могильника (*Козенкова*, 2004. С. 117, 118. Табл. 27: 14, 17–24, 26; 29: 7–12; *Козенкова*, 1998. Табл. X: 3). В погр. 1, 5, 8, 15, 18, 36, 38, 43 мог. КМФ 1 встречено по одной (реже по 2) такой бляшке, что характерно и для других могильников (*Рунич*, 1958. С. 20, 24. Рис. 63; 74; 75; 1959. С. 5, 11. Табл. X: 8, 27; 1970. С. 4. Рис. 5: 15; 1971. С. 5, 7, 8. Рис. 7: 16; 11: 9, 11; 12: 13; *Виноградов и др.*, 1980. С. 185, 188, 191. Рис. 1: 10, 11; 2: 15; 3: 21, 34). По одной бляшке было найдено в погр. 5 мог. Индустрия (*Рунич*, 1969. С. 13. Рис. 24: 8), погр. 2 мог. Заюково 1 и в кургане 1914 г. в Каменномостском (*Дударев*, 1999. С. 224. Рис. 155: 4; 156: 5). На мог. Клинь-Яр III, как наиболее исследованном памятнике, 1, 2 бляшки найдены в погр. 19, 25 (Там же. Рис. 119: 8, 9, 11), 178, 210, 223, 225, 231, 302, 307, 321, 324, 349, 350, 366; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 32, 66, 86, 180, 190, 212, 218, 240, 242, 246. Рис. 17: 10; 56: 12; 72: 13; 74: 5; 81а: 3; 159б: 2; 167: 6; 187: 3; 191: 3; 212: 6; 213: 4; 219: 11, 12). Одна бляшка находилась в погр. 6 мог. Белореченский 2 (*Дударев*, 2004. С. 18. Рис. 4: А, 5).

За пределами западного варианта можно привести несколько аналогичных находок в погр. 16 мог. Фарс в Закубанье, кургане 6 группы 2 Геленджикских дольменов на побережье Черного моря, а также на поселении Сержень-Юрт и в других памятниках восточного варианта кобанской культуры (*Лесков, Эрлих*, 1999. С. 14. Рис. 17: 7; *Аханов*, 1961. С. 145. Рис. 6: 6; *Козенкова*, 1982. С. 38, 39. Табл. XXIV: 4, 5).

Таким образом, нахождение в погр. 28 мог. Заюково-3 шести бляшек можно считать редким случаем и предполагать украшение ими какого-то небольшого предмета из ткани или кожи.

Фибула (рис. 2: 7) одночленная дуговидная с округлой в сечении спинкой с небольшим утолщением в верхней части с дужкой без орнамента. Длина фибулы 8 см, высота 4,5 см. Фибула относится к варианту 2 типа I, по В. И. Козенковой, который распространен широко и на временном промежутке IX–VII вв. до н. э., но не является очень частой находкой в комплексах (*Козенкова*, 1998. С. 73. Табл. XXIV: 1–3, 7–11, 13–21).

Кроме перечисленных В. И. Козенковой фибул стоит упомянуть близкую находку из погр. 2 мог. Заюково 1 (*Дударев*, 1999. Рис. 155: б), а из других регионов – фибулы из погр. 9 и 12 из разрушенных погребений мог. Верхний Кобан в Северной Осетии (*André-Leicknam*, 1979. Cat. 155, 156, 160. P. 162, 166 – фото), на поселении и мог. Сержень-Юрт, а также на мог. Шарой в Чечне (*Козенкова*, 1982. С. 59. Табл. XXXVII: 1–3).

Ворворки (рис. 2: 7; 3: II) конические с округлым основанием. Ворворки литые по восковой модели, каналы для шнуров проделаны перпендикулярно друг другу. Ворворка из погр. 28 мог. Заюково-3 относится к усеченно-коническим со слегка вогнутыми сторонами, без утолщения на широком основании,

которые отнесены к VI типу (Козенкова, 1995. С. 115. Табл. IV: 27, 28). Размеры ее 1,9 × 2 см.

Кроме упомянутых В. И. Козенковой предметов следует добавить находки последних десятилетий. Аналогичные ворворки происходят из погр. 14 (Дударев, 1999. Рис. 129: 4), 143 (Флеров, Дубовская, 1993. С. 272. Рис. 8: 10), 167, 174, 206, 280, 294 и 313 мог. Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 16, 25, 61, 150, 170, 199. Рис. 5а: 5; 13: 5; 52: 4; 130: 4; 149: 4; 174: 6). Наиболее характерны предметы этой формы для западного варианта, где датируются в пределах VIII – первой половины VII в. до н. э. Нечастые аналогии известны восточнее, например, в погр. 43 Аллероевского мог. и погр. 33 Ханкальского мог. в Чечне (Козенкова, 1982. С. 32. Табл. XXI: 21, 22).

Ворворка из погр. 44 другого типа. Она относится к типу III и состоит из цилиндрического основания, на котором расположена усеченно-коническая верхняя часть различной высоты (Козенкова, 1995. С. 115. Табл. IV: 25, 26). Размеры ее – 2,4 × 2,6 см. Разницу в высоте этих ворворок и иногда наличие расширения у верхнего конца можно расценивать как варианты признаки.

Наибольшее сходство (по высоте) она имеет с ворворками из погр. 24 мог. Березовский 1 (Рунич, 1966. С. 11. Рис. 14: 3; Виноградов и др., 1980. С. 193. Рис. 6: 20) и погр. 167 мог. Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 16. Рис. 5а: 6). Меньшие по высоте изделия представлены в погребениях 184, 220, 259, 300 и 313 мог. Клинь-Яр III (Там же. Рис. 25: 6; 68: 3; 108: 3; 156: 2; 174: 6).

Ворворки этого типа были распространены довольно широко. Крайняя западная аналогия этому типу ворворок известна нам в погр. 50 мог. Кубанский (Вальчак и др., 2016. С. 35. Рис. 82: а–б).

В целом ворворки разных форм не являются основанием для узкого датирования, но представляется, что они появляются около второй четверти VIII в. до н. э. Следует заметить, что, рассматривая ворворки в разделах по типологии конского снаряжения, хотя и помещая их туда с оговорками, В. И. Козенкова не вполне права (Козенкова, 1982. С. 32; 1995. С. 112). Ворворки, как и многие бляшки, применялись в качестве декоративных и функциональных деталей как в конской сбруе, так и в costume древнего населения. А что касается именно ворворок, то, по сегодняшним данным, их находки преобладают в погребениях без каких-либо элементов сбруи.

Булавки стержневидные с навершием в виде пластинки, завернутой в трубочку, относятся к типу VI, по В. И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 65, 66. Табл. XXI: 15–19). Булавки из погр. 28 были двух вариантов: 1 – с гладким стержнем прямоугольного сечения в двух его верхних третях и круглого в нижней и 2 – с витым стержнем прямоугольного сечения в двух его верхних третях и круглого в нижней. Длина булавок 12,2–14,7 см. Судя по расположению в погребении (две под тазовыми костями, одна в ногах) остриями вверх, булавки крепились не одежду, а саван погребенного.

Аналогичное «беспорядочное» положение булавок наблюдается и во многих других погребениях кобанской культуры, но, видимо, они могли использоваться различным образом.

Как отмечала В. И. Козенкова, наиболее ранние из подобных булавок обоих вариантов были найдены в гробницах 1 и 2 мог. Терезе (Козенкова, 2004.

Табл. 39: 2–7; 40: 1–10). Булавки 1-го варианта также найдены в погр. 7 и 25 мог. КМФ 1, следует отметить и случайную находку в Заюково (Рунич, 1971. С. 4, 5. Рис. 5: 15; Козенкова, 1998. Табл. XXI: 15, 17). Две булавки этого варианта были обнаружены в погр. 239 и одна в погр. 249 мог. Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 98, 109. Рис. 85: 4; 96: 5).

Булавки 2-го варианта обнаружены в погр. 13, 18, 47 и 48 мог. КМФ 1, а также в погр. 12 мог. Березовский 1 и погр. 8 мог. Эчкиваши (Рунич, 1959. С. 8. Табл. X: 13; 1963. С. 1. Рис. 2: 2; 1966. С. 22. Рис. 26: 2; 1970. С. 4. Рис. 5: 24; 1971. С. 9. Рис. 13: 21; 1974. С. 15. Рис. 25: 4). По одной булавке этого варианта было найдено в погр. 182, 236, 242, 304 и 349 мог. Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 38, 98, 104, 184, 239. Рис. 23: 1; 83: 6; 89: 9; 164: 1; 212: 4). Одна булавка этого варианта происходит из совокупности материала разрушенных погребений мог. Клинь-Яр III (Дударев, 1999. Рис. 119: 6). Такие же изделия в одном экземпляре присутствовали в инвентаре погр. 7, 9 и 24 мог. Белореченский (Дударев, 2004. С. 18, 19, 26. Рис. 4: B, 6; 5: A, II; 18, 12).

Из находок других регионов Северного Кавказа можно упомянуть железную булавку 2-го варианта в погр. 13 мог. Фарс в Адыгее (Лесков, Эрлих, 1999. С. 12. Рис. 15: 9). Восточнее можно отметить нахождение бронзовых булавок в погр. 9 и 12 мог. Верхний Кобан, а также булавок обоих вариантов из разрушенных погребений этого могильника (André-Leicknam, 1979. Cat. 155, 156, 157. P. 162, 166. 168 – фото) и мог. Шарой в Чечне (Козенкова, 1982. Табл. XXXV: 3).

Следует отметить, что вопросы хронологии упомянутых погребений из мог. Верхний Кобан, особенно погр. 12, остаются дискуссионными, в частности, из-за явно смешанного материала из раскопок Э. Шантра, приписываемого этим погребениям в наши дни, что противоречит полевым рисункам XIX в. и порождает необоснованное удревнение всего материала из могильника (Козенкова, 1990. С. 67, 68. Рис. 1; Вальчак, 2001. С. 65–69).

Булавки обоих вариантов бытуют на довольно длительном временном отрезке – около конца IX до VII в. до н. э.

Бронзовые слитки (рис. 2: 10, 11) размерами $2,4 \times 1,5$ и $2,8 \times 0,9$ см.

Довольно редкая находка в погребениях кобанской культуры. Единственный известный нам случай нахождения бесформенного бронзового слитка был зафиксирован в гробнице 3 мог. Терезе (Козенкова, 2004. С. 74. Рис. 71: 3). Вполне вероятно, что здесь мы видим не единичные случаи, находки небольших слитков могли быть пропущены или не поняты при раскопках или отнесены к предметам неизвестного назначения как не заслуживающие публикации.

Бронзовая «фишка» (рис. 2: 13). Полусферический литой предмет с плоским основанием и крестообразным выступом на выпуклой стороне. Диаметр 1,1 см, высота – 0,5 см. Назначение предмета неясно.

Обойма со стеклянной вставкой синего цвета (рис. 3: II). Диаметр 0,7 см. Аналогичные обоймы были обнаружены в находящемся над погр. 44 погр. 40, датирующемся II–III вв. Логично предположить, что предмет попал в комплекс случайно и относится к более поздней эпохе. Однако точно такая же обойма была обнаружена в составе нагрудного убора в погр. 25 над погр. 28 (Кадиева, Демиденко, 2016. Рис. 2: 6). Таким образом, вопрос о датировке этого предмета пока остается открытым.

Фрагменты железного предмета (ножа?) из погр. 44 (рис. 3: IV) почти полностью руинированы.

По многим приведенным выше аналогиям инвентарь погр. 28 и 44 мог. Заюково-3 датируется в рамках VIII–VII вв. до н. э. Однако стратиграфия погребений позволяет уточнить эту дату. Погр. 28 было перекрыто погр. 25, содержащим ожерелье из подвесок в виде голов баранов (*Кадиева, Демиденко, 2016. С. 86*). Это погребение является позднейшим на участке, состоящем из пяти захоронений. Погребение 28, расположенное на нижнем уровне захоронений, является если не наиболее ранним на этом участке, то одним из наиболее ранних. На одном уровне с ним находится погр. 24, материал которого сейчас готовится к публикации. Комплекс был разрушен в древности, однако, судя по восстановленному закладу, не с целью ограбления. Часть инвентаря сохранилась в погребении. Среди находок были обнаружены подвеска в виде головы барана и женской фигурки (Там же. Рис. 7: 8, 11), а также четыре железных стержня. Эти стержни являлись застежками нагрудного убора, характерного для западной кобанской археологической культуры уже в скифское время. В частности, подобный убор был обнаружен и в погр. 43 мог. Заюково-3 (*Кадиева и др., 2019*).

Таким образом, можно предположить, что погр. 28, как и все остальные, расположенные в непосредственной близости от него, в том числе погр. 44, относятся к переходному периоду от предскифского к скифскому времени и датируются первой половиной VII в. до н. э.

Не менее интересно и объединяющее эти погребения вытянутое на спине с северо-западной ориентировкой положение погребенных. В кобанской культуре в предскифское время в мужских погребениях горной зоны Северного Кавказа доминирует обряд захоронения в положении на правом боку, разной степени скорченности. Однако на могильнике Заюково-3 наблюдается иная картина. Из 29 исследованных в могильнике на сегодняшний день погребений данного периода времени 7 (из них одно парное) были совершены вытянуто на спине, 5 – скорченно на правом боку и 2 – на левом боку. Девять погребенных подверглись постпогребальному разрушению. Также из выборки были исключены 7 детских костяков.

Более 30 лет назад В. И. Козенкова сделала вывод, учитывая мнение К. Ф. Смирнова, что положение погребенных – «вытянуто на спине» – совершенно «не свойственное для раннекобанских погребений», и включила их в «ритуал ингумационных захоронений третьего периода развития кобанской культуры (середина VII – IV в. до н. э.)» западного варианта этой культуры, приведя 5 подобных случаев. В. И. Козенкова предположила, что «наиболее уверенно можно связывать со степным влиянием лишь вытянутую на спине позу, с вытянутыми, скрещенными или ромбовидно раскинутыми ногами». Впрочем, имея в то время ограниченное число комплексов с подобным обрядом погребения, исследовательница осторожно датировала их (в рамках третьей группы) «не ранее середины – второй половины VI в. до н. э.» (*Козенкова, 1989. С. 83, 84. Табл. XXXVI: 4, 6, 8–10*).

Исходя из результатов современных раскопок могильника Заюково-3, мы можем согласиться с выводом В. И. Козенковой, что происхождение обряда захоронения в положении «на спине» является новацией для кобанской культуры

Северного Кавказа и никак не связано с традициями предшествующих культур эпохи бронзы Кавказа.

Уверенно отнести группу вытянутых на спине погребений мог. Заюково-3 только к VII в. до н. э. мы не можем, так как в составе их инвентаря находятся вещи, которые, как мы хотели показать, находят и более ранние аналогии. В эту же группу входит и погр. 60 могильника, в котором встречены типично кавказские наконечники стрел – площадки и втульчатый двухлопастный наконечник стрелы типично «степной» формы (*Кадиева и др.* В печати). В связи с этим фактом можно было бы связать появление вытянутых захоронений с влиянием степных кочевников, основываясь на давно известной тенденции изменения погребального обряда в Степи со скорченного на вытянутое, а восточной ориентировки на западную (*Тереножкин*, 1976. С. 200, 201).

Но интересным фактом является то, что на территории прилегающей с запада протомеотской культуры вытянутая на спине поза, часто с ориентировкой в западный сектор (с различными отклонениями), является хоть и не абсолютной, но часто встречающейся в различных могильниках, иногда составляя заметный процент от общего количества исследованных погребений, причем уверенно датированных в рамках VIII в. до н. э. Особенно она характерна для мужских погребений (*Лесков, Эрлих*, 1999. С. 31, 32; *Эрлих, Вальчак*, 2006. С. 97; *Эрлих*, 2007. С. 58, 60, 61, 63). При несомненной общности многих категорий предметов конского снаряжения и вооружения, особенно на позднем (классическом новочеркасском) этапе предскифского периода в конце VIII – первой половине VII в. до н. э., мы не можем отрицать и трансформацию погребального обряда кубанской культуры под влиянием протомеотской культуры. Пока наблюдаются лишь локальные и немногочисленные случаи подобного изменения обряда, но и эти факты требуют пристального внимания исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Аханов И. И.*, 1961. Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1. С. 139–149.
- Белинский А. Б., Дударев С. Л.*, 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.
- Вальчак С. Б.*, 2001. История исследования и особенности воинского погребения из Верхнекубанского могильника // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: Гриф и К. С. 65–70. (Материалы и исследования по археологии России; № 3.)
- Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р.*, 2016. Кубанский могильник. Материалы раскопок Н. В. Анфимова 1965 года. М.: Краснодарский гос. ист.-культур. музей-заповедник. 208 с.
- Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.*, 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. Б. Н. Мозолевский. Киев: Наукова думка. С. 184–199.
- Дударев С. Л.*, 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – VII в. до н. э.) / Отв. ред.: И. И. Горлова, В. Б. Виноградов. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т. 402 с.
- Дударев С. Л.*, 2004. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т. 84 с.
- Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Погребение предскифского времени с колчанным набором могильника Заюково-3. (В печати.)

- Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2016. Произведения пластики малых форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) в Кабардино-Балкарии // Кавказ и Степь на рубеже эпох поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой / Под ред. А. С. Балахванцева, С. В. Кулланды. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 85–88.
- Кадиева А. А., Маслов В. Е., Биркина Н. А., Демиденко С. В., 2019. Погребение конца VII–V вв. до н. э. из могильника Заюково-3 // SCYTHIA ET SARMATIA: сб. ст. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс. С. 79–88.
- Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; вып. В2-6.)
- Козенкова В. И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. № 3. С. 64–92.
- Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН. 168 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. 220 с.
- Крупнов Е. И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. V. Нальчик: Кабардинское гос. изд-во. С. 195–275.
- Лесков А. М., Эрлих В. Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: Гос. музей Востока. 164 с.
- Рунич А. П., 1958. Отчет о полевых археологических исследованиях в районе Кавказских Минеральных Вод // Архив ИА РАН. Р-1. № 1720.
- Рунич А. П., 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 2036.
- Рунич А. П., 1962. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 2454.
- Рунич А. П., 1963. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 2694.
- Рунич А. П., 1966. Отчет о археологических разведках в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 3251.
- Рунич А. П., 1969. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска // Архив ИА РАН. Р-1. № 5244.
- Рунич А. П., 1970. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска // Архив ИА РАН. Р-1. № 4179.
- Рунич А. П., 1971. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 4633.
- Рунич А. П., 1974. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод // Архив ИА РАН. Р-1. № 5249.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.
- Флёров В. С., Дубовская О. Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клинь-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. I / Отв. ред.: И. С. Каменецкий, А. А. Узянов. М.: Центр «Шелковый путь». С. 262–303.
- Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников / Отв. ред. В. Б. Ковалевская. М.: Наука. 430 с.
- Эрлих В. Р., Вальчак С. Б., 2006. Протомеотские погребения могильника Пшиш-I (раскопки 2004 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т. С. 85–123.
- André-Leicknam B., 1979. Catalogue des objets du Musée de Saint-Germain-en-Laye // Avant les Scythes. Préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris: Éditions de la Réunion des Musées Nationaux. S. 163–172.

Сведения об авторах

Кадиева Анна Анатольевна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Вальчак Сергей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: valchak@newmail.ru;

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

A. A. Kadieva, S. B. Valchak, S. V. Demidenko

MALE GRAVES OF THE PRE-SCYTHIAN PERIOD
WITH THE DECEASED LYING
IN THE EXTENDED POSITION AT ZAYUKOVO-3

(2015 EXCAVATIONS OF THE JOINT NORTH CAUCASUS ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION
OF THE GIM, KBSU AND IA RAS)

Abstract. The paper reviews two graves of the Koban culture at the Zayukovo-3 burial ground in Kabardino-Balkaria. The graves are noted for an extended position of the deceased which is not typical for the Koban burial grounds. The funerary offerings from the graves were examined within a broader context of the analogies originating at the western type of the Koban cemeteries and in the adjacent areas.

Keywords: funerary rite, North Caucasus, Pre-Scythian period.

REFERENCES

- Akhanov I. I., 1961. Gelendzhikskiyе podkurgannyye dol'meny [Gelendzhik dolmens under kurgans]. *SA*, 1, pp. 139–149.
- Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi Rannego zheleza [Cemetery Klin-Yar III and its position among antiquities of Caucasus and South-Eastern Europe of the beginning of Early Iron Age]. Stavropol: Dizayn-studiya B. 446 p.
- Dudarev S. L., 1999. Vzaimootnosheniya plemen Severnogo Kavkaza s kochevnikami Yugo-Vostochnoy Evropy v predskifskuyu epokhu (IX – VII v. do n. e.) [Mutual relations of tribes of Caucasus and East European nomads in pre-Scythian epoch (IX – VII c. BC)]. I. I. Gorlova, V. B. Vinogradov, eds. Armavir: Armavirskiy gos. pedagogicheskiy institut. 402 p.
- Dudarev S. L., 2004. Belorechenskiy 2-y mogil'nik – pamyatnik epokhi rannego zheleza Kavkazskikh Mineral'nykh vod [Belorechenskiy 2nd cemetery – site of early Iron Age in Caucasus Mineral'nyye vody]. *MIASK*, 3. V. B. Vinogradov, ed. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 84 p.
- Erlikh V. R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov [North-West Caucasus in the beginning of Iron Age: proto-Maeotian group of sites]. V. B. Kovalevskaya, ed. Moscow: Nauka. 430 p.
- Erlikh V. R., Val'chak S. B., 2006. Protomeotskiye pogrebeniya mogil'nika Pshish-I (raskopki 2004 g.) [Proto-Maeotian burials in cemetery Pshish-I (2004 excavations)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and investigations on Kuban archaeology]*, 6. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Krasnodarskiy gos. universitet, pp. 85–123.
- Flyorov V. S., Dubovskaya O. R., 1993. Muzhskiyе pogrebeniya kobanskogo mogil'nika Klin-Yar III v g. Kislovodske [Men's burials of Koban cemetery Klin-Yar III in city of Kislovodsk]. *Vestnik*

- Shelkovogo puti. Arkheologicheskiye istochniki [Silk Road herald. Archaeological sources]*, 1. I. S. Kamenetskiy, A. A. Uzyanov, eds. Moscow: Tsentr «Shelkovyy put'», pp. 262–303.
- Kadiyeva A. A., Demidenko S. V., 2016. Proizvedeniya plastiki malykh form epokhi rannego zheleznogo veka iz mogil'nika Zayukovo-3 (Gundelen) v Kabardino-Balkarii [Small-size sculpture items of early Iron Age from cemetery Zayukovo-3 (Gundelen) in Kabardino-Balkaria]. *Kavkaz i step' na rubezhe epokh pozdney bronzy i rannego zheleza [Caucasus and steppe on the turn of Late Bronze and Early Iron ages]*. A. S. Balakhvantsev, S. V. Kullanda, eds. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN [Institute for Oriental studies RAS], pp. 85–88.
- Kadiyeva A. A., Maslov V. E., Birikina N. A., Demidenko S. V., 2019. Pogrebeniye kontsa VII–V vv. do n. e. iz mogil'nika Zayukovo-3 [Burial of the end of VII–V cc. BC from cemetery Zayukovo-3]. *SCYTHIA ET SARMATIA*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: MAKS Press, pp. 79–88.
- Kadiyeva A. A., Val'chak S. B., Demidenko S. V. Pogrebeniye predskifskogo vremeni s kolchannym naborom mogil'nika Zayukovo-3 [Burial of pre-Scythian time with quiver set from cemetery Zayukovo-3]. (In print.)
- Kozenkova V. I., 1982. Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoj kul'tury. Vostochnyy variant [Typology and chronological classification of Koban culture artefacts. Eastern variant]. Moscow: Nauka. 176 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1989. Kobanskaya kul'tura. Zapadnyy variant [Koban culture. Western variant]. Moscow: Nauka. 196 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1990. Khronologiya kobanskoj kul'tury: dostizheniya, opyt utochneniya, nereshennyye problemy [Chronology of Koban culture: achievements, experience of clarification, unsolved problems]. *SA*, 3, pp. 64–92.
- Kozenkova V. I., 1995. Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoj kul'tury (sistemizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant [Weapons, armaments and horse equipment of Koban culture tribes (systematization and chronology). Western variant]. Moscow: IA RAN. 168 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material foundation of everyday life of Koban tribes. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 2004. Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnikh «kobantsev». Mogil'nik Tereze kontsa XII–VIII v. do n. e. [Biritualism in burial rite of ancient «Koban people». Cemetery Tereze of late XII–VIII c. BC]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Material for study of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, V. A. B. Belinskiy, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 220 p.
- Krupnov E. I., 1950. Arkheologicheskiye issledovaniya v Kabardinskoj ASSR v 1948 godu [Archaeological investigations in Kabarda ASSR in 1948]. *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Scientific notes of Kabardino-Balkaria scientific research institute]*, V. Nal'chik: Kabardinskoye gos. izdatel'stvo, pp. 195–275.
- Leskov A. M., Erlikh V. R., 1999. Mogil'nik Fars/Klady. Pamyatnik perekhoda ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku na Severo-Zapadnom Kavkaze [Cemetery Fars/Klady. Site of transitional epoch from Bronze Age to Early Iron Age in North-Western Caucasus]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. 164 p.
- Runich A. P., 1958. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v rayone Kavkazskikh Mineral'nykh vod [Report on field archaeological investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1959. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod [Report on field investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1962. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod [Report on field investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1963. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod [Report on field investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1966. Otchet o arkheologicheskikh razvedkakh v rayone Kavminvod [Report on archaeological reconnaissance in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1969. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kislovodskaya [Report on field investigations in Kislovodsk region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Runich A. P., 1970. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kislovodsk [Report on field investigations in Kislovodsk region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1971. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod [Report on field investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Runich A. P., 1974. Otchet o polevykh issledovaniyakh v rayone Kavminvod [Report on field investigations in Caucasian Mineral waters region]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Terenozhkin A. I., 1976. Kimmeriytsy [The Cimmericians]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.
- Val'chak S. B., 2001. Istoriya issledovaniya i osobennosti voinskogo pogrebeniya iz Verkhnekobanskogo mogil'nika [History of research and features of warrior's burial from Verkhnekobanskiy cemetery]. *Severnyy Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki [North Caucasus: historical-archaeological essays and notes]*. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 65–70. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 3.)
- Val'chak S. B., P'yankov A. V., Khachaturova E. A., Erlikh V. R., 2016. Kubanskiy mogil'nik. Materialy raskopok N. V. Anfimova 1965 goda [Kuban cemetery. Materials from excavations of N. V. Anfimov, 1965]. Moscow: Krasnodarskiy gos. istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik. 208 p.
- Vinogradov V. B., Dudarev S. L., Runich A. P., 1980. Kimmeriysko-kavkazskiy svyazi [Cimmerian-Caucasian connections]. *Skiffiya i Kavkaz [Scythia and the Caucasus]*. B. N. Mozolevskiy, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 184–199.

About the authors

Kadieva Anna A., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Valchak Sergey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: valchak@newmail.ru;

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

С. В. Сиротин

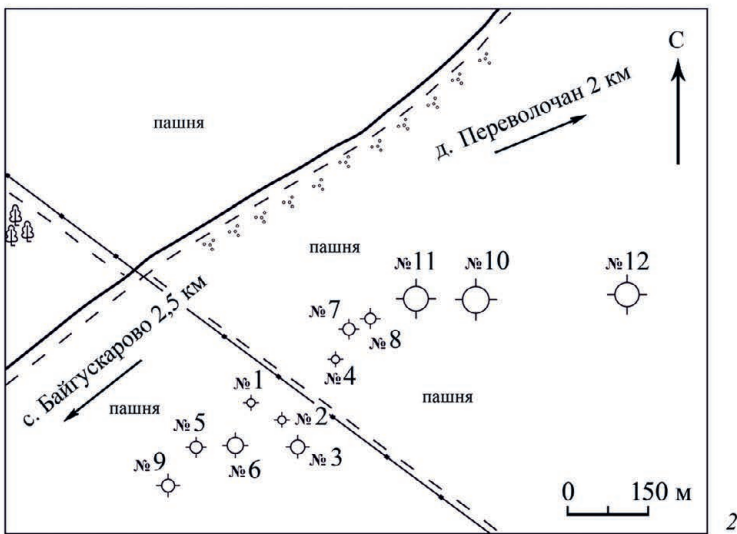
ДРОМОСНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ IV в. до н. э. ИЗ КУРГАНА 12 НЕКРОПОЛЯ ПЕРЕВОЛОЧАН I НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Резюме. В статье представлен погребальный комплекс эпохи ранних кочевников IV в. до н. э. из некрополя Переволочан I на Южном Урале. Рассматриваемое погребение было устроено в центре подкурганной площадки кургана 12. Погребение относится к сооружениям дромосного типа. Обращает на себя внимание найденный инвентарь: предметы вооружения, элементы конской сбруи, ювелирные украшения, золотые обкладки деревянных чаш. Конструктивные особенности курганной насыпи, дромосное устройство могильной ямы, богатый сопроводительный материал позволяют отнести данный комплекс к погребениям кочевой элиты. В публикации дается анализ погребального обряда, инвентаря, а также хронология погребения.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, погребальный обряд, дромосные погребения, вооружение кочевников, конская сбруя.

Введение

Курганный могильник Переволочан I, расположенный в юго-восточной Башкирии, на границе Южного Приуралья и Южного Зауралья, относится к категории опорных памятников ранних кочевников Южного Урала (рис. 1: 1). Работы на могильнике проводились А. Х. Пшеничнюком в 1974 г. и в 1991 г. (курганы № 1–10) и в 2007 г. С. В. Сиротиным (курганы № 11, 12) (Пшеничнюк, 1983; 1995; Сиротин, 2008; 2010). В исследованных курганах отмечаются сложные погребальные сооружения, богатый сопроводительный инвентарь, а также сочетание различных черт погребального обряда как в отдельных курганах, так и в целом в курганной группе. Выделяются группы курганов с абсолютно разными погребальными традициями и курганы, имеющие смешанные черты погребальной обрядности. Время функционирования могильника Переволочан I определяется в пределах V в. до н. э. – второй половины IV в. до н. э. – рубежа

3

Рис. 1. Могильник Переволочан I. Курган 12

1 – карта расположения могильника Переволочан I; 2 – план могильника Переволочан I; 3 – курган 12

IV–III вв. до н. э. (Сиротин, 2016). В культурно-хронологическом отношении могильник наглядно демонстрирует процесс культурных трансформаций, происходивших в раннекочевническом обществе на Южном Урале в конце V – IV в. до н. э.

Могильник насчитывал 12 земляных насыпей различной величины. Курган 12 являлся крайним (с востока) в общей цепочке курганных насыпей (рис. 1: 2). Наряду с большими курганами 10 и 11 он входит в позднюю хронологическую группу (вторая половина IV – рубеж IV–III вв. до н. э.) на северо-восточном участке могильника.

Насыпь кургана была сооружена из дерновых блоков и гумуса, взятого из околочурганного пространства, имела полусферическую форму с более отлогим южным склоном (рис. 1: 3). Современный диаметр кургана 42 м, высота 2,25 м. Всего в кургане было выявлено и исследовано 5 погребений (рис. 2: 2). В основе погребальной конструкции кургана находилось дромосное погребение 5 (центральное). Над центральной могилой возводилась деревянная конструкция из березовых бревен (диаметром 0,08–0,15 м) (рис. 2: 1, 2). Диаметр конструкции составлял около 14 м. Бревнами был заложен и ход-дромос центрального погребения. Признаков горения деревянной конструкции, следов погребальных костров в кургане не выявлено. Из конструктивных особенностей следует обратить внимание на отсутствие кольцевого валика из глины вокруг центрального погребения, наличие которого фиксируется в курганах такого типа на Южном Урале.

Традиционно остатки бревен в центральной части кургана, имеющие радиальное направление, интерпретируются как так называемое шатровое перекрытие. В этой связи следует отметить, что в настоящее время среди исследователей нет единой точки зрения на характер данной конструкции. Одни считают, что бревна, опираясь на валик, устанавливались под острым углом, создавая полукупол, над которой возводилась насыпь из земли либо дерновых блоков. Затем в данное сооружение через дромос, по мере необходимости, совершались дополнительные подзахоронения (Пшеничнюк, 2012. С. 62, 63). Другие исследователи считают, что как таковая островерхая или «шатровая» конструкция здесь не возводилась и радиально уложенные бревна в виде перекрытия являются лишь своеобразной имитацией шатра над центральным погребением, а возведение насыпи или «закрытие» кургана осуществлялось после того, как могильная яма была заполнена (Очир-Горяева, 2011. С. 180; Яблонский, 2013. С. 43). На мой взгляд, данная точка зрения является более предпочтительной.

На подкурганной площадке были выявлены периферийные погребения (погребения 1–4). Планиграфически они имеют радиальное расположение относительно центральной могилы и совершены за пределами деревянной конструкции в 6,5–17 м от условного центра кургана. Конструктивно 3 периферийных погребения (погребения 1–3) представляют собой подбойные сооружения. Погребение 4, на мой взгляд, следует отнести к погребениям каткомного типа с перпендикулярным расположением осей входной ямы и погребенных.

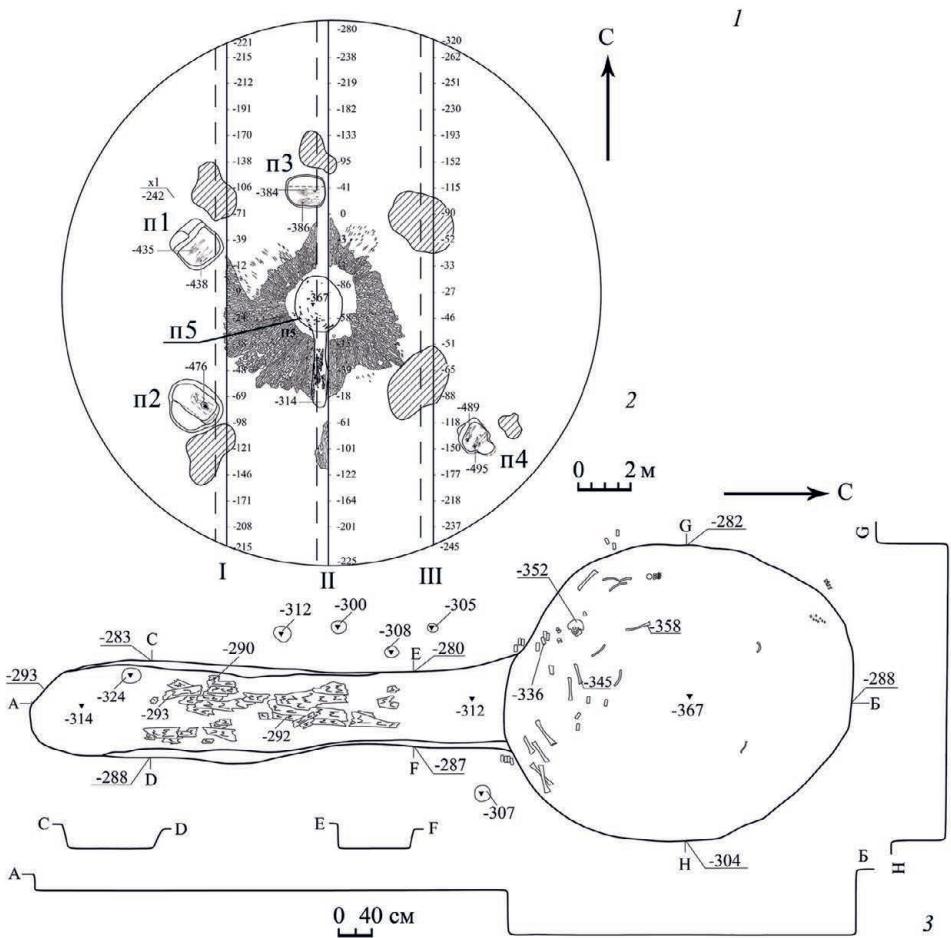

Рис. 2. Могильник Переволочан I. Курган 12. Погребение 5

1 – остатки деревянной конструкции (фрагмент); *2* – план кургана 12; *3* – план погребения 5

Описание погребального комплекса (погребение 5)

Погребение 5 было выявлено в центральной части кургана (рис. 2: 2). Могильная яма округло-овальной формы (диаметром $4,2 \times 3,8$ м) имела примыкающий к южной стенке ход-дромос (длина 5,8 м, ширина 1–1,2 м), ориентированный в южном направлении (рис. 2: 3). Могильная яма была углублена в материк до 0,85 м. Дромос имел подтрапецевидную в сечении форму, горизонтальное дно в продольном разрезе, был углублен в материк до 0,32 м. В центральной части дромоса фиксировались остатки бревен диаметром 0,15–0,18 м от деревянной конструкции. Бревна были уложены вдоль линии хода. Вдоль западной стенки дромоса зафиксированы четыре столбовые ямы диаметром 0,10–0,23 м, глубиной 0,2–0,32 м (от материковой поверхности). Одна столбовая яма (диаметр 0,2 м, глубина от материковой поверхности 0,2 м) фиксировалась в 0,5 м к востоку от устья дромоса. Одна столбовая яма овальной формы $0,23 \times 0,17$ м зафиксирована в дромосе в 1 м к северу от начала дромоса около западной стенки.

Погребение ограблено (видимо, неоднократно). В процессе исследования центрального погребения на разной глубине в южной части могильной ямы встречались беспорядочно разбросанные кости не менее чем от двух взрослых человек. В юго-западном секторе был найден череп женщины 25–35 лет¹. В заполнении ямы на разной глубине был найден разнообразный сопроводительный инвентарь.

Из предметов вооружения в заполнении ямы были найдены бронзовые наконечники стрел (33 экз.: трехлопастные с выступающей втулкой – 6 экз., трехлопастные со скрытой втулкой – 27 экз.) (рис. 3: 1). Помимо этого, при исследовании погребения были найдены костяные пластины преимущественно прямоугольной формы, с характерными отверстиями для крепления (рис. 3: 2). Аналогичные пластины встречались на разной глубине при разборе остатков насыпи над погребением. Все они, вероятнее всего, происходят от одного панцирного набора, разрушенного при ограблении могилы. Всего найдено 38 костяных пластин различной степени сохранности, размерами $7,2 \times 2,2$ см, $7,3 \times 2,8$ см, $8,5 \times 3,5$ см, $9,1 \times 3,3$ см.

Примечательными находками являются предметы конского снаряжения. При разборе останца центральной бровки у края могильной ямы были найдены четыре бронзовых распределителя ремней. Распределители были оформлены в виде двусоставного изображения – головы верблюда в верхней части и головы грифона или хищной птицы в нижней части (рис. 3: 3). В заполнении ямы были найдены бронзовый распределитель для перекрестных ремней с зооморфным навершием (рис. 3: 4), бронзовый наносник в виде головы хищной птицы (рис. 3: 5). В северной части ямы был найден железный дуговидный предмет (строгач) с петлями на концах (рис. 3: 6) и бронзовый С-видный двудырчатый биметаллический псалий (рис. 3: 7). Помимо этого, в заполнении ямы были найдены обломки ажурных бронзовых блях (16 фрагментов) (рис. 3: 8), бронзовая полусферическая бляха с отломанным ушком на оборотной стороне (рис. 3: 9),

¹ Все антропологические определения сделаны А. И. Нечвалодой (УФИЦ РАН).

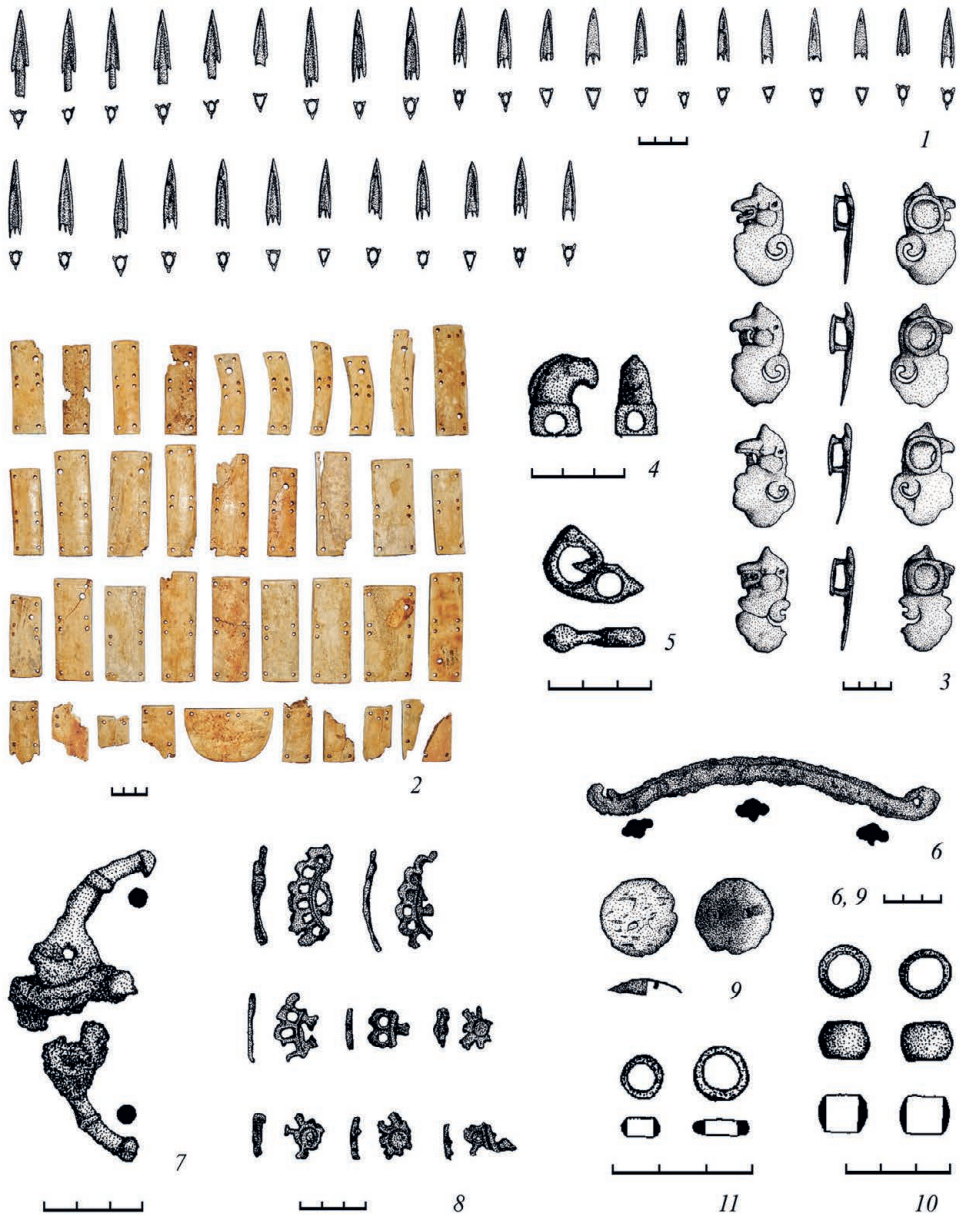

Рис. 3. Инвентарь погребения 5

1 – наконечники стрел; 2 – пластины доспека; 3 – распределители ремней; 4 – распределитель с зооморфным навершием; 5 – наносник; 6 – дуговидный предмет (строгач); 7 – псалий; 8 – фрагменты уздечных ажурных блях; 9 – уздечная бляха; 10 – биконические пронызы; 11 – пронызы

1, 3–5, 8–11 – бронза; 2 – кость; 6 – железо; 7 – бронза и железо

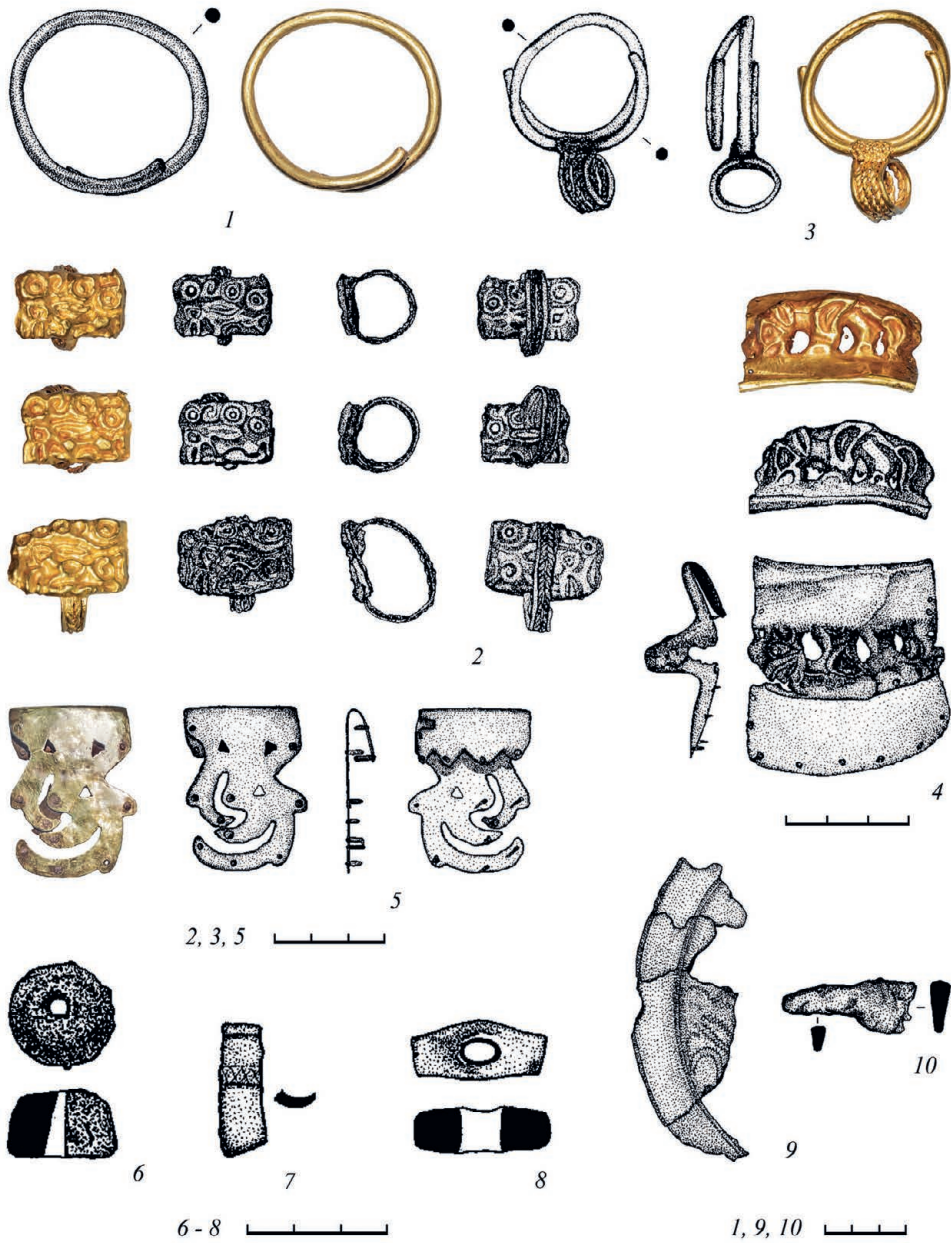

Рис. 4. Инвентарь погребения 5

1 – браслет; 2 – перстни; 3 – подвеска (серьга); 4, 5 – обкладки деревянного сосуда; 6 – ворворка; 7 – фрагмент изделия из кости; 8 – застежка; 9 – фрагмент зеркала; 10 – фрагмент ножа

1–5 – золото; 6, 10 – железо; 7, 8 – кость; 9 – бронза

две крупные бронзовые биконические пронизи (рис. 3: 10), мелкие бронзовые пронизи (более 30 экз. и несколько десятков фрагментов) (рис. 3: 11).

На дне могильной ямы около западной стенки были найдены лежащие в анатомическом порядке кости левой кисти человека. Здесь же в области запястья найден золотой браслет (6 × 7,5 см) из округлого в сечении (5 мм) прута с несомкнутыми, заходящими друг под друга концами (рис. 4: 1); на фалангах среднего, указательного и безымянного пальцев были найдены три золотых перстня-печатки с плетеным ободом-кольцом и прямоугольным щитком со стилизованными изображениями оленей (рис. 4: 2).

В юго-западном секторе ямы были найдены височная подвеска (серьга) из золотой проволоки с цилиндрическим блоком в виде широкого трехрядного плетеного колечка (рис. 4: 3), золотая декоративная оковка деревянной чаши с боковой горизонтальной ручкой в виде полой фигурки кошачьего хищника (рис. 4: 4), золотая декоративная оковка деревянной чаши с роговидными завитками (рис. 4: 5). В заполнении могильной ямы были найдены железная ворворка (рис. 3: 6), обломок костяного изделия (рис. 4: 7), костяная застежка в форме молоточка с отверстием (рис. 4: 8), фрагменты бронзового орнаментированного зеркала с утолщением по краю диска (валиком) (рис. 4: 9), фрагмент железного ножа (рис. 4: 10).

Истоки погребального обряда

Как уже отмечалось, курган 12 входит в северо-восточную группу курганов, в которых дромосные и подбойно-катакомбные погребения с характерным инвентарем определяют верхнюю хронологическую границу памятника.

Обращает на себя внимание то, что в кургане 12, так же как в других больших курганах данного некрополя с коллективными дромосными погребениями (курганы 3, 10), признаки горения деревянной конструкции отсутствуют. Это вполне согласуется с тем, что традиции разведения мощных кострищ исчезают в IV в. до н. э. (Гуцалов, 2004. С. 105) и не встречаются в классическую прохоровскую эпоху.

Наиболее ранние дромосные погребения на Южном Урале отмечаются с конца VI – V в. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 144, 145). К. Ф. Смирнов связывал дромосные могилы с подражением жилищам лесостепного населения Зауралья, а также жилищам ранних кочевников, устраиваемым на предполагаемых зимниках. Дромосные сооружения К. Ф. Смирновым определенно связываются с последовательными захоронениями представителей богатой и знатной родственной группы ранних кочевников (Смирнов, 1978. С. 62). Б. Ф. Железчиков рассматривал появление традиции последовательных захоронений в связи с миграцией в степи Южного Приуралья нового этноса, что привело в конечном итоге к формированию прохоровской культуры (Железчиков, 1992. С. 92). Не уточняя вопрос, о каком именно этносе идет речь, Б. Ф. Железчиков в качестве возможных носителей традиций сооружения дромосных могил видит саков Приаралья, где такие захоронения получают распространение еще в раннескифское время (Там же. С. 93).

Л. Т. Яблонский связывает распространение таких могил с приходом элитарных групп кочевых объединений с территории лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский, 2011. С. 238). По мнению Р. Б. Исмагилова, данный вид погребальных конструкций был привнесён на Южный Урал с территории Южного и Юго-Восточного Казахстана (Исмагилов, 1996. С. 44).

Все исследователи сходятся во мнении, что дромосные погребения принадлежат кочевой элите и являются признаком высокого социального статуса погребённых (Таиров, Гаврилюк, 1988. С. 145; Мошкова и др., 2011. С. 166; Яблонский, 2011. С. 238, 239).

Большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений на Южном Урале датируется в пределах конца V – IV в. до н. э. (Мошкова и др., 2011). Их широкое распространение связано с общей трансформацией культуры ранних кочевников Южного Урала в конце V – IV в. до н. э., в рамках которой наблюдается утверждение новых форм погребальной обрядности, инвентаря (Таиров, 2009). Вероятнее всего, следует согласиться с тем, что традиция сооружения дромосных могил на Южном Урале носит миграционный характер.

Все периферийные погребения, найденные в кургане, относятся к одному (вместе с центральным погребением) культурно-хронологическому горизонту. В трех из четырех выявленных на подкурганной площадке захоронений найдены по два костяка. В погребениях 1 и 4 обнаружены парные разнополюе захоронения. В погребении 3 выявлены два мужских скелета с богатыми наборами вооружения.

Погребения, совершенные в подбойных ямах, появляются еще в V в. до н. э., однако массовое распространение подбойных могил – отличительная черта IV в. до н. э. (Мошкова, 1974. С. 17; Гуцалов, 2004. С. 105). Обращает на себя внимание погребение 4. По своей конструкции данное погребение может быть отнесено к катакомбам I типа (Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999). Время бытования таких катакомб определяется в рамках V–III вв. до н. э., однако большая часть из них датируется IV – началом III в. до н. э. (Мошкова и др., 2011. С. 166).

Анализ инвентаря и хронология комплекса

В погребении найден богатый сопроводительный инвентарь, включавший в свой состав предметы вооружения, элементы конской сбруи, украшения, золотые обкладки деревянных сосудов, фрагменты бронзового зеркала и ряд других категорий.

Предметы вооружения в погребении представлены бронзовыми наконечниками стрел и костяными пластинами от ламеллярного доспеха. Найденные в погребении бронзовые наконечники стрел (рис. 3: 1) имеют широкие аналогии в колчаных наборах ранних кочевников конца V – IV в. до н. э. (Смирнов, 1964; Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013).

Интересной находкой являются костяные пластины с характерными сквозными отверстиями для крепления (рис. 3: 2). Аналогичные пластины были найдены в кургане 10 этого же могильника в богатом воинском погребении (погребение 1) (Пшеничнюк, 1995. С. 83, 84. Рис. 12: 14). Помимо этого, на Южном

Урале наборы аналогичных пластин отмечены в материалах могильника Филипповка 1 (Пшеничнюк, 2012. С. 167, 172. Рис. 98: 5–17; 104: 12–17; Яблонский, 2013. С. 202. № 2623–2720).

Подобные пластины встречаются в комплексах, расположенных к востоку от Уральских гор. Костяные панцирные пластины обнаружены в Куртамышском кургане в лесостепном Зауралье (Зданович, 1964). Большое количество аналогичных пластин найдено в Шмаковских курганах лесостепного Притоболья (Генинг, 1993). В целом костяной пластинчатый доспех достаточно широко представлен в материалах саргатской культуры. (См. обзор источников: Васильев, 2001. С. 73, 74).

Определить истоки происхождения костяных пластинчатых доспехов в южноуральских степных комплексах довольно сложно вследствие достаточно широкой географии подобных находок и их универсальности в плане культурной принадлежности. На мой взгляд, следует согласиться с мнением В. Н. Васильева о том, что происхождение таких пластин в раннекочевнических памятниках Южного Урала все же в большей степени связано с племенами лесостепных и лесных районов Зауралья и Южной Сибири (Там же. С. 73, 74).

Элементы уздечного набора. Примечательной находкой можно считать железный дуговидный предмет с загнутыми в петли окончаниями (рис. 3: 6). Анализируя подобные предметы, С. Б. Вальчак определяет их как элементы конской уздечки повышенной строгости (Вальчак, 2009. С. 126). К настоящему времени известно еще несколько находок подобных предметов, которые происходят из комплексов южноуральских кочевников второй половины IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 1995. С. 84. Рис. 12: 14; Васильев, 2004. С. 156. Рис. 2: 27; Сиротин, Трейстер, 2014. С. 210. Рис. 2: 8; Яблонский, 2013. С. 66, 224, 227. № 31, 3138, 3153; Сиротин и др., 2018).

Один экземпляр такого предмета найден в междуречье Дона и Северского Донца, в кургане у поселка Шолоховский (IV в. до н. э.) (Смирнов, 1984. Рис. 62: 6. С. 136, 139). Небольшая серия аналогичных предметов известна в комплексах Среднего Дона. Похожий предмет имеется в кургане 10 могильника Горки I, материалы которого датируются концом третьей четверти IV в. до н. э. (Гуляев, Савченко, 2004. С. 43. Рис 5: 18; Савченко, 2009. С. 243, 244). С. Б. Вальчак приводит еще один комплекс с таким предметом с территории Румынии (могильник Зимниче) с наиболее предпочтительной датировкой второй половины IV в. до н. э. и несколько экземпляров из лесостепных городищ скифского времени (Вальчак, 2009. С. 127). Есть все основания рассматривать подобные предметы в южноуральских комплексах в качестве хроноиндикатора второй половины IV в. до н. э.

Обращают на себя внимание распределители перекрестных ремней с профильным изображением головы верблюда в верхней части и головы грифона или хищной птицы в нижней части (рис. 3: 3). Точные аналогии этим предметам на Южном Урале мне неизвестны. Конструктивно они близки к распределителям ремней в виде столбика с плоским или рельефным щитком, которые представлены в уздечных наборах южноуральских кочевников (Очир-Горяева, 2012. С. 264. Илл. 287: 8–10). Определенные конструктивные параллели можно найти при рассмотрении распределителя из могильника Сара (курган 4, погребение 1) (Федоров, Васильев, 2017. С. 57. Рис. 3: 3).

Вызывает интерес находка бронзового псаля С-видной формы с остатками железных удил (рис. 3: 7). В качестве наиболее близкой аналогии можно отметить биметаллический псаля в составе элементов конского снаряжения, найденных в насыпи кургана 10 этого же могильника (*Пиеничнюк*, 1995. С. 81, 82. Рис. 11: 10). Наличие сходных по форме и оформлению псаляев отмечается в Подонье в материалах кургана у пос. Шолоховский (*Смирнов*, 1984. С. 138, 130. Рис. 58: 9, 10) и могильника у с. Русская Тростянка (*Савченко*, 2009. С. 306. Рис. 2: 16). Псаляи этого типа, по мнению В. Н. Васильева, считаются характерными только для IV в. до н. э., и применительно к южноуральским комплексам они могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н. э. (*Васильев*, 2004. С. 155).

Рассматривая биметаллические псаляи, найденные в Тенгинских курганах, В. Р. Эрлих отмечает их присутствие в комплексах Южного Урала V–IV вв. до н. э., на Среднем и Нижнем Дону, в лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н. э. (*Эрлих*, 2010. С. 90, 91; 2011. С. 56). При этом указывается, что наиболее многочисленная серия их найдена в Прикубанье (*Эрлих*, 2010. С. 91), и в целом биметаллические псаляи можно считать характерной особенностью прикубанских уздечных наборов второй половины IV в. до н. э. (*Эрлих*, 2006. С. 62). В качестве исходных территорий данной категории вещей В. Р. Эрлих, основываясь на находках из Пятимаров, Кырык-Обы II и Филипповки 1, видит ареал савроматской культуры (Там же. С. 62; 2011. С. 57). На мой взгляд, для V в. до н. э. такое предположение вполне допустимо в контексте самой технологии изготовления псаляев с использованием железа и бронзы. Однако здесь следует обратить внимание на то, что оформление бронзовых окончаний псаляев из Южного Приуралья (Пятимаров и Кырык-Обы II) принципиальным образом отличается и выполнено в иной стилистической манере (*Смирнов*, 1964. С. 322. Рис. 29: 4а; *Гуцалов*, 2010. С. 54. Рис. 3: 5, 10, 11, 14, 15). В этой связи, что касается биметаллических псаляев из Переволочана и Филипповки, то их происхождение, так же как и целый ряд других элементов раннепрохоровской сбруи, явно связано с Прикубаньем второй половины IV в. до н. э.

В числе предметов конской гарнитуры обращает на себя внимание бронзовый зооморфный наносник (налобник) в форме головы хищной птицы (рис. 3: 5).

К настоящему времени известна широкая серия металлических украшений узды, крепившихся к наносному или налобному ремню, в уздечных наборах кочевников Южного Урала VI–IV вв. до н. э. (*Мышкин*, 2015).

Рассматривая железные и бронзовые наносники в раннепрохоровских уздечных наборах, В. Н. Васильев выделяет категорию бронзовых зооморфных наносников (тип II), отмечая при этом, что стилистически близкие изделия на Южном Урале известны в Филипповских курганах (курган 3) и Сибайском I могильнике (курган 8) (*Васильев*, 2004. С. 156, 157. Рис. 17) конца V – IV в. до н. э. и IV в. до н. э. На Нижнем Дону они отмечены в кургане у пос. Шолоховский IV в. до н. э. (*Смирнов*, 1984. С. 130. Рис. 58: 6, 19–21). В. Р. Эрлих отмечает характерное наличие стилистически похожих наносников в памятниках Прикубанья IV вв. до н. э. (*Эрлих*, 2010. С. 98).

Наносник, оформленный в виде головы хищной птицы, на Южном Урале происходит из жертвенного комплекса 1 кургана 4 могильника Филипповка I (*Яблонский*, 2013. С. 77. № 93).

Из более ранних комплексов (конец VI – первая половина V в. до н. э.) в качестве стилистически близкой аналогии следует указать бронзовый наносник из могильника Кырык-Оба II (курган 12) (Гуцалов, 2011. С. 85. Рис. 2: 4). Однако наносник из Кырык-Обы выполнен в более реалистической манере и в большей степени имеет сходство с наносниками из кургана 8 (конь 5) могильника Пятимары I (рубеж VI–V вв. до н. э. либо начало V в. до н. э. (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 17: 61) и курганов 3 и 5 могильника Бесоба (конец VI – V в. до н. э.) (Мышкин, 2015. Рис. 2: 1, 5). Вместе с тем необходимо отметить, что наносник из рассматриваемого погребения могильника Переволочан I выполнен более схематично и может представлять собой поздний вариант подобной категории вещей.

Вызывает интерес распределитель для перекрестных ремней с зооморфным навершием (рис. 3: 4). Похожий предмет, но более реалистичного исполнения, происходит из жертвенного комплекса 1 кургана № 4 Филипповского I могильника (Яблонский, 2013. С. 65. № 28). Вероятно, данные элементы конской сбруи конструктивно и функционально могут быть близки к распределителям с когтевидным (клювовидным) (Очир-Горяева, 2012. С. 263, 264. Илл. 287: 2, 13, 16, 18, 19) или зооморфным (Пиеничнюк, 2012. С. 114. Рис. 28: 2; Очир-Горяева, 2012. С. 263, 264. Илл. 287: 5; Яблонский, 2013. С. 220, 221. № 3115–3118) навершием, отмеченным в южноуральских комплексах V–IV вв. до н. э.

Вместе с тем распределители из рассматриваемого погребения и жертвенного комплекса кургана 4 Филипповки I существенно отличаются от известных распределителей с когтевидным навершием савроматских комплексов и составляют, на мой взгляд, более позднюю серию таких изделий.

Обращают на себя внимание фрагменты бронзовых округлых ажурных блях (рис. 3: 8). Похожие по форме и стилю бляхи выявлены на Среднем Дону в материалах могильников у с. Русская Тростянка, у с. Терновое, у хут. Дубовой и у с. Мاستюгино (Савченко, 2009. С. 277, 278. Рис. 15: 18–21). Стилистически похожая бляха была найдена в кургане № 4 у хут. Сладковский с датировкой IV в. до н. э. (Смирнов, 1984. С. 51. Рис. 18: 2). Наличие подобных блях в составе конской узды отмечается в комплексах IV в. до н. э. из Абхазии (Эрлих, 2010. С. 100, 101. Рис. 11: 4–9). В. Р. Эрлих, помещая эти предметы в круг вещей меотской традиции, отмечает, что своими первоначальными истоками эти бляхи могут быть связаны с комплексами Закавказья (Там же. С. 101). На Южном Урале бляхи такого типа найдены в одиночном кургане Яковлевка II (Сиротин, 2015. С. 249. Рис. 2: 1) в комплексах второй половины IV в. до н. э.

Бронзовая полусферическая бляха (рис. 3: 9), бронзовые пронизи (рис. 3: 10, 11) и ворворка широко представлены среди предметов конского снаряжения ранних кочевников середины I тыс. до н. э. (Савченко, 2009; Могилов, 2008; Очир-Горяева, 2012).

Вызывает интерес комплекс украшений, обнаруженных в погребении. Найденная в погребении серьга (височная подвеска?) (рис. 4: 3) имеет аналогии в известных раннекочевнических комплексах Южного Урала (Филипповка 1, Лебедевка IV, Новый Кумак и др.) и относится к типу серег в виде кольца с цилиндрическим блоком (Лылова, 2009; 2010). По подсчетам Е. В. Лыловой, к настоящему времени известно 29 экземпляров подобных изделий из южно-

уральских комплексов. Рассматривая особенности данной категории инвентаря, Е. В. Лылова выделяет четыре типа блоков, различающихся по своей конструкции, техническому и художественному оформлению (Лылова, 2009. С. 26). Блок рассматриваемой серьги относится к первому типу в предлагаемой типологии и представляет собой достаточно сложное в технологическом отношении изделие. Такие серьги характерны только для территории Южного Урала, отмечены в погребениях второй половины V – IV в. до н. э. (Там же. С. 35) и не встречаются в более поздних комплексах (Лылова, 2010. С. 244).

Обращает на себя внимание браслет с заходящими концами, изготовленный из золотого прута (рис. 4: 1). Такая форма браслетов не встречается в савроматских памятниках и становится ведущей для памятников IV в. до н. э. Для более поздних комплексов III–I вв. до н. э. такие формы браслетов также нехарактерны (Лылова, 2001. С. 128, 129).

Редким видом украшений для раннекочевнических комплексов Южного Урала являются золотые перстни с плетеным кольцом и прямоугольным щитком с выдавленными изображениями оленей (рис. 4: 2). Похожие перстни, изготовленные в подобной технологической и художественной манере, но в более качественном исполнении, были найдены при исследовании кургана 1 некрополя Филипповка 1 в богатом женском впускном погребении IV в. до н. э. (Яблонский, 2016. С. 748). Более упрощенный вариант подобных перстней с шинкой (кольцом), изготовленной из узкой пластинки, был найден в этом же некрополе в погребении 2 кургана 29 (Яблонский, 2013. С. 209. № 2804).

Замечательными находками являются две золотые обкладки (оковки) деревянных сосудов. Одна из обкладок изготовлена в комплекте с полой объемной ручкой в виде фигуры кошачьего хищника (рис. 4: 4), другая плоская с изображением когтевидных завитков (рис. 4: 5). Обе они имеют стилистические аналогии в Филипповке 1 (Федоров, 2012). Обкладка с изображением когтевидных завитков выполнена в схематичной манере и вполне может подходить под поздние (или деградированные, по В. К. Федорову) серии данных изделий последних десятилетий IV в. до н. э. (Федоров, 2006). Похожие обкладки были найдены в могильнике Переволочан I в погребении 4 кургана 10 (Пшеничный, 1995. С. 92. Рис. 17).

Найденные в погребении фрагменты бронзового зеркала (рис. 4: 9) относятся к типу 5.3 по классификации А. С. Скрипкина (Скрипкин, 1990. С. 95). Время бытования таких зеркал А. С. Скрипкин определяет в целом IV в. до н. э., а В. Н. Васильев относит их ко второй половине IV – рубежу IV–III вв. до н. э. (Васильев, 2004. С. 158).

Таким образом, набор погребального инвентаря в целом характерен для кочевнических комплексов IV в. до н. э. Вместе с тем определенные категории вещей позволяют уточнить дату рассматриваемого погребения не ранее второй половины IV в. до н. э. На мой взгляд, наиболее вероятная дата комплекса определяется последней четвертью IV – рубежом IV–III вв. до н. э. Этим же временем датируются и впускные погребения кургана.

В целом следует констатировать, что курган 12 относится к категории элитарных погребальных комплексов, требующих значительных трудозатрат на его возведение. Помимо относительно крупной насыпи курган имеет достаточ-

но сложную, или двухчастную, по М. А. Очир-Горяевой (*Очир-Горяева*, 2011. С. 180), систему организации надмогильного пространства. Здесь отмечается отчетливое выделение центральной части кургана в виде дромосной могилы и деревянной надмогильной конструкции, являющихся признаком социально-престижного характера, что, в свою очередь, связано с высоким социальным статусом погребенных. Обращает на себя внимание богатый сопроводительный инвентарь, включающий в себя изделия из драгоценных металлов. Периферийная часть представлена четырьмя погребениями с разнообразным инвентарем, радиально расположенными относительно центрального погребального сооружения за пределами деревянной конструкции.

Все это еще раз подтверждает тезис о том, что дромосные могилы являлись элитными захоронениями определенной семейной группы ранних кочевников Южного Урала.

В середине IV в. до н. э. начинается процесс миграции ранних кочевников Южного Зауралья в юго-западном направлении, что приводит к прекращению функционирования к концу IV в. до н. э. всех известных могильников Южного Зауралья, в том числе и юго-восточной Башкирии (*Таиров*, 2000. С. 21). Кочевое население, оставившее курганный некрополь Переволочан I, было вовлечено в начавшийся процесс этой миграции. В связи с этим могильник также прекращает свое существование не позднее конца IV – рубежа IV–III вв. до н. э. С уходом данной группы кочевников исчезает ряд форм погребальной обрядности и определенные категории инвентаря, и следующий этап в истории ранних кочевников Южного Урала связан с памятниками классической прохоровской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальчак С. Б.*, 2009. Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 126–140.
- Васильев В. Н.*, 2001. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры / Отв. ред. А. Х. Пшеничный. Уфа: Гилем. 153 с.
- Васильев В. Н.*, 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.
- Генинг В. Ф.*, 1993. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н. э.) // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А. Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ «Наука». С. 72–101.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И.*, 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 35–52.
- Гуцалов С. Ю.*, 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск. 136 с.
- Гуцалов С. Ю.*, 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. № 2. С. 51–66.
- Гуцалов С. Ю.*, 2011. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // РА. № 1. С. 81–96.
- Железчиков Б. Ф.*, 1992. Погребения IV в. до н. э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры / Ред. А. С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та. С. 85–93.
- Зданович Г. Б.*, 1964. Находки из кургана на р. Куртамыш // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Екатеринбург. С. 88–93.
- Исмагилов Р. Б.*, 1996. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Ред.: Н. А. Мажитов, М. Ф. Обыденнов. Уфа: Восточный университет. С. 32–71.

- Лылова Е. В., 2001. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V / Ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 126–137.
- Лылова Е. В., 2009. Об одном типе серег из погребений ранних кочевников Южного Урала // Вестник Челябинского государственного университета. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 26–36.
- Лылова Е. В., 2010. Серьги в виде кольца с цилиндрическим блоком из погребений ранних кочевников степной зоны Южного Урала // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред.: М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 237–246. (Материалы и исследования по археологии России; № 13.)
- Могилев О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ. 439 с.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука. 51 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Отв. ред.: А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 172–212.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мецержков Д. В., 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / Ред.: Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН. С. 162–167.
- Мышкин В. Н., 2015. О некоторых категориях украшений наносных и налобных ремней конской узды у кочевников Южного Урала в скифское время // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 273–280.
- Очир-Горяева М. А., 2011. О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / Ред.: Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН. С. 179–192.
- Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М.: ТАУС. 469 с.
- Пишеничник А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука. 199 с.
- Пишеничник А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Б. Б. Агеев. Уфа: Гилем. С. 62–96.
- Пишеничник А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уральского науч. центра РАН. 280 с.
- Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.
- Сиротин С. В., 2008. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург. 21–25 апреля 2008 г.) / Ред. Л. Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 136–139.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред.: М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 323–337. (Материалы и исследования по археологии России; № 13.)
- Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей. С. 247–256.
- Сиротин С. В., 2016. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ.

- 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сб. ст. / Ред.: Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та. С. 253–263.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С.*, 2018. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 334–339. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25.)
- Сиротин С. В., Трейстер М. Ю.*, 2014. Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир: материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, Ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 12–15 мая 2014 г.) / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, Н. С. Савельев. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН: Центр «Наследие». С. 207–217. (Уфимский археологический вестник; вып. 14.)
- Скрипкин А. С.*, 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 299 с.
- Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука. 376 с.
- Смирнов К. Ф.*, 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. С. 73–81.
- Смирнов К. Ф.*, 1978. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред.: В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М.: Наука. С. 56–64.
- Смирнов К. Ф.*, 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука. 183 с.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.*, 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР. 71 с. (САИ; вып. Д1-9.)
- Таиров А. Д.*, 2000. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Ред. В. Н. Мышкин. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН. С. 16–28.
- Таиров А. Д.*, 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV вв. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10. С. 137–148.
- Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г.*, 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Башкирский гос. ун-т; Челябинский гос. ун-т. С. 141–159.
- Федоров В. К.*, 2006. О предназначении деревянных сосудов ранних кочевников Южного Урала, украшенных драгоценными обкладками // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А. Х. Пшеничнюка / Под ред. Г. Т. Обыденновой, Н. С. Савельева. Уфа: Гилем. С. 46–57.
- Федоров В. К.*, 2012. Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане I Филипповского могильника // Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы Уральского науч. центра РАН. С. 235–257.
- Федоров В. К., Васильев В. Н.*, 2017. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17. № 1. С. 54–62.
- Эрлих В. Р.*, 2006. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н. э. (по материалам Тенгинских святилищ) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература. С. 60–62.
- Эрлих В. Р.*, 2010. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред.: М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 73–106. (Материалы и исследования по археологии России; № 13.)
- Эрлих В. Р.*, 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н. э. М.: Наука. 212 с.
- Яблонский Л. Т.*, 2011. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии

и истории» (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник) / Ред.: Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного научного центра РАН. С. 234–240.

Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН. 232 с.

Яблонский Л. Т., 2016. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. № 3. С. 744–766.

Сведения об авторе

Сиротин Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: sirotinsv70@mail.ru

S. V. Sirotin

THE DROMOS BURIAL OF THE FOURTH CENTURY BC FROM KURGAN 12 AT THE PEREVOLOCHAN I CEMETERY IN THE SOUTH URALS REGION

Abstract. The paper reports on a burial assemblage dating to the period of the early nomads of the 4th century BC from Perevolochan I, which is a cemetery located in the South Urals region. The grave in question was made in the center of the area under kurgan 12. The kurgan is attributed to the dromos type of constructions. The discovered funerary offerings, including weaponry, elements of horse trappings, jewelry pieces, gold plates of wooden cups, are worth mentioning. The construction features of the kurgan mound, the dromos type of the burial pit structure, rich offerings suggest that this is a grave of the nomadic elite. The paper analyzes the funerary rite, the funerary offerings and the grave chronology.

Keywords: South Urals Region, early nomads, funerary rite, dromos graves, nomadic weaponry, horse trappings.

REFERENCES

- Erlikh V. R., 2006. Svyazi Prikuban'ya s Povolzh'yem i Priural'yem vo vtoroy polovine IV v. do n. e. (po materialam Tenginskikh svyatilishch) [Connections of Kuban region with Volga and Urals regions in second half of IV c. BC (based on materials of Tenfinskoye sanctuaries)]. *Gorod i step' v kontaktnoy evro-aziatskoy zone* [City and steppe in contact Euro-Asiatic zone]. V. V. Murasheva, ed. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 60–62.
- Erlikh V. R., 2010. Uzda Kolkhidy i Tsentral'noy Gruzii antichnoy epokhi: k probleme vydeleniya traditsiy [Horse bridle in Colchis and Central Georgia of Classical epoch: the issue of singling out traditions]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archaeology and palaeoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories]. M. M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 73–106. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13.)
- Erlikh V. R., 2011. Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n. e. [Sanctuaries of necropolis of Tenginskoye hillfort of II, IV c. BC]. Moscow: Nauka. 212 p.
- Fedorov V. K., 2006. O prednaznachenii derevyannykh sudov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala, ukrashennykh dragotsennymi obkladkami [On function of wooden vessels of South Urals early nomads decorated with precious settings]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nyye territorii v skifo-sarmatskoye vremya. K 70-letiyu A. Kh. Pshenichnyuka* [South Urals and adjacent territories in Scythian-Sarmatian time.

- To 70th anniversary of A. Kh. Pshenichnyuk]. G. T. Obydenнова, N. S. Savel'yev, eds. Ufa: Gilem, pp. 46–57.
- Fedorov V. K., 2012. Materialy k katalogu neizdannykh predmetov iz dragotsennykh metallov, naydenykh v kurgane 1 Filippovskogo mogil'nika [Materials for catalogue of unpublished items made of precious metals found in kurgan 1 of Filippovka cemetery]. *Pshenichnyuk A. Kh. Filippovka. Nekropol'kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale [Filippovka. Necropolis of nomadic elite of IV c. BC in South Urals]*. Ufa: IYALI Ural'skogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 235–257.
- Fedorov V. K., Vasil'yev V. N., 2017. Uzdechenny nabor s blyakhami v vide ryb iz kurgana № 4 mogil'nika Sara v vostochnom Orenburzh'ye [Horse bridle set with plates in shape of fishes from kurgan No. 4 in cemetery Sara in eastern part of Orenburg region]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnyye nauki [Bulletin of South Urals State university. Ser. Social sciences and Humanities]*, vol. 17, no. 1, pp. 54–62.
- Gening V. F., 1993. Bol'shiye kurgany lesostepnogo Pritobol'ya (IV–II vv. do n. e.) [Big kurgans of forest-steppe part of Tobol region (IV–II cc. BC)]. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Nomads of Ural-Kazakhstan steppes]*. A. D. Tairov, ed. Yekaterinburg: Nauka, pp. 72–101.
- Gulyayev V. I., Savchenko E. I., 2004. Novyy pamyatnik skifskogo vremeni na Srednem Donu [New site of Scythian time of Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 35–52.
- Gutsalov S. Yu., 2004. Drevniye kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n. e. [Ancient nomads of South Urals region in VII–I cc. BC]. *Ural'sk.* 136 p.
- Gutsalov S. Yu., 2010. Pogrebal'nyye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Burial constructions of cemetery Kyryk-Oba II in Western Kazakhstan]. *RA*, 2, pp. 51–66.
- Gutsalov S. Yu., 2011. Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The ethnic and cultural specifics Kyryk-Oba II cemetery]. *RA*, 1, pp. 81–96.
- Ismagilov R. B., 1996. Sarmatskoye okno v Evropu [Sarmatian window to Europe]. *Aktual'nyye problemy drevney istorii i arkheologii Yuzhnogo Urala [Topical issues of ancient history and archaeology of South Urals]*. N. A. Mazhitov, M. F. Obydenнов, eds. Ufa: Vostochnyy universitet, pp. 32–71.
- Lylova E. V., 2001. Yuvelirnyye ukrasheniya iz rannekochevnycheskikh pogrebeniy Yuzhnogo Priural'ya VI–IV vv. do n. e. [Jewelry ornaments from early nomadic burials of South Urals, VI–IV cc. BC]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg region]*, 5. N. L. Morgunova, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskyy universitet, pp. 126–137.
- Lylova E. V., 2009. Ob odnom tipe sereg iz pogrebeniy rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [On one type of earrings from early nomads burials of South Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State university]*, 37 (175). *Istoriya*, 36, pp. 26–36.
- Lylova E. V., 2010. Ser'gi v vide kol'tsa s tsilindricheskim blokom iz pogrebeniy rannikh kochevnikov stepnoy zony Yuzhnogo Urala [Earrings in shape of a ring with cylindrical block from early nomads burials in steppe zone of South Urals]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories]*. M. M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 237–246. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13.)
- Mogilov O. D., 2008. Sporyadzhennyya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi [Horse equipment of Scythian time in forest-steppe of Eastern Ukraine]. Kiev; Kam'yanets-Podil'skiy: IA NANU. 439 p.
- Moshkova M. G., 1994. Proiskhozhdeniye rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [Origins of early Sarmatian (Prokhorovka) culture]. Moscow: Nauka. 51 p.
- Moshkova M. G., Malashev V. Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheniy [Chronology and typology of Sarmatian catacomb burial constructions]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznoy veka i Srednevekov'ya [Archaeology of Volga-Urals region in epochs of Early Iron Age and Middle Ages]*. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 172–212.
- Moshkova M. G., Malashev V. Yu., Meshcheryakov D. V., 2011. Dromosnyye i katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya v savromatskoye i rannesarmatskoye vremya [Dromos and catacomb burials of South Urals in Sauromatian and early Sarmatian time]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii [Burial rite of Eurasia early nomads]*. L. T. Yablonskiy, S. I. Luk'yashko, eds. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 162–167.

- Myshkin V. N., 2015. O nekotorykh kategoriyakh ukrasheniy nanosnykh i nalobnykh remney konskoy uzdy u kochevnikov Yuzhnogo Urala v skifskoye vremya [On some categories of decorations on nose and forehead straps of horse bridle among nomads of South Urals in Scythian time]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of Samara scientific centre RAS]*, vol. 17, no. 3, pp. 273–280.
- Ochir-Goryayeva M. A., 2011. O planigrafii kurganov Yuzhnogo Priural'ya pozdneskifskoy epokhi [On planigraphy of South Urals kurgans in late Scythian epoch]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii [Burial rite of Eurasia early nomads]*. L. T. Yablonskiy, S. I. Luk'yashko, eds. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 179–192.
- Ochir-Goryayeva M. A., 2012. Drevniye vsadniki stepey Evrazii [Ancient riders of Eurasia steppes]. Moscow: TAUS. 469 p.
- Pshenichnyuk A. Kh., 1983. Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala [Culture of South Urals early nomads]. Moscow: Nauka. 199 p.
- Pshenichnyuk A. Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochan cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala [Kurgans of South Urals nomads]*. B. B. Ageyev, ed. Ufa: Gilem, pp. 62–96.
- Pshenichnyuk A. Kh., 2012. Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV veka do n. e. na Yuzhnom Urale [Filippovka. Necropolis of nomadic elite of IV c. BC in South Urals]. Ufa: IYALI Ural'skogo nauchnogo tsentra RAN. 280 p.
- Savchenko E. I., 2009. Snaryazheniye konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arkheologicheskoy istochnik [Horse equipment of Scythian time on Middle Don as archaeological source]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN. C. 221–325.
- Sirotnin S. V., 2008. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii v 2007 g. (predvaritel'noye soobshcheniye) [Investigations at kurgan cemetery Perevolochan in Trans-Urals Bashkiria in 2007 (preliminary information)]. *Ranniye kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona [Early nomads of Volga-Urals region]*. L. T. Yablonskiy, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskoy universitet, pp. 136–139.
- Sirotnin S. V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan No. 11 of kurgan cemetery Perevolochan in Trans-Urals Bashkiria]. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories]*. M. M. Gerasimova, V. Yu. Malashev, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 323–337. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13.)
- Sirotnin S. V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypey kurganov rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Horse harness details from kurgan mounds of early nomads in South Urals (based on materials of 2008–2013 excavations)]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale [Ethnic interactions in South Urals]*. A. D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Chelyabinskoy gos. krayevedcheskiy muzey, pp. 247–256.
- Sirotnin S. V., 2016. Ob otноситel'noy khronologii i datirovke mogil'nika Perevolochan I [On relative chronology and dating of cemetery Perevolochan I]. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennyye problemy sarmatskoy arkheologii [Konstantin Fedorovich Smirnov and modern issues of Sarmatian archaeology]*. L. T. Yablonskiy, L. A. Krayeva, ed. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskoy universitet, pp. 253–263.
- Sirotnin S. V., Bogachuk D. S., Okorokov K. S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiy mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast', Orenburgskiy rayon) [Kurgan group «Bogatyrskiy mogilki» No. 4 (Orenburg region, Orenburg district)]. *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017 [Cities, settlements, cemeteries. 2017 excavations]*. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 334–339. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 25.)
- Sirotnin S. V., Treyster M. Yu., 2014. Pogrebeniye s blizhnévostochnymi (?) i tsentral'no-aziatskimi importami iz kurgana Yakovlevka II [Burial with Near Eastern (?) and Central Asiatic imports from kurgan Yakovlevka II]. *Sarmaty i vneshniy mir [The Sarmatians and outer world]*. L. T. Yablonskiy, N. S. Savel'yev, ed. Ufa: IYALI Ural'skogo otdeleniya RAN: Tsentr «Naslediyev», pp. 207–217. (Ufimskiy arkheologicheskoy vestnik, 14.)
- Skripkin A. S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i eye istoricheskoy aspekt [Asiatic Sarmatia. Issues of chronology and its historical aspect]. Saratov: Saratovskiy universitet. 299 p.
- Smirnov K. F., 1964. Savromaty (rannaya istoriya i kul'tura sarmatov). Moscow: Nauka. 376 p.

- Smirnov K. F., 1972. Sarmatskiye katakombnyye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh otnosheniye k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian catacomb burials of South Urals, Volga region and their relation to catacombs of North Caucasus]. *SA*, 1, pp. 73–81.
- Smirnov K. F., 1978. Dromosnyye mogily rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya i vopros proiskhozhdeniya sarmatskikh katakomb [Dromos graves of South Urals early nomads and the issue of origin of Sarmatian catacombs]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Evropy [Issues of ancient and medieval archaeology of Eastern Europe]*. V. I. Kozenkova, Yu. A. Krasnov, I. G. Rozenfeldt, eds. Moscow: Nauka, pp. 56–64.
- Smirnov K. F., 1984. Sarmaty i utverzhdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii [The Sarmatians and establishment of their political domination in Scythia]. Moscow: Nauka. 183 p.
- Smirnov K. F., Petrenko V. G., 1963. Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya [The Sauromates of Volga region and South Urals]. B. A. Rybakov, ed. Moscow: AN SSSR. 71 p. (SAI.)
- Tairov A. D., 2000. Prokhorovskaya kul'tura Yuzhnogo Urala: genezis i evolyutsiya [Prokhorovka culture of South Urals: genesis and evolution]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya [Early Sarmatian culture: formation, development, chronology]*. V. N. Myshkin, ed. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, pp. 16–28.
- Tairov A. D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V – nachale IV vv. do n. e. [On transformation of culture of South Urals nomads in late V – early IV cc. BC]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Archaeological bulletin of Lower Volga region]*, 10, pp. 137–148.
- Tairov A. D., Gavrilyuk A. G., 1988. K voprosu o formirovanii rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [On problem of formation of early Sarmatian (Prokhorovka) culture]. *Problemy arkheologii Uralo-Kazhskanskikh stepey [Issues of archaeology of Urals-Kazakhstan steppes]*. G. B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Bashkirskiy gos. universitet: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 141–159.
- Val'chak S. B., 2009. Ob odnoy iz funktsional'nykh detaley skifskoy uzdechki Vostochnoy Evropy [On one functional details of Scythian horse bridle in Eastern Europe]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of Middle Don in Scythian epoch]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN. C. 126–140.
- Vasil'yev V. N., 2001. Vooruzheniye i voyennoye delo kochevnikov Yuzhnogo Urala v VI–II vv. do nashey ery [Armament and warfare of South Urals nomads in VI–II cc. BC]. A. Kh. Pshenichnyuk, ed. Ufa: Gilem. 153 p.
- Vasil'yev V. N., 2004. K khronologii ranneprokhovskogo kompleksa [On chronology of early Prokhorovka complex]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, 5, pp. 153–172.
- Yablonskiy L. T., 2011. Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Priural'ya perekhodnogo vremeni i voprosy arkheologicheskoy periodizatsii pamyatnikov [Burial rite of early nomads of Urals region in transitional period and issues of archaeological periodization of sites]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii [Burial rite of Eurasia early nomads]*. L. T. Yablonskiy, S. I. Luk'yashko, eds. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 234–240.
- Yablonskiy L. T., 2013. Zoloto sarmatskikh vozhdhey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): katalog kolleksii [Gold of Sarmatian chieftains. Elite necropolis Filippovka 1 (based on materials of 2004–2009 excavations): catalogue of collection], 1. Moscow: IA RAN. 232 p.
- Yablonskiy L. T., 2016. Novyye arkheologicheskiye dannyye ob akhemenidskikh vliyaniyakh na Yuzhnom Urale [New archaeological data on Achaemenid influences in South Urals]. *VDI*, 3, pp. 744–766.
- Zdanovich G. B., 1964. Nakhodki iz kurgana na r. Kurtamysh [Finds from kurgan on Kurtamysh river]. *IAU*. Yekaterinburg, 6, pp. 88–93.
- Zhelezchikov B. F., 1992. Pogrebeniya IV v. do n. e. iz Yuzhnogo Priural'ya i vopros o vremeni poyavleniya dromosnykh mogil [Burials of IV c. BC from South Urals and issue of chronology of emergence of dromos graves]. *Problemy khronologii sarmatskoy kul'tury [Issues of chronology of Sarmatian culture]*. A. S. Skripkin, ed. Saratov: Saratovskiy gos. universitet, pp. 85–93.

About the author

Sirotin Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sirotinsv70@mail.ru

Е. А. Попова

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ «ЧАЙКА» В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ*

Резюме. На городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму открыты пять детских погребений: в амфоре, каменных ящичках и ямках, обложенных камнями. Все захоронения связаны со стенами построек позднескифского поселения I в. до н. э. – I в. н. э. и находились под полами помещений. Все они безынвентарны. Детские погребения на поселениях существовали в Греции с бронзового века. Эта традиция проявилась особенно ярко на поселениях Крыма и Поднепровья со II в. до н. э. по III в. н. э. На поселениях Крыма такие захоронения разнообразны хронологически, но есть много общего между ними: расположение у стен домов под полами, отсутствие инвентаря, погребения в сосудах и ямках. Иногда встречаются погребения с инвентарем. Главная проблема – семантическая интерпретация. Рассмотренные материалы показывают необходимость дальнейшей работы с ними, что позволит приблизиться к адекватным выводам. Имеющееся количество материала вполне репрезентативно для систематизации подобных памятников, в частности, позднескифских поселений.

Ключевые слова: детские погребения, позднескифская культура, археология Северо-Западного Крыма, городище «Чайка».

Интерпретация идеологических представлений древности – проблема сложная. Обычно при попытках реконструкции идеологии древних прежде всего рассматривается погребальный обряд. Естественно, в первую очередь исследуются материалы некрополей (Сорокина, Сударев, 2000). Однако погребения совершались не всегда на предназначенных для захоронений могильниках. Во многих культурах начиная с бронзового века на поселениях фиксируются погребения детей в домах, под полами или во дворах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00742 «Население Северо-Западного Крыма в эпоху бронзы и раннего железного века: территории расселения, материальная культура, антропологические особенности».

Рис. 1. Погребение младенца в амфоре

На городище «Чайка» так называемого позднескифского периода, датируемого последней четвертью II в. до н. э. – 30-ми гг. I в. н. э., было открыто пять детских погребений.

Одно из них – погребение в амфоре – располагалось в слое дюнного песка, перекрывшего греческие слои, рядом со стеной постройки позднескифского поселения (рис. 1). Погребение было совершено у подошвы стены, под полом помещения. Амфора позднесинопская, варианта Син Iв, по классификации С. Ю. Внукова, и может датироваться II в. до н. э. – I в. н. э. (Внуков, 2003. С. 131. Рис. 51). Стратиграфическое расположение захоронения позволяет сузить датировку до I в. до н. э.

Младенец был уложен головой к ножке амфоры, ногами к горлу. Инвентаря не было.

Два погребения младенцев были открыты под поздними кладками 3 Западной улицы. Погребение 1 находилось у восточного фаса восточной стены улицы, под каменным закладом в виде вертикально поставленного плоского необработанного камня (рис. 2: а). Череп не сохранился. Костяк лежал на спине, с ориентировкой на север (рис. 2: б). С северной стороны сохранилось два плоских камня от обкладки ямки. Но нарушенность погребения позволяет определить ее размер лишь приблизительно – $0,50 \times 0,30$ м.

a

б

Рис. 2. Погребение 1 под каменным закладом
a – погребение 1, заклад; *б* – погребение 1 в ямке

Рис. 3. Погребение в ямке, обложенной камнями

Погребение 2 располагалось у западного фаса западной стены улицы, на уровне первого ряда кладки, под полом помещения. Оно помещалось в полукруглой ямке, края которой были обложены некрупными необработанными камнями (рис. 3). Размеры ямки – $0,50 \times 0,30$ м. Костяк с ориентировкой на север лежал вытянуто на спине. Инвентарь отсутствовал. Слой датируется I в. н. э. Оба погребения были определено под полами домов.

На западной окраине позднескифского поселения, под сохранившейся стеной постройки, у ее восточного фаса, были открыты два каменных ящичка (рис. 4: *a*). Связь этих объектов со стеной представляется очевидной: они ориентированы строго по линии стены и находятся в непосредственной близости от нее.

Ящик 1. Ящик состоял из четырех плоских необработанных камней, поставленных «на ребро» (рис. 4: *b*). Сверху он был прикрыт несколькими камнями в три слоя. Камни, которыми был накрыт ящик, также необработанные, плоские. Непосредственно захоронение было закрыто также плоским гладким камнем. Размеры ящика – $0,40 \times 0,35$ м, высота – $0,20$ м. На дне лежали кости, сохранившиеся от захоронения (рис. 4: *b*). От костяка остались череп, раздавленный камнями, и несколько костей. Вещей в ящике не было.

Ящик 2. Он располагался южнее ящика 1, на одной линии с ним (рис. 4: *a*). Ящик состоял из нескольких плоских необработанных камней небольших

а

б

Рис. 4. Погребения в каменных ящичках
а – каменные ящички у стены; *б* – каменный ящичек с черепом

размеров, поставленных «на ребро», и прикрыт был двумя плоскими камнями покрупнее. Размеры его – 0,50 × 0,27 м. После снятия камней перекрытия оказалось, что собственно захоронение отсутствует. Стенки ящика были несколько нарушены. Один из составляющих стенку камней упал внутрь ящика. Отсутствие костяка, вероятнее всего, объясняется тем, что кости полностью истлели.

Уровень, на котором устроены ящики, ниже подошвы стены на 0,40 м. Можно предположить, что погребения были устроены под полом помещения. Но поскольку верхние слои, перекрывшие погребальные ящики, нарушены, трудно сказать определенно, был ли здесь пол помещения или же погребения были совершены с наружной стороны дома. Возможно, захоронения в данном случае совершены во дворе. Датируются погребения в ящичках по стратиграфическому расположению I в. н. э.

Одним из важнейших вопросов при интерпретации детских захоронений на поселении является вопрос о его времени – при постройке дома, во время его функционирования или позже, когда дом или поселение перестали существовать. Последний случай не рассматривается, так как подобные погребения не относятся к интрамуральным захоронениям, а могут интерпретироваться как экстрамуральные. Чайкинские захоронения все относятся ко времени функционирования поселения.

Ближе всего по культурной принадлежности к рассматриваемым материалам позднескифские городища, на которых также встречаются детские погребения. Это погребения младенцев в сосудах (больших лепных горшках и амфорах) и грунтовых ямах. Территориально самое близкое к «Чайке» поселение поздних скифов – Керкитида, где в культурном слое городища были открыты два детских погребения II в. до н. э. – I в. н. э. (*Кутайсов*, 2004. С. 94). Начиная с I в. до н. э. они известны на Южно-Донузлавском городище, Беляусе и Альма-Кермене (*Дашевская*, 1991. С. 27). На Усть-Альминском городище ко II–I вв. до н. э. относятся несколько захоронений младенцев в сосудах: два – в лепных горшках, одно в амфоре. Причем в первых двух не было вещей, а в амфорном погребении лежали бусы, бронзовый колокольчик и монета-подвеска (*Высотская*, 1972. С. 38). Они были зарыты во дворе и под полом в помещении (к сожалению, в публикации не указано какие где). На этом же городище под полом помещения I в. н. э. лежала амфора с погребением младенца (*Высотская*, 1994. С. 25), а ко II–III вв. относятся два детских погребения – в амфоре и лепном сосуде, найденные в помещении с остатками глинобитного пола около круглой печи стеклоделательной мастерской (*Высотская*, 1972, С. 39). Погребения были разрушены, но при них найден инвентарь – бронзовый браслет, серебряный перстень с вставкой из аметиста, бусы из стекла (Там же). Т. Н. Высотская отмечала также обряд жертвоприношения младенцев II в. н. э. на Неаполе скифском, которые находились на участке с жертвоприношениями животных в сосудах (*Высотская*, 1979. С. 168).

Большое количество детских захоронений обнаружено на городище Кара-Тобе. По сообщению С. Ю. Внукова, здесь открыто несколько десятков детских погребений, причем под полами помещений – просто в ямках, а вне помещений – в амфорах¹. Только в одном помещении было семь захоронений под всеми

¹ Благодарю С. Ю. Внукова за разрешение опубликовать эти данные.

стенами. В ямках – от 50 до 70, в амфорах – более 20. Был даже целый участок, где захоронено 12 детей в амфорах. Погребения в амфорах все поздние – последняя четверть I – начало II в. н. э., в ямках – с I в. до н. э.

В Центральном Крыму, на поселении в Барабановской балке, в 25 км от Симферополя открыто детское погребение в яме, вырытой в материке, с останками двух младенцев. Один скелет разрушен, второй лежал в скорченном положении на левом боку по линии северо-запад – юго-восток. Погребения младенцев в культурном слое авторы считают одним из признаков позднескифской культуры и датируют их III–IV вв. (*Храпунов и др.*, 2009. С. 309–311).

Чрезвычайно интересны детские захоронения на Козырьском городище в Поднепровье, где было обнаружено большое количество детских захоронений под полами помещений и во дворе (*Бураков*, 1976. С. 19, 22, 29). Примечательно, что этот обычай сохранялся в течение нескольких веков. Захоронения совершались в одних и тех же домах. Первый период датируется концом I в. до н. э. – серединой II в. н. э. и в помещении этого периода ниже уровня пола находилось семь детских захоронений в амфорах и кувшинах, причем в основном у стен (Там же. С. 19). В этом же доме ко второму периоду – от середины II до середины III в. н. э. – обнаружено два детских погребения: одно под полом, другое – в устье ямы, в амфоре (Там же. С. 22). Первым периодом в одном из домов датируется погребальное сооружение типа склепа с шестью детскими погребениями ниже пола, вдоль стен «усыпальницы» (Там же. С. 31). Погребения Козырки отличаются разнообразием как расположения, так и обряда. К III в. н. э. относятся кремационные захоронения детей на дворе одного из домов (Там же. С. 37). Причем здесь же обнаружено пять детских ингумационных захоронений в сосудах, рядом с которыми была траншея с костями 15 овец (Там же).

Таким образом, традиция погребений детей на поселениях, в домах, во дворах и просто в культурном слое прослеживается на протяжении II в. до н. э. – III в. н. э. в Крыму и Поднепровье. Причем в первые века н. э. количество их заметно увеличивается.

Два типа погребений на городище «Чайка» соответствуют детским захоронениям на некрополе у пос. Заозерное греческого периода: погребение в амфоре и в каменном ящичке. На некрополе открыто более 30 амфорных погребений и несколько в каменных ящичках, которые иногда интерпретировались как жертвенники. находка на городище погребения с сохранившимися останками показывает, что все небольшие каменные ящички были погребениями младенцев, в которых костяки полностью истлели. Таким образом, так называемые поздние скифы на «Чайке» погребали детей на поселении по греческой традиции. Амфорные погребения в большом количестве присутствуют в херсонесском некрополе, особенно на северной стороне. Поскольку «Чайка» – выселок Херсонеса – неудивительно, что этот тип захоронений херсонесцы принесли с собой, а новое население восприняло этот обряд.

Однако нельзя не учитывать, что на скифском городище Каменском, на так называемом акрополе, в культурном слое были также открыты детские погребения, в связи с чем Б. Н. Граков сделал вывод о существовании традиции в скифское время погребения детей в грунтовых ямах «прямо на территории городища» (*Граков*, 1954. С. 56).

Сложность интерпретации захоронений в жилищах или рядом с ними в том, что это не погребальные обряды в обычном смысле понимания этих ритуалов. Практика захоронений детей под полами и стенами домов отчетливо прослеживается во многих погребальных традициях. Однако схожие внешне ритуалы могут быть продиктованы совершенно разными представлениями и верованиями. Поэтому поиск их истоков и аналогий кажется правомерным проводить в ареалах культур, круг которых формировался в более или менее однотипных религиозных и мифологических пространствах.

В Греции традиция погребения детей на территории поселений имеет весьма длительную историю. Археологически истоки традиции захоронения детей на территории поселения в Греции прослеживаются с бронзового века, со II тыс. до н. э. К. А. Качурисом собраны сведения о детских погребениях под полами и между домами ранне- и среднеэллиадского периодов в Элевсине, на поселениях Аттики, Эгины, Пелопоннеса, Фессалии. Они бывали в ямах или пифосах. Все они безынвентарны (*Качурис*, 1966. С. 58–72). Причем количество их в среднеэллиадском периоде возрастает.

Интерпретация сути обряда погребений детей на поселениях является очень сложной проблемой. В Спарте, например, погребения совершались в городской черте, что считают особым вариантом сакрализации пространства: «Вразрез с общегреческой практикой, запрещавшей погребение умерших в городской черте, в Спарте никаких ограничений подобного рода не существовало. Это предполагает особый, совершенно нетипичный вариант сакрализации пространства» (*Суриков*, 2010. С. 28).

Погребальный обряд распадается на два уровня – семантический и процессуальный. «Семантический уровень... характеризует не фактическое, а религиозно-идеологическое содержание предписаний процессуального уровня, это религиозно-мифологическая сердцевина обряда в целом... Практическая сфера погребального обряда – система символических и реальных действий, осуществляемых при захоронении умершего» (*Ольховский*, 1986. С. 68). Совершенно очевидно, что археологи сталкиваются в основном с практической сферой. Семантический уровень весьма сложен для толкования. Применительно к рассматриваемому материалу основной задачей представляется интерпретация третьей составляющей обряда – функции, цели (Там же). Именно это является камнем преткновения при попытках определения функций детских погребений на поселениях. Поэтому истолкования конечной цели таких захоронений весьма различны.

Ингумационные погребения детей могут объясняться тем, что, по древним верованиям, земля была изначальным местом обитания ребенка до его появления на свет (*Геннеп*, 1999. С. 53). Если ребенок умирал до проведения обряда включения его в мир живых, то тело умершего закапывали в землю, давая ему возможность вернуться в его изначальную среду (Там же). Погребения в сосудах интерпретируются как помещение ребенка в подобие утробы матери. Эта традиция сохраняется в течение всего античного периода. Такие захоронения связывали с идеей возрождения (*Томсон*, 1958. С. 206). Соединение обряда захоронения в сосуде с обрядом погребения на поселениях Крыма и Поднепровья под полами домов некоторые исследователи интерпретируют как отражение

культы плодородия, так как часть захоронений в сосудах на городищах Козырка, Усть-Альминском и Неаполе скифском была посыпаны зерном (*Бунятян, Зубарь*, 1991. С. 237). Присутствие детских погребений на позднескифских поселениях, особенно в первых веках н. э., исследователи объясняют процессом эллинизации негреческого населения (*Высотская*, 1972. С. 92; *Бураков*, 1976. С. 142) и сохранением новым населением древнегреческих традиций погребального обряда (*Папанова*, 2006. С. 186).

Возможно, иногда погребения младенцев были ритуальными строительными жертвами, что находит многочисленные аналогии и в археологических материалах, и в этнографии (*Зеленин*, 1937. С. 8, 9). Выбор в качестве жертвы младенцев и молодых животных и захоронение прямо в домах неслучайны. Это связано с представлениями о жизненности дома. Жертва должна быть молодого возраста, так как в противном случае она теряет способность влиять на окружающих (*Штернберг*, 1936. С. 418). Но и не будучи специальными жертвоприношениями, детские захоронения на поселениях, в домах служили выражением идеи увеличения семьи, ее богатства и благополучия.

Многозначность интерпретаций отчасти связана с тем, что материалы не обобщены и не систематизированы. Необходима систематизация хронологическая, классификация признаков обряда и т.д. Подобная работа была проведена по материалам эпохи ранней бронзы на Балканах (*Мишина*, 2010. С. 136–149). Т. Н. Мишина рассмотрела памятники по особенностям стратиграфии, планиграфии, мест захоронений внутри помещений, по типам погребальных сооружений и сосудов, в которые помещались умершие. В результате сравнения обряда погребения младенцев на поселениях и взрослых в могильнике исследовательница пришла к выводу о том, что дети до определенного возраста «переживают период “социального безвременья”» (Там же. С. 147). Но если для эпохи ранней бронзы, когда на поселениях еще часто хоронили и взрослых, «обособленность от общей погребальной практики младенческих захоронений – это своего рода обрядовый феномен» (Там же. С. 147), то для античной эпохи такой обряд тем более свидетельствует об исключительности и особой значимости этого явления. То есть здесь, несомненно, присутствовал самостоятельный религиозно-идеологический подтекст, отличный от обычного погребального обряда. Однако выявить этот подтекст чрезвычайно сложно, в особенности в случаях, когда нет дополнительных «подсказок» в виде сопутствующих погребению условий, в частности определенного места захоронения в доме. Наиболее яркими и предоставляющими возможности интерпретации оказываются погребения, совершенные в знаковых местах. Так, например, некоторые вышеупомянутые детские захоронения на городище Козырка и Неаполе скифском соседствовали с ямами или сосудами, заполненными костями животных, причем молодых особей. Такие размещения умерших младенцев с большой долей уверенности можно трактовать как совершенные с целью материализации идеи возрождения. На Усть-Альминском городище зафиксировано погребение ребенка в яме у очага, что наводит на мысль о культе домашнего очага.

Чайкинские погребения в амфоре и в ямках в свое время были интерпретированы как строительные жертвы (*Попова*, 1990. С. 199). Однако некоторые признаки захоронений противоречат такому толкованию. Строительные

жертвы – намеренное умерщвление, без устройства погребального сооружения и аккуратного помещения тела в него. Здесь же налицо забота о погребенных: они уложены в подготовленные вместилища, два погребения – в ямки, обложенные камнями. О том, что это не жертвенники, говорит отсутствие возможности общения с божествами – наличие отверстий в каменной плите, прикрывающей ямку, или сосуда, поставленного над ямкой, использовавшихся для возлияний (Попова, 1990. С. 197, 198). Размещение захоронений у стен, как отмечает Т. Н. Мишина, это своего рода забота об умершем, чтобы он не был «на ходу» (Мишина, 2010. С. 68).

Один из признаков для типологии интрамуральных детских погребений – наличие или отсутствие инвентаря. Наличие инвентаря представляется приближением погребений на поселениях к экстрамуральным. Рассмотренный материал свидетельствует о незначительном количестве детских захоронений с инвентарем. В массе своей они безынвентарны. Это обстоятельство отсылает нас к сути погребального обряда на могильниках – с одной стороны, обеспечить «невозвращение» покойного, с другой стороны, сделать его существование в загробном мире комфортным посредством положения в могилу разнообразных вещей и пищи. Детские погребения на поселениях, как правило, безынвентарны, чем отличаются зачастую от синхронных поселениям могильников. Конечная цель таких погребений отлична от цели экстрамуральных погребений.

Рассмотренные материалы показывают необходимость дальнейшей работы с ними, что позволит приблизиться к адекватным выводам. Имеющееся количество материала вполне репрезентативно для систематизации подобных памятников, в частности, позднескифских поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунятян Е. П., Зубарь В. М., 1991. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. № 4. С. 228–239.
- Бураков А. В., 1976. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев: Наукова думка. 162 с.
- Внуков С. Ю., 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.
- Высотская Т. Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка. 192 с.
- Высотская Т. Н., 1979. Неаполь столица поздних скифов. Киев: Наукова думка. 207 с.
- Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская академия евробизнеса. 208 с.
- Геннеп А., 1999. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература. 196 с.
- Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Днепре. М.: Изд-во АН СССР. 240 с. (САИ; вып. 36.)
- Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука. 141 с. (САИ; вып. Д1-7.)
- Зеленин Д. К., 1937. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 78 с. (Труды Института антропологии, археологии, этнографии; т. XV, вып. 2.)
- Качурис К. А., 1966. Погребальные сооружения Элевсина среднего периода бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука. С. 58–72.
- Кутайсов В. А., 2004. Керкинитиды в античную эпоху. Киев: Корвин пресс. 326 с.
- Мишина Т. Н., 2010. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы Телля Юнаците, Балканы) // КСИА. Вып. 224. С. 136–149.
- Ольховский В. С., 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1. С. 65–76.

- Папанова В. А., 2006. Урочище сто могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев: Знания Украины. 278 с.
- Попова Е. А., 1990. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. № 3. С. 196–203.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И., 2000. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н. э. // Stratum plus. № 3. С. 193–204.
- Суриков И. Е., 2010. Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: курс лекций / Отв. ред.: В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 8–54.
- Тамсон Дж., 1958. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М.: Изд-во иностранной литературы. 648 с.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Мульд С. А., Стоянова А. А., Шапцев М. С., 2009. Раскопки памятников римского времени в предгорном Крыму // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ: ІА НАНУ. С. 309–311.
- Штернберг Л. Я., 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера. 584 с.

Сведения об авторе

Попова Елена Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский пр., 27, к. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: popova318@mail.ru

E. A. Popova

CHILDREN'S GRAVES AT THE CHAYKA SETTLEMENT
IN THE NORTHWESTERN CRIMEA

Abstract. Five children's burials in an amphora (Fig. 1), in stone cists (Fig. 4: a, b) and in small pits lined with stones (Fig. 2: a, b; Fig. 3) were discovered at the Chayka settlement in the northwestern Crimea. All graves located near the walls of buildings from this Late Scythian settlement of the 1st century BC – 1st century AD were made under the floor of the rooms. The graves had no funerary offerings. Children's graves at settlements were made in Greece since the Bronze Age. This tradition was particularly evident at the settlements in the Crimea and the Dnieper region in the period from the 2nd century BC to the 3rd century AD. Such graves found at the Crimean settlements are varied chronologically; however, they share many common features such as location near the walls of the buildings under the floor boards, absence of funerary offerings, burials in vessels and small pits. Sometimes graves with funerary offerings also occur. The main issue is their semantic interpretation. The materials examined demonstrate a need of follow-up analysis, which will derive valid conclusions. The available materials are quite representative for systematization of such sites, in particular, Late Scythian settlements.

Keywords: children's graves, Late Scythian culture, archaeology of the northwestern Crimea, Chayka fortified settlement.

REFERENCES

- Bunyatyán E. P., Zubár' V. M., 1991. Novyy uchastok detskikh pogrbeniy pozdneantichnogo nekropolya Khersonesa [New area with children burials at Late Classical necropolis of Chersonese]. SA, 4, pp. 228–239.

- Burakov A. V., 1976. Kozyrskoye gorodishche rubezha i pervykh stoletiy nashey ery [Kozyrskoye hillfort of the turn and first centuries of new era]. Kiev: Naukova dumka. 162 p.
- Dashevskaya O. D., 1991. Pozdniye skify v Krymu [Late Scythians in Crimea]. Moscow: Nauka. 141 p. (SAI.)
- Gennepe A. van, 1999. Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov [The rites of passage. Systematic study of rites]. Moscow: Vostochnaya literatura. 196 p.
- Grakov B. N., 1954. Kamenskoye gorodishche na Dnepre [Kamenskoye hillfort on Deniper]. Moscow: AN SSSR. 240 p. (SAI.)
- Kachuris K. A., 1966. Pogrebal'nyye sooruzheniya Elevsina srednego perioda bronzovogo veka [Burial constructions in Eleusis of middle stage of the Bronze Age]. *Arkheologiya Starogo i Novogo sveta [Archaeology of Old and New Worlds]*. Moscow: Nauka, pp. 58–72.
- Khrapunov I. N., Vlasov V. P., Muld S. A., Stoyanova A. A., Shaptsev M. S., 2009. Raskopki pamyatnikov rimskogo vremeni v predgornom Krymu [Excavations of sites of Roman time in foothill Crimea]. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2008 r. [Archaeological investigations in Ukraine in 2008]*. Kiev: IA NANU, pp. 309–311.
- Kutaysov V. A., 2004. Kerkinitida v antichnyuyu epokhu [Kerkinitida in Classical epoch]. Kiev: Korvin press. 326 p.
- Mishina T. N., 2010. Sotsial'nyy aspekt izucheniya intramural'nykh detskikh pogrebeniy (po materialam epokhi ranney bronzy Tellya Yunatsite, Balkany) [Social aspect of investigation of intramural infant burials (the EBA materials from Tell Yunatsite in the Balkans)]. *KSIA*, 224, pp. 136–149.
- Olkhovskiy V. S., 1986. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannykh ponyatiy [Burial rites in the system of related notions]. *SA*, 1, pp. 65–76.
- Papanova V. A., 2006. Urochishche Sto mogil (nekropol' Ol'vii Pontiyskoy) [Locality Sto mogil (necropolis of Pontic Olbia)]. Kiev: Znaniya Ukrainy. 278 p.
- Popova E. A., 1990. Pozdneskifskiyeh zertvenniki s gorodishcha «Chayka» [Late Scythian sacrificial complexes at the Chayka settlement]. *SA*, 3, pp. 196–203.
- Shternberg L. Ya., 1936. Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive religion in the light of ethnography]. Leningrad: Institut narodov Severa. 584 p.
- Sorokina N. P., Sudarev N. I., 2000. Detskiye pogrebeniya Severnogo Prichernomor'ya VI–III vv. do n. e. [Infant burials of VI–III cc. BC in North Pontic region]. *SP*, 3, pp. 193–204.
- Surikov I. E., 2010. Grecheskiy polis arkhaischeskoy i klassicheskoy epokh [Greek polis of archaic and classical epochs]. *Antichnyy polis: kurs lektiy [Antique polis: lecture course]*. V. V. Dement'yeva, I. E. Surikov, eds. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 8–54.
- Tomson J., 1958. Issledovaniya po istorii drevnegrecheskogo obshchestva. Doistoricheskiy egeyskiy mir [Investigations for the history of Ancient Greek society. Prehistoric Aegean world]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 648 p.
- Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskie amfory I v. do n. e. – II v. n. e. (morfologiya) [North Pontic amphorae of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 235 p.
- Vysotskaya T. N., 1972. Pozdniye skify v Yugo-Zapadnom Krymu [Late Scythians in Southwestern Crimea]. Kiev: Naukova dumka. 192 p.
- Vysotskaya T. N., 1979. Neapol' stolitsa pozdnykh skifov [Neapolis capital city of late Scythians]. Kiev: Naukova dumka. 207 p.
- Vysotskaya T. N., 1994. Ust'-Alminskoye gorodishche i nekropol' [Ust'-Alma hillfort and necropolis]. Kiev: Kievskaya akademiya evrobiznesa. 208 p.
- Zelenin D. K., 1937. Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh evropeyskiykh narodov [Totem-trees in legends and rites of European peoples]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 78 p. (Trudy Instituta antropologii, arkheologii, etnografii, vol. XV, iss. 2.)

About the author

Popova Elena A., Lomonosov Moscow State university, Lomonosovsky pr., 27/4, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: popova318@mail.ru

А. А. Завойкин, М. С. Чашук

ПОДВАЛ НА АКРОПОЛЕ ФАНАГОРИИ

Резюме. Углубленные в грунт сооружения на территории исторического ядра Фанагории, в центральной части ее верхнего плато, известны с первых десятилетий существования города. Это не только круглые в плане хозяйственные ямы, но и прямоугольные котлованы без специального укрепления стенок, и подвалы (полуподвалы) зданий, ограниченные по периметру стенами, сложенными из сырцового кирпича или камня. Котлованы периодически использовались для хозяйственных нужд в течение кратких интервалов времени, вплоть до начала IV в. до н. э. Подвальные же этажи зданий фиксируются в этом районе города и позднее. Эти сооружения заслуживают внимания в том числе потому, что их характер и планировка нетипичны для застройки общественных центров греческих городов. Ценность таких объектов еще и в том, что в их засыпи часто содержится обильный керамический материал, позволяющий довольно точно определять время их выхода из употребления. Рассмотренный в статье один из комплексов такого рода (подвал 745) дал возможность наметить хронологический рубеж (ок. 350 г. до н. э.), определяющий время очередной перестройки акрополя Фанагории и начало нового его архитектурного оформления.

Ключевые слова: Фанагория, акрополь, подвал, сырцовый кирпич, керамический комплекс, хронология, периодизация, перестройка.

Углубленные в грунт сооружения на территории исторического ядра Фанагории, в центральной части ее верхнего плато, известны с первых десятилетий существования города. К третьей четверти VI в. до н. э. относятся прямоугольный котлован (№ 826, ок. 530–520 гг.) и подвальная часть интереснейшего культового комплекса (№ 783), стены которого были сложены из сырцовых кирпичей (Завойкин, 2019а. С. 234–240; Кузнецов, 2019. С. 406 слл. Рис. 7–9). Второй половиной этого же столетия датируется и полуподвальное помещение жилого дома (№ 6), погибшего в пожаре ок. 480 г. до н. э., в котором, предположительно, проживал ремесленник-бронзолитейщик (Там же. С. 402–405. Рис. 3–5; 2001. С. 12, 13. Рис. 2; Долгоруков, 1980. С. 6–8. Рис. 73–87; 1986. С. 148–149).

К первой половине V в. до н. э. относятся подвальное помещение с сырцово-кирпичными стенами храма в антах – *ναός ἐνπλαστάσι* (№ 835)¹ – и небольшой «подвал жилого дома» (№ 266; Кузнецов, 2007. С. 104–106). Грунтовых же котлованов здесь было открыто довольно много, причем в хронологическом плане они обнаруживают определенную закономерность: эти недолговечные сооружения хозяйственного назначения существуют в интервалах между периодами регулярной наземной застройки (ок. 480–470 гг.; ок. 450–400 гг.). Позднейший известный среди таких котлованов датируется самым началом IV в. до н. э. (Завойкин, 2018а. С. 57, 64).

Однако практика сооружения заглубленных (подвальных, полуподвальных) помещений под зданиями не прекратилась². Об одном из таких объектов и пойдет речь в этой статье³. Следует сразу акцентировать внимание на том, что располагались эти сооружения на акрополе города, который, несомненно, уже оформился в таком качестве к V–IV вв. до н. э., и, следовательно, относились к общественной сфере жизни города, а не к разряду частных построек.

Остатки заглубленной части здания (подвала № 745) были открыты в восточной части Северного участка раскопа «Верхний город» (рис. 1; 2: 1), в 3,45 м к западу от внешнего фаса стены 679/5 оборонительных сооружений (разрушенных ок. 480 г. до н. э.) и в 1,6 м к Ю – ЮВ от близкого по времени подвала с каменными стенками (№ 678). Постройка имела в плане форму близкую квадрату – 5,3 × 5,05 м (С–Ю × В–З)⁴. Стены развернуты относительно истинного направления стран света на 21°. Сохранность стен подвала, сложенных из сырцовых кирпичей⁵, неравномерна: во многих местах они были пробиты более поздними ямами, которые уничтожили кладки полностью либо на большую часть их высоты. Лучше других сохранился средний участок кладки западной стены⁶, верхние точки на которой приходятся на уровень -3,51 м от репера, а примыкающий к ней пол – на уровне -4,43–4,47 м (рис. 2: 2). Относительно пола кладка была заглублена на 0,10–0,12 м. Иначе говоря, максимальная сохранившаяся высота кладки составила 1,06 м. Судить же об изначальной глубине подвала не представляется возможным. Остальные стены в высоту сохранились всего лишь на 0,30–0,70 м.

Пол в помещении был глинистым, ок. 1 см толщиной. Поверхность его неровная, выраженного зеленоватого оттенка (рис. 2: 2). Цвет глиняной намазки

¹ Подземные святилища назывались *μεγαρα* (Латышев, 1997. С. 35).

² Мы не рассматриваем здесь заглубленную относительно древнего дневного горизонта культовую постройку с апсидой, возведенную в IV в. до н. э. (см.: Кузьмина, 2010).

³ За ее рамками остается полуподвал под крупным общественным зданием 144, о котором подробно сказано в другом месте (Завойкин, 2019б. С. 297–321).

⁴ В описании объекта следуем (с небольшими уточнениями) тексту отчета В. Д. Кузнецова (2017. С. 86–88), которому выражаем искреннюю признательность за возможность публикации материалов из его раскопок.

⁵ Изготовлены из серой сильно ожелезненной глины (рис. 3: 3). К сожалению, размеры кирпичей (помимо их толщины – 5–6 см) установить не удалось; длина кирпича, судя по ширине кладок, была ок. 0,5 м.

⁶ Внутренний ее фас обмазан серо-зеленой глиной, толщина покрытия – 2–3 см.

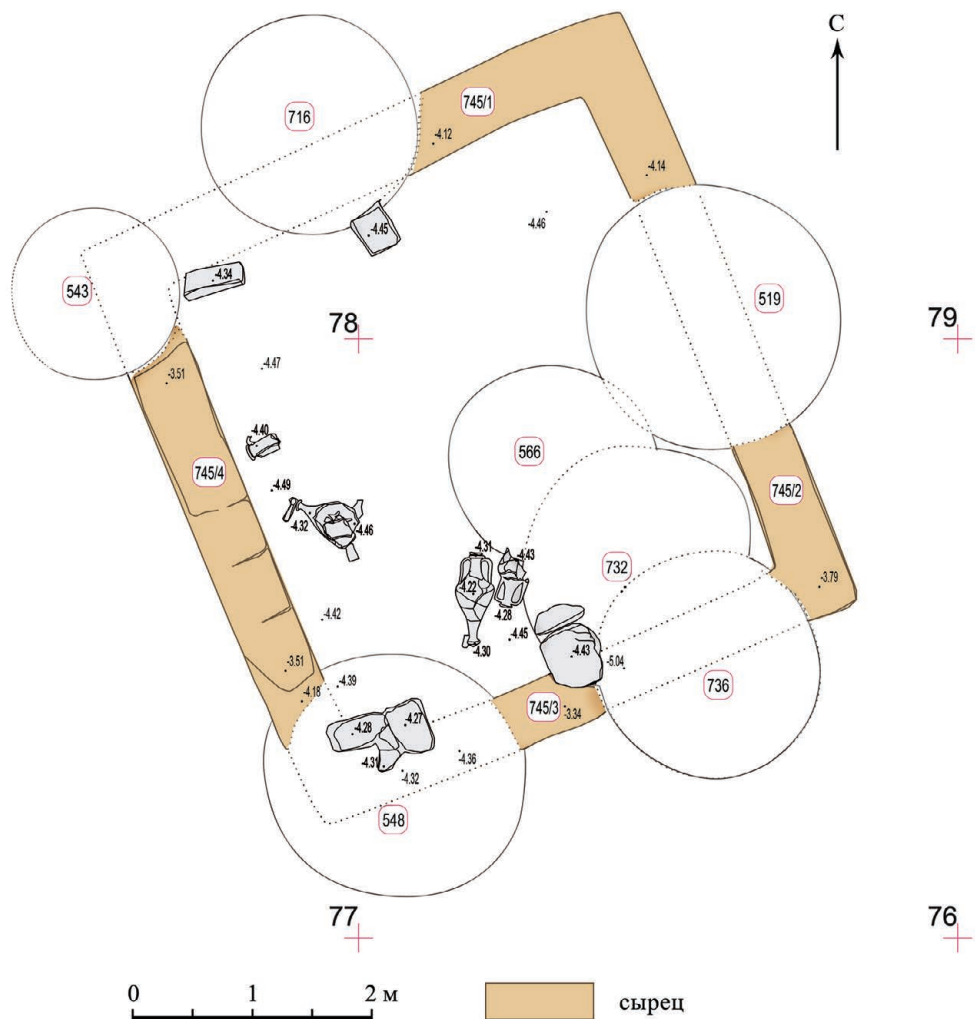
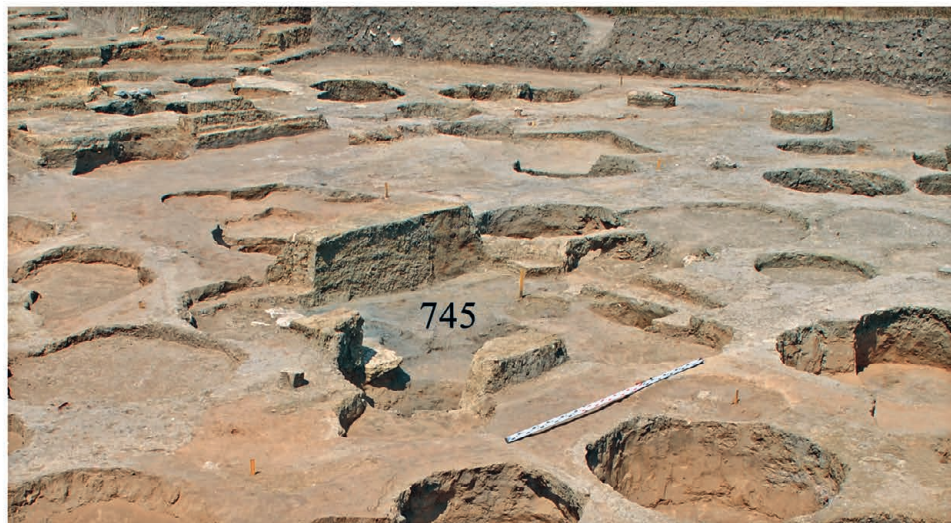

Рис. 1. План подвала № 745 на уровне пола (раскоп «Верхний город», Северный участок)

обусловлен прониканием снизу бронзовых окислов, в обилии представленных ниже пола. (Это остатки позднэархаической мастерской по обработке бронзы, о которой в настоящей работе речь далее идти не будет⁷.) На поверхности пола обнаружены развалы трех археологических целых и фрагментированных амфор

⁷ Отметим лишь один момент, с ней связанный. Поскольку нигде не удалось достоверно зафиксировать «выход» остатков бронзолитейного комплекса за пределы контура подвала, нельзя исключать вероятность того, что подвал был сооружен еще в ранний период и вторично использован в IV в. до н. э. Впрочем, на наш взгляд, практически невероятно, чтобы мастерская бронзолитейщика работала в закрытом углубленном помещении.

1

2

**Рис. 2. Остатки нижней части подвала № 745:
местоположение, вид с ЮВ (1); общий вид с СВ (2)**

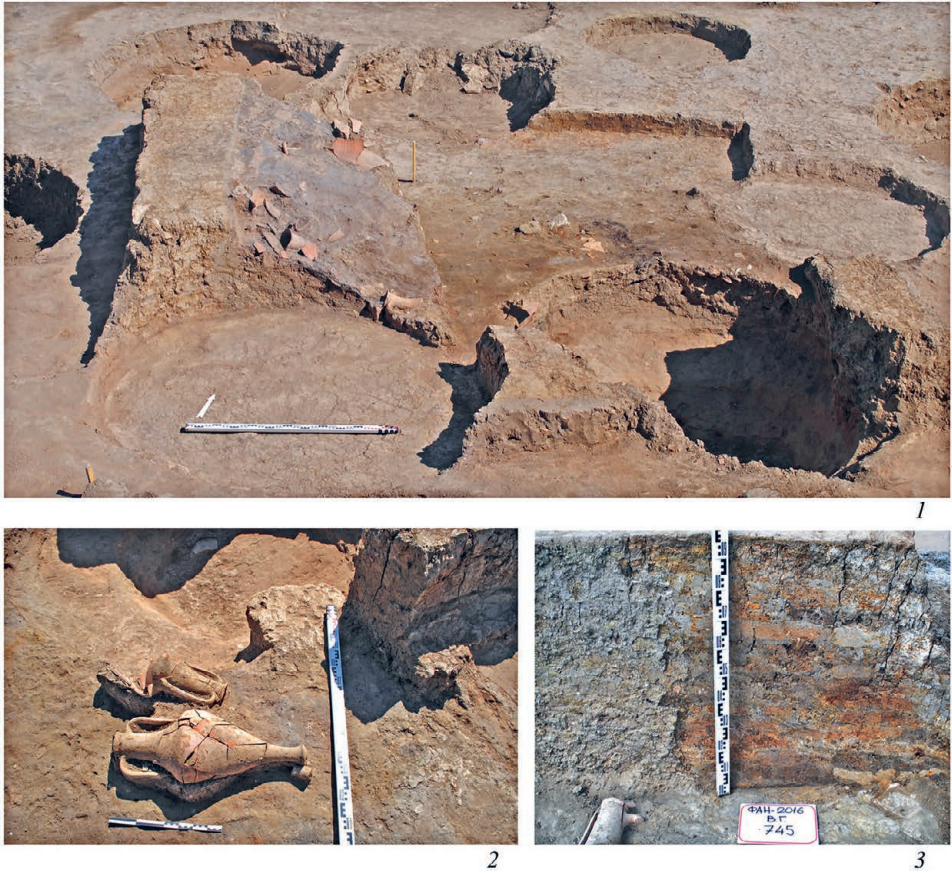

Рис. 3. Подвал № 745, детали: направление засыпи у западной стены (1); фасосские амфоры на полу в ЮЗ углу *in situ* (2); фрагмент внутреннего фаса восточной стены, обмазка и кладка из сырцового кирпича (3)

(рис. 2: 2), которые относятся ко времени жизни постройки. В юго-западном углу лежали две биконические фасосские амфоры, одна из которых (целая⁸) была «запечатана» плоским черепком⁹, другая – без ножки (рис. 3: 2; 4: 1, 2). По классификации С. Ю. Монахова, они относятся к финалу «ранней» (II-B-1) или самому началу «развитой» (II-B-2) серии, старт которой исследователь датирует второй половиной 70-х гг. IV в. до н. э. (ср.: Монахов, 2003. С. 67, 68. Табл. 43: 2, 4 и 5, 6). В том же углу, ближе к западной стене, найдена в развале амфора Пепарета (типа I варианта А; Монахов, 2003. С. 97, 98. Табл. 67:

⁸ Часть находок хранится в фондах ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»». Амфора – ФМ-КП-36/11 А1706 ГК 8163265.

⁹ Глиняная пробка не сохранилась (ср.: Завойкин, Шавырина, 2013. С. 234–239. Рис. 10).

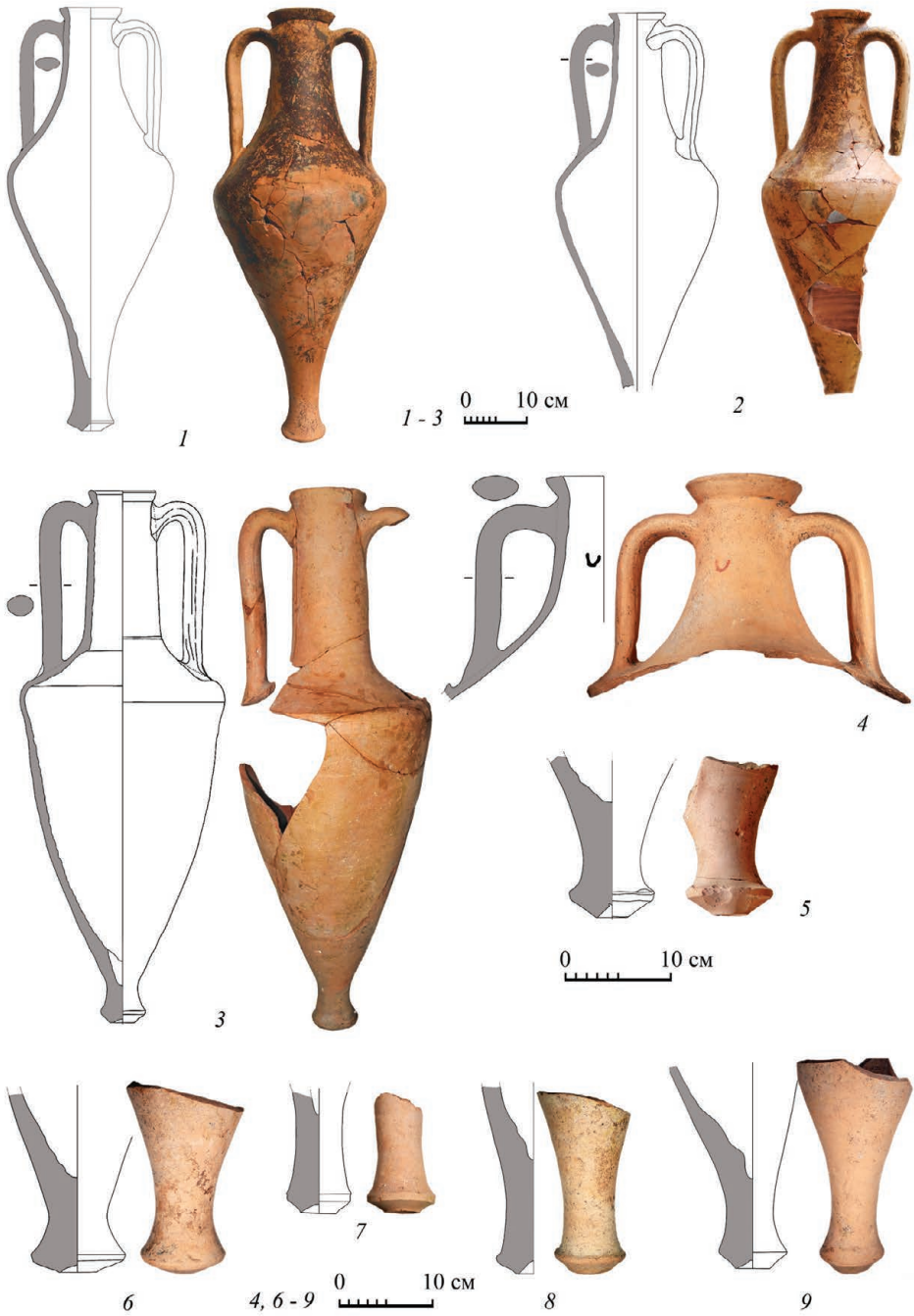

Рис. 4. Амфоры средиземноморских центров и их фрагменты с пола подвала (1–3) и из его засыпи (4–9): Фасоса (1, 2, 4–9); Пенарета (3)

1, 3; рис. 4: 3). Датировка таких амфор не выходит за пределы первой половины IV в. до н. э.

Остальные находки были сделаны в слое заполнения подвала после разрушения здания, которому он принадлежал. В районе западной стены хорошо прослеживается направление сброса грунта, перемежающегося прослойками золы и угольков (рис. 3: 1), содержавшего значительное количество битой керамики, включая крупные ее фрагменты. Последнее, на наш взгляд, может говорить в пользу одновременности (кратковременности) засыпки подвала (см. *Завойкин*, 2018а. С. 54).

Помимо обломков черепицы (146 фр.), венцов лутериев (3 фр.) в значительном количестве здесь найдены фрагменты амфор – их стенки (5394 шт., из них 2 с дипинти: «Н» и «АΘ»; рис. 5: 3, 4) и профилированные части, в том числе: хиосских «ранних пухлогорлых» (3 фр.), «развитых пухлогорлых» (19 фр.), «с прямым горлом» (14 фр.), «с колпачковой ножкой» (74 фр., в т. ч. 2 ножки¹⁰ и горло; рис. 5: 1, 5); эолийских красноглиняных (12 фр.); «протофасосских» (28 фр., в т. ч. 2 ручки с клеймами); коринфской В / керкирской (2 фр.; рис. 5: 7)¹¹, «с раздутым горлом» (6 фр.); «круга Фасоса» (1 фр.); мендейских (29 фр., в т. ч. целое горло¹²; рис. 5: 2); фасосских биконического и конического вариантов (89 фр., в т. ч. 16 ножек и 2 ручки с клеймами; рис. 4: 4–9)¹³; «Муригиоль» (1 ножка); гераклейских (36 фр., в т. ч. 8 ножек¹⁴ и 2 фрагмента горл с клеймами; рис. 5: 6, 8); синопской (1 фр. плеча с нижней частью ручки¹⁵); неустановленных центров производства (51 фр. венцов и ручек и 1 ножка; рис. 5: 9).

Прежде чем перейти к перечислению остальных находок, кратко оценим хронологические характеристики амфорной тары. Поскольку все это предметы из заполнения подвала мусорным слоем, нас, естественно, будет интересовать лишь верхняя датировка комплекса находок. Поэтому ранние формы хиосских, эолийских, «протофасосских», так же как амфор КТБ 27 («с раздутым горлом»), и небольшие фрагменты амфор, датировать которые невозможно, оставим без

¹⁰ Характерны небольшие размеры «колпачков» амфор полного стандарта (ср.: *Монахов*, 2003. С. 21, 22. Табл. 11: 4, 5 – вариант V-V ранняя серия, ок. первой трети IV в. до н. э.).

¹¹ Обломок ручки и ножка, которая, согласно описи, найдена «под полом» (ср.: *Кёлер*, 1992. С. 275. Табл. 3с – середина IV в. до н. э.).

¹² Вариант II-B, первая половина IV в. до н. э. (*Монахов*, 2003. С. 91, 92. Табл. 62: 3–6).

¹³ Вариант II-B-1, конец V – первые десятилетия IV в. до н. э. (Там же. С. 66, 67. Табл. 41: 5, 7; Табл. 42); вариант II-B-2, со второй половины 70-х гг. IV в. до н. э. (Там же. С. 67, 68. Табл. 43: 5, 6; вариант I-C-2, первая половина IV в. до н. э. (Там же. С. 71–72. Табл. 48: 2).

¹⁴ Вариантов I-3 и I-4 (Там же. С. 127–131. Табл. 87: 2, 3 и 8; Табл. 88: 2, 5). С. Ю. Монахов первый из вариантов датирует концом V – началом IV в. до н. э., а второй, по его заключению, начинается с того же временного интервала и завершается началом 70-х гг. того же столетия.

¹⁵ Насколько можно судить, относится к пифоидным амфорам II-A-1, по классификации С. Ю. Монахова (Там же. С. 148, 149. Табл. 101: 4, 5), начало выпуска которых приходится на 70-е гг. IV в. до н. э., а датировка их в целом не выходит из первой половины столетия.

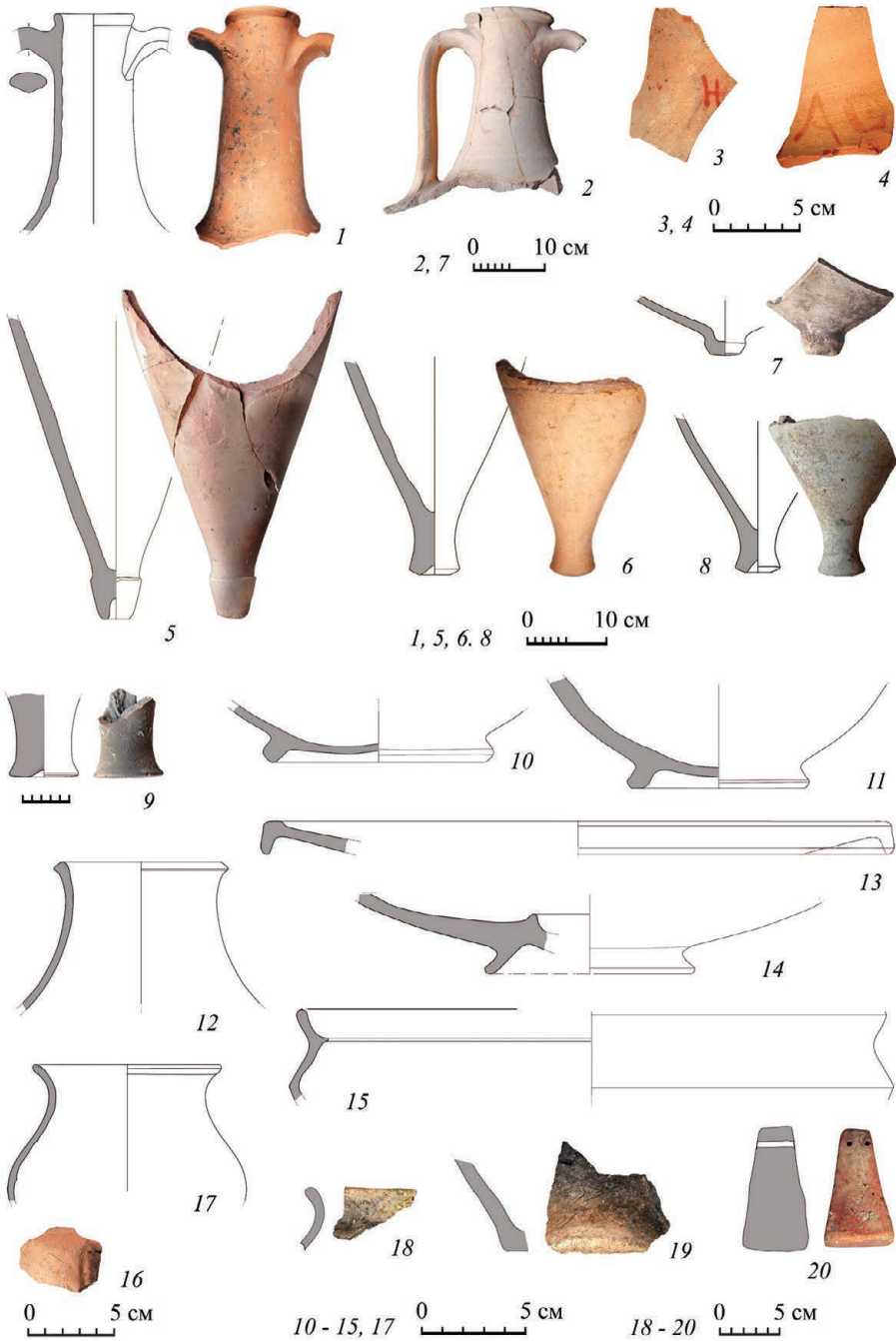

Рис. 5. Находки из засыпи подвала: обломки амфор Хиоса, Менды, Гераклеи Понтийской, неустановленного центра (1-9), сосуды (10-15, 17-19) и керамических изделий (16, 20)

внимания. Для определения интересующей нас даты важно соотношение типов и вариантов тары Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Коринфа «В» / Керкиры, Менды, Синопы и так называемых амфор «Муригиоль». Легко заметить, что датировка всех групп материала, представленных в комплексе, не выходит за пределы первой половины IV в. до н. э.

Для уточнения времени засыпки подвала, конечно, особенно важны датировки амфорных клейм¹⁶. Датировки фасосских клейм ([Σ]άτυρο(ς)) Θα|σι(--) Τυ[η]|σ[ι(--)], эмблема «дельфин», 370-е гг. до н. э. (*Garlan*, 1999. P. 153, 172. № 389. Gr. C) и Βι[τ|ων] Θα|σι(--) [Αρ|ιστ(--)], эмблема «сова», 370–365 гг. до н. э. (*Ibid.* P. 173. № 390. Gr. D) вполне согласуются с хронологией амфорной тары. Датировка двух гераклейских клейм нового штампа (Θεομέ-|νεος Εὐ(---); Θεομ[έ-|νεος [Εὐ(---)]], 90-х гг. IV в. до н. э. (ср. *Кац*, 2007. С. 429. Прилож. V. Gr. I) в принципе ей тоже не противоречит, хотя сложно не обратить внимания на то, что эти клейма лет на 20–30 старше, чем фасосские. В то же время Теомен 1 – «это один из тех “фабрикантов”, у которых были клейма с одним именем, и иногда в эти же штампы добавляли имя эпонима в сокращенном виде... Даже если принимать датировку начала гераклейского клеймения Балабанова, Гарлана и Аврама – начало 380-х гг., – все равно это не позже 380-х гг. Сокращенное имя эпонима Εὐ(---) встречается, например, с “фабрикантом” Дексиппом. Это уже конец 70-х или рубеж 70-х – 60-х гг. К сожалению, тут возможны омонимы. Так что спокойнее всего предположить, что гераклейские клейма более ранние или же, если считать, что Εὐ(---) в данном случае – это тот же эпоним, что встречается с Дексиппом, датировать № 68 и 69 концом 70-х – началом 60-х годов»¹⁷.

Поскольку здесь речь шла о фрагментах амфор, попавших в подвал в результате его засыпки посторонним материалом, эта датировка может быть принята в качестве *terminus post quem* этого события. На вопрос, насколько «после», можно ответить приблизительно и предположительно, исходя из постулата, что тарные амфоры обычно бытовали сравнительно недолго. Но в нашем случае имеется более надежный способ датировки. Дело в том, что средняя часть восточной стены подвала и примыкающий к ней участок пола были прорезаны хозяйственной ямой (№ 730). Представительный набор найденных в ней клейм, 4 фасосских (все группы F1 по классификации И. Гарлана; *Garlan*, 1999. P. 201, 226. № 644; P. 201, 233. № 675; P. 234. № 679; P. 201, 235. № 686) и 2 гераклейских (*Кузнецов*, 2017. Т. 2. Прилож. 2. С. 45–47. № 46, 48, 49, 56, 64, 72), датирует ее ок. 360–350 гг. до н. э. Этот временной интервал и следует принять в качестве *terminus ante quem* для прекращения функционирования подвала № 745.

Помимо тарных сосудов в заполнении подвала найдены фрагменты *красноглиняных* кувшинов (59 фр.), мисок (8 фр.), тарелок (3 фр.), кастрюль (14 фр.), горшков (2 фр.); *лепных сосудов*: стенки (19 фр.) и профилированные части гор-

¹⁶ С благосклонного разрешения Н. А. Павличенко, которой мы признательны за это, используем ее прочтение и определение штампов, выполненное петербургской исследовательницей для Отчета о раскопках Фанагорийской экспедиции (*Кузнецов*, 2017. Т. 2. Прилож. 2. С. 43, 44. № 37, 38; С. 49. № 68, 69).

¹⁷ Выдержка из письма Н. А. Павличенко (от 10.07.2019).

шков (4 фр.; рис. 5: 18, 19); ионийской керамики: стенки (30 фр., в том числе один открытого чернофигурного сосуда (кратер?) и еще один – с граффито), кувшинов (8 фр.), ольпы (1 фр.), киликов (4 фр.; рис. 6: 4), *ionian cup* (1 фр.), мисок (7 фр.), тарелки (1 фр.), лекифов (2 фр.), светильника (1 фр.); аттической чернолаковой керамики: стенки (37 фр.), профилированные фрагменты амфор (2 фр.), киликов (17 фр., в том числе три фрагмента краснофигурных, а один – с граффито), скифосов (15 фр. и один археологически целый краснофигурный; рис. 6: 14), мисок (14 фр., из них три – с граффити), краснофигурного рыбного блюда (3 фр.; рис. 6: 11–13), солонки (1 фр.), лекифов (3 фр.; рис. 6: 7), светильника (1 фр.; рис. 6: 5); обломки терракотовой статуэтки (рис. 5: 16)¹⁸, печины (66 фр.), «конусовидного предмета» (2 фр.), керамическое грузило (рис. 5: 20) и бронзовая монета¹⁹.

В этой части керамического комплекса особое внимание уделим находкам чернолаковой и расписной посуды, важным для корректировки финальной его даты, а также интересным и слабоизученным типам керамики, для которых точная хронологическая позиция контекста их обнаружения важна в качестве отправной точки для обоснования их датировки и дальнейшего изучения.

В заполнении подвала представлены фрагменты аттических чернолаковых чаш, в том числе:

– краснофигурной класса «*cup-skyphos*» (с толстыми стенками, рис. 6: 8), судя по довольно массивному венцу, первой половины IV в. до н. э. (cf.: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 112, 280. No. 621–623. Pl. 27. Fig. 6; начало – первые десятилетия IV в. до н. э.);

– миски с отогнутым венцом классического типа (cf.: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 293, 294. No. 803–806. Pl. 32, 58. Fig. 8; ок. 380/375–350/325 гг. до н. э.) со штампованным орнаментом в виде насечек по кругу, в центре которого, судя по аналогам с агоры Афин, располагалась комбинация из пальметок (рис. 6: 10);

– археологически целый краснофигурный скифос (рис. 6: 14). Ручки, расположенные чуть ниже отогнутого наружу венца, характерны для формы скифосов аттического типа после 400 г. до н. э. (cf. *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 85, 260. No. 349. Pl. 16. Fig. 4; ок. 400–375 гг.).

В подвале было найдено девять фрагментов краснофигурных сосудов. Все они – судя по внешнему виду глины (разных оттенков оранжевого, хорошо отмученная, без видимых вкраплений) и лака (высокого качества) – могут быть отнесены к продукции аттических мастерских.

¹⁸ Торс богини, сидящей на троне. Спинка трона выступает за фигуру богини. Полая. Глина светло-коричневая с примесью слюды и редкими белыми включениями.

¹⁹ К сожалению, эта бронзовая пантикапейская монетка, найденная на полу под фасосской амфорой, ввиду ее плохой сохранности оказалась непригодна для нашей цели. М. Г. Абрамзон (которому мы с радостью выражаем свою признательность) сумел рассмотреть на аверсе «голову безбородого сатира вправо» (*Анохин*, 2011. № 1025 или 1026?) и лишь предположительно датировал ее ок. 320–310 гг. до н. э. (*Кузнецов*, 2017. Т. 2. Прилож. 1. С. 29. № 159). Явным образом эта датировка противоречит археологическому контексту.

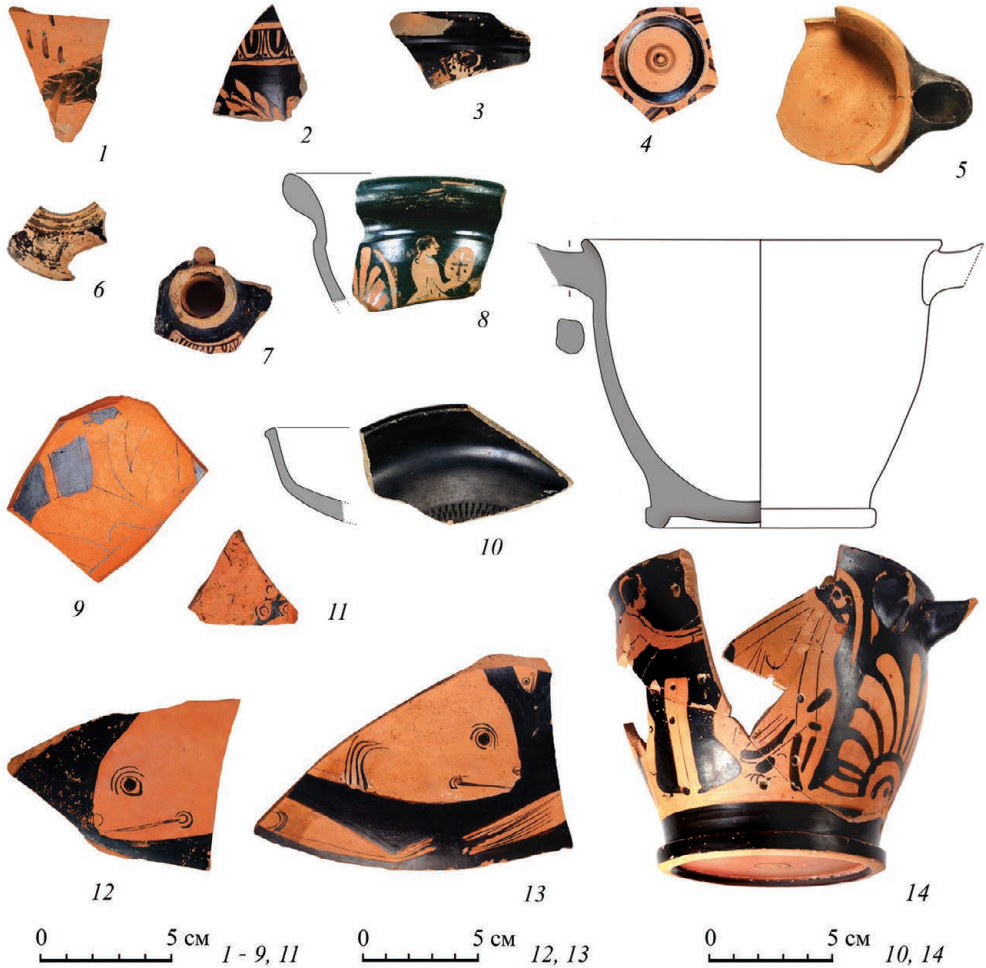

Рис. 6. Фрагменты расписной и чернолаковой аттической (1–3, 5–14) и североионийской (4) керамики из подвала

Самым ранним экземпляром в комплексе является *тондо* краснофигурного килика²⁰, в медальоне которого сохранился фрагмент росписи в виде тела обнаженного юноши, сидящего спиной к зрителю, его левая рука согнута в локте, отведена в сторону и кистью заведена за бедро (рис. 6: 9). Изображение довольно схематично, пропорции тела не соблюдены, мускулатура проработана хаотичными линиями разбавленного лака, нанесенными небрежно, лак фона прервал эскизные линии и натеки на фигуру. Подобную роспись относят к работам Мастера Пифоса (*Pithos Painter*), работавшего около 510–490 гг. до н. э. (Буравчук, 2010. С. 259). Фигуры обнаженных юношей были излюбленным сюжетом

²⁰ ФМ-КП-32/78 А1647 ГК 9180217.

мастера; поза остается практически неизменной, отличаются только детали лица и мускулатуры. Такие килики не являются редкостью, их дата не выходит за рамки 510–480 гг. до н. э. (см.: *Beazley*, 1963. 140.35; *Corpus Vasorum Antiquorum. Russia*. 4..., 2000. Pl. 47: 4; *Shapiro*, 2010. Fig. 4; *Масленников*, 2012. Рис. 1: 4). Опираясь на аналогии, можно дополнить изображение на нашем фрагменте: голова юноши повернута вправо, длинные волосы (скорее всего, выбивающиеся из-под фригийского колпака) волнами спускаются на плечи; юноша сидит на тюфяке. Возможно, это фигура возлежащего на симпосии (*Boardman*, 1975. Fig. 128). Скорее всего, рассматриваемый фрагмент должен датироваться ок. 500 г. до н. э., ближе к середине периода работы мастера, поскольку изображение уже утратило черты реалистичности, но в то же время еще не стало совсем схематичным.

Следующие три фрагмента относятся к рыбным блюдам²¹. На наибольшем из них сохранилось изображение головы крупной рыбы, поверх которой – голова мелкой рыбешки; снизу – туловище мелкой и хвостовой плавник большой рыбы (рис. 6: 13). На меньшем фрагменте – голова крупной рыбы (рис. 6: 12). Детали рыбьих голов четко прорисованы: показаны глаз, рот и ноздря. Примечательно, что голова мелкой рыбы также имеет прорисовку. На крупном фрагменте в качестве деталей можно отметить жабры у крупной и мелкой рыб, показанные несколькими дугами. Крупные рыбы расположены брюшком в сторону края блюда, мелкая же рыбешка располагается произвольно. Такое их расположение характерно для большинства именно аттических блюд (*Циммерман*, 1979. С. 84). Два больших фрагмента между собой не стыкуются, но, вполне вероятно, они от одного сосуда. На это указывает стилистика изображения рыб, отличительными чертами являются особенности прорисовки ноздри и уголков рта. В своей классификации рыбных блюд I. McPhee и A.D. Trendall относят подобные изображения к типу блюд с «простой» рыбой (*McPhee, Trendall*, 1987. P. 34–37). Эта обширная группа включает в себя нескольких мастеров, в нашем случае точно установить авторство не удалось (возможно: *McPhee, Trendall*, 1987. Pl. 5 (33) Ferrara 4922). Подобные блюда характерны для первой половины IV в. до н. э. и довольно распространены в Северном Причерноморье (*Corpus Vasorum Antiquorum. Russia*. 5..., 2001. Pl. 42, 43; Pl. 47: 4; *Циммерман*, 1979. С. 84)²². Возможно, изображенные рыбы относятся к семейству карповых (*McPhee, Trendall*, 1987. P. 35). Опираясь на аналогии, дату производства, кажется, возможно сузить до первой четверти IV в. до н. э. Последний фрагмент рыбного блюда (рис. 6: 11) не поддается точному определению.

Популярным типом чаш в первой половине IV в. до н. э. была разновидность килика, именуемая «килик-скифос». Из подвала 745 происходят два фрагмента венцов таких чаш²³. Морфология обоих сходна: край венца валикообразный, слегка отогнут наружу, переходит в тулово площадкой с ребром. Для краснофигурных киликов-скифосов этого периода характерен орнамент по внутреннему краю венца в виде гирлянды из плюща в цвете глины, доработанной белой

²¹ ФМ-КП-32/71, 72 А 1640, 1641 ГК 9180241, 9180262.

²² Стоит отметить, что тот же тип блюд хранится и в музее-заповеднике «Фанагория» (ФМ-КП-11/19, 20 А 1531, 1532 ГК 9180319, 9180303).

²³ ФМ-КП-32/75, 77 А 1644, 1646 ГК 9180246, 9180232.

накладной краской. От первого венца сохранилась небольшая часть с росписью на внешней стороне. На ней представлена голова юноши, повернутая влево относительно зрителя (рис. 6: 3). Черты лица прорисованы нестандартно: прямой нос и подбородок заострены, губы плотно сжаты, выпячены вперед. Детали даны довольно условно: глаз – тремя линиями в виде треугольника, рот – точкой лака, волосы – пятном лака, в верхней части они сливаются с фоном, три локона спускаются к шее. К сожалению, это все, что можно сказать о первом фрагменте. Скорее всего, напротив фигуры была изображена еще одна.

Более информативен второй фрагмент килика-скифоса (рис. 6: 8). На нем под венцом представлен обнаженный юноша (возможно, атлет) вправо. В правой руке, согнутой в локте, он держит предмет округлой формы, в центре которого показан крест и точки в образованных им секторах. Изображение схематично. Черты лица и мускулатура обозначены линиями лака. Сзади фигуры – многолепестковая веерная пальметта, ограниченная полосой в цвете глины (центральный лепесток разрывает обводящую линию). Однозначно сказать, что за предмет держит юноша в руках, сложно. Возможно, этот импан²⁴. По стилистике исполнения и типу сосуда данный килик-скифос напоминает работу Мастера Q. Похожий килик-скифос хранится в музее Джата (*Beazley, 1963. 1520.43*). От нашего его отличает прорисовка деталей: юноша низкого роста, его тело непропорционально; напротив юноши изображена сидящая девушка вправо, повернутая в сторону юноши. Скорее всего, на нашем килике-скифосе был представлен такой же сюжет. Наконец, необходимо отметить, что подобная роспись для Мастера Q характерна уже на позднем этапе его работы, а именно во второй четверти IV в. до н. э. (*Тугушева, 2001. С. 147*).

Наибольший интерес представляет краснофигурный скифос²⁵. К сожалению, сохранился он не полностью: лишь одна сторона изображения с утратами (рис. 6: 14), от другой – изображение ступней ног. На сохранившейся стороне двухфигурная композиция: мужские фигуры стоят друг напротив друга. Фигура слева обнажена (вероятно, атлет), обе руки вытянуты, торс наклонен вперед. Детали лица прорисованы схематично: бровь и глаз показаны тремя линиями лака, рот – точкой, волосы – пятном лака. Мужская фигура справа полностью закутана в гиматий (складки переданы линиями разбавленным лаком), руки скрыты под одеждами, левая нога согнута в колене, правая – стоит прямо. Между фигурами – узкий прямоугольный столбик (алтарь?), разделенный по вертикали надвое узкой полосой, достигающий фигурам до пояса. Пространство между ручками заполнено многолепестковыми веерными пальметтами, возле фигур – растительные завитки. Однозначного ответа, кто изображен на скифосе, нет²⁶.

²⁴ На наш взгляд, для метательного диска (как иногда определяют подобный предмет) он слишком велик, да и его «орнамент», кажется, вовсе не характерен для спортивных снарядов.

²⁵ ФМ-КП-32/73 А 1642 ГК 9180274. Скифос склеен из 6 фрагментов; на пяти из них по бокам от линии разлома – по одному округлому сквозному отверстию. Не остается сомнений, что отверстия были сделаны для ремонта сосуда путем соединения стенок свинцовыми скобами.

²⁶ На сохранившейся стороне утрачены фрагменты с изображением деталей поз представленных персонажей, которые могли бы дать дополнительные подсказки.

Первоначально создается впечатление, будто юноша протягивает что-то фигуре напротив (подобная роспись довольно распространена на разных типах сосудов). Однако сюжет в целом больше напоминает сцену спортивных состязаний: юноша готовится к прыжку (с гальтерами в руках или без них), а напротив него стоит судья (ср.: Miller, 2004. Fig. 38).

Скифосы с такой же росписью точно отыскать не удалось. (Хотя изображения парных фигур, как отмечалось, – явление частое в краснофигурной керамике (например, см.: Beazley, 1963. 800; Corpus Vasorum Antiquorum. Italia. 47..., 1970. Pl. 42, 43; Pl. 1.2A-B). Подобные скифосы с двумя фигурами относят к началу IV в. до н. э. (Moore, 1997. № 1294). По сюжету скифос напоминает керамику группы *Fat Boy* (например, см.: Beazley, 1963. 1491.204). К данной группе относят скифосы первой – начала второй четверти IV в. до н. э. с двухфигурными композициями (в основном обнаженный и задрапированный юноши); в ряде случаев пространство между фигурами заполнено предметами (Вдовиченко, 2003. С. 37). Однако как форма скифоса²⁷, так и манера исполнения росписи²⁸ не позволяют настаивать на том, что чаша из фанагорийского комплекса принадлежит этой же мастерской. В то же время нет сомнений, что наш скифос следует отнести к первой половине IV в. до н. э.

Два краснофигурных фрагмента с трудом поддаются определению и последующей датировке. Первый – верхняя часть арибаллического лекифа с коротким пояском *ov* по плечу (рис. 6: 7). От другого сосуда, открытого типа, сохранилась стенка (рис. 6: 2). На внешней стороне в верхней части фрагмента – орнаментальный пояс в виде *ov* с точками, ограниченный снизу и сверху полосами в цвете глины. Ниже изображены ветки лавра с листьями. Датировка этих двух фрагментов, по-видимому, не выходит за пределы IV в. до н. э.

Среди кухонной и простой столовой посуды преобладают фрагменты изделий, сделанных в местных керамических мастерских из глины, получившей при обжиге красный цвет с оттенками коричневого или розово-сиреневого, содержащей сравнительно небольшое количество известняков и мелкой слюды (рис. 5: 11, 17). Чаще эта посуда не имеет покрытия, реже на ее поверхности встречается светлый жидкий ангоб. На этом фоне выделяются обломки рыбных блюд и миски аналогичной глины (рис. 5: 10, 13, 14), поверхности которых покрыты сравнительно плотным тусклым красным лаком, визуально напоминающим лак боспорской сигиллаты²⁹. Стоит упомянуть и два обломка горл сероглиняных «кувшинов». Один из них – со слабо выделенным острорезным венцом на коротком горле, с тусклым черным «ангобом» на внешней поверхности и потеками в верхней части горловины изнутри (рис. 5: 12), а другой – без выделенного венца, имеет темно-серую поверхность без покрытия (черепок в толще серо-коричневый), но со следами небрежного лощения (?) на горловине.

²⁷ Наш скифос более «одутловатой» формы, не имеет сужения в придонной части.

²⁸ Роспись в группе *Fat Boy Group* более схематична, нанесенные линии небрежны.

²⁹ Наши сомнения относительно того, не представляют ли эти фрагменты случайную примесь поздних материалов из прорезавших подвал ям, окончательно развеял Д. В. Журавлев, ответив на поставленный вопрос отрицательно. Мы искренне признательны коллеге за его авторитетное экспертное заключение.

Итак, если прекращение функционального использования подвального помещения (и самого здания, к которому оно относится³⁰) рассматривать не как изолированное событие на открытом раскопками участке фанагорийского акрополя, а в более широком контексте истории этого района, обоснованная датировка засыпки подвала приобретает значительную ценность. И если в ходе дальнейшего изучения аналогичных объектов подтвердится синхронность финала их жизнедеятельности, то можно будет с большей уверенностью говорить о том, что около 350 г. до н. э. (т. е. вскоре после того, как в пожаре между 360 и 350 гг. до н. э. погибает фундаментальное общественное здание № 460³¹) завершился один период истории застройки района и начинается другой. Именно с последним, по всей видимости, следует связывать его (этого района) кардинальную перестройку: новшества в планировке зданий, ориентированных теперь строго по сторонам света, строительство большого общественного здания гражданского назначения с полуподвалом (№ 144), парадное оформление входа на площадь, на которой оно расположилось, в виде пятиколонных пропилеев (№ 670) (см.: *Завойкин*, 2019б).

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В. А.*, 2011. Античные монеты Северного Причерноморья: каталог. Киев: Стилос. 328 с.
- Буравчук О. Е.*, 2010. Килики «Мастера Пифоса» из раскопок Ольвии и Березани // *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1*. М.; Киев: ИА РАН. С. 259–264.
- Вдовиченко И. И.*, 2003. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекций. Симферополь: СОНАТ, 128 с.
- Долгоруков В. С.*, 1980. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1979 году // *Архив ИА РАН. Р-1. № 8796, 7896а*.
- Долгоруков В. С.*, 1986. Литейная форма из Фанагории // *Проблемы античной культуры / Под ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 145–149*.
- Завойкин А. А.*, 2018а. Котлован 744 на «Верхнем городе» Фанагории // *Древности Боспора. Т. 22*. М.: ИА РАН. С. 54–66.
- Завойкин А. А.*, 2018б. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6: Материалы по археологии Фанагории. Вып. 3 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН. С. 101–141*.
- Завойкин А. А.*, 2019а. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // *Древности Боспора. Т. 24*. М.: ИА РАН. С. 232–252.
- Завойкин А. А.*, 2019б. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // *Проблемы истории, филологии, культуры. № 4*. С. 297–321.
- Завойкин А. А., Шавырина Т. Г.*, 2013. Погребение 23/1980 Восточного некрополя Фанагории: к вопросу о закупорке античных амфор // *Фанагория. Результаты археологических исследо-*

³⁰ О назначении здания с подвалом № 745 судить практически невозможно. Затруднительно отнести его к числу жилых построек как по месту его расположения в общественном центре города, так и по планировке: небольшое по площади однокомнатное здание нельзя признать образцом жилой застройки IV в. до н. э. Небольшие однокомнатные здания известны в этом районе в период архаики и ранней классики. Если некоторые из них (не все) допустимо отнести к числу жилых, то для периодов поздней классики и эллинизма подобное допущение кажется нам нереальным.

³¹ Подробно о нем см.: *Завойкин*, 2018б.

- ваний. Т. 1: Материалы по археологии Фанагории. Вып. 1 / Под ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН. С. 230–239.
- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Опыт комплексного изучения. Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского; Керчь: Деметра. 480 с. (Боспорские исследования; вып. 18.)
- Кёлер К., 1992. Общая хронология коринфских транспортных амфор // Греческие амфоры / Под ред. В. И. Каца, С. Ю. Монахова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 265–285.
- Кузнецов В. Д., 2001. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. Вып. 1. СПб.: ГЭ: Таманский музейный комплекс. С. 10–14.
- Кузнецов В. Д., 2007. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2006 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) // Архив ИА РАН. Р-1. № 27163, 27164.
- Кузнецов В. Д., 2017. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2016 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) // Архив ИА РАН. Р-1. № 51943–51951. 9 т.
- Кузнецов В. Д., 2019. К ранней истории Фанагории // Древности Боспора. Т. 24. М.: ИА РАН. С. 396–414.
- Кузьмина Ю. Н., 2010. Апсидальное здание из раскопок 1979–1980 гг. в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. С. 429–439.
- Латышев В. В., 1997. Очерк греческих древностей. Т. 2: Богослужбные и сценические древности. СПб.: Алетейя. 317 с.
- Масленников А. А., 2012. Расписная керамика с памятников «царской» хоры Приазовья // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2: Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М.: ИА РАН. С. 60–82. (Древности Боспора. Suppl.; т. III.)
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 351 с.
- Тугушева О. В., 2001. Мастер Йены и вазописцы его круга. Вопросы атрибуции аттических краснофигурных киликов конца V – первой половины IV в. до н. э.: дис. ... канд. искусствоведения. М. 406 с.
- Циммерман К., 1979. Фрагменты аттических рыбных блюд в Эрмитаже // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора. С. 59–93.
- Beazley J. D., 1963. Attic Red-figure Vases-painters. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press. 329 p.
- Boardman J., 1975. Athenian Red Figure Vases. The archaic period. London: Thames and Hudson. 252 p.
- Corpus Vasorum Antiquorum. Italia. 47: Como-Civico Museo Archeologico «Giovio». Fasc. I / Ed. F. P. Palange. Roma: L'erma di Bretschneider, 1970. 41 p., 45 ill.
- Corpus Vasorum Antiquorum. Russia. 4: Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow. Fasc. IV / Ed. N. Sidorova. Roma: L'erma di Bretschneider, 2000. 68 p., 51 ill.
- Corpus Vasorum Antiquorum. Russia. 5: Pushkin State Museum of Fine Arts. Fasc. V / Eds.: N. Sidorova, O. Tugusheva. Roma: L'erma di Bretschneider, 2001. 78 p., 43 ill.
- Garlan Y., 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I: Timbres protothasiens et thasiens anciens. Athènes; Paris: École Française d'Athènes. 334 p., 12 pls. (Études thasiennes; vol. XVIII.)
- McPhee I., Trendall A. D., 1987. Greek Red-figured Fish-plates. Basel: Vereinigung der Freunde antiker Kunst. 176 p., 64 pl.
- Miller S. G., 2004. Ancient Greek Athletics. New Haven; London: Yale University Press. 288 p.
- Moore M. B., 1997. The Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton, NJ. 419 p. (The Athenian Agora; vol. XXX.)
- Shapiro H. A., 2010. Notes on Attic Red-figured Pottery from Berezan // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. Т. II. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 291–306. (Труды ГЭ; т. LIV.)
- Sparkes B. A., Talcott L., 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton, N.J. 2 parts (472 p., 25 figs., 100 pls.). (The Athenian Agora; vol. XII.)

Сведения об авторах

Завойкин Алексей Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru;

Чашук Мария Сергеевна, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ул. Ленина, д. 7, Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной, 353540, Россия; e-mail: chashuk.mari@mail.ru

A. A. Zavoykin, M. S. Chashuk

A BASEMENT AT THE PHANAGORIA ACROPOLIS

Abstract. Constructions sunk into the soil within the historical center of Phanagoria in the central part of its upper plateau have been known since the first decades of the city existence. Such constructions include not only middens round in the plan but also rectangular pits without special reinforcement of the walls as well as basements (semi-basements) of the buildings bound with the walls made of mudbrick or stone along the perimeter. Pits were used for domestic needs during short periods up to the early 4th century BC. Existing evidence suggests that the basement stories of the buildings were built after this period as well. These constructions are worth mentioning because, among other features, their characteristics and layout are not typical for housing constructions of public centers in Greek cities. These structures are valuable because of abundant ceramic material that they contain which helps determine the time they went out of use rather precisely. One of such assemblages analyzed in the paper (basement 745) provided an opportunity to propose the chronological period (circa 350 BC) that specifies the time of the next reconstruction of the Phanagoria acropolis and the startup of its new architectural design.

Keywords: Phanagoria, acropolis, basement, mudbrick, ceramic assemblage, chronology, periodization, reconstruction.

REFERENCES

- Anokhin V. A., 2011. Antichnyye monety Severnogo Prichernomor'ya: katalog [Antique coins of North Pontic region: catalogue]. Kiev: Stilos. 328 p.
- Buravchuk O. E., 2010. Kiliki «Mastera Pifosa» iz raskopok Ol'vii i Berezani [Kylixes of «Master of Pithos» from excavations of Olbia and Berezan']. *ΣYMBOLA. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshiye nakhodki i otkrytiya* [ΣYMBOLA. Classical world of North Pontic region. Newest finds and discoveries], 1. Moscow; Kiev: IA RAN, pp. 259–264.
- Dolgorukov V. S., 1980. Otchet o robotakh Fanagoriyskoy ekspeditsii v 1979 godu [Report on Phanagoria expedition works in 1979]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Dolgorukov V. S., 1986. Liteynaya forma iz Fanagorii [Casting mould from Phanagoria]. *Problemy antichnoy kul'tury* [Issues of Antique culture]. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 145–149.
- Kats V. I., 2007. Grecheskiye keramicheskiye kleyma epokhi klassiki i ellinizma. Opyt kompleksnogo izucheniya [Greek ceramic stamps of Classical and Hellenistic epochs (experience of complex study)]. Simferopol: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya imeni A. E. Krymskogo; Kerch': Demetra. 480 p. (Bosporskiye issledovaniya, 18.)
- Keler K., 1992. Obschaya khronologiya korinfskikh transportnykh amfor [General chronology of Corinthian transport amphorae]. *Grecheskiye amfory* [Greek amphorae]. V. I. Kats, S. Yu. Monakhov, eds. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 265–285.

- Kuz'mina Yu. N., 2010. Apsidal'noye zdaniye iz raskopok 1979–1980 gg. v Fanagorii [Apse building from 1979–1980 excavations in Phanagoria]. *PIFK*, 1, pp. 429–439.
- Kuznetsov V. D., 2001. Raskopki poslednikh let v Fanagorii [Excavations of recent years in Phanagoria]. *Tamanskaya starina [Taman olden time]*, 1. St. Petersburg: GE: Tamanskiy muzeynyy kompleks, pp. 10–14.
- Kuznetsov V. D., 2007. Otchet o rabote Tamanskoey ekspeditsii Instituta arkhologii RAN v Fanagorii v 2006 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy) [Report on works of Taman expedition of Institute of Archaeology RAS in Phanagoria in 2006. (Krasnodar region, Temryuk district, settlement Sennoy)]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kuznetsov V. D., 2017. Otchet o rabote Fanagoriyskoey ekspeditsii Instituta arkhologii RAN v Fanagorii v 2016 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy) [Report on works of Taman expedition of Institute of Archaeology RAS in Phanagoria in 2016. (Krasnodar region, Temryuk district, settlement Sennoy)]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kuznetsov V. D., 2019. K ranney istorii Fanagorii [To the early history of Phanagoria]. *DB*, 24. Moscow: IA RAN, pp. 396–414.
- Latyshev V. V., 1997. Ocherk grecheskikh drevnostey [Essay on Greek antiquities]. T. 2: Bogoslužebnyye i stenicheskiye drevnosti [Liturgical and scenic antiquities]. St. Petersburg: Aleteyya. 317 p.
- Maslennikov A. A., 2012. Raspisnaya keramika s pamyatnikov «tsarskoey» khory Priazov'ya [Painted ceramics from sites of «royal» chore of Azov Sea coast]. *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'ye) [Royal chore of Bosporus (based on materials from excavations in Azov Sea Crimean coast)]*, 2. Individual'nyye nakhodki i massovyy arkheologicheskyy material [Individual finds and mass archaeological material]. Moscow: IA RAN, pp. 60–82. (Drevnosti Bospora. Supplementum, III.)
- Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare [Greek amphorae in North Pontic zone. Typology of amphorae of leading centers-exporters of goods in ceramic containers]. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet. 351 p.
- Shapiro H. A., 2010. Notes on Attic Red-figured Pottery from Berezan. *Borisfen – Berezan'. Arkheologicheskaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitazha [Boristhene – Berezan'. Archaeological collection of State Hermitage]*, II. St. Petersburg: GE, pp. 291–306. (Trudy GE, LIV.)
- Tsimmerman K., 1979. Fragmenty atticheskikh rybnykh blyud v Ermitazhe [Fragments of Attic fish plates in Hermitage]. *Iz istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [From the history of North Pontic region in Classical epoch]*. Leningrad: Avrora, pp. 59–93.
- Tugusheva O. V., 2001. Master Yyeny i vazopistsy ego kruga. Voprosy atributsii atticheskikh krasnofigurnykh kilikov kontsa V – pervoy poloviny IV v. do n. e.: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya [Master of Jena and vase-painters of his circle. Issues of attribution of Attic red-figure kylixes of late V – first half of IV c. BC: PhD dissertation]. Moscow. 406 p.
- Vdovichenko I. I., 2003. Antichnyye raspisnyye vazy iz Krymskikh muzeyev. Katalog kolleksiyy [Antique painted vases from Crimean museums. Catalogue of collections]. Simferopol: SONAT, 128 p.
- Zavoykin A. A., 2018a. Kotlovan 744 na «Verkhnem gorode» Fanagorii [Trench 744 in «Upper town» of Phanagoria]. *DB*, 22. Moscow: IA RAN, pp. 54–66.
- Zavoykin A. A., 2018b. Obshestvennoye zdaniye 4 v. do n. e. na akropole Fanagorii [Public building of 4th c. BC in Phanagoria acropolis]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological studies]*, 6. Materialy po arkheologii Fanagorii [Materials on Phanagoria archaeology], 3. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 101–141.
- Zavoykin A. A., 2019a. Novyye amfornyye komplekсы iz raskopok «Verkhnego goroda» Fanagorii [New amphorae complexes from excavations of Phanagoria «Upper town»]. *DB*, 24. Moscow: IA RAN, pp. 232–252.
- Zavoykin A. A., 2019b. Ellinisticheskoye obshestvennoye zdaniye na akropole Fanagorii [Hellenistic public building in Phanagoria acropolis]. *PIFK*, 4, pp. 297–321.
- Zavoykin A. A., Shavyrina T. G., 2013. Pogrebeniye 23/1980 Vostochnogo nekropolya Fanagorii: k voprosu o zakuporke antichnykh amfor [Burial 23/1980 in Eastern necropolis of Phanagoria: on the issue of corking of antique amphorae]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*

[Phanagoria. Results of archaeological studies], 1. Materialy po arkheologii Fanagorii [Materials on Phanagoria archaeology], 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 230–239.

About the authors

Zavoykin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: bospor@inbox.ru;

Chashuk Maria S., State historical-archaeological museum-reserve Phanagoria, ul. Lenina, 7, Krasnodar Krai, Temryuk district, pos. Sennoy, 353540, Russian Federation, e-mail: chashuk.mari@mail.ru

А. А. Малышев, Д. О. Дрыга, Д. А. Колесник

КОМПЛЕКС БАШЕННОГО СООРУЖЕНИЯ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Резюме. Раевское городище – крупнейший центр горгиппийской хоры, на котором обнаружена двухуровневая система фортификационных сооружений. Анализ антропогенного ландшафта позволил выявить ее наиболее значимые элементы. В предлагаемой статье освещены результаты исследования башенного сооружения, расположенного в восточной части городища, в наиболее возвышенном месте. Магниторазведка показала наличие мощного внешнего оборонительного контура сооружения. Раскопки курганообразного холма пятиметровой высоты подтвердили этот вывод: расчищены руины трех стен однокамерного сооружения, типичного образца боспорской сырцово-каменной архитектуры. Каменные кладки обращенных наружу стен оказались гораздо выше внутренних. Несмотря на разрушения, в результате разборки северной части здания на камень удалось выявить хорошо стратифицированный участок заполнения башни. Бытование фортификационного сооружения отнесено ко II в. до н. э.

Ключевые слова: азиатский Боспор, полуостров Абрау, фортификация, городище, эпоха эллинизма, сырцово-каменная архитектура, хронология, комплексные исследования, металловедение, 3D-технологии.

Характеризуя ландшафтные особенности расположения Раевского городища, его первый исследователь В. И. Сизов восторженно отметил, что крепость парит над местностью. Изучение топографии Раевского городища выявило два пояса оборонительных сооружений, показало значительный перепад высот в пределах валообразной насыпи, которая оконтуривала внешний оборонительный пояс крепости. Причем господствующие высоты оказались не в се-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-04313 офи_м «Цифровые технологии (3D визуализация) в реконструкции древностей полуострова Абрау: антропогенный ландшафт и палеопопуляции»

ро-восточном углу, где располагались сооружения цитадели, а к юго-востоку: на изломе валообразной насыпи выявлено холмообразное возвышение, близкое к четырехугольной форме, стороны ориентированы по странам света, пятиметровой высоты.

Предпринятое обследование магниторазведкой (площадь 1280 кв. м) выявило в центре участка широкую отрицательную (светлая/красная) аномалию, причем самое высокое место на участке, в верхнем правом углу, оказалось местом стыка двух линейных положительных аномалий (рис. 1)¹. Скорее всего, внутренняя отрицательная аномалия образована известняковой массой, а внешняя положительная – обожженной. Вероятно, в этом углу вала/стены был выступ. Высказано предположение, что под насыпью – остатки башенного сооружения, вписанного в угол внешнего вала. В самом углу от башни зафиксирован «коридор»: отрицательная аномалия шириной около пяти метров, окантованная положительной.

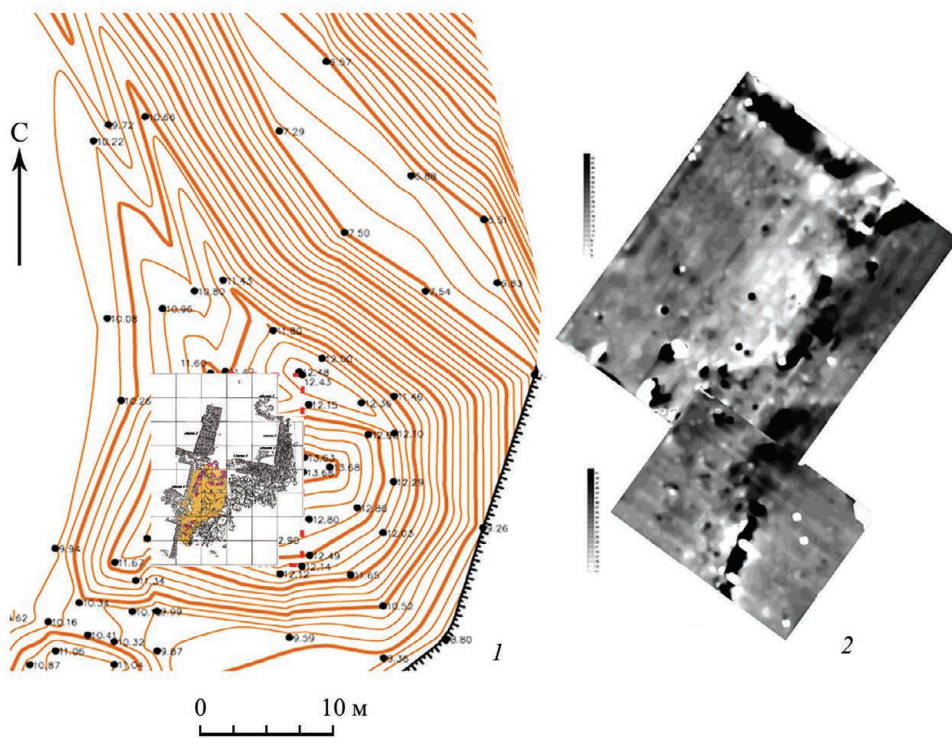

Рис. 1. Восточная башня

1 – контур раскопа на топографическом плане; 2 – результаты магниторазведки (работы д. и. н. Т. Н. Смекаловой, А. В. Чудиной)

¹ Работы проводились в 2009 г. сотрудниками физического факультета СПбГУ А. В. Чудиным и д. и. н. Т. Н. Смекаловой.

Обращает внимание линейная положительная (темная/синяя) аномалия вдоль правого края участка карты, ее мощность и форма позволяют предположить температурное воздействие (пожарище) на внешнюю часть стены. Небольшой шлейф положительных аномалий восточнее стены интерпретирован как смыв материала с холма.

Профили – местами трехметровой высоты – разбитой в меридиональном направлении траншеи в восточном секторе насыпи холма в следующий полевой сезон (2010) подтвердили диагностику магниторазведки. Верхние слои насыпи состояли из продуктов естественного разрушения сырцовых стен, которые перекрывали руины каменного цоколя здания. Выявлены и следы размывания сырцовых кладок: заполнение мощностью до полутора метров представляло собой чередование слоев серых и серо-бежевых суглинков, имеющих резкий уклон в южном направлении в результате оплывания (рис. 3: 2, а).

В северной части траншеи, несмотря на разрушения, вызванные добычей строительного камня, был обнаружен торец сложенной из массивных блоков песчаника монументальной стены шириной около 1,3 м. У ее подножия выявлены участки культурного слоя – прокаленного в мощном пожарище суглинка, насыщенного угольками, щебенкой и материальными остатками, главным образом античного времени, среди которых оказался и фрагмент энеолитического долота из змеевика. Западнее траншеи в течение четырех полевых сезонов (2011–2014) велось исследование монументального фортификационного сооружения.

Руины каменных конструкций башнеобразного сооружения перекрывала мощная, не менее двух метров, насыпь, которая состояла из продуктов разрушения сырцовых конструкций, в которых использовался и строительный камень разного формата. В северном секторе насыпь прорезал вплоть до материкового горизонта перекоп, связанный с выборкой строительного камня в XX в.

На разных уровнях в заполнении встречались культурные остатки: античная керамика, немногочисленные кости, среди которых обнаружены разрозненные кости человека (длинные кости, свода черепа).

Лучшей сохранностью отличалась кладка восточной стены (№ 1) сооружения (рис. 2: 1, 2). Ориентирована по оси ССВ – ЮЮЗ. Она прослежена на длину около четырех метров и высоту около 1,8 м. Кладка нерегулярная, трехслойная: лицевые фасы из крупных и средних уложенных постелисто вперевязку блоков известняка и песчаника, в средней части бутовый камень разного размера. Фундаментная кладка имеет три ряда, состоящих из массивных блоков, длиной метр и более. Нижний ряд впущен в бурый суглинок (погребенная почва?).

Стена 1 образовывала с южной стеной (№ 3) юго-восточный угол сооружения. Сохранилась (на длину – 1,5 м и высоту – до 1,9 м) только восточная часть кладки стены 3, западная до соединения со стеной 2 полностью разобрана. Стена сложена преимущественно из крупного камня, довольно отчетливо выделяется семь рядов, причем наиболее монументальны четыре нижних. В верхних горизонтах кладка фактически двухслойная, в фундаментном уровне трехслойная. Крупные блоки уложены на ребро, а внутреннее пространство забутовано.

Западная, ориентированная по оси ССВ – ЮЮЗ, стена 2 имела ширину около 1,3 м, сохранилась на длину 4,9 м и высоту четырех рядов (1,3 м). Северная часть с северо-западным углом утрачена. Сохранился только фундаментный

уровень стены, кладка двухслойная, крупные блоки уложены постелисто, как правило, ложком, хотя некоторые блоки, в греческих традициях, поперечно, на ребро (тычком), через всю толщину кладки.

Юго-западный угол башенного сооружения образован вышеописанными стенами 2 и 3. Чтобы погасить воздействие склоновой деформации, с внешней стороны он был укреплен контрфорсом в виде двухфасной кладки длиной 1,4 м. С южной стороны в юго-западный угол башни встроена оборонительная стена 4, ориентированная по оси ССВ–ЮЮЗ. С внутренней (западной) стороны оборонительной стены, прослеженной на длину восемь метров, выявлена кладка, по-видимому, контрфорса (рис. 2: 1, 2; 3: 1).

Оборонительная стена была возведена на высоту трех рядов (0,8 м), выше расчищены остатки сырцовых кладок, в которых был использован и строительный камень. Оплывшие контуры блоков сырцовых кирпичей позволяют зафиксировать необычно крупные для античных построек размеры сырцовых блоков (рис. 3: 4, б).

На поверхностях, использованных в постройке известняковых и песчаниковых блоков, следы отески, как правило, отсутствуют, поэтому внимание исследователей привлек обнаруженный на одном из них канал со следами заполнения, которые, по-видимому, связаны с многолетним трением каната (рис. 3: 4, а).

Раскопки показали, что северный контур башни полностью утрачен, кроме того, в значительной мере пострадала западная часть здания. Кладки всего сохранившегося периметра башенного сооружения подстилает слой бурого суглинка, по всей видимости, слоя погребенной почвы. Регулярная стратиграфия внутри помещения сохранилась на площадях, прилегающих к юго-восточному углу сооружения. Заполнение на уровне двух нижних фундаментных рядов свидетельствует о скапливании влаги внутри помещения (рис. 3: 3, а), поэтому все пространство пришлось забутовать рваным камнем, а уровень пола был поднят, таким образом, на 0,4–0,5 м. На этом горизонте выявлены две невысокие каменные кольцевые конструкции, диаметр – около 2 м (рис. 2: 1, 2), и развалы закрытых лепных сосудов и небольшого кругового пифоидного сосуда бежевой глины.

Коллекция культурных остатков, полученных при раскопках башенного сооружения и прилегающей территории, относительно невелика – 3878 экз. (рис. 4: 5). Распределение материальных остатков в одном из квадратов заполнения имеет два пика: один – выявленный горизонт пола сооружения, другой – менее значительный, по-видимому, маркирует верхний уровень (этаж) постройки. Относительно немногочисленная коллекция была собрана в верхних штыках развала сырцовой насыпи.

Наиболее значительна коллекция керамического материала, среди которой преобладает античная круговая керамика, связана с двумя хронологическими периодами. В нижних горизонтах башенного сооружения представлены материалы III–II вв. до н. э.: амфоры Синопы (типа III-C: *Монахов*, 2003. Табл. 104: 6), Родоса (типа I-C или I-E-1: Там же. Табл. 80, 81), Колхиды (*Цецхладзе*, 1992. С. 98. Рис. 4–3, 5–1) (рис. 4: 1), а также массивная, украшенная росписью краской бордового цвета столовая керамика. Связанный с этим хронологическим горизонтом нумизматический материал (II в. до н. э.: *Шелов*, 1966. С. 219.

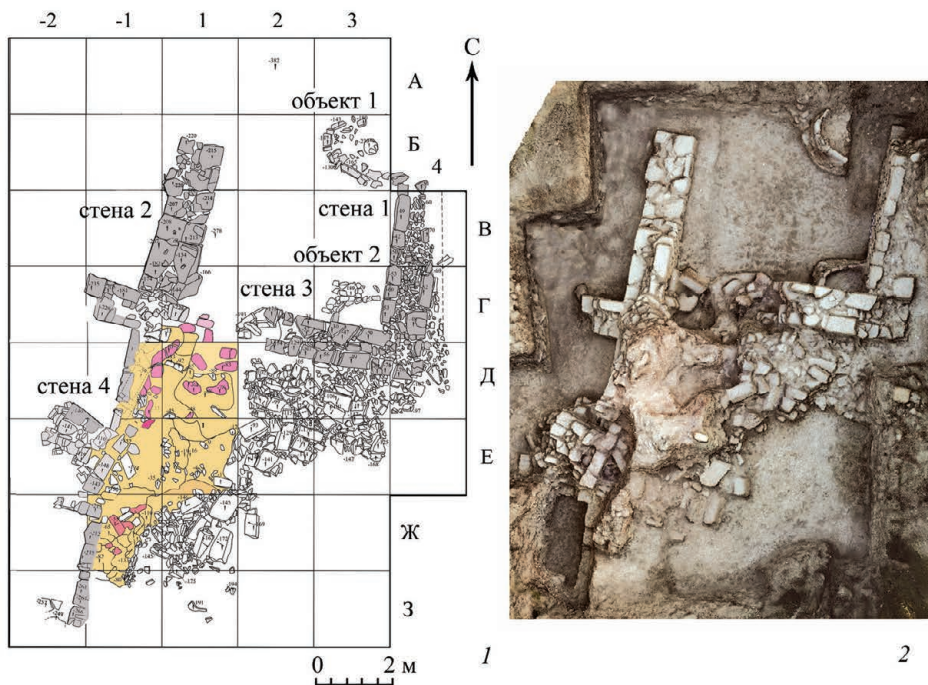

Рис. 2. Восточная башня Раевского городища

1 – план выявленных строительных остатков; 2 – ортофотоплан раскопа; 3 – 3D-реконструкция сооружения (выполнена В. В. Моором)

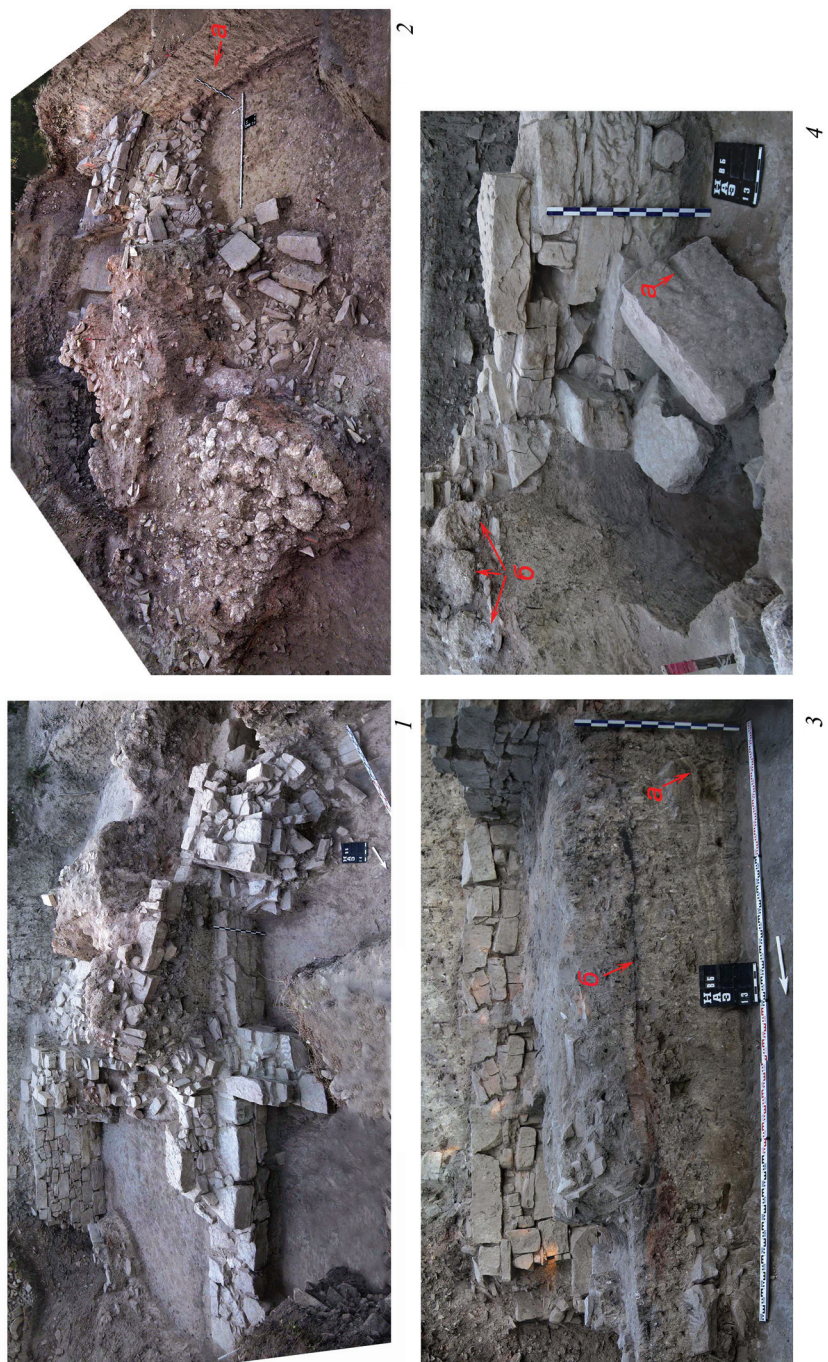

Рис. 3. Руины сырцово-каменного монументального сооружения Восточной башни Раевского городища

1 – с прилегающей с юга оборонительной стеной, вид с запада; 2 – развал сырцовых кладок (а – следы размывания сырцов в северном профиле раскопа); 3 – заполнение башенного сооружения (а – следы просачивания влаги; б – горизонт бытования и гибели башенного сооружения); 4 – конструктивные элементы башенного сооружения (а – кладка сырцовых кирпичей; б – канал со следами заполированности на каменном блоке)

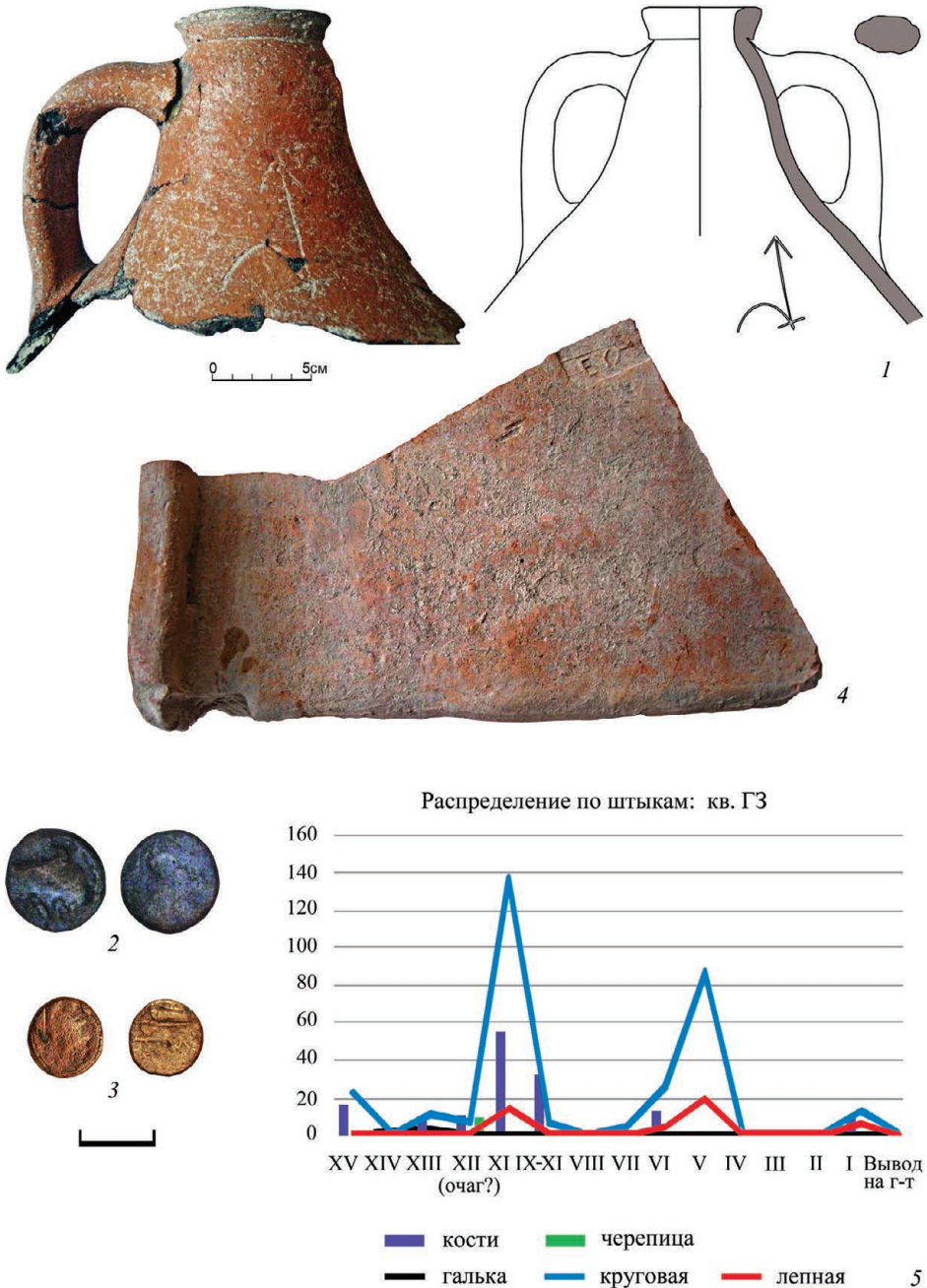

Рис. 4. Эллинистические материалы из заполнения башенного сооружения

1 – колхидская амфора с граффити; 2 – фрагмент горгиппийского солена с клеймом «ΕΥΜΕΛΟΥ»; 3 – бронзовые боспорские монеты II в. до н. э.; 4 – фрагмент горгиппийского солена с клеймом «ΕΥΜΕΛΟΥ»; 5 – распределение культурных остатков по штыкам

Табл. VIII: 94, 95) (рис. 4: 2, 3) обнаружен в сырцовых завалах над уровнем пола цокольного уровня башни. О хозяйственном использовании сооружения свидетельствует довольно многочисленная столовая посуда (кувшины, обломки мисок, рыбного блюда, ручка леканы и т. п.); обломки железных шлаков, обнаруженных на разных уровнях заполнения башенного сооружения, – о возможном производственном использовании сооружения.

Раннеримский материал (I в. до н. э. – I в. н. э.) – позднегераклейские (С1а-б: Внуков, 2003. С. 52–54. Рис. 14: 1) – совсем незначителен.

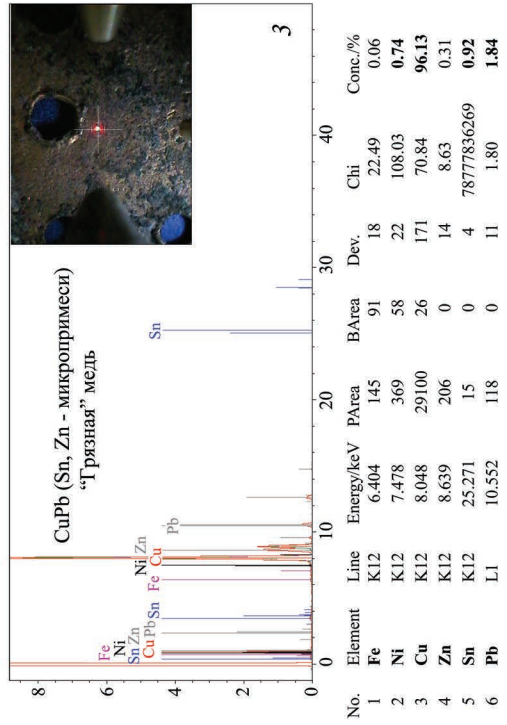
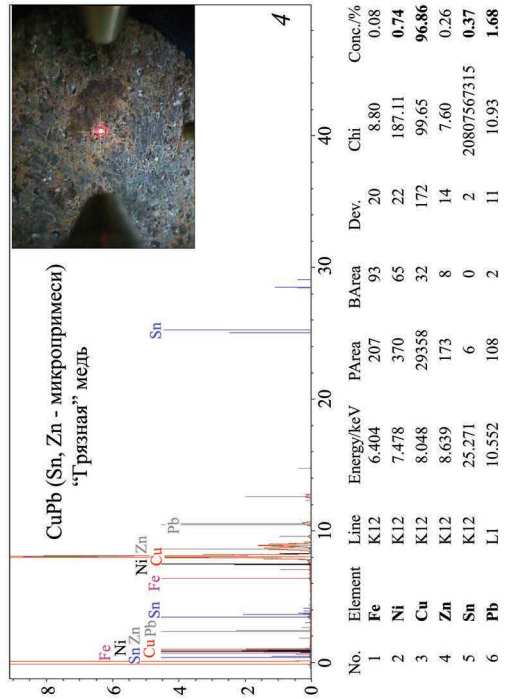
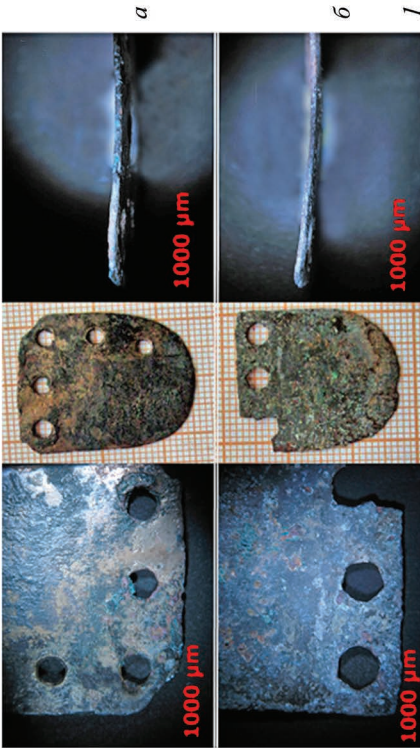
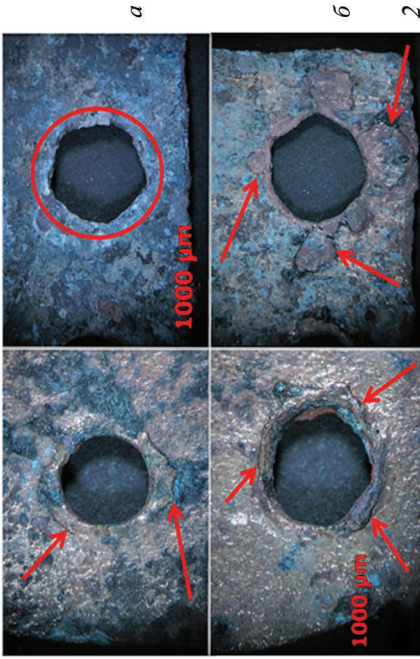
Несмотря на специфичность постройки как фортификационного сооружения, следы пожара – свидетельства его боевого предназначения – совсем немногочисленны. Среди них бронзовые пластины, использованные, судя по форме и отверстиям, для крепления в защитном доспехе, причем боковые отверстия были расположены как с левой, так и с правой стороны.

На Северо-Западном Кавказе пластины чешуйчатой формы использовались в защитных доспехах со времен архаики (VI в. до н. э.): находки деталей металлического защитного вооружения скифского времени довольно значительны и разнообразны в хронологическом (VI–III вв. до н. э.) и в количественном отношении (Хазанов, 1971. С. 59, 60; Черненко, 1968. Приложение 1. № 172–193). Как правило, они происходят из всаднических захоронений высшей военной аристократии и профессиональных воинов-дружинников (Там же. С. 165–167), тесно связанных и со скифским, и с античным миром. Они получают распространение и в синхронных комплексах юго-восточной периферии Боспора (Малышев и др., 2006. С. 202. Рис. 4: 4). Как правило, эти пластинки имели отверстия крепления по двум сторонам (сверху и сбоку), что обеспечивало некоторую гибкость и подвижность телу воина. Многочисленные изображения (надгробия, фрески, граффити) длинного пластинчатого доспеха римского времени свидетельствуют о широком его использовании и на Боспоре. Вместе с тем археологические находки деталей самих пластинчатых доспехов совсем немногочисленны (Горончаровский, 2005. С. 18).

Было проведено исследование состава металла и технологии производства редкой для эллинистического контекста находки. Две панцирные пластины представляют собой пластинки подпрямоугольной формы, закругленные с одного конца (размерами 25 × 22 мм и 28 × 23 мм), из листа металла толщиной 0,5 мм со сквозными отверстиями. На одной пластине их три, и они расположены на широкой незакругленной части пластины, на другой – пять отверстий, и они расположены не только на незакругленной части пластины, но и на боковой стороне (рис. 5: 1).

При исследовании под микроскопом² определено, что отверстия не пробиты единичным ударом с помощью инструмента с круглым окончанием, а вырубле-

² Проведено с помощью визуального осмотра и оптического микроскопа (Zeiss Stemi 2000) с увеличением от 10 до 500 раз. Для фиксации наблюдений и измерения мелких деталей изделий использована соединенная с микроскопом фотокамера с программным обеспечением AxioVision (Karl Zeiss). Следы технологических операций, обнаруженных при изучении вещей, фиксировались на нескольких макрофотографических снимках.

ны, скорее всего, при помощи зубильца в несколько приемов: ясно прослеживаются угловатые края окружностей, завернутые и тщательно прокованные края отверстий (рис. 5: 2).

Для изучения химического состава металла изделий был использован метод неразрушающего энергодисперсного рентгенофлуоресцентного анализа³. Он основан на измерении величин аналитических сигналов, полученных благодаря излучению возбуждаемых радиоизотопными источниками элементов (Ениосова, Сарачева, 1997. С. 107–121).

Для каждой пластины было сделано несколько анализов химического состава, т. к. на поверхности были прослежены следы налета серебристо-белесого цвета, что было изначально принято за остатки лужения.

Химический состав основной части двух пластин практически идентичен – они состоят из меди с небольшой примесью свинца и микропримесью олова (Cu – 96,13 (97 %), Pb – 1,4 (1,84 %), Sn – 0,37 (0,92 %)) – так называемой грязной меди. По формальным признакам металл такого типа принадлежит к бронзам, но по сути – это загрязненная свинцом медь. Вероятнее всего, свинец попал в сплав в результате плохой очистки чернового металла, выплавленного из руды, об этом свидетельствует и наличие микропримеси цинка (рис. 5: 3, 4).

Химический состав поверхности с налетом серебряного цвета показал, что он не является остатками лужения: содержание олова не превышает уровня в 1 % (0,24–0,62 %), а содержание свинца в обоих образцах достаточно велико – от 3,11 до 14,2 %. Стоит отдельно отметить, что в сплавах обеих пластин присутствует значительная примесь никеля (0,6–0,74 %), который является рудной примесью и, следовательно, свидетельством принадлежности сырьевого металла к одному и тому же рудному источнику.

В 2011 г. таким же образом была исследована идентичная по форме панцирная пластина из раскопок на поселении Дубки. Химический анализ металла пластины показал, что она состоит из так называемой чистой меди (Cu > 99 %). Присутствие в сплаве никеля в процентном содержании 0,8 % свидетельствует

Рис. 5 (с. 240). Бронзовые пластины доспеха

1 – процесс исследования; 2 – отверстия для крепления, пробитые в панцирных пластинах; 3 – химический состав металла панцирных пластин из выборки

³ Исследование было проведено на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik) с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором в рентгеноспектральной лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством к. и. н. Н. В. Ениосовой. Измерительная часть прибора снабжена видеокамерой, фиксирующей изображения анализируемых предметов площадью 6×4 мм. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм (диаметр коллиматора). Положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксируется с помощью лазерного луча. Результаты измерений представлены в виде рентгеновских спектров, специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава, и определять их аналитическую интенсивность на качественном и количественном уровнях.

о том, что сырьевым металлом для производства этой пластины являлся тот же рудный источник, что и для производства вышеописанных пластин.

Таким образом, период возведения и бытования башенного сооружения в восточной части Раевского городища синхронен монументальному сооружению, открытому Н. А. Онайко в северо-западной части городища (*Онайко*, 1967. С. 155–169). Расположенное на господствующей высоте, оно играло ключевую роль в системе оборонительных сооружений Раевского городища эллинистической эпохи. Следы пожара и разрозненные антропологические остатки позволяют предположить, что оно было разрушено в военной катастрофе.

Башня представляла собой однокамерное в плане, многоуровневое сооружение. Завал строительного камня к югу от башни образовался в результате разрушения верхних рядов кладки стены 3 (рис. 2: б) под давлением сырцовых масс верхних уровней сооружения. Его мощность позволяет предположить значительную, как минимум трехметровую, высоту внешнего (стены 1 и 3) каменного пояса. Судя по незначительным завалам возле цоколя внутренней, западной, стены 2, стены внутреннего контура почти на всю высоту были возведены из сырцового кирпича (рис. 3: 2).

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков С. Ю.*, 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. II в. н. э. (морфология). М.: ИА РАН. 235 с.
- Горнчаровский В. А.*, 2005. Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н. э. – середине III в. н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 35 с.
- Енисосова Н. В., Сарачева Т. Г.*, 1997. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии: сб. ст. / Под ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлева. М. С. 286–315.
- Мальшев А. А., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.*, 2006. Технологические традиции в кузнечном производстве синдов, керкетов и торетов (VII–IV вв. до н. э.) // КСИА. Вып. 220. М. С. 34–42.
- Монахов С. Ю.*, 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов: Киммерид: Изд-во Саратовского ун-та. 352 с.
- Онайко Н. А.*, 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. № 2. С. 155–169.
- Хазанов А. М.*, 1971. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука. 172 с.
- Цецхладзе Г. Р.*, 1992. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры: Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. С. 90–110.
- Черненко Е. В.*, 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 190 с.
- Шелов Д. Б.*, 1966. Монетное дело Боспора VI–II вв. до нашей эры. М.: Изд-во АН СССР. 220 с.

Сведения об авторах

Мальшев Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maa64@mail.ru;

Дрыга Данила Олегович, Московский государственный университет геодезии и картографии, Гороховский пер., 4, Москва, 105064, Россия; e-mail: hopkuh@mail.ru;

Колесник Дарья Александровна, Российский фонд фундаментальных исследований, Ленинский просп., 32А, Москва, 119334, Россия; e-mail: ds@rfh.ru

A. A. Malyshev, D. O. Dryga, D. A. Kolesnik

THE TOWER COMPLEX OF THE RAYEVSKOYE HILLFORT:
SOME RESULTS OF COMPREHENSIVE STUDIES

Abstract. The Rayevskoye hillfort is the largest center of the Gorgippia chora that has revealed a two-tier system of fortification constructions. The analysis of the anthropogenic landscape helped identify its most significant elements. This paper reports on the study of a tower complex located in the highest point of the hillfort eastern part. Magnetic surveys revealed the presence of a very thick external defensive line of this construction. Excavations of a five-meter high hill resembling a kurgan confirmed this conclusion: ruins of three walls from a one-chamber structure which is a typical example of the Bosphorus mudbrick and stone architecture were cleared. The masonry of the exterior walls turned out to be much higher than that of the internal walls. Despite destruction of the construction caused by dismantling of its northern part to extract stones, a well stratified section of the tower filling was identified. This fortification is dated to the 2nd century BC.

Keywords: Asian Bosphorus, Abrau peninsula, fortification, hillfort, Hellenistic period, mudbrick-stone architecture, chronology, comprehensive studies, science of metals, 3D-technologies.

REFERENCES

- Chernenko E. V., 1968. Skifskiy dospekh [Scythian armour]. Kiev: Naukova dumka. 190 p.
- Eniosova N. V., Saracheva T. G., 1997. Srednevekovoye yuvelirnnoye remeslo Evropy: osnovnyye aspekty v istorii izucheniya [Medieval jewelry craft in Europe: main aspects in history of research]. *Drevnosti Evrazii [Eurasia antiquities]*. S. V. Demidenko, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow, pp. 286–315.
- Goroncharovskiy V. A., 2005. Voyennoye delo i voyenno-politicheskaya istoriya Bospora v seredine I v. do n. e. – seredine III v. n. e.: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Warfare and military and political history of Bosphorus in mid I c. BC – mid III c. AD: Dr. Sc. Thesis]. St. Petersburg. 35 p.
- Khazanov A. M., 1971. Ocherki voyennogo dela sarmatov [Essays on Sarmatians warfare]. Moscow: Nauka. 172 p.
- Malyshev A. A., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2006. Tekhnologicheskkiye traditsii v kuznechnom proizvodstve sindov, kerketov i toretov (VII – IV vv. do n. e.) [Technological traditions in blacksmith's production of the Sindes, the Kerketes and the Toretos (VII – IV cc. BC)]. *KSlA*, 220, pp. 34–42.
- Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare [Greek amphorae in North Pontic zone. Typology of amphorae of leading centers-exporters of goods in ceramic containers]. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet. 352 p.
- Onayko N. A., 1967. Ellinisticheskoye zdaniye Rayevskogo gorodishcha i ego mesto v arkhitekture Bospora [Hellenistic building at Rayevskoye hillfort and its position in Bosphorus architecture]. *SA*, 2, pp. 155–169.
- Shelov D. B., 1966. Monetnoye delo Bospora VI–II vv. do nashey ery [Bosphorus coinage in VI–II cc. BC]. Moscow: AN SSSR. 220 p.
- Tsetskhladze G. R., 1992. Proizvodstvo amfornoy tary v Kolkhide [Production of amphorae containers in Colchis]. *Grecheskiye amfory: Problemy razvitiya remesla i trgovli v antichnom mire [Greek amphorae: Issues of development of craft and trade in Classical world]*. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 90–110.
- Vnukov S. Yu., 2003. Prichernomorskiye amfory I v. do n. e. II v. n. e. (morfologiya) [North Pontic amphorae of I c. BC – II c. AD (morphology)]. Moscow: IA RAN. 235 p.

About the authors

Malyshev Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: maa64@mail.ru;

Dryga Danila O., Moscow State University of geodesy and cartography, Gorokhovskiy per., 4, Moscow, 105064, Russian Federation; e-mail: hopkuh@mail.ru;

Kolesnik Darya A., Russian Foundation for basic research, Leninskiy prosp., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; e-mail: ds@rfh.ru

Н. В. Завойкина

ГРАФФИТО ок. 520-х гг. до н. э.
ИЗ ФАНАГОРИИ*

Резюме. Статья представляет публикацию позднеархаического граффито с упоминанием Фанагора из раскопок Фанагории с ревизией реконструкций, предложенных Ф. В. Шеловым-Коведяевым и С. Ю. Сапрыкиным. С прочтением в 1 стк. имени Фанагора согласны все исследователи. Далее мнения расходятся. Н. В. Завойкина и Ф. В. Шелов-Коведяев независимо друг от друга предлагают структуру граффито «знаки + священные имена», в 1 стк. вычитывают имя Фанагора, а в 3 стк. – богини Геры. Завойкина интерпретирует знаки перед именами богов как денежные суммы, так же как и Сапрыкин, а Шелов-Коведяев – как цифры в алфавитной системе счета. Чтение Сапрыкина имеет фактические неточности, связанные с тем, что исследователь не проводил аутопсию граффито, и его сложно принять. Автор статьи полагает, что граффито процарапано на стенке хиосской амфоры и датируется ок. 520-х гг. до н. э. Оно содержит три строчки и представляет запись частных расходов, возможно, на приношения в святилища Фанагора, Эйя (Аполлона Феба), Геры. Время написания граффито и основания Фанагории ок. 540 г. до н.э. колонистами с Теоса под предводительством Фанагора, как сообщают античные авторы, позволило предположить, что в граффито упомянут именно ойкист Фанагор. В граффито содержится редкий эпитет Аполлона *Ἦιος*, который встречается в сочетании с эпиклезой Феб только в древнегреческом эпосе и гимнах Аполлону. Также в граффито сохранилось одно из самых ранних упоминаний богини Геры, покровительницы всех ионийцев, в надписях Северного Причерноморья.

Ключевые слова: позднеархаическая эпоха, эпиграфика, граффити, Северное Причерноморье, Боспор, Фанагория.

Публикация архаических надписей из раскопок боспорских городов вызывает оживленный интерес у специалистов, поскольку находки такого рода – большая

* Граффито хранится в фондах ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», ФМ–КП 10/1 А 1500 918030.

редкость в античных городах. Примером этому может служить 3-строчное граффито с упоминанием Фанагора из раскопок Фанагории (рис. 1¹). Его фотографии были изданы в 2015, 2017 гг. (Завойкина, 2015б. С. 133; 2017б. С. 209). В 2018 г. в материалах конференции «Боспорский Феномен» Н. В. Завойкина опубликовала краткий, что продиктовано характером издания, историко-филологический комментарий этой весьма интересной надписи (2018. С. 292–301). В том же 2018 г. Ф. В. Шелов-Коведяев опубликовал свое чтение и датировку этого граффито (2018. С. 98–100). В 2019 г. критический анализ версий Н. В. Завойкиной и Ф. В. Шелова-Коведяева провел С. Ю. Сапрыкин и предложил свое прочтение этого граффито (2019. С. 473–480).

Представление о структуре надписи, сводящейся к формуле «знаки + священное имя», совпадает у Н. В. Завойкиной и Ф. В. Шелова-Коведяева (Завойкина, 2018. С. 293–295; Шелов-Коведяев, 2018. С. 98, 99). Оба исследователя сходятся во мнение, что в 1 стк. упомянуто имя Фанагора, в чем с ними солидарен и С. Ю. Сапрыкин (2019. С. 475), а в 3 стк. – имя богини Геры. Расхождения прослеживаются в датировке памятника, интерпретации знаков перед священными именами и чтении 2 стк.² Так, Завойкина полагает, что перед священными именами вырезаны денежные знаки, а Шелов-Коведяев рассматривает их как цифры в алфавитной системе счета. Прочтение граффито С. Ю. Сапрыкиным отличается и выглядит так: «|| Φαναγ<ό>ρ(α) | ἐκ Ἦκστ(ίο) || / | κηρῆς – диавол Фанагору (или в Фанагорейон – героон Фанагора), трибол от Аксия (= Экция) от беды (или злой судьбы, рока)» (Там же. С. 476–479). Об изъянах этого чтения будет сказано ниже. Обращает внимание отсутствие смысловой связи между прочтением 1 стк. и 2–3 стк. Недостает в этой версии и указания, какому же божеству Аксий посвящает трибол от беды.

Высказывалось подозрение, что Н. В. Завойкина была знакома с работой Ф. В. Шелова-Коведяева до ее публикации (Там же. С. 474). Можно предположить, что это мнение было порождено тем, что автор этих строк помимо прочтения имен Фанагора и Геры анализирует еще два вопроса в своей публикации (Завойкина, 2018б. С. 294):

1. Почему три строки граффито процарапаны столь неровно.

2. Какие буквы из локальных алфавитов имели форму маленького полуовала, сохранившегося в начале 3 стк. граффито, и можно ли его принять за *гамму* из шрифта западноионийского субдиалекта.

Но эти вопросы неизбежно возникают при аутопсии граффито, и нет ничего сомнительного в том, что они возникли у разных исследователей, работавших с граффито *de visu*. Хотя каждый решил их по-своему (см. ниже).

Если касаться вопроса аутопсии фанагорийского граффито, то Сапрыкин провел коррекцию моей прорисовки по фотографии остракона (Сапрыкин, 2019. С. 474, 475. Рис. 1) и добавил еще три «новых» знака. На этом основании исследователь вычитывает крупные денежные номиналы – диавол в 1 стк. и трибол между 2 и 3 строками. Хорошо известно, что опубликованная фотография, даже

¹ В статье приведена прорисовка граффито со всеми видимыми на поверхности черепка царапинами и повреждениями.

² Анализ этих расхождений см. ниже в соответствующих частях статьи.

Рис. 1. Граффито из Фанагории (фото и прорисовка)

высокого качества, особенно после ее коррекции в издательстве, не передает всех нюансов поверхности объекта и может исказить ее³. Так, перед началом 1 стк. Сапрыкин на фотографии усматривает еще одну вертикальную черту. Однако в верхнем левом углу черепка присутствуют многочисленные царапины случайного происхождения, в том числе одна, идущая параллельно вертикальной черте в 1 стк. (рис. 1). Она не так глубоко врезана в глину и не покрыта темноватым соевым налетом, как знаки и буквы в граффито. Эти детали хорошо видны при аутопсии черепка. Поэтому принимать эту царапину за новый знак в начале строки нет оснований, она более позднего происхождения. Три черты между 2–3 стк. на фото, которые Сапрыкин принимает за знаки оболов и читает их как триобол, также случайного происхождения. Первая вертикаль – это, скорее всего, след соскользнувшего «стилоса» автора граффито, который выглядит как удлиненная левая гаста *эты* (Завойкина, 2018. С. 292. Прим. 3). Это опять-таки хорошо заметно при аутопсии остракона. Справа от нее Сапрыкин усматривает еще одну вертикальную черту. Но в реальности это трещина белесого цвета в черепке. Она и ей подобные повреждения, в частности в 3 стк. (в центре *эты*) и несколько ниже, образовались в результате солевой эрозии черепка. Еще правее исследователь принимает за знак обола часть тонкой косо́й царапины, идущей от нижней части концевой *сигмы* во 2 стк. через *эту* в 3 стк. и тянущуюся дальше вниз (рис. 1). Таким образом, вывод С. Ю. Сапрыкина, что в граффито использована акрофоническая система, а на этом основании он читает в надписи крупные денежные номиналы, никак не подтверждается состоянием самой надписи.

Вернемся к фанагорийскому граффито и рассмотрим его с учетом высказанных мнений. Итак, в 2004 г. в ходе археологических исследований слоя архаического времени «Верхнего города» в Фанагории была найдена стенка амфоры с двумя тонкими (разными по ширине) красными полосками, Хиос, вторая половина VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 15–17, 233. Табл. 3). На внешней стороне остракона процарапано трехстрочное граффито (рис. 1)⁴. Надпись выполнена одним человеком, а не двумя, как предполагает Ф. В. Шелов-Коведяев (Завойкина, 2018. С. 293; ср. Шелов-Коведяев, 2018. С. 98). Палеография граффито близка по особенностям начертания букв надписям третьей – начала четвертой четвертей VI в. до н. э. (Агафонов, 2017а. С. 206, 207. № 45, 46; 2017б. С. 268. № 132; *Birzesku*, 2006. Р. 171). Во 2 стк. форма *эпсилон* со слегка разведенными в стороны горизонтальными боковыми гастами и прямой центральной гастой характерна для четвертой четверти VI в. до н. э. (Завойкина, 2015а. С. 68–70; 2017а. С. 146, 147). Учитывая принятую дату основания Фанагории – ок. 540 г. до н. э. (Кузнецов, 2001. С. 227–236; 2010. С. 432, 433; 2016. С. 250, 251), – относим время написания фанагорийского граффито к промежутку ок. 540–520 гг. до н. э., но ближе к 520-м гг. до н. э. Ф. В. Шелов-Коведяев высказал мнение, что граффито датируется не позднее середины VI в. до н. э. (2018. С. 99). Однако такая датировка невозможна. Во-первых, хиосские амфоры типов II-A и III-A,

³ Фотография остракона высокого качества опубликована в альбоме «Фанагория» (Завойкина, 2015б. С. 133).

⁴ Описание состояния надписи: (Завойкина, 2018. С. 292 сл.).

по классификации С. Ю. Монахова, неизвестны ранее третьей четверти – последней трети VI в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 15–17, 233. Табл. 3). Во-вторых, многолетние археологические исследования слоев архаического времени в Фанагории до сих пор не выявили материальные остатки второй четверти VI в. до н. э. В граффито наряду с обычными для позднеархаического времени формами букв, характерными для алфавитов разных полисов западного побережья Малой Азии (Jeffery, 1990. P. 308, 309, 325, 326, 345, 346)⁵, использованы омикрон локальной формы (2 стк.) и «хвостатая» ро (1 и 3 сткк.) (Яйленко, 1982. С. 220. Рис. 2, 7; Jeffery, 1990. P. 79, 80, p 3. Pl. 5. Fig. 7: 3; P. 289. Pl. 56. Fig. 35; Pl. 57. Fig. 70; P. 321, 325, p 4; Виноградов, 2001. С. 103, 104; Bîrzesku, 2006. P. 171; Johnston, 2006. Fig. 7. 121, 124. Plate D; Агафонов, 2017а. С. 206, 207. № 45. С. 268. № 132).

Граффито:

Ι Φ Α Ν Α Γ Ρ
Ε Ι < Η Ι (Σ
Ι σ Η Ρ Η Σ

1 стк. В начале строки процарапана вертикальная черта, далее читается лексема ΦΑΝΑΓΡ. Буквы ΦΑΝΑΓΡ являются сокращением имени Φαναγ<ό>ρ(ης), или Φαναγ<ό>ρ(εω) (Завойкина, 2018. С. 294), в котором пропущены ударный омикрон и падежное окончание. Ф. В. Шелов-Коведяев предлагает чтение «Φαναγ<ό>ρ(ου), Фанагора» (2018. С. 99), а С. Ю. Сапрыкин – «Φαναγ<ό>ρ(α), Фанагору» (2019. С. 476 сл., 478). Пропуск ударных и безударных гласных – явление, которое встречается в лапидарных надписях и граффити VI–V вв. до н. э. (Kreschmer, 1894. S. 124, 125; Толстой, 1953. С. 55. № 79; Guarducci, 1967. P. 120; Jeffery, 1990. P. 209. Pl. 40. Fig. 3; Русяева, 2010. С. 47. № 10; С. 118. № 53). Сокращение антропонимов отмечается в надписях на керамике и монетах довольно часто в указанное время (Babelon, 1907. S. 1203–1210. Pl. 56; Larfeld, 1907. S. 409–411; Карышковский, 1988. С. 42–48). Известны сокращения антропонимов в граффити V–IV вв. до н. э. из Ольвии и Пантикапея (Яйленко, 1980. С. 97. № 106; Русяева, 2010. С. 107. № 6; Толстой, 1953. С. 119. № 204; С. 131, № 232).

Перед именем Фанагора процарапана вертикальная черта. В эпиграфических памятниках она имеет разные значения (Амух, 1941. P. 180–201; Tod, 1947. P. 25, 26; Jongkees, 1951. P. 258–266; Lang, 1976. P. 22. E 6; P. 59. Na 3–7; Johnston, 1978. P. 223; Woodhead, 1981. P. 110). Предполагаем чтение 1 стк. как «Ι Φαναγ<ό>ρ(ης) (или Φαναγ<ό>ρ(εω)) – обол Фанагор (или Фанагора)». Это мнение основано на том, что во 2 и 3 строках также процарапаны денежные знаки (*diple* – <, маленький полуовал – с), обозначающие фракции обولا. Шелов-Коведяев принимает вертикальную черту за цифру 10 в алфавитной системе счета, а Сапрыкин ошибочно, как показано выше, вычитывает перед именем Фанагора две вертикальные гасты, которые понимает как знак диавола (Шелов-Коведяев, 2018. С. 99; Сапрыкин, 2019. С. 476).

⁵ Случаи смешения букв различных локальных алфавитов в надписях одного полиса: Яйленко, 1982. С. 277–280. Граффито № 4. Рис. 4; Wachter, 2001. P. 270–274; Johnston, 2010. P. 151–152; Агафонов, 2017а. С. 206. № 45; Яйленко, 2017. С. 312–318.

2 стк. ΕΙ<ΗΙ(Σ. В начале строки после *эпсилон* процарапаны вертикальная черта и с некоторым от нее отступом – *diple*. Понимаем их как два отдельных знака. Вертикальную черту и узкий полуовал перед концевой *сигмой* интерпретируем как *йот* и *омикрон*⁶. Возвращаясь к интерпретации начальных знаков во 2 стк., укажем, что в надписях *diple* имеет главным образом два значения – половина от чего-либо или знак гемиоболы (IG XII.3, 168.7; *Larfeild*, 1907. S. 432; *Tod*, 1947. P. 26; 1960. P. 21, 22; *Guarducci*, 1967. P. 424; *Johnston*, 1974. P. 149; *Яйленко*, 1980. С. 95. № 48 и пр.). В алфавитной системе счета буква Ε = 5, поэтому предполагаем, что запись «ΕΙ<» должно понимать как «6,5 оболы». Предполагается, что буква Ε должна обозначать драхму, а запись «ΕΙ<» следует понимать как 5 драхм и полтора оболы (*Сапрыкин*, 2019. С. 476). Однако серия коммерческих граффити V–IV вв. до н. э. из Пантикалея показывает использование как алфавитной, так и акрофонической систем счета перед денежными знаками (*Яйленко*, 2010. С. 102). Именно этот материал поддерживает предложенное чтение.

Ф. В. Шелов-Коведяев высказал мнение, что во 2 стк. первые два знака – это *каппа*⁷, а вертикальная черта и узкий полуовал перед концевой *сигмой* являются «хвостатой» *ро*, и на этом основании предполагается, что во 2 стк. после *эпсилон* процарапано ΚΗΡΙ, dat. sing. Κήρι, Керε (*Шелов-Коведяев*, 2018. С. 99). Исходя из версии о двух авторах фанагорийского граффито, исследователь трактует концевую *сигму* во 2 стк. как *йот*. Такая интерпретация невозможна, поскольку граффито написано одним человеком, а не двумя. Уже это заставляет отказаться от чтения ΚΗΡΙ. Возможно ли чтение Κήρ<ο>ς? Что известно о богине Керε? В мифологической традиции VIII–V вв. до н. э. известны Керы (Κήρες), а не Кера (Κήρ), и в связанных с ними сюжетах они действуют всегда парой (Ном. II., XVIII, 535; Od., V, 387; XII, 157; XIV, 207; XV, 235 и пр.). Исключение представляет одно место из «Теогонии» Гесиода (Hes. Theog. 211). В целом в мифологических представлениях греков VI–V вв. до н. э. Керы (Κήρες) – демонические существа рока, беды и неизбежной кары, смерти (Ном. II., XVIII, 535; Od., V, 387; XII, 157; XIV, 207; XV, 235; Hes. Theog., 211; 217; *Гаспаров и др.*, 1999. С. 249–264, 440; Pi. Fr. 277; A. Th. 1060, S. OT 472; *Stoll*, 1894. Sp. 1136–1166; *Harrison*, 1908. P. 162–217; *Vollkommer*, 1992. S. 14–24; *Morrison*, 1997. P. 276–296). О ритуалах, связанных с Керами, античная традиция донесла до нас немного. Так, на праздновании Анфистерий, общем для жителей Аттики и Ионии празднике весны и молодого вина, применялся обряд изгнания из домов злых духов, Кер (Κήρων) (*Буркерт*, 2004. С. 410). Итак, каких-либо ясных упоминаний очевидных форм почитания богини Керы у античных авторов обнаружить не удалось. Впрочем, неизвестны и очевидные посвящения этой богине. Учитывая образ Кер как беспощадных демонических существ, связанных со смертью, в мифологии архаического и классического времени, представляется почти невероятным их упоминание в одной, пусть даже краткой, частной надписи наряду с богиней Герой и героем Фанагором.

Во 2 стк. С. Ю. Сапрыкин предполагает чтение «ΕΚΗΚΣ – ἐκ Ἴκσ(ι)ο, от Эксиа», в котором три последние буквы являются сокращением ионийской формой

⁶ С левой стороны около центра полуовала имеется небольшое повреждение (рис. 1).

⁷ Сапрыкин также усматривает здесь *каппу* (2019. С. 476).

Ἦκσιος панэллинского имени Ἦξιος (= Ἦκσιος), в котором $\alpha > \eta$, $\kappa\sigma = \xi$ (Сапрыкин, 2019. С. 478). Если передача ξ посредством букв $\kappa\sigma$ – явление достаточно распространенное в восточноионийском субдиалекте древнегреческого языка, то форма Ἦξιος (= Ἦκσιος) не отмечена в сводах по древнегреческой ономастике (Pape, Bensler, 1911, s.v.; LGPN I–Vc, s.v., etc.). Одно это уже настораживает. Должно сказать, что имена на Ἦξιο- неизвестны в древнегреческой антропонимии. Отмеченный выше факт имеет и другое объяснение. В восточноионийском субдиалекте хорошо известен переход долгого звука α в η ($\bar{\alpha} > \eta$) (Buck, 1968. P. 21, 141 f.). Имя Ἦξιος восходит к прил. ἤξιος (достойный, ценный), в котором начальный звук α является кратким и поэтому переход начального $\bar{\alpha}$ в η в именах на ἤξιο- весьма затруднителен.

Обратимся к палеографии надписи. Реконструируя 2–3 строки граффито, Сапрыкин трижды вычитывает *каппу*: 2. Ε Κ Η Κ Σ | 3. Κ Η Ρ Η Σ. Нельзя не отметить, что при таком прочтении один и тот же человек в столь краткой надписи каждый раз выписывал новую форму *каппы*: |<, |(, |с. Есть ли основания для такого вывода? Если в первом случае *каппа* имеет традиционную форму, то последующие две – это курсивные *каппы*, но с разными по размеру полукружьями. Однако многочисленные публикации граффити и надписей VI – первой половины V в. до н. э. из разных частей древнего мира не фиксируют использование курсивной *каппы* (Толстой, 1953; Lang, 1976; Jeffery, 1990; Johnston, 1979; 2006; Wachter, 2001; Dana, 2007; Виноградов, 2001; Русяева, 2010; Емец, 2012; Митина, 2018 и пр.). Такой формы *каппа* отмечается в надписях не ранее последней трети V в. до н. э.⁸ Следовательно, нет палеографических оснований рассматривать два знака перед *сигмой* во 2 стк. и два знака в 3 стк. как курсивные *каппы*, поскольку такая форма буквы не имела в VI – первой половине V в. до н. э. традиции применения в письменности.

Следующие далее во 2 стк. буквы ΗΙ(Σ интерпретируем как слово ἦϊος⁹. Оно встречается у Гомера в сочетании с Φοῖβος, эпитетом Аполлона – ...ἦϊε Φοῖβε... (Ном. II. 15, 365; 20, 152). Это же обращение содержится в гомеровском гимне Аполлону (НН 3, 1.120: ἐνθα σέ, ἦϊε Φοῖβε, θεαὶ λόον ὕδατι καλῶ ἀγνώως καὶ καθαρῶς...). Наиболее позднее упоминание сакральной формулы ἦϊος Φοῖβος обнаруживается в орфическом гимне Аполлону II в. н. э. среди списка его эпитетов (Orph. E. 7). Эти труды дали основания рассматривать ἦϊος как эпитет Феба (Bruchmann, 1893. S. 24; Frisk, 1960. S. 625; Chantraine, 1968. P. 407; Beeks, 2010. P. 512).

С. Ю. Сапрыкин не согласен с предлагаемым чтением на том основании, что в фанагорийском граффито использование редкого поэтического эпитета Аполлона маловероятно и, по мнению исследователя, скорее следует ожидать упоминания Аполлона или его эпитета «таксофор» (Сапрыкин, 2019. С. 476). Следует напомнить, что Феб не столько ипостась Аполлона, сколько его обозначение в поэтической речи (Яйленко, 2006. С. 370). В литературных памятниках эпитет Φοῖβος соотносится с Аполлоном со времени Еврипида, а в эпиграфических – уже с VI в. до н. э. (Lazzarini, 1976. P. 291. № 800). Аполлон

⁸ См., например: Talcott, 1955. P. 72–75, Fig. 1, c, d.

⁹ Кратко изложено: Завойкина, 2018. С. 293–295.

почитался на Боспоре с эпитетом Феб, как показывают стихотворные надписи IV в. до н. э. – вотив Левкона I из Лабриса и эпитафия CIRB 113 из Пантикапея. Культ Феба засвидетельствован помимо Боспора также стихотворными надписями из Ольвии и Херсонеса, и есть одно граффито «Φοῖβου, Феба», упомянутое в Корпусе Придика и происходящее из одного из античных государств Северного Причерноморья (Яйленко, 2006. С. 370). Итак, Феб, поэтическое прозвище Аполлона, употребляется в эпиграфических памятниках даже раньше, чем в литературе. Этот пример показывает, что эпитет Феба ἥϊος вполне мог использоваться в частных надписях, отражая, таким образом, индивидуальное восприятие Аполлона Феба некоего субъекта. Почему автор граффито использовал только слово ἥϊος, а не полностью выражение «ἥϊος Φοῖβος», которое ему было хорошо известно. Ответ следует искать в самой форме дошедшего до нас свидетельства, представляющего весьма краткую частную запись, которая не требовала точных формулировок и развернутых культовых характеристик.

По мнению Я. Фриска и Р. Бикса, ἥϊος является эпитетом Феба неизвестного значения или происхождения (Frisk, 1960. S. 625; Beeks, 2010. P. 512). В настоящее время существует четыре этимологических версии, объясняющие его значение (Frisk, 1960. S. 625; Chantraine, 1968. P. 407; Beeks, 2010. P. 512):

1. Восходит к восклицанию ἦ.
2. Образовано из ἠώς (ἠϊ-κωνός), сияющий утром.
3. Образовано из гл. ἦμι и имеет значение «мечущий стрелы»¹⁰.
4. Предположительно, древний вокатив слова «бог».

Р. Бикс полагает, что вторая и четвертая гипотезы маловероятны. Учитывая неясную этимологию слова ἥϊος, оставим его без русскоязычного перевода. Аполлон относится к небольшому числу древнегреческих божеств, которые в граффити могли упоминаться только по одной из своих эпитетов. Наиболее близкие аналогии встречаются в граффити с Березани, Ольвии, Пантикапея, в которых Аполлон называется просто Иатр (Толстой, 1905. С. 44 сл.; Русяева, 1986. С. 40. Рис. 4.3; 4.7; Яйленко, 2006. С. 366. № 7). Таким образом, использование в фанагорийском граффито эпитета Аполлона Феба ἥϊος укладывается в культурные традиции VI–V вв. до н. э. Итак, фанагорийское граффито, предположительно, зафиксировало редкий эпитет Феба, встреченный прежде в эпосе и священных гимнах Аполлону. Влияние трудов Гомера на древнегреческую религию было сильным (Буркерт, 2004. С. 215–221), и употребление «гомеровского» эпитета Феба в позднеархаической надписи из Фанагории вполне согласуется с этим мнением. Полагаем, что во 2 стк. процарапано: EI < ἥϊος, – 6,5 оболон Эией.

3 стк. В начале процарапана вертикальная черта, затем небольшой полуовал, далее буквы ΠΡΗΣ. Вычитывать здесь личное имя в ионийской огласовке Κήρης (= атт. Κάρης), или gen. sing. κήρης (κῆρ, κῆρός (смерть, гибель) с переходом ο > η (Сапрыкин, 2019. С. 478, 479), сложно, поскольку курсивная kappa, как отмечалось выше, еще не вошла в использование в позднеархаическую эпоху. Следовательно, 3 стк. начинается с двух знаков – Ις. Такого чтения придерживается Ф. В. Шелов-Коведяев. Однако исследователь интерпретирует Ις как

¹⁰ Перевод «лучник» предполагался автором вслед за А. Т. Мюрреем (Homer, 1924–1925; Завойкина, 2018. С. 296).

цифровую запись в алфавитной системе ПГ=13 (Шелов-Коведяев, 2018. С. 99). Такой перевод принять затруднительно по ряду причин: как уже отмечалось, буквы граффито вырезаны одним человеком, а не двумя, как предполагает исследователь; образец авторской *гаммы* представлен в 1 стк.; в алфавитной системе счета в VI–IV вв. до н. э. единицы обычно ставились перед десятками. Вертикальная черта, как представляется, является знаком обола, а маленький полуовал должен в таком случае обозначать одну из фракций обола. Нередко этот знак обозначает в надписях гемиобол (Tod, 1947. P. 27). Но такая интерпретация затруднительна, поскольку знак гемиобола в форме острого угла использован во 2 стк. Следовательно, полуовал должен обозначать фракцию обола, меньшею по стоимости, чем гемиобол. Аналогий в античных надписях Северного Причерноморья найти не удалось. Известны локальные случаи употребления полуовала для обозначения халка в Коркире или 4 халков в египетских папирусах (Tod, 1946. P. 54, 55; 1947. P. 27). Автор граффито, как показывают знаки обола и гемиобола, использовал международную систему денежных символов, распространенную в древнегреческих полисах в позднеархаическое время. В аттических надписях зафиксированы случаи употребления тетартемория в виде полуовала, повернутого влево, видимо, с целью отличия его от знака «С», который использовался наряду с *diple* для обозначения гемиобола (Ibid. P. 27). Принимая этот факт во внимание, осторожно предполагаем, что полуовал в фанагорийском граффито, возможно, обозначает тетартеморий, а знаки Ιс переводим как «1¼ обола»¹¹.

Далее в 3 стк. процарапаны буквы ΠΡΗΣ, которые интерпретируем как Ἡρης, gen. sing. ионийской формы имени богини Геры (ион. Ἡρη = атт. Ἥρα). Форма Ἡρη встречается неоднократно у Гомера (Hom. II. I. 55, 195, etc.; II. 15, 32, 69, etc.) и в надписях второй половины VI–IV в. до н. э. (Birzesku, 2006. P. 171; IG II² 4841). Культ Геры был близок ионийцам, колонизировавшим северные берега Понта Эвксинского (Hdt. I, 142; X. 98). Однако на Боспоре почитание Геры отмечается, по эпиграфическим данным, не ранее IV в. до н. э. (Гайдукевич, 1966. С. 70–76; CIRB 167; Цветаева, 1986. С. 215. № 1; Яйленко, 1995. С. 257–259. Рис. 15, надпись Π; Емец, 2012. С. 143. № 346). Учитывая структуру надписи, можно предположить перевод 3 стк. как «1¼ обола (?) Геры».

Итак, получаем следующее чтение граффито:

1. Ι Φαναγ<ό>ρ<ης>(или Φαναγ<ό>ρ(εω))
2. ΕΙ< Ἡῖος
3. Ιс Ἡρης

Перевод: *Обол Фанагор (или Фанагора), | 6,5 оболов Эией, | 1¼ (?) обола Геры.*

Таким образом, одно из ранних фанагорийских граффито представляет собой остракон с записью расходов, видимо, на votivные приношения в святилища Фанагора, Аполлона Феба и Геры в Фанагории. Впервые в надписях этого региона встречено столь раннее упоминание богини Геры, покровительницы всех ионийцев. Внимания заслуживает обозначение Феба как Ἡῖος. Этот редкий

¹¹ Предполагался иной перевод (Завойкина, 2018. С. 293, 294).

эпитет впервые встречается в эпиграфике позднеархаического времени. Датировка граффито наводит на предположение, что его автор мог входить в число первых жителей Фанагории. О составе фанагорийских колонистов известно немного. Выведение апойкии, получившей название «Фанагория», теосцами после завоевания Ионии персами (возможно, после временной их остановки в Абдере) ок. 540 до н. э. позволяет предполагать достаточно пестрый состав эмигрантов. Археологические материалы также дают основание думать об участии в колонизационном процессе не только ионийцев (*Кузнецов*, 2010. С. 461, 462). Упоминание имени Фанагора в граффито наряду с божествами ясно указывает, что здесь подразумевается не живой человек, а скорее личность, поставленная в один ряд с богами. Речь, очевидно, идет о героизированном умершем. Из сообщений античных авторов известно, что ойкистом-эпонимом Фанагории был теосец Фанагор (FGrHist. 1 F 212; GGM II, 324 f.; GGM II. 549, 324.36–41 = Ag. Fr. 55 Roos.). Сведения античных авторов о происхождении названия полиса *Φαναγόρεια* от имени Фанагора, его ойкиста, рассматриваются как самый ранний пример такого рода в античной традиции в наименовании новых городов (*Malkin*, 1985. P. 121; *Charalampakis*, 2013. P. 182–186). Исследователи отмечают уникальность этого социокультурного явления в истории Древней Греции и пытаются найти ему объяснения (*Malkin*, 1985. P. 116–121). Дата написания нового граффито (между 540–520-ми гг. до н. э.) и время выведения апойкии под предводительством Фанагора (ок. 540-х гг. до н. э.) приходится на достаточно короткий хронологический интервал (ок. 20 лет). И этот факт заставляет считать, что в граффито упомянут ойкист Фанагор, о котором сообщают античные авторы. В этот временной промежуток основатель Фанагории, по всей видимости, скончался и был героизирован. Из сочинений Гомера и Геродота известно, что основатель колонии причислялся после смерти к рангу героев, ему приносились жертвоприношения в определенный день и устраивались поминальные игры (Hom. Od. VI. 7–11; Hdt. VI. 38, 1). Героизированный основатель выступал в качестве покровителя и защитника полиса наряду с верховными божествами. Упоминание Фанагора в одной надписи наряду с Аполлоном и Герой дает основания для осторожного предположения, что погребение (*героон*) ойкиста могло располагаться на территории исторического ядра (Верхний город) Фанагории (*Кузнецов*, 2017. С. 166, 167), возможно, на одном теменосе с храмами упомянутых богов (*Муратова и др.*, 2017. С. 91).

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов А. А.*, 2017а. Древнейший теменос Пантикапея. Вторая половина 6 в. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Ред.: В. Д. Кузнецов, В. П. Толстиков. М.: ГМИИ. С. 202–207.
- Агафонов А. А.*, 2017б. Общественный комплекс на западном плато. Последняя четверть 6 – вторая четверть 5 вв. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Ред.: В. Д. Кузнецов, В. П. Толстиков. М.: ГМИИ. С. 266–273.
- Буркерт В.*, 2004. Греческая религия. Архаика и классика. СПб.: Алетейа. 583 с.
- Виноградов Ю. Г.*, 2001. Визит эвбейца в Фанагорию // Вестник древней истории. № 1. С. 103–104.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1966. Вотив Героя из Мирмекия // Культура античного мира / Ред. А. И. Болтунова. М.: Наука. С. 70–76.
- Гаспаров М. Л., Цыбенко О. П., Ярхо В. Н.*, 1999. Эллинские поэты. М.: Ладомир. 515 с.

- Емец И. А.*, 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М.: Спутник. 547 с.
- Завойкина Н. В.*, 2015а. Два новых граффити из Пантикапея (из архива В. Д. и Т. В. Блаватских) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / Ред. Д. В. Журавлев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 68–74.
- Завойкина Н. В.*, 2015б. Малая эпиграфика // Фанагория / Ред.: В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. М. С. 132–139.
- Завойкина Н. В.*, 2017а. Два abecidaria позднеархаического времени из Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. С. 145–151.
- Завойкина Н. В.*, 2017б. Основание Фанагории. Вторая половина 6 в. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Ред.: В. Д. Кузнецов, В. П. Толстиков. М.: ГМИИ. С. 208–215.
- Завойкина Н. В.*, 2018. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы междунар. конф. Т. 1 / Ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Храшановский. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского гос. ун-та пром. технологий и дизайна. С. 292–299.
- Карышковский П. О.*, 1988. Монеты Ольвии. Киев: Наукова Думка. 167 с.
- Кузнецов В. Д.*, 2001. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. Т. 4. М.: ИА РАН. С. 227–236.
- Кузнецов В. Д.*, 2010. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. 1 / Ред.: Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука. С. 431–469.
- Кузнецов В. Д.*, 2016. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Ред. А. А. Завойкин. М.: ИА РАН. С. 250–278.
- Кузнецов В. Д.*, 2017. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 / Ред.: В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин. М.: ИА РАН. С. 160–187.
- Митина В. В.*, 2018. Письмо, найденное в Ольвии в 2010 году // *Hypoboreus*. Vol. 23. Fasc. 2. С. 244–265.
- Монахов С. Ю.*, 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Саратов: Киммериды. Изд-во Саратовского гос. ун-та. 351 с.
- Муратова М. Е., Ильина Т. А., Шорунова Ю. Н.*, 2017. Религия и культы Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Ред.: В. Д. Кузнецов, В. П. Толстиков. М.: ГМИИ. С. 85–93.
- Русяева А. С.*, 1986. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // Вестник древней истории. № 2. С. 25–64.
- Русяева А. С.*, 2010. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Крымское отделение Ин-та востоковедения НАНУ. 287 с. (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии; suppl. 8.)
- Сапрыкин С. Ю.*, 2019. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // Древности Боспора. Т. 24. М.: ИА РАН. С. 473–487.
- Толстой И. И.*, 1905. Врач и Дельфиний // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 14. С. 44–53.
- Толстой И. И.*, 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 154 с.
- Цветашева Г. А.*, 1986. Посвятительные граффити из Горгиппии IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры / Ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 215–217.
- Шелов-Коведяев Ф. Н.*, 2018. К ранней истории Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. С. 98–106.
- Яйленко В. П.*, 1980. Граффити Левки, Березани, Ольвии // Вестник древней истории. № 3. С. 75–116.
- Яйленко В. П.*, 1982. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. М.: Наука. 312 с.
- Яйленко В. П.*, 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Ред.: Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин. М.: Наука. С. 204–272.

- Яйленко В. П.*, 2006. Посвятительные граффити Пантикапея и его округа // Древности Боспора. Т. 9. М.: ИА РАН. С. 355–428.
- Яйленко В. П.*, 2010. Тысячелетний боспорский рейх. М.: Гриф. 739 с.
- Яйленко В. П.*, 2017. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора в VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб.: Нестор-История. 1023 с.
- Amyx D. A.*, 1941. An Amphora with a Price Inscriptions in the Hearst Collection at San Simeon // University of California Publications in Classical Archaeology. Vol. 1. № 8. Berkeley: University of California Press; Cambridge: University Press Barclay. P. 179–206.
- Babelon E.*, 1907. Traité de monnaies grecques et romaines. Vol. 1. Description Historique. 2nd ed. Paris: E. Leroux. 975 p.
- Beeks R.*, 2010. Etymological Dictionary of Greek. 2 vols. Leiden; Boston: Brill. 1809 p. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; vol. 10.)
- Birzesku Iu.*, 2006. Some Ceramic Inscriptions from Istrian Sanctuaries: The Naukratis Approach // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean / Eds.: A. Villing, U. Schloutzhauer. London: British Museum. P. 169–173.
- Bruchmann C. F. H.*, 1893. Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur. Collegit disposuit edidit // Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Supplement / Chief ed. W. H. Roscher. Leipzig. 248 S.
- Buck C. D.*, 1968. The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 375 p.
- Chantraine P.*, 1968. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. 1. Paris: Klincksieck. 217 p.
- Charalampakis P.*, 2013. Some Notes on the Name ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ // Античный мир и археология. Вып. 16. Саратов. С. 180–189.
- Dana M.*, 2007. Lettres grecques dialectales Nord-Pontiques (SAUF IGDOP 23–26) // Revue des études anciennes. № 109. Bordeaux. P. 67–97.
- Frisk Hja.*, 1960. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg. 312 S.
- Guarducci M.*, 1967. Epigrafia Greca. I. Caratteri e storia della disciplina; la scrittura greca dalle origini all' eta Imperiale. Rome: Istituto poligrafico dello Stato, Libreria dello Stato. 580 p.
- Harisson J. E.*, 1908. Prolegomena to the Study of Greek Religion. 2nd ed. Cambridge: University Press. 716 p.
- Homer*, 1924–1925. The Iliad / With an English translation A.T. Murray. Cambridge; London: W. Heinemann. 2 vols.
- Jeffery L. H.*, 1990. The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eight to the Fifth centuries B.C. Oxford: Oxford University Press. 481 p., 80 pl.
- Johnston A. W.*, 1974. Trademarks on Greek Vases 1 // Greece and Rome. Vol. 21. № 2. P. 138–152.
- Johnston A. W.*, 1978. List of Contents: Attic Vases // American Journal of Archaeology. № 8. P. 222–226.
- Johnston A. W.*, 1979. Trademarks on Greek Vases. Warminster: Aris and Phillips. 271 p.
- Johnston A. W.*, 2006. Trademarks on Greek Vases. Addenda. Oxford: Aris and Phillips. 242 p.
- Johnston A. W.*, 2010. Leontini – Some Remarks on Epichoric Texts // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. № 175. P. 150–152.
- Jongkees J. H.*, 1951. On Price Inscriptions on Greek Vases // Mnemosyne. Vol. 4. Iss. 3. P. 258–266.
- Kretschmer P.*, 1894. Die griechischen Vaseninschriften ihrer Sprache nach Untersucht. Bertelsmann: Gütersloh. 251 S.
- Lang M.*, 1976. Graffiti and Dipinti. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 116 p., 62 pl. (The Athenian Agora; vol. 21.)
- Larfeild W.*, 1907. Handbuch der griechischen Epigraphik. Leipzig: O. R. Reisland. 604 S.
- Lazzarin M. L.*, 1976. Le formule della dediche votive nella Grecia arcaica. Rome: Accademia Nazionale dei lincei. 356 p.
- Malkin I.*, 1985. What's in a Name? The Eponymous Founder of Greek Colonies // Athenaeum. Vol. 63. P. 114–130.
- Morrison J. V.*, 1997. Kerostasia, the Dictates of Fate, and the Will of Zeus in the Iliad // Arethusa. Vol. 30. № 2. P. 276–296.
- Pape, Bensler*, 1911. Wörterbuch der Griechischen Eienamen / W Pape., G. E. Benseler. 3rd ed. Rev. G. E. Benseler. 2 vols. 1863–1870. Reprint, Braunschweig.

- Stoll H. W.*, 1894. Keren // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Bd. II, 1 / Hrsg. W. H. Roscher von. Leipzig. S. 1136–1166.
- Talcott L.*, 1955. Some Chairias cups in the Athenian agora // *Hesperia*. Vol. 24. № 1. P. 72–75.
- Tod M. N.*, 1946. Epigraphical notes on Greek coinage. II. ΧΑΛΚΟΥΣ // *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. Vol. 6. № 1/2. P. 47–62.
- Tod M. N.*, 1947. Epigraphical Notes on Greek Coinage. III. ΟΒΟΛΟΣ // *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. Vol. 7. № 1/2. P. 1–27.
- Tod M. N.*, 1960. Epigraphical notes on Greek coinage. IV. ΔΡΑΧΜΗ // *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. Vol. 20. P. 1–24.
- Vollkommer R.*, 1992. Ker // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Bd. VI. Zürich; München. S. 14–24.
- Wachter R.*, 2001. *Non-Attic Greek Vase Inscriptions*. Oxford: Oxford University Press. 384 p.
- Woodhead A. G.*, 1981. *The Study of Greek Inscriptions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 203 p.

Сведения об авторе

Завойкина Наталья Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zavoykinan@gmail.com

N. V. Zavoykina

A GRAFFITO OF CA. 520S BC FROM PHANAGORIA

Abstract. The article presents a republication of the Late Archaic graffito. It was found in the course of archaeological excavations in Phanagoria and the three lines has survived in it. The article has taken into account the readings of the graffito proposed by F. V. Shelov-Kovedyaev and S. Yu. Saprykin. All researchers has agreed that the name Phanagores is incised in the 1st line. N. V. Zavoykina and F. V. Shelov-Kovedyaev has offered independently of each other that the graffito structure is “signs + sacred names”, the name of the goddess Hera is cut down in the 3 line. Zavoykina interprets the signs in front of the names of the gods as sums of money, as well as Saprykin, but Shelov-Kovedyaev believes they are numbers in the alphabetical system of numeration. The translation offered by Saprykin’s includes some factual inaccuracies because he did not study the graffito de visu. That is why it is difficult to accept his reading of it. The author believes that graffito is scratched on the wall of the Chios amphora and dates from ca. 520s BC. It represents a record of private expenses, possibly, for offerings to the sanctuaries of Phanagores, Eios (Apollo Phoebus), Hera. The graffito reading: 1. I Φαναγ<ό>ρ<ης> (or Φαναγ<ό>ρ(εω)) | 2. EI < Ἡϊός | 3. Ic Ἡρης, – Obolos Phanagores (Phanagoreo?), | 6,5 oboloi Eios, | 1¼ oboloi (?) Heres. The date of graffito circ. 520s and the foundation of Phanagoria circ. 540 BC put the author an idea that Phanagores, the leader of colonists, was mentioned in the graffito. Also it contains the rare epithet of Apollo Ἡϊός, which is found in a combination with the epiclesis of Phoebus only in the ancient Greek epic and hymns to Apollo. Also one of the earliest mentions of the goddess Hera, the patroness of all Ionians, in the Northern Black Sea region is preserved in the graffito.

Keywords: the Late Archaic, epigraphy, graffiti, the Pontic region, Bosporus, Phanagoria.

REFERENCES

- Agafonov A. A., 2017a. Drevneyshiy temenos Pantikapeya. Vtoraya polovina 6 v. do n. e. [Earliest temenos of Panticapaeum. Second half of 6 c. BC]. *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva [Panticapaeum and Phanagoria. Two capital cities of Bosphorus Kingdom]*. V. D. Kuznetsov, V. P. Tolstikov, eds. Moscow: GMII, pp. 202–207.
- Agafonov A. A., 2017b. Obshchestvennyy kompleks na zapadnom plato. Poslednyaya chetvert' 6 – vtoraya chetvert' 5 vv. do n. e. [Public complex on western plateau. Last quarter of 6th – second quarter of 5th cc. BC]. *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva [Panticapaeum and Phanagoria. Two capital cities of Bosphorus Kingdom]*. V. D. Kuznetsov, V. P. Tolstikov, eds. Moscow: GMII, pp. 266–273.
- Burkert V., 2004. Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika [Greek religion. Archaic and Classic]. St. Petersburg: Aleteya. 583 p.
- Charalampakis P., 2011. Some notes on the name ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ. *Antichnyy mir i arkhologiya [Classical world and archaeology]*, 16. Saratov, pp. 180–189.
- Emets I. A., 2012. Graffiti i dipinti iz antichnykh gorodov i poseleniy Severnogo Prichernomor'ya (podgotovitel'nyye materialy k Korpusu) [Graffiti and dipinti from Classical cities and settlements of North Pontic region (materials prepared for the Corpus)]. Moscow: Sputnik. 547 p.
- Gasparov M. L., Tsybenko O. P., Yarkho V. N., 1999. Ellinskiye poety [Hellenic poets]. Moscow: Ladimir. 515 p.
- Gaydukevich V. F., 1966. Votiv Gereya iz Mirmekiya [Votiv of Herey from Myrmekion]. *Kul'tura antichnogo mira Culture of Classical world*. A. I. Boltunova, ed. Moscow: Nauka, pp. 70–76.
- Karyshkovskiy P. O., 1988. Monety Ol'vii [Olbia coins]. Kiev: Naukova Dumka. 167 p.
- Kuznetsov V. D., 2001. Metropoliya Fanagorii [Phanagoria metropolis]. *DB*, 4, pp. 227–236.
- Kuznetsov V. D., 2010. Fanagoriya – stolitsa Aziatskogo Bospora [Phanagoria – capital city of Asiatic Bosphorus]. *Antichnoye naslediyе Kubani [Antique heritage of Kuban]*, I. G. M. Bongard-Levin, V. D. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 431–469.
- Kuznetsov V. D., 2016. Fanagoriya i Sindika: nekotoryye zametki [Phanagoria and Sindica: some notes]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological studies]*, 4. *Materialy po arkhologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 2. A. A. Zavoykin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 250–278.
- Kuznetsov V. D., 2017. Bospor Kimmeriyskiy v 5 v. do n. e. (drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii) [Cimmerian Bosphorus in 5 c. BC (ancient Persian inscription from Phanagoria)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkhologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological studies]*, 6. *Materialy po arkhologii i istorii Fanagorii [Materials on archaeology and history of Phanagoria]*, 3. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 160–187.
- Mitina V. V., 2018. Pis'mo, naydennoye v Ol'vii v 2010 godu [Letter found in Olbia in 2010]. *Hyperboreus*, vol. 23, iss. 2, pp. 244–265.
- Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsnetrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in North Pontic zone. Typology of amphorae from leading centers – exporters of goods in ceramic containers: catalogue-determinant]. Saratov: Kimmerida. Saratovskiy gos. universitet. 351 p.
- Muratova M. E., Il'ina T. A., Shorunova Yu. N., 2017. Religiya i kul'ty Pantikapeya i Fanagorii [Religion and cults of Panticapaeum and Phanagoria]. *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva [Panticapaeum and Phanagoria. Two capital cities of Bosphorus Kingdom]*. V. D. Kuznetsov, V. P. Tolstikov, eds. Moscow: GMII, pp. 85–93.
- Rusyayeva A. S., 1986. Milet – Didima – Borisfen – Ol'viya. Problemy kolonizatsii Nizhnego Pobuzh'ya [Miletus – Didyma – Borysthenes – Olbia. Issues of colonization of Lower Bug region]. *VDI*, 2, pp. 25–64.
- Rusyayeva A. S., 2010. Graffiti Ol'vii Pontiyskoy [Graffiti of Olbia Pontica]. Simferopol: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya NANU. 287 p. (Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii; suppl. 8.)
- Saprykin S. Yu., 2019. K prochteniyu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti [On reading and interpretation of some Bosphorus graffiti]. *DB*, 24, pp. 473–487.

- Shelov-Kovedyayev F. N., 2018. K ranney istorii Fanagorii [On early history of Phanagoria]. *PIFK*, 3, pp. 98–106.
- Tolstoy I. I., 1905. Vrach i Del'finiy [Physician and Delphinus]. *IAK*, 14, pp. 44–53.
- Tolstoy I. I., 1953. Grecheskiye graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Greek graffiti from ancient cities of North Pontic region]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 154 p.
- Tsvetayeva G. A., 1986. Posvyatitel'nyye graffiti iz Gorgippii IV v. do n. e. [Dedicatory graffiti from Gorgippia, IV c. BC]. *Problemy antichnoy kul'tury [Issues of antique culture]*. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 215–217.
- Vinogradov Yu. G., 2001. Vizit evbeytsa v Fanagoriyu [Visit of an Euboean to Phanagoria]. *VDI*, 1, pp. 103–104.
- Yaylenko V. P., 1980. Graffiti Levki, Berezani, Ol'vii [Graffiti of Leuca, Berezan', Olbia]. *VDI*, 3, pp. 75–116.
- Yaylenko V. P., 1982. Grecheskaya kolonizatsiya VII–III vv. do n. e. [Greek colonization of VII–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 312 p.
- Yaylenko V. P., 1995. Zhenshchiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh [Women, Aphrodite and Priestess of Spartocides in new Bosporan inscriptions]. *Zhenshchina v antichnom mire [Woman in antique world]*. L. P. Marinovich, S. Yu. Saprykin, eds. Moscow: Nauka, pp. 204–272.
- Yaylenko V. P., 2006. Posvyatitel'nyye graffiti Pantikapeya i ego okrugy [Dedicatory graffiti from Panticapaeum and its vicinity]. *DB*, 9, pp. 355–428.
- Yaylenko V. P., 2010. Tysyacheletniy bosporskiy reykh [Bosporus millennium-long reich]. Moscow: Grif. 739 p.
- Yaylenko V. P., 2017. Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora v VII v. do n. e. – VII v. n. e. [History and epigraphic of Olbia, Chersonese and Bosporus in VII c. BC – VII c. AD]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 1023 p.
- Zavoykina N. V., 2015. Dva novykh graffiti iz Pantikapeya (iz arkhiva V. D. i T. V. Blavatskikh) [Two new graffiti from Panticapaeum (from archive of V. D. and T. V. Blavatskiys)]. *S Mitridata duet veter: Bospor i Prichernomor'e v antichnosti. K 70-letiyu V. P. Tolstikova [Wind blows from Mithridates. Bosporus and North Pontic zone in classical antiquity. Toward 70th anniversary of V. P. Tolstikov]*. D. V. Zhuravlev, ed. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 68–74.
- Zavoykina N. V., 2015b. Malaya epigrafika [Small epigraphic]. *Fanagoriya [Phanagoria]*. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow, pp. 132–139.
- Zavoykina N. V., 2017a. Dva abecedaria pozdnearkhaicheskogo vremeni iz Fanagorii [Two ABCs of late Archaic period from Phanagoria]. *PIFK*, 4, pp. 145–151.
- Zavoykina N. V., 2017b. Osnovaniye Fanagorii. Vtoraya polovina 6 v. do n. e. [Foundation of Phanagoria. Second half of 6 c. BC]. *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva [Panticapaeum and Phanagoria. Two capital cities of Bosporus Kingdom]*. V. D. Kuznetsov, V. P. Tolstikov, eds. Moscow: GMII, pp. 208–215.
- Zavoykina N. V., 2018. Spisok pozhertvovaniy s upominaniyem Fanagora tret'yey chetverti VI v. do n. e. iz Fanagorii [List of donations mentioning Phanagor of third quarter of VI c. BC from Phanagoria]. *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira [Bosporus phenomenon. General and specific in historical and cultural space of Classical world]*, 1. V. Yu. Zuyev, V. A. Khrashanovskiy, eds. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, pp. 292–299.

About the author

Zavoykina Natalia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: zavoykinan@gmail.com

П. Р. Холошин

ФОРМЫ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ МАЛЫШЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Резюме. В статье приводятся результаты анализа форм глиняных сосудов Малышевского могильника (VI–XI вв.) с позиций историко-культурного подхода. Рассмотрены общая пропорциональность, виды и варианты естественной структуры форм. На основании данных о диапазонах случайных колебаний параметров наиболее устойчивых функциональных частей сосудов предложена детальная систематизация форм. Выявлены две наиболее массовые традиции формообразования у муромского населения и формы сосудов, которые отражают смешение этих традиций.

Ключевые слова: поволжские финны, мурома, гончарные традиции, формы глиняных сосудов, историко-культурный подход.

Малышевский могильник, расположенный в Селивановском районе Владимирской области, исследовался с 1938 по 1950 г. экспедицией Ивановского государственного педагогического института под руководством А. Ф. Дубынина. В общей сложности была вскрыта площадь 2469 кв. м, изучены 220 погребений. Могильник был отнесен исследователем к финскому племени мурома и датирован VI–XI вв. н. э. Подавляющее большинство погребений имеет характерную ССЗ ориентировку, преобладают ингумации, хотя до четверти погребений относятся к кремациям – подобная ситуация типична для муромских могильников (*Бейлекчи*, 2005. С. 32). Материалы данного могильника опубликованы А. Ф. Дубыниным в нескольких кратких статьях (1949а; 1949б), посвященных преимущественно периодизации погребений, а также привлекались В. В. Гришаковым для исследования керамики поволжских финнов в раннем Средневековье (*Гришаков*, 1993).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90001.

Коллекция керамики из раскопок А. Ф. Дубынина на Малышевском могильнике, хранящаяся в фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея¹, насчитывает не менее 146 отдельных сосудов, из которых у 141 сохранился полный профиль, что делает их пригодными для полного анализа формы. Среди всех коллекций глиняной посуды, происходящей из муромских могильников, это вторая по количеству сосудов (после коллекции из раскопок О. В. Зеленцовой на Подболотьевском могильнике). Коллекция сохранилась не полностью: изучение описей, приведенных в отчетах, показало, что в настоящее время неизвестно местонахождение около трети находок керамики из погребений, среди которых, предположительно, несколько десятков целых форм. Таким образом, использование имеющихся материалов требует некой поправки на неполноту доступной для изучения коллекции.

В данной статье излагаются результаты анализа форм 141 сосуда Малышевского могильника древней муромы, проведенного с позиций историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским (Формы глиняных сосудов..., 2018. С. 11–37, 124–179). Поскольку традиции изготовления и распространения форм глиняной посуды тесно связаны с культурным составом древнего населения, которое данной посудой пользовалось, целенаправленный анализ этих традиций позволяет выяснить степень культурной однородности населения и те причины, которые привели к определенному разнообразию традиций формообразования у местного населения.

Задачи исследования и методика анализа форм сосудов

Форма сосудов является частью внешней культуры гончарства. В отличие от элементов внутренней культуры гончарства она определяется традициями не только изготовителей, но и потребителей посуды. Сохранение привычного облика посуды является одним из свидетельств стабильного состояния традиций и культурного состава их носителей, а перемены в этом облике свидетельствуют об изменении традиций потребителей посуды (Цетлин, 2012. С. 135, 167). Вопрос о конкретных причинах этих изменений требует в каждом случае специального изучения. Важно подчеркнуть, что для воспроизведения сосудов одной и той же традиционной (привычной) формы, гончар должен владеть определенными навыками работы с глиной, формирование которых начинается в период его обучения и продолжается в течение всей его производственной деятельности.

На основе этих предпосылок были сформулированы задачи, решение которых позволило выделить наиболее массовые традиции создания форм сосудов, зафиксированных в Малышевском могильнике:

1) выделение морфологических групп сосудов по наиболее характерным чертам облика внешней поверхности;

¹ Выражаю искреннюю благодарность с. н. с. Ивановского государственного историко-краеведческого музея А. А. Сердитову и доценту ИвГУ Е. Л. Костылевой за помощь в работе с коллекциями.

2) анализ общей пропорциональности и естественной структуры форм сосудов;

3) выделение микрогрупп сосудов по величине случайных колебаний наиболее устойчивых функциональных частей (тулова и предплечья);

4) анализ степени сходства выделенных микрогрупп друг с другом и построение общего графа связей между ними;

5) выделение по степени кластеризации микрогрупп «ядра» и «периферии» массовых традиций формообразования сосудов;

6) выделение смешанных и несмешанных традиций формообразования и их культурно-историческая интерпретация.

Теперь разберем содержание этих исследовательских задач более подробно. В первую очередь вся доступная для анализа коллекция сосудов Малышевского могильника была изучена по внешним особенностям сосудов: цвету стенок, морфологии поверхности и пр. Все эти черты формируют внешний облик сосудов, легко различимый их потребителями, и позволяют отличать свою посуду от чужой. Неоднородность керамики по внешнему облику отмечалась археологами многократно и на материале различных муромских памятников (см.: *Дубынин*, 1947. С. 81–90; *Горюнова*, 1961. С. 179; *Гришаков*, *Зеленев*, 1990. С. 48, 49; *Уткин*, *Черников*, 1994. С. 52). Исследователи отмечают как минимум две группы посуды: с тщательно заглаженной поверхностью и более грубую, с шероховатой или бугристой поверхностью. В особую группу выделяется лощеная посуда.

В результате проведенного нами анализа материалов Малышевского могильника подтвердилось наличие трех разных по морфологическим чертам внешней поверхности групп посуды. Обозначим их условно как *морфологические группы* заглаженной, лощеной и бугристой посуды. К группе *заглаженной* посуды были отнесены сосуды без явных неровностей на стенках. К группе *лощеной* – сосуды с регулярным лощением, покрывающим большую часть внешней поверхности стенок. К группе *бугристых* отнесены сосуды, поверхность которых покрыта бугорками вследствие выступления крупных минеральных примесей: дресвы или шамота. Из сосудов Малышевского могильника к заглаженным отнесено 83 сосуда, к лощеным – 16 сосудов, а к бугристым – 47 сосудов. Среди них для дальнейшего анализа форм сосудов полностью пригодны соответственно 80, 15 и 46 сосудов (ок. 97 %).

Непосредственный анализ форм сосудов базируется на современной методике их изучения, разработанной в рамках историко-культурного подхода (подробное изложение методики см.: *Формы глиняных сосудов...*, 2018. С. 124–179).

Первой задачей при анализе форм сосудов является изучение их *общей пропорциональности*, которая характеризуется отношением высоты сосуда к максимальному диаметру тулова или предплечья. Изучение общей пропорциональности форм позволило выяснить ряд особенностей, характерных для разных морфологических групп сосудов и отражающих разные гончарные традиции.

Дальнейший анализ форм посуды касается изучения их *естественной структуры* (или *конструкций* форм), т. е. выяснения того, из каких функциональных частей состоят конкретные изделия. В результате выяснилось, что среди посуды могильника присутствуют формы с разным числом функциональных

частей – от трех до шести. В общей сложности оказалось возможным выделить 10 вариантов сосудов по их естественной структуре, т. е. качественному составу функциональных частей. Среди них имеются как массовые варианты конструкций форм, отражающие наиболее распространенные гончарные традиции, характерные для всех трех морфологических групп, так и единичные конструкции, причины появления которых нуждаются в выяснении.

Следующий этап исследования форм предполагает детальный анализ особенностей наиболее устойчивых функциональных частей сосудов – тулова и предплечья или плеча/предплечья. Для этого исследуются конкретные пропорции этих функциональных частей и углы наклона их боковых стенок. Как следует из этнографических и экспериментальных материалов, при многократном воспроизведении гончарами привычных форм горшковидных сосудов наиболее устойчивыми функциональными частями являются тулово и плечо/предплечье (Холошин, 2019). Параметры этих частей характеризуются наименьшим диапазоном случайных отклонений, который допускает гончар при изготовлении привычных форм. В ходе анализа среди сосудов каждой морфологической группы отбирались изделия, тулово и плечо/предплечье которых лежат в рамках диапазона случайных колебаний этих функциональных частей.

В результате подобной операции удалось сгруппировать большую часть сосудов внутри каждой морфологической группы в микрогруппы, состоящие не менее чем из двух очень близких по этим параметрам сосудов. Оставшиеся единичными сосуды не относятся к массовым традициям и требуют специального изучения.

Следующим шагом стало обобщение параметров сосудов в рамках каждой микрогруппы и расчет степени сходства между разными микрогруппами. В результате были получены данные о степени сходства как между микрогруппами внутри каждой морфологической группы, так и между микрогруппами разных морфологических групп. Графическое изображение этих связей позволило для каждой морфологической группы выявить «ядро», т. е. набор форм, тесно связанных между собой по сходству, и «периферию», или формы, между которыми были более слабые связи.

Все эти аналитические процедуры сделали возможным выделить наиболее массовые традиции формообразования у муромского населения, оставившего Малышевский могильник, а также связи этих традиций друг с другом.

Следующая часть статьи посвящена изложению конкретных результатов, полученных на каждом этапе исследования.

Результаты изучения массовых форм сосудов разных морфологических групп

За различным внешним обликом посуды этих групп стоят различия в технологии: размер примесей, выбивание и способ заглаживания поверхности, применение лощения и т. д. Детальное описание технологических традиций не входит в задачи данной работы и требует отдельного изучения. Однако данные морфологические группы могут отражать различие традиций внешней

культуры гончарства, т. е. разные представления потребителей о привычном облике посуды. Чтобы определить, насколько глубоки эти различия, изучим, какие формы среди них преобладают.

Общая пропорциональность (далее – ОПП) формы отражает представления потребителей посуды о соотношении вертикальных и горизонтальных размеров сосуда. Все сосуды относятся к категории средних/низких (65 %) и средних (35 %), т. е. условно к мисковидным и горшковидным формам (рис. 1). По универсальной шкале качеств (Формы глиняных сосудов..., 2018. С. 129. Табл. 2) среди заглаженных сосудов 75 % имеют ОПП, соответствующую 29–32-й ступеням, причем максимум находится на 31-й ступени. 60 % лощеных сосудов имеют ОПП 29–30, что в целом соответствует более низким сосудам по сравнению с заглаженными. Среди сосудов с бугристой поверхностью 70 % имеют ОПП 32–34, максимум приходится на ступени 32–33, т. е. к этой группе относятся в целом более высокие формы. Самый широкий диапазон ОПП форм среди заглаженных сосудов, самый узкий – среди лощеных. На диаграмме хорошо видно, что среди заглаженных и лощеных сосудов устойчиво преобладают более низкие формы, а среди бугристых – более высокие. Это подтверждает, что бугристые сосуды связаны с иными представлениями о привычных пропорциях и, следовательно, с особыми традициями создания форм.

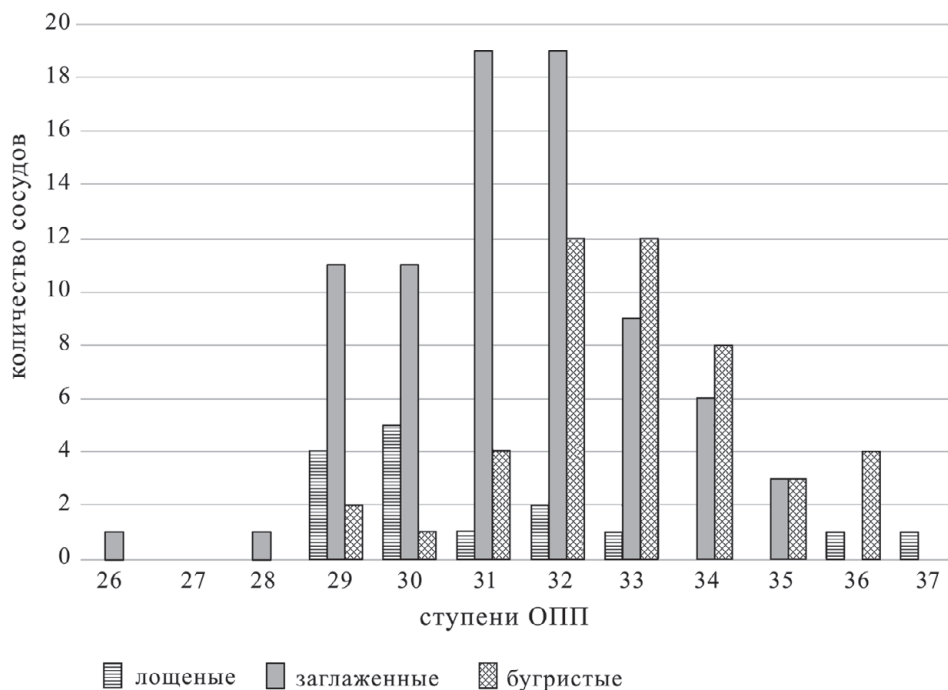

Рис. 1. Общая пропорциональность форм глиняных сосудов разных морфологических групп Малышевского могильника

Обратимся к анализу **естественной структуры** форм сосудов (табл. 1). Она изучалась по 141 сосуду. Все лощеные сосуды имеют только 5-частную структуру, представленную 6 вариантами, из которых только два были массовыми: Г + Ш + ПП + Т + ОТ² (46,7 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (26,7 %). Сосуды с заглаженной и бугристой поверхностью более разнообразны как по числу функциональных частей, так и по видам естественной структуры. Заглаженные сосуды представлены 4-, 5- и 6-частными конструкциями, причем 5-частные составляют 90 %. Здесь массовыми были три варианта структур: Г + Ш + ПП + Т + ОТ (51,3 %), Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (16,3 %) и Г + Ш + П/ПП + Т + ОТ (17,5 %). Среди сосудов с бугристой поверхностью имеются 3-, 4- и 5-частные, но массовыми были также два варианта конструкций Г + Ш + ПП + Т + ОТ (56,5 %) и Г + Щ/Ш + ПП + Т + ОТ (21,7 %). Таким образом, в группах лощеных и бугристых сосудов к двум одинаковым массовым конструкциям относятся соответственно 73,4 % и 78,3 % форм, а в группе заглаженных к трем массовым конструкциям – 85,0 % форм. Важно подчеркнуть, что во всех морфологических группах самыми массовыми были сосуды одной и той же конструкции: Г + Ш + ПП + Т + ОТ (46,7, 51,3 и 57,8 %). Итак, среди всей посуды Малышевского могильника доминировала традиция создания сосудов с шеей и предплечьем, второе место занимала традиция изготовления сосудов с переходной функциональной частью – щека/шея – и на третьем месте была традиция создания форм также с переходной функциональной частью – плечо/предплечье, характерная в основном для заглаженных сосудов. Таким образом, проведенный анализ показал, что сосуды разных морфологических групп обладают не только достаточно близкой естественной структурой, но близки по соотношению разных видов конструкций.

Структуры			Лощеные		Заглаженные		Бугристые	
Вид		Вариант	n	%	n	%	n	%
3-частные		Г+Т+ОТ	–	–	–	–	2	4,3
4-частные	с ПП	Г+ПП+Т+ОТ	–	–	7	8,8	2	4,3
	с Щ	Г+Щ+Т+ОТ	–	–	–	–	1	2,2
5-частные	с ПП	Г+Щ+ПП+Т+ОТ	1	6,7	3	3,8	4	8,7
		Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ	4	26,7	13	16,3	10	21,7
		Г+Ш+ПП+Т+ОТ	7	46,7	41	51,3	26	56,5
	с П/ПП	Г+Щ+П/ПП+Т+ОТ	1	6,7	–	–	–	–
		Г+Щ/Ш+П/ПП+Т+ОТ	1	6,7	1	1,3	1	2,2
		Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ	1	6,7	14	17,5	–	–
6-частные	с П+ПП	Г+Ш+П+ПП+Т+ОТ	–	–	1	1,3	–	–
Всего:			15	100,0	80	100,0	46	100,0

² Для описания естественной структуры форм сосудов принято использовать следующие обозначения: Г – губа, Щ – щека, Ш – шея, Щ/Ш – щека/шея, П – плечо, ПП – предплечье, П/ПП – плечо/предплечье, Т – тулово, ОТ – основание тулова.

Следующий этап анализа направлен на **выделение микрогрупп** форм на основе изучения степени разнообразия наиболее устойчивых функциональных частей (тулова и предплечья) по их общей пропорциональности и углу наклона боковой линии части.

Из этнографических и экспериментальных данных известно, что продукция одного гончара (даже при изготовлении им привычных форм) не идентична полностью. Каждый параметр, с помощью которого описывается форма сосуда, может варьировать в определенном интервале, который зависит от квалификации гончара и используемых им технических средств (Цетлин, 2016; Холошин, 2019). И гончары, и потребители посуды не рассматривали эти колебания как существенные – для них это были сосуды одной формы и размера. Поэтому интервалы случайных колебаний форм служат объективным пределом допустимой детальности при описании и группировке форм глиняных сосудов.

Исследования показали, что при изготовлении одним мастером сходных горшководных форм верхняя часть сосуда (щека или шея) может варьировать по величине стандартного отклонения в наиболее широком диапазоне (до $\pm 11^\circ$ – по углу наклона и до $\pm 50\%$ – по пропорциональности). При этом колебания параметров таких функциональных частей, как плечо, предплечье или тулово, имеют гораздо более узкий диапазон, независимо от квалификации гончара и использования им гончарного круга. Поэтому для выделения микрогрупп, включающих наиболее близкие по форме сосуды, были использованы именно эти функциональные части.

Этот анализ был проведен только для 5-частных форм, поскольку они являются доминирующими среди всей посуды (от 90 до 100 % в разных морфологических группах). Внутри каждой морфологической группы отбирались такие сосуды, которые по углу наклона и пропорциональности обеих выбранных частей (тулова и плеча/предплечья) лежат в интервале случайных колебаний, составляющих для угла наклона диапазон $\pm 5^\circ$, а для общей пропорциональности $\pm 10\%$. Величина этого диапазона соответствует наиболее вероятной средней величине случайных колебаний для профессиональных гончаров, работавших без использования гончарного круга.

В результате в группе заглаженных сосудов были выделены 17 микрогрупп (от 2 до 6 сосудов в каждой), в которые вошли 47 сосудов (60 %). Среди сосудов с лощеной поверхностью выделились 4 микрогруппы, объединившие 9 сосудов (60 %), а бугристые сосуды образовали 11 микрогрупп с 31 сосудом (69 %). Оставшиеся сосуды оказалось невозможным отнести к той или иной группе с использованием выбранных интервалов. Формы сосудов, которые входят в микрогруппы, могли быть традиционными и регулярно воспроизводившимися муромскими гончарами. Оставшиеся одиночные сосуды, вероятно, не отражают устойчивых и массовых традиций местного населения.

Определение степени близости микрогрупп сосудов между собой. Поскольку различия по наиболее устойчивым функциональным частям между формами сосудов внутри каждой микрогруппы можно считать несущественными как для потребителей посуды, так и для нашего исследования, опишем параметры каждой микрогруппы с использованием детальной шкалы качеств, включающей 36 ступеней по углу наклона и 57 ступеней по ОПП (Формы глиняных

сосудов..., 2018. С. 129. Табл. 2; С. 138. Табл. 3). Это позволит объективно оценить степень близости данных микрогрупп между собой. Результаты описания приводятся в таблице (табл. 2).

Микрогруппа	Число сосудов	П-П/ПП		Тулово	
		угол	ОПП	угол	ОПП
Лощеные					
1	2	24	17	13	31
2	2	23	15	13	28
3	2	23	12	12	28
4	3	24	17	11	27
Заглаженные					
1	3	25	17	11	27
2	3	23	12	12	30
3	3	23	12	12	27
4	6	24	18	14	29
5	2	24	7	12	27
6	3	22	15	14	34
7	2	22	14	13	27
8	4	24	12	13	29
10	2	24	14	13	28
11	4	23	15	13	30
12	2	23	8	13	31
13	2	24	14	13	32
14	2	22	12	14	32
15	3	22	17	13	32
16	2	23	8	14	31
18	2	25	10	13	28
19	2	22	8	12	25
Бугристые					
1	6	23	17	14	31
2	4	23	14	14	31
3	2	23	11	14	31
4	4	20	15	14	33
5	3	22	13	14	34
6	3	23	20	15	34
7	2	24	15	14	34
8	2	23	15	14	36
9	2	23	7	15	31
10	2	24	11	15	32
11	2	20	16	15	30

Для оценки степени близости двух микрогрупп между собой воспользуемся следующей формулой:

$$КС = \left(1 - \frac{опп_1 - опп_2}{57}\right)_T \times \left(1 - \frac{\alpha_1 - \alpha_2}{36}\right)_T \times \left(1 - \frac{опп_1 - опп_2}{57}\right)_{П/ПП} \times \left(1 - \frac{\alpha_1 - \alpha_2}{36}\right)_{П/ПП}$$

т. е. перемножим коэффициенты сходства по каждому параметру тулова и плеча/предплечья.

Таким образом, мы получаем определенную систему связей между микрогруппами, величина которых находится в диапазоне от 0,592 до 0,982. Соответственно, чем ближе полученный коэффициент сходства к единице, тем меньше различия между двумя сравниваемыми микрогруппами.

Для большей наглядности представим наиболее сильные по величине связи между микрогруппами на графе. Такие связи оцениваются по $КС > 0,9$ и приблизительно соответствуют различию между формами на одну ступень по углу наклона и общей пропорциональности. Графы, составленные для каждой из морфологических групп, приведены на рис. 2.

Судя по полученной картине, в рамках каждой морфологической группы посуды выделяются несколько микрогрупп, имеющих между собой очень тесные связи. Они образуют так называемое ядро данной микрогруппы. Помимо них также в каждой морфологической группе имеются микрогруппы, которые связаны с этим «ядром» более слабыми связями. Эти микрогруппы образуют так называемую периферию.

Для конкретизации выделения в каждой морфологической группе сосудов культурного ядра и культурной периферии воспользуемся расчетом *коэффициента кластеризации*, который был разработан для анализа социальных графов. Для каждой микрогруппы (узла графа) он указывает, сколько ближайших к ней микрогрупп имеют близкое сходство и между собой (Снарский, Ландэ, 2015. С. 18). Коэффициенты кластеризации (КК) для каждой микрогруппы приведены в табл. 3.

В группе заглаженных сосудов к «ядру» были отнесены 7 микрогрупп ($КК_{ср.} = 0,55$), к которым относятся 20 сосудов, что составляет 26 % данной морфологической группы. В группе бугристых «ядро» состоит из 4 микрогрупп ($КК_{ср.} = 0,63$), к которым относятся 11 сосудов (25 % от всех бугристых). Среди лощеных сосудов ни одна микрогруппа не обладает КК выше 0, поскольку только две из них вообще обладают сильной связью. Эти две микрогруппы и образуют ядро данной группы, в которое входят 4 сосуда (или 27 %). Забегая несколько вперед, скажу, что это ставит под сомнение отнесение лощеных сосудов к особой традиции формообразования.

Таким образом, мы получили возможность при изучении традиций создания форм сосудов вести анализ на трех уровнях. Первый – уровень микрогрупп, в которые входят наиболее близкие между собой сосуды. Второй – это уровень культурных «ядер», включающих несколько микрогрупп. В рамках таких ядер сосуды отличаются друг от друга уже более существенно. Так, различия по общей пропорциональности форм между сосудами, отнесенными к ядру группы бугристых, составляют 5 ступеней. И наконец, третий уровень – уровень культурной «периферии» ядра, где сосуды обладают уже значительно более

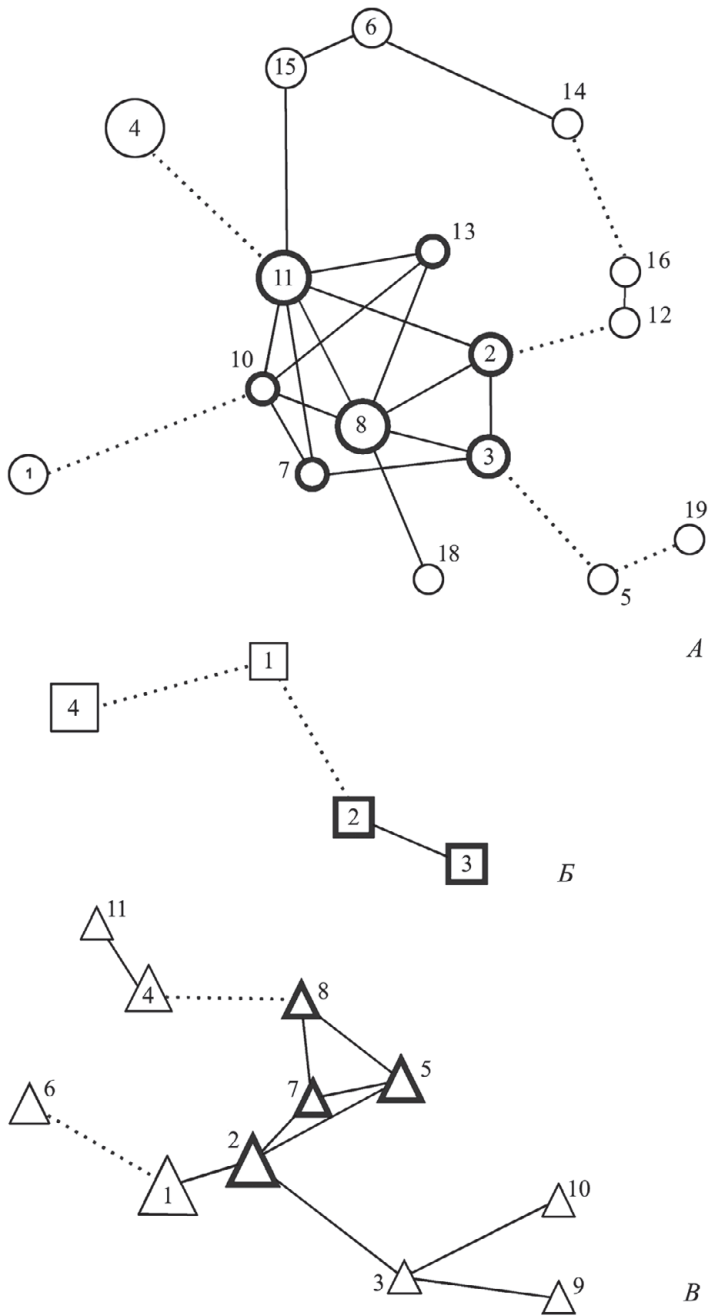

Рис. 2. Графы связей микрогрупп

A – лощеная посуда; *B* – заглаженная посуда; *B* – бугристая посуда. Сплошными линиями показаны сильные связи ($KC > 0,9$); пунктиром – наиболее сильная связь при отсутствии связей с $KC > 0,9$. Размер обозначений микрогрупп соответствует числу сосудов. Жирным контуром выделены микрогруппы «ядра» каждого графа

удаленным сходством друг с другом, часто занимая по своей форме промежуточное положение с формами других морфологических групп сосудов.

Микро- группа	В своей морф. группе		На общем графе		Зона
	Число близких связей	Коэфф. кластеризации	Число близких связей	Коэфф. кластеризации	
Лощеные					
2	1	–	7	0,53	Ядро
3	1	–	5	0,70	
1	–	–	5	0,50	Периферия
4	–	–	1	–	
Заглаженные					
2	3	0,67	5	0,40	Ядро
3	3	0,33	5	0,60	
7	3	0,33	4	0,67	
8	5	0,50	7	0,63	
10	4	0,50	6	0,67	
11	5	0,50	10	0,32	
13	3	1,00	6	0,40	
1	–	–	1	–	Периферия
4	–	–	2	0,40	
5	–	–	–	–	
6	2	0,00	7	0,47	
12	1	–	3	1,00	
14	1	–	5	0,50	
15	2	0,00	4	0,50	
16	1	–	3	1,00	
18	1	–	1	–	
19	–	–	–	–	
Бугристые					
2	4	0,17	9	0,28	Ядро
5	3	0,67	5	0,70	
7	3	0,67	5	0,60	
8	2	1,00	3	1,00	
1	2	0,00	5	0,50	Периферия
3	3	0,00	7	0,26	
4	–	–	1	–	
6	–	–	–	–	
9	1	–	3	1,00	
10	1	–	2	1,00	
11	1	–	1	–	

Теперь обратимся к вопросу о том, как связаны между собой обнаруженные ядра. Для этого объединим все три графа в один, используя данные о коэффициентах сходства между микрогруппами, относящимися к разным морфологическим группам сосудов. Этот общий граф представлен на рис. 3.

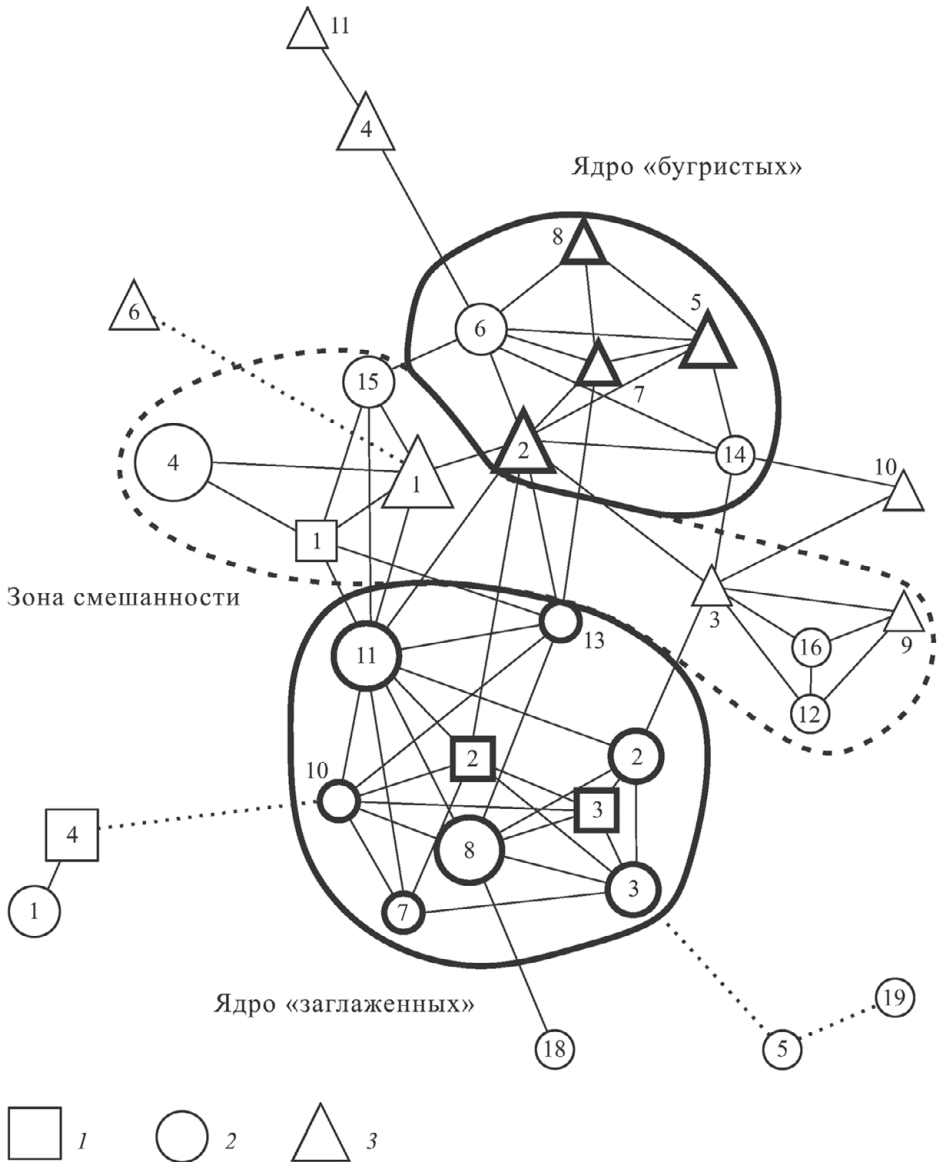

Рис. 3. Общий граф связей для микрогрупп всех морфологических групп
 1 – лощеная посуда; 2 – заглаженная посуда; 3 – бугристая посуда

Здесь важно обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, выясняется, что ядро лощеных сосудов целиком входит в ядро заглаженных сосудов. Это еще раз подтверждает предположение о том, что сосуды с лощеной поверхностью не образуют особую традицию формообразования у муромского населения. Во-вторых, ядро бугристых сосудов достаточно отделено от ядер двух других морфологических групп и смещено к краю графа. Используя полные данные о коэффициентах сходства между микрогруппами, рассчитаем средние значения КС в каждом ядре: для заглаженных (и лощеных) оно составляет 0,913, для бугристых – 0,914. При этом $КС_{\text{сред.}}$ между двумя ядрами составил 0,840.

Таким образом, подтверждается предположение, сделанное ранее на основании данных об общей пропорциональности сосудов, относящихся к разным морфологическим группам: сосуды с бугристой поверхностью с большей долей вероятности принадлежат к особой традиции формообразования. Ее особенностями являются более вертикальный угол наклона тулова (ступени 15–14, или $70^\circ \pm 3^\circ$) и более высокие пропорции тулова (ступени 31–36, ОПП > 0,60), как и пропорции всего сосуда. В-третьих, в отличие от группы бугристых сосудов различия между формами лощеных и заглаженных сосудов несущественны. И те и другие имеют более пологие стенки тулова (ступени 12–13, или $63^\circ \pm 5^\circ$) и более низкие пропорции тулова (ступени ОПП 27–31, т. е. менее 0,65). Наряду с отмеченными особенностями, важно подчеркнуть, что параметры плеча/предплечья для ядер всех трех морфологических групп варьируют приблизительно в одном диапазоне (ступени 22–24 по углу наклона и ступени 11–16 по ОПП).

Как отмечалось выше, периферийные зоны каждой морфологической группы действительно имеют область пересечения. К ней можно отнести 4 микрогруппы заглаженных сосудов, 1 микрогруппу лощеных сосудов и 3 микрогруппы из бугристых сосудов. Кроме того, еще две микрогруппы заглаженных сосудов непосредственно связаны с ядром бугристых сосудов. Всего к этим микрогруппам относятся 30 сосудов, или 21 % от всех анализируемых форм. Эти сосуды довольно разнообразны по форме и сочетают черты обеих традиций. Судя по полученным данным, можно допускать, что эти сосуды могли быть результатом смешения носителей традиций создания сосудов с заглаженной и бугристой поверхностью. Ярким примером этого могут служить сосуды из микрогрупп 6 и 14 с заглаженной поверхностью, которые по форме относятся к традиции бугристых сосудов.

Прочие микрогруппы из периферийной зоны (22 сосуда, 15 %), равно как и сосуды, оставшиеся единичными при выделении микрогрупп (40 сосудов, 27 %), выходят за рамки массовых традиций, представленных на могильнике.

Обсуждение результатов

В результате проведенного системного анализа форм глиняной посуды из погребений Малышевского могильника оказалось возможным выделить две массовые традиции формообразования (рис. 4).

Одна представлена хорошо заглаженной и в некоторых случаях лощеной посудой. Эти сосуды преимущественно имеют средние/низкие пропорции и более пологие стенки тулова. Данная традиция количественно преобладает среди изученных материалов, составляя свыше 2/3 всей посуды.

Сосуды второй традиции отличаются по внешнему облику от прочей посуды своей бугристой поверхностью. Они имеют преимущественно средние пропорции и более вертикальные стенки тулова. Сосуды этой традиции более чем в два раза уступают по количеству сосудам первой традиции, однако составляют вторую по значимости группу посуды в погребениях (к ним относятся около трети изделий).

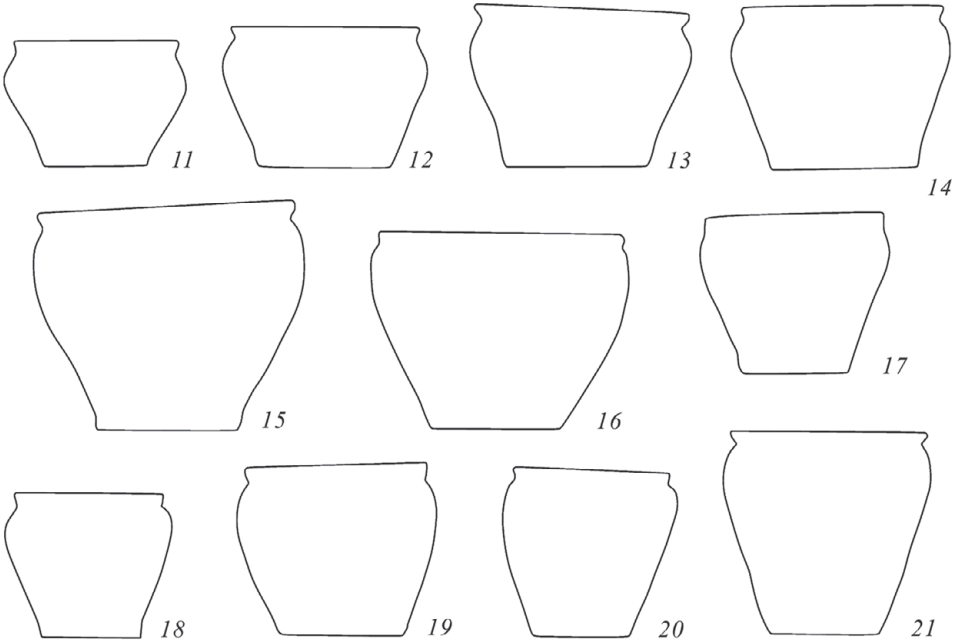
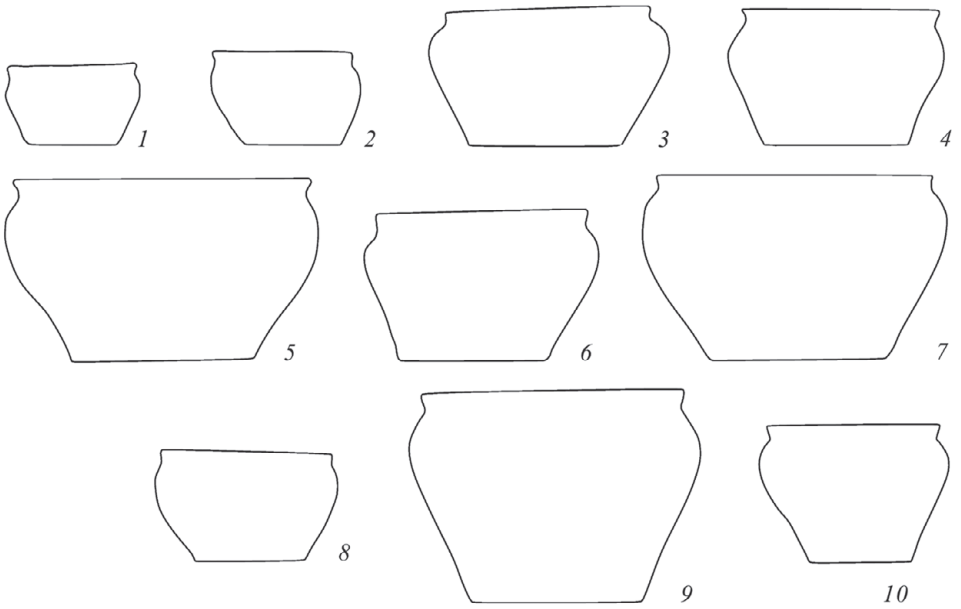
Для решения вопроса о том, что стоит за этими традициями, пока имеются довольно ограниченные данные. Во-первых, это сведения о размерах сосудов. Эта информация может в общих чертах указывать на вероятные сферы использования посуды. Высота сосудов с заглаженной и лощеной поверхностью варьирует от 4 до 15 см, причем половина из них имеет высоту от 8 до 11 см. Выделяется группа сосудов очень малых размеров – до 7 см, составляющая примерно 13 % от всех заглаженных.

Бугристые сосуды имеют высоту от 4 до 16 см, половина сосудов в высоту имеет 9–11 см. Среди бугристых сосудов также есть группа с очень малыми размерами, высотой до 7 см (19 %).

Таким образом, даже учитывая некоторые различия в формах сосудов, предварительно можно говорить о том, что большинство сосудов всех морфологических групп имеет сходные размеры и по своему объему (0,4–0,7 л) примерно соответствует категории «малых» сосудов (Цетлин, 2015). Особая категория посуды, среди которой есть как заглаженные, так и бугристые сосуды, имеет «очень малый» объем (0,2–0,4 л). Все это позволяет предполагать, что сосуды обеих традиций, обнаруженные в погребениях, в целом имели близкую сферу применения, связанную с индивидуальным приемом пищи.

Второй аргумент основан на сочетании сосудов разных традиций в одном погребении. К сожалению, только для 34 погребений могильника в коллекции сохранилось по два или более сосуда. Из них в 12 погребениях присутствуют только заглаженные или только лощеные сосуды, в двух случаях – только бугристые, а в 20 погребениях найдены сосуды обеих традиций. Таким образом, можно говорить, во-первых, о совместном бытовании обеих традиций и их носителей, а во-вторых, о тесных контактах между ними.

В заключение хотелось бы кратко остановиться на некоторых данных, касающихся хронологии погребений, которую предложил А. Ф. Дубынин, опираясь на материалы раскопок 1938–1946 гг. (Дубынин, 1947). Из всех раскопанных тогда погребений только 24 содержат сосуды, доступные сейчас для анализа. В отдельной статье он опубликовал результаты раскопок 1947 г., предоставив датировки еще ряда погребений (Дубынин, 1949а). Из числа изученных нами сосудов 5 происходят из погребений стадии А, 9 – из погребений стадии В и 41 – из погребений стадии С. С тех пор система датировки муромских древностей получила значительное развитие, и поэтому определения автора раскопок подлежат пересмотру и корректировке. Опираясь на имеющиеся данные, можно говорить лишь о том, что обе гончарные традиции сосуществовали на протяжении

всех трех фаз, т. е. с VII по XI в. В погребениях фазы С, из которых происходит большая часть изученных сосудов, заглаженной и лощенной посуды 73 %, бугристой посуды 27 %. Треть посуды обеих групп относится к ядрам традиций, пятая часть – к зоне смешанности.

Подводя итоги проведенному исследованию форм сосудов из погребений Малышевского могильника, можно высказать предположение, что существование двух различных гончарных традиций отражает сложный, двухкомпонентный состав местного населения, оставившего могильник. Вероятно, носители этих традиций в течение длительного времени сосуществовали и активно смешивались между собой, образуя очень близкое в культурном плане сообщество. На это указывают единообразие погребального обряда, значительная смешанность массовых гончарных традиций, одинаковые или близкие сферы использования посуды с заглаженной и бугристой поверхностью. Судя по степени распространенности в погребениях могильника, традиции использования заглаженной посуды занимали доминирующее положение, традиции изготовления бугристых сосудов были рецессивными. В связи с этим интересен тот факт, что среди сосудов с формами, типичными для второй традиции, обнаружено несколько горшков с заглаженной поверхностью, а противоположных примеров не зафиксировано. Это говорит о том, что некоторые гончары, делавшие ранее бугристую посуду, перешли к заглаживанию поверхности своих изделий, сохраняя традиционные для них формы сосудов.

За рамками данной статьи пока остались сосуды, формы которых не входят ни в ядро, ни в зону смешанности двух массовых традиций. Вероятно, они отражают более сложный культурный состав муромского населения, в котором, наряду с двумя основными культурными группами, в результате культурных контактов присутствовали инфильтраты, владевшие несколько иными культурными традициями. Нельзя также исключать, что часть этих сосудов может относиться к наиболее ранним и, напротив, поздним этапам функционирования могильника, которые представлены небольшим числом погребений и сосудов.

Рис. 4 (с. 274). Примеры сосудов, принадлежащих к «ядрам» традиций

Заглаженные сосуды – 1–10: **группа 7** (1 – погр. 159, М49/70; 2 – погр. 110, М48/344); **группа 10** (3 – погр. 88, М47/278; 4 – погр. 174, М49/467); **группа 8** (5 – погр. 192, М49/358; 6 – погр. 13, М40/217; 7 – погр. 116, М48/380; 8 – погр. 35, М45/15); **группа 13** (9 – погр. 102, М47/474; 10 – погр. 9, М38/160)

Бугристые сосуды – 11–21: **группа 2** (11 – погр. 142, М48/247; 12 – погр. 155, М49/244; 13 – погр. 166, М49/376; 14 – погр. 174, М49/465); **группа 5** (15 – погр. 192, М49/357; 16 – погр. 92, М47/459; 17 – погр. 109, М48/359); **группа 7** (18 – погр. 9, М38/157; 19 – погр. 195, М49/216); **группа 8** (20 – погр. 46, М45/246; 21 – погр. 50, М45/275)

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлекчи В. В.*, 2005. Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы): учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та. 278 с.
- Горюнова Е. И.*, 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР. 267 с. (МИА; № 94.)
- Гришаков В. В.*, 1993. Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 204 с.
- Гришаков В. В., Зеленев Ю. А.*, 1990. Мурома VII–XI вв.: учебное пособие. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та. 74 с.
- Дубынин А. Ф.*, 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э. [Рукопись]: дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Ф. 2. № 362.
- Дубынин А. Ф.*, 1949а. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тыс. н. э. // КСИИМК. Вып. 25. С. 135–136.
- Дубынин А. Ф.*, 1949б. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. 27. С. 91–96.
- Снарский А. А., Ландэ Д. В.*, 2015. Моделирование сложных сетей. Киев: Инжиниринг. 212 с.
- Уткин А. В., Черников В. Ф.*, 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 23: Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола. С. 41–66.
- Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. 253 с.
- Холошин П. Р.*, 2019. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к обобщению и интерпретации данных: материалы V Междунар. конф. молодых ученых. М. С. 204–206.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.
- Цетлин Ю. Б.*, 2015. Понятия «качества» для анализа объема сосудов // КСИА. Вып. 239. С. 393–408.
- Цетлин Ю. Б.*, 2016. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 265–274.

Сведения об авторе

Холошин Павел Романович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

P. R. Kholoshin

SHAPES OF CLAY VESSELS
FROM THE MALYSHEVO BURIAL GROUND

Abstract. The paper reports on the results of the analysis dealing with the shapes of clay vessels from the Malyshevo burial ground (6th –11th centuries) from the standpoint of the historical and cultural approach. It reviews general proportionality, types and variants of shape structure. A detailed systematization of the shapes is proposed based on the data on the range of random variations in characteristics of the most stable functional parts of the vessels. The two most widespread traditions of form-making by the Muroma population and the shapes of vessels reflecting commingling of these traditions are identified.

Keywords: Volga Finns, Muroma, pottery traditions, shapes of clay vessels, historical and cultural approach.

REFERENCES

- Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti Nizhnego Pooch'ya (pogrebal'nyy obryad i poseleniya letopisnoy muromy) [Antiquities of Lower Oka region (burial rite and settlements of the Muroma mentioned in chronicles)]. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 278 p.
- Dubynin A. F., 1947. Malyshevskiy mogil'nik. K istorii Nizhney Oki v I tysyacheletii n. e. (Rukopis'): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Malyshevskiy cemetery. To the history of Lower Oka region in I mill. AD (Manuscript): PhD Thesis]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished).
- Dubynin A. F., 1949a. Malyshevskiy mogil'nik. K istorii Nizhney Oki v I tys. n. e. [Malyshevskiy cemetery. To the history of Lower Oka region in I mill. AD]. *KSIMK*, 25, pp. 135–136.
- Dubynin A. F., 1949b. Raskopki Malyshevskogo mogil'nika [Excavations of Malyshevskiy cemetery]. *KSIMK*, 27, pp. 91–96.
- Formy glinyanykh sudov kak ob'ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyy podkhod [Shapes of clay vessels as object of study. Historical-cultural approach]. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, 2018. 253 p.
- Goryunova E. I., 1961. Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Ethnic history of Volga-Oka interfluve]. Moscow: AN SSSR. 267 p. (MIA, 94.)
- Grishakov V. V., 1993. Keramika finno-ugorskikh plemen Pravoberezh'ya Volgi v epokhu rannego srednevekov'ya [Ceramics of Finno-Ugrian tribes on Volga right bank region in early Middle Ages]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet. 204 p.
- Grishakov V. V., Zeleneyev Yu. A., 1990. Muroma VII–XI vv.: uchebnoye posobiye [The Muroma in VII–XI cc.: manual]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet. 74 p.
- Kholoshin P. R., 2019. Opyt izucheniya velichiny sluchaynykh kolebaniy funktsional'nykh chastey sudov [Experience in studying magnitude of random variations of functional parts of vessels]. *Novyye materialy i metody arkhelogicheskogo issledovaniya: ot kritiki istochnika k obobshcheniyu i interpretatsii dannykh* [New materials and methods of archaeological research: from source critic to generalizing and data interpretation]. Moscow, pp. 204–206.
- Snarskiy A. A., Lande D. V., 2015. Modelirovaniye slozhnykh setey [Modeling of complex networks]. Kiev: Inzhiniring. 212 p.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.
- Tsetlin Yu. B., 2015. Ponyatiya «kachestva» dlya analiza ob'yema sudov [The concept of quality for analyzing the pot capacity]. *KSIA*, 239, pp. 393–408.
- Tsetlin Yu. B., 2016. O velichine sluchaynykh kolebaniy nekotorykh parametrov form glinyanykh sudov [Random Variations in the Shape of Clay Vessels]. *KSIA*, iss. 245, part II, pp. 265–274.
- Utkin A. V., Chernikov V. F., 1994. Zheltukhinskiy gruntovyy mogil'nik [Zheltukhinskiy ground cemetery]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya* [Archaeology and ethnography of Mari land], 23. *Problemy srednevekovoy arkheologii volzhskikh finnov* [Issues of medieval archaeology of the Volga Finns]. Yoshkar-Ola, pp. 41–66.

About the author

Kholoshin Pavel R., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Paul.R.Kho@yandex.ru

М. Ш. Сайпудинов

КЕРАМИКА ИРГАНАЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ I ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ: АНАЛИЗ ИСХОДНОГО СЫРЬЯ И СОСТАВОВ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС

Резюме. На основе методики технико-технологического анализа древней керамики, разработанной А. А. Бобринским, изучалась керамика Ирганайского поселения № I эпохи средней бронзы. Для изучения исходного пластичного сырья и состава формовочных масс были отобраны 53 образца, относящиеся к разным типам сосудов и исследованные по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10 при увеличении до 56 крат. Таким образом, получена информация о характере использованного пластичного сырья и искусственных примесей, добавленных при составлении формовочных масс по определенным рецептам. В итоге были определены и выделены 8 рецептов формовочной массы сосудов: 1) глина + шамот; 2) глина + органика; 3) глина + шамот + органика; 4) глина + шамот + органический раствор; 5) глина + кость + шамот + органический раствор; 6) глина + шамот + навоз; 7) глина + навоз; 8) глина + дресва + органика. Такой набор рецептов формовочных масс отражает существовавший на поселении широкий спектр традиций гончарного производства, вероятно, имеющих как местное происхождение, так и являющихся привнесенными.

Ключевые слова: Горный Дагестан, селение Ирганай, Ирганайское поселение I, эпоха средней бронзы, керамика, технико-технологический анализ, шнуровой орнамент.

В 1957 г. во время строительства горной дороги, ведущей из сел. Ирганай (Унцукульский район Республики Дагестан) в сел. Унцукуль, было открыто Ирганайское поселение I. Поселение расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Аварское Койсу в 6 км к северо-западу от сел. Ирганай (Атаев, Погребова, 1973). В результате многолетних археологических исследований Ирганайского поселения I эпохи средней бронзы в зоне строительства

Ирганайской ГЭС (1958–1960, 1986–1991, 2003–2006 гг.) (Атаев, Погребова, 1960; Атаев и др., 1960; 1961; Атаев, 1991; 2000; 2004; 2006; 2017в; Магомедов, 1987; 1988; 1989; 1992а; 1992б; Мирзоев, 2007) получен большой археологический материал, в том числе керамика, которая нуждается в изучении на современном научном уровне. Посуда Ирганайского поселения I эпохи средней бронзы изучалась на основе методики технико-технологического анализа древней керамики, разработанной А. А. Бобринским (Бобринский, 1978; Бобринский, 1999. С. 5–106; Цетлин, 2012). Исходным материалом для типологического анализа послужили обломки сосудов, обнаруженные в ходе археологических работ на поселении – 13 912 экз. В результате были выделены следующие типы керамической посуды: 1 – баночные сосуды; 2 – миски с загнутым внутрь венчиком; 3 – округлобокие горшки с низкой горловиной и ручкой; 4 – крупные сосуды с яйцевидным туловом, невысокой горловиной и отогнутым наружу венчиком; 5 – миниатюрные круглодонные горшочки; 6 – круглодонные плошки; 7 – кружки с ручками, отходящими от венчика; 8 – сосуды с раструбовидной горловиной, раздутым туловом и узким дном (Атаев, Малагитинов, 1992; Сайпудинов, 2017. С. 98–103).

В ходе технико-технологического анализа исследовались сосуды всех типологических групп, были отобраны формообразующие крупные фрагменты – венчики, шейки и части тулова. Параллельно проводилась специальная работа по выделению обломков, относящихся к разным сосудам. Для изучения исходного пластичного сырья и состава формовочных масс были отобраны 53 образца керамики от разных сосудов. Анализ проводился по свежим изломам с помощью микроскопа МБС-10 при увеличении до 56 крат. Таким образом, получена исходная информация о характере использованного сырья, составлении формовочных масс по определенным рецептам.

Целью данной работы являлось выявление существовавших традиций отбора исходного пластичного сырья и составления формовочных масс у гончаров Ирганайского поселения I.

В целом изученный материал, с учетом характера обработки внешней поверхности и орнаментации, представляется возможным разделить на 4 основные морфологические группы:

- 1) сосуды с гладкой и заглаженной поверхностью;
- 2) сосуды с обмазанной жидкой глиной поверхностью (ошершавленные или хрупчатые сосуды);
- 3) сосуды с лощеной поверхностью;
- 4) сосуды со шнуровым орнаментом.

Группы 1 и 3 включают 35 фрагментов от разных сосудов, подвергшихся технико-технологическому анализу. К ним относятся следующие типы форм: 1 – округлобокие горшки с низкой горловиной и ручкой; 2 – кружки с ручками, отходящими от венчика; 3 – плошки; 4 – миниатюрные горшочки. Поверхность указанных сосудов заглажена или залощена (рис. 1: 1–3; 2: 4–6). Обычно сосуды этого типа орнаментированы резным орнаментом в виде горизонтального пояса из клиновидных, семечковидных или округлых насечек и вдавлений, расположенных в один ряд, а также волнистых и неровных горизонтальных линий и отходящих перпендикулярно от них прямых параллельных линий (Атаев,

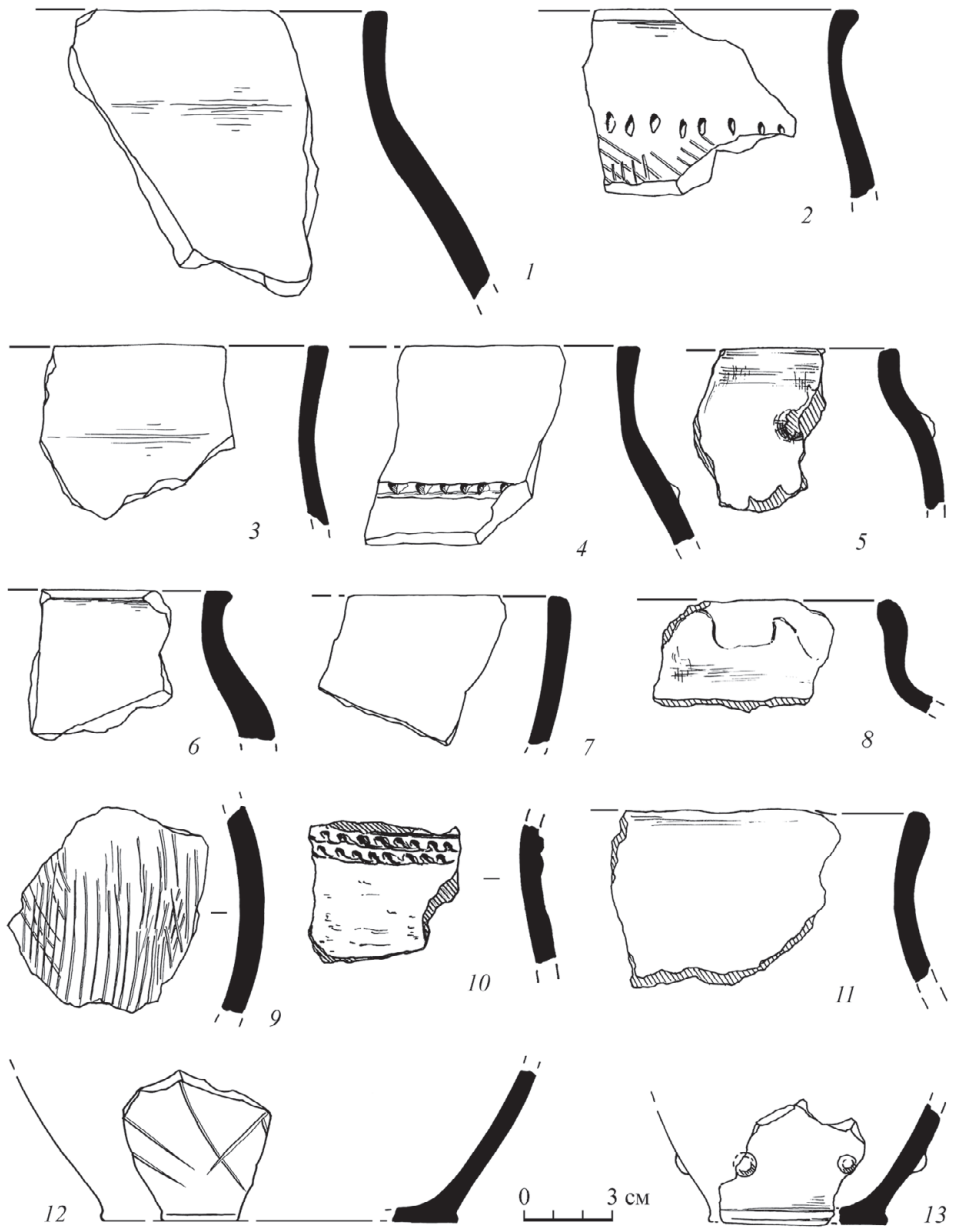

Рис. 1. Ирганайское поселение I. Фрагменты керамических сосудов группы 1

Малагитинов, 1992; Атаев, 1993; 2016а; 2016б; 2017а; 2017б; Атаев, Мирзоев, 2005; 2007; 2012а; 2012б; Магомедов, Хангишиев, 1988; Гаджиев, Магомедов, 1990; Магомедов, 1992б; 1998; Сайпудинов, 2016а. С. 112–115; 2016б. С. 81–83).

Группу 2 составляют 16 фрагментов от разных сосудов: баночных; крупных сосудов с яйцевидным туловом; мисок. Тулова у таких сосудов обмазаны жидкой глиной, а плечики или закраина обычно заглажены или залощены (рис. 2: 1–3). Некоторые фрагменты орнаментированы наlepным валиком с насечками или защипами. Встречаются фрагменты с резным орнаментом в виде клиновидных или округлых вдавлений и перекрещивающихся полосок (Атаев, Малагитинов, 1992; Атаев, 1993; 2016а; 2016б; 2017а; 2017б; Атаев, Мирзоев, 2005; 2007; 2012а; 2012б; Магомедов, Хангишиев, 1988; Гаджиев, Магомедов, 1990; Магомедов, 1992б; 1998; Сайпудинов, 2016а. С. 112–115; 2016б. С. 81–83).

В группу 4 выделены фрагменты посуды с крайне редким для керамики Ирганайского поселения шнуровым орнаментом, хотя по характеру обработки внешней поверхности их можно было отнести к группе 1 (рис. 2: 7, 8) (Атаев, 2010).

Анализ исходного пластичного сырья

При бинокулярном исследовании установлено, что основным сырьем для производства керамических сосудов Ирганайского поселения I являлась ожелезненная глина. Только для трех сосудов в качестве сырья использовалась слабоожелезненная глина. Определение степени ожелезненности глинистого сырья проводилось при помощи нагревания фрагментов в муфельной печи до температуры 850 °С в условиях окислительной среды и последующего сравнения их по цвету с экспериментальной шкалой ожелезненности глины (Цетлин, 2006).

Естественные примеси в природных глинах представлены следующими минералами:

1) зеленоватый, полупрозрачный, матовый песок в виде пылевидных и очень мелких окатанных частиц размером не более 0,1 мм и до 0,2–0,4 мм. Также встречаются единичные песчинки размером до 1 мм;

2) красно-бурый железняк оолитовой формы, структура плотная, размер – от 0,8–1,2 до 1,5–3 мм, нередко в частицах бурого железняка фиксируется твердое ядро;

3) включения известняка размером 1–1,5 мм, единично отмечены и крупные частицы известняка размером 3–5 мм;

4) частицы горной породы различной формы (округлые, овальные, подтреугольные и прямоугольные) и однородные по структуре: предположительно, частицы плитняка, сланца размером 1–2 мм, иногда эти частицы имеют вид плоских чешуек (рис. 3: 4; 4: 7);

5) в изломах двух образцов встречаются единичные отпечатки речных моллюсков размером 1,7–3,5 мм. Нельзя исключить, что в данном случае речь, возможно, должна идти об использовании илистой речной глины, но это вопрос требует специального изучения.

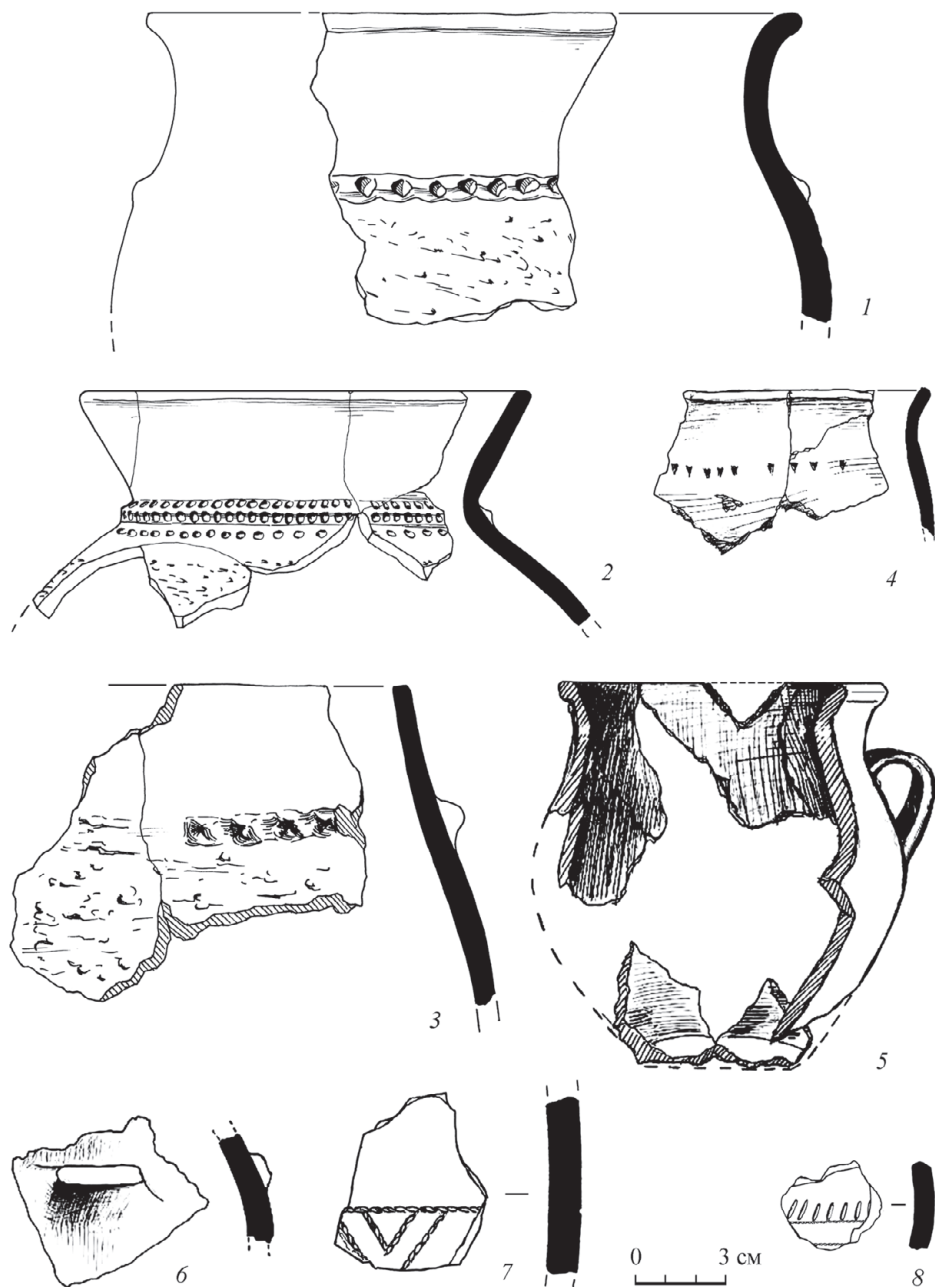

Рис. 2. Ирганайское поселение I. Фрагменты керамических сосудов
1-3 – группа 2; 4-6 – группа 3; 7, 8 – группа 4

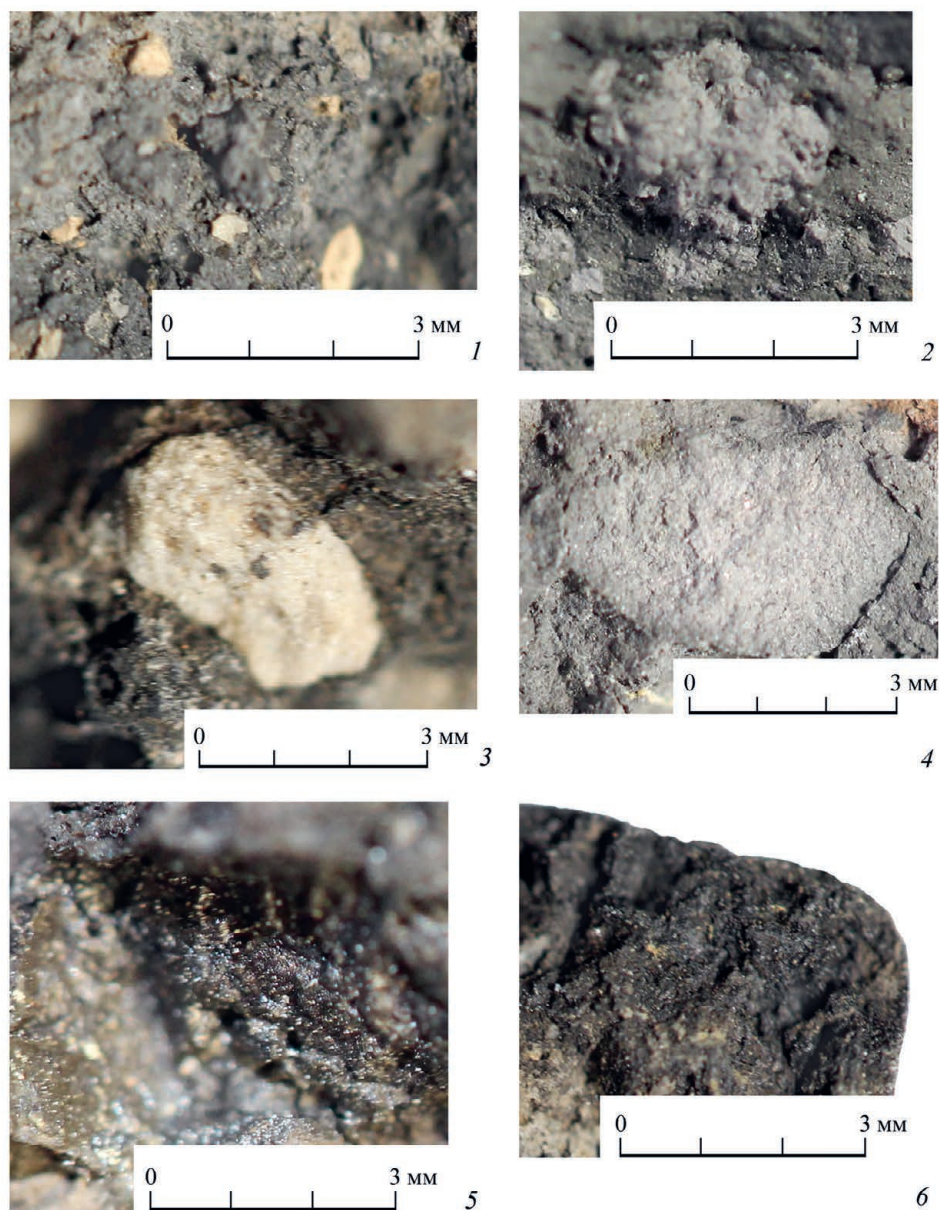
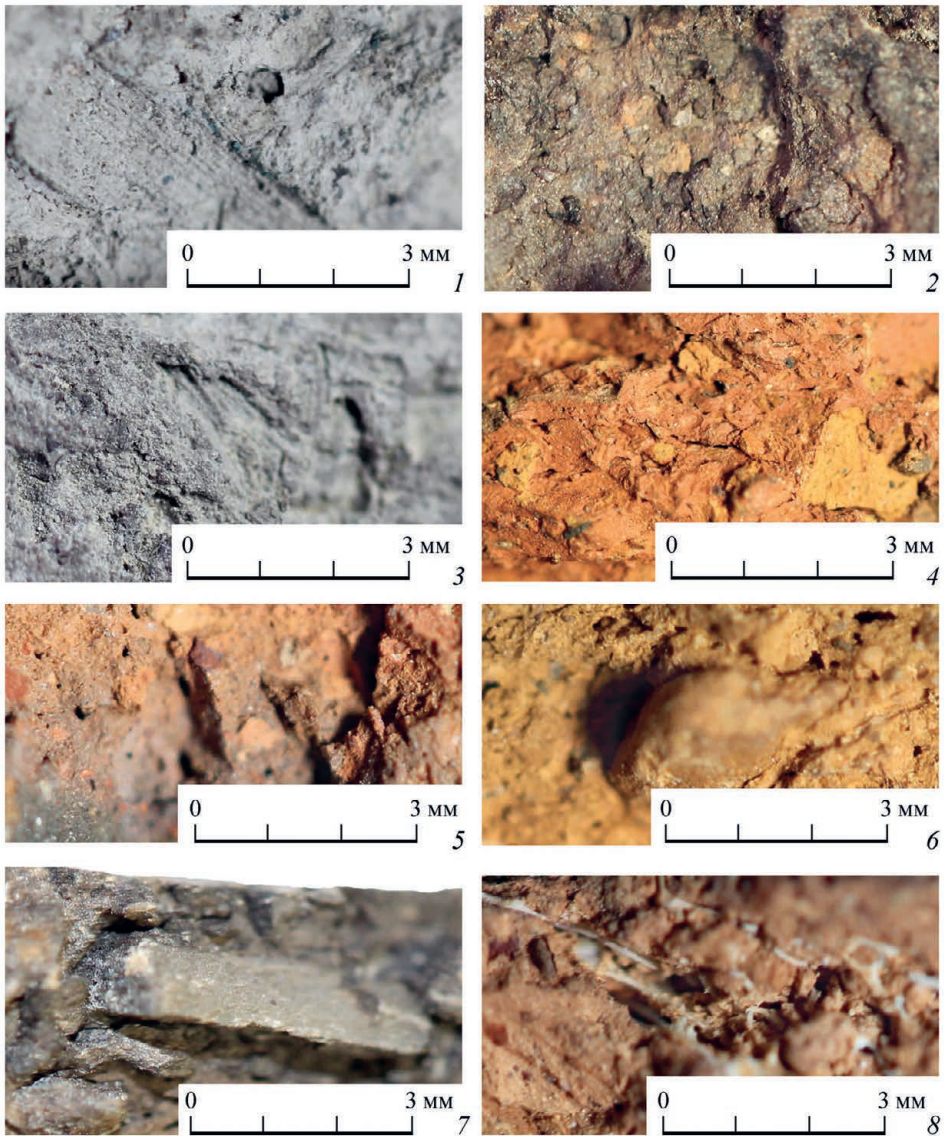

Рис. 3. Ирганайское поселение I.

Макрофотографии примесей в составе формовочной массы сосудов

1 – кость; 2 – шамот; 3 – дресва; 4 – естественная примесь (сланца, плитняка); 5, 6 – органический раствор

**Рис. 4. Иргайское поселение I.
Макрофотографии примесей в составе формовочных масс сосудов**

1–3 – поверхности сосудов, обмазанные жидкой глиной (1 – с примесью навоза; 2 – с примесью шамота; 3 – с примесью растительной органики); 4, 5 – с примесью шамота, отличающегося как по составу, так и по степени ожелезненности; 6, 7 – естественная примесь частиц горных пород сланца; 8 – остатки насекомого

6) достаточно редко в рассмотренных образцах фиксируются включения мелкой гальки размером 1,5–2 мм (рис. 4: 6);

7) в одном случае отмечены случайно попавшие в природную глину остатки насекомого размерами 2 × 5 мм (рис. 4: 8).

Характер всех этих примесей позволяет квалифицировать их как естественные. На это указывают их равномерное распределение по образцу, формы включений, окатанность зерен песка, небольшая концентрация.

Выявленная различная степень запесоченности природных глин позволяет говорить, что при изготовлении сосудов гончары использовали: 1) слабозапесоченное, 2) среднезапесоченное, 3) сильнозапесоченное сырье (табл. 1). Причем явной корреляции между группами не выявлено, можно только в целом сказать, что для керамики Ирганайского поселения I характерно преимущественное использование слабо- и среднезапесоченных глин. Только в 9 сосудах зафиксировано использование сильнозапесоченных глин.

Таблица 1. Степень запесоченности природных глин, использовавшихся для изготовления керамики Ирганайского I поселения

Степень запесоченности	Группа 1		Группа 2		Группа 3		Группа 4		Всего	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
слабозапесоченные	10	18,0	6	11,4	2	3,8	1	1,8	19	35,0
среднезапесоченные	13	26	8	15,0	3	5,7	1	1,8	25	48,0
сильнозапесоченные	4	7,5	2	3,8	3	3,0			9	17,0

Глины использовались в естественном влажном состоянии, каких-либо подготовительных операций – высушивание, размалывание, просеивание или отмучивание – не зафиксировано. Для всей керамики Ирганайского поселения I характерно использование ожелезненных глин – 50 образцов (94,3 %). Особенности естественных примесей указывают на то, что сырье добывалось в разных залежах, но в пределах одного небольшого микрорайона.

Анализ состава формовочной массы

В изученных образцах керамики преобладающими искусственными примесями являлись шамот, навоз, растительная органика, органические растворы, реже в качестве искусственных примесей использовалась дресва и дробленая (измельченная) кость (табл. 2).

Во всех группах сосудов в формовочной массе зафиксировано использование шамота (рис. 3: 2; 4: 4, 5), он отмечен в 45 образцах (84,9 %). Размер частиц шамота – от очень мелких до 1,5–2 мм, нередко встречаются в изломе и единичные, более крупные, частицы размером 3–5 мм, т. е. он был некалиброванным. Шамот, таким образом, является наиболее характерной примесью для керамики Ирганайского поселения I. Концентрация его варьирует от 1:4 до 1:6 (по отношению шамота к глине). Как правило, состав шамота аналогичен составу формовочной массы исследуемых сосудов. В 7 случаях (13,2 %) зафиксирован шамот в шамоте,

что свидетельствует об устойчивости этой традиции при составлении формовочной массы гончарами Ирганайского поселения I. В 13 случаях (24,5 %) в шамоте содержались частицы шамота из слабожелезистой глины бежево-желтого цвета (рис. 4: 4, 5), а в 3 образцах – шамот из железистой глины, в шамоте которого был шамот из нежелезистой глины, что можно объяснить двумя причинами: либо местные гончары изредка использовали залежи местного нежелезистого и слабожелезистого глинистого сырья, либо для изготовления шамота была использована какая-то «импортная» керамика, изготовленная из такого сырья. Для ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие исследования.

Таблица 2. Распределение рецептов формовочных масс по группам керамики Ирганайского I поселения

Рецепты формовочных масс*	Группа 1		Группа 2		Группа 3		Группа 4		Всего:	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Г + Ш + О	9	33,3	7	43,75	2	25,0			18	34,0
Г + Ш + Н	8	29,7	3	18,75					11	20,8
Г + Ш + ОР	4	14,8	4	25,0					8	15,1
Г + Н	1	3,7	1	6,25					2	3,7
Г + О	1	3,7			4	50,0	1	50,0	6	11,3
Г + Ш	2	7,4			2	25,0	1	50,0	5	9,6
Г + Д + О	1	3,7	1	6,25					2	3,7
Г + К + Ш + ОР	1	3,7							1	1,8
Всего сосудов	27	100,0	16	100,0	8	100,0	2	100,0	53	100,0

* Г – глина природная; Ш – шамот; ОР – органический раствор; Н – навоз; О – органический компонент растительного происхождения; Д – дресва; К – кость дробленая

Дресва – пережженная и дробленая горная порода – представлена кристаллами кварца разной величины и зафиксирована только в двух образцах (3,7 %). Дресва некалиброванная угловатой формы с размером зерен 0,3–2 мм, редко встречаются более крупные частицы – до 4–5 мм (рис. 3: 3). Концентрация дресвы – 1:5 (одна часть дресвы на 5 частей глины).

По результатам бинокулярного исследования органические примеси неясного характера фиксируются в 26 (49 %) образцах. От них после выгорания в глине сохранились следы в виде полых отверстий до 2 мм диаметром, трубчатые пустоты с мелкими продольными бороздками, полости и трещины размером 1,5 × 2 мм. Судя по отпечаткам, это была растительная органика (рис. 4: 3). В 15 (28,3 %) образцах органическая примесь представлена навозом жвачных животных, который фиксируется в свежих изломах по сильно измельченной растительности размером от 0,6–1,2 мм до 5–6 мм в виде тонких пустот с бороздчатыми отпечатками на стенках (рис. 4: 1). В двух случаях в навозе отмечены волоски шерсти. Третьей органической примесью, применявшейся в качестве искусственной добавки, был органический раствор – следы его зафиксированы в формовочной массе 9 (17 %) сосудов. Его присутствие фиксируется в изломах

в виде аморфных, округлых пустот или трещин размером от 1 мм до 4–5 мм; стенки этих пустот покрыты бесцветной пленкой с жирным блеском (рис. 3: 5, 6). Таким образом, в целом искусственные примеси органического происхождения присутствуют в 90,5 % сосудов.

В одном случае зафиксировано использование в качестве добавки дробленой (измельченной) кости, размеры частиц которой варьируют в пределах 0,8–1,2 мм (рис. 3: 1). Для керамики Ирганайского поселения I это нехарактерная примесь. Нельзя исключать того, что данная добавка здесь была использована в каких-то ритуальных целях.

На основании сочетания разных примесей выделено 8 рецептов составления формовочных масс: 1) глина + шамот + органика; 2) глина + шамот + навоз; 3) глина + шамот + органический раствор; 4) глина + навоз; 5) глина + органика; 6) глина + шамот; 7) глина + дресва + органика; 8) глина + кость + шамот + органический раствор (табл. 2).

Распределение рецептов формовочных масс по группам исследуемой ирганайской керамики (табл. 2) показывает, что при изготовлении сосудов групп 1 и 2 отмечены два основных рецепта: 1) глина + шамот + органика, 2) глина + шамот + навоз. Для посуды группы 3 чаще всего использовался рецепт «глина + органика». А для сосудов группы 4 (со шнуровым орнаментом) какого-либо преобладающего рецепта формовочных масс не выявлено.

Отдельному бинокулярному изучению подверглись сосуды группы 2 – для выяснения технологических традиций в изготовлении ошершавленной керамики. В итоге было выявлено две разные традиции: 1) поверхность сосудов обмазывалась формовочной массой, аналогичной той, из которой был изготовлен сам сосуд, но предварительно доведенной до полужидкого состояния (рис. 4: 2); 2) формовочная масса для обмазки поверхности сосудов готовилась специально и отличалась от формовочной массы самих сосудов (рис. 4: 1, 3), чаще всего использовался рецепт «глина + навоз».

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В качестве исходного пластичного сырья для формовочных масс использовалась ожеженная глина слабой и средней степени запесоченности.

2. Глина не являлась моносырьем и использовалась только в сочетании с минеральными или органическими искусственными примесями.

3. Основной искусственной добавкой были органические материалы (растительная органика, навоз, органический раствор), которые применялись в 90,5 % случаев. В составе формовочных масс шамот присутствует в 84,9 % случаев. Варьируют лишь размеры частиц и концентрация шамота в формовочной массе. В редких случаях использовались дресва и кость.

4. Основными рецептами формовочных масс у гончаров Ирганайского поселения I были: глина + шамот + органика (33,9 % случаев использования данного рецепта); глина + шамот + навоз (20,7 % случаев); глина + шамот + органический раствор (15 % случаев).

5. По имеющимся данным, можно заключить, что на Ирганайском I поселении, возможно, в разное время, работали гончары с различными, хотя и очень близкими, гончарными традициями.

К сожалению, технико-технологические исследования керамических комплексов всех памятников эпохи средней бронзы рассматриваемой территории ранее не проводились. И для выявления местных технологических традиций и компонентов в формировании гинчинско-гатынкалинской культуры в данном регионе требуется дальнейшее изучение керамики всех трех поселений Ирганайской котловины и Ирганайского могильника I. Пока полученные результаты, основанные на анализе образцов сосудов одного поселения, носят предварительный характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаев Г. Д.*, 1991. Отчет об исследованиях Ирганайской новостроечной археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1989 г. (Ирганайское поселение I). Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Атаев Г. Д.*, 1993. История археологических исследований памятников бронзового века в зоне строительства ГЭС // Тезисы докладов конференции молодых ученых ДНЦ РАН. Махачкала. С. 3–4.
- Атаев Г. Д.*, 2000. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 1991 г. в Унцукульском районе Республики Дагестан. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Атаев Г. Д.*, 2004. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 г. в Унцукульском районе Республики Дагестан. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Атаев Г. Д.*, 2006. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004 г. в Унцукульском районе Республики Дагестан. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Атаев Г. Д.*, 2010. Контакты населения горного Дагестана со степными племенами в эпоху средней бронзы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Вып. 6. Ростов-на-Дону. С. 38–44.
- Атаев Г. Д.*, 2016а. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2003 г. в горном Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 3. С. 90–105.
- Атаев Г. Д.*, 2016б. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004 г. в горном Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 4. С. 58–76.
- Атаев Г. Д.*, 2017а. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2005 г. в горном Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 1. С. 46–69.
- Атаев Г. Д.*, 2017б. Исследование Ирганайского поселения I в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2006 г. в горном Дагестане // Вестник ИИАЭ. № 2. С. 71–92.
- Атаев Г. Д.*, 2017в. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2006 г. в Унцукульском районе Республики Дагестан. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Атаев Г. Д.*, *Малагитинов М. М.*, 1992. Керамика Ирганайского поселения I // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ 1990–1991 гг. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 5.
- Атаев Г. Д.*, *Мирзоев Р. Н.*, 2005. Итоги археологических исследований памятников эпохи средней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2004 гг. // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Междунар. науч. конф. Баку. С. 48.
- Атаев Г. Д.*, *Мирзоев Р. Н.*, 2007. Итоги археологических работ в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС в 2004–2006 гг. // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: материалы Между-

- нар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала. С. 99–101.
- Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н.*, 2012а. Археологические исследования в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2004–2006 гг. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. № 1 (18). С. 5–9.
- Атаев Г. Д., Мирзоев Р. Н.*, 2012б. Итоги исследований памятников эпохи средней и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–2007 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала. С. 22–23.
- Атаев Д. М., Гаджиев М. Г., Погребова М. Н.*, 1960. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1959 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17.
- Атаев Д. М., Гаджиев М. Г., Погребова М. Н.*, 1961. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 6.
- Атаев Д. М., Погребова М. Н.*, 1960. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1958 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1.
- Атаев Д. М., Погребова М. Н.*, 1973. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района // Материалы по археологии Дагестана Т. 3. Махачкала. С. 28–34.
- Бобринский А. А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Бобринский и др. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллективная монография. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.
- Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г.*, 1990. Об итогах охранных раскопок Ирганайского поселения I в 1988–1989 гг. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1988–1989 гг. Махачкала. С. 3–4.
- Магомедов Р. Г.*, 1987. Отчет об итогах работ в полевом сезоне 1986 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 651.
- Магомедов Р. Г.*, 1988. Отчет о полевых исследованиях ГАЭ в 1987 г. в зоне строительства Ирганайской ГЭС. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 669.
- Магомедов Р. Г.*, 1989. Отчет об итогах работ ИНАЭ ИИЯЛ в 1988 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 683.
- Магомедов Р. Г.*, 1992а. Отчет о полевых исследованиях Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в 1990 г. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
- Магомедов Р. Г.*, 1992б. Работы на Ирганайском поселении I в 1990 г. // ТД Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала. С. 3.
- Магомедов Р. Г.*, 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: ДНЦ РАН. 378 с.
- Магомедов Р. Г., Хангишиев Г. Д.*, 1988. Новые исследования памятников эпохи средней бронзы в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала. С. 9–11.
- Мирзоев Р. Н.*, 2007. Отчет о работе Ирганайской новостроечной археологической экспедиции в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2005 г. в Унцукульском районе Республики Дагестан. Махачкала // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. 20 л.
- Сайпудинов М. Ш.*, 2016а. Керамика Ирганайского поселения I по материалам исследований 2003–2004 гг. // Вестник ИИАЭ. № 3 С. 106–118.
- Сайпудинов М. Ш.*, 2016б. Керамика Ирганайского поселения I по материалам исследований 2005 г. // Вестник ИИАЭ. № 4. С. 77–86.
- Сайпудинов М. Ш.*, 2017. Керамика Ирганайского поселения I по материалам исследований 2006 г. // Вестник ИИАЭ. № 2. С. 93–105.
- Цетлин Ю. Б.*, 2006. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара. С. 421–425.
- Цетлин Ю. Б.*, 2012. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 379 с.

Сведения об авторе

Сайпудинов Мурад Шахбанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, ул. М. Ярагского, 75, Махачкала, 367030, Республика Дагестан, Россия; e-mail: haosta@mail.ru

M. Sh. Saypudinov

CERAMICS FROM BRONZE AGE SETTLEMENT IRGANAY I:
ANALYSIS OF FEEDSTOCK AND COMPOSITIONS OF FORMING MASSES

Abstract. Based on the methodology of technical and technological analysis of ancient ceramics developed by A. A. Bobrinskiy, we examined ceramics from the Irganay I settlement dating to the Middle Bronze Age. In order to study the basic plastic raw material and the composition of clay body, 53 samples referring to various types of vessels which were examined based on fresh breaks with the help of an MBS-10 microscope when magnified up to 56 times were selected to obtain information on how the plastic raw material was used and what artificial admixtures were added to prepare clay based on specific formulations. As a result, eight recipes of clay preparation for pottery-making were identified and singled out: 1) clay + grog; 2) clay + organic substances; 3) clay + grog + organic substances; 4) clay + grog + organic solution; 5) clay + bone + grog + organic solution; 6) clay + grog + manure; 7) clay + manure; 8) clay + grit + organic substances. This set of clay recipes reflects a broader range of pottery traditions that existed at the settlement and were, apparently, both local and non-local.

Keywords: Mountainous Dagestan, village of Irganay, Irganay settlement I, Middle Bronze Age, ceramics, technical and technological analysis, cord ornament.

REFERENCES

- Atayev D. M., Gadzhiev M. G., Pogrebova M. N., 1960. Otchet o rabote 2-go gornogo otryada DAE v 1959 g. Makhachkala [Report on work of 2nd mountainous group of DAE in 1959, Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Atayev D. M., Gadzhiev M. G., Pogrebova M. N., 1961. Otchet o rabote gornogo otryada DAE v 1960 g. Makhachkala [Report on work of mountainous group of DAE in 1960, Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Atayev D. M., Pogrebova M. N., 1960. Otchet o rabote 2-go gornogo otryada DAE v 1958 g. Makhachkala [Report on work of 2nd mountainous group of DAE in 1958, Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Atayev D. M., Pogrebova M. N., 1973. Poseleniye epokhi bronzy u s. Irganay Untsukul'skogo rayona [Bronze Age settlement near village Irganay, Untsukul district]. *Materialy po arkheologii Dagestana [Materials for archaeology of Dagestan]*, 3. Makhachkala, pp. 28–34.
- Atayev G. D., 1991. Otchet ob issledovaniyakh Irganayskoy novostroyechnoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta IYaL v 1989 g. (Irganayskoye poseleniye-I). Makhachkala [Report on investigations of archaeological expedition of IYaL in Irganay construction zone in 1989 (Irganay settlement-I). Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS.* (In Russian, unpublished.)
- Atayev G. D., 1993. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnikov bronzovogo veka v zone stroitel'stva GES [History of archaeological investigations of Bronze Age sites in HPS construction zone]. *Tezisy dokladov konferentsii molodykh uchenykh DNC RAN [Conference of young scientists DNC RAS. Abstracts]*. Makhachkala, pp. 3–4.

- Atayev G. D., 2000. Otchet o rabote Irganayskoy novostroyechnoy arkhelogicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 1991 g. v Untsukul'skom rayone Respubliki Dagestan. Makhachkala [Report on work of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone, Untsukul district, Republic of Dagestan in 1991. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Atayev G. D., 2004. Otchet o rabote Irganayskoy novostroyechnoy arkhelogicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2003 g. v Untsukul'skom rayone Respubliki Dagestan. Makhachkala [Report on work of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone, Untsukul district, Republic of Dagestan in 2003. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Atayev G. D., 2006. Otchet o rabote Irganayskoy novostroyechnoy arkhelogicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2004 g. v Untsukul'skom rayone Respubliki Dagestan. Makhachkala [Report on work of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone, Untsukul district, Republic of Dagestan in 2004. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Atayev G. D., 2010. Kontakty naseleniya gornogo Dagestana so stepnymi plemenami v epokhu sredney bronzy [Contacts of mountainous Dagestan population with steppe tribes in Middle Bronze Age]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region [High schools bulletin. North Caucasus region]*, 6. Rostov-na-Donu, pp. 38–44.
- Atayev G. D., 2016a. Issledovaniye Irganayskogo poseleniya I v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2003 g. v gornom Dagestane [Investigations of Irganay settlement I in construction zone of Irganay HPS in 2003 in mountainous Dagestan]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 3, pp. 90–105.
- Atayev G. D., 2016b. Issledovaniye Irganayskogo poseleniya I v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2004 g. v gornom Dagestane [Investigations of Irganay settlement I in construction zone of Irganay HPS in 2004 in mountainous Dagestan]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 4, pp. 58–76.
- Atayev G. D., 2017a. Issledovaniye Irganayskogo poseleniya I v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2005 g. v gornom Dagestane [Investigations of Irganay settlement I in construction zone of Irganay HPS in 2005 in mountainous Dagestan]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 1, pp. 46–69.
- Atayev G. D., 2017b. Issledovaniye Irganayskogo poseleniya I v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2006 g. v gornom Dagestane [Investigations of Irganay settlement I in construction zone of Irganay HPS in 2006 in mountainous Dagestan]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 2, pp. 71–92.
- Atayev G. D., 2017c. Otchet o rabote Irganayskoy novostroyechnoy arkhelogicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2006 g. v Untsukul'skom rayone Respubliki Dagestan. Makhachkala [Report on work of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone, Untsukul district, Republic of Dagestan in 2006. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Atayev G. D., Malagitinov M. M., 1992. Keramika Irganayskogo poseleniya I [Ceramics of Irganay settlement I]. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam ekspeditsionnykh issledovaniy IIYaL v 1990–1991 gg. [Reports of scientific session dedicated of expedition investigations results of IIYaL in 1990–1991. Abstracts]*. Makhachkala: DNC RAN, p. 5.
- Atayev G. D. Mirzoyev R. N., 2005. Itogi arkhelogicheskikh issledovaniy pamyatnikov epokhi sredney bronzy v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2002–2004 gg. [Results of archaeological investigations of Middle Bronze Age sites in construction zone of Irganay HPS in 2002–2004]. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya [Archaeology, ethnology, folklore studies in the Caucasus: International scientific conference]*. Baku, p. 48.
- Atayev G. D. Mirzoyev R. N., 2007. Itogi arkhelogicheskikh rabot v zone vodokhranilishcha Irganayskoy GES v 2004–2006 gg. [Results of archaeological works in zone of Irganay HPS reservoir in 2004–2006]. *Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshiye arkhelogicheskiye i etnograficheskiye issledovaniya na Kavkaze» [Archaeology, ethnology, folklore studies in the Caucasus: proceedings of International scientific conference «Newest archaeological and ethnographic investigations in the Caucasus»]*. Makhachkala, pp. 99–101.
- Atayev G. D. Mirzoyev R. N., 2012a. Arkheologicheskiye issledovaniya v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2004–2006 gg. [Archaeological investigations in construction zone of Irganay HPS in 2004–2006]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*.

- Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki [Bulletin of Dagestan State pedagogical university. Social sciences and humanities]*, 1 (18), pp. 5–9.
- Atayev G. D. Mirzoyev R. N., 2012b. Itogi issledovaniy pamyatnikov epokhi sredney i nachala epokhi pozdney bronzy v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2002–2007 gg. [Results of investigations of sites of Middle and beginning of Late Bronze Ages in construction zone of Irganay HPS in 2002–2007]. *Noveyshiye otkrytiya v arkhologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiyeh chteniya [Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: Investigations and interpretations. XXVII Krupnov readings]*. Makhachkala, pp. 22–23.
- Bobrin'skiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrin'skiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as an object of historical-cultural study]. *Bobrin'skiy A. A. et al. Aktual'nyye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of study of ancient pottery-making: collective monograph]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.
- Gadzhiev M. G., Magomedov R. G., 1990. Ob itogakh okhrannykh raskopok Irganayskogo poseleniya I v 1988–1989 gg. [On results of rescue excavations of Irganay settlement I in 1988–1989]. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam ekspeditsionnykh issledovaniy IYal v 1988–1989 gg. [Reports of scientific session dedicated of expedition investigations results of IYal in 1988–1989. Abstracts]*. Makhachkala, pp. 3–4.
- Magomedov R. G., 1987. Otchet ob itogakh rabot v polevom sezone 1986 g. Makhachkala [Report on results of works in 1986 field season. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Magomedov R. G., 1988. Otchet o polevykh issledovaniyakh GAE v 1987 g. v zone stroitel'stva Irganayskoy GES. Makhachkala [Report on field investigations of GAE in construction zone of Irganay HPS in 1987. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Magomedov R. G., 1989. Otchet ob itogakh rabot INAE IYal v 1988 g. Makhachkala [Report on results of works of INAE IYal in 1988. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Magomedov R. G., 1992a. Otchet o polevykh issledovaniyakh Irganayskoy novostroyechnoy arkhologicheskoy ekspeditsii v 1990 g. Makhachkala [Report on field works of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone in 1990. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Magomedov R. G., 1992b. Raboty na Irganayskom poselenii I v 1990 g. [Works at Irganay settlement I in 1990]. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam ekspeditsionnykh issledovaniy IYal v 1990–1991 gg. [Reports of scientific session dedicated of expedition investigations results of IYal in 1990–1991. Abstracts]*. Makhachkala, p. 3.
- Magomedov R. G., 1998. Ginchinskaya kul'tura. Gory Dagestana i Chechni v epokhu sredney bronzy [Ginchi culture. Mountains of Dagestan and Chechnya in Middle Bronze Age]. Makhachkala: DNC RAN. 378 p.
- Magomedov R. G., Khangishiyev G. D., 1988. Novyye issledovaniya pamyatnikov epokhi sredney bronzy v zone vodokhranilishcha Irganayskoy GES [New investigations of Middle Bronze Age sites in construction zone of Irganay HPS]. *XV Krupnovskiyeh chteniya po arkhologii Severnogo Kavkaza [XV Krupnov readings in archaeology of North Caucasus]*. Makhachkala, pp. 9–11.
- Mirzoyev R. N., 2007. Otchet o rabote Irganayskoy novostroyechnoy arkhologicheskoy ekspeditsii v zone stroitel'stva Irganayskoy GES v 2005 g. v Untsukul'skom rayone Respubliki Dagestan. Makhachkala [Report on work of archaeological expedition in Irganay HPS construction zone, Untsukul district, Republic of Dagestan in 2005. Makhachkala]. *Scientific archive of IIAE DNC RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Saypudinov M. Sh., 2016a. Keramika Irganayskogo poseleniya I po materialam issledovaniy 2003–2004 gg. [Ceramics of Irganay settlement I based on materials of 2003–2004 investigations]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 3, pp. 106–118.
- Saypudinov M. Sh., 2016b. Keramika Irganayskogo poseleniya I po materialam issledovaniy 2005 g. [Ceramics of Irganay settlement I based on materials of 2005 investigations]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 4, pp. 77–86.

- Saypudinov M. Sh., 2017. Keramika Irganayskogo poseleniya I po materialam issledovaniy 2006 g. [Ceramics of Irganay settlement I based on materials of 2006 investigations]. *Vestnik IIAE [Bulletin of IIAE]*, 2, pp. 93–105.
- Tsetlin Yu. B., 2006. Ob opredelenii stepeni ozheleznenosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoy posudy [On determination of degree of ferrous containing of raw materials for producing clay ware]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Issues of archaeology of the Volga region]*, 4. Samara, pp. 421–425.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN. 379 p.

About the author

Saypudinov Murad Sh., Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, ul. M. Yaragsky, 75, Makhachkala, 367030, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: haosta@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Т. Б. Никитина, Е. А. Пузаткина, М. В. Добровольская

КРЕМАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПОВЕТЛУЖЬЯ: БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Резюме. Важную составляющую в характеристике погребальной обрядности формируют сведения об останках погребенного. Кремированные останки не доносят до нас привычной для палеоантропологического исследования информации, тем не менее важны для характеристики обрядовых действий. Объектом нашего исследования стала погребальная практика средневековых финно-угорских племен Поветлужья VI–XII вв. Нами привлечены материалы из могильников: Черемисское кладбище, Выжумский, Веселовский и Кузинские хутора из раскопок Т. Б. Никитиной 2008–2014 гг. Археологические характеристики позволяют выделить две группы памятников. Формальные характеристики состояния кремированных останков не позволяют проводить четкую дифференциацию. Выражен значительный полиморфизм погребальной обрядности. В связи с этим возникает предположение, что особенности погребения обусловлены не столько локальной принадлежностью, сколько личностью погребенного и обстоятельствами его смерти. Описанные материалы, хотя и являются немногочисленными, но позволили реконструировать спектр вариантов погребальной церемонии средневековых марийцев X–XI вв. Подчеркнем, что по ряду параметров скопления кремаций из двух марийских могильников X–XI вв. (2-я группа) напоминают скопления кремированных костей из погребений средневековой муромы Подболотьевского могильника.

Ключевые слова: погребальный обряд, Средневековье, финно-угорские племена Поветлужья, кремированные останки.

Введение

Особенности погребальной обрядности традиционно используются в археологии для реконструкции культурной дифференциации древнего и средневекового населения. Важную составляющую в характеристике погребальной обрядности формируют сведения об останках погребенного. В лесной полосе

Восточной Европы в раннем железном веке и раннем Средневековье широко распространен обряд трупосожжения. Методы и подходы к характеристике и изучению кремированных костей значительно отличаются от тех, что применимы к традиционным палеоантропологическим материалам – скелетным останкам погребенных по обряду трупоположения. В последние десятилетия развиваются методики изучения кремированных останков – биоархеологические исследования, позволяющие получать важную независимую информацию о погребальной обрядности, основываясь на изучении захороненных кремированных останков (*Добровольская, 2010; Успенский и др., 2013*). Кремированные останки не доносят до нас привычной для палеоантропологического исследования информации. Мы не имеем прямых данных о морфологических параметрах черепа, размерах и пропорциях посткраниального скелета. Однако методики судебной медицины и криминалистики позволяют нам определять с большей или меньшей достоверностью пол индивидов, их принадлежность к крупным возрастным когортам (ребенок, взрослый, молодой, зрелого возраста, старшего возраста с возрастными дегенеративно-деструктивными изменениями). В отдельных случаях могут быть получены изолированные измерительные или описательные признаки.

Другой отличительной особенностью кремированных останков являются их характеристики, позволяющие реконструировать обстоятельства и элементы технологии погребального сожжения, а также депонирования останков. Этот вид данных представляет особый интерес, так как непосредственно характеризует погребальные действия.

Объектом нашего исследования стала погребальная практика средневековых финно-угорских племен Поветлужья. Обряд кремации в этом регионе прослеживается с VI в. н. э. (Младший Ахмыловский могильник) и завершает свое бытование на рубеже XI–XII вв. Предлагаемая публикация посвящена сопоставлению формализованных характеристик кремированных останков людей из средневековых могильников с целью выявления дифференциации погребальной обрядности региона.

Материалы и методы

Нами привлечены материалы из могильников: Черемисское кладбище, Выжумский, Веселовский и Кузинские хутора из раскопок Т. Б. Никитиной 2008–2014 гг.

Все эти могильники находятся на левом берегу р. Ветлуги (рис. 1). Выжумский могильник расположен почти в устье Ветлуги в Юринском районе Республики Марий Эл. Могильники Черемисское кладбище и Веселовский – выше по течению реки в Шахунском и Ветлужском районах Нижегородской области. Могильник Кузинские хутора – в верхнем течении реки в Шарьинском районе Костромской области. Несмотря на то что памятники достаточно удалены друг от друга (расстояние между крайними памятниками по прямой линии – 215 км, по реке – 270 км), они все располагаются в одинаковой ландшафтной ситуации: в левобережной пойме р. Ветлуги на невысоких слабовыраженных песчаных дюнах малых рек.

Рис. 1. Кузинские хутора. Погребение 1. Состояние кремированных останков

По вещевому инвентарю, преимущественно украшениям и элементам костюма, и по основным признакам погребального обряда могильники относятся к марийской культуре IX–XI вв. (Никитина, 2012. С. 10–35, 107–220; 2015а; 2015б). Погребения с кремациями относятся к X–XI вв. (Никитина, 2010. С. 146–150).

Для характеристики кремированных останков из этих памятников нами использовались следующие признаки:

1. Ориентировочная температура горения, реконструированная по цветности фрагментов.

2. Размерность фрагментов.

3. Весовые показатели скоплений кремированных костей.

4. Локализация кремированных останков в могиле.

5. Наличие костей животных и особенности их состояния.

Кроме того, на основании анатомических особенностей скелетных останков были выполнены половозрастные определения и определение минимального числа индивидов в могиле.

Описание кремаций

Могильник Кузинские хутора. Особенностью памятника является преимущественное использование обряда трупосожжения. Из 12 исследованных погребений ни одно не может быть с уверенностью охарактеризовано как труположение. Для сравнения: кремация составляет от 20 % погребений на Младшем Ахмыловском могильнике до 50 % на Черемисском кладбище. Кремированные останки сохранились в 8 погребениях (номера с 1 по 8). Масса скоплений

кремированных костей значительно варьирует: от 12 до 364 г (табл. 1). С чем связаны столь малые массы скоплений кремированных костей? Само расположение останков в могиле своеобразно: фрагменты встречаются в заполнении могильной ямы. Возможно, место депонирования кремированных останков располагалось на поверхности земли или над землей, а рыхлый песчаный грунт мог способствовать проникновению предметов в более глубокие слои. Другое предположение – предусмотренное обрядом частичное захоронение останков в землю. В обоих случаях весовые показатели могут характеризовать погребальный обряд лишь отчасти. Цвет кремированных костей светлый желтовато-сероватый, с выраженными термическими деформациями (рис. 1), это свидетельствует о том, что сжиганию подвергалось тело человека вскоре после смерти и температура горения составляла 700–900 °С. Этот показатель соответствует средним температурам кострового горения. Продолжительность, вероятно, была относительно невелика, процедура не завершалась общим озолением. Крупные размеры костных фрагментов и участки потемнений во внутренних слоях костной ткани (рис. 2) позволяют предполагать, что целью кремации было сохранение известного количества кремированных останков, а не их сжигание до состояния пепла. Прекращение горения могло быть связано как с небольшим объемом топлива, так и с преднамеренной остановкой горения (заливание водой и пр.).

В погребении 8 обнаружена закладка (не полностью сформированная коронка) зуба основной генерации. Предположительно, это премоляр, и, соответственно, возраст индивида составляет около 5 лет. Другие могилы содержат останки взрослых индивидов разных возрастов от 1 года и до возрастной категории «старше 50 лет». На костях из погребений 4 и 5 выявлены следы прикипания материала, вероятно, металла.

В погребении 1, 2 могильника Кузинские хутора обнаружены кремированные кости мелкого животного, которые, возможно, были подвергнуты сжиганию вместе с телом человека. В погребении 3 обнаружены фрагменты костей крупного животного без следов деформации. Их цвет значительно отличается от цвета кремированных фрагментов скелета человека, что маркирует более низкую температуру обработки. Сами фрагменты могут быть охарактеризованы как кухонные остатки.

Таким образом, обряд можно описать как трупосожжение вскоре после смерти. Присутствие животного на погребальном костре возможно, однако у нас нет оснований считать это обязательным. В могиле находятся останки одного человека. Основной загадкой остается первичная форма помещения кремированных останков, так как хаотичное распространение костей в заполнении могилы исключает обычное захоронение останков с погребального костра. В качестве предположения также можно представить чередование слоев земли и костей при засыпании могилы.

Могильник Веселовский. В нашем распоряжении были останки из погребения 30 и выкид из подкопа кладоискателя. Материалы из выкида представляют собой светлые мелкие фрагменты кремированных костей взрослого человека.

Таблица 1. Общая характеристика материалов кремаций

№ погребения	Комплектность	Масса кремации	Возраст	Пол	Температура горения	Особенности
Могильник Кузинские хутора. Шарынский район Костромской области, раскопки 2013 г. (Марийская культура X–XI вв., пермская культура?)						
1	Кости всех отделов скелета, есть фаланги, следов старения нет	131,5 г	от 23 до 39 лет, ближе к 30	возможно, женский	костровое горение 700–900 °С	элементы органики, обугленные, возможно, внесены позднее. Есть кости неизвестного мелкого животного (m = 3 г)
2	Кости всех отделов скелета, есть фаланги, есть зубы. Кости массивные, на крестцовой кости имеются следы физической нагрузки (возможно, искривление в области поясницы), нарушения костного вещества. Костей много – погребение статусное	282 г	35–45 лет	мужской	700 °С	есть небольшое количество мелких костей животных (m = 15,5 г). Есть металл: бронза и железо. Крупные угли
3	Кости всех отделов скелета, массивный, кости всех частей тела, есть фаланги, имеются корни зубов (моляры верхние и нижние – 8-ка)	102 г	38–43 года	мужской	700–900 °С, есть внутренние темные участки костей	3 фрагмента костей крупного животного без следов деформации (возможно, были брошены в костер позднее или предварительно сварены и брошены) (m = 4 г) Есть следы металла (железо)
4 (11)	Кости всех отделов скелета, есть фаланги, есть зубы (корни) моляры и премоляры, клык и резец. Следы старения на позвонках	218,5 г	35–45 лет	женский?	700 °С	на трубчатой кости (предположительно, плечевой) имеются следы большого объема смолы (янтарь?) Есть вкрапления железа

Продолжение таблицы 1

№ погребения	Комплектность	Масса кремации	Возраст	Пол	Температура горения	Особенности
5	Кости всех отделов скелета, есть фаланги, есть зубы с вторичным дентином, остеопороз на фалангах, на бедренной кости	335,9 г	более 40 лет	женский	700 °С	металл в ребрах и в пальце – следы бронзы. Среди костей роговой стержень хрупкий – возможно, роговая ручка ножа?
6	Кости черепа и стенки трубчатых костей	48,1 г	взрослый индивид	возможно, мужской	700 °С	есть вкрапления железа на костях
7	Стенки трубчатых костей	9,4 г	пожилой старше 50 лет	женский ?	700 °С	–
8	Мелкие неопределимые фрагменты, зуб моляр молочный второй	7,2 г	от 1 до 2 лет	?	700–800 °С	–
Выжумский могильник. Юринский район РМЭ Марийская культура X–XII вв.						
14	Кости всех отделов скелета, неполное сгорание. Анатомические фрагменты всех отделов одного скелета одного индивидуума от черепа до стоп. Но обращает на себя внимание неравномерность обжига от угля до светло-серого цвета. Предполагительно, 2 фрагмента правой части лобной кости надглазничная часть	муж. – 703,2 г; жен. – 41 г; сырая кость – 16 г	муж. – старше 40 лет	мужской и женский	200–700 °С	признаки остеопороза и начального остеопороза (на грудных позвонках). Фрагменты миниатюрного черепа с незаросшими швами

Окончание таблицы 1

№ погребения	Комплектность	Масса кремации	Возраст	Пол	Температура горения	Особенности
Веселовский могильник. Ветлужский район Нижегородской области Марийская культура IX–XI вв.						
30	Кости всех отделов скелета, кремированные фрагменты скелета человека: череп, позвонок и кости кисти рук. Кости грацильные	127,6 г	От 30 лет взрослый молодой	женский?	человек 600–700 °С, жив-го 200 °С	сухие обугленные в разной степени кости крупного животного (m = 41,7 г) – кухонные остатки
выкид	Мелкие неопределимые фрагменты, фрагменты большеберцовой кости	62,5 г	от 30 до 49 лет	?	700–900 °С	выкид из стенки кладонисательского вкопа (малая кремация)
Черемисское кладбище. Ветлужский район Нижегородской области Марийская культура IX–XI вв.						
14	Кости всех отделов скелета, кости крупные. Скелет ребенка: зубы (закладки верхнего клыка, нижнего клыка, парные 1-е резцы – молочные, закладка 1 моляра), фрагмент верхней челюсти, фрагмент шейного позвонка, эпифизы плечевых и бедренной костей	костяк взрослого – 1136,3 г ребенок – 19,5 г	от 40 лет (возможно, от 35–45). Ребенок – около 4 лет	предположи- тельно, крупная женщина (?)	200–800 °С	по данным археологии – женщина-дигейница Признаки остеофитоза на позвонках и артроза на коленной чашечке На фрагментах нижней челюсти – следы ореховидных вздутий (Torus mandibularis). Имеется трубчатая обугленная кость. Вкрапления металла железа на плечевой кости, фалангах пальцев и черепе, небольшие вкрапления бронзы Уголек хвойного дерева

Рис. 2. Кузинские хутора. Погребение 4. Потемнение внутренних слоев кости. Прилипание, предположительно, капель металла

Неполнота погребальных останков не позволяет нам дать полную характеристику. Отметим лишь, что размер фрагментов невелик (не более 3,5 см), деформационные трещины выражены. Скопление костей из погребения 30 кисти человека не несут следов возрастных изменений. Участков скелета с выраженными признаками полового диморфизма не встречено. Можно заключить, что в могиле находятся останки взрослого молодого индивида. Здесь же обнаружены сухие обугленные кости крупного животного ($m = 41,7$ г), температура кремации которых составила не более 200°C , возможно, они были помещены в погребальный костер позднее. Кости животного не имеют деформационных трещин, их темный цвет свидетельствует о том, что они лишь были обуглены, а форма костных фрагментов напоминает фрагменты кухонных остатков. Таким образом, в погребении 30 находятся как погребенный, так и возможные следы тризны.

Могильник Выжум. Погребение 14. Содержит большое скопление костей. Важной особенностью этого погребения является неравномерность окраски и костей, а также неполное сгорание скелета. В частности, обнаружены

поясничные позвонки и нижний эпифиз большеберцовой кости, которые практически лишены следов термического воздействия. Кости черепа и грудной отдел позвоночника представлены фрагментами с явными следами термических деформаций. Фрагменты крупные, превышают длину в 5 см. Первоначально нами было сделано предположение о двух индивидах в погребении, но сопоставление сходных проявлений остеофитоза на позвонках, а также анатомическая локализация фрагментов в большей степени склоняют к мнению о неравномерности и неполноте сгорания тела на погребальном костре. В погребении, вероятно, содержатся останки мужчины в возрасте старше 40 лет. В погребении № 14 Выжумского могильника имеется трубчатая обугленная кость ($m = 36$ г), принадлежность которой человеку сомнительная (температура горения = 200–300 °С) (рис. 1: 7). Кости животных не идентифицированы.

Могильник Черемисское кладбище. Погребение 14 содержит также крупное скопление кремированных останков различной цветности и размерности. Фрагменты основания черепа, скуловой кости, верхней челюсти, остистого отростка грудного позвонка не имеют деформационных трещин и характеризуются темно-серым цветом. Другие части скелета, например грудной позвонок, фрагмент нижней челюсти, имеют ярко выраженные деформационные трещины. В скоплении присутствуют как кости взрослого индивида, так и ребенка. О детском возрасте второго индивида можно судить по незакрытым корням, не полностью сформированным коронкам, предположительно, верхнего клыка, сохранности коронки второго моляра, наличию рисунка хрящевого соединения диафиза и эпифиза большеберцовой и бедренной костей. Массивность и размерность костей взрослого позволяют предполагать, что это останки индивида с хорошими параметрами физического развития. Наличие остеофитоза на позвонке позволяет отнести индивид к старшей возрастной группе (старше 40 лет).

Обсуждение

Какую новую информацию вносят характеристики кремированных костей?

Во-первых, вероятно, некоторые сведения о позе тела на костре. Учет анатомически определяемых участков скелета, узнаваемых в кремированных останках, позволяет строить предположения о позе тела на погребальном костре. Частая встречаемость позвонков грудного и поясничного отделов позволяет предполагать, что тело располагалось на спине. Вероятно, сам погребальный костер, как мы условно называем этот объект, не был высоким. Возможно, тело располагалось на подставке. В случае высокой крады мы бы имели дело с более равномерными размерами кремированных фрагментов всех отделов скелета. Также упомянем частые находки концевых и средних фаланг кисти. В случае их соединения с областью грудной клетки и живота вероятнее было их более явное деформирование или полное сгорание. Скорее всего, руки располагались свободно вдоль тела.

Во-вторых, – наличие парных погребений (Черемисское кладбище, погребение 14 Выжумского могильника). Совместно захоронение двух сожженных костяков в одной могильной яме на могильниках этого круга были обнаружены

и ранее. По определению Г. В. Рыкушиной, в погребении 34 могильника Нижняя стрелка различаются кости черепа грудного ребенка и кости взрослого человека в возрасте 20–25 лет (Никитина, 1990. С. 69). В погребении 37 могильника Нижняя стрелка захоронены женщина (18–20 лет) и мужчина (30–40 лет) в одной могильной яме, но кости образовывали два самостоятельных скопления для каждого костяка (Никитина, 1990. С. 80).

В-третьих, – наличие животного на погребальном костре (могильник Кузинские хутора, погребение 1). В составе кремированных останков кости животных обнаружены в большинстве сожженных могильника Нижняя стрелка, но, поскольку анализ не проводился, невозможно установить порядок и особенности их сожжения.

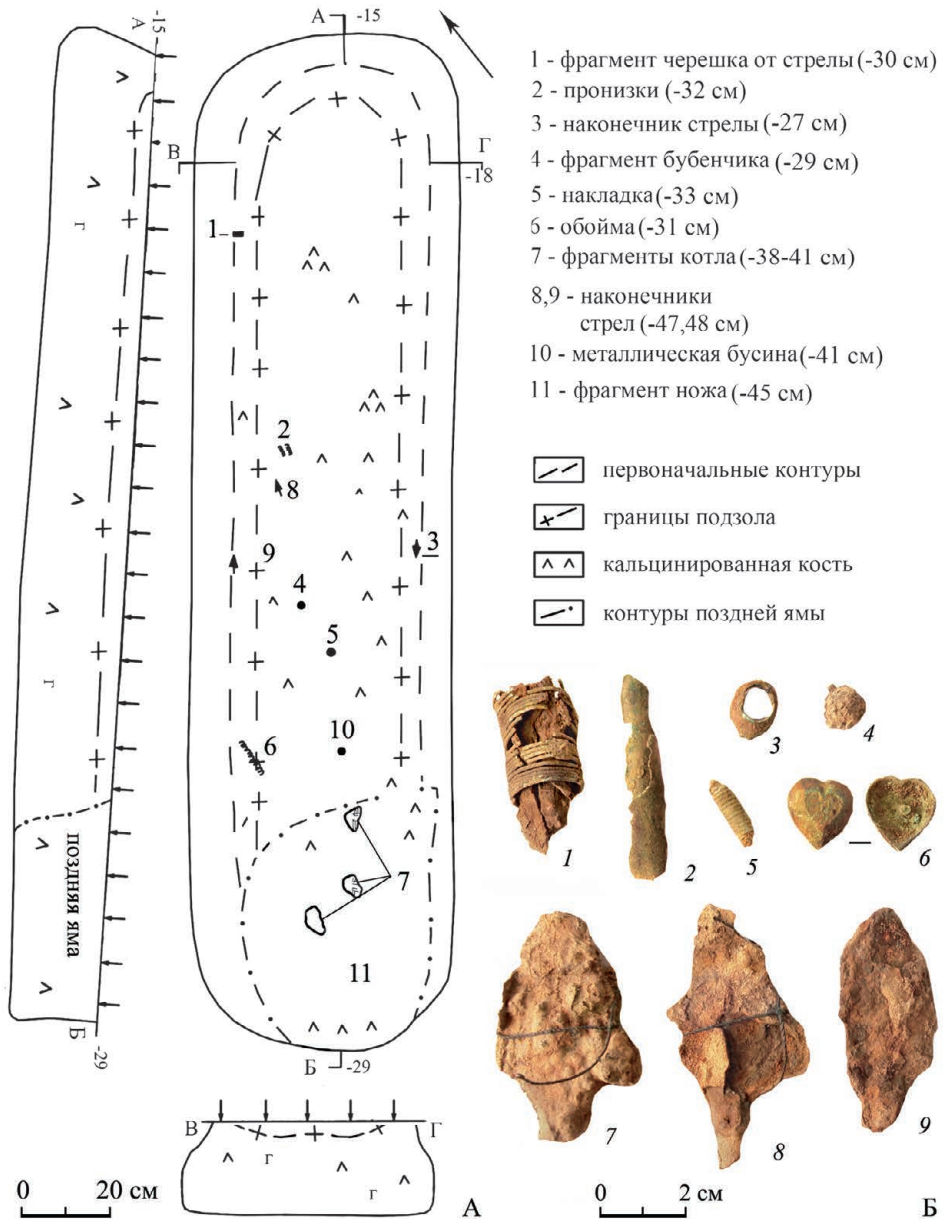
В-четвертых, – наличие следов тризны (могильник Кузинские хутора, погребение 3, могильник Веселовский, погребение № 30, могильник Черемисское кладбище, погребение 14). Сложность обряда захоронения зафиксирована и этнографами. Г. Кузнецов по материалам XIX в. сообщает, «что в Малмыжском уезде, когда труп покойника слегка закидают землей, колют какое-нибудь мелкое животное, съедают его (о способе приготовления информации нет) и кости кидают в могилу, которая уже потом окончательно засыпается землей» (Смирнов, 1889. С. 118).

Также хотелось бы отметить, что весовые показатели скоплений кремированных костей существенно разнятся. Так, в могильниках Выжум и Черемисское кладбище массы костных остатков составляют более 700 г и 1000 г соответственно. В этих же могильниках отмечена неравномерность цветности костей и, следовательно, относительно кратковременное, с ограниченным количеством топлива, сжигание тела. Масса костей в процентном соотношении от полного кремированного костяка больше: Выжумский – 35 %, могильник Черемисское кладбище – 57 %; Веселовский могильник – всего 6 %. Массы кремированных останков людей в могильниках Кузинские хутора и Веселовский не превышают 350 г, характеризуются более однородной окраской и относительно более мелкими фрагментами костей. Как отмечалось выше, скопления кремированных костей, обнаруженные в толще заполнения могильной ямы, вряд ли могут быть использованы для реконструкции объема захораниваемых костей, так как представляют лишь часть депонированных костей.

Насколько сопоставима группировка материалов, полученная биоархеологическими методами, с археологическими характеристиками?

Две группы погребений с кремациями, обозначенные биоархеологическими методами исследования, имеют различия, зафиксированные чисто археологическими методами при раскопках.

По археологическим параметрам могут быть выделены две группы захоронений. Первая группа погребений (рис. 3) имеет могильные ямы овальных или подпрямоугольных, с сильно скругленными углами приближенных к овалу, форм, с пропорциями от 1:2,7 до 1:3,7, дно ровное. В профиле стенки сверху слегка завалены внутрь. Могила ориентированы по направлению СВ – ЮЗ – 6 погр. (Кузинские хутора: погр. 1, 2, 3, 4, 6, 7), СЗ – ЮВ – 3 погр. (Кузинские хутора: погр. 5, 8). Жженые кости фиксировались в засыпи на разных глубинах, в большинстве случаев не образуя единых скоплений. Исключение составляет

**Рис. 3. Погребение первой группы.
 Пример: могильник Кузинские хутора, погребение 3**

погр. 5, в котором кости в придонной части сконцентрированы в одном месте; в засыпи также фиксировались жженные кости на разных уровнях. Сопровождающий инвентарь представлен разрозненными украшениями и бытовыми предметами. В основной массе вещи следов огня не имеют. Но в погр. 11 среди обожженных костей был найден фрагмент кальцинированной копоушки, следы огня и деформации зафиксированы на подвеске из погр. 1, на кресале и ноже из погр. 5 прилипшие кремнированные кости, образующие с железом единый конгломерат. Вероятно, эти вещи вместе с погребенными находились на костре. Основная масса предметов поломана или представлена небольшими фрагментами. Большинство из них обнаружены на разных глубинах без определенной системы, вероятно, были брошены в засыпь во время засыпания могильной ямы. Покрытия и подстилки не характерны. Исключение составляет погребение 6, в котором на дне зафиксированы следы древесной подстилки.

В настоящее время пока не обнаружены места массовых аккумуляций кремнированных останков, поэтому у нас нет основания для того, чтобы судить о наличии некоего места для сожжения тел умерших. Более вероятным представляется обряд погребального сжигания каждого тела на отдельном месте. Отсутствие данных о дополнительных местах депонирования костей дает нам основание предполагать, что оставшийся погребальный костер (угли, костные фрагменты) уничтожался (в воду, например).

Могильные ямы погребений второй группы (рис. 4) имеют подпрямоугольную форму, стенки отвесные, дно ровное. Ориентировка погребений различна: на СВ (Черемисское кладбище), С (Выжумский могильник), ЮЗ (Веселовский могильник). Во всяком случае, ориентировка всех погребений с сожжениями соответствует ориентировке погребений с ингумациями на каждом могильнике. На дне зафиксированы подстилки из луба, сверху костей и вещей – покрытие из бересты. Кости лежат на дне могильной ямы единым скоплением, завернуты в кожу и/или ткань и мех. Поверх меха в 2 оборота обернут ремень с металлическими накладками. Органические материалы сохранились крупными фрагментами, не имеют следов огня, что свидетельствует о том, что кости заворачивались в одежду и были уложены в могилу в остывшем состоянии. С костра кости выбраны с небольшим количеством золы и угля. Вещи, за редким исключением, следов огня также не имеют, украшения целые и находятся в местах, соответствующих их местоположению при ингумации.

По расположению вещей при трупосожжениях в том же порядке, что при ингумации, а украшений – согласно их ношению при жизни, проанализированные захоронения обнаруживают сходство с захоронениями из могильников волжских финнов: мордвы и муромы. Близкий обряд трупосожжения в мордовских памятниках отмечал А. П. Смирнов (*Смирнов*, 1952. С. 154), зафиксирован также по материалам ранних пензенских могильников (*Вихляев*, 1977. С. 53). Судя по публикации Лядинского могильника конца IX – начала XI в., тщательно выбранные кости из костра, разложенные в порядке трупоположения с вещами в той же последовательности, в какой их носили при жизни, в погребальном обряде цнинской мордвы занимали достаточно устойчивые позиции (*Воронина*, 2007. С. 55). Это наблюдение подтверждается материалами Крюково-Кужновского могильника, где также довольно часто расположение костей и вещей при

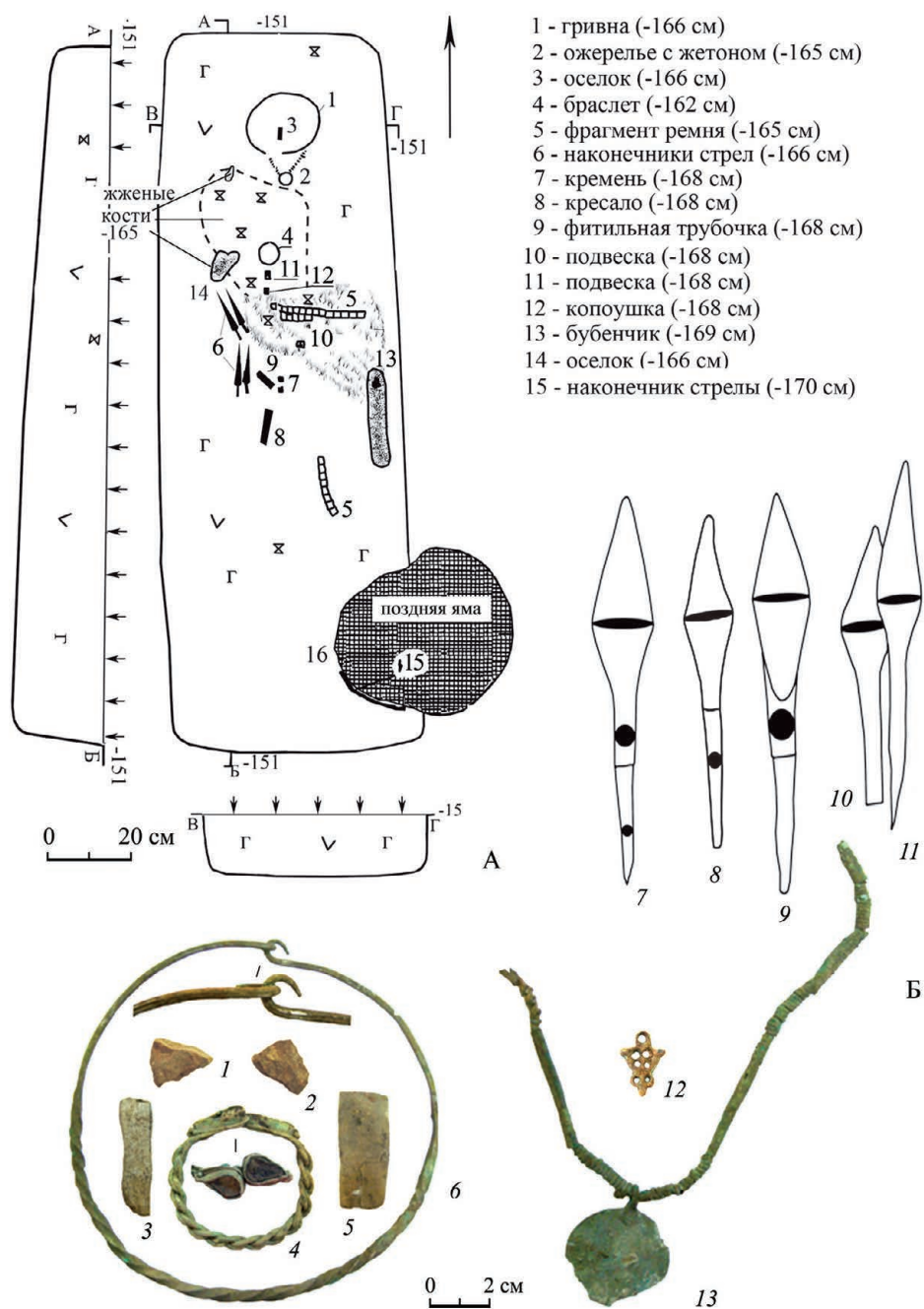

Рис. 4. Погребение второй группы.
 Пример: Выжумский могильник, погребение № 14

сожжениях соответствует таковому при ингумации (погр. 5, 7, 60, 75, 96, 173, 180 и т. д.). При этом в погребении 7 читались кости черепа, плечевые, тазовые, бедренные и берцовые (Материалы по истории мордвы..., 1952. С. 13, 15, 28, 33, 39, 60, 62). В Крюково-Кужновском могильнике известны также случаи, когда жженные кости были обернуты одеждой (погр. 119, 150) или вместе с украшениями завернуты в ткань или одежду (погр. 168, 228) (Там же. С. 45, 52, 58, 79).

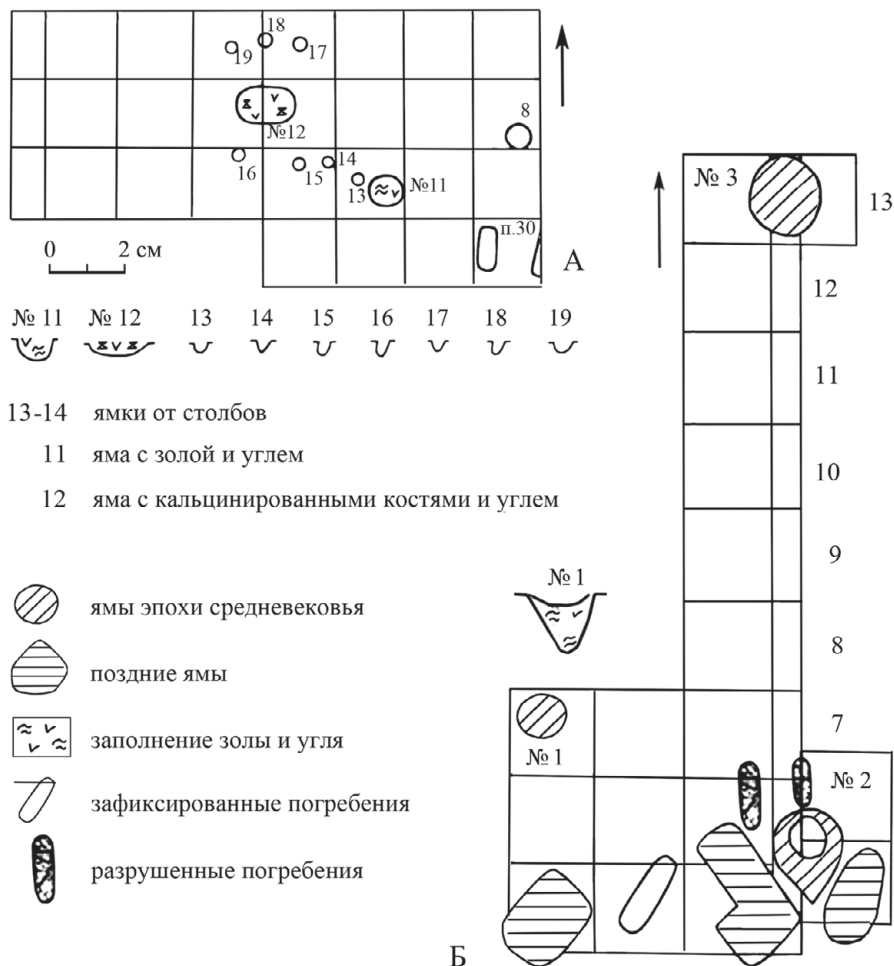
Отдельные случаи расположения украшений в том порядке, как они носились при жизни, зафиксированы в Безводнинском могильнике (погр. 159) (*Краснов*, 1980. С. 28). Жженные кости в свертке из ткани и шкуры вместе с частью инвентаря отмечены в погребении 23 Кочкинского могильника (*Бейлекчи*, 2005. С. 103). Имитация труположения в погребениях муромы, по наблюдениям В. В. Бейлекчи, в VI – первой половине VIII в. составляет 33,3 %, во второй половине VIII – X в. – 8,7 %, в X–XI вв. этот обряд не наблюдается, но фиксируется обряд частичного трупосожжения (11,1 %) (Там же. С. 103–105), который также повторяет аналогичное расположение костей и вещей.

В целях выявления мест совершения обряда сожжения проведен дополнительный анализ полевой документации (рис. 5). На полевых зарисовках и из описания дневников раскопок могильника «Черемисское кладбище» возможно обозначить три ямы (№ 1–3), которые могут представлять интерес в контексте нашей темы. Яма № 1 имеет размеры 80 × 60 см, глубину до 150 см, в профиле – конусовидная и содержит остатки угля и золы без находок, костей тоже не обозначено. Яма № 2 размерами 110 × 70 см заполнена золой. Слой золы имеет мощность 69 см. Площадь обожженного песка вокруг ямы 250 × 190 см. Находок нет, включения костей не обозначены. На окраине, в отдалении от погребений зафиксирована большая кострищная яма № 3. На глубине 45 см зафиксированы следы прокаленного песка размерами 200 × 210 см и в глубину прокал составляет 140 см, сужаясь ко дну. В центре ямы на глубине 90–130 см выделены 2 зольных пятна каждое диаметром 50 см. Находок и костей в описании не упоминается.

Учитывая, что ямы имеют суживающееся дно и большую глубину, иногда до конусовидного, трудно представить их в роли объектов, на которых или над которыми происходили сожжения. Но они могли вполне в какой-то мере использоваться в ритуальной практике, в частности для ссыпания продуктов горения после завершения обряда.

На упомянутом выше могильнике Нижняя стрелка, также связанном с «марийской культурой», интерес представляют две ямы: № 11 и № 12. Обе ямы расположены в непосредственной близости друг от друга на западном склоне дюны за территорией расположения могил. Яма № 11 имела диаметр 100 см, прослежена с глубины -65 см от уровня современной дневной поверхности и заглублена в материк на 55 см. Заполнение ямы зольное, под ней слой прокала. Костей не обнаружено. Яма № 12 обнаружена на глубине 15 см от уровня современной поверхности сразу под дерном, имела овальные контуры 180 × 120 см, глубину 25 см. В заполнении зола, угли, небольшое количество жженных костей. Кости, к сожалению, на анализ не взяты. В яме у восточной стенки были найдены железные стремена, удила и пряжка. Вещи сильно обожжены.

Интерес представляет кострище № 1 на Юмском могильнике. На глубине 30 см обнаружены следы красного прокала в виде овального пятна размером

**Рис. 5. Расположение ям с угольным и зольным наполнением.
 Могильник Черемисское кладбище**

А – могильник Нижняя стрелка; Б – могильник Черемисское кладбище

300 × 250 см, глубина прокала до 110 см. В центре костра скопление углей в яме в форме восьмерки. Над костром сверху стоял обернутый кверху дном сосуд. Упоминаний о находках костей нет. Исследователь памятника В. Ф. Генинг связал это кострище с погребальным обрядом, возможно для кремаций или для погребальной тризны.

Итак, основные признаки, которые варьируют в различных могильниках, могут быть сведены к следующим: форма погребальной ямы, локализация кремированных костей в погребении, наличие органических материалов, в которые завернуты кремированные кости.

Сопоставление характеристик кремированных останков и признаков погребальной обрядности позволяет отметить следующее: трупосожжения, характеризующиеся большой массой и крупными размерами фрагментов и более низким температурным горением, располагаются на дне могильной ямы и обернуты тканью или кожей (Выжумский могильник и Черемисское кладбище). Скопления кремации меньшей массы, с меньшими по размеру фрагментами и более высокой температурой горения локализуются либо на дне могильной ямы, либо в толще засыпки (первое – реже). Так, погребение 30 из Веселовского могильника характеризуется небольшой массой скопления кремированных костей, относительно мелкими фрагментами, однако располагается на дне могильной ямы. Следы тризны или сожжения животного невозможно привязать к определенному варианту погребальной обрядности.

Итак, наблюдается значительный полиморфизм погребальной обрядности не только в части трупоположения/трупосожжения, но и во многих других чертах. В связи с этим возникает предположение, что особенности погребения обусловлены не столько локальной принадлежностью, сколько личностью погребенного и обстоятельствами его смерти. Представляется, что именно в этом состоит специфика языческого миропонимания, лишенного четких стандартов, основанная на бесчисленных связях мира живых и мира мертвых.

Таким образом, описанные материалы, хоть и являются немногочисленными, но позволили реконструировать спектр вариантов погребальной церемонии, связанных с сожжением трупа, у средневековых марийцев X–XI вв. В заключение нам представляется важным отметить, что по ряду параметров скопления кремаций из двух марийских могильников X–XI вв. (2-я группа) напоминают скопления кремированных костей из погребений средневековой муромы Подболотьевского могильника (Зеленцова и др., 2017. С. 280).

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во Московского психолого-социального института. 278 с.
- Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовский гос. ун-т. 98 с.
- Воронина Р. Ф., 2007. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука. 164 с.
- Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–98.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., Добровольская М. В., 2017. Методические вопросы определения погребений по обряду кремации на примере раскопок 2012–2014 гг. Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 272–287.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанск: Моршанский краевед. музей, 1952. 232 с.
- Никитина Т. Б., 1990. Погребальный обряд могильника «Нижняя стрелка» // Археология и этнография Марийского края. Вып. 17: Древности Поветлужья. Йошкар-Ола: Марийский НИИ. С. 65–80.
- Никитина Т. Б., 2010. Погребения с трупосожжением в могильниках Поветлужья IX–XI вв. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. С. 138–161.

- Никитина Т. Б.*, 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: Ин-т истории АН Республики Татарстан. 408 с. (Археология Евразийских степей; вып. 14.)
- Никитина Т. Б.*, 2015а. Выжумский археологический комплекс к вопросу о культурной принадлежности населения Поветлужья X – начала XII в. // Материалы международного конгресса финно-угроведов. Оулу. С. 126–127.
- Никитина Т. Б.*, 2015б. Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // КСИА. Вып. 240. С. 124–140.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР. 275 с. (МИА; № 28.)
- Смирнов И. Н.*, 1889. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та. 212 с.
- Успенский В. С., Клещенко Е. А., Добровольская М. В., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.*, 2013. Воринские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща // КСИА. Вып. 231. С. 141–153.

Сведения об авторах

Никитина Татьяна Багишевна, Марийский государственный университет, пл. Ленина, д. 1, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, 424000, Россия; e-mail: tshikaeva@yandex.ru;

Пузаткина Елена Александровна, Марийский государственный университет, пл. Ленина, д. 1, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, 424000, Россия; e-mail: elenpuz@mail.ru;

Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mk_ra@mail.ru

T. B. Nikitina, E. A. Puzatkina, M. V. Dobrovolskaya

CREMATION AT MEDIEVAL SITES OF THE VETLUGA REGION:
BIOARCHAEOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH

Abstract. Information on human fossil remnants is an important component characterizing funerary rites. Cremated remains do not contain information that is usually used in a paleoanthropological study; nevertheless, they are important for characterizing ritual actions. This study is focused on the funerary practice of medieval Finno-Ugric populations inhabiting the Vetluga region in the 6th – 12th centuries. For our research we used materials from a number of cemeteries excavated by T. B. Nikitina in 2008–2014: the Cheremisskoye cemetery, the Vyzhumskiy, the Veselevolskiy and the Kuzinskiye farmsteads. Based on archaeological characteristics, two groups of sites can be singled out. Formal characteristics of conditions of cremated remnants do not provide an opportunity to have clear differentiation. Significant polymorphism of funerary practices is quite evident. All this may imply that specific features of the grave are stipulated by a personality of the deceased and circumstances of his/her death rather than local attribution. The materials described, though few in number, enabled us to reconstruct a range of funerary rite variants practiced by medieval Mari people in the 10th – 11th centuries. We would like to emphasize that, regarding a number of characteristics, concentrations of cremations from two Mari cemeteries of the 10th – 11th centuries (group 2) resemble concentrations of cremated bones from the medieval Muroma graves in the Podbolot'yevo cemetery.

Keywords: funerary rite, medieval period, Finno-Ugric populations of the Vetluga region, cremated remains.

REFERENCES

- Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti Nizhnego Pooch'ya (pogrebal'nyy obryad i poseleniya letopisnoy muromy) [Antiquities of Lower Oka region (burial rite and settlements of the Muroma mentioned in chronicles)]. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 278 p.
- Beylekchi V. V., 2005. Drevnosti Nizhnego Pooch'ya (pogrebal'nyy obryad i poseleniya letopisnoy muromy) [Antiquities of Lower Oka region (burial rite and settlements of the Muroma mentioned in chronicles)]. Moscow: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut. 278 p.
- Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B., 1998. Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical archaeology of man. Methods of biological studies]. Moscow: Staryy sad. 260 p.
- Dobrovol'skaya M. V., 2010. K metodike izucheniya materialov krematsii [On method of investigation of cremation materials]. *KSIA*, 224, pp. 85–98.
- Krasnov Yu. A., 1980. Bezdvodninskiy mogil'nik. (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezdvodninskiy cemetery. (On history of Gorky Volga region in early medieval epoch)]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Dnevnik arkhеologicheskikh raskopok P. P. Ivanova [Materials for the Mordva history, VIII–XI cc. Diary of archaeological excavations of P. P. Ivanov]. Morshansk: Morshanskiy krayevedcheskiy muzey, 1952. 232 p.
- Nikitina T. B., 1990. Pogrebal'nyy obryad mogil'nika «Nizhnyaya strelka» [Burial rite of cemetery «Nizhnyaya strelka»]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya [Archaeology and ethnography of Mari land]*, 17. *Drevnosti Povetluzh'ya [Antiquities of Vetluga region]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NII, pp. 65–80.
- Nikitina T. B., 2010. Pogrebeniya s truposozhzheniem v mogil'nikakh Povetluzh'ya IX–XI vv. [Cremation burials in cemeteries of Vetluga region, IX–XI cc.]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolz'ya [Materials and investigations on archaeology of the Volga region]*, 5. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet, pp. 138–161.
- Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nyye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of IX–XI cc. in Vetluga-Vyatka interfluve]. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 408 p. (Arkheologiya Evraziyskikh stepey, 14.)
- Nikitina T. B., 2015. Naseleniya verkhnego Povetluzh'ya v nachale II tys. n. e.: novyye materialy [Population of Upper Vetluga region in the beginning of II mill. AD: new materials]. *KSIA*, 240, pp. 124–140.
- Nikitina T. B., 2015. Vyzhumskiy arkhеologicheskii kompleks k voprosu o kul'turnoy prinaldzhnosti naseleniya Povetluzh'ya X – nachala XII vv. [Vyzhumskiy archaeological complex on issue of cultural attribution of population of Vetluga region in X – early XII cc.]. *Materialy mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov [Transactions of International congress of Finno-Ugric studies]*. Oulu, pp. 126–127.
- Smirnov A. P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on ancient and medieval history of peoples of Volga and Kama regions]. Moscow: AN SSSR. 275 p. (MIA, 28.)
- Smirnov I. N., 1889. Cheremisy: Istoriko-etnograficheskiy ocherk [The Cheremis: Historical-ethnographic essay]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 212 p.
- Uspenskiy V. S., Kleshchenko E. A., Dobrovol'skaya M. V., Shishlov A. V., Fedorenko N. V., 2013. Voinskiye pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya biritual'nogo mogil'nika Kedrovaya Roshcha [Military cremation burials in the biritual cemetery Kedrovaya Roshcha]. *KSIA*, 231, pp. 141–153.
- Vikhlyayev V. I., 1977. Drevnyaya mordva Posur'ya i Primokshan'ya [Early Mordva of Sura and Moksha regions]. Saransk: Mordovskiy gos. universitet. 98 p.
- Voronina R. F., 2007. Lyadinskiye drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX – nachalo XI veka. Po materialam Tsinskoy arkhеologicheskoy ekspeditsii 1983–1985 godov [Lyadino antiquities. From history of Mordva-Moksha. Late IX – early XI cc. Based on materials of Tsna archaeological expedition, 1983–1985]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Zelentsova O. V., Milovanov S. I., Dobrovol'skaya M. V., 2017. Metodicheskiye voprosy opredeleniya pogrebeniy po obryadu krematsii na primere raskopok 2012–2014 gg. Podbolot'yevskogo mogil'nika [Methodological issues of identifying cremated burials: the case study of 2012–2014 excavations at Podbolotyevo Cemetery]. *KSIA*, iss. 249, part II, pp. 272–287.

- Krasnov Yu. A., 1980. Bezdvodninskiy mogil'nik. (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [Bezdvodninskiy cemetery. (On history of Gorky Volga region in early medieval epoch)]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Dnevnik arkhеologicheskikh raskopok P. P. Ivanova [Materials for the Mordva history, VIII–XI cc. Diary of archaeological excavations of P. P. Ivanov]. Morshansk: Morshanskiy krayevedcheskiy muzey, 1952. 232 p.
- Nikitina T. B., 1990. Pogrebal'nyy obryad mogil'nika «Nizhnyaya strelka» [Burial rite of cemetery «Nizhnyaya strelka»]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya [Archaeology and ethnography of Mari land]*, 17. *Drevnosti Povetluzh'ya [Antiquities of Vetluga region]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NII, pp. 65–80.
- Nikitina T. B., 2010. Pogrebeniya s truposozhzheniem v mogil'nikakh Povetluzh'ya IX–XI vv. [Cremation burials in cemeteries of Vetluga region, IX–XI cc.]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya [Materials and investigations on archaeology of the Volga region]*, 5. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gos. universitet, pp. 138–161.
- Nikitina T. B., 2012. Pogrebal'nyye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya [Burial sites of IX–XI cc. in Vetluga-Vyatka interfluve]. Kazan': Institut istorii AN Respubliki Tatarstan. 408 p. (Arkheologiya Evraziyskikh stepey, 14.)
- Nikitina T. B., 2015. Naseleniye verkhnego Povetluzh'ya v nachale II tys. n. e.: novyye materialy [Population of Upper Vetluga region in the beginning of II mill. AD: new materials]. *KSIA*, 240, pp. 124–140.
- Nikitina T. B., 2015. Vyzhumskiy arkheologicheskiy kompleks k voprosu o kul'turnoy prinadlezhnosti naseleniya Povetluzh'ya X – nachala XII vv. [Vyzhumskiy archaeological complex on issue of cultural attribution of population of Vetluga region in X – early XII cc.]. *Materialy mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov [Transactions of International congress of Finno-Ugric studies]*. Oulu, pp. 126–127.
- Smirnov A. P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on ancient and medieval history of peoples of Volga and Kama regions]. Moscow: AN SSSR. 275 p. (MIA, 28.)
- Smirnov I. N., 1889. Cheremisy: Istoriko-etnograficheskiy ocherk [The Cheremis: Historical-ethnographic essay]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta. 212 p.
- Uspenskiy V. S., Kleshchenko E. A., Dobrovol'skaya M. V., Shishlov A. V., Fedorenko N. V., 2013. Voinskiye pogrebeniya po obryadu truposozhzheniya biritual'nogo mogil'nika Kedrovaya Roshcha [Military cremation burials in the biritual cemetery Kedrovaya Roshcha]. *KSIA*, 231, pp. 141–153.
- Vikhlyayev V. I., 1977. Drevnyaya mordva Posur'ya i Primokshan'ya [Early Mordva of Sura and Moksha regions]. Saransk: Mordovskiy gos. universitet. 98 p.
- Voronina R. F., 2007. Lyadinskiye drevnosti. Iz istorii mordvy-mokshi. Konets IX – nachalo XI veka. Po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983–1985 godov [Lyadino antiquities. From history of Mordva-Moksha. Late IX – early XI cc. Based on materials of Tsna archaeological expedition, 1983–1985]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Zelentsova O. V., Milovanov S. I., Dobrovol'skaya M. V., 2017. Metodicheskiye voprosy opredeleniya pogrebeniy po obryadu krematsii na primere raskopok 2012–2014 gg. Podbolot'yevskogo mogil'nika [Methodological issues of identifying cremated burials: the case study of 2012–2014 excavations at Podbolotyevoye Cemetery]. *KSIA*, iss. 249, part II, pp. 272–287.

About the authors

Nikitina Tatyana B., Mari State university, pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, 424000, Russian Federation; e-mail: tshikaeva@yandex.ru;

Puzatkina Elena A., Mari State university, pl. Lenina, 1, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, 424000, Russian Federation; e-mail: elenpuz@mail.ru;

Dobrovolskaya Maria V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow 117292, Russian Federation; e-mail: mk_pa@mail.ru

А. А. Казарницкий, И. С. Туркина

О ПОЗАХ «СПЯЩИХ» В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ БРОНЗЫ*

Резюме. Авторы предлагают проверить трактовку скорченной на боку скелетной позы как символа спящего человека в погребениях эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы. В выборке из 77 изображений современных людей в состоянии утреннего сна летом в полупустынном климате юга России отмечено безусловное доминирование встречаемости скорченных поз, несмотря на возможность сна в вытянутой позе. Сравнение поз современных спящих людей с положением скелетов в погребениях эпохи ранней бронзы Прикубанья выявило ряд совпадений в соотношении основных типов поз, в частоте скорченных поз в целом и в более мелких деталях положения рук и поворота туловища. Трактовка скорченной позы как типичной позы спящего человека признана допустимой.

Ключевые слова: скелетные позы, эпоха ранней бронзы, геометрическая морфометрия, степная зона, Восточная Европа.

Введение

Восприятие смерти как последнего или вечного сна и, наоборот, интерпретация сна как кратковременного аналога смерти считаются естественными для древних обществ и не чужды современным людям (*Арьес*, 1992; *Никитаев*, 2005). Возможно, отчасти поэтому некоторые положения человеческого скелета в археологических памятниках интерпретируются как «позы спящего» без дополнительных объяснений, какую именно позу следует считать типичной для уснувшего человека (*Сарианиди*, 1993. С. 13, 29, 66; 2010. С. 47; *Молодин и др.*, 2000. С. 72; *Корневский*, 2011. С. 92, 100; *Мыльников, Бобров*, 2011. С. 93; *Дворников*, 2019. С. 98, 115; и др.).

Так и в статье *А. Н. Гея о символическом содержании некоторых деталей погребального обряда ранней и средней бронзы Предкавказья* (*Гей*, 1999), по-разному воспринятой, но регулярно цитируемой (*Пустовалов*, 2000; *Ткачев*, 2007;

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00309.

Клейн, 2007; Андреева, 2014; Паромов, 2019; и др.), изложена гипотеза, для краткости названная «схемой трех постелей». Она основана на систематически повторяющемся положении скелетов в погребениях, которое интерпретировано как отражение стереотипных (для населения той эпохи) поз спящих в повозке людей. Схема выглядит следующим образом: два индивида лежат вдоль длинных бортов повозки, третий – вдоль короткого борта, противоположного месту возницы, и все – в скорченных позах, т. е. с согнутыми в коленях ногами. В доказательство того, что скорченное на боку положение действительно свойственно спящему или отдыхающему человеку, не привлечено почти никаких аргументов, кроме ссылки на мнение М. Мосса о разных «техниках тела» и «техниках сна» в разных культурах (Мосс, 2011).

При этом в цитируемой работе М. Мосса (впервые опубликованной в 1935 г.) лишь кратко обсуждается разнообразие приспособлений, обстоятельств и мест сна, но не вариации самой позы спящего в лежачем положении. Да и сам факт того, что позы человеческого тела, в том числе во сне, могут каким-то образом меняться под влиянием традиций, вряд ли можно считать доказательством скорченной позы как привычной для сна в эпоху бронзы.

Однако почему бы не проверить, каковы наиболее распространенные позы, принимаемые современными спящими людьми?

На это можно возразить, что условия сна сегодня совсем иные. Сравнительно недавно появившиеся в европейской культуре специальные помещения спален, особая мебель и обязательные аксессуары в виде подушек, одеял, матрацев и прочего (Борбели, 1989) несопоставимы с предполагаемыми условиями сна древних степных скотоводов. В таком случае следует провести наблюдение за положением тела там, где привычные атрибуты сна недоступны – например, в полевых условиях. Правда, и здесь туристическая индустрия предоставляет возможность использования палаток и спальных мешков, но иногда в них просто нет необходимости. В силу случайного стечения обстоятельств один из авторов настоящей статьи получил возможность наблюдать за положением спящих людей, тела которых не были ограничены ничем из перечисленного выше. Результаты наблюдений, как нам кажется, заслуживают обсуждения.

Материалы и методы

В стихийно сложившемся эксперименте приняли добровольное участие десять взрослых мужчин от 25 до 40 лет, в дневное время участвовавших в работе Степной археологической экспедиции ГИМ в Ремонтненском районе Ростовской области. Наблюдаемые спали в большом помещении с круглосуточно открытыми окнами на полу либо на открытом воздухе (на досках, бетонных плитах или на земле), используя только импровизированные подушки и тонкие туристические коврики, изредка накрываясь расстегнутым спальным мешком или простыней, не препятствующими движениям тела и редко накрывающими его полностью. Высокая температура воздуха в июле в условиях полупустынного климата степного юга России даже под утро часто позволяла спящим обходиться только ковриком.

В течение нескольких дней двух полевых сезонов 2018 и 2019 гг. зарисовывались последние перед пробуждением позы спящих за 30–20 минут до подъема. Всего было зафиксировано 77 поз. Первоначально предполагалось использование фотографий, однако подобное вторжение в личное пространство пусть и добровольных участников вызывало чувство неловкости, поэтому было решено ограничиться быстрой зарисовкой.

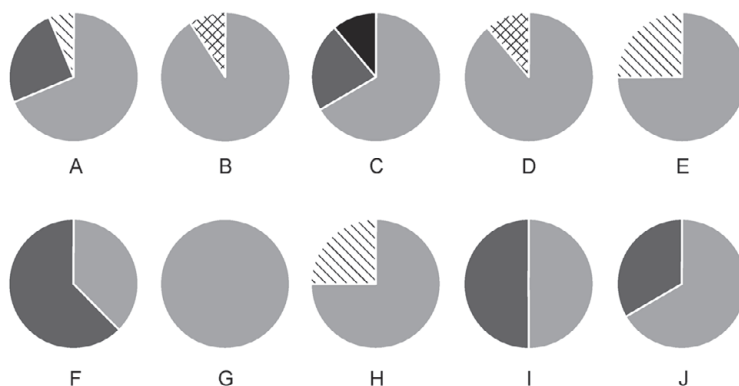
Полученные таким образом изображения в дальнейшем анализировались двумя способами: визуальное определение основных типов поз, имеющих отчетливые отличия друг от друга, и использование методов геометрической морфометрии для выделения визуально неочевидных, непрерывно варьирующих вариантов. Точность и степень детализации рисунков авторы сочли достаточными для поставленной исследовательской задачи.

Обсуждение

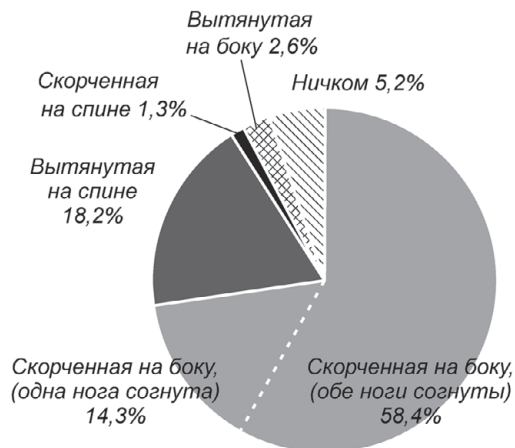
Соблюсти равное количество наблюдений для каждого участника не удалось, тем не менее имеющееся соотношение случаев позволило избежать определяющего влияния индивидуальных предпочтений на общий итог (рис. 1). Безусловно доминирующим положением тела во время утреннего сна оказалась скорченное на боку (56 (72,7 %) случаев), которое включает в себя наряду с наиболее распространенной позой с обеими согнутыми в коленях ногами (45 (58,4 %)) также позу, в которой отчетливо согнута в колене только одна нога, в то время как вторая либо слабо согнута, либо почти вытянута (11 (14,3 %)). Полностью вытянутые ноги в положении на боку отмечены крайне редко – всего два наблюдения (2,6 %) у двух разных индивидов. Вторая по распространенности поза после скорченной на боку – вытянутая на спине (14 (18,2 %)). К крайне редким вариантам относятся поза спиной вверх или ничком (4 (5,2 %)) и единственный раз зафиксированное положение «скорчено на спине» (1,3 %), когда туловище лежало на спине, а согнутые в коленях ноги – на левом боку. Все позы «скорчено на боку» разделились на лево- и правосторонние ровно пополам (по 28 случаев), что, во-первых, отражает исходно предполагаемую нами случайность выбора бока в группе в целом, даже при возможных индивидуальных предпочтениях, и, во-вторых, может служить показателем репрезентативности нашей выборки.

Таким образом, даже при наличии возможности спать в вытянутой позе, общедоступной как на протяжении всей жизни, так и в условиях проведенного нами эксперимента, наиболее частым положением оказалось скорченное на боку. Наблюдения проводились в самый жаркий месяц года, когда утренняя температура воздуха очень редко опускалась ниже рекомендованного ГОСТом (ГОСТ Р 51617-2000...) температурного минимума для жилых помещений 18 °С (рис. 2), а чаще была близка к оптимальному для сна взрослого человека значению в 23 °С (Pan et al., 2012). Поэтому известная зависимость положения тела спящего от окружающей температуры (Борбели, 1989) могла повлиять скорее на увеличение доли вытянутых поз по сравнению со скорченными. В другие, менее жаркие, месяцы следует ожидать увеличения процента скорченных поз, сокращающих теплоотдачу, хотя это, конечно, требует экспериментальной проверки.

Индивидуальные соотношения поз

Суммарное соотношение поз

Количество и доля наблюдений

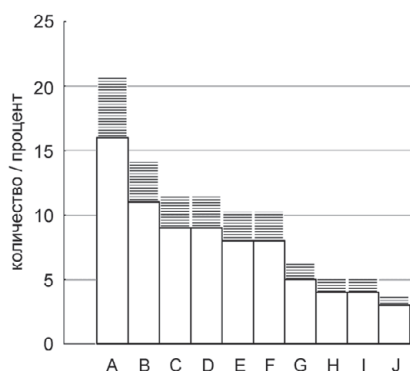

Рис. 1. Соотношение основных поз и наблюдений

Следующим этапом исследования стал анализ изменчивости степени скорченности тел, лежавших на боку с согнутыми в той или иной степени ногами. На изображениях спящих были расставлены с помощью программы *tps.Dig2* (Rohlf, 2006) следующие парные точки (ландмарки): плечевые (на месте плечевого сустава), подвздошно-остистые (приблизительное место наибольшего выступания верхней передней подвздошной ости), коленные и предплюсневые (рис. 3: *a*). Изменчивость формы из конфигурации этих точек анализировалась в программе *MorphoJ* (Klingenberg, 2011) посредством прокрустового анализа с дальнейшим анализом прокрустовых расстояний методом главных компонент (рис. 3: *b-d*).

Три первые главные компоненты (ГК) отразили 73 % всей изменчивости скорченных поз (31, 24 и 18 % соответственно). Вариация формы в каждой

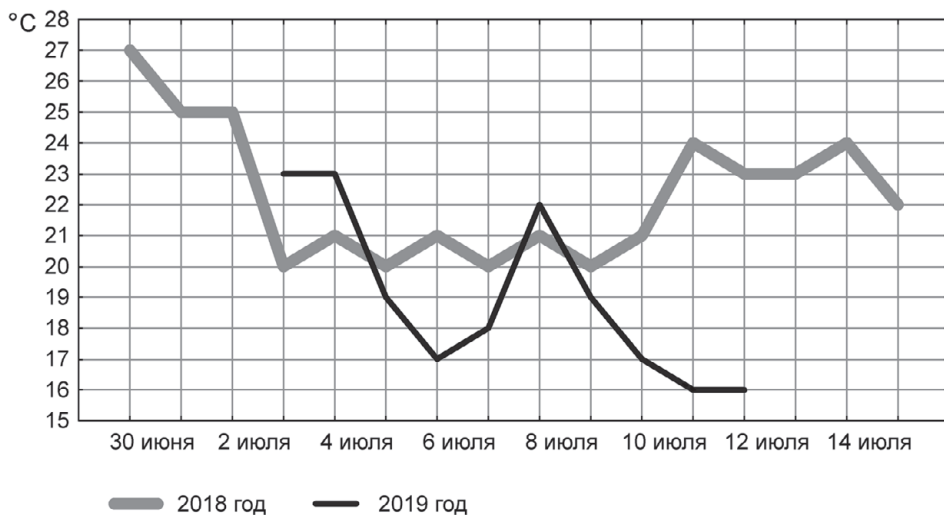

Рис. 2. Утренняя температура воздуха в дни эксперимента (данные на 06:00 утра; синоптический индекс метеостанции – 34759, с. Ремонтное, Ростовская область) (по: Расписание погоды...)

из них представлена схемами под гистограммами (рис. 3: *b–d*). Проверка распределения этих значений с помощью критерия Шапиро – Уилка показала статистически значимые отличия от нормального распределения в первой ($p = 0,01296$) и третьей главных компонентах ($p = 0,00313$). В ГК1 представлена вариация положения туловища и рук – от строгого на боку с расположенными перед лицом кистями до слабого разворота туловища на спину и отстраненными от головы руками (рис. 3: *b*) – двухвершинное распределение здесь позволяет уверенно разделить вариационный ряд на два соответствующих самостоятельных варианта. Аналогичные две вершины гистограммы ГК 3 (рис. 3: *d*) – основание для выделения типа со скрещенными на груди руками и типа с одной протянутой от тела рукой, причем всегда нижней (т. е. правой – для лежащих на правом боку и левой – для лежащих на левом боку). Во второй главной компоненте положение рук изменяется случайным образом при почти неизменном положении тела и ног (рис. 3: *c*) – типы здесь выделить невозможно.

Итак, типология поз спящего взрослого современного мужчины может быть представлена следующим образом:

1. Скорченное на боку положение, наиболее распространенное (с подгруппами: 1.1 – скорченное на боку, руки согнуты в локтях под острыми углами, кисти – перед лицом; 1.2 – скорченное на боку с небольшим поворотом туловища на спину, руки согнуты в локтях под тупыми углами; 1.3 – скорченное на боку, руки скрещены на груди; 1.4 – скорченное на боку, одна (верхняя) рука согнута, вторая (нижняя) рука протянута от тела).

2. Вытянутое на спине положение, менее распространенное, но составившее пятую часть всех зафиксированных нами поз. Кроме этого, отмечены

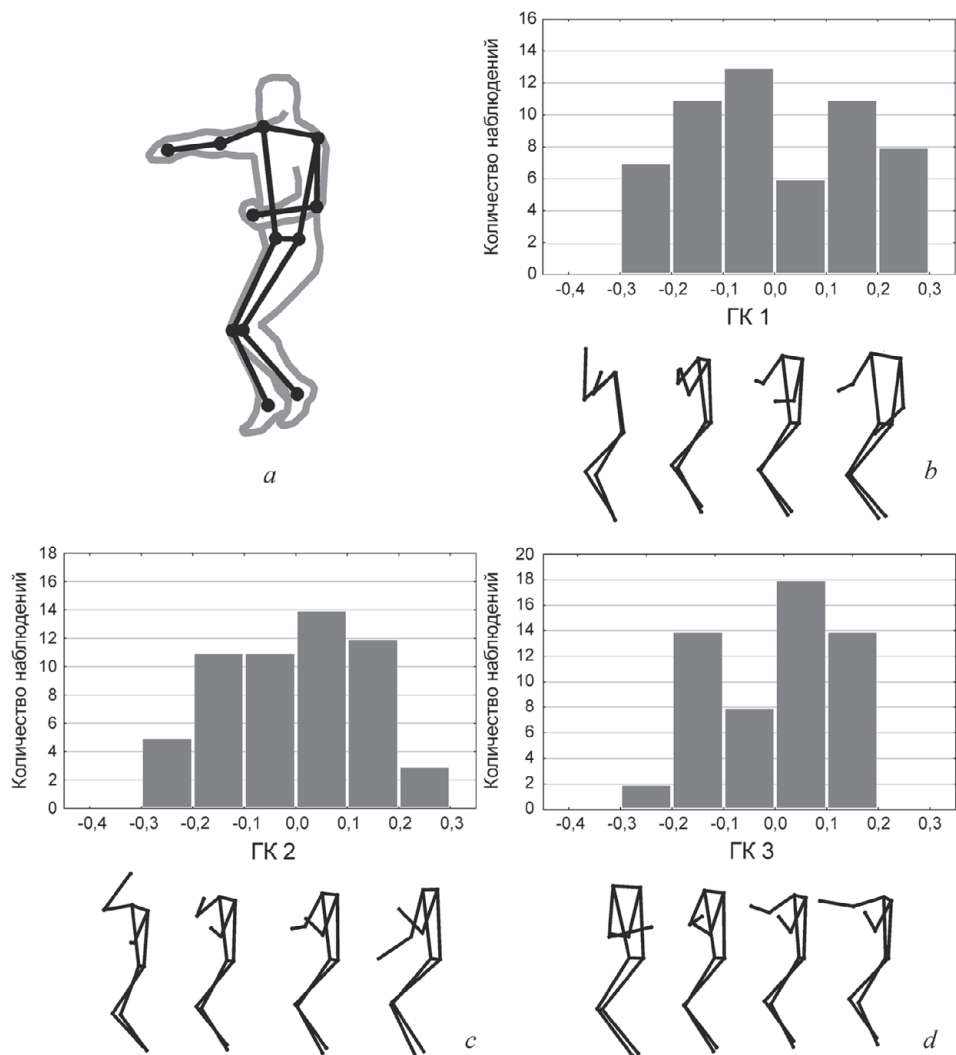

Рис. 3. Результаты анализа изменчивости скорченных поз методами геометрической морфометрии

единичные случаи поз лицом вниз (ничком), вытянуто на бок и скорченно на спине.

Сравним полученные результаты с описанием положений скелетов в захоронениях новотиторовской культуры (Гей, 2000. С. 124): «Основной и наиболее характерной позой погребенных в новотиторовской культуре... является скорченная на бок с отклонением туловища на спину и изначально уложенными на бок подогнутыми ногами. Одна из рук – в более архаичных левобочных захоронениях левая, в более поздних правобочных правая – протянута к коленям

или к середине бедренных костей. Другая уложена кистью на живот, пояс, реже на таз или на землю перед животом».

Необходимость дословной цитаты обусловлена удивительным совпадением с выделенными нами подгруппами 1.2 и 1.4. Правда, совпадение это неполное – у современных спящих людей вытянутая рука часто почти перпендикулярна туловищу, тогда как в новотиторовской культуре она протянута к коленям. Если отмеченное совпадение поз в целом неслучайно, то можно предположить следующее объяснение расхождению в положении вытянутой руки: наблюдаемые нами спящие имели неограниченное пространство для сна, в то время как у носителей новотиторовской культуры подобные ограничения могли быть, в особенности, если версия о спальнях местах для трех человек внутри одной крытой повозки соответствует действительности.

А. Н. Гей особо подчеркивает разницу между самой распространенной новотиторовской позой («скорчено на боку с отклонением на спину») и классическим ямным вариантом положения скелета («скорчено на спине»), при котором согнутые в коленях ноги либо стоят коленями вверх, либо лежат на правом или левом боку – напомним, что нам такой вариант встретился среди спящих людей единственный раз. Кроме распространенной позы в новотиторовских погребениях встречаются скорченное положение скелета на боку «без всяких отклонений» и поза, вытянутая на спине (Там же), – им есть прямые соответствия среди поз спящих людей.

Недавно мы уже предпринимали попытку применить методы геометрической морфометрии для определения морфологических различий между позами «скорчено на спине» и «скорчено на боку» с учетом закономерностей изменчивости каждой из них (Казарницкий, Туркина, 2016). Сформированная для этих целей выборка изображений погребенных эпохи ранней бронзы из разных курганных могильников Прикубанья (Анфимов, 1986; Бочкарев, 1982; Бочкарев и др., 1991; Гей, 1988; 2000; Нехаев, 1980; Урайкин, 1993) использована и в настоящей статье для решения следующих задач. Во-первых, это сравнение вариаций скорченных поз эпохи ранней бронзы Прикубанья со скорченными позами современных спящих людей и, во-вторых, проверка наличия разницы между положениями «скорчено на спине» и «скорчено на боку с отклонением на спину», так оба варианта могут быть крайними вариантами одной однородно распределенной вариации.

Уже на предварительном этапе визуального определения типа позы у 140 изображений скелетов доля вытянутых на спине оказалась близкой к частоте встречаемости той же позы у современных спящих мужчин (23 и 18 % соответственно). Также доминирующим оказалось положение «скорчено на боку». Каждый десятый скелет лежал на спине с согнутыми ногами коленями вверх. Среди скорченных скелетов лежавшие коленями в правую сторону встретились в 3,4 раза чаще лежавших коленями влево.

Расстановка ландмарков на изображениях 93 скорченных скелетов по возможности повторяла порядок, примененный на позах живых спящих людей, за исключением подвздошно-остистых точек, обнаружение которых на чертежах оказалось затруднительным, поэтому вместо них ставились точки на головках проксимальных эпифизов бедренных костей (рис. 4: а). В результате только

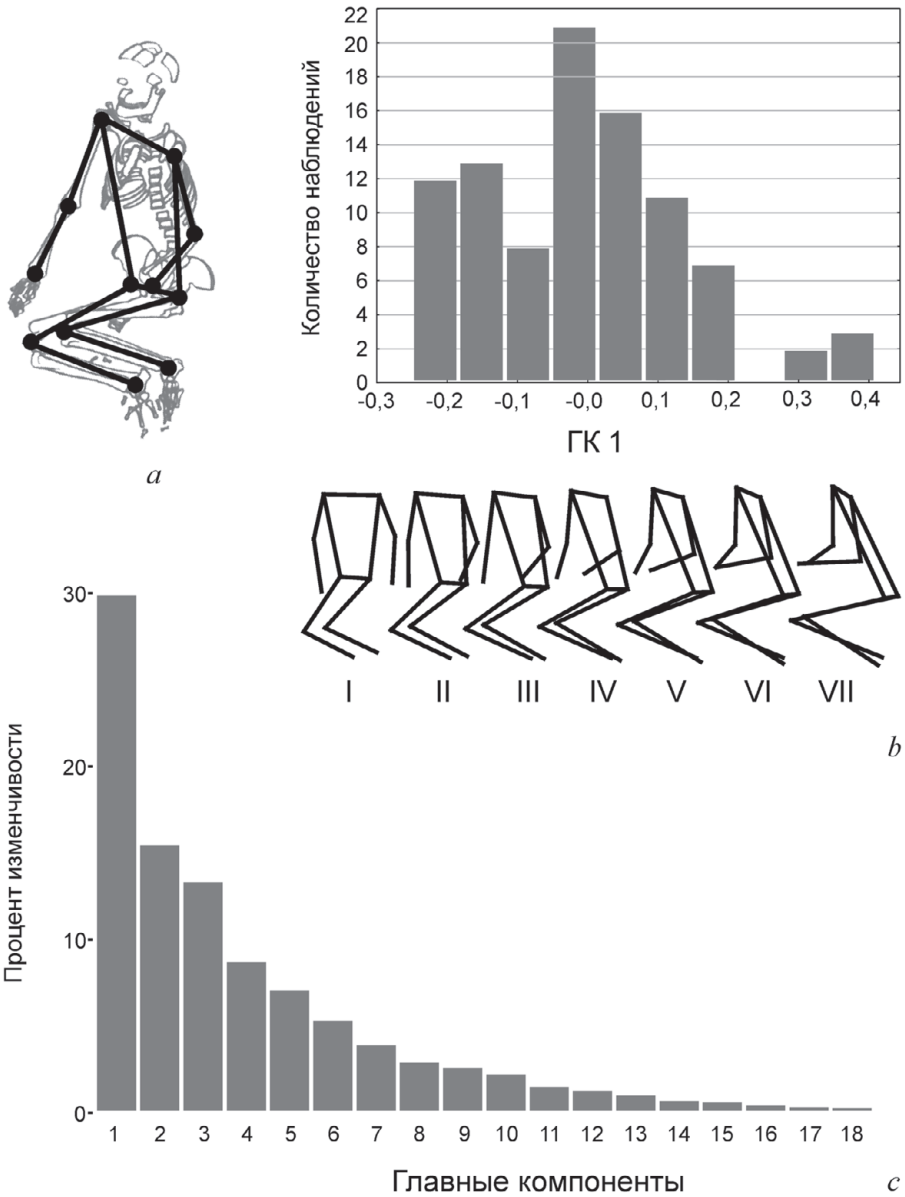

Рис. 4. Результаты анализа изменчивости скорченных поз эпохи бронзы методами геометрической морфометрии

в первой ГК, отразившей треть всей изменчивости (рис. 4: *c*), распределение значений оказалось достоверно отличающимся от нормального ($p = ,00698$) из-за асимметричности и мультимодальности, хорошо заметных на соответствующей гистограмме (рис. 4: *b*). Самый высокий пик значений здесь соответствует наиболее часто встречающемуся типу позы, классическому новотиторовскому, варьирующему в пределах схем III, IV и V (рис. 4: *b*). Второй по численности тип, представленный отрицательными значениями в ГК I (рис. 4: *b*, *схемы I и II*), – классический ямный или «новотиторовско-ямный». Третий, сравнительно редкий в нашей выборке тип, – скорченное положение на боку с согнутыми в локтях обеими руками (рис. 4: *b*, *схемы VI и VII*).

Следовательно, все описанные А. Н. Геом варианты положения тела являются не случайными проявлениями одного вариационного ряда, подчиняющегося законам нормального распределения, а имеют отчетливые, статистически подтверждаемые границы между собой.

Выводы

Сравнение поз из погребений эпохи ранней бронзы Прикубанья и положений тела современных спящих людей позволяет обнаружить ряд общих черт. Во-первых, это безусловное доминирование скорченных поз независимо от обусловленных культурой «техник сна» и естественных ограничений спального места. Во-вторых, приблизительно пятую часть поз составляют вытянутые на спине (правда, трудно представить, чтобы степные скотоводы настолько тщательно подходили к отражению реального соотношения скорченных и вытянутых на спине поз спящих людей, поэтому совпадение это случайное). В-третьих, наиболее распространенной новотиторовской позе «скорчено на боку с отклонением на спину» есть близкие (хотя и неполные) аналогии среди поз современных спящих людей, особенно впечатляющие в совпадении закономерностей положения рук (вытянута всегда «нижняя» рука). В-четвертых, совершенно прямые и очень частые аналогии обнаруживаются среди спящих людей для позы «скорчено на боку», сравнительно редкой в новотиторовской культуре, но широко распространенной в более поздних катакомбных культурах степной зоны Восточной Европы.

Различия между позами современных спящих сотрудников археологической экспедиции и положением скелетов в погребениях эпохи ранней бронзы заключаются в том, что, во-первых, спящим не свойственна ямная (или новотиторовско-ямная) поза, поэтому можно предполагать и несколько иное ее символическое содержание, чем у классической новотиторовской позы. Во-вторых, в отличие от случайного выбора правого или левого бока для сна покойников в несколько раз чаще укладывали на правую сторону. В-третьих, у погребенных эпохи бронзы сильнее выражена степень скорченности ног и меньше угол отведения руки от тела, из-за чего занимаемая скелетом площадь приблизительно в полтора раза меньше средней площади, занимаемой спящим человеком. Необходимость в экономии места в могиле это не объяснить, так как размеры могильных ям эпохи ранней бронзы, как правило, велики. Изменчивость такой

в целом более компактной позы повторяет закономерности вариации поз спящих людей, поэтому предположение о том, что и степень скорченности является отражением реального положения тела во сне, имеющего определенные пространственные ограничения (например, кузов повозки), представляется допустимым.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В.*, 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус. 272 с.
- Анфимов И. Н.*, 1986. Отчет о работе Старонижестеблиевской археологической экспедиции КГИАМЗ в 1986 г. // Архив КГИАМЗ. НА-470.
- Аръес Ф.*, 1992. Человек перед лицом смерти / Пер. с фр. В. К. Роняна. М.: Прогресс: Прогресс-Академия. 528 с.
- Борбели А.*, 1989. Тайна сна / Пер. с нем. В. М. Ковальзона. М.: Знание. 192 с.
- Бочкарев В. С.*, 1982. Отчет Кубанской экспедиции ЛОИА за 1982 г. // Архив КГИАМЗ. НА-370.
- Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А.*, 1991. Раскопки курганов у станции Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука. С. 3–58.
- Гей А. Н.*, 1988. Отчет о работе Пластуновского отряда СКАЭ ИА АН СССР в 1988 г. (курганный могильник Пластуновский) // Архив КГИАМЗ. НА-488.
- Гей А. Н.*, 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: Восточная литература. С. 78–113.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 223 с.
- ГОСТ Р 51617-2000. Государственный стандарт Российской Федерации. Жилищно-коммунальные услуги. Общие технические условия. Принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 19 июня 2000 г. № 158-ст. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-51617-2000>.
- Дворников Э. П.*, 2019. Погребальная практика архаических культур: структура, семантика, интерпретация обряда. Горно-Алтайск: Библиотечно-издат. центр Горно-Алтайского гос. ун-та. 211 с.
- Казарницкий А. А., Туркина И. С.*, 2016. Изменчивость некоторых скелетных поз в погребениях эпохи ранней бронзы Прикубанья // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 364–372.
- Клейн Л. С.*, 2007. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб. 226 с.
- Корневский С. Н.*, 2011. Рождение кургана (погребальные памятники энеолитического времени Предкавказья и Волго-Донского междуречья). М.: Таус. 256 с.
- Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. и др.*, 2000. Феномен алтайских мумий: коллективная монография. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 320 с.
- Мосс М.*, 2011. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Книжный дом Университет. С. 304–325.
- Мыльников В. П., Бобров В. В.*, 2011. Деревянные погребальные сооружения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10. № 3. С. 92–99.
- Нехаев А. А.*, 1980. Отчет о раскопках в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив КГИАМЗ. НА-334.
- Никитаев В. В.*, 2005. Герменевтика смерти // Логос. Философско-литературный журнал. № 2 (47). С. 202–220.
- Паромов Я. М.*, 2019. Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана // Боспорские исследования. Вып. 38. Керчь: Деметра. С. 39–92.
- Пустовалов С. Ж.*, 2000. Курганы «Тягунова Могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // SP. № 2. С. 296–321.

Расписание Погоды. [Электронный ресурс]. Режим доступа: gp5.ru.

Сарианиди В. И., 1993. В поисках страны Маргуш. М. 362 с.

Сарианиди В. И., 2010. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозоро-астризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад. 200 с.

Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Урайкин С. В., 1993. Погребения эпохи бронзы из кургана в Степном Прикубанье // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар. С. 10–23.

Klingenberg C. P., 2011. MorphoJ: an integrated software package for geometric morphometrics // Molecular Ecology Resources. Vol. 11. Iss. 2. P. 353–357.

Pan L., Lian Z., Lan L., 2012. Investigation of sleep quality under different temperatures based on subjective and physiological measurements // HVAC and R Research 18. Iss. 5. P. 1030–1043.

Rohlf F. J., 2006. TpsDig, digitize landmarks and outlines, 2.05. Department of Ecology and Evolution, State University of New York at Stony Brook. URL: <http://life.bio.sunysb.edu/morph/index.html>

Сведения об авторах

Казарницкий Алексей Александрович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Туркина Ирина Сергеевна, средняя общеобразовательная школа № 1, ул. Советская, 8, станция Азовская, 353245, Северский район, Краснодарский край, Россия; e-mail: cannamell@yandex.ru

A. A. Kazarnitskiy, I. S. Turkina

«SLEEPING» POSITIONS IN THE BRONZE AGE BURIALS

Abstract. The authors propose to check the interpretation of the contracted position of the skeleton lying on the side as a symbol of a sleeping individual in the Early Bronze Age burials in the steppe belt of Eastern Europe. The sample of 77 images featuring modern people in the state of morning dream in summer from the areas in the Russian South with a semi-desert climate demonstrates indisputable prevalence of contracted positions despite the fact that people can sleep in an extended posture. Comparison of positions in which modern persons sleep with the positions of the skeletons found in the Early Bronze Age burials of the Kuban region revealed a number of coincidences regarding the main types of positions, incidence of contracted positions as a whole and minor details of hand and arm positions as well as the turn of the body. The interpretation of the contracted position as a typical posture of a sleeping person has been recognized as acceptable.

Keywords: positions of skeletons, Early Bronze Age, geometric morphometry, steppe belt, Eastern Europe.

REFERENCES

Andreyeva M. V., 2014. Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura: analiz materialov pogrebal'nykh pamyatnikov [East Manych catacomb culture: analysis of burial sites]. Moscow: TAUS. 272 p.

Anfimov I. N., 1986. Otchet o rabote Staronizhestebliyevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii KGIAMZ v 1986 g. [Report on work of Staronizhestebliyevskaya archaeological expedition of KGIAMZ in 1986]. *Archive of KGIAMZ*. (In Russian, unpublished.)

- Ariès Ph., 1992. Chelovek pered litsom smerti [The hour of our death]. V. K. Ronyan, trans. Moscow: Progress: Progress-Akademiya. 528 p.
- Bochkarev V. S., 1982. Otchet Kubanskoj ekspeditsii LOIA za 1982 g. [Report of Kuban expedition of LOIA for 1982]. *Archive of KGIAMZ*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkarev V. S., Bestuzhev G. N., Bianki A. M., Trifonov V. A., 1991. Raskopki kurganov u stanitsy Bryukhovetskoy Krasnodarskogo kraja v 1978 g. [Excavations of kurgans near Cossack village Bryukhovetskaya, Krasnodar region in 1978]. *Drevniye kul'tur y Prikuban'ya [Ancient cultures of Kuban region]*. Leningrad: Nauka, pp. 3–58.
- Borbeli A., 1989. Taynasna [Mystery of dream]. V. M. Koval'zon, trans. Moscow: Znaniye. 192 p.
- Dvornikov E. P., 2019. Pogrebal'naya praktika arkhaiskikh kul'tur: struktura, semantika, interpretatsiya obryada [Burial practice in archaic cultures: structure, semantic, interpretation of rite]. Gorno-Altaysk: Bibliotechno-izdatel'skiytsentrGorno-Altayskogogos. universiteta. 211 p.
- Gey A. N., 1988. Otchet o rabote Plastunovskogo otryada SKAE IA AN SSSR v 1988 g. (kurgannyi mogil'nik Plastunovskiy) [Report on work of Plastunovskiy group of SKAE AN SSSR in 1988 (curgan cemetery Plastunovskiy)]. *Archive of KGIAMZ*. (In Russian, unpublished.)
- Gey A. N., 1999. O nekotorykh simvolicheskikh momentakh pogrebal'noy obryadnosti stepnykh skotovodov Predkavkaz'ya v epokhu bronzy [On some symbolic issues of burial rite among steppe stock-breeders of Fore-Caucasus in Middle Bronze Age]. *Pogrebal'nyy obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [Burial rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: Vostochnayaliteratura, pp. 78–113.
- Gey A. N., 2000. Novotitorovskaya kul'tura [Novotitorovka culture]. Moscow: Staryy sad. 223 p.
- GOST R 51617-2000. Gosudarstvennyy standart Rossiyskoy Federatsii. Zhilishchno-kommunal'nye uslugi. Obshchie tekhnicheskie usloviya. Prinyat i vveden v deystvie Postanovleniem Gosstandarta Rossii ot 19 iyunya 2000 g. № 158-st. [GOST R 51617-2000. State standard of the Russian Federation. Housing and communal services. General specifications. Adopted and put into effect by the Resolution of the state standard of Russia of June 19, 2000 No. 158-art. Elektronicresource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-51617-2000>.
- Kazarnitskiy A. A., Turkina I. S., 2016. Izmenchivost' nekotorykh skeletnykh poz v pogrebeniyakh epokhi ranney bronzy Prikuban'ya [Variability of some skeletal positions in Early Bronze Age burials of Kuban region]. *Radlovskiy sbornik. Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekt y MAERAN v 2015 g. [Radlov annual. Scientific investigations and museum projects of MAERAN in 2015]*. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 364–372.
- Klein L. S., 2007. Drevniye migratsii i proiskhozhdeniye indoyevropeyskikh narodov [Early migrations and origin of Indo-European peoples]. St. Petersburg. 226 p.
- Korenevskiy S. N., 2011. Rozhdeniye kurgana (pogrebal'nyye pamyatniki eneoliticheskogo vremeni Predkavkaz'ya i Volgo-Don'skogo mezhdurech'ya) [Birth of kurgan (burial sites of Neolithic period in Fore-Caucasus and Volga-Don interfluvium)]. Moscow: Taus. 256 p.
- Molodin V. I., Polos'mak N. V., Chikisheva T. A. et al., 2000. Fenomen altayskikh mumiy: kollektivnaya monografiya [Phenomenon of Altai mummies: collective monograph]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 320 p.
- Moss M., 2011. Tekhniki tela [Body technique]. *Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii [Societies. Exchange. Personality. Works in social anthropology]*. Moscow: Knizhnyy dom Universitet, pp. 304–325.
- Myl'nikov V. P., Bobrov V. V., 2011. Derevyannyye pogrebal'nyye sooruzheniya epokhi bronzy Zapadnoy Sibiri [Bronze Age wooden burial constructions in West Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Ser.: History, philology]*, vol. 10, no. 3, pp. 92–99.
- Nekhayev A. A., 1980. Otchet o raskopkakh v Korenovskom i Dinskom rayonakh Krasnodarskogo kraja v 1980 g. [Report on excavations in Korenevskiy and Dinskiy districts, Krasnodar region in 1980]. *Archive of KGIAMZ*. (In Russian, unpublished.)
- Nikitayev V. V., 2005. Germenevtika smerti [Hermeneutics of death]. *Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal [Logos. Journal of philosophy and literature]*, 2 (47), pp. 202–220.
- Paromov Ya. M., 2019. Obryad parnykh pogrebeniy na Tamanskom poluostrove i otrazheniye ego ideala v mogilakh Artyukhovskogo kurgana [Ritual of double burials in Taman peninsula and reflection

- of its ideal in Artyukhovskiy kurgan graves]. *Bosporskiye issledovaniya [Bosporus studies]*, 38. Kerch': Demetra, pp. 39–92.
- Pustovalov S. Zh., 2000. Kurgan «Tyagunova Mogila» i problemy kolesnogo transporta yamno-katakombnoy epokhi v Vostochnoy Evrope [«Tyagunova Mogila» kurgan and issues of wheeled means of transportation in Yamnaya-Catacomb cultures epoch in Eastern Europe]. *SP*, 2, pp. 296–321.
- Raspisanie pogody. [*Weather Schedule. Elektronic resource*]. URL: rp5.ru.
- Sarianidi V. I., 1993. V poiskakh strany Margush [In search of the land of Margush]. Moscow. 362 p.
- Sarianidi V. I., 2010. Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskiye dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktriii Margiane) [Long before Zarathustra (Archaeological evidences of proto-Zoroastrianism in Bactria and Margiana)]. Moscow: Staryy sad. 200 p.
- Tkachev V. V., 2007. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of South Urals and West Kazakhstan at the turn of Middle and Late Bronze Ages]. Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii. 384 p.
- Uraykin S. V., 1993. Pogrebeniya epokhi bronzy iz kurgana v Stepnom Prikuban'ye [Bronze Age burials from a kurgan in Steppe Kuban region]. *Muzeynyy vestnik [Museum bulletin]*, 1. Krasnodar, pp. 10–23.

About the authors

Kazarnitskiy Aleksey A., Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, Sant-Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kazarnitski@mail.ru;

Turkina Irina S., Secondary school No. 1, ul. Sovetskaya, 8, stanitsa Azovskaya, 353245, Severskiy district, Krasnodar region, Russian Federation; e-mail: cannamell@yandex.ru

Т. Н. Смекалова, В. Е. Науменко, М. А. Кулькова,
И. А. Завадская, Б. В. Беван

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ИЛЬКА 2 В ГОРНОМ КРЫМУ И ЕГО ПРОДУКЦИИ*

Резюме. Применение магнитной съемки для поиска и исследования раннесредневекового центра по производству керамики Илька 2 в окрестностях Мангупа позволило определить его точное местоположение и обнаружить не менее четырех крупных обжигательных печей, входящих в его состав. Раскопки одной из четырнадцати (№ 3) выявили два периода функционирования центра (VIII–X и XIII–XV вв.), ассортимент выпускаемой продукции, размеры и конструктивные особенности, позволяющие судить о степени развития технологии обжига крупных керамических сосудов (амфор) и черепицы. Проведенные сравнительные микроморфометрические исследования образцов черепицы из производственного центра Илька 2 и раскопок раннесредневекового города Эски-Кермен показали их схожесть, что дает представление о торговых путях и ареале сбыта продукции гончарного центра. Был сделан вывод о высокоразвитых технологии и производительности керамической отрасли в средневековой Таврике, достигаемых за счет узкой специализации индустрии, ее обособления и перемещения в горные лесные районы с целью приближения к необходимым источникам сырья и топлива.

Ключевые слова: Таврика, раннесредневековые керамические центры, обжигательные печи, магнитная съемка, петрографический анализ черепицы, Илька 2, Мангуп, Эски-Кермен.

* Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ-офи-м № 17-29-04201 «Комплексные естественно-научные исследования античного керамического материала из торговых центров Причерноморья».

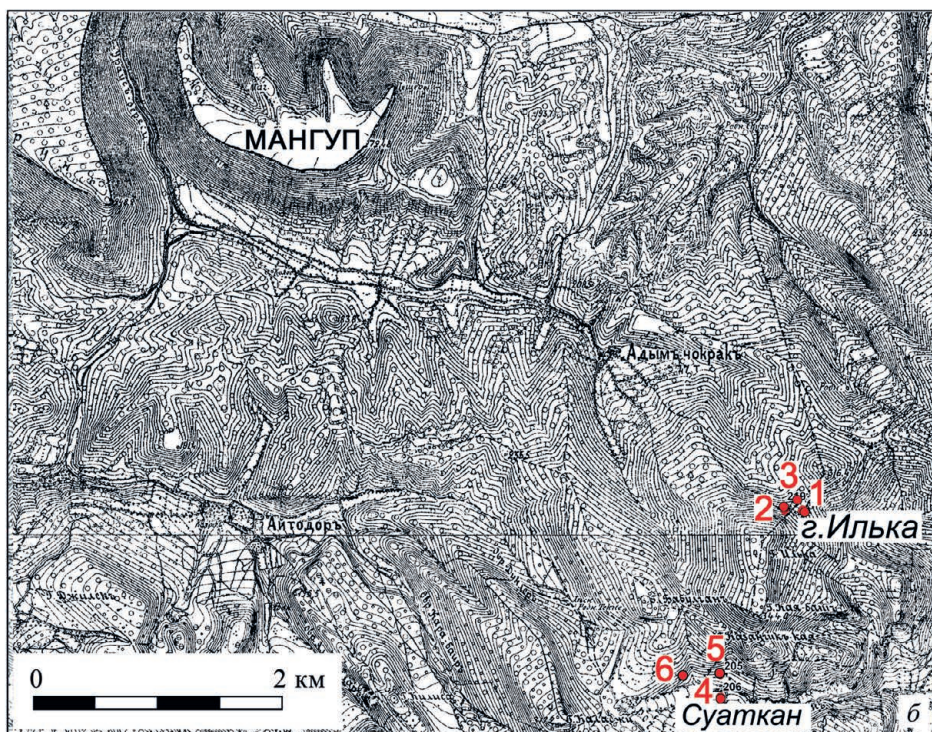
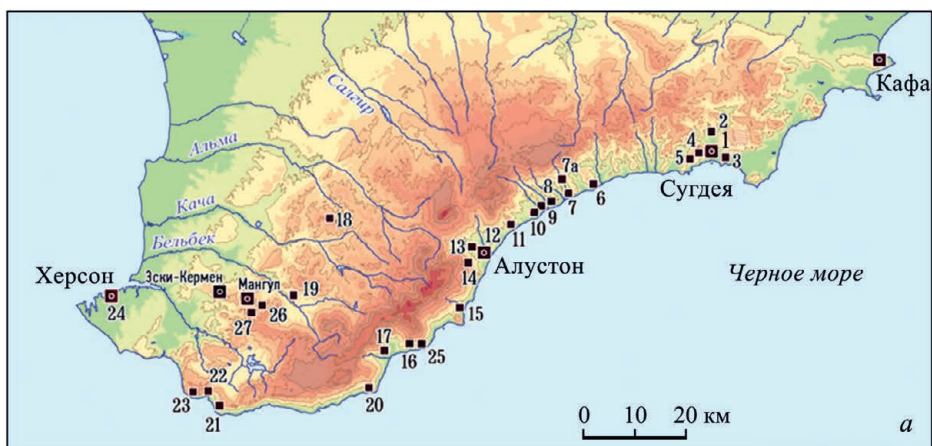
Одними из ярких показателей развития производства керамических строительных материалов в раннем Средневековье являются крупные гончарные центры, распространенные в лесных районах Горного и Предгорного Крыма. Несмотря на важность этой отрасли для экономики византийской Таврики, исследования и публикации на указанную тему в археологической литературе все еще чрезвычайно редки. После давних публикаций по керамическому производству (Якобсон, 1954; 1977; 1979; Якобсон, Чореф, 1972; 1973; Якобсон, Фронджуло, 1971; Фронджуло, 1968; Баранов, 1979) в печати появилась, пожалуй, всего одна обобщающая коллективная работа, в которой собраны археологические данные по всем обжигательным гончарным печам Горного Крыма (Паршина и др., 2001).

В фундаментальном исследовании А. Л. Якобсона «Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики» (1979) прослеживается ход развития гончарного ремесла Крыма в тот или иной период истории и влияние внешних факторов, изучаются связи города и деревни. А. Л. Якобсон уделяет большое внимание изучению разнообразия форм керамических посуды, тары и строительных материалов, их преемственности и развития. Предметом отдельного интереса является исследование знаков на гончарных изделиях. Несмотря на широкий охват тем в работе А. Л. Якобсона, на наш взгляд, в ней незаслуженно скромное место занимает анализ самого производственного процесса, особенно обжига изделий из глины. Между тем именно эта операция является одной из самых ответственных и сложных в гончарном производстве, поскольку от качества обжига зависят прочность изделий, окончательный внешний вид, другие технические показатели. Средневековые гончарные печи являются своего рода вершиной технической мысли того времени: при больших размерах обжигательной камеры (вмещала 200–300 амфор) удавалось достичь равномерности распределения высокой температуры (800–1000 °С) по всему объему и в течение длительного времени обжига (более суток).

Гончарные центры Горной Таврики представляют собой настоящие небольшие «заводы» по производству важных для жизни и обихода людей тарной и столовой керамики и строительных материалов. Каждый из этих центров состоял из нескольких крупных печей, неподалеку от которых находились ямы для приготовления глиняного теста, площадки для выделки посуды, навесы для просушки готовых глиняных изделий, свалки керамического брака и боя, временные жилища работников, склады готовой продукции и т. п. Многочасовой процесс обжига требовал огромного количества дров, именно поэтому печи размещались в лесных массивах, т. е. были приближены к источнику топлива. Гончарные мастерские соединялись с ближайшими городскими центрами сетью дорог, по которым доставлялась продукция. Безусловно, каждый из таких центров играл заметную роль в экономической и социальной жизни региона; в этих центрах трудились опытные мастера, настоящие знатоки своего сложного ремесла.

Обнаружение и исследование гончарных центров

Несмотря на то что к настоящему времени известно уже довольно большое количество средневековых обжигательных центров (см. карту на рис. 1: *a*), многие другие остаются, вероятно, еще не открытыми и неисследованными, что связано со сложностью их обнаружения в горной лесной местности. Традиционные археологические разведки зачастую не дают результатов, так как остатки

печей задернованы и не имеют внешних признаков. Печи обычно обнаруживаются только при антропогенных или природных повреждениях поверхности в срезках дорог, обрывах, при оползнях, в других обнажениях. Если таковых нет, без применения геофизических методов, а точнее, магнитной съемки, практически невозможно выявить обжигательные печи и сопутствующие им элементы гончарных центров, определить их точные местоположение и размеры. Именно магнитная съемка позволяет безошибочно обнаруживать все печи, даже не проявляющиеся во внешних признаках, определять их тип, степень сохранности, конструктивные особенности и даже приблизительно оценить их возраст.

Магнитометрическая методика исследования гончарных центров

Метод базируется на уникальных сильномагнитных свойствах гончарных печей, приобретенных во время их функционирования. Средневековые гончарные печи в Крыму представляли собой двухъярусные прямоугольные, реже круглые, сооружения крупных размеров (ширина и длина – до 3–5 м, высота – 2–4 м). Они сооружались из сырцовых кирпичей, обожженных в процессе эксплуатации печей. В нижнем ярусе размещалась топочная камера, часто сложной структуры, с одним или двумя продольными каналами, от которых ответвлялись короткие поперечные каналы для движения топочных газов. В перекрытии между ярусами (так называемый *под* печи) были сделаны жаропроводящие отверстия (продухи), по которым топочные газы поступали в верхнюю обжигательную камеру, перекрытую сводом (Якобсон, 1979. С. 39–60). В топочной и обжигательной камерах достигаются температуры более 1000 и 700 °С соответственно.

Оксиды и гидроксиды железа, содержащиеся в сырой глине в количестве примерно 5–7 %, нагретые до высоких температур (выше точки Кюри), претерпевают фазовые превращения (переходят в ферромагнетики) и при остывании приобретают свойства постоянного магнита. Из-за большой массы прокаленной глины печи создают чрезвычайно интенсивные магнитные аномалии. Поскольку гончарные печи не смещались со своего места, вектор термоостаточной намагниченности в обожженной глине сохраняет направление древнего магнитного поля. Это важное обстоятельство обуславливает специфический вид магнитных аномалий, что помогает при поиске печей, а также открывает возможность их датировки по ориентированным отобраным образцам печины (Бурлацкая,

Рис. 1 (с. 328). Средневековые гончарные центры в Крыму

a – карта распространения средневековых гончарных центров в Горном Крыму: 1 – Судак; 2 – у дороги Судак-Новый Свет; 3 – у мыса Меганом; 4 – Новый Свет; 5 – у с. Лесное; 6 – Чобан-Куле; 7 – Канакская балка; 7а – Северная Канакская балка; 8 – у с. Приветное; 9 – у с. Рыбачье; 10 – у с. Малореченское; 11 – Сотера; 12 – Алушта; 13 – у с. Виноградное; 14 – склон горы Урага; 15 – у с. Фрунзенское; 16 – Никитский сад; 17 – в урочище Суат близ Ялты; 18 – Трудолюбовка; 19 – Голубинка; 20 – в горах близ Мисхора; 21 – у горы Ильяс-Кая; 22 – Ласпи; 23 – Бати-Лиман; 24 – Херсон; 25 – над Ливадией; 26 – у горы Илька; 27 – в урочище Суаткан; *b* – полуверстовая карта конца XIX в. окрестностей Мангупа. План расположения гончарных центров у г. Илька (1–3) и в урочище Суаткан (4–6)

1965; Загний, Русаков, 1982) или по аномалиям магнитного поля над печью (Глазунов, Пелевина, 1987; Смекалова и др., 2000. С. 102–109).

Крупные одно- или двухканальные прямоугольные печи можно уподобить модели в виде трех вертикальных призм, образующих П-образную форму (рис. 2: з). Максимум магнитной аномалии несколько смещен к югу относительно центра печи; к северу от него находится отрицательная часть аномалии величиной примерно в 6 раз меньше максимума. Асимметрия аномалии над печью обуславливается наклоном Земного магнитного поля, для широт Крыма равно приближительно 60° . Как показали наши исследования, средневековые гончарные печи в Крыму создают магнитные аномалии от 200 до 4000 нТл (Там же. Рис. 51). Площадь положительной части аномалии над печами соответствует их размерам и обычно составляет от 3×3 до 6×6 кв. м. С севера положительная область обрамляется меньшей по величине, но большей по площади отрицательной аномалией.

Метод магнитной съемки на археологических памятниках основан на измерении Земного магнитного поля с мелким шагом (не более 0,5 м) и близко к поверхности (около 0,25 м). Локальные изменения магнитного поля определяются величиной контраста магнитных свойств археологических объектов и вмещающей среды (Smekalova et al., 2016; Bevan, Smekalova, 2013). Наиболее интенсивные аномалии наблюдаются именно над керамическими обжигательными печами, поскольку они представляют собой огромную массу прокаленной намагниченной глины.

На первом этапе двухстадийной магнитометрической методики проводится обследование территорий, где предполагается нахождение гончарного центра, методом «свободного поиска». При этом магнитные измерения осуществляются без использования координатной сети по произвольным маршрутам с шагом около 1,5 м. Оператор, передвигаясь по исследуемому участку, следит за показаниями магнитометра и отмечает флажками-реперами пиковые значения интенсивных аномалий. Координаты аномалий от печей затем измеряются GPS-приемником и наносятся на геореферированную карту местности. При поиске учитывается тот факт, что печи обычно сооружались на склонах, поэтому участки с наклонным рельефом изучаются в первую очередь.

Вторая стадия – детальное магнитометрическое исследование выявленных печей с шагом 0,25–0,5 м, для чего разбиваются локальные координатные сети над каждой аномалией¹, координаты углов которой измеряются с помощью дифференциального GPS-приемника. Измерения проводятся на минимальной высоте, так как это увеличивает пространственное разрешение магнитной съемки. Контрольный датчик устанавливается в области «нормального» поля; он фиксирует изменения магнитного поля Земли во времени. Временные вариации затем

¹ Детальная магнитная съемка печей часто бывает затруднена в связи с густой древесной и кустарниковой растительностью в местах их расположения. Если условия позволяют, необходимо охватывать магнитной съемкой все пространство вокруг аномалий от печей, так как рядом могут находиться другие объекты, принадлежащие гончарным центрам: ямы для замеса глины, отвалы бракованной продукции и пр.

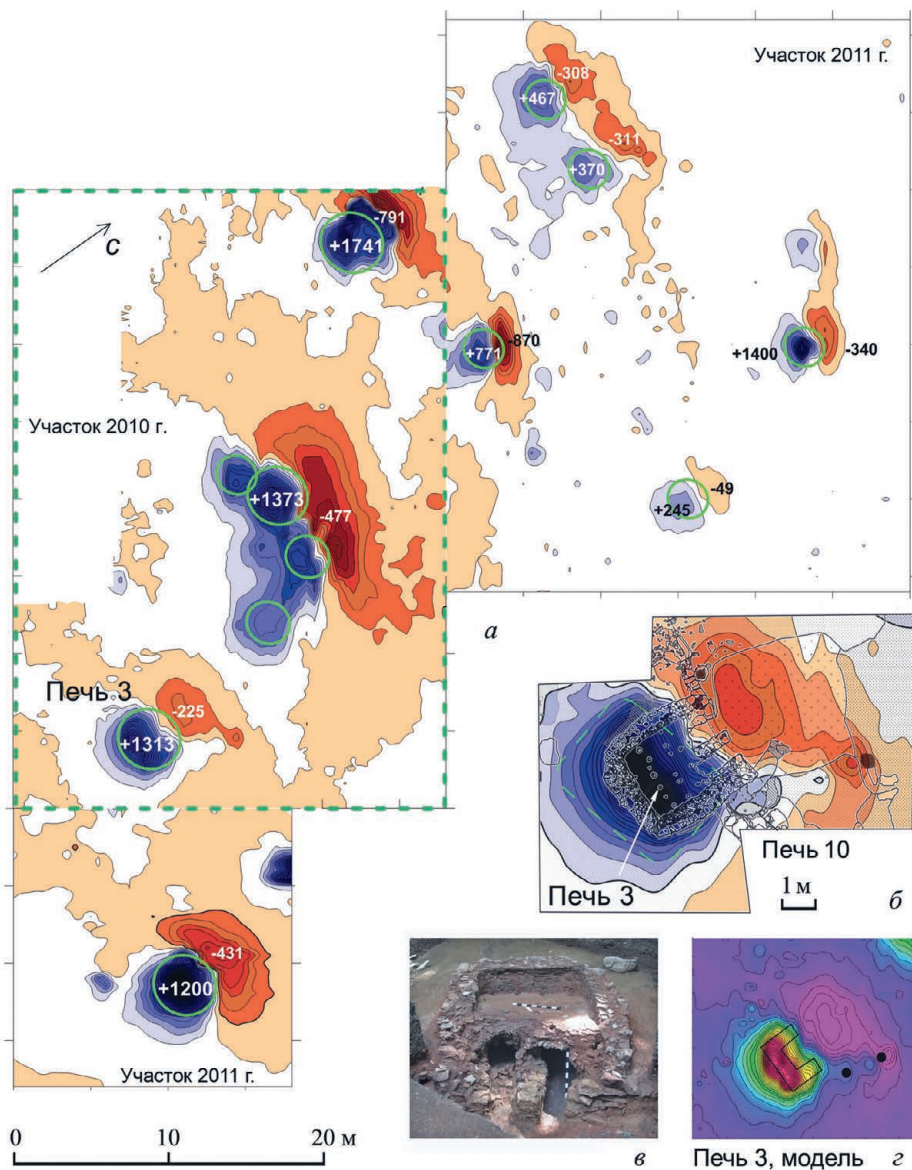

Рис. 2. Гончарный центр Илька 2

а – магнитная карта. Изолинии проведены через 100 нТл. Печь 3 была раскопана в 2012 г.; *б* – печи 3 и 10. Совмещение плана раскопа и магнитной карты. Изолинии проведены через 50 нТл; *в* – фотография раскопанной печи 3; *г* – магнитная модель печи 3

исключаются из измерений, проведенных рабочим магнитометром на исследуемых участках.

Полученные магнитные карты дают представление о точном расположении, размерах, внутренней структуре, типе, степени сохранности печей и о сопутствующих объектах. По этим результатам можно выбрать участок для целенаправленного археологического исследования. Для обеспечения сохранности археологического памятника важно, что при таком подходе раскопкам подвергаются лишь некоторые печи, а остальные остаются неприкосновенными.

Необходимо отдельно отметить, что магнитометрия – единственный метод, который позволяет выявить все печи, принадлежащие гончарному центру, так как обычно они никак не проявляются во внешних признаках и могут быть легко пропущены при традиционном археологическом исследовании.

Начало исследованиям гончарных центров с использованием магнитометрии в Крыму положил в 1960-е гг. К. К. Шилик, который провел разведочные исследования в п. Уютное, Канакской балке и у подножия крепости Чобан-Куле в Юго-Восточном Крыму. К. К. Шилику удалось зафиксировать аномалии над многими гончарными печами, некоторые из которых затем были проверены раскопками (*Шилик, 1974*).

Несмотря на очевидную перспективность магниторазведки для исследования керамических центров, этот геофизический метод в течение 25 лет после работ К. К. Шилика в Крыму не применялся. Только в начале 1980-х гг. были проведены новые магнитометрические работы на одной из печей у с. Голубинка в Предгорном Крыму под руководством В. В. Глазунова (Ленинградский Горный институт) (*Глазунов, Пелевина, 1987*). В 1993–1998 гг. проводились систематические работы под руководством Т. Н. Смекаловой по детальному магнитометрическому изучению всех известных на то время гончарных центров средневековой Таврики. Главным результатом этого этапа работ стали полученные карта распространения гончарных центров в Горном Крыму (рис. 1), детальные магнитные планы двух крупнейших из центров обжига керамики в Алуште и у Чобан-Куле, обнаружение и детальное исследование нового гончарного центра в верхней части Канакской балки и на территории Никитского ботанического сада. Общее число печей, обнаруженных и исследованных с помощью магнитометрии, достигло двух десятков. Две печи, найденные с помощью магниторазведки в Алуште и в Верхней Канакской балке, были раскопаны (*Мыц, Смекалова, 1997; Смекалова и др., 2000*).

Археолого-геофизические исследования керамических центров в районе Мангупа

Новый цикл исследований гончарных центров средневековой Таврики был начат в 2010–2011 гг. в окрестностях важнейшего в крымских предгорьях города-крепости Мангупа. Изучались два района его южной периферии – на склонах горы Илька и в урочище Суаткан (рис. 1: б). Существование здесь производственных керамических центров было зафиксировано еще с начала 1990-х гг. по находкам обломков печины, спекшейся бракованной керамики и черепицы,

однако точное местоположение печей оставалось неизвестным. Только в 2010 г. многочисленные гончарные печи были локализованы с помощью магнитометра в верхней части северо-восточного склона г. Илька, намного выше их ожидаемого положения в местах обнаружения фрагментов печины, скатившихся вниз по склону. Позднее были открыты несколько обжигательных печей и крупный гончарный центр в урочище Суаткан (рис. 1: б, 4–6) (Моисеев и др., 2013; Герцен и др., 2016. С. 137, 138; Смекалова, 2017; Смекалова, Яцишина, 2018). Разведочные и детальные магнитометрические исследования проводились по разработанной ранее двухстадийной методике с использованием Оверхаузеровского магнитометра GSM-19WG канадской фирмы Gem Systems.

Керамические производственные центры на склонах г. Илька располагаются приблизительно в 5 км к юго-востоку от Мангупского городища (рис. 1: б, 1–3), где были обнаружены три гончарные мастерские (Илька 1–3), насчитывающие в общей сложности два десятка печей (Моисеев и др., 2011).

Илька 1. Гончарный центр расположен непосредственно в седловине, образованной горами Орта-Сырт и Илька (рис. 1: б, 1). По данным магнитной разведки методом «свободного поиска» можно заключить, что гончарный центр Илька 1 насчитывает не менее 8 печей, 6 из которых были засняты с помощью детальной магнитной съемки (Смекалова, 2017. Рис. 12). Печи создают мощные магнитные аномалии амплитудами до 2000 нТл и значительной занимаемой площадью, что свидетельствует о наличии здесь двухкамерных печей с сохранившимися подами. В ходе последующих выборочных раскопок были раскрыты крупная печь 1 и соседняя небольшая гончарная печь 2, а также множество сопутствующих археологических объектов, имеющих отношение к производственному процессу (участки складирования черепицы-сырца, концентрации производственного брака и т. п.). Результаты раскопок полностью подтвердили данные магнитометрии.

Илька 2. На керамическом производственном центре Илька 2 (рис. 1: б, 2) по данным метода «свободного поиска» разведано 14 гончарных печей, которые расположены в три ряда на южном склоне седловины Баклы-Дере (рис. 2: а). Это самое крупное скопление обжигательных печей на склоне г. Илька. Три из исследованных печей имеют очень крупные размеры (3 × 3 и 4 × 4 м), остальные – меньшие по площади или частично разрушены.

Для последующих раскопок была выбрана наиболее значительная аномалия в южной части гончарного центра (рис. 2: а, б). Аномалия над печью 3 этого центра была проанализирована с помощью программы «Potent» (разработанной компанией Geophysical Software Solutions, Australia). Наиболее вероятная модель печи представлена на рис. 2: в виде комбинации из трех вертикальных призм, образующих П-образную форму.

Общая площадь раскопа составила более 50 кв. м, мощность культурных напластований – до 2 м. Как выяснилось в ходе раскопок, на этом месте существовало две печи, которые отражают два различных этапа функционирования производственного центра. Первый из них представлен печью 10 – округлой в плане, диаметром около 1,2 м, с сохранившейся одноканальной топочной камерой. На ее месте позднее была сооружена более крупная, прямоугольная в плане, двухъярусная, двухканальная печь 3 общими размерами 3,9 × 3,5 м

(рис. 2: б, в). Топочная и обжигательная камеры разделены хорошо сохранившимся подом толщиной 0,2–0,3 м. Стены загрузочной камеры сохранились на высоту от 0,4–0,6 м до 1,2 м. Кладка купола печи возведена с использованием необработанного камня (внешняя обкладка) и крупных фрагментов черепицы (внутренний панцирь). Изнутри черепичный панцирь покрыт дополнительно глиняным раствором толщиной до 0,02–0,03 м. Топочная камера – двухканальная, ее устье оформлено тремя выступами-пилонами из известняковых обработанных блоков, с использованием в качестве строительного материала больших фрагментов керамид и калиптеров (Моисеев, 2012. С. 47). Рядом с печью 3 на уровне слоя функционирования комплекса зачищена яма для сбрасывания керамического брака. Керамический материал представлен в основном фрагментами амфор и черепицы, которые делятся на две хронологические группы – VIII–X и XIII–XV вв. Черепица более поздней хронологической группы, отличающаяся морфологически и технологически, находит прямые аналогии в находках из раскопок Мангупа, Эски-Кермена и Херсонесского городища (Там же. С. 48).

Гончарный центр *Илька 3* (рис. 1: б, 3) представлен всего одной крупной обжигательной печью, найденной методом «свободного поиска». Представление о точном местоположении и размерах печи было получено в ходе детальной магнитной съемки. Аномалия полной амплитудой почти 1000 нТл создается, вероятно, крупной гончарной печью, которая была частично повреждена при прокладке современной дороги. На окружающем участке иных аномалий, характерных для гончарных центров или поселения, магнитной съемкой не выявлено.

Сбыт продукции гончарного центра *Илька 2*

Для определения путей распространения продукции гончарного центра были отобраны образцы фрагментов черепицы из печи 3 гончарного центра *Илька 2* и из раскопок раннесредневекового города Эски-Кермена, расположенного в 10 км к северо-западу от Ильки. Эти образцы изучались с помощью микроморфометрического анализа в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена. Целью исследования было сравнение состава глиняного теста черепицы, выпускаемой гончарным центром *Илька 2*, и черепицы из раскопок Эски-Кермена.

Исследования керамических фрагментов проводились в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (65,7 раза). В результате был определен композиционный состав глин и отошителей, а также установлены температурные характеристики и некоторые технологические приемы.

Исследования показали, что несколько образцов черепицы из Ильки 2 и Эски-Кермена оказались практически полностью идентичны по составу глины и отошителей, кроме того, обжиг этих черепиц совершался в одних и тех же условиях. Данные образцы принадлежат группе Ia по эски-керменской классификации. Она была разработана при изучении многочисленных фрагментов строительной керамики, полученных в ходе раскопок средневекового жилого

квартала на Эски-Кермене, которые проводятся с 2003 г. под руководством А. И. Айбабина и Э. А. Хайрединовой (*Завадская*, 2015. С. 218–219). Технологическое и морфологическое единообразие керамид группы Ia уже в первые годы раскопок позволило сделать вывод о том, что они были произведены в одной керамической мастерской. Открытие керамического производственного центра на Ильке и сравнение обнаруженных там образцов черепицы с черепицей из Эски-Кермена по визуальным признакам позволило сделать предположение об их общем происхождении (*Завадская*, 2017. С. 160–184; *Завадская, Голофаст*, 2018. С. 331). Новейшие петрографические исследования подтверждают данное предположение и позволяют более уверенно говорить о том, что значительная часть строительной керамики, скорее всего, была привезена на городище Эски-Кермена из керамического производственного центра Илька 2.

Выводы

В представленной работе доказывается необходимость комплексного физико-археологического подхода к проблеме исследования гончарных центров средневековой Таврики. Уникальные магнитные свойства обжигательных печей делают их объектами первостепенной важности для археологической магниторазведки. Детально разработана методика физико-археологических исследований керамических печей Горного Крыма и проанализированы ее возможности. Только с помощью магнитной съемки можно выявить все печи, входящие в состав керамических обжигательных центров. Магнитные карты гончарных центров позволяют выбрать место и размер раскопа точно над интересующими печами.

Мастерские на склонах г. Илька по изготовлению керамических строительных материалов снабжали такие важные городские центры, как Мангуп и Эски-Кермен, а возможно, и Херсонес, черепичной продукцией. Само производство было приближено к источникам сырья (глина, вода, минеральные добавки) и, что наиболее важно, топлива, которым изобиловали леса Горного и Предгорного Крыма. Сеть дорог, связывающих места производства и сбыта продукции, охватывала всю предгорную и горную часть Юго-Западной Таврики. Ареал продукции гончарных центров в лесах под Мангупом еще предстоит определить путем дальнейших междисциплинарных исследований по разработанной авторами методике.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов И. А.*, 1979. Раннесредневековая печь в урочище Суат близ Ялты // Социальное развитие Византии / Отв. ред. М. Я. Сюзюмов. Свердловск: Уральский гос. ун-т. С. 112–118. (Античная древность и средние века; вып. 7.)
- Бурлацкая С. П.*, 1965. Археомagnetизм. Исследование магнитного поля Земли в прошлые эпохи. М.: Наука. 127 с.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В.*, 2016. Предварительные результаты комплексных междисциплинарных исследований Мангупского городища и его округа в 2015 г.: Традиционные объекты археологического изучения и новые проекты // КСИА. Вып. 243. С. 127–147.

- Глазунов В. В., Пелевина О. Л., 1987. Опыт датировки гончарной печи по магнитной аномалии АТ // Методы естественных наук в археологии. М.: Наука. С. 81–94.
- Завадская И. А., 2015. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX. Симферополь. С. 213–232.
- Завадская И. А., 2017. Черепица группы Ia на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXII. Симферополь. С. 158–184.
- Завадская И. А., Голофаст Л. А., 2018. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXIII. Симферополь. С. 305–358.
- Загний Г. Ф., Русаков О. М., 1982. Археологические вариации геомагнитного поля в юго-западной части СССР. Киев: Наукова думка. 126 с.
- Моисеев Д. А., 2012. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай. С. 46–48.
- Моисеев Д. А., Науменко В. Е., Смекалова Т. Н., Чудин В. А., 2011. Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // Археологічні дослідження в Україні в 2010 р. Київ. С. 241–243.
- Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин В. А., 2013. Разведки в урочище Суаткан на периферии Мангупского городища // Археологічні дослідження в Україні в 2012 р. Київ. С. 72–73.
- Мыц В. Л., Смекалова Т. Н., 1997. Методика магнитометрического изучения гончарных центров средневековой Таврики // Археология Крыма. Симферополь. № 1. С. 139–153.
- Паришина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М., 2001. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ. С. 52–81.
- Смекалова Т. Н., 2017. Керамические обжигательные печи и трансферт технологий в раннесредневековой Таврике по данным естественнонаучных исследований // Stratum plus. № 5. С. 143–162.
- Смекалова Т. Н., Мельников А. В., Мыц В. Л., Беван Б. В., 2000. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб.: Изд-во СПбГУ. 164 с.
- Смекалова Т. Н., Яцишина Е. Б., 2018. Магнитометрические исследования керамических обжигательных печей раннесредневековой Таврики. Новые результаты // Кристаллография. № 3. С. 491–501.
- Фронджуло М. А., 1968. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археология и история средневекового Крыма. Киев: Наукова думка. С. 133–157.
- Шилик К. К., 1974. О магниторазведке гончарных печей у Чобан-куле // КСИА. Вып. 140. С. 115–120.
- Якобсон А. Л., 1954. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 54. С. 164–172.
- Якобсон А. Л., 1977. Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА. Вып. 150. С. 42–48.
- Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука. 164 с.
- Якобсон А. Л., Фронджуло М. А., 1971. Гончарная печь VIII–IX вв. в Восточном Крыму // Археологические открытия 1970 г. М.: Наука. С. 365.
- Якобсон А. Л., Чореф М. Я., 1972. Гончарные печи VIII–IX вв. в Юго-Западном Крыму // Археологические открытия 1971 г. М.: Наука. С. 377–378.
- Якобсон А. Л., Чореф М. Я., 1973. Гончарные печи VIII–IX вв. в Бахчисарайском районе Крыма // Археологические открытия 1972 г. М.: Наука. С. 356.
- Bevan B. W., Smekalova T. N., 2013. Magnetic Exploration of Archaeological Sites // Good Practice in Archaeological Diagnostics, Non-invasive survey of complex archaeological sites / Eds.: C. Corsi, B. Slapsak, F. Vermeulen. Switzerland: Springer International Publishing. P. 133–152.
- Smekalova T. N., Yatsishina E. B., Garipov A. S., Pasumanskii A. E., Ketsko R. S., Chudin A. V., 2016. Natural science methods in field archaeology, with the case study of Crimea // Crystallography Reports. Vol. 61. Iss. 4. P. 533–542.

Сведения об авторах

Смекалова Татьяна Николаевна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 265007, Республика Крым, Россия; Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, Россия, 123098; e-mail: tnsmek@mail.ru;

Науменко Валерий Евгеньевич, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 265007, Республика Крым, Россия; e-mail: byzance@rambler.ru;

Кулькова Марианна Алексеевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kulkova@mail.ru;

Завадская Ирина Анатольевна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 265007, Республика Крым, Россия; e-mail: zavadskaaya_irina@mail.ru;

Беван Брюс Уоттс, Ltd “Geosight”, 356 Waddy drive, Weems, VA 22576, США; e-mail: geosight2@gmail.com

T. N. Smekalova, V. E. Naumenko, M. A. Kul'kova,
I. A. Zavadskaya, B. V. Bevan

SCIENTIFIC METHODS
IN THE STUDIES OF THE ILKA 2 MEDIEVAL CERAMIC CENTER
IN THE MOUNTAINOUS CRIMEA AND ITS PRODUCTS

Abstract. Magnetic survey applied to search and examine Ilka 2, which is a medieval ceramic center near Mangup, made it possible to detect its precise location and reveal not less than four large roasting kilns that operated at this center. Excavations of one of the kilns (kiln No. 3) identified two periods of the center operation (the 8th–10th centuries and the 13th–15th centuries), a product line, size and design features that offered an opportunity to assess to what extent the technology of firing large ceramic vessels (amphorae) and roof tiles was developed. Comparative micromorphometric studies of the tile specimens from the Ilka 2 production center and excavations of the medieval town of Eski-Kermen demonstrated their similarity which helps suggest trade routes and the sales area for products of this ceramic center. The study concludes that medieval Tauris had highly developed technologies and high productivity of the ceramic sector which were achieved through narrow specialization of the sector, its autonomous development and transfer of production to the mountainous forest areas to bring production closer to be needed sources of raw material and fuel.

Keywords: Tauris, medieval ceramic centers, roasting kilns, magnetic survey, petrographic analysis of roof tiles, Ilka 2, Mangup, Eski-Kermen.

REFERENCES

- Baranov I. A., 1979. Rannesrednevekovaya pech' v urochishche Suat bliz Yalty [Early medieval kiln in locality Suat near Yalta]. *Sotsial'noye razvitiye Vizantii [Social development of Byzantine]*. M. Ya. Syuzyumov, ed. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. universitet, pp. 112–118. (Antichnaya drevnost' i sredniye veka, 7.)

- Burlatskaya S. P., 1965. Arkheomagnetizm. Issledovaniye magnitnogo polya Zemli v proshlye epokhi [Archaeomagnetism. Research of the Earth magnetic field in past epochs]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Fronzhulo M. A., 1968. O rannesrednevekovom remeslennom proizvodstve v yugo-vostochnom Krymu [On early medieval production in Southeast Crimea]. *Arkheologiya i istoriya srednevekovogo Kryma* [Archaeology and history of medieval Crimea]. Kiev: Naukova dumka, pp. 133–157.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Yu., Chudin A. V., 2016. Predvaritel'nyye rezul'taty kompleksnykh mezhdistsiplinarnykh issledovaniy Mangupskogo gorodishcha i ego okruzi v 2015 g.: Traditsionnyye ob'yekty arkheologicheskogo izucheniya i novyye proyekty [Results of interdisciplinary studies of the Mangup hillfort and its vicinity in 2015: Traditional objects of archaeological studies and new projects]. *KSIA*, 243, pp. 127–147.
- Glazunov V. V., Pelevina O. L., 1987. Opyt datirovki goncharnoy pechi po magnitnoy anomalii AT [Experience of dating pottery kiln according to AT magnetic anomaly]. *Metody estestvennykh nauk v arkheologii* [Methods of natural sciences in archaeology]. Moscow: Nauka, pp. 81–94.
- Moiseyev D. A., 2012. Novyye srednevekovyye goncharnyye tsentry na yuzhnoy periferii Mangupskogo gorodishcha (okruga g. Il'ka): predvaritel'nyye rezul'taty [New medieval pottery-making centers in southern periphery of Mangup hillfort (mt. Ilka vicinity): preliminary results]. *I Bakhchisarayskiye nauchnyye chteniya pamyati E. V. Veymarna* [I Bakhchisaray scientific readings in memory of E. V. Veymarn]. Bakhchisaray, pp. 46–48.
- Moiseyev D. A., Naumenko V. E., Smekalova T. N., Chudin V. A., 2011. Razvedki na severo-vostochnom sklone g. Il'ka i v urochishche Suatkan [Reconnaissance on northeastern slope of Ilka mt. and locality Suatkan]. *Arkheologichni doslizhennya v Ukraini v 2010 r.* [Archaeological investigations in Ukraine in 2010]. Kiev, pp. 241–243.
- Moiseyev D. A., Smekalova T. N., Chudin A. V., 2013. Razvedki v urochishche Suatkan na periferii Mangupskogo gorodishcha [Reconnaissance in locality Suatkan in periphery of Mangup hillfort]. *Arkheologichni doslizhennya v Ukraini v 2012 r.* [Archaeological investigations in Ukraine in 2012]. Kiev, pp. 72–73.
- Myts V. L., Smekalova T. N., 1997. Metodika magnetometricheskogo izucheniya goncharnykh tsentrov srednevekovoy Tavriki [Method of magnetometric study of pottery-producing centers in medieval Taurica]. *Arkheologiya Kryma* [Archaeology of Crimea]. Simferopol, 1, pp. 139–153.
- Parshina E. A., Teslenko I. B., Zelenko S. M., 2001. Goncharnyye tsentry Tavriki VIII–X vv. [Pottery-making centers in Taurica, VIII–X cc.]. *Mors'ka torgovlya v Pivnichnomu Prichornom'ri* [Maritime trade in North Pontic region]. Kiev, pp. 52–81.
- Shilik K. K., 1974. O magnitorazvedke goncharnykh pechey u Choban-kule [On magnetic reconnaissance of pottery kilns near Choban-kule]. *KSIA*, 140, pp. 115–120.
- Smekalova T. N., 2017. Keramicheskiye obzhigatel'nyye pechi i transfert tekhnologiy v rannesrednevekovoy Tavrike po dannym estestvennonauchnykh issledovaniy [Ceramic kilns and technology transfer in early medieval Taurica based on data of natural science studies]. *SP*, 5, pp. 143–162.
- Smekalova T. N., Mel'nikov A. V., Myts V. L., Bevan B. V., 2000. Magnetometricheskoye izucheniye goncharnykh pechey srednevekovoy Tavriki [Magnetometric study of pottery kilns in medieval Taurica]. St. Petersburg: SPbGU. 164 p.
- Smekalova T. N., Yatsishina E. B., 2018. Magnetometricheskiye issledovaniya keramicheskikh obzhigatel'nykh pechey rannesrednevekovoy Tavriki. Novyye rezul'taty [Magnetometric studies of pottery-roasting kilns in early medieval Taurica. New results]. *Kristallografiya* [Crystallography], 3, pp. 491–501.
- Yakobson A. L., 1954. Rannesrednevekovyye goncharnyye pechi v Vostochnom Krymu [Early medieval pottery kilns in Eastern Crimea]. *KSIMK*, 54, pp. 164–172.
- Yakobson A. L., 1977. Goncharnyye tsentry VIII–IX vv. v Tavrike [Pottery kilns of VIII–IX cc. in Taurica]. *KSIA*, 150, pp. 42–48.
- Yakobson A. L., 1979. Keramika i keramicheskoye proizvodstvo srednevekovoy Tavriki [Ceramics and ceramic production in medieval Taurica]. Leningrad: Nauka. 164 p.
- Yakobson A. L., Choref M. Ya., 1972. Goncharnyye pechi VIII–IX vv. v Yugo-Zapadnom Krymu [Pottery kilns of VIII–IX cc. in Southwestern Crimea]. *AO 1971*, pp. 377–378.
- Yakobson A. L., Choref M. Ya., 1973. Goncharnyye pechi VIII–IX vv. v Bakhchisarayskom rayone Kryma [Pottery kilns of VIII–IX cc. in Bakhchisaray district of Crimea]. *AO 1972*, pp. 356.

- Yakobson A. L., Frondzhulo M. A., 1971. Goncharnaya pech' VIII–IX vv. v Vostochnom Krymu [Pottery kiln of VIII–IX cc. in Eastern Crimea]. *AO 1970*, p. 365.
- Zagniy G. F., Rusakov O. M., 1982. Arkheovekovyye variatsii geomagnitnogo polya v yugo-zapadnoy chasti SSSR [Archeval variations of geomagnetic field in Southwestern part of the USSR]. Kiev: Naukova dumka. 126 p.
- Zavadskaya I. A., 2015. Problemy interpretatsii rel'yefnykh metok na srednevekovoy cherepitse Kryma [Issues of interpretation of relief marks on Crimea medieval roof-tiles]. *MAIET*, XX, pp. 213–232.
- Zavadskaya I. A., 2017. Cherepitsa gruppy Ia na Eski-Kermene: k voprosu o meste proizvodstva [Roof-tiles of group Ia at Eski-Kermen: concerning place of production]. *MAIET*, XXII, pp. 158–184.
- Zavadskaya I. A., Golofast L. A., 2018. Keramicheskiye komplekсы khozyaystvennykh vyrubok v kvartale 1 na gorodishche Eski-Kermen (raskopki 2006 i 2007 gg.) [Ceramic complexes of economic clearings in quarter 1 at the Eski-Kermen hillfort (2006 and 2007 excavations)]. *MAIET*, XXIII, pp. 305–358.

About the authors

Smekalova Tatyana N., Vernadskiy Crimea Federal university, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, 265007, Republic of Crimea, Russian Federation; National Research Center «Kurchatov Institute», Ac. Kurchatov pl., 1, Moscow, 123098, Russian Federation; e-mail: tsmek@mail.ru;

Naumenko Valeriy E., Vernadskiy Crimea Federal university, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, 265007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: byzance@rambler.ru;

Kul'kova Marianna A., Gertsen Russian State pedagogical university, nab. reki Moyki, 48, St.Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulkova@mail.ru;

Zavadskaya Irina A., Vernadskiy Crimea Federal university, prosp. Akademika Vernadskogo, 4, Simferopol, 265007, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: zavadskaya_irina@mail.ru;

Bevan Bruce V., Ltd “Geosight” , 356 Waddy drive, Weems, VA 22576, USA, e-mail: geosight2@gmail.com

С. Б. Болелов, Г. Ю. Колганова,
М. Г. Никифоров, Г. П. Семикопенко

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБРАБОТКИ СПУТНИКОВЫХ СНИМКОВ*

Резюме. Публикация посвящена краткому описанию информации, полученной в результате аналитической работы по сопоставлению имеющихся схем Якке-Парсанского канала и канала Гавхорэ с космическими снимками этих территорий, позволившей уточнить ранее опубликованные результаты относительно не сохранившихся до нашего времени объектов. А главное – удалось выявить не обнаруженные во время работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции археологические объекты. Публикация показывает также разрешающие способности космических снимков для решения археологических задач.

Ключевые слова: Хорезм, спутниковые снимки высокого разрешения, археологические памятники, Якке-Парсанский канал, канал Гавхорэ.

В результате работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) под руководством С. П. Толстова в нижнем течении Амударьи более 70 лет назад было открыто большое число крепостей, замков и поселений. Самым крупным и наиболее исследованным из них посвящены монографические исследования (Кой-Крылган-кала..., 1967; Городище Топрак-кала..., 1981). Другие описаны частично или просто упомянуты.

Составление археологических карт того или иного региона всегда сталкивается с проблемой источников информации. До середины XX в. основным источником для такой работы являлись разведочные исследования археологов, которые первоначально пешком, а затем на автомобилях обследовали территорию, фиксируя объекты и определяя их датировку. С. П. Толстовым впервые для такой работы была использована малая авиация, позволившая за короткие сроки

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00040 А.

охватить обширные пространства (Толстов, 1948а; 1948б). Таким образом, была составлена серия карт разных оазисов и археологическая карта Хорезма в целом. Не все они, так же как и планы отдельных памятников, при внимательном рассмотрении оказались очень точными. Погрешность определения координат памятников важна, в том числе и для выяснения степени освоенности территории, плотности ее заселенности, соотношения размеров поселений. Кроме того, не все памятники, даже те, которые были открыты в ходе маршрутных исследований археолого-топографического отряда под руководством Б. В. Андрианова, были отмечены на археологической карте. Особенно это касается небольших неукрепленных поселений или усадеб в окрестностях крепостей и крупных городищ. В монографии, посвященной древней ирригации Хорезма (Андрианов, 1969), они упоминаются зачастую как точки под определенным порядковым номером.

Во второй половине XX в. в арсенале археологов появились и космические снимки, давшие возможность получить топографическую и картографическую информацию сразу по большим территориям, а снимки значительных по площади территорий, сделанные в динамике за несколько десятилетий, позволили хотя бы в общих чертах оценить степень их сохранности и приблизительно оценить размеры утрат, произошедших за это время.

В процессе работы по гранту в 2019 г. нами была проделана аналитическая работа по корректировке опубликованных ранее картографических схем оазисов Правобережного Хорезма, базировавшихся на двух относительно разновременных каналах: Гавхорэ, подведенном непосредственно к крупнейшему городищу и культовому центру античного Хорезма – Топрак-кале, и раннесредневековом Якке-Парсанском, отрезок которого подходил к, возможно, столичному дворцовому центру Аяз-кала 2, постройка которого датируется IV–V вв. н. э. (Неразик, 2013. С. 148, 149). Сравнение уже известных схем оазисов с космическими снимками этих территорий дало возможность уточнить, а зачастую и дополнить ранее опубликованные результаты. Прежде всего это касается не существующих в настоящее время археологических объектов. Кроме того, удалось выявить и такие объекты, которые по каким-то причинам не были обнаружены или не были отмечены на картах во время работы ХААЭ.

Краткому описанию полученной информации и посвящена данная предварительная публикация, которая в том числе показывает и разрешающие способности космических снимков для решения археологических задач.

В литературе с разной степенью подробности описаны в основном только наиболее крупные памятники, сохранившиеся до нашего времени. К ним относятся: Топрак-кала, комплекс Аяз-кала, Якке-Парсан, Кош-Парсан, Айр-кала, Кават-кала, Кызыл-кала и др. Есть публикации, в которых описаны несохранившиеся памятники, например, Безымянный замок, Хайдар-тепе, Кум-кала и т. д., откуда можно получить информацию о размерах и архитектуре этих сооружений.

Однако есть ряд памятников, которые не описаны в публикациях, об их существовании известно только потому, что они обозначены точкой на археологических картах. Обработка спутниковых снимков позволяет получить информацию об облике и общих принципах планировки этих сооружений. Кроме того, анализ космических снимков позволил обнаружить ряд ранее неизвестных памятников.

Уточнение информации об известных объектах

Рассмотрим карту канала Гавхорэ, составленную Б. В. Андриановым (1969, вкладка).

Памятник П-1. (Оценка координат: $41^{\circ}55'59''$ С.Ш.; $60^{\circ}47'44''$ В.Д.) К востоку от Кызыл-калы есть отметка № 1404, которую Б. В. Андрианов описывает как сильно разрушенное укрепление (Андрианов, 1969. С. 141). На основании анализа спутниковых снимков установлено, что данный памятник расположен на расстоянии 1000 м к востоку от Кызыл-калы по азимуту $A = 69^{\circ}$ и в 2100 м от северо-западного угла Топрак-калы. Примерно посередине между Кызыл-калой и объектом П-1 проходил канал, откуда можно предположить, что оба укрепления служили для его защиты (рис. 1). Кроме того, на спутниковом снимке вполне достоверно определяются агропланировки в окрестностях П-1, что дает некоторые основания считать его небольшим укрепленным поселением или замком.

Памятник имеет форму квадрата со стороной около 65 м. Наличие башен или предвратного лабиринта по спутниковому снимку установить не представляется возможным.

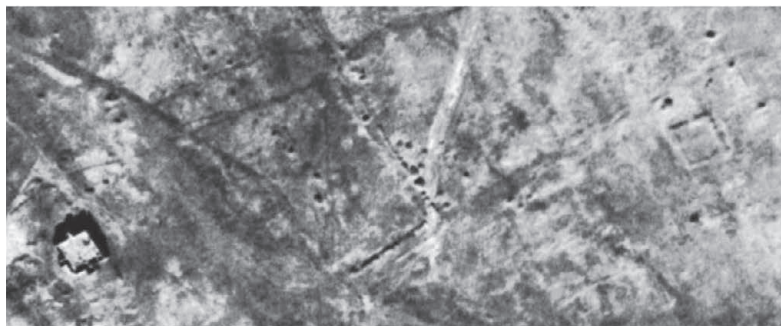
Памятник П-2. (Оценка координат: $41^{\circ}54'48''$ С.Ш.; $60^{\circ}50'00''$ В.Д.) Данный объект расположен в 1500 м к юго-юго-востоку от Топрак-калы и находится примерно в 50 м к западу от русла пересохшего канала. Памятник имеет форму квадрата с размерами 190 м, укрепленного по периметру стен башнями. Судя по размерам и фортификации, этот объект следует отнести к крепостям. На северной и восточной стенах хорошо виден ряд башен, по четыре на каждой из сторон (рис. 2: а, б).

Сохранившиеся башни равноудалены друг от друга, среднее расстояние между ними составляет около 47 м. Б. В. Андрианов идентифицирует этот памятник как средневековый административный центр Топрак-2 (Андрианов, 1969. С. 141). Любопытно отметить, что, хотя ко времени строительства Топрак-2 Топрак-кала уже не функционировала, пространственная ориентация стен обоих сооружений совпадает с точностью до $1-2^{\circ}$.

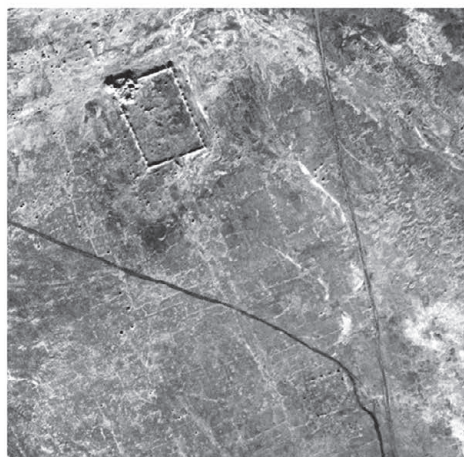
Памятник П-3. (Оценка координат: $41^{\circ}54'16''$ С.Ш.; $60^{\circ}54'33''$ В.Д.) Представляет собой квадрат правильной формы со стороной около 15 м, расположенный 820 м северо-восточнее Кош-Парсана по азимуту 78° (рис. 3). Может являться отдельной сторожевой башней или цитаделью, хотя остатки стен на спутниковых снимках не обнаруживаются. Вероятно, памятник синхронен Кош-Парсану. Обозначен на карте Б. В. Андрианова под номером 1427.

Замок II. (Оценка координат: $41^{\circ}50'19''$ С.Ш.; $60^{\circ}54'55''$ В.Д.) Памятник представляет собой крепость, в плане близкую ромбу размером около 45×45 м (рис. 4). Углы стен укреплены башнями, и, кроме того, можно подозревать наличие башен на северной и южной стенах. Северная и южная стены точно ориентированы по линии меридиана. Объект обозначен на картах Б. В. Андрианова (1969) и С. П. Толстова (1948а, вкладка) как оборонительное сооружение.

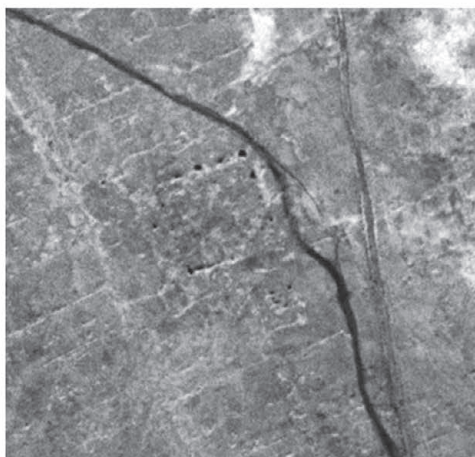
Замок III. (Оценка координат: $41^{\circ}49'54''$ С.Ш.; $60^{\circ}54'21''$ В.Д.) Памятник представляет собой прямоугольную крепость размером 55×50 м со входом по центру западной стены (рис. 5). Стены сооружения точно ориентированы по сторонам света, а углы укреплены башнями.

1

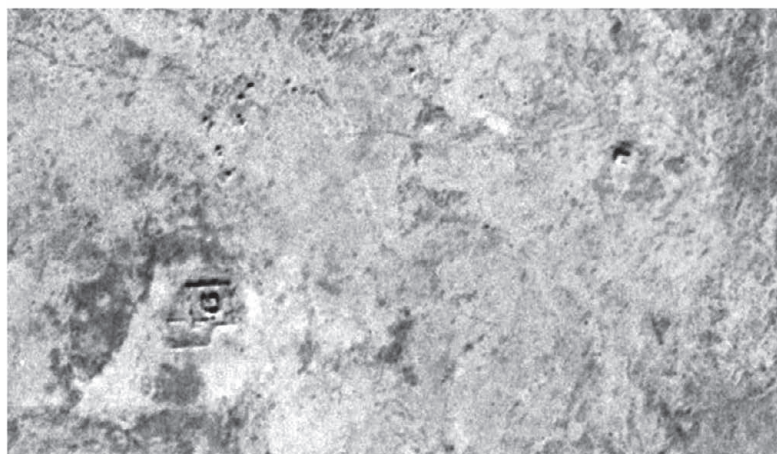

a

б

2

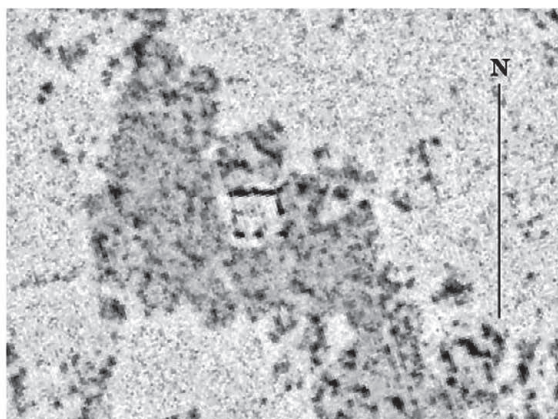
3

Рис. 1. Памятник П-1 (в правой части снимка) и Кызыл-кала (слева)

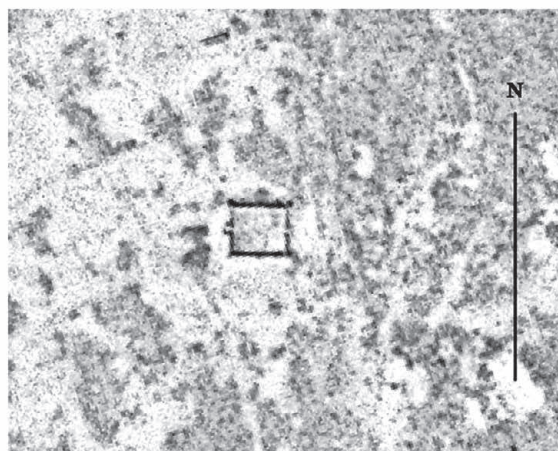
Рис. 2а. Памятник П-2 (справа внизу) и Топрак-кала (сверху)

Рис. 2б. Памятник П-2 крупным планом

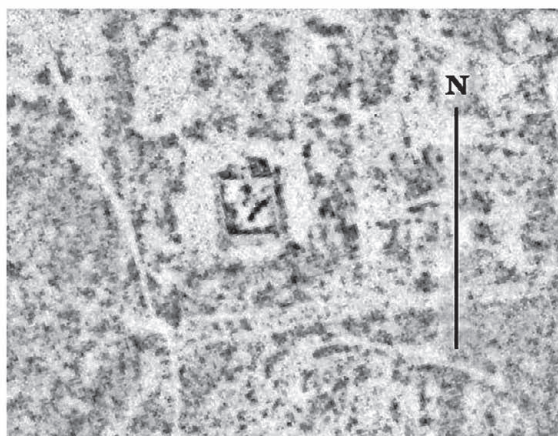
Рис. 3. Кош-Парсан (слева в нижней части) и объект П-3 (справа в верхней части снимка)

4

5

6

Рис. 4. Замок II к югу от Кават-калы

Рис. 5. Замок III в окрестности Кават-калы

Рис. 6. Замок IV в окрестности Кават-калы

Замок IV. (Оценка координат: 41°49'02" С.Ш.; 60°54'30" В.Д.) Памятник представляет собой крепость в форме параллелограмма размером 52 × 55 м со входом по центру северной стены (рис. 6). Вероятно, углы стен были укреплены башнями. Северная и южная стены достаточно точно ориентированы по параллели, а восточная и западная стены отклоняются от линии меридиана на 10 градусов к западу.

Все три замка располагались вдоль канала к югу от Кават-калы и вместе с необнаруженными на спутниковом снимке замками I и IV образовывали систему укреплений оазиса.

Информация о следующих объектах позволяет уточнить данные о памятниках Якке-Парсанского канала. Для привязки памятников мы использовали карту Е. Е. Неразик (2013. Рис. 14). Отметим, что эта карта имеет значительно худшую точность, чем рассмотренная выше карта канала Гавхорэ Б. В. Андрианова (1969) и чем карта окрестностей Кават-калы С. П. Толстова (1948).

Поселение № 4. (Оценка координат 41°49'24" С.Ш.; 60°59'28" В.Д.) Судя по спутниковому снимку, памятник больше напоминает укрепление, размеры которого составляют примерно 50 × 55 м (рис. 7).

Поселение № 5. (Оценка координат: 41°48'27" С.Ш.; 61°00'42" В.Д.) Центральный объект, который по координатам идентифицируется с поселением № 5, имеет размеры примерно 20 × 20 м (рис. 8). На снимке заметен тонкий фас от тени, которую отбрасывает южная стена сооружения, что подтверждает искусственность объекта. Кроме того, вокруг цитадели находится поле, разбитое арыками, которые можно видеть как продольные полосы. Согласно карте, находится недалеко от поселения № 4.

Новообнаруженные памятники. В процессе исследования территории были обнаружены три памятника, ранее не указанные ни на одной карте и не упомянутые в литературе. На основе их сравнения с изображениями других археологических объектов нет никаких сомнений в том, что найденные сооружения являются археологическими памятниками, синхронными другим таковым оазиса.

Памятник Н-01 (Оценка координат: 41°53'24" С.Ш.; 61°00'20" В.Д.) Если ориентироваться по карте Е. Е. Неразик (2013), объект расположен к западу от канала, примерно посередине между отметками 759 и 765. Сохранившаяся часть сооружения уверенно видна из космоса и представляет собой четырехугольник со сторонами 10–14 м (рис. 9: а). После привязки спутникового снимка к географическим координатам в программе GE были обнаружены остатки этого объекта (рис. 9: б).

На современной фотографии видны остатки цитадели, окруженной полями. Территория, непосредственно прилегающая к ней, не используется. Вероятно, это связано с тем, что под неосвоенными для сельскохозяйственных нужд площадями находится культурный слой, содержащий остатки построек. Если это так, памятник представляет собой прямоугольник размерами 80 × 110 м. Весьма вероятно, что сохранившаяся часть, которая четко видна на снимке, это остатки донжона раннесредневекового замка, и в этом случае примыкающая территория – не что иное, как распаханная жилая часть замка.

Памятник Н-02. (Оценка координат: 41°55'43" С.Ш.; 61°00'47" В.Д.) Сооружение имеет форму прямоугольника размерами 40 × 55 м и расположено

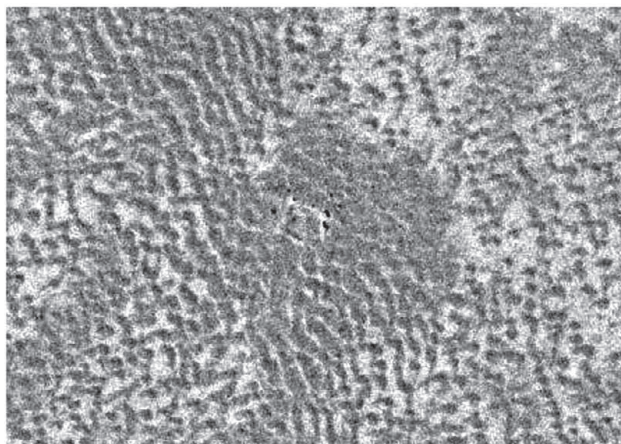
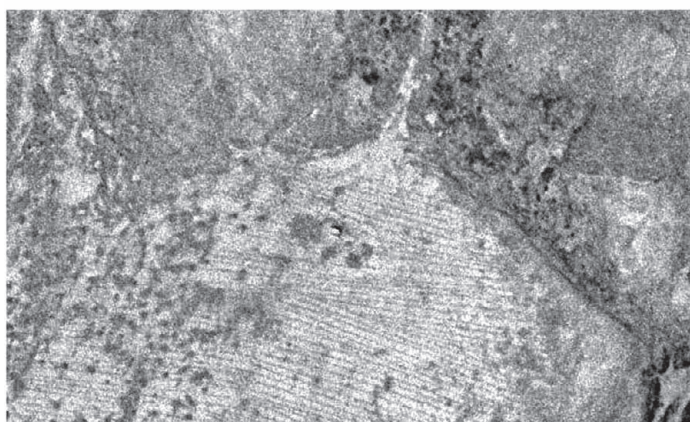

Рис. 7. Поселение № 4

Рис. 8. Поселение № 5

7

8

в 950 м к северо-западу от Якке-Парсана по азимуту $A = 332^\circ$ (рис. 10). Строго по центру южной стены находится вход. Возможно, памятник синхронен Якке-Парсану. В настоящее время объект не существует.

Памятник Н-03. (Оценка координат: $41^\circ 59' 40''$ С.Ш.; $61^\circ 01' 15''$ В.Д.) Сооружение находилось в 1,5 км к юго-западу от крепости Аяз-кала-3, на азимуте 212° в месте, где русло заброшенного канала поворачивает на запад (рис. 11). В настоящее время канал полностью восстановлен по древнему руслу в меридиональном направлении и поворачивает в том же самом месте, но не на запад, а на восток, в сторону Большого Кыркыза (рис. 11).

Размеры объекта составляют примерно 30×45 м, по форме он напоминает прямоугольник со срезанной одной из вершин. До настоящего времени объект не сохранился.

Таким образом, в результате обработки спутниковых снимков нам удалось уточнить информацию по 8 памятникам и обнаружить 3 новых объекта, что еще раз подтверждает ценность космических снимков и их достаточную точность для решения археологических задач. Прежде всего, это уточнение карты

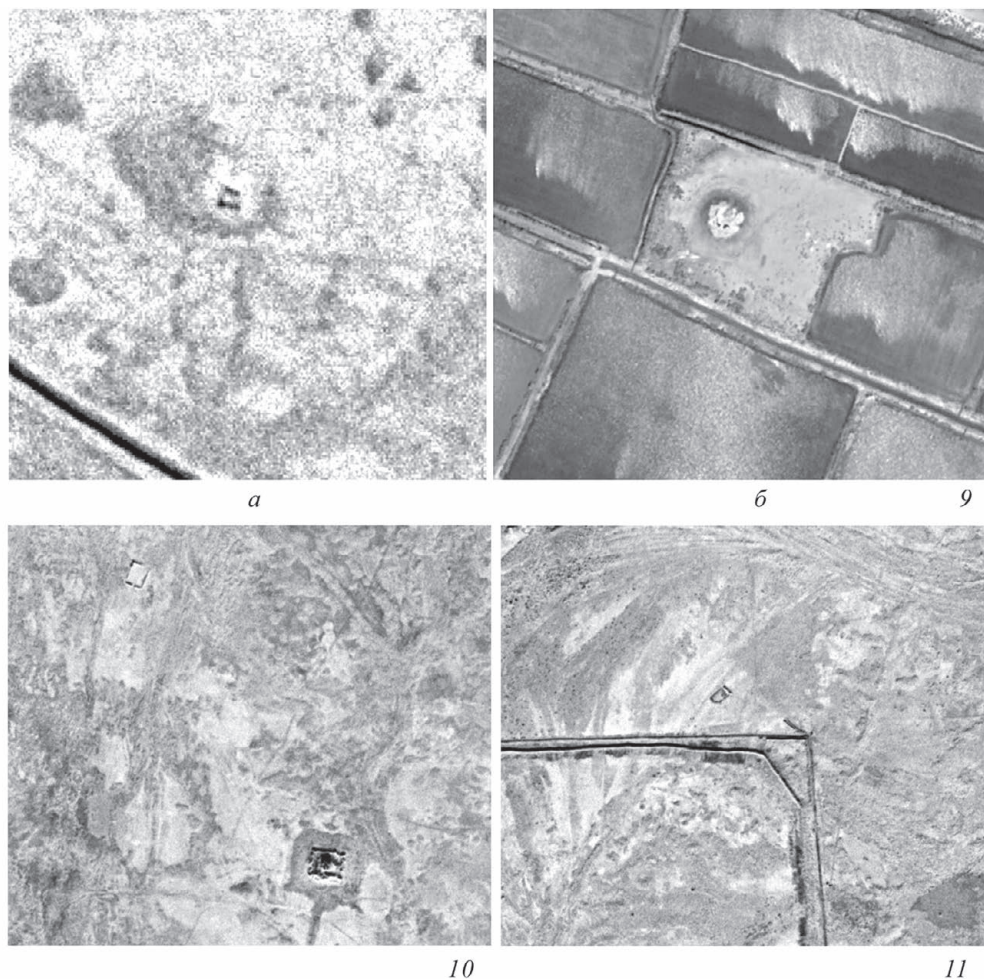

Рис. 9а. Памятник N-01 на спутниковом снимке 1971 г.

Рис. 9б. Современная фотография памятника N-01 из программы GE

Рис. 10. Памятник N-02 (вверху слева). Снизу справа находится Якке-Парсан

Рис. 11. Памятник N-03

археологических памятников региона, влекущее за собой проверку и, отчасти, корректировку уже известных данных. Как представляется, благодаря уточненной информации и определению места расположения новых, выявленных по спутниковым снимкам, памятников расширяется база данных для реконструкции антропогенного ландшафта на территории оазиса. При детальном рассмотрении особенностей планировки отдельных памятников, в хорошем разрешении отображенных на снимках, появляется возможность уточнить их типологию по планиграфическим и топографическим признакам. Полученные в результате

этих исследований данные могут послужить основой не только для реконструкции антропогенного ландшафта, но и, с учетом выделения различных типов памятников, соответствующих различному социальному статусу их обитателей, дадут возможность предложить гипотетическую модель взаимосвязанной социально-экономической структуры в пределах изучаемых оазисов.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов Б. В.*, 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука. 253 с.
Городище Топрак-кала. Раскопки 1965–1975 гг. / Отв. ред.: Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. М.: Наука, 1981. 152 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; XII.)
Кой-Крылган-кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э. / Отв. ред.: С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М.: Наука, 1967. 348 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; V.)
Неразик Е. Е., 2013. Формирование раннесредневекового общества в низовьях Амударьи. М.: Гриф и К. 374 с.
Толстов С. П., 1948а. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ. 352 с.
Толстов С. П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 328 с.

Сведения об авторах

Болелов Сергей Борисович, Государственный музей Востока, Никитский бульвар, 12А, Москва, 119019, Россия; e-mail: bsb1958@yandex.ru;

Колганова Галина Юрьевна, Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031, Россия; e-mail: kolganova_gy@mail.ru;

Никифоров Михаил Геннадьевич, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, Москва, 119034; Россия; e-mail: followup@mail.ru;

Семикопенко Геннадий Петрович, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, Москва, 119034; Россия; e-mail: semikopenkogp@hotmail.com

S. B. Bolelov, G. Yu. Kolganova, M. G. Nikiforov, G. P. Semikopenko

NEW DATA ON ARCHAEOLOGICAL SITES IN ANCIENT KHWĀREZM BASED ON SATELLITE IMAGE INTERPRETATION

Abstract. The publication provides brief description of the information obtained as a result of analytical work comparing the existing archeological plans of the Yakke-Parsan channel and the Gavkhore channel with satellite images of these territories. This study makes it possible clarify earlier published results regarding the archaeological objects that had not survived. And more importantly, it became possible to identify archaeological objects that were not discovered by the Khwārezm archaeological and ethnographic expedition. The paper also demonstrates resolution capability of satellite images for solving archaeological tasks.

Keywords: Khwārezm, satellite high-resolution images, archaeological sites, Yakke-Parsan canal, Gavkhore canal.

REFERENCES

- Andrianov B. V., 1969. Drevniye orositel'nyye sistemy Priaral'ya [Ancient irrigation systems in Aral Sea region]. Moscow: Nauka. 253 p.
- Gorodishche Toprak-kala. Raskopki 1965–1975 gg. [Toprak-kala hillfort. Excavations of 1965–1975]. E. E. Nerazik, Yu. A. Rapoport, eds. Moscow: Nauka, 1981. 152 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, XII.)
- Koy-Krylgan-kala – pamyatnik kul'tury Drevnego Khorezma IV v. do n. e. – IV v. n. e. [Koy-Krylgan-kala – monument of culture in Ancient Khorezm, IV BCE – IV ADE]. S. P. Tolstov, B. I. Vaynberg, eds. Moscow: Nauka, 1967. 348 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, V.)
- Nerazik E. E., 2013. Formirovaniye rannesrednevekovogo obshchestva v nizov'yakh Amudar'i [Formation of early medieval society in Lower Oxus region]. Moscow: Grif i K. 374 p.
- Tolstov S. P., 1948a. Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya [Ancient Khorezm. Experience of historical and archaeological research]. Moscow: MGU. 352 p.
- Tolstov S. P., 1948b. Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii [In the footsteps of Ancient Khorezmian civilization]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 328 p.

About the authors

Bolelov Sergey B., The State Museum of Oriental Art, Nikitskiy boul., 12A, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: bsb1958@yandex.ru;

Kolganova Galina Yu., Institute of Oriental studies of RAS, ul. Rozhdestvenka, 12, Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: kolganova_gy@mail.ru;

Nickiforov Mikhail G., Moscow State Linguistic University, ul. Ostozhenka, 38, Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: followup@mail.ru;

Semikopenko Gennadiy P., Moscow State Linguistic University, ul. Ostozhenka, 38, Moscow, 119034, Russian Federation; e-mail: semikopenkogp@hotmail.com

А. Е. Леонтьев, И. О. Гавритухин,
И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова

РЕДКАЯ НАХОДКА НА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДИЩЕ ВЫЖЕГША*

Резюме. В статье рассмотрены обстоятельства находки золотой накладки на поселении лесной зоны VII–IX вв. н. э. Публикуются данные рентгенофлюоресцентного анализа состава металла, приведены сведения о технике изготовления, а также о некоторых схожих по облику вещах. Высокая проба металла и очевидные античные традиции ювелирной технологии позволяют полагать, что предмет является продукцией позднеантичной – византийской или близкой им по уровню мастерской.

Ключевые слова: Волго-Окское междуречье, городище VII–IX вв., накладка, золото, РФА, техника изготовления.

Городище Выжегша находится в Юрьев-Польском районе Владимирской области в бассейне р. Колокши, левого притока р. Клязьмы. Это одно из немногих укрепленных поселений второй половины I тыс. н. э. известных на территории Волго-Клязьминского междуречья. Хронологически городище сопоставимо с географически близкими мерянскими памятниками бассейнов озер Неро и Плещеево и аналогичными по своим характеристикам памятникам дославянского населения Суздальско-Юрьевского ополья. Ближайшие из них находятся в верховьях р. Колокши на расстоянии около 20 км (Леонтьев, 1996. С. 193–214; Макаров, 2012. С. 196–203. Рис. 2).

Городище стало известным после находки в 1983 г. кладов куфических монет (Фомин, 1988. С. 103–131) и слитков оловянисто-свинцового сплава (Леонтьев, 1996. С. 206–208) середины IX в. На основании проведенных в 1984–1986 гг. разведочных работ было датировано VII–IX вв. Исследования 2016–2017 гг.,

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-00416 «Исследования городища Выжегша. Новые данные по археологии и истории Северо-Восточной Руси накануне образования древнерусского государства».

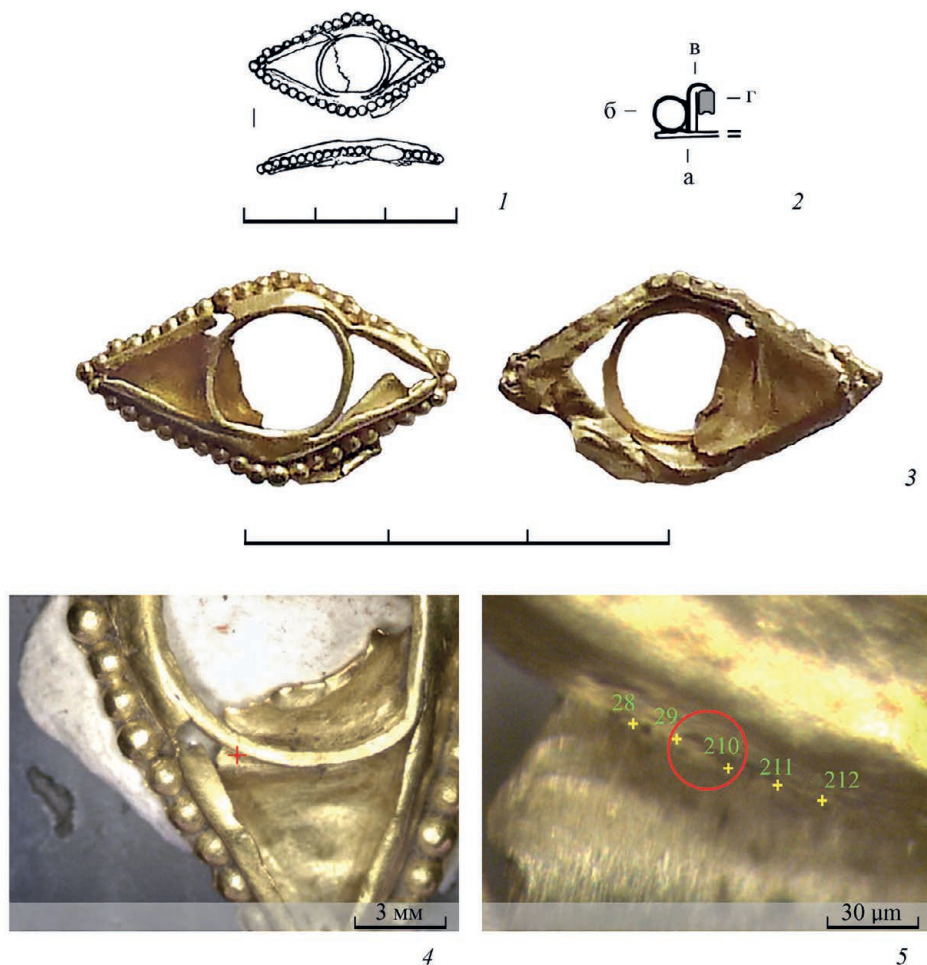

Рис. 1. Золотая накладка, найденная на городище Выдегша

1 – вид сверху и сбоку; 2 – схема соотношения основных деталей (*a* – основа; *б* – зернь; *в* – бордюр; *г* – проволока центрального гнезда); 3 – фото лицевой и оборотной сторон; 4, 5 – макросъемка участка проведения анализа на месте стыка системы крепления вставок с основой изделия

полученные радиоуглеродные даты и находки подтвердили хронологию памятника (Леонтьев и др., 2018. С. 51–63).

Предмет, о котором пойдет речь (рис. 1), был обнаружен в придонной части заполнения рва первого напольного вала городища на глубине 0,25 м от современной поверхности¹. Обстоятельства находки не дают возможности определить время попадания предмета в землю. Заполнение рва, в котором он находился, было полностью сформировано естественными отложениями. Верхние

¹ Работы 2017 г. велись по проекту РФФИ № 17 01 18028/17-ОГОН.

0,15 м представлены современной лесной почвой, ниже идет серый, темнеющий книзу суглинок, переходящий в плотный бурый суглинок материка. Какие-либо включения, характерные для культурного слоя, отсутствовали. Радиоуглеродный анализ грунта с места находки должного результата не принес, образец оказался некондиционным. Полученная в шурфе у внутренней кромки вала в 13 м от места находки ^{14}C дата культурного слоя показала календарную дату 720 ± 60 г. н. э. при максимальном калиброванном интервале 664–947 гг. (*Леонтьев и др.*, 2018. С. 60). Учитывая общие данные о хронологии памятника, можно лишь полагать, что изделие попало к жителям поселения не ранее VII в.

Исследуемый предмет желтого металла представляет собой ромбовидную пластину с зернью по краю и занимающими всю внешнюю поверхность тремя гнездами для вставок: круглой в центре и боковыми подтреугольными (рис. 1: 1, 3). Размеры изделия $2,7 \times 1,6$ см, высота точно неопределима из-за деформации и утрат. Толщина пластины 0,12 мм. Пластина-основа деформирована; часть ее вырвана, отогнута и сплющена, у сохранившейся части есть утраты (рис. 1: 3). Следы крепления или подвешивания изделия не прослеживаются.

Украшение создано из нескольких элементов. На основу (рис. 1: 2а) закреплена вертикальная лента, образующая бордюр ромбическо-миндалевидной формы. Ее верхний край был загнут внутрь (рис. 1: 2в) для фиксации вставок. Край основы с внешней стороны бордюра окантован зернью (рис. 1: 2б). В центральной части по верхнему краю бордюра напаяно круглое кольцо диаметром 9,5 мм из вальцованной (?) проволоки толщиной 0,7 мм (рис. 1: 2г).

Конструкция предполагает закрепление в центральном гнезде кабошона, а в боковых – плоских или уплощенных вставок. Использованы могли быть камни или стекло, поскольку при обследовании не было отмечено следов эмали или какой-либо пасты.

Находка была исследована на приборной базе Института археологии РАН и Института проблем эволюции и экологии им. А. Н. Северцова РАН. Анализ химического состава металла выполнялся на РФА-спектрометрах M1 Mistral и M4 Tornado (Bruker), макросъемка выполнялась на стереомикроскопе Stemi 2000C (Zeiss). Общий анализ состава металла выполнялся на спектрометре M1 Mistral, проверка полученных данных и анализ отдельных участков на предмет поиска следов отдельных элементов (ртуть, осмий) выполнялись на спектрометре M4 Tornado под вакуумом.

На поверхности предмета было взято 14 проб на разных участках; судя по результатам исследования, он изготовлен из золота 800-й пробы (табл. 1), где содержание серебра в сплаве достигает 16 %, содержание меди – в районе 1,5–2,5 %.

Опубликованной информации о содержании золота в металле изделий, по крайней мере, конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. крайне мало; а для территории лесной зоны практически нет. Мы можем оперировать результатами анализов золотых изделий из раскопок на городище Фанагории, где выборка совокупно датируется в широком хронологическом отрезке от IV–III вв. до н. э. до конца III в. н. э. (*Зайков и др.*, 2015. С. 292–310. Прил. 1). Кроме того, мы располагаем небольшой базой данных по химическому составу золотых

изделий из раскопок на могильнике Юзбаш-Сулак II², датированном исследователями 380/400 – 440/450 гг. н. э. (Маслов, Державин, 2018), могильника II в. до н. э. – I в. н. э. Крепинский (раскопки Р. Ф. Ворониной), Карстовый (раскопки А. Н. Гея), могильника I в. н. э. Чеботарев-V³ (раскопки Р. А. Мимохода), могильника Магнитный III в. н. э. (Зайков и др., 2012. С. 144. Табл. 3.14), Биктимировского II могильника (V в. до н. э. – III в. н. э.) и некоторых других памятников (Там же. С. 119; и др.).

Табл. 1. Результаты исследования химического состава металла находки на городище Выжегша

Данные, полученные на M1 Mistral

	Cu	Fe	Ag	Sb	Pb	Au
1	2,25	0,00	16,17	0,00	0,00	81,58
2	1,68	0,14	16,37	0,00	0,06	81,75
3	2,32	0,16	15,71	0,00	0,16	81,65
4	2,69	0,22	15,33	0,00	0,12	81,63
5	1,66	0,67	16,12	0,19	0,00	81,36
6	2,48	1,66	16,70	0,00	0,00	79,17
7	1,74	1,62	16,49	0,00	0,00	80,15

Данные, полученные на M4 Tornado

	Cu	Fe	Zn	Ag	Au
1	3,21	0,56	0,18	15,68	80,35
2	3,13	0,55	0,13	18,59	77,60
3	3,22	0,55	0,13	14,46	81,64
4	3,24	0,46	0,12	15,71	80,47
5	3,25	0,43	0,12	16,49	79,71
6	3,19	0,43	0,17	17,89	78,32
7	3,22	0,65	0,12	15,66	80,46

Несмотря на довольно большие расстояния, которые разделяют перечисленные и некоторые другие памятники с известным составом золотых изделий друг от друга (от Приуралья до Северного Кавказа и Кубани), обращает на себя внимание следующее. Все они «группируются» в районах, географически тяготеющих к коренным золоторудным месторождениям Южного Урала, природное золото которых традиционно содержит медь не более 3 % (Там же. С. 156–163).

² В настоящее время готовится совместная публикация по результатам исследования золотых изделий из раскопок могильника Юзбаш-Сулак II.

³ Результаты исследования золотых изделий из раскопок на могильнике Чеботарев-V готовятся к публикации в составе монографии, посвященной результатам исследования этого памятника.

Последние исследования, проведенные с целью определения наиболее вероятных источников золота, использовавшегося для изготовления древних изделий, показывают, что месторождения Южного Урала, в том числе россыпные, вполне могли быть источником сырья для древних ювелиров (Зайков и др. 2012. С. 179–187; Зайков и др., 2015. С. 298, 299. Прил. 1).

Известные данные позволяют говорить о том, что по содержанию золота в металле рассматриваемая находка коррелирует с данными, полученными для коллекций I–III вв. н. э. из Фанагории (Там же; Сапрыкина, Пельгунова, 2015. С. 316, 317), из погребений на могильнике Юзбаш-Сулак II и Биктимировского II могильника. Примерно такое же содержание золота в золотосеребряных сплавах, датированных IV–V вв., присутствует в металле украшений из крымской коллекции А. Л. Бертье-Делагарда (*LaNice, Cowell*, 2008. Р. 151). Анализы хронологически более ранних, по сравнению с указанными, изделий демонстрируют содержание золота в металле украшений в основном на уровне 850–950-й пробы (к примеру, коллекции из Фанагории, Крепинского, Чеботарева-V).

Дальнейшие аналитические исследования были сосредоточены на поиске сохранившихся следов припоя: исследовались участки стыка между шариками зерни и основой, участки крепления перегородки центрального «гнезда» с основой. Анализ химического состава этих участков показал отсутствие таких элементов, как сера (S) или ртуть (Hg)⁴, которые использовались как в античности, так и в раннесредневековое время при пайке (*Ibid.* Р. 151, 152; Сапрыкина, 2015. С. 228). Однако на этих участках было зафиксировано изменение соотношения основных компонентов тройного сплава Au-Ag-Cu (табл. 2; рис. 1: 4, 5), где серебро несколько повышено, а медь – понижена по сравнению с данными, полученными с «тела» находки. Пока неясно, с чем связано снижение содержания меди на участке возможного нахождения припоя⁵. Возможно, что здесь мы фиксируем всего лишь большую вариативность содержания золота и серебра на участке размером не более 60 мкм. Такая же ситуация была зафиксирована и на участке соединения шариков зерни с основой изделия. Хотя достоверных следов припоя зафиксировать не удалось, предположительно можно говорить об использовании «классического» вида припоя, где пайка происходит с помощью меди, содержащейся в самом золоте шариков, при нагревании переходящей в оксидную пленку меди и сплавляющейся с золотом пластины (Минасян, 2014. С. 322), т. к. иных вариантов также зафиксировано не было.

Сами шарики зерни, выполненные из золота той же каратности, характеризуются схожими размерами около 1 мм и аккуратностью «посадки» по отношению друг к другу.

В отсутствие прямых аналогий (см. ниже) неясно функциональное назначение изделия. В археологических терминах его можно определить как накладку, но отсутствие следов крепления указывает на возможность самостоятельного назначения украшения.

⁴ Следы сульфида серы, следы амальгамы.

⁵ Результаты объективны, т. к. условия проведения анализа не изменялись. Параметры работы прибора M4 Tornado сохранялись стабильными все время выполнения анализа химического состава, аналитические измерения выполнялись непрерывно.

Табл. 2. Результаты исследования химического состава места стыка проволоки центрального «гнезда» с основой

	Cu	Fe	Zn	Ag	Au
1	1,75	0,51	0,00	19,33	78,41
2	1,77	0,46	0,02	18,95	78,81
3	1,78	0,38	0,01	18,10	79,73
4	1,76	0,32	0,00	18,38	79,53
5	1,83	0,35	0,03	16,01	81,78

Близкие по форме и стилистике параллели известны среди золотых украшений начиная как минимум с позднеэллинистического периода. Так, из погребения 10 кургана Песчаный (Краснодарский край), датированного концом II – первой половиной I в. до н. э., происходит ожерелье с медальонами ромбовидной формы, со вставками из полудрагоценных камней и окантовкой зернью (*Мордвинцева, Трейстер, 2007а. С. 70, 71, № А227.4; 2007б. С. 5. Табл. 1*). Эти вещи имеют выступы по длинной оси, служащие для крепления в составе ожерелья, круглые выступы по бокам, и др. детали, заметно отличающие их от накладки из Выжегши, т. е. могут рассматриваться в ряду сравнительно отдаленных аналогий.

Из погребения № 1 у с. Косика (Астраханская обл.), датированного первой половиной – серединой I в. н. э., происходит ромбовидная бляшка (1,3 × 1,6 см) с центральной композицией в круге (Там же. С. 40–42; № А114.9; 2007б. С. 83. Табл. 78). Однако она украшена орнаментом из мелких деталей с разноцветной перегородчатой эмалью, т. е. технологически существенно сложнее находки из Выжегши.

В коллекции крымских украшений, принадлежавших А. Л. Бертье-Делагарду, присутствует ромбовидное украшение со вставкой из граната и окантовкой зернью, датированное автором каталога концом IV – VI в. (*Andrasi, 2008. P. 46, 84. Pl. 19. Cat. No. 29, D*)⁶.

Две золотые ромбовидные накладки, окантованные филигранной проволокой, имитирующей зернь, размерами 3,2 × 1,4 см, с декором из ромбов и треугольников в технике перегородчатой инкрустации с плоскими вставками из граната и стекла входили в состав погребального инвентаря одного из двух керченских склепов, разграбленных 24.06.1904 (*Засецкая, 2007. С. 67–71, 301. Кат. № I.9.10.6*)⁷. Но эти изделия достаточно грубой работы, выполнены без использования зерни, имели серебряные штифты для крепления.

⁶ Размеры изделия 1,3 × 0,9 см, вставка одна на всю поверхность, на обороте имеются два отверстия для крепления. Дата его предположительна.

⁷ В указанной публикации упомянутая вещь датирована ок. 400 г. Многие находки из этих склепов имеют ряд выразительных аналогий и являются опорными для изучения культуры элит конца IV – первой половины V в. Но усыпальницы могли использоваться долгое время, да и дошедший до нас набор не полон, отчего столь узкая предлагаемая датировка интересующей нас накладки твердого обоснования не имеет.

Список вещей, имеющих соответствия по некоторым признакам рассматриваемой накладке, можно продолжить. Определенную близость представляют изделия VII в.

Ромбическими (почти квадратными) вставками бесцветного стекла в гнезда из припаянных полосок, окантованных зернью, обильно украшены рукоять и ножны меча из Перещепинского «клада» (ныне Полтавская обл. Украины), относимого к изделиям византийских мастеров, предназначенным для даров варварской элите (*Залеская и др.*, 1997. Кат. № 25–IV (7, 9). С. 127, 132, 137; *Сокровища...*, 1997. С. 96–103; *Комар*, 2006. С. 33–49). Комплекс датируется в пределах 620/640–660/680 гг., а некоторыми исследователями позднее (до начала VIII в.), и включает монеты, позднейшие из которых – императора Константа II (642–668 гг.), но без эмиссий, позднее 640-х гг. (см. обзоры: *Гавритухин*, 2005. С. 379–383, 386, 387, 406–409, 416–418; 2014. С. 139, 140).

С эпохой и кругом Перещепинского «клада» связано «княжеское» погребение Кунбабонь (Венгрия), происходящая из которого окантованная зернью золотая накладка в виде квадрата с чуть прогнутыми боками имеет стеклянную вставку-кабошон в центре и гнезда для четырех плоских вставок по углам (*Tóth, Horváth*, 1992. Кат. 35. S. 40, 41. Taf. XII: 10). Она близка интересующей нас по стилю, деталям, размерам (1,9 × 1,9 см), но имеет явно иную систему крепления. Как и для степной элиты из Поднепровья, часть вещей из Кунбабони и других элитных комплексов Аварского каганата изготовлены византийскими, а часть – местными мастерами.

По композиции (ромб с вписанным кругом) интересующей нас вещи близки щитки серии перстней из Венгерского национального музея (*Garam*, 1993. Taf. 9: 4, 5; 36: 1, 2; 90: 3. S. 56, 72, 73, 104), правда, они почти в 1,5 раза меньше ее, а по углам украшены шариками. Один из этих перстней происходит из погребения Боча того же круга, что Перещепинский «клад», еще один – из погребения I в Сент-Эндере, того же или (скорее) немного более раннего времени, но несколько после 568 г., когда появился Аварский каганат, с которым эти комплексы связаны (об аварской хронологии см.: *Гавритухин*, 2001; 2005. С. 397–399; 2014. С. 138–140).

Таким образом, публикуемая вещь может быть близка по времени раннему слою городища Выжегша, но не исключено, что могла быть сделана и раньше. Техника изготовления и высокая проба металла позволяют говорить о том, что данное украшение может являться продукцией позднеантичной или византийской мастерской⁸.

В лесной зоне Восточной Европы находки золотых изделий на археологических памятниках всех эпох – случай редчайший. Немногочисленные украшения и монеты встречены на древнерусских памятниках X–XI вв. (*Ениосова*, 2007. С. 30–315; *Ениосова и др.*, 2008. С. 153). Более ранние артефакты связаны с лесостепью и, скорее всего, древностями кочевников. Хронологически и географически ближайшая от городища Выжегша находка золотых предметов происходит из расположенного в 300 км южнее в бассейне р. Прони (притока Оки)

⁸ Вывод не окончательный, поскольку недостаточно изучены особенности работы других ателье, например закавказских, иранских, центральноазиатских.

вблизи от верховьев Дона погребения у с. Арцибашево⁹, датированного около середины VII в. или несколько шире (*Монгайт*, 1951. С. 124–130; 1961. С. 81–84; *Ахмедов*, 2010. С. 14–16. Рис. 13). Приблизительно тем же временем датируется золотая ременная гарнитура из разрушенного погребения (?) в низовьях Камы у пос. Коминтерн (Сокровища..., 1999. С. 69; *Мухаметшина*, 1999)¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И. Р.*, 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: проблемы и материалы. М.: ИА РАН. С. 7–34. (ПСМ; вып. 13.)
- Гавритухин И. О.*, 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого гос. ун-та. С. 45–162.
- Гавритухин И. О.*, 2005. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары / Ред. В. Я. Петрухин и др. М.; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры. С. 378–426. (Евреи и славяне; т. 16.)
- Гавритухин И. О.*, 2014. Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосковья // РА. № 4. С. 134–144.
- Ениосова Н. В.*, 2007. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков древнерусской государственности: историко-археологический сборник: материалы Междунар. археолог. конф. (4–7 октября 2005 г.). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 307–315.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.*, 2008. Химический состав ювелирного сырья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–187.
- Зайков В. В., Таиров А. Д., Зайкова Е. В., Котляров В. А., Яблонский Л. Т.*, 2012. благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург: Ред.-издат. отдел Уральского отделения РАН. 232 с.
- Зайков В. В., Трейстер М. Ю., Зайкова Е. В., Хворов П. В., Котляров В. А.*, 2015. Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории / Ред.: В. Д. Кузнецов, М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 266–310.
- Залесская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А.*, 1997. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.: Гос. Эрмитаж: Славия. 336 с.
- Засецкая И. П.*, 2007. Боспор эпохи Великого переселения народов // Эпоха Меровингов. Европа без границ Археология и история V–VIII вв.: каталог выставки. München: Minerva. С. 67–71.
- Комар А. В.*, 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 5: Хазарское время / Ред. А. В. Евглевский. Донецк: Изд-во Донецкого гос. ун-та. С. 7–244.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 338 с. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья; вып. 4.)
- Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Кашкин А. В.*, 2018. Исследования городища Выжегша в 2016 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 51–63.
- Макаров Н. А.*, 2012. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.

⁹ Исследователи связывают этот комплекс со степными кочевниками, однако его погребальный обряд и ближайший археологический контекст неясны.

¹⁰ В состав гарнитуры входили золотые накладки с вставками бирюзы в напаянные круглые гнезда, вероятно, иранской работы.

- Маслов В. Е., Державин В. Л.*, 2018. Богатое погребение эпохи Великого переселения народов из Северного Дагестана // *SP*. № 4. С. 333–346.
- Минасян Р. С.*, 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ. 470 с., ил.
- Монгайт А. Л.*, 1951. Археологические заметки // *КСИИМК*. Вып. XLI. С. 124–137.
- Монгайт А. Л.*, 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР. 400 с.
- Мордвинцева В., Трейстер М.*, 2007а. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. 2. Симферополь; Бонн. 255 с. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; 2.)
- Мордвинцева В., Трейстер М.*, 2007б. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. 3. Симферополь; Бонн. 204 с. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; 2.)
- Мухаметишина А. С.*, 1999. Коминтерновский курган. Проблемы атрибуции и датировки // *Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А. П. Смирнова: тез. науч. конф.* Болгар. С. 21–24.
- Сапрыкина И. А.*, 2015. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории* / Ред.: В. Д. Кузнецов, М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 208–265.
- Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.*, 2015. Исследование золотых изделий из Фанагории на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) // *Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории* / Ред.: В. Д. Кузнецов, М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 311–321.
- Сокровища музеев Татарстана: каталог* / Ред. Ю. А. Балашов. Казань: Kazan-Kazan, 1999. 72 с.
- Сокровища хана Кубрата = ThetreasuresofkhanKurbat: каталог выставки* / Авт.-сост.: В. Н. Залеская, З. А. Львова, Б. Н. Маршак, Р. Х. Теляшов. СПб.: ГЭ: Славия, 1997. 136 с.
- Фомин А. В.*, 1988. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX в. // *Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси)* / Ред. М. В. Седова. М.: ИА АН СССР. С. 103–131.
- Andrasi J.*, 2008. Artefacts of the 4th–7th centuries AD // *Andrasi J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. London: British Museum. P. 33–114. (British Museum Research Publication; № 166.)
- Garam É.*, 1993. Katalog der awarenzeitlichen Goldgegenstände und der Fundstücke aus den Fürstengräbern im Ungarischen Nationalmuseum. Budapest: Ungarisches Nationalmuseum. 229 S.
- La Nice S., Cowell M.*, 2008. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // *Andrasi J., Aibabin A. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material*. London: British Museum. P. 151–160. (British Museum Research Publication; № 166.)
- Tóth E. H., Horváth A.*, 1992. Kunbáony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kiskemet: G. Horváth. 295 S.
- Сведения об авторах*
- Леонтьев Андрей Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: leont3@mail.ru;
- Гавритухин Игорь Олегович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: gavritukhin@gambler.ru;
- Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru;
- Пельгунова Любовь Андреевна, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский проспект, д. 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: lubo4ka007@bk.ru

A. E. Leont'yev, I. O. Gavritukhin, I. A. Saprykina, L. A. Pel'gunova

A RARE FIND
IN THE EARLY MEDIEVAL FORTIFIED SITE OF VYZHEGSHA

Abstract. The paper reviews circumstances related to discovery of a gold plate at a settlement of the 7th–9th centuries located in the forest belt. It publishes data of the X-ray fluorescence analysis of the metal composition, provides data on the production technique as well as data on some artifacts of similar appearance. The high assay of the metal and clear jewelry traditions of the Classical period suggest that this item was made at a workshop dated to the Late Classical/Byzantine period or a shop of a similar level.

Keywords: Volga-Oka interfluve, fortified site of the 7th–9th centuries, plate, gold, X-ray fluorescence analysis, production technique.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Issue of «final» period of the Ryazan-Oka Finns culture (present state of the problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii n. e.: problemy i materialy* [Archaeology of Eastern Europe in I millennium AD: problems and materials]. Moscow: IA RAN, pp. 7–34. (RSM, 13.)
- Eniosova N. V., 2007. Zoloto vikingov na territorii Drevney Rusi [Vikings gold in territory of Ancient Russia]. *U istokov drevnerusskoy gosudarstvennosti: istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [At the origins of Ancient Russia statehood: historical-archaeological annual]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 307–315.
- Eniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008. Khimicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [Chemical composition of jewelry raw materials and ways of its delivery to territory of Ancient Russia]. *Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epokhu srednevekov'ya* [Non-ferrous and precious metals and their alloys in territory of Eastern Europe in Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 107–187.
- Fomin A. V., 1988. Vyzhegshskiy klad kuficheskikh monet pervoy poloviny IX v. [Vyzhegsha hoard of kufic coins of first half of IX c.]. *Problemy izucheniya drevnerusskoy kul'tury (rasseleniye i etnokul'turnyye protsessy na Severo-Vostoke Rusi)* [Issues of study of ancient Russian culture (settling and ethno-cultural processes in Russian Northeast)]. M. V. Sedova, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 103–131.
- Gavritukhin I. O., 2001. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda [Chronology of «Middle Avarian» period]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in Middle Ages], 2. *Khazarskoye vremya* [Khazar time]. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii gos. universitet, pp. 45–162.
- Gavritukhin I. O., 2005. Khronologiya epokhi stanovleniya khazarskogo kaganata [Chronology of Khazar khanate formation period]. *Khazary* [The Khazars]. V. Ya. Petrukhin, ed. Moscow; Jerusalem: Gesharim / Mosty kul'tury, pp. 378–426. (Evrei i slavyane, 16.)
- Gavritukhin I. O., 2014. Remennaya nakladka rannevizantiyskogo kruga iz Podmoskov'ya [Early Byzantine strap mount from Moscow region]. *RA*, 4, pp. 134–144.
- Komar A. V., 2006. Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'tury kochevnikov Vostochnoy Evropy VII – nach. VIII v. [Pereshchepino complex in context of main issues of history and culture of Eastern Europe nomads, VII – early VIII c.]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in Middle Ages], 5. *Khazarskoye vremya* [Khazar time]. A. V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetsk gos. universitet, pp. 7–244.
- Leont'yev A. E., 1996. Arkeologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoy Rusi [The archaeology of the Merya. To the early history of Northeastern Rus]. Moscow: Geoeko. 338 p. (Arkheologiya epokhi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya, 4.)

- Leont'yev A. E., Aleksandrovskiy A. L., Beylekchi Val. V., Kashkin A. V., 2018. Issledovaniya gorodishcha Vyzhegsha v 2016 g. [Investigations at hillfort Vyzhegsha, 2016]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 7. Moscow: IA RAN, pp. 51–63.
- Makarov N. A., 2012. Suzdal'skoye Opol'ye [Suzdal Opol'ye]. *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama [Rus in IX–X centuries. Archaeological panorama]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Vologda: Drevnosti Severa, pp. 194–211.
- Maslov V. E., Derzhavin V. L., 2018. Bogatoye pogrebeniye epokhi Velikogo pereseleniya narodov iz Severnogo Dagestana [Rich burial of Migration period from North Dagestan]. *SP*, 4, pp. 333–346.
- Minasyan R. S., 2014. Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'ye [Metalworking in antiquity and Middle Ages]. St. Petersburg: GE. 470 p., ill.
- Mongayt A. L., 1951. Arkheologicheskiye zametki [Archaeological notes]. *KSIIIMK*, XLI, pp. 124–137.
- Mongayt A. L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: AN SSSR. 400 p.
- Mordvintseva V., Treyster M., 2007a. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. 2 v. do n. e. – 2 v. n. e. [Pieces of toreutics and jewelry art in North Pontic region. 2 c. BC – 2 c. AD], 2. Simferopol; Bonn. 255 p. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope, 2.)
- Mordvintseva V., Treyster M., 2007b. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye. 2 v. do n. e. – 2 v. n. e. [Pieces of toreutics and jewelry art in North Pontic region. 2 c. BC – 2 c. AD], 3. Simferopol; Bonn. 204 p. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoye delo v Vostochnoy Evrope, 2.)
- Mukhametshina A. S., 1999. Kominternovskiy kurgan. Problemy atributsii i datirovki [Kominternovskiy kurgan. Issues of attribution and dating]. *Bolgar i problemy izucheniya drevnostey Uralo-Povolzh'ya. 100-letiyu A. P. Smirnova [Bolgar and issues of study antiquities from Urals and Volga region. Centenary of A. P. Smirnov]*. Bolgar, pp. 21–24.
- Saprykina I. A., 2015. Tekhnika izgotovleniya zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Production technique of golden artifacts from Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Phanagoria gold]*. V. D. Kuznetsov, M. Yu. Treyster, eds. Moscow: IA RAN, pp. 208–265.
- Saprykina I. A., Pel'gunova L. A., 2015. Issledovaniye zolotykh izdeliy iz Fanagorii na RFA-spektrometre M4 Tornado (Bruker) [Study of golden artifacts from Phanagoria on RFA-spectrometer M4 Tornado (Bruker)]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Phanagoria gold]*. V. D. Kuznetsov, M. Yu. Treyster, eds. Moscow: IA RAN, pp. 311–321.
- Sokrovishcha khana Kubrata = The treasures of Khan Kurbat: katalog vystavki. V. N. Zalesskaya, comp. St. Petersburg: GE: Slaviya, 1997. 136 p.
- Sokrovishcha muzeyev Tatarstana: katalog [Treasures of Tatarstan museums: catalogue]. Yu. A. Balashov, ed. Kazan': Kazan-Kazan', 1999. 72 p.
- Zalesskaya V. N., L'vova Z. A., Marshak B. I., Sokolova I. V., Fonyakova N. A., 1997. Sokrovishcha khana Kubrata. Pereshchepinskiy klad [The treasures of Khan Kurbat. Pereshchepino hoard]. St. Petersburg: GE: Slaviya. 336 p.
- Zasetskaya I. P., 2007. Bospor epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Bosporus in Migration period]. *Epokha Merovingov. Evropa bez granits. Arkheologiya i istoriya V–VIII vv.: katalog vystavki [Merovingian epoch. Europe without borders. Archaeology and history of V–VIII cc.: catalogue of exhibition]*. München: Minerva, pp. 67–71.
- Zaykov V. V., Tairov A. D., Zaykova E. V., Kotlyarov V. A., Yablonskiy L. T., 2012. Blagorodnyye metally v rudakh i drevnikh zolotykh izdeliyakh Yuzhnogo Urala [Noble metals in ores and ancient golden artifacts from South Urals]. Yekaterinburg: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel UrO RAN. 232 p.
- Zaykov V. V., Treyster M. Yu., Zaykova E. V., Khvorov P. V., Kotlyarov V. A., 2015. Rezul'taty issledovaniya sostava zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Results of study of composition of gold artifacts from Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological investigations]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Phanagoria gold]*. V. D. Kuznetsov, M. Yu. Treyster, eds. Moscow: IA RAN, pp. 266–310.

About the authors

Leont'yev Andrej E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: leont3@mail.ru;

Gavritukhin Igor O., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: gavritukhin@rambler.ru;

Saprykina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dolmen200@mail.ru;

Pel'gunova Lyubov A., Severtsov Institute of ecology and evolution RAS, Leninskiy prosp., 33, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: lubo4ka007@bk.ru

О. А. Несмиян, В. Л. Щербаков

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА И СТАЛИ В КОЛЛЕКЦИИ СЕЛИЩА КЛОЧКОВО 2*

Резюме. Статья посвящена коллекции изделий из черного металла, полученных при раскопках селища втор. пол. X – XII в. Клочково 2 в Ивановской области. С целью комплексной характеристики кузнечных изделий решен ряд исследовательских задач: предпринят количественный и морфологический анализ предметов, выполнено лабораторное изучение артефактов методом археологической металлографии. На основании полученных результатов в статье дана характеристика коллекции изделий из черного металла селища Клочково 2 с точки зрения категориального состава, технологии изготовления, выявлены особенности производственных мастерских, обеспечивавших местное население кузнечной продукцией.

Ключевые слова: археология, средневековье, селище, кузнечные изделия.

Селище Клочково 2 находится в 90 км к северо-востоку от Суздаля, за пределами Владимирско-Юрьевского Ополя, на р. Тезе, левом притоке р. Клязьмы (рис. 1). Рассматриваемая территория отличалась от Ополя большей залесенностью, была менее населенной, чем опольские земли. Селище открыто в 1984 г. П. Н. Травкиным (АКР..., 1993. С. 175). Исследования памятника проводились Шуйской археологической экспедицией в 2005–2012, 2014–2015 гг. (Несмиян, 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2014; 2015; Несмиян О., Несмиян В., 2008; 2012; 2017а; 2017б). Площадка селища достаточно ровная, имеет уклон к югу и юго-востоку в сторону русла р. Тезы и небольшой речки Ивановки. Высота над уровнем воды в р. Тезе составляет 12 м. Площадь селища 0,5 га.

Памятник относится числу однослойных поселений и датируется втор. пол. X – XII в. В ходе работ выявлена серия монетных находок, зафиксирована высокая концентрация в культурном слое металлических украшений и стеклянных бус. По характеру материальной культуры памятник близок «большим поселениям» Суздальского Ополя, культурные слои которых насыщены предметами,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 19-18-00144.

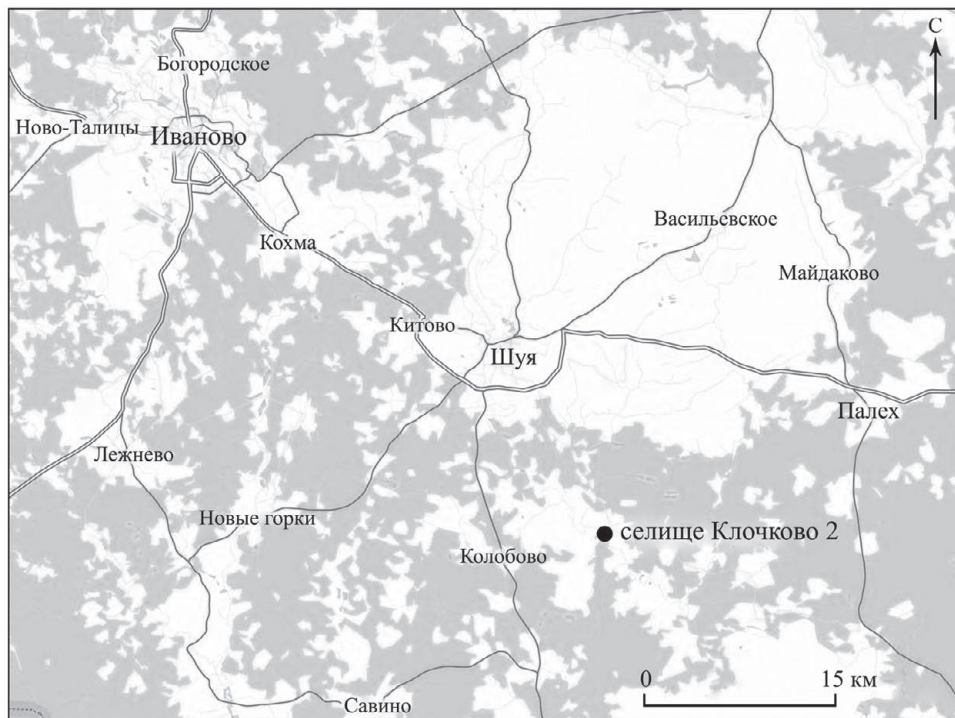

Рис. 1. Расположение селища Ключково 2

связанными с торговлей, престижным потреблением и ремеслом (Макаров, Федорина, 2015), но отличается сравнительно малой площадью.

За десять полевых сезонов раскопками исследовано более 2000 кв. м площади селища, собрана вещевая коллекция, насчитывающая 1731 предмет (табл. 1). Изделия из железа составляют первую по численности группу находок. Всего при исследованиях собран 771 железный предмет (около 44,5 % от всей вещевой коллекции) (табл. 1; 2), большая часть вещей происходит из распаханной части культурного слоя.

Описание находок из черного металла дается по группам, в соответствии с их функциональным назначением.

В группу инструментов, отражающих существование на селище различных видов ремесленной деятельности, включено семь находок: два кочедыка, две стамески, уторник (применялся в бондарном производстве) и два зубила. Оба найденных на селище зубила предназначены для холодной обработки металла. Они представляют собой стержни прямоугольного сечения высотой 4 и 8 см, ширина лезвий зубил составляет 0,7 см.

Орудий сельскохозяйственного производства на селище обнаружено всего четыре: обломок серпа шириной 1,1 см; фрагмент косы, ширина лезвия – 3,5 см; два обломка наконечников пахотных орудий с узкой рабочей частью.

Таблица 1. Состав вещевой коллекции селища Ключково 2

Материал	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2014	2015	Всего	%
черный металл	51	47	129	119	89	105	84	39	62	46	771	44,5
стекло	3	5	9	8	16	5	12	4	12	4	78	4,5
цветной металл	20	31	53	61	55	111	101	39	95	50	616	35,6
камень	11	2	21	8	3	10	4	3	5	2	69	4,0
керамика	20	30	33	16	16	10	13	5	3	2	148	8,6
кость	1	7	17	7	2	2	5		7	1	49	2,8
Итого	106	122	262	219	181	243	219	90	184	105	1731	100

Таблица 2. Состав коллекции из черного металла селища Ключково 2

Группа находок	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2014	2015	Всего	% *
спец. инструментарий				3	1	1	2				7	0,9
универсальн. инструментарий	11	4	19	22	13	5	12	8	11	22	127	16,5
с/х орудия					1		1		2		4	0,5
рыболовные орудия		1	8	4	3	5	3	1	4	5	34	4,4
предметы вооружения	4	1	6	2		1	2		2	8	26	3,4
снаряжение коня и всадника			1	3	1	5		1	1	2	14	1,8
торговый инвентарь				1				1			2	0,3
хозяйств. и домашний инвентарь	12	6	47	42	47	63	33	17	18	2	287	37,2
поковки	4	6			2	2		2	1	2	19	2,5
неопределимые предм.	20	29	48	42	21	23	31	9	23	5	251	32,5

* – % от их общего числа (см. табл. 1)

Наиболее многочисленны в коллекции ножи – 127 экз. Все ножи имели черенок для насаживания рукояти. По характеру перехода от черенка к клинку выделяются две группы: ножи с уступом со стороны спинки (37 экз.) и ножи без уступа со стороны спинки (18 экз.). Значительная часть ножей представляет собой типологически неопределимые обломки (72 экз.). В одном случае удалось установить факт изготовления рукояти ножа из рога, в остальных случаях материал рукоятей неясен. Ближняя к клинку часть рукояти еще одного ножа укреплялась путем обмотки бронзовой проволокой. Подобная конструкция рукояти зафиксирована на ножах из погр. 4 и 9 могильника Минино II (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 18). Измерение целых экземпляров клочковских ножей показало, что длина орудий колебалась от 5,7 до 12,3 см, составляя в среднем 9–11 см.

Топоры представлены 15 фрагментами и двумя железными клиньями.

Найденные на селище иглы (25 экз.) не поддаются классификации, поскольку отсутствует ушко.

Железные шилья (34 экз.) делятся на две группы: 1) с ромбическим и подквадратным сечением (19 экз.); длина целых инструментов составляет от 5,8 до 13 см; 2) круглого сечения (15 экз.).

Орудия рыболовного промысла представлены железными рыболовными крючками (34 экз.). В коллекцию входят четыре типа крючков (по Е. В. Салминой) (Салмина, 1994). Наиболее многочисленны крючки от удилиц, отличающиеся небольшими размерами (17 экз.), диаметр изгиба таких крючков не превышает 1 см; насадные крючки применялись для снастей типа донок и закидушек (14 экз.). Единичными находками представлены крючки для ловли на живца и для перемета (3 экз.).

Группа предметов вооружения и охотничьего снаряжения включает 23 наконечника стрел и один наконечник дротика. Почти все они укладываются в типологическую схему А. Ф. Медведева (Медведев, 1966). В коллекции отсутствуют втульчатые наконечники. Среди черешковых преобладают стрелы следующих типов (по А. Ф. Медведеву): 46 – с ромбовидным пером («новгородский») (14 экз.); 63 – лавроволистные (3 экз.); 29 – двушипные без упора (2 экз.); единичными экземплярами представлены типы: 100 (бронзобойный долотовитный, 1 экз.), 48 (ромбический с упором, 1 экз.) и 78 (ланцетовидный ромбического сечения, 1 экз.). Наконечник сулицы из коллекции селища Клочково 2 имеет перо ромбической формы, линзовидное в сечении, с расширением в нижней трети, без упора, длина проникателя – 5 см, ширина – 2,5 см, длина черешка – 7,2 см. По форме пера сулица занимает промежуточное положение между типами III и IV (по классификации А. Н. Кирпичникова), к которым относится основная масса древнерусских сулиц. По мнению А. Н. Кирпичникова, подобные дротики предназначались скорее для охоты, чем для военных целей (Кирпичников, 1966. С. 23). Присутствие в Клочково профессиональных воинов помимо бронзобойных наконечников стрел удостоверяют находки кольчужных колец.

Торговый инвентарь представлен двумя гирьками бочонковидной формы (одна с рисунком-гравировкой с торцевых сторон), относящихся к числу стандартных изделий, встречающихся на всей территории Древней Руси. На селище Минино I похожая гирька была обнаружена вблизи жилого дома, существовавшего в конце X – XI в. (Археология севернорусской деревни..., 2008. С. 31).

В группу хозяйственного и домашнего инвентаря включено 287 предметов. Большая часть приходится на долю строительного крепежных изделий (в основном гвоздей и скоб). Кроме того, в коллекции селища присутствуют три калачевидных кресала с язычком, фрагмент фитильной трубки, ушки котлов и ведер (3 экз.), обрывки цепей, ключ и замок типа А (2 экз.).

Около трети всех находок из черного металла – предметы неясного назначения, обломки различных стержней и пластин.

Коллекция кузнечных изделий Ключковского селища была изучена металлографически. Всего лабораторным исследованиям подвергнуто 58 предметов (табл. 3; 4). В выборку включено несколько видов изделий (табл. 3; 4; рис. 2; 3): ножи, сельскохозяйственные орудия, наконечники стрел, кольчужные кольца и др.

В общей массе образцов преобладают изделия, изготовленные без использования технологической сварки. Такие схемы изготовления объединяются в группу I (*Завьялов и др.*, 2007. С. 10; *Розанова, Терехова*, 2007. С. 35). Схемы, основанные на технологической сварке, объединяются в группу II (*Завьялов и др.*, 2007. С. 10).

Исследовательским коллективом Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН выявлены северо-европейский и восточно-европейский варианты трехслойного пакета (*Завьялов и др.*, 2009а. С. 115), определяемые по используемому при производстве сырью. В. И. Завьялов, Л. С. Розанова и Н. Н. Терехова сформулировали основные характеристики вариантов трехслойной схемы следующим образом: «Отличительная черта северо-европейского варианта – использование для боковых полос фосфористого железа, а для центральной полосы – высокоуглеродистой стали. При изготовлении трехслойных ножей по восточно-европейскому варианту наблюдаются определенные отступления от стандарта: использование или обычного железа, или сырцово-стали, или сварка пакета из однородного материала» (*Завьялов и др.*, 2012. С. 18).

При изучении материалов селища Ключково 2 зафиксировано 9 схем, использовавшихся при изготовлении предметов из железа и стали (табл. 4):

I – ковка целиком из кричного железа (18 экз.);

II – ковка целиком из стали (14 экз., 3 термообработанных);

III – цементация изделия (2 экз., 1 со следами термообработки);

IV – ковка из металлолома (1 экз.);

V – северо-европейский вариант трехслойного пакета (5 экз., 3 со следами термообработки);

VI – восточно-европейский вариант трехслойного пакета (9 экз., 5 термообработанных);

VII – наварка разных видов (5 экз., 2 термообработанных);

VIII – пакетирование (3 экз., 1 термообработанный);

IX – сварка из двух полос металла (1 экз., термообработанный).

Выделение в выборке качественных изделий (28 экз.) – ножей и серпов – дает совершенно иное соотношение схем. При изготовлении качественных орудий ассортимент технологических схем ограничивается семью:

I – ковка целиком из кричного железа (5 экз.);

II – ковка целиком из стали (2 экз., 1 термообработанный);

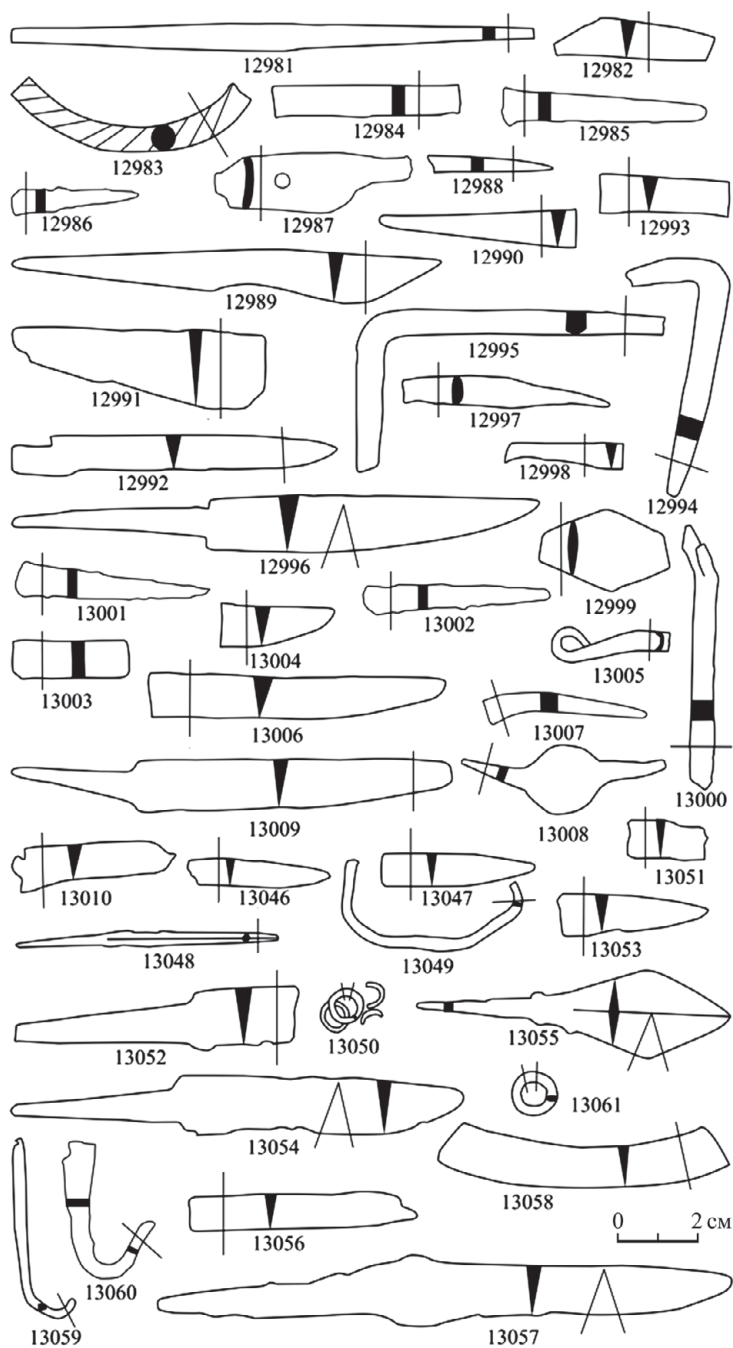

Рис. 2. Селища Ключково 2.
Предметы из черного металла, исследованные методом металлографии:
внешний вид с указанием места взятия образца

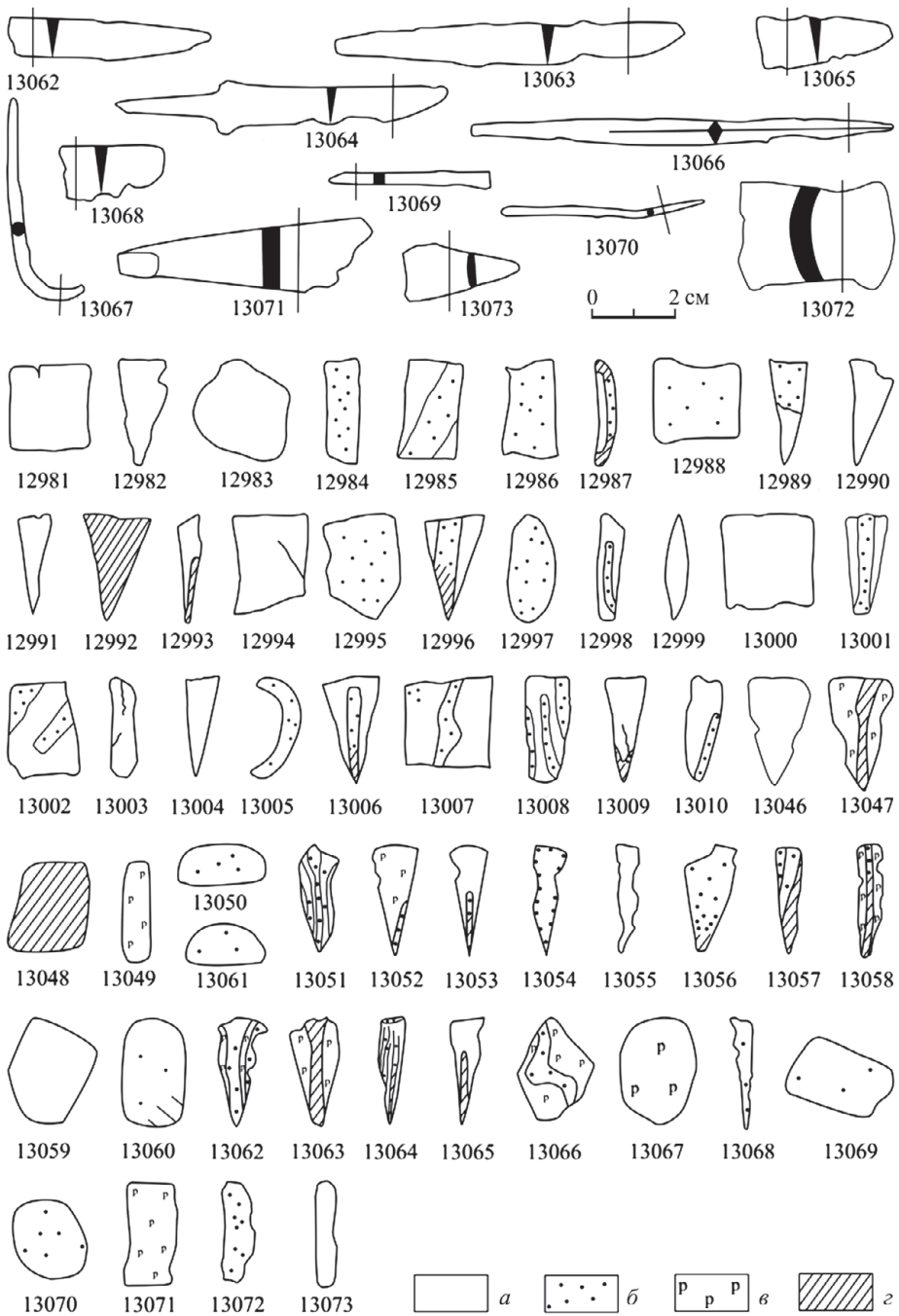

Рис. 3. Селище Ключково 2. Предметы из черного металла, исследованные методом металлографии: внешний вид с указанием места взятия образца; технология изготовления (а – железо; б – сталь; в – фосфористое железо; г – термообработанная сталь)

Таблица 3. Предметы из черного металла селища Ключково 2, изученные методом металлографии

Лабораторный номер	Наименование предмета	Полевой паспорт/ обстоятельства находки
12981	Шило	2014, Р. 3, кв. 31/-20
12982	Нож	2014, Р. 3, кв. 3/-20
12983	Кольцо	2014, Р. 3, кв. 6/-15
12984	Пластина	2014, Траншея/-18
12985	Черенок ножа	2014, около Р. 3, п.м.
12986	Черенок ножа	2014, Р. 1, кв. 5/-19
12987	Изделие	2014, Р. 1, кв. 2/-17
12988	Шило	2014, Р. 3, кв. 17/-19
12989	Нож	2014, Р. 3, кв. 4/-23
12990	Нож	2014, Шурф 10/0,-20
12991	Коса/серп (?)	2014, Р. 3, кв. 9/-19
12992	Нож	2014, Траншея/ниже -30
12993	Нож	2014, Р. 3, кв. 1/-12
12994	Костыль	2014, яма, кв. 18/-60
12995	Скоба	2014, Р. 3, кв. 6/-9
12996	Нож	2014, Р. 3, кв. 33/-78
12997	Изделие	2014, Р. 3, кв. 30/-76
12998	Нож	2014, Р. 3, кв. 1/-27
12999	Наконечник стрелы	2014, Р. 3, кв. 6/-10
13000	Свинец	2014, Р. 3, кв. 21/-5
13001	Черенок ножа	2014, Р. 3, кв. 23/-30
13002	Черенок ножа	2014, Р. 3, кв. 13/-24
13003	Пластина металлическая	2014, Р. 3, кв. 20/-25
13004	Нож	2014, Р. 3, кв. 14/-26
13005	Фитильная трубка	2014, Р. 3, кв. 2/-37
13006	Нож	2014, Р. 3, кв. 16/-80
13007	Изделие	2014, Р. 3, кв. 19/-17
13008	Скоба лодочная	2014, Р. 3, кв. 18/-45
13009	Нож	2014, Р. 3, кв. 11/бровка
13010	Нож (?)	2014, Р. 3, кв. 11/бровка
13046	Нож	2014, Р. 2, кв. 7/-5
13047	Нож	2014, Р. 2, кв. 7/-5
13048	Шило	2014, Р. 1, кв. 7/яма 2, -56
13049	Скоба	2014, Р. 1, кв. 2/-17
13050	Кольчужное кольцо	2014, Р. 2, кв. 15/-20
13051	Нож	2014, Р. 1, кв. 7/-31
13052	Нож	2014, Р. 1, кв. 5/-5
13053	Нож	2014, Р. 3, кв. 14/-5
13054	Нож	2014, Р. 1, кв. 18/-25
13055	Наконечник стрелы	2014, Р. 2, кв. 28/-27
13056	Нож	2014, Р. 2, кв. 28/-26
13057	Нож	2014, Р. 2, кв. 3/-30
13058	Серп (фрагмент)	2014, Р. 2, кв. 22/-20
13059	Крючок рыболовный	2014, Р. 1, кв. 7/-19
13060	Крючок рыболовный	2014, Р. 2, кв. 29/-17

Окончание таблицы 3

Лабораторный номер	Наименование предмета	Полевой паспорт/ обстоятельства находки
13061	Кольчужное кольцо	2014, Р. 1, кв. 14/-25
13062	Нож	2014, Р.1, кв. 7/яма 2, -58
13063	Нож	2014, Р. 2, кв. 1/-26
13064	Нож	2014, Р. 1, кв. 3/-39
13065	Нож	2014, Р. 2, кв. 16/-20
13066	Шило	2014, Р. 2, кв. 10/-25
13067	Крючок рыболовный	2014, Р. 2, кв. 14/-25
13068	Нож	2014, Р. 1, кв. 16, -28
13069	Шило	2014, Р. 1, кв. 7/-5
13070	Игла	2014, Р. 1, кв. 2/яма 1, -55
13071	Насад косы	2014, Р. 2, кв. 2/-7
13072	Сошник	2014, Р. 2, кв. 23/-18
13073	Наконечник стрелы (фрагмент)	2014, Р. 1, кв. 7/-7

Таблица 4. Распределение изученных методом металлографии предметов из черного металла селища Клочково 2 по технологическим схемам

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Всего
Ножи	4	2 (1)	2 (1)		3(2)	8 (5)	5 (2)	2 (1)		26 (12)
Шилья	2	2 (1)			1					5 (1)
Кольца	1									1
Пластина		1								1
Черенки ножей		1		1						2
Изделия неизв. назн.	1	1				1			1(1)	4 (1)
Коса/серб (ф-т)	1									1
Костыль	1									1
Скоба	1	1								2
Наконечник стрелы	3									3
Свинец	1									1
Фитильная трубка		1								1
Лодочная скоба								1		1
Кольчужное кольцо		2								2
Серб					1(1)					1 (1)
Рыболовные крючки	2	1 (1)								3 (1)
Игла		1								1
Насад косы	1									1
Сошник		1								1
Всего	18	14 (3)	2 (1)	1	5 (3)	9 (5)	5 (2)	3 (1)	1(1)	58 (16)

Примечания: I – целиком из кричного железа; II – целиком из стали; III – цементация; IV – из металлолома; V – североευропейский вариант трехслойного пакета; VI – восточноевропейский вариант трехслойного пакета; VII – наварка; VIII – пакетирование; IX – из двух полос металла; в скобках отмечено количество термообработанных изделий

III – цементация изделия (2 экз., 1 со следами термообработки);

V – североευропейский вариант трехслойного пакета (4 экз., 3 со следами термообработки);

VI – восточноевропейский вариант трехслойного пакета (8 экз., 5 термообработанных);

VII – наварка разных видов (5 экз., 2 термообработанных изделия);

VIII – пакетирование (2 экз., 1 термообработанный).

Преобладают схемы группы II, основанные на технологической сварке (19 экз.) схемы группы I прослежены на 9 образцах. Наиболее представительна группа предметов, выполненных по схеме трехслойного пакета.

На основании полученных лабораторных данных выявлены разные формы этнокультурных взаимодействий¹, проявившиеся в археологическом материале селища Клочково 2.

Распространение на Севере Руси предметов, выполненных в североευропейском варианте трехслойной схемы, уже традиционно связывают с деятельностью скандинавов (*Завьялов и др.*, 2009а; 2012). Характер этнокультурных взаимодействий, в числе прочего, находит отражение в некоторых характеристиках кузнечных изделий. Не является исключением коллекция селища Клочково.

Так, трехслойный нож с прямой спинкой (рис. 3: *ан. 13063*) изготовлен из фосфористого железа и углеродистой стали. Сочетание местной формы изделия и инновационной технологии указывает на то, что предмет был изготовлен с учетом предпочтений населения, но по привычной для мастера технологии. Вероятно, вещь относится к наиболее раннему периоду функционирования поселения.

В коллекции селища среди трехслойных изделий доминируют в количественном отношении вещи, маркирующие восточноевропейский вариант этой схемы (рис. 2 и 3: *ан. 12985, 12996, 12998, 13001, 13006, 13053, 13057, 13065*). Использование материала, отличного от фосфористого железа и углеродистой стали, может указывать на усвоение инновационных технологий местными мастерами. Нож древнерусского облика с двумя уступами при переходе от клинка к черенку и широким лезвием (рис. 2 и 3: *ан. 12996*) изготовлен из трех полос металла, но боковые полосы выполнены из обычного среднетвердого и мягкого железа. Мастером воспроизведена сложная технология.

Археологические материалы документируют не только распространение североευропейских технологических идей, но и «новые веяния», имевшие место в кузнечном производстве Руси в XI–XII вв. В коллекции представлен нож (рис. 2 и 3: *ан. 12989*) «финского» облика (с прямой спинкой), изготовленный по схеме наварки лезвия. Примечательно, что на основу из чрезвычайно мягкой сырцової стали наварена полоса (лезвие) из кричного железа, отличающегося несколько более высокой твердостью. Возможно, такое конструктивное решение было «творческим ходом» мастера, ограниченного в сырье.

В целом количество орудий с наваренным лезвием в рассматриваемой коллекции невелико – 5 экз. (рис. 3: *ан. 12989, 12993, 13009, 13010, 13052*). Этот

¹ О признаках разных форм этнокультурных контактов в сфере кузнечного ремесла см.: (*Завьялов и др.* 2009а; 2009б. С. 9).

показатель характеризует начавшийся с рубежа XI–XII вв. процесс распространения схемы наварки в кузнечном производстве (*Терехова и др.*, 1997. С. 284; *Завьялов и др.*, 2012. С. 228–230; *Щербаков*, 2014).

Относительно происхождения изделий из железа и стали, найденных на селище Ключково 2, приведем несколько наблюдений. При раскопках найдены фрагмент крицы, шлаки, два зубила для холодной (слесарной) обработки металла, что указывает на занятие жителей поселения металлургией железа и, возможно, его обработкой. Многопрофильность металлургических мастерских для несколько более позднего времени на материалах селищ Куликова Поля отметил А. Н. Наумов (*Наумов*, 2004. С. 15; 2008. С. 44, 45). Исследователи неоднократно высказывали мнение, что производство металла должно было сопровождаться его обработкой (*Никитин*, 1971. С. 20; *Успенская*, 1959. С. 121, 122; *Pleiner*, 2006. P. 169).

В качестве одного из признаков обработки металла рассматриваются находки металлического лома на средневековых памятниках. На селище Ключково 2 найдены обломки железных изделий, в проанализированной выборке представлен черенок ножа, откованный из вторичного металла (рис. 3: *ан. 13002*), что в масштабах выборки (58 предм.) приходится признать несущественным. Серии вещей из металлолома на селище Ключково 2 не выявлено. Таким образом, даже если предположить, что на селище производилась не только варка железа, но и его переработка, придется признать, что объемы ее были чрезвычайно малы.

Ключковская коллекция изделий из черного металла неоднородна. На это указывает простое распределение изделий, в конструкции которых использовано кричное железо, по показателю микротвердости феррита² (рис. 4: *а*). Предметы делятся на группы, отличающиеся твердостью железа. Такая группировка может указывать на разные источники поступления изделий из черного металла в хозяйство местного населения. Интересно, что похожее распределение демонстрируют материалы XII–XIII вв. курганных могильников Костромского Поволжья (рис. 4: *б*)³ и железные предметы XI–XII вв. из коллекции селища Введенское в Ярославском Поволжье (*Завьялов и др.*, 2012. С. 190–231). Как известно, выше селища Ключково 2 по течению р. Тезы расположен синхронный ему и курганному могильнику Ключково и близкий им по облику инвентаря Семухинский курганный могильник, который (наряду с Вознесенским курганным могильником) считается памятником, возникшим на пути проникновения древнерусского населения из Ростово-Суздальской земли в Костромское Поволжье (*Рябинин*, 1986. С. 102, 103).

Сравнение коллекции кузнечных изделий Ключково 2 с материалами X – начала XII в. селища Гнездилово 2 в Суздальском Ополе (*Завьялов и др.*, 2012. С. 190–231) возможно по одной категории находок – ножам. Заметно, что в восточной части Волго-Клязьминского междуречья выше (чем в Суздальском Ополе) доля ножей, изготовленных без использования технологической сварки, реже фиксируется североевропейский вариант трехслойного пакета. Очевиден периферийный характер селища Ключково 2, удаленного от развитых центров

² С методикой учета микротвердости феррита автора ознакомил д. и. н. В. И. Завьялов.

³ Аналитические данные В. Л. Щербакова.

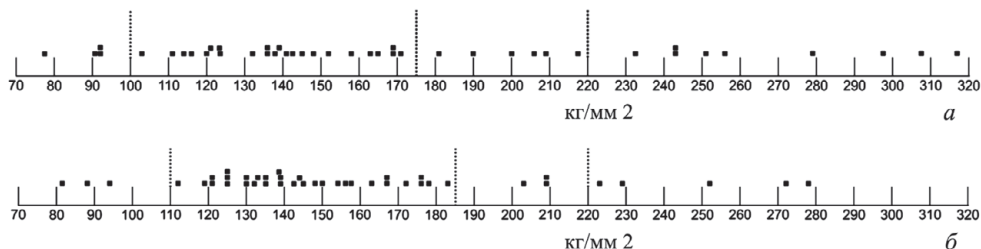

Рис. 4. Микротвердость феррита на графике

a – образцы из коллекции селища Ключково 2; *б* – образцы из коллекции Костромских курганов

ремесла и торговли. Это, свою очередь, объясняет технологическую «пестроту» изученной коллекции, в которой изделия, сложные и трудоемкие с точки зрения конструкции, соседствуют с технологически более простыми предметами, возможно, демонстрирующими стойкость местных финно-угорских производственных традиций⁴. Кроме того, представляется возможным констатировать неспециализированный характер и невысокую культуру производства мастерских, обеспечивавших население селища Ключково 2 кузнечной продукцией.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР. Археологическая карта России: Ивановская область, 1993. М.: ИА РАН. 226 с.
- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред.: Н. А. Макаров, С. Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2009а. Археометаллография в решении культурно-исторических проблем // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 112–116.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2009б. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 181 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI веков // КСИА. Вып. 238. С. 115–131; цв. вкл.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука. 182 с. (САИ; вып. Е1-60.)
- Наумов А. Н., 2004. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XIV в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 16 с.

⁴ Подробнее про финно-угорские традиции в кузнечном ремесле см.: (Завьялов и др., 2009б).

- Наумов А. Н.*, 2008. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV в. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 205 с.
- Несмиян О. А.*, 2005. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2005 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2006. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2006 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2007. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2007 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2008. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2008 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2009. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2009 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2010. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2010 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2011. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2011 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2012. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2012 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2014. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2014 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А.*, 2015. Отчет о результатах археологического исследования Клочковского селища II в Шуйском районе Ивановской области в 2015 году // Архив ИА РАН.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2008. Вещевой комплекс селища Клочково 2 в Шуйском районе Ивановской области (по материалам раскопок 2007 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 67–74.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2012. Изделия из цветного металла из коллекции Клочковского селища II // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 101–110.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2017а. Изделия из кости из внешней коллекции Клочковского селища II в Ивановской области // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 193–198.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2017б. Керамический комплекс Клочковского селища II в Ивановской области // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 199–206.
- Никитин А. В.*, 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука. 84 с. (САИ; вып. Е1-34.)
- Розанова Л. С., Терехова Н. Н.*, 2007. Кузнечное ремесло на сельских поселениях Подмосковья (по материалам селища Мякинино 1) // АП. Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Энгватова. М.: ИА РАН. С. 31–44.
- Рябинин Е. А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Салмина Е. В.*, 1994. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков; М.: ИА РАН. С. 165–169.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М.*, 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия. 319 с.
- Успенская А. В.*, 1959. Металлическое производство по материалам древнерусских селищ // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 105–122.
- Щербяков В. Л.*, 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополя) // РА. № 1. С. 32–39.
- Pleiner R.*, 2006. Iron in Archaeology. Early European Blacksmiths. Praha: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. 389 p.

Сведения об авторах

Несмиян Ольга Альбертовна, Некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция», ул. Свердлова, 117А, Шуя, 155900, Ивановская область, Россия; e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Щербаков Виталий Леонидович, Автономная некоммерческая организация «Центр историко-культурных исследований и проектирования», ул. Колхозная, 1, село Шунга, 156554, Костромская область, Россия; e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru

O. A. Nesmiyan, V. L. Shcherbakov

IRON AND STEEL ARTIFACTS
FROM THE KLOCHKOVO 2 COLLECTION

Abstract. The paper reports on the collection of items made from ferrous metal discovered during excavations of Klochkovo 2 unfortified settlement. The site is located in the Ivanovo region and dates to the second half of the 10th–12th centuries. In order to provide comprehensive characteristics of the blacksmiths items, a number of research tasks were addressed such as quantitative and morphological analyses of the finds; laboratory study of the artifacts with the use of the method of archaeological metallography. The paper presents results used to describe characteristics of the collection containing black metal items from the Klochkovo 2 settlement from the point of view of categorical components, production technology and identifies specific features of workshops that supplied blacksmiths products to the local population.

Keywords: archaeology, medieval period, unfortified settlement, blacksmiths production.

REFERENCES

- AKR. Ivanovskaya oblast' [AKR. Ivanovo region]. Moscow: IA RAN, 1993. 226 p.
- Arkeologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskoy ozere [Archaeology of North Russian village of X–XIII centuries: medieval settlements and cemeteries on Kubenskoye lake], 2. Material'naya kul'tura i khronologiya [Material culture and chronology]. N. A. Makarov, S. D. Zakharov, eds. Moscow: Nauka, 2008. 365 p.
- Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoye oruzhiye [Ancient Russian weapons], 2. Kop'ya, sulitsy, boyevyye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. [Spears, javelins, battle axes, maces, bludgeons of IX–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 181 p. (SAI.)
- Makarov N. A., Fedorina A. N., 2015. Fenomen «bol'shikh poseleniy» Severo-Vostochnoy Rusi X–XI vekov [Phenomenon of «large settlements» in North-Eastern Rus in the 10th and 11th centuries]. *KSIA*, 238, pp. 115–131, ill.
- Medvedev A. F., 1966. Ruchnoye metatel'noye oruzhiye. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv. [Hand-held throwing weapons. Bow and arrows, crossbow of VIII–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 182 p. (SAI.)
- Naumov A. N., 2004. Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamyatnikakh Kulikova Polya v kontse XII – seredine XIV vv.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ferrous metallurgy and ironworking at rural sites of Kulikovo Field in late XII – mid XIV cc.: PhD Thesis. Abstract]. Moscow. 16 p.
- Naumov A. N., 2008. Chernaya metallurgiya i zhelezoobrabotka na sel'skikh pamyatnikakh Kulikova polya v kontse XII – tret'yey chetverti XIV vv. [Ferrous metallurgy and ironworking at rural sites of Kulikovo Field in late XII – third quarter of XIV cc.]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 205 p.

- Nesmiyan O. A., 2005. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2005 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2005]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2006. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2006 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2006]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2007. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2007 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2007]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2008. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2008 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2008]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2009. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2009 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2009]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2010. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2010 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2010]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2011. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2011 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2011]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2012. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2012 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2012]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2014. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2014 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2014]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., 2015. Otchet o rezul'tatakh arkhelogicheskogo issledovaniya Klochkovskogo selishcha II v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti v 2015 godu [Report on results of archaeological investigation of Klochkovo II open settlement in Shuya district, Ivanovo region in 2015]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., 2008. Veshchevoy kompleks selishcha Klochkovo 2 v Shuyskom rayone Ivanovskoy oblasti (po materialam raspokop 2007 g.) [Artifacts complex of Klochkovo 2 open settlement in Shuya district, Ivanovo region (based on materials of 2007 excavations)]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 2. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 67–74.
- Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., 2012. Izdeliya iz tsvetnogo metalla iz kollektzii Klochkovskogo selishcha II [Artifacts of non-ferrous metal from collection of Klochkovo II open settlement]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 4. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 101–110.
- Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., 2017a. Izdeliya iz kosti iz veshchevoy kollektzii Klochkovskogo selishcha II v Ivanovskoy oblasti [Items of bone from artifacts collection of Klochkovo II open settlement in Ivanovo region]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 7. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 193–198.
- Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G., 2017b. Keramicheskii kompleks Klochkovskogo selishcha II v Ivanovskoy oblasti [Ceramic complex of Klochkovo II open settlement in Ivanovo region].

- Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]*, 7. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN, pp. 199–206.
- Nikitin A. V., 1971. Russkoye kuznechnoye remeslo XVI–XVII vv. [Russian blacksmith's craft of XVI–XVII cc.]. Moscow: Nauka. 84 p. (SAI.)
- Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2007. Kuznechnoye remeslo na sel'skikh poseleniyakh Podmoskov'ya (po materialam selishcha Myakinino 1) [Blacksmith's craft at rural settlements of Moscow region (based on materials of Myakinino 1 open settlement)]. *AP*, 3. Moscow: IA RAN, pp. 31–44.
- Ryabinin E. A., 1986. Kostromskoye Povolzh'ye v epokhu srednevekov'ya [Kostroma Volga region in Middle Ages]. Leningrad: Nauka. 160 p.
- Salmina E. V., 1994. Rybolovnyy inventar' iz raskopok v Pskove (klassifikatsiya nakhodok i sposobov lovli) [Fishing equipment from excavations in Pskov (classification of finds and methods of fishing)]. *Arkheologicheskoye izucheniye Pskova [Archaeological research in Pskov]*, 2. Pskov; Moscow: IA RAN, pp. 165–169.
- Shcherbakov V. L., 2014. O tekhnologii drevnerusskikh kuznechnykh izdeliy (po materialam selishch Suzdal'skogo Opol'ya) [On the technology of Ancient Russian forged pieces (based on the materials from ancient settlements in Suzdal Opolye)]. *RA*, 1, pp. 32–39.
- Terekhova N. N., Rozanova L. S., Zav'yalov V. I., Tolmacheva M. M., 1997. Ocherki po istorii drevney zhelezoobrabotki v Vostochnoy Evrope [Essays on history of ancient ironworking in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgiya. 319 p.
- Uspenskaya A. V., 1959. Metallicheskiye proizvodstvo po materialam drevnerusskikh selishch [Metal production based on materials of Ancient Russia open settlements]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Essays on history of Russian village, X–XIII cc.]*. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 105–122.
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2007. Russkoye kuznechnoye remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Russian blacksmith's craft in Golden Horde period and epoch of Muscovite state]. Moscow: Znak. 280 p.
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2009a. Arkheometallografiya v reshenii kul'turno-istoricheskikh problem [Archaeometallography for solving cultural and historical problems]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural sciences]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 112–116.
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2009b. Istoriya kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ya i Predural'ya: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeystviy [History of blacksmith's craft of Finno-Ugric peoples of Volga region and Cis-Urals: On issue of ethno-cultural interactions]. Moscow: Znak. 264 p.
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2012. Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoy kul'ture Severnoy Rusi [Traditions and innovations in production culture of Northern Rus]. Moscow: Ankil. 376 p.

About the authors

Nesmiyan O'ga A., Non-profit partnership «Shuya archaeological expedition», ul. Sverdlova, 117A, Shuya, 155900, Ivanovo region, Russian Federation; e-mail: nesmiyn@yandex.ru;

Shcherbakov Vitaliy L., Autonomous non-profit organization «Center for historical and cultural research and design», ul. Kolkhoz'naya, 1, selo Shunga, Kostroma district and region, Russian Federation; e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии. Махачкала
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы. Махачкала
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СКАЭ ИА АН СССР – Северокавказская экспедиция ИА АН СССР
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад

- AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
- AJA – American Journal of Archaeology
- AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]. Moscow
- AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
- AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
- AO – Arkheologicheskkiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
- AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
- APO – Arkheologicheskkiye pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites in Orenburg region]
- ASGE – Arkheologicheskiiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
- AV – Arkheologicheskkiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
- BRE – Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]
- CIRB – Corpus... Bosporani. Moscow; Leningrad, 1965.
- DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyского [Antiquities of Bosphorus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosphorus]. Moscow: IA RAN
- DNC RAS – Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN [Dagestan scientific centre RAS]
- GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
- GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
- IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
- IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
- IAK – Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
- IANANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
- IIAE – Institut istorii, arkheologii i etnografii [Institute of History, archaeology and ethnography]. Makhachkala
- IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
- IYaL – Institut istorii, yazyka i literatury [Institute of History, language and literature]. Makhachkala
- KGIAMZ – Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskiiy muzey-zapovednik [Krasnodar state historical-archaeological museum-reserve]
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
- LGPN – Lexicon of Greek Personal Names. I–Vc vols. Oxford. 1987–2016.
- MAE RAN – Muзей antropologii i etnografii RAN im. Petra Velikogo (Kunstkamera) [Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkammer); St. Petersburg
- MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
- OJA – Oxford Journal of Archaeology
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk.
- PSRL – Polnoye sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow

RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavianskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SKAE IA AN SSSR – Severokavkazskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya IA AN SSSR [North Caucasus archaeological expedition, Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow

Журнал «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из:

- а) основного текста,
- б) списка литературы (см. п. 10),
- в) списка подрисуночных подписей,
- г) резюме и ключевых слов (см. п. 11),
- д) списка сокращений,
- е) таблиц (см. п. 8),
- ж) иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7),
- з) сведений об авторе (авторах; см п. 12).

Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. Допускается увеличение количества иллюстраций, компенсированное уменьшением объема текста. В объем рукописи включается все составные части статьи, перечисленные в п. 3 (а-е). Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте следует сопровождать необходимыми пояснениями.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике.

Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь тематический заголовок и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений.

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей

Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора книги, а после места издания – издательство. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита.

Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Седов В. В., 1979б. ...

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // *Antiquity*. Vol. 53. P. 6–22.

Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // *Sourcebook of Palaeolithic Transitions:*

Methods, Theories, and Interpretations / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Седов*, 1979. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте (Hrd. IV, 119) и в список литературы не включаются.

11. К статье прилагается список ключевых слов (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Текст резюме должен быть структурирован следующим образом: постановка проблемы, цель и задача статьи, применяемые методы, результаты, выводы. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (Abstract) и ключевых слов (Keywords).

12. К статье прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса и полного названия учреждения — места работы, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 258

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
фрагмент аггического рыбного блюда из Фанагории
(к статье А. А. Завойкина и М. С. Чашук)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 02.03.2020. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 30,96. Уч.-изд. л. 30. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru